Н. П. КАРАБЧЕВСКІЙ

ОКОЛО ПРАВОСУДІЯ.

Статьи, сообщенія и судебные очерки.

282
41

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1902.

Большинство вошедшихъ въ эту книгу статей были въ свое время напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; иныя—безъ имени автора. Не смотря на всю кажущуюся пестроту и случайность матеріала, собраннаго въ книгѣ, заглавіе ея до извѣстной степени обнимаетъ содержаніе.

Профессія адвоката на протяженіи десятковъ лѣтъ держала меня „около правосудія" и приводила въ столкновеніе съ явленіями характера юридическаго. Бѣглые, разсѣянные отголоски вынесенныхъ мною въ этой сферѣ впечатлѣній и составляютъ содержаніе книги. Все это обыкновенно теряется безслѣдно, такъ какъ само по себѣ слишкомъ мелко и преходяще, для того чтобы заноситься на страницы исторіи. А между тѣмъ и въ судебномъ прошломъ есть дѣла и лица, которыя должны быть на памяти у всѣхъ.

Простой попыткой закрѣпить въ печати слѣдъ нѣкоторыхъ судебныхъ явленій и впечатлѣній является эта книга.

Ник. Карабчевскій.

Январь 1902 г.
Спб.

Библиотека ООН
Академии наук СССР

Какъ я сталъ адвокатомъ.

Черноволосый красавецъ П—нъ, мой товарищъ по университетскому выпуску, давно уже успѣлъ приписаться помощникомъ „къ самому“ Спасовичу, поселился на Литейной и съ огромнымъ, окованнымъ по угламъ мѣдью, портфелемъ (невѣдомо чѣмъ набитымъ, но набитымъ очень туго) каждый день исправно „козырялъ“ въ „Зданіе судебныхъ установленій“, сильно налегая на каблукъ и живописно размахивая, по своей привычкѣ, правою свободною рукою.

Я все еще оставался „не у дѣлъ“, хотя со времени выпуска прошло уже лѣто, была осень и надвигался ноябрь. Я медлилъ принять то или другое рѣшеніе относительно своей дальнѣйшей судьбы. Меня томило не то раздумье, не то смущалъ какой-то страхъ. „Неужели такъ-таки и покончить навсегда со своей свободою, съ сладкимъ сознаніемъ, что ничто еще не рѣшено, что выборъ еще не сдѣланъ и что можно повернуть еще въ сторону?“

„Но въ какую?“—въ этомъ и былъ мучительный, гамлетовскій вопросъ.

Одно было для меня ясно, что на государственную службу я не поступлю. Какъ юристу мнѣ могла предстоять лишь судебная карьера, а незадолго передъ тѣмъ въ университетѣ было вывѣшано объявленіе о томъ, что лица, желающія поступить на службу по

министерству юстиціи, должны имѣть отъ университета особое удостовѣреніе о своей неподсудности университетскому суду и вообще о своей благонадежности.

Будучи еще на первомъ курсѣ естественнаго факультета въ С.-ПБ. университетѣ въ 1869 году, я за участіе въ „университетскихъ безпорядкахъ“ былъ судимъ въ числѣ другихъ студентовъ университетскимъ судомъ (блаженной памяти!) и „по молодости лѣтъ“,—какъ пояснилъ мнѣ тогда же предсѣдатель этого суда, почтеннѣйшій И. Е. Андреевскій,—отбылъ лишь трехнедѣльный арестъ въ самомъ зданіи университета. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому событію, удостовѣренія о своей благонадежности я не могъ бы получить.

Но меня и не тянуло на государственную службу. Мысль о томъ, что и я для чего-то могу быть „тамъ“ нуженъ, казалась мнѣ попросту праздной и фантастичной. Государственная служба мнѣ всегда представлялась чѣмъ-то, разъ и навсегда „по штату“ уже заполненнымъ, куда можно только „сверхъ комплекта“ протиснуться, но никакъ нельзя войти ни по праву, требуя мѣста, ни по призванію.

Было и еще одно очень бѣдственное и печальное событіе личнаго свойства въ моей жизни также въ пору студенчества, о которомъ совершенно не мѣсто здѣсь говорить, но которое навсегда отвращало меня отъ мысли о судебной карьерѣ. Быть можетъ, это были больныя односторонне-мрачныя впечатлѣнія повышенной юношеской воспріимчивости, но они навсегда оставили глубокій слѣдъ въ моемъ мозгу, и я, безъ нѣкотораго тайнаго ужаса и унынія, не могъ никогда вообразить себя ни судебнымъ слѣдователемъ, ни прокуроромъ, имѣющимъ власть и обязанность „заточать“ кого и куда слѣдуетъ.

Но я отвлекся нѣсколько въ сторону.

Итакъ, черноволосый красавецъ П—нъ (настоящій красавецъ, съ прекрасными вьющимися волосами, съ живой и экспансивной манерой прирожденнаго, хотя и нѣсколько аффектированнаго оратора) не только имѣлъ уже на своихъ дверяхъ ярко-отчищенную мѣдную доску, сіявшую всѣми своими чарующими буквами: „помощникъ присяжнаго повѣреннаго", не только не уставалъ носить каждый день въ судъ свой туго-набитый портфель, но, какъ мнѣ говорили, имѣлъ уже „дѣла" въ судѣ, выступалъ какъ уголовный защитникъ и не только „оправдалъ" кого-то, но даже достигъ того, что этотъ оправдательный приговоръ былъ встрѣченъ единодушными рукоплесканіями публики, переполнившей зало судебнаго засѣданія.

Объ этомъ, не безъ зависти, я самъ прочелъ тогда же въ столичномъ „Листкѣ".

Благодаря именно этимъ быстрымъ удачамъ П—на, я инстинктивно избѣгалъ его. Словно я тогда уже предчувствовалъ, что дѣло безъ него для меня никакъ не обойдется и что моя съ нимъ встрѣча будетъ непремѣнно для меня „роковой". Такъ въ дѣйствительности это скоро и случилось. Но пока еще съ печатью непризнаннаго генія на челѣ, не соглашаясь ни за что и никому „продать" своей свободы, я сознавалъ себя выше всей этой адвокатской сутолоки и дешевыхъ лавровъ столичнаго „Листка".

На адвокатуру во время своего студенчества я глядѣлъ свысока. Она представлялась мнѣ не чуждой нѣкотораго суетливаго сутяжничества и я считалъ ее мало подходящей для моей натуры, склонной болѣе, какъ мнѣ представлялось тогда, къ мечтательному созерцанію окружающей жизни, нежели къ энергичной будничной дѣятельности.

VIII

Къ тому же, въ то время я былъ весь поглощенъ ожиданіемъ одного очень важнаго для меня „событія“, отъ котораго, какъ я думалъ, зависѣла вся моя дальнѣйшая судьба. Я тоже (по примѣру П—на, котораго иногда и видѣлъ издали) „козырялъ“ теперь нерѣдко по Литейной, но только за другимъ дѣломъ.

Незадолго передъ тѣмъ я отправилъ въ редакцію (ни болѣе, ни менѣе!) „Отечественныхъ Записокъ“ только что написанную мною весьма жестокую и, какъ понимаю теперь, довольно нелѣпую пятиактную драму, которая называлась „Жертва брака“. Въ ней были выставлены въ ужасномъ свѣтѣ „брачные оковы“ и вообще разрушалась семья. Съ затаеннымъ трепетомъ я ждалъ, что она непремѣнно появится (и притомъ въ ближайшемъ номерѣ) на страницахъ (не пугайтесь читатель!) „высокоуважаемаго журнала“.

Больше мѣсяца, стыдясь и волнуясь, я каждый понедѣльникъ вползалъ какъ-то бокомъ, словно крадучись, въ редакцію „высокоуважаемаго журнала“ — за отвѣтомъ. Иногда,—о счастье!—отъ „самого“ Некрасова или же отъ „самого“ Салтыкова я выслушивалъ отрывистые и даже нѣсколько какъ-бы грубоватые, похожіе на окрики, отвѣты (наполнявшіе, однако, мое сердце лучезарной надеждой!), что, молъ, рукопись еще не прочитана и надо притти еще черезъ двѣ недѣли.

Драма, вѣроятно, очень тщательно читалась и перечитывалась; быть можетъ, твореніе мое обсуждалось даже всей редакціей сообща ранѣе, чѣмъ произвести меня въ литературные геніи,—во всякомъ случаѣ,—я что-то ужъ очень долго ходилъ за нею.

Теперь я соображаю, что можетъ быть, она попросту „завалялась“ гдѣ-нибудь въ редакціи, какъ можетъ „заваляться“ иногда и у адвоката оставленный

кліентомъ для прочтенія скучный „документъ“ или „исповѣдь“; но тогда я еще не былъ адвокатомъ.

Кончилось тѣмъ, что, наконецъ, мнѣ „ее“, т. е. „рукопись“, возвратили На ней была и какая-то редакціонная помѣта. Можетъ быть то была простая надпись: „не принята“, а можетъ быть какое-нибудь еще болѣе позорное клеймо отверженія. Навѣрное я этого не знаю, знаю только, что возвратившись домой, я тотчасъ же густо замазалъ чернилами эту непрошеную помѣту,—„чтобы глаза мои не глядѣли!“

Душевное состояніе мое превратилось разомъ въ очень подавленное и удрученное. Чтобы покончить съ нимъ я тутъ-же порѣшилъ: поставить крестъ на ихъ художественно-литературныхъ затѣяхъ. Карьера писателя захлопывалась, очевидно, для меня навсегда. „Или на страницахъ „высокоуважаемаго журнала“ или нигдѣ“!

Выходило—„нигдѣ!“

И ни въ одну редакцію со своею „Жертвою брака“ я болѣе не толкнулся...

Сторонясь отъ П—на и нѣкоторыхъ другихъ товарищей—удачниковъ, успѣвшихъ какъ-то мигомъ пристроить себя, кто куда, но „къ дѣлу“, я особенно дорожилъ въ это время обществомъ двухъ товарищей, все еще, какъ и я, „фантазировавшихъ“ относительно своего будущаго.

Одинъ, Б--къ, блистательно окончившій университетскій курсъ, заработавшій и золотую медаль за сочиненіе, замышлялъ остаться при университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права. Но онъ какъ-то не поладилъ съ профессоромъ, и тотъ настойчиво рекомендовалъ ему принять мѣсто „лектора“ въ Варшавскомъ университетѣ и затѣмъ уже сдать экзаменъ на магистра и защитить диссертацію. Б—ку же хотѣлось непремѣнно остаться въ

Петербургѣ. Такъ какъ это „не вытанцовывалось“, то онъ считалъ профессора несправедливымъ и утверждалъ, что при немъ остаются только „любимчики“. Это дѣлало Б—ка раздражительнымъ, почти больнымъ, и онъ, не рѣшая своего отъѣзда, каждый день ходилъ „объясняться“ съ профессоромъ.

Все остальное время у Б—ка, такъ же какъ и у меня, было свободнымъ, и мы съ нимъ и еще съ однимъ товарищемъ А—ымъ, также случайно застрявшемъ въ Петербургѣ въ ожиданіи обѣщаннаго мѣста судебнаго слѣдователя въ провинціи, часто сходились и проводили вмѣстѣ время.

Можетъ быть именно потому, что всѣ трое мы въ глубинѣ души чувствовали себя очень неудовлетворенными своимъ настоящимъ, мы много толковали о будущемъ и, обходя молчаніемъ прозу жизни, старались бесѣдовать только о предметахъ общихъ и возвышенныхъ.

Б—къ, увлекавшійся въ то время Лоренсомъ Штейномъ и его теоріею государственности, страдая легкимъ заиканіемъ, и потому безконечно растягивавшій свои длинныя фразы, вразумительно и не безъ оттѣнка торжественности все силился убѣдить насъ, что каждый изъ насъ въ сущности: не болѣе, какъ „ноготь“ въ государственномъ организмѣ, ноготь, который поэтому можно стричь и обламывать невозбранно и безнаказанно...

Это не мѣшало ему очень злиться на профессора за то, что тотъ вздумалъ по своему „обламывать“ его судьбу.

А—въ, милый, скромный, человѣкъ, зарабатывавшій пока свое существованіе тѣмъ, что за малую плату составлялъ для одного знакомаго ему товарища прокуро-

ра, ведшаго разсѣянный образъ жизни, обвинительные акты и заключенія о прекращеніи слѣдствій, не могъ равнодушно слушать этихъ, какъ онъ выражался „хирургическихъ теорій господина Штейна“. Когда А—въ горячился, то бывалъ остроуменъ и находчивъ. У него въ запасѣ имѣлось одно соображеніе, противъ котораго даже у Б—ка не находилось возраженія.

— Да развѣ живой организмъ-то весь изъ однихъ ногтей состоитъ?.. Дайте-ка, я васъ по живому мясу начну рѣзать, небось закричите!

Я чувствовалъ себя хорошо и легко въ этой компаніи, тѣмъ болѣе, что оба мои пріятели только смутно догадывались о моихъ литературныхъ затѣяхъ, такъ какъ иногда заставали меня за писаніемъ, но изъ деликатности ни о чемъ не разспрашивали.

Мы чуть-ли не ежедневно сходились за обѣдомъ у Мильбрета въ Кирпичномъ переулкѣ, и потомъ не спѣша совершали прогулки по Морской и по Невскому вплоть до вечерняго чая, который нерѣдко пили поочередно у кого-либо изъ компаніи.

Такое отчасти философское препровожденіе времени очень насъ сблизило и понемногу начинало втягивать. Было что-то неизъяснимо-сладостное въ сознаніи, что спѣшить собственно некуда, и что „жизнь для жизни намъ дана“.

Однако, разнаго рода житейскія прорѣхи нѣтъ, нѣтъ и давали себя чувствовать. Мы нерѣдко кредитовались другъ у друга, причемъ случалось и такъ, что вдругъ ни у одного изъ трехъ не оказывалось ничего, или почти ничего въ карманѣ. Тогда мы ссужали другъ друга мильбретовскими марками и продолжали философствовать.

Смутно чувствовалось, однако, что долго такъ не

можетъ продолжаться. Всѣ трое мы были матеріально совершенно необезпечены. Въ послѣднее время все чаще и чаще въ нашихъ разговорахъ мы стали проявлять интересъ къ судьбѣ остальныхъ нашихъ товарищей по выпуску: Н., К., В., Ц. Оказывалось, что всѣ уже понемножку втягивались въ лямку, устраивали свою судьбу. Только мы трое, по выраженію А—ва, все еще по „меблировкамъ“ и „мильбретишкамъ“ разнаго вида катарры себѣ нагуливали.

Тотъ-же милѣйшій А—въ, одинъ обвинительный актъ фабрикаціи котораго успѣлъ уже, по словамъ его, „раскатать“ въ своей защитѣ П—нъ, безъ малѣйшаго раздраженія, но лишь какъ-бы констатируя или пророцая несомнѣнный будущій фактъ, утверждалъ, что „молодчина П—нъ скоро и на рысакахъ заѣздитъ“.

Но особенно насъ отрезвила и, такъ сказать, призвала къ будничному настроенію одна случайная встрѣча.

Однажды, когда мы по обыкновенію втроемъ брели по Невскому, не доходя немного пассажа, мы уже издали замѣтили, хорошо знакомую намъ, неладную, но зато крѣпко сташенную фигуру нашего университетскаго товарища К—скаго.

Его нельзя было не замѣтить: одна нога у него была значительно короче другой, и онъ весь такъ колыхался на ходу, словно волной раскачивало пустую бочку. Лицо у него было четырехугольное, широкое, немного корявое; самъ онъ былъ „не изъ орловъ“, однако, „себѣ на умѣ“. „Настоящій мужланъ!“—недолюбливалъ его Б—къ за грубость рѣчи и узкость понятій, а А—въ добродушно вносилъ поправку: „отличный будетъ семьянинъ и въ работѣ не выдастъ,—оброчный парень!“

Вотъ этого-то „оброчнаго парня“ несло теперь

волною прямо на насъ. Мы сразу обратили вниманіе на всѣ перемѣны въ немъ. Студентомъ, онъ жилъ большимъ бѣднякомъ, а теперь на немъ было и хорошее драповое пальто и ворсистой матеріи брюки и свѣжій котелокъ. Самъ онъ имѣлъ видъ сытый и довольный. Завидѣвъ насъ еще издали, онъ растянулъ свой нескладный ротъ въ такую добродушную, широкую улыбку, что мы сами поспѣшили къ нему навстрѣчу.

Начались разспросы. Онъ сразу намъ все выложилъ. Устроился онъ у родственника нотаріуса за двѣсти рублей въ мѣсяцъ, но черезъ полгода станетъ получать триста и еще процентъ съ валоваго.

— А контора тутъ-же, на Невскомъ, въ двухъ шагахъ... Работаетъ шибко, здорово... братцы мои!—самодовольно смаковалъ онъ. — Мнѣ по моему убожеству (онъ весело хлопнулъ себя по ляжкѣ короткой ноги) хожденіемъ по судамъ заниматься не приходится, а тутъ самое разлюбезное дѣло—сиди сиднемъ и знай только обмозговывай... Мой-то принципалъ, что называется, ни уха, ни рыла въ своемъ дѣлѣ не смыслитъ, отставной морякъ,—такъ онъ за такого, какъ я, двумя руками, батенька, ухватился!

И „батенька“ и „братцы“ были его любимыми словцами.

Тутъ-же мы узнали, что, за получаемое имъ теперь и впредь обѣщанное вознагражденіе, К—скій „высиживаетъ“ и „обмозговываетъ“ въ конторѣ нотаріуса съ восьми часовъ утра до пяти часовъ дня. Сейчасъ идетъ въ „хорошемъ ресторанѣ“ пообѣдать, а потомъ опять долженъ „обмозговывать“ съ семи и до девяти вечера.

„И такъ всю жизнь!“

Сообразивъ и эту основную черту избранной имъ

дѣятельности, мы втроемъ невольно между собою переглянулись.

— Ну, а вы, батеньки мои?..—уставился на насъ тѣмъ временемъ покровительственно, и даже какъ-будто полупрезрительно К—ій.—Все больше шляетесь, такъ мнѣ сказывали... Другіе за работой, а они шляются!

Слово „шляетесь“ онъ произнесъ съ такою мужиковатою сочностью, съ такою откровенною полнотою выраженія, что намъ невольно стало неловко какъ-бы за него, но въ дѣйствительности, кажется, за самихъ себя.

— Шляйтесь, ребята, шляйтесь, такъ всю жизнь и прошляетесь!—наставительно и протяжно прорицалъ К—ій, покуда мы, заспѣшивъ прощаться, поочередно пожимали его широкую квадратную ладонь.

Онъ обернулся и еще на ходу поглядѣлъ на насъ и даже покачалъ намъ вслѣдъ головою съ тѣмъ же выраженіемъ своего квадратнаго лица, съ какимъ только-что говорилъ намъ: „Шляйтесь, ребята, шляйтесь, такъ всю жизнь и прошляетесь!“

Не знаю, вышло-ли это у насъ случайно, или явилось безмолвнымъ послѣдствіемъ нашей встрѣчи съ К—мъ, но на другой день мы у Мильбрета съ Б—мъ разминулись, а А—въ и вовсе не заходилъ обѣдать. Наши встрѣчи вообще какъ-то разомъ оборвались и стали рѣдки и случайны.

Б—къ скоро заговорилъ о необходимости ѣхать въ Варшаву, попутно рѣшивъ погостить у матери въ Псковѣ. Въ концѣ той-же недѣли онъ навсегда покинулъ Петербургъ. А—въ получилъ извѣстіе, что обѣщанное ему мѣсто непремѣнно очистится къ новому году.

Оставалось и мнѣ взяться за умъ.

По зрѣломъ размышленіи я рѣшилъ, что мнѣ не остается иного выбора, какъ адвокатура.

„За“—говорило очень многое и только нѣкоторые „но“ не оставляли меня въ покоѣ. Карьера адвоката у насъ въ Россіи казалась мнѣ слишкомъ бѣдною красками и общественнымъ значеніемъ. Элементъ „хожденія“ по дѣламъ также нѣсколько смущалъ меня. Меня плѣнялъ заманчивый, притягательный образъ „плэдирующаго“ французскаго адвоката—„maitr'a“ и ужасно отталкивалъ старозавѣтный историческій обликъ россійскаго „ходатая“ и „стряпчаго“.

„Неужели и я долженъ буду начать что-нибудь стряпать?..“

Была у меня еще отъ дѣтскихъ лѣтъ большая слабость къ театру. Провинціальные знаменитости Никитинъ, Милославскій и Самойловъ, Васильевъ 2 и Монаховъ на сценѣ александринскаго театра не переставали до конца дразнить моего воображенія.

Случайно нанявъ меблированную комнату съ большимъ стариннымъ трюмо въ углу, я упражнялся иногда передъ зеркаломъ въ декламаціи изъ „Горе отъ ума“ и изъ „Гамлета“ и находилъ, что иныя мѣста выходили у меня не дурно; но все-же серьезной рѣшимости „поступить“ въ актеры у меня не возникало никогда. Гдѣ-то въ глубинѣ души во мнѣ жило сознаніе, что это все-таки „не-то“ и что если поскрести хорошенько, то на повѣрку окажется все-же „поза“ и „ломанье“.

Итакъ, исхода не было.

Пріобрѣвъ календарикъ съ адресами всѣхъ столичныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, я сталъ со вниманіемъ изучать имена и фамиліи столичныхъ цицероновъ, надѣясь рѣшить, или, вѣрнѣе, угадать—у кого бы стоило попытать счастья.

Стыжусь сказать, но до этихъ поръ я какъ-то ни

разу не удосужился заглянуть въ судъ. О выдающихся процессахъ я, разумѣется, слѣдилъ по газетамъ, зналъ имена Спасовича, Языкова, Турчанинова, Арсеньева, Урусова, Герарда, Потѣхина, но процессы меня какъ-то не захватывали, хотя рѣчи защитниковъ были иногда интересны и содержательны, а рѣчи В. Д. Спасовича всегда плѣняли своею художественною образностью и законченностью.

Толкнуться къ кому-нибудь изъ этихъ свѣтилъ безъ предварительнаго знакомства и рекомендаціи я положительно не рѣшался. Особенно послѣ афронта, полученнаго мною въ „высокоуважаемой редакціи“ съ злополучной „Жертвой брака“, я сдѣлался мнителенъ; мнѣ такъ и чудилось, что поочередно я являюсь къ каждому изъ „высокоуважаемыхъ свѣтилъ“ и каждое „высокоуважаемое свѣтило“, подержавъ меня непремѣнно нѣкоторое время въ неизвѣстности, найдетъ нужнымъ наложить на меня и свою „печать отверженія“. Для дебюта получилось бы сразу слишкомъ много—„отверженія“.

Я рѣшилъ поступить какъ-нибудь иначе. Но какъ? Повидимому, никого знакомыхъ среди присяжныхъ повѣренныхъ у меня не имѣлось.

До тошноты, до боли въ вискахъ читалъ я и перечитывалъ фамиліи въ календарѣ, начиная каждый разъ сначала въ алфавитномъ порядкѣ. Большинство фамилій мнѣ ровно ничего не говорило. Я только про себя раздумывалъ: „сколько ихъ и неужели на всѣхъ хватаетъ дѣлъ и кліентовъ?“

Наконецъ, я добрался до буквы О. Я читалъ, уже не пропуская рѣшительно ни одной фамиліи. „Такъ и есть,—онъ!—то же имя и то же отчество!..“ Это было цѣлое открытіе.

На студенческихъ вечеринкахъ я познакомился съ

господиномъ, котораго очень тянуло къ молодежи и котораго мы между собой запросто звали „адвокатомъ“.

Былъ онъ мужчина не малаго роста и уже въ порѣ, звали его Александромъ Александровичемъ, но иногда, на студенческихъ празднествахъ, въ такъ называемой „мертвецкой“, когда дѣло доходило до распоясыванія и сниманія сюртуковъ, его ласкательно звали уменьшительно „Сашенькой“.

„Сашенька“ любилъ повеселиться съ молодежью. Онъ не прочь былъ и потанцовать запросто съ молодыми „студентками“ въ биткомъ набитомъ залѣ дворянскаго собранія, нещадно обливаясь потомъ, и побалагурить со студентами въ „мертвецкой“. Его доброе, румяное лицо длиннаго иконописнаго оклада, окаймленное небрежно запущенною бѣлокурою бородою и мягкими иррегулярнаго строя волосами, было всегда такъ дѣтски-привѣтливо и добродушно-счастливо, что онъ сразу внушалъ къ себѣ симпатіи.

Но бывало, что онъ напускалъ на себя торжественность. Случалось это тогда, когда въ мертвецкой подбиралась ужъ очень теплая компанія. Тогда неизбѣжно наступала минута, когда Александръ Александровичъ взбирался на столъ, не торопясь застегивалъ на всѣ пуговицы свой длинный сюртукъ, утюжилъ бороду и начиналъ говорить рѣчь. Онъ говорилъ необычайно серьезно и длинно. Если онъ слишкомъ долго говорилъ, выходило нѣсколько усыпительно. Но зато ему всегда много аплодировали и каждый разъ обязательно „качали“ его. Послѣ того онъ вновь становился веселъ, беззаботенъ и добродушенъ, какъ будто ничего необычайнаго съ нимъ не приключилось.

Убѣдившись, что въ спискѣ присяжныхъ повѣрен-

ныхъ стоитъ именно его, а не какого-либо иного О—на имя, я почувствовалъ себя на половину спасеннымъ.

На слѣдующій-же день, вставъ пораньше,—что не входило вовсе въ мои философски-праздныя повадки,—я ровно въ девять звонилъ уже у дверей „адвоката". Онъ жилъ на Большой Итальянской и занималъ квартиру въ третьемъ этажѣ по парадной лѣстницѣ. Швейцаръ довольно внушительно крикнулъ мнѣ вслѣдъ: „звоните шибче, дома!" Я позвонилъ. Отперла мнѣ не сразу приличнаго вида горничная. Она провела меня въ пріемную, промолвивъ: „обождите, еще не одѣты!"

Въ довольно обширной пріемной я обратилъ вниманіе на прекрасныя, огромныхъ размѣровъ гравюры, изображавшія общеизвѣстныя сцены и эпизоды изъ великой французской революціи: „жирондисты", „конвентъ" и т. п. На всей остальной обстановкѣ лежала печать обыденности; не на чемъ было остановить взгляда.

Откуда-то издалека, должно-быть комнаты за двѣ, слышно было дѣйствіе педальнаго умывальника, всплески воды и фырканье умывающагося.

Туалетъ адвоката продолжался довольно долго.

Тѣмъ временемъ у входа послышался звонокъ и въ пріемной появилась какая-то старушка съ потертымъ ридикюлемъ на рукѣ и съ подвязанными зубами. Вскорѣ послѣ ея прихода снова звякнулъ звонокъ и показался еще кліентъ, фабричный или мастеровой, въ драповомъ выцвѣтшемъ пальто и съ черными, точно вымазанными сажей, руками.

Александръ Александровичъ О—нъ какъ-то беззвучно и почти неожиданно, когда мы уже нѣсколько обсидѣлись и почти перестали его ждать, появился въ пріемной.

Онъ былъ румянъ, свѣжъ и, повидимому, въ отличномъ расположеніи духа. На немъ были сѣрыя лѣтней

матеріи брюки и бархатный пиджакъ, немного потертый по швамъ и слегка побурѣвшій, но отороченный заново черной шелковой лентой.

— А-а!—съ добродушной улыбкой и ни къ кому собственно не обращаясь, привѣтствовалъ онъ насъ всѣхъ вмѣстѣ.—Извините, немного запоздалъ...

Старуха первая поднялась и вплотную подошла къ адвокату, усиленно что-то шепча ему въ самое ухо

— Да вы по какому собственно дѣлу?..—какъ бы не понимая и нѣсколько отступая назадъ, уставился на нее адвокатъ.

— По собственному дѣлу, по собственному!..—и старуха снова зашептала энергичнѣе прежняго.

— А-га, да то есть вы собственно!—сообразилъ О---нъ и, пошаривъ у себя въ жилетномъ карманѣ, сунулъ ей что-то въ руку.

Старуха хотѣла непремѣнно поцѣловать руку адвоката, но Александръ Александровичъ до этого рѣшительно ее не допустилъ. Любовно взявъ старуху за плечи, и слегка повернувъ ее лицомъ къ выходной двери онъ мягко сталъ выпроваживать ее: „Ну и съ Богомъ, и съ Богомъ!.. Маша, проводите!“ —обратился онъ къ горничной, шуршавшей своей юбкой въ прихожей.

Настала очередь фабричнаго. Я сдѣлалъ видъ, что пришелъ послѣднимъ, не желая отрывать адвоката отъ его обычныхъ и, быть можетъ, спѣшныхъ занятій.

Но и съ этимъ, уже несомнѣнно кліентомъ, дѣло обошлось довольно быстро. Александръ Александровичъ не позвалъ его въ кабинетъ, а объяснился тутъ-же. Рѣчь шла о какомъ-то „срокѣ“, который фабричный все боялся пропустить, а Александръ Александровичъ его успокаивалъ и урезонивалъ.

— Какъ-же я могу примѣрно безъ середняго пол-

ную работу производить?—тыкалъ онъ въ воздухъ своею лѣвою опрокинутою къ верху рукою, на которой не было вовсе средняго пальца и которая походила въ такомъ видѣ на вилообразную рогатку, въ которой не достаетъ одного зубья. — Въ кружномъ стало быть отказъ, чего-жъ тутъ ожидать хорошаго, куда податься... чѣмъ пропитываться съ семействомъ будемъ?!

— Въ палату подадимъ, судебная палата, авось, уважитъ,—старался его успокоить Александръ Александровичъ.

Но фабричный не унимался. Онъ какъ-то душевно впивался въ звукъ своего собственнаго голоса и переходилъ въ визгливый тонъ.

— Помилуйте, а ежели примѣрно и въ казенной палатѣ отказъ начисто, куда-же намъ тогда съ семействомъ, нешто на улицу милостыню просить?..

— Зачѣмъ милостыню!—спокойно урезонивалъ его Александръ Александровичъ.—Въ Сенатъ можно еще попробовать... Да вѣдь вы и теперь безъ работы не сидите, за одинъ палецъ вамъ не ахти сколько присудятъ, больше шести рублей въ мѣсяцъ не присудятъ, на это семьи не прокормите...

— Такъ-то оно такъ,—вдругъ степенно и сбавляя тонъ заговорилъ фабричный.—Это вѣрно—не прокормишь! Ну, а все-же противу другихъ обидно и всѣхъ средствій къ работѣ опять таки я лишенъ. Вы ужъ сдѣлайте милость, Ликсандра Ликсандровичъ, потому, какъ вы наши отцы и благодѣтели и мы за васъ вѣчно должны Бога молить, неудовольствіе въ казенную палату опредѣлите... И сказываютъ, чтобы непремѣнно до сроку, а ежели не до сроку...

Долго еще объяснялся фабричный и тыкалъ своею черной изувѣченной рогаткой въ воздухъ и Александръ

Александровичъ съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ не уставалъ урезонивать его. Я вчужѣ испытывалъ нетерпѣніе, мнѣ казалось, что на мѣстѣ адвоката ангелъ и тотъ не могъ бы сохранить хладнокровія.

Наконецъ опрокинутая зубьями къ верху черная рогатка еще разъ судорожно мелькнула въ воздухѣ, и фабричный выкатился изъ пріемной.

Остался я одинъ.

— Вы по какому дѣлу?—любезно улыбаясь и прищуривая свои добрые сѣрые глаза, уставился на меня Александръ Александровичъ.—Впрочемъ, пройдемте въ кабинетъ, здѣсь намъ могутъ помѣшать...

Я понялъ, что „адвокатъ“ не призналъ во мнѣ одного изъ своихъ „молодыхъ друзей“ и принимаетъ за кліента. Это заставило меня испытать большую неловкость. Я соображалъ, что какъ только объяснюсь относительно цѣли своего прихода, непремѣнно разочарую его.

Несомнѣнно такъ и случилось, но прирожденное добродушіе Александра Александровича совершенно сгладило рискованность положенія. Онъ не только не обнаружилъ ни малѣйшей досады, узнавъ объ истинной цѣли моего посѣщенія, но и проявилъ положительную любезность. Усадивъ меня въ мягкое кресло, онъ сталъ участливо разспрашивать меня и интересоваться моей судьбой.

На карьеру адвоката онъ глядѣлъ не слишкомъ розово; но, по-его же словамъ, — „у насъ по настоящему и дѣваться больше некуда!“

Нѣкоторыми порядками во внутренней организаціи „сословія“ онъ также, повидимому, былъ не вполнѣ доволенъ.

Въ то время я понималъ довольно смутно, что именно вызывало его неудовольствія, зато отчетливо запомнилъ его сѣтованія на „непрошенное“ будто-

бы вмѣшательство „Совѣта“ присяжныхъ повѣренныхъ въ жизнь молодой адвокатуры.

— Видите-ли, — принялся просвѣщать меня Александръ Александровичъ,— въ нашемъ законѣ, въ „Учрежденіи Судебныхъ установленій“ имѣется только попутное, такъ сказать, мимолетное упоминаніе о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тамъ сказано, что пятилѣтнее пребываніе помощникомъ можетъ дать право стать присяжнымъ повѣреннымъ. И—прекрасно! Мы такъ и понимали, что это — „вольная дружина“ аспирантовъ на адвокатскую карьеру. Немножко по американски, но отлично! Дверь открыта для всѣхъ... Пожалуйте, поучайтесь, а что изъ васъ выйдетъ, ребята, это уже ваше дѣло! Знаете-ли, попутно это могло-бы имѣть широкое воспитательное значеніе для нашего чуждаго законности соціальнаго строя...

Поднятый О—мъ вопросъ живо захватилъ меня. Я сталъ внимательно прислушиваться, интересоваться деталями. Александръ Александровичъ оживился и въ голосѣ его послышались уже искренно негодующія нотки.

— Это удивительно!.. У насъ въ Россіи все моментально на канцелярщину собьется. Вольнымъ гражданиномъ мы сами даже себя во снѣ представить не можемъ. Намъ сейчасъ кличку, чинъ, параграфъ подавай... Раньше въ помощники записывался каждый, кто хотѣлъ. У меня ихъ было больше двадцати, въ томъ числѣ офицеръ-морякъ, чудесный малый, и молодой діаконъ, окончившій духовную академію, очень способный. Я собирался даже одну весьма образованную дѣвицу зачислить къ себѣ въ помощники, надѣясь, что, авось, незамѣтно удастся провести вопросъ о женской адвокатурѣ.

Я съ жадностью впивалъ въ себя неслыханныя для меня откровенія.

— Но, — меланхолически продолжалъ Александръ Александровичъ, — развѣ съ нашими генералами сговоришь? Тамъ порѣшили иначе.

Я поинтересовался узнать, какіе именно „генералы“ испортили все дѣло. Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что рѣчь можетъ итти о самихъ же адвокатахъ.

Александръ Александровичъ сдѣлалъ саркастическую гримасу и началъ усиленно то одною, то другою рукою крутить и утюжить свою бороду.

— Наши, „совѣтскіе“ генералы, члены Совѣта... Тайные и дѣйствительно тайные! Еще какіе генералы— хуже настоящихъ! Вы на нихъ взгляните только, особенно послѣ выборовъ... Передъ выборами они какъ-то размякаютъ, какъ бы это сказать, линяютъ что-ли, вотъ какъ павлинъ по веснѣ, но послѣ выборовъ—настоящіе генералы.

Я недоумѣвалъ.

Вольнолюбивыя мечты относительно будущей моей адвокатской дѣятельности стали какъ-то ежиться и уходить вглубь. „Неужели и здѣсь придется столкнуться съ бюрократическими нравами и повадками“?

Александръ Александровичъ съ какою-то жесткостью между тѣмъ продолжалъ.

— Удивительно, какъ быстро вьетъ гнѣздо свое рутина... Не успѣли очнуться — въ канцелярщину вогнали! Не такъ давно Совѣтъ намъ „циркулярно“ предложилъ раскассировать помощниковъ, отчислить всѣхъ, не имѣющихъ дипломовъ спеціально-юридическаго образованія. Спрашивается, по какому праву, по какому праву?..

Александръ Александровичъ запальчиво уставился на меня. Видя, однако, что я только нѣсколько

растерянно гляжу на него и не собираюсь вставить слова, онъ съ свойственнымъ ему неожиданнымъ добродушіемъ и даже съ улыбкой мотнулъ головою.

— Теперь я даже не знаю, сколько ихъ, этихъ помощниковъ у меня осталось! Раньше я никому не отказывалъ, рѣшительно никому, — всѣхъ приписывалъ.

Воспользовавшись наступившею паузою, я съ возможною деликатностью объяснилъ Александру Александровичу, что, не смѣя затруднять его самого зачисленіемъ меня въ помощники, я хотѣлъ бы, чтобы онъ отрекомендовалъ меня кому-либо изъ своихъ товарищей, присяжныхъ повѣренныхъ. При этомъ я имѣлъ непозволительную неосторожность назвать нѣсколько очень громкихъ фамилій.

О—нъ усиленно сталъ теребить свою бороду и довольно сухо перебилъ меня.

— Ахъ, вы непремѣнно желаете къ „генералу"?.. Извините, не могу служить... Не могу служить! Я знаете-ли рядовой, рядовой-съ, я работаю попросту, попросту, безъ фокусовъ... Не на показъ, не на показъ!

Сообразивъ, что вышло очень неладно, я, какъ умѣлъ, сталъ выкарабкиваться.

Такъ какъ Александръ Александровичъ былъ по натурѣ очень незлобивъ, то онъ весьма скоро простилъ мнѣ мое легкомысленное и мимолетное тяготѣніе къ свѣтиламъ адвокатуры.

Вышло какъ-то само собой такъ, что я тутъ-же порѣшилъ зачислиться помощникомъ именно къ нему. Александръ Александровичъ счелъ нужнымъ однако меня предувѣдомить:

— На дѣла отъ меня не расчитывайте... Промышляйте сами, коли есть охота! Времена теперь уже не тѣ, о кушахъ не помышляйте, пожалуйста не помыш-

ляйте!.. Видите ли, я живу очень скромно... Я до сихъ поръ въ сущности буршъ и студентъ!

Затѣмъ онъ сталъ учить меня, что нужно сдѣлать для моего скорѣйшаго зачисленія. Мы тутъ же составили бумаги, которыя для этого требовались.

Оказалось, что кромѣ прошенія на имя Совѣта, на которомъ мой будущій патронъ обозначилъ свое согласіе на мое зачисленіе, требовалось еще приложить нѣчто въ родѣ краткой моей автобіографіи или curiculum vitae и сослаться на лицъ, которыя могли-бы удостовѣрить мою нравственную благонадежность.

Когда я услышалъ и про эту маленькую подробность, меня обдало варомъ. „Что писать и на кого сослаться?“ Пришлый въ Петербургѣ, я имѣлъ знакомства только среди учащейся молодежи. „Наконецъ, что именно писать! Родился, учился, или уже выложить всю подноготную; мамку въ дѣтствѣ за грудь не кусалъ (за неимѣніемъ зубовъ), няню не билъ, родителей не огорчалъ“.

— А если огорчалъ?..

Александръ Александровичъ очень скоро вывелъ меня, однако, изъ недоумѣнія. Онъ категорически заявилъ мнѣ, что это тоже „генералы выдумали“, а потому это не болѣе какъ ни къ чему не ведущая и въ сущности пустая формальность.

— По моему, тутъ даже и здраваго смысла нѣтъ,— пояснялъ свою мысль Александръ Александровичъ.— Молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ, и вдругъ—рекомендація!.. Alma mater, стало быть, сама за себя уже ничего не говоритъ!

Я согласился съ нимъ.

Эта обязательность „рекомендаціи“ внутренно коробила и оскорбляла. Я чувствовалъ себя какъ-бы заранѣе уже въ чемъ-то уличеннымъ.

XXVI

Было рѣшено, что я сошлюсь на самого Александра Александровича, на товарища моего по выпуску П—на., котораго, какъ оказывалось, уже „замѣтили“ въ сословіи и еще на одного изъ профессоровъ, у котораго я по поводу кандидатской диссертаціи побывалъ раза два на квартирѣ.

Любезная обязательность моего будущаго патрона дошла до того, что, когда прошеніе и curiculum vitae были написаны, онъ предложилъ мнѣ тутъ же и конвертъ.

— Вотъ, заклейте, подпишите адресъ, отправьте по почтѣ и... въ добрый часъ!

Я неровно-крупнымъ—увы!—совершенно далекимъ отъ канцелярскаго идеала почеркомъ въ первый разъ въ жизни съ нѣкоторою официальною натугою вывелъ: „въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ зданіе Судебныхъ Установленій“ и вдругъ почувствовалъ себя уже на половину не принадлежащимъ себѣ... Мнѣ сдѣлалось грустно, такъ же грустно, какъ въ тотъ день, когда послѣ свободы въ дѣтствѣ меня впервые отвезли въ учебное заведеніе.

Однако, я не имѣлъ времени предаться надолго своимъ меланхолическимъ размышленіямъ, потому что какъ разъ въ ту секунду, когда я кончалъ надписывать конвертъ, въ квартирѣ адвоката произошелъ неожиданный переполохъ.

За разговоромъ мы не слышали, какъ отворялась парадная дверь и какъ кто-то вошелъ въ квартиру; но изъ прихожей вдругъ понеслись женскіе вопли и истерическія рыданія. Чей-то молодой также женскій голосъ пытался унять эти вопли, но безуспѣшно.

Александръ Александровичъ весь измѣнился въ лицѣ. Значеніе звуковъ, казалось, было понято имъ безъ словъ.

— Ну и времечко!.. Это... мать одной дѣвушки... Навѣрное ее взяли сегодня ночью!..

Александръ Александровичъ оставилъ меня въ кабинетѣ и ринулся въ пріемную.

Вскорѣ вся компанія передвинулась въ кабинетъ и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ очень тягостной сцены. Трое вошедшихъ составили какъ-бы одну компактную группу плачущихъ.

Мать, высокая съ сѣдою красивою головою женщина, словно въ изнеможеніи замерла на груди Александра Александровича, готовая лишиться чувствъ.

Сопутствующая ей молодая дѣвушка, очень блѣдная, но старавшаяся казаться спокойною, мужественнымъ тономъ успокаивала ее: „мама, не плачь, не плачь, ты только разстраиваешь Александра Александровича!“, но у нея самой на длинныхъ и красивыхъ рѣсницахъ дрожали двѣ крупныя слезы. Еще взволнованнѣе женщинъ казался Александръ Александровичъ. Лицо его пошло красными пятнами, покраснѣлъ даже лобъ. Онъ безпрестанно, какъ бы машинально, цѣловалъ руки старухи и прерывистымъ голосомъ давалъ ей обѣщанія, которымъ, чувствовалось, самъ не вполнѣ вѣрилъ.

— Ради Бога, ради Бога!.. Все, все,—что отъ меня зависитъ. Мы напишемъ, напишемъ прошеніе... Вы съѣздите къ баронессѣ И., она хороша съ Д. Можетъ быть, все еще устроится... все образуется!

Потрясенный непривычной сценой я, незамѣченный, выбрался изъ кабинета. Надѣвая въ прихожей пальто, я все еще слышалъ рыданія старухи и голосъ молодой, старавшейся ее успокоить.

— Мама, успокойся!.. Ради Бога, ради Бога!

Когда я выходилъ изъ квартиры адвоката, меня потрясалъ какой-то внутренній ознобъ. Мнѣ припомни-

лось, какъ на первомъ курсѣ естественнаго факультета я затѣялъ переходить въ медицинскую академію. Съ знакомымъ медикомъ я затесался въ анатомическій театръ, чтобы предварительно убѣдиться, могу ли я присутствовать при вскрытіи труповъ. Первыя голыя ноги покойника, которыя я увидѣлъ изъ-подъ грубаго холста, которымъ были прикрыты трупы, доставленные въ распоряженіе г г. студентовъ, заставили меня убѣжать и испытать такой-же внутренній ознобъ. Тогда же я порѣшилъ, что мнѣ ни за что не быть медикомъ. Теперь я раздумывалъ: выйдетъ ли изъ меня адвокатъ?

Побывъ всего полчаса въ пріемной адвоката я убѣдился, что эта профессія имѣетъ также свои трупы и свои призраки...

Когда щелкнула откидная крышка почтоваго ящика, въ который я опустилъ пакетъ на имя „Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ", мнѣ почудилось, что щелкнула мышеловка, оттого что въ нее неосторожно попалась мышь.

— Ну, будь, что будетъ!..

Прошло недѣли двѣ.

Я не ходилъ справляться о судьбѣ поданнаго мною въ Совѣтъ прошенія, но исподволь началъ, однако, принимать мѣры къ тому, чтобы мое новое официальное положеніе не застигло меня врасплохъ. Прежде всего я пріобрѣлъ въ гостиномъ дворѣ довольно внушительныхъ размѣровъ портфель, кромѣ того, я заказалъ себѣ фракъ у портного съ Казанской улицы. Я понималъ, что безъ фрака и безъ портфеля адвоката не бываетъ. Съ Васильевскаго острова я переѣхалъ въ Симеоновскій переулокъ, причемъ взялъ довольно просторную меблированную комнату, разгороженную драпировкой на двѣ неравныя половины. „Надо-же гдѣ-нибудь при-

нимать кліентовъ?“ Заказалъ я также и дверную дощечку, не столь грандіозныхъ размѣровъ, какъ та, что, по разсказамъ, красовалась на дверяхъ у П---на, но все-же замѣтную, воспроизводящую полностью мое новое званіе: „помощникъ присяжнаго повѣреннаго“.

Однажды подъ вечеръ, когда я сидѣлъ въ комнатѣ Т., моего новаго знакомаго по нашей общей меблированной квартирѣ, произошло первое событіе довольно значительной важности. Въ комнату вбѣжала растрепанная и вѣчно куда-то стремящаяся Дуняша, единственная прислуга на весь длинный коридоръ меблированныхъ комнатъ и не безъ нѣкоторой оторопи объявила, что меня требуетъ „курьеръ изъ Окружнаго Суда“.

Я вышелъ.

Оказалось, что мнѣ доставленъ какой-то пакетъ за номеромъ и печатью, и я долженъ росписаться въ его полученіи.

По вскрытіи пакета въ немъ оказалось на бланкѣ „Коммисія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“ не лишенное торжественности приглашеніе „пожаловать для личныхъ объясненій по вопросу о зачисленіи“ меня въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Указывалось мѣсто и время, когда я долженъ былъ явиться, а именно: на слѣдующій день, въ среду въ 1 часъ дня, въ комнату Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Внизу стояла неразборчивая подпись послѣ печатныхъ словъ „Секретарь Коммисіи“.

Итакъ, дѣло начинало принимать серьезный оборотъ. Нѣкій „Секретарь“ и нѣкая „Коммисія“ уже прилагали руки къ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Кажется, я упоминалъ уже ранѣе, что до тѣхъ поръ не бывалъ ни разу въ судебномъ засѣданіи и съ то-

пографіею „Судебныхъ Установленій“ былъ весьма мало знакомъ. По особымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, хорошо былъ мнѣ извѣстенъ только длинный и узкій коридоръ слѣдственныхъ и прокурорскихъ камеръ, но я надѣялся, что на этотъ разъ ихъ можно будетъ миновать.

Въ назначенное время вошелъ я съ Литейной въ первый подъѣздъ и поднялся прямо во второй этажъ. Ничего болѣе мрачнаго, казеннаго и непріютнаго, какъ зданіе Петербургскихъ „Судебныхъ Установленій“, мнѣ не доводилось видѣть. Смѣсь какого-то казарменнаго и тюремнаго стилей. Теперь, побывавъ уже въ очень многихъ россійскихъ судебныхъ мѣстахъ, я знаю, что наши столичныя судебныя мѣста неприглядн̀ѣе всего, что имѣется по этой части даже въ Россіи, но тогда мнѣ представилось, что этотъ нерадостный стиль и есть неотъемлемая принадлежность всякаго мѣста отправленія правосудія.

Въ коридорѣ гражданскихъ отдѣленій шла довольно неряшливая, будничная толчея. Адвокатскіе фраки не преобладали, а наоборотъ терялись среди разношерстой, мало презентабельной публики. Пригорюнившіяся бабы, отставные военные, изувѣченные фабричные и какіе-то юркіе дѣльцы, шныряющіе изъ канцеляріи одного отдѣленія въ канцелярію другого отдѣленія или осаждающіе загородки судебныхъ приставовъ, представляли собою основной фонъ картины. Кое-гдѣ только самоувѣренно и звонко слышалась рѣчь небольшой группы молодыхъ адвокатовъ, случайно остановившихся въ коридорѣ.

Я подошелъ къ одной изъ такихъ группъ, желая освѣдомиться, какъ мнѣ пройти въ помѣщеніе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

— А вамъ на что?—смѣло глядя мнѣ въ глаза,

спросилъ меня какой-то бойкій молодой человѣкъ, въ щегольскомъ фракѣ и съ пэнсне на горбатомъ носу.

— Хочу зачислиться въ помощники...

— А, стало быть, будущій collega, весьма пріятно!.. фамилія?..

Я назвалъ себя.

Будущій collega энергично потрясъ мою руку и тотчасъ-же представилъ меня какому-то худому и длинному господину въ золотыхъ очкахъ на сильно близорукихъ глазахъ.

— Это Алексѣй Петровичъ К—нъ, секретарь нашей Коммисіи... Строгъ, но справедливъ... власть предержащая!...

Алексѣй Петровичъ К—нъ тотчасъ-же фамильярно остановилъ его.

— Ну, довольно, батенька!.. Остроумничайте въ Смирновкѣ, здѣсь-то хоть ведите себя пристойно...

Мой будущій collega раскатисто засмѣялся.

— Нечего, нечего прикидываться!.. Въ Смирновкѣ у насъ—республика, а вотъ у васъ въ застѣнкѣ...

Алексѣй Петровичъ снова остановилъ его тѣмъ, что обратился уже прямо ко мнѣ.

— Вы вызываетесь сегодня въ Коммисію?

Я отвѣчалъ утвердительно и показалъ повѣстку.

— Ну и чудесно, направимтесь вмѣстѣ. Время открывать засѣданіе... Мы васъ не задержимъ. Кажется, всѣ свѣдѣнія въ порядкѣ...

Мы двинулись, а мой будущій collega неугомонно, съ хохотомъ пустилъ намъ вслѣдъ.

— Вы имъ не очень-то поддавайтесь... Они, пожалуй, пытать станутъ. Стойте на своемъ: не признаю молъ властей... и шабашъ!

Алексѣй Петровичъ повернулся къ нему на ходу и добродушно пошутилъ:

XXXII

— Послушайте, Х., если вы будете развращать молодыхъ, мы васъ представимъ Совѣту къ исключенію за несовмѣстную съ достоинствомъ помощника нравственную физіогномію...

Х. что-то отвѣчалъ ему, грозя пальцемъ, но мы разслышали только какой-то каламбуръ за счетъ слова „физіогномія“.

Алексѣй Петровичъ улыбнулся и мы двинулись дальше.

Идя рядомъ съ К., „секретаремъ коммисіи“, въ „застѣнокъ“, какъ шутливо выразился горбоносый помощникъ, я—смѣшно сказать—испытывалъ, если не настоящій страхъ, то все-таки нѣкоторую неловкость. „Вдругъ откроются какіе-нибудь скрытые (пока и отъ меня самого!) мои злодѣянія и грѣховные помыслы?“ „Что, если я не удостоюсь чести быть принятымъ въ сословіе? Куда дѣваться тогда?“

— А семь рублей у васъ имѣются, молодой человѣкъ? — вдругъ неожиданно на ходу спросилъ меня Алексѣй Петровичъ.

Я едва не подпрыгнулъ отъ несообразности вопроса и инстинктивно нащупалъ свой бумажникъ въ боковомъ карманѣ. Въ немъ было какъ разъ немногимъ болѣе названной секретаремъ суммы.

— Дѣло въ томъ, что въ субботу въ засѣданіи Совѣта, когда васъ примутъ, казначей тотчасъ-же затребуетъ съ васъ контрибуцію. Это на расходы по кассѣ, библіотекѣ и содержаніе канцеляріи. Если не имѣется, я васъ могу субсидировать... Съ отдачей, разумѣется, съ отдачей!..—пошутилъ въ заключеніе Алексѣй Петровичъ.

Впослѣдствіи я довольно близко сошелся съ Алексѣемъ Петровичемъ и нерѣдко во время своего по-

мощническаго стажа пользовался съ его стороны разными одолженіями. Онъ любилъ оказывать товарищамъ услуги и дѣлалъ это всегда съ безукоризненною и галантною деликатностью.

— Вотъ и наша Смирновка!—сказалъ Алексѣй Петровичъ, когда, поднявшись въ третій этажъ, мы вошли въ довольно обширную въ одно окно комнату, гдѣ было весьма людно.

Въ переднемъ углу комнаты, за какой-то, очевидно наскоро прилаженнной неряшливой, ситцевой занавѣской, кто-то копошился около самовара и подавалъ присутствующимъ чай, бутерброды и какія-то импровизированныя на керосиновой кухнѣ кушанья. Керосиновая кухня немного чадила, въ комнатѣ было накурено и душно. Кругомъ стоялъ нескладный говоръ многихъ лицъ, говорящихъ разомъ.

— Смирновъ!—кликнулъ Алексѣй Петровичъ, и изъ за занавѣски тотчасъ-же вынырнулъ какой-то нескладно-юркій, худощавый, небольшой человѣчекъ съ бабьей физіономіей, хотя на верхней губѣ этой физіономіи и росли жесткіе подстриженные усы. Одѣтъ онъ былъ, какъ всѣ судебные сторожа, въ длиннополый сюртукъ военнаго покроя. Большіе круглые очки сползали ему на самый кончикъ носа.

— Вотъ, рекомендую,—обратился ко мнѣ шутливо Алексѣй Петровичъ, — родоначальникъ сего прекраснаго заведенія, по его имени оно и удостоено наименованія „Смирновка“. Здѣсь можно снискивать себѣ пропитаніе (положимъ, пропитаніе скверное,—не обижайтесь!—пошутилъ Алексѣй Петровичъ по адресу сторожа, который тѣмъ временемъ весь суетливо заерзался, осклабился и сталъ торопливо кланяться), доступенъ и кредитъ...

XXXIV

— А теперь вотъ что, г. Смирновъ, подайте намъ чаю въ Коммисію,—продолжалъ Алексѣй Петровичъ.—Не хотите-ли и вы чаю?—обратился онъ ко мнѣ.

Я отказался Алексѣй Петровичъ, поздоровавшись со всѣми присутствующими, прошелъ въ смежную комнату и плотно притворилъ за собой дверь. Тамъ и была комната Совѣта, въ которой засѣдала Коммисія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ Смирновкѣ за столомъ сидѣло нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ во фракахъ и со значками. Очевидно, они наскоро подкрѣпляли свои силы, пользуясь перерывомъ въ засѣданіяхъ. Остальная и значительнѣйшая часть публики состояла изъ молодежи, которая повидимому никуда не спѣшила. Эти, не торопясь и благодушно настроенные, поѣдали огромное количество бутербродовъ и запивали ихъ жидкимъ чаемъ. То и дѣло со всѣхъ сторонъ слышалось: „Смирновъ, Смирновъ"! И Смирновъ съ проворствомъ и ловкостью „почти военнаго человѣка" поспѣвалъ рѣшительно всюду, напоминая собою классическаго Фигаро, который, какъ извѣстно, тоже вездѣ поспѣвалъ: „Figaro ci, Figaro là!"

Слегка одурманенный запахомъ керосиновой кухни, чадомъ самовара и дымомъ отъ куренія, равно какъ и новизною обстановки, я не особенно прислушивался къ разговорамъ; но нельзя было не обратить вниманіе на то, что общій тонъ былъ довольно бодрый, веселый и, во всякомъ случаѣ, оживленный. Иные старались острить и дѣйствительно имъ это удавалось, другіе разсказывали анекдоты и случаи изъ своей судебной практики, третьи пытались идти дальше въ область болѣе интимныхъ анекдотовъ, но нигдѣ я не замѣтилъ простой и спокойной бесѣды людей, сошедшихся для серьезнаго обмѣна мыслей. Было ясно, что здѣсь

сходились только случайно и наспѣхъ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же разбрестись въ разныя стороны и идти каждому по своему дѣлу.

Вскорѣ изъ дверей комнаты, гдѣ засѣдала Коммисія, вынырнулъ тоненькій, какъ хлыстикъ, съ длинными, артистически пущенными по шеѣ свѣтлорусыми волосами, письмоводитель Совѣта Татьянко (такъ онъ мнѣ впослѣдствіи отрекомендовался) и позвалъ меня по фамиліи Я вошелъ съ нимъ въ комнату, гдѣ засѣдала Коммисія.

Это была обширная комната въ два окна, обставленная по стѣнамъ рядомъ книжныхъ шкафовъ; посрединѣ тянулся широкій и длинный столъ, покрытый коричневымъ сукномъ, окаймленнымъ бахромой, а вдоль стола со всѣхъ сторонъ стояли высокія и глубокія, мягко обитыя коричневымъ трипомъ дубовыя кресла. Простой и вмѣстѣ серьезный стиль комнаты мнѣ очень понравился. Во всякомъ случаѣ онъ былъ гораздо лучше той поддѣлки подъ стиль заправско-судебный съ обязательнымъ „столомъ присутствія“, который завелся впослѣдствіи, когда помѣщеніе Совѣта обогатилось еще лишней комнатой.

Члены Коммисіи группировались въ своихъ креслахъ у одного края стола, за которымъ стояло кресло секретаря Коммисіи и на которомъ возсѣдалъ уже извѣстный мнѣ Алексѣй Петровичъ.

Нѣкоторая офиціальная торжественность несомнѣнно чувствовалась въ воздухѣ, но я по совѣсти долженъ сказать, что всѣ члены Коммисіи оказались премилыми людьми, а самъ Алексѣй Петровичъ былъ положительно великолѣпенъ въ своемъ умѣньи сочетать мягкую деликатность тона со своимъ несомнѣнно нѣсколько офиціальнымъ положеніемъ.

XXXVI

Изъ краткой бесѣды съ Коммисіею я невольно воспринялъ и понялъ только одно, что въ дѣлѣ принятія въ помощники, она, Коммисія, собственно и есть главная и настоящая инстанція, а что санкція Совѣта является лишь попутною бюрократическою подробностью. Мнѣ этого никто прямо не сказалъ, но это было само собою ясно послѣ того, какъ секретарь Коммисіи объявилъ мнѣ, что всѣ собранныя обо мнѣ свѣдѣнія оказались вполнѣ удовлетворительными, и что я, собственно говоря, могу считать себя уже принятымъ. Послѣ этого, начиная съ милѣйшаго Алексѣя Петровича, всѣ члены Коммисіи поочередно, не безъ нѣкоторой торжественности, пожали мнѣ руку. Въ заключенье Алексѣй Петровичъ вручилъ мнѣ еще какую-то печатную брошюрку въ обложкѣ желтаго цвѣта и промолвилъ полушутливо.

— Вотъ почитайте .. Тутъ всѣ наши правила... Вся этика. Поучайтесь! Приходите въ субботу къ часу. Я попрошу, чтобы въ Совѣтѣ васъ не задержали съ пріемомъ. Да не забудьте семь рублей съ собою захватить. До свиданья!

Я вышелъ изъ зданія судебныхъ установленій съ облегченной душой. Очевидно, я не буду признанъ несоотвѣтствующимъ высокому званію помощника присяжнаго повѣреннаго. Слава Богу! Я значительно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Въ субботу къ часу я былъ уже опять въ Смирновкѣ.

На этотъ разъ я не могъ не замѣтить, что вся физіономія ея какъ бы нѣсколько измѣнилась. Точно ей предстоялъ сегодня инспекторскій смотръ и она нѣсколько подтянулась. И керосиновая кухня не такъ безбожно чадила, и Смирновъ былъ чище выбритъ, и разговоры велись степеннѣе, сдержаннѣе.

Было нѣсколько лицъ изъ числа и пожилыхъ и молодыхъ, явно непріятно чѣмъ-то озабоченныхъ. Они ловили налету Татьянко, безпрестанно мелькавшаго въ Смирновкѣ, и по временамъ входившаго туда, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ. Какъ только онъ показывался, они набрасывались на него: „когда-же меня вызовутъ?“ „я жду уже цѣлый часъ!“ „скоро-ли мое дѣло?“

Впослѣдствіи я узналъ, что это были присяжные повѣренные и помощники, вызываемые по разнаго рода дисциплинарнымъ дѣламъ. Меня поразила тогда ихъ ажитація. Многіе изъ нихъ вылетали изъ помѣщенія, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, совершенно красные, переволнованные, какъ будто они вынесли только-что самую жестокую и позорную экзекуцію.

Позднѣе, приглядѣвшись къ производству въ Совѣтѣ и на себѣ испытавъ значеніе товарищескаго дисциплинара суда, я понялъ, что въ нравственномъ отношеніи это можетъ быть самая благотворная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая тяжелая форма суда. Передъ товарищами-судьями не должно быть ничего неяснаго и недоговореннаго; отъ обвиняемаго требуется безусловная искренность, а такое полное разоблаченіе всей своей подоплеки по поводу какой-нибудь шальной жалобы кліента или неосновательнаго заявленія должностнаго лица для многихъ является очень труднымъ психологическимъ моментомъ.

Во время довольно томительнаго ожиданія мнѣ вдругъ посчастливилось. Ко мнѣ подсѣлъ одинъ, уже не молодой, черный въ очкахъ присяжный повѣренный, считавшійся „зоиломъ сословія“ (я съ нимъ только наканунѣ случайно столкнулся у моего новаго патрона Александра Александровича С—на за вечернимъ чаемъ); и онъ мнѣ не далъ скучать.

XXXVIII

Члены Совѣта иногда проходили черезъ Смирновку, выходя на нѣсколько минутъ изъ комнаты Совѣта, и затѣмъ торопливо возвращались назадъ. Я никого не зналъ изъ нихъ въ лицо, а между тѣмъ меня очень интересовали эти „генералы", какъ называлъ ихъ Александръ Александровичъ, такъ какъ въ ихъ числѣ были адвокаты все съ очень громкими, заслуженными именами. Ни одного не пропускалъ мой новый знакомый безъ легкой характеристики, остроты или особый клички. Одного онъ называлъ „паномъ", другого „блаженнымъ", третьяго „медвѣдемъ" четвертаго почему-то „мастеровщиной" и т. д. до безконечности.

Кстати замѣтить относительно моего новаго знакомца—„зоила сословія". При жизни онъ считался не только злымъ на языкъ, но и вообще мало соціабельнымъ субъектомъ. Многіе его сторонились, опасаясь дать пищу его острословію. Считали, что у него недостаточно мягкое и доброе для дружнаго сословнаго единенія сердце. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда послѣ его смерти оказалось, что онъ по духовному завѣщанію оставилъ именно на нужды сторонившагося отъ него при его жизни сословія довольно крупную сумму. Для этого онъ долженъ былъ вести очень скромный образъ жизни и даже во многомъ себѣ отказывать.

Вѣроятно, я бы долго еще выслушивалъ на этотъ разъ злыя словечки и остроты по адрессу моихъ будущихъ коллегъ, если-бы меня вдругъ не замѣтилъ черноволосый красавецъ П—нъ, который неожиданно также появился въ Смирновкѣ. Онъ тотчасъ-же шумно направился ко мнѣ.

— А вы къ намъ, наконецъ-то, слышалъ, слышалъ!.. Я давалъ уже о васъ отзывъ въ Коммисіи. Вы приняты?

Я объяснилъ, что въ Совѣтѣ еще не все оформлено, хотя я жду уже добрыхъ два часа.

— Ну, мы это сейчасъ устроимъ!—бросилъ мнѣ на ходу милѣйшій П—нъ и тотчасъ-же поймалъ за лацканъ сюртука (это была его привычка) письмоводителя Совѣта Татьянко и сталъ горячо ему что-то доказывать.

Татьянко утвердительно закивалъ головой и скрылся въ совѣтскихъ дверяхъ. Вскорѣ онъ возвратился и что-то сообщилъ П — ну. П — нъ тотчасъ-же обратился ко мнѣ.

— Сейчасъ все будетъ готово. Осталось только предсѣдателю подписать свидѣтельство. Ваше принятіе уже состоялось... Поздравляю! Да, съ васъ тутъ взыщутъ..

— Семь рублей!—подсказалъ, я залѣзая въ бумажникъ и извлекая оттуда весь свой тощій запасъ.

— А вы уже знаете!—улыбнулся П—нъ и дружески схватилъ меня за лацканъ сюртука. — Кстати, продолжалъ онъ, я васъ сегодня ужъ больше не выпущу, вы должны оказать мнѣ товарищескую услугу, я хочу передать вамъ одну уголовную защиту...

Я чуть не присѣлъ тутъ-же на мѣстѣ, какъ стоялъ, посреди Смирновки.

— Какъ защиту? мнѣ? сегодня-же?

П—нъ раскатисто смѣялся надъ моей оторопью.

— Успокойтесь, не сейчасъ, еще больше недѣли впереди... Я вамъ все объясню! Только надо устроить сегодня-же.

Въ это время появился Татьянко, побѣдно, въ видѣ трофея, держа въ рукахъ мое „свидѣтельство“. Съ меня взыскали установленную контрибуцію, что совершилось очень быстро, и я, неожиданно-скоро для самаго себя,

оказался непререкаемымъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Для этого не понадобилось даже проникать въ святую святыхъ Совѣта. Все обошлось гораздо проще, нежели я ожидалъ.

Когда я бережно сложилъ свидѣтельство своего новаго званія и запряталъ его рядомъ съ опустѣвшимъ бумажникомъ въ боковой карманъ сюртука, милѣйшій П—нъ оказался неумолимъ. Выпустивъ лацканъ моего сюртука, онъ тотчасъ-же дружески крѣпко обнялъ меня за талью, какъ-бы изъ предосторожности, чтобы я отъ него не сбѣжалъ и, куда-то повлекъ меня за собой.

Взбираясь и спускаясь по лѣстницамъ, мы двинулись по коридорамъ окружнаго суда.

Передо мною мелькали надписи „зало засѣданія съ участіемъ присяжныхъ“, „первое отдѣленіе“, „второе отдѣленіе“, „третье“. Я изумлялся, насколько всѣ писцы и сторожа уже знаютъ П—на и какъ низко ему кланяются. Я самъ невольно проникался къ нему уваженіемъ.

— Вотъ, тутъ! — остановились мы передъ закрытыми дверями, на которыхъ была надпись „кабинетъ товарища предсѣдателя“.

— Что, Павелъ Ивановичъ здѣсь? А товарищъ предсѣдателя въ засѣданіи?.. — быстро спросилъ П—нъ у низко поклонившагося ему и теперь вытянувшагося въ струнку сторожа, молодого парня, стоявшаго въ коридорѣ у дверей.

— Такъ точно, его превосходительство въ засѣданіи съ присяжными, а Павелъ Ивановичъ тутъ занимаются... Прикажете доложить?

— Доложи!—быстро отрѣзалъ П—нъ и, освободивъ меня отъ объятія, тотчасъ-же вновь схватилъ меня за лацканъ сюртука.

— Павелъ Ивановичъ И—ъ—это секретарь! Отъ него зависитъ назначеніе защитниковъ на выѣздъ, но можно иногда и здѣсь получить защиту,—поучалъ меня П—нъ.—Погодите, я попробую сейчасъ-же все это устроить...

Въ это время сторожъ вернулся, и широко раскрывая одну половинку двери, какъ-то мягко изгибаясь, чтобы возможно почтительнѣе пропустить П—на, сказалъ: „пожалуйте, васъ просятъ!“

П—нъ, выпустивъ мой лацканъ и даже какъ бы чуть-чуть оттолкнувъ меня отъ себя, чтобы я не вздумалъ послѣдовать за нимъ, шепнулъ мнѣ: „погодите, не уходите!“. Затѣмъ онъ скрылся въ „кабинетѣ товарища предсѣдателя“, а сторожъ мягко и осторожно притворилъ за нимъ дверь, оставшись попрежнему у наружной ея стороны въ коридорѣ.

Въ тѣ нѣсколько секундъ, пока дверь стояла открытою, я успѣлъ разглядѣть довольно обширную, казенно и неуютно обставленную комнату. За однимъ, меньшимъ столомъ, который былъ пододвинутъ ближе къ окну, сидѣлъ какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ съ узкимъ лбомъ и такою-же узкою и довольно тощею, но быстро растущею книзу бородой рыжеватаго цвѣта. Когда онъ любезно приподнялся навстрѣчу къ П—ну, я замѣтилъ, что онъ былъ очень невысокъ, такъ что борода была ему не по росту.

Отойдя отъ двери и прохаживаясь по коридору, я рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать. Мнѣ показалось, что я прождалъ довольно долго. Изъ кабинета доносились иногда взрывы крупнаго откровенно-веселаго смѣха П—на и затѣмъ слышалось какое-то мелкое, задушенное дребезжаніе, точно случайно дре-

безжало стекло гдѣ-нибудь въ оконной рамѣ. Очевидно, смѣялся и его собесѣдникъ. Потомъ все стихало.

Я начиналъ думать, что за веселой бесѣдой П-—нъ просто позабылъ обо мнѣ.

Мимо по коридору проходили иногда торопливо присяжные повѣренные со значками въ довольно поношенныхъ и нерѣдко дурно сидѣвшихъ на нихъ фракахъ; но чаще мелькали франтоватые молодые люди безъ значковъ, но съ портфелями. Почти каждый изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ внимательно оглядѣть меня съ ногъ до головы. Я догадывался, что это были „господа помощники", какъ почтительно титуловалъ ихъ сторожъ, когда я къ нему обратился съ вопросомъ, желая провѣрить свою догадку.

— Ихъ тутъ очень даже много,—любезно съ широкою поощрительною улыбкою молвилъ онъ,— потому, наше отдѣленіе больше выѣздное, такъ въ канцеляріи дѣла читаютъ. Примѣрно въ Царское, въ Гдовъ, тоже въ Новую Ладогу защищать поѣдемъ; кажному, стало быть, лестно.

Въ это время извнутри кабинета энергично звякнулъ звонокъ. Словоохотливый собесѣдникъ мой ринулся туда, прервавъ себя на полусловѣ. Вскорѣ онъ возвратился и, какъ мнѣ показалось, ободряюще взглядывая на меня, торжественно произнесъ, указывая рукою на дверь: „пожалуйте, просятъ!"

Я очутился въ широкомъ кабинетѣ, сводчатый потолокъ котораго какъ-то непривѣтно нависалъ надъ большимъ столомъ, стоявшимъ по серединѣ комнаты, съ высокими, обтянутыми полинявшимъ трипомъ, дубовыми креслами вокругъ и дешевымъ книжнымъ шкафомъ въ углу; въ шкафу виднѣлось очень немного книгъ.

За столомъ, стоявшимъ въ сторонѣ у окна, бокомъ къ входной двери, сидѣлъ тотъ господинъ въ золотыхъ очкахъ съ узкимъ лбомъ и узкой, но длинной бородой, котораго я замѣтилъ уже ранѣе, когда въ кабинетъ входилъ П—нъ. Самого П—на въ кабинетѣ уже не было. Его громкая, оживленная рѣчь слышалась въ смежной комнатѣ изъ-за двери, приходившейся справа отъ входной. Какъ я вскорѣ узналъ, тамъ и была знаменитая канцелярія „выѣзднаго" отдѣленія, гдѣ, по словамъ сторожа, всегда было много „господъ помощниковъ". Входная въ нее дверь вела изъ коридора, но можно было пройти и изъ предсѣдательскаго кабинета, гдѣ имѣлъ свой столъ для занятій и секретарь.

Павелъ Ивановичъ И—овъ, секретарь „третьяго, уголовнаго отдѣленія", какъ я убѣдился вскорѣ, былъ очень любезный и обязательный господинъ, но онъ не любилъ, чтобы ему въ чемъ-либо „манкировали". Несмотря на свои молодые годы, онъ никогда не упускалъ случая (когда дѣйствительно представлялся къ тому такой случай) напомнить всякому, что и вицмундиръ секретаря облекаетъ въ сущности не его, Павла Ивановича И—ва, у котораго хотя и золотыя очки, но малый ростъ и узкій лобъ и узкая борода, а нѣчто неосязаемое и, такъ сказать, высшее, самый „престижъ власти", который, разумѣется, не можетъ имѣть ни очковъ, ни лба, ни бороды, ни даже обидно малаго роста.

При моемъ появленіи онъ приподнялся, наклонивъ голову и пригласивъ рукою приблизиться, но, очевидно, отнюдь не присѣсть приблизившись, ибо наоборотъ самъ, вставши, выдержалъ въ такомъ положеніи нѣкоторую паузу.

XLIV

Я назвалъ себя. Онъ протянулъ мнѣ руку и достаточно сильно пожалъ мою.

— Садитесь, пожалуйста!

Мы сѣли Онъ на своемъ секретарскомъ креслѣ, въ своемъ секретарскомъ вицмундирѣ, я черезъ столъ противъ него на стулѣ со свѣжею перчаткою на лѣвой рукѣ и въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

Оглядѣвши меня, онъ, повидимому, остался доволенъ. Очевидно, онъ не примѣтилъ во мнѣ ничего такого, чтобы посягало на престижъ власти, облеченный даже въ секретарскій вицмундиръ.

— Вашъ товарищъ Владиміръ Михайловичъ (такъ звали П—на) мнѣ много говорилъ о васъ лестнаго. Очень радъ служить, чѣмъ могу. Я всегда готовъ оказать поддержку молодежи... Ей принадлежитъ вѣдь будущее!

Я обернулся къ окну. Мнѣ показалось, что задребезжало стекло въ оконной рамѣ. Но это своимъ особеннымъ смѣхомъ, похожимъ на очень далекое и заглушенное ржаніе очень молодой лошади, сопроводилъ почему-то Павелъ Ивановичъ свое собственное восклицаніе о молодежи. Мнѣ какъ-то тутъ же пришло въ голову, что должно быть, когда Павелъ Ивановичъ самъ представлялся своему высшему начальству при поступленіи на службу, то высшее начальство точно также заржало, сказавъ что либо лестное относительно молодежи, и съ тѣхъ поръ Павелъ Ивановичъ уже всегда при подобныхъ обстоятельствахъ считаетъ нужнымъ слегка заржать. Но разумѣется онъ ржалъ еще сдержанно и негромко, насколько это соотвѣтствовало пока его чину и должности.

— Весьма, весьма способнымъ защитникомъ проявилъ себя вашъ товарищъ Владиміръ Михайловичъ!—

снова заговорилъ Павелъ Ивановичъ, откидываясь къ спинкѣ кресла и дотрогиваясь до оконечности своей узкой, но длинноватой бороды.—Третьяго дня у насъ въ Царскомъ слушалось дѣло о поджогѣ. Защищалъ П—нъ, и, надо правду сказать,—блистательно! Самъ Игнатій Платоновичъ въ своемъ резюме отдалъ ему должное...

Я несмѣло перебилъ его.

— Виноватъ, кто это Игнатій Платоновичъ?

— Какъ, вы не знаете? О, да вы совсѣмъ новичекъ!... Предсѣдатель нашего отдѣленія, Игнатій Платоновичъ З—скій. Образованнѣйшій юристъ, прекрасно пишетъ, говоритъ, какъ настоящій ораторъ, и также покровительствуетъ молодежи... У насъ въ отдѣленіи своего рода школа краснорѣчія, формируются, такъ сказать, таланты изъ молодежи...

Снова задребезжало стекло въ оконной рамѣ.

Павелъ Ивановичъ, отдѣлившись отъ спинки и оставивъ въ покоѣ свою бороду, вдругъ оживился.

— Способствуемъ, чѣмъ можемъ!... Я-же и убѣдилъ Игнатія Платоновича назначить П—на на эту защиту; онъ мнѣ потомъ сказалъ: „Вы были правы, это—будущая звѣзда!“ Вы бы только послушали, какъ онъ отдѣлалъ товарища прокурора, всѣ до одной улики въ лоскъ уложилъ...

— И оправдали?—съ какимъ-то непреоборимымъ, трепетнымъ волненіемъ спросилъ я.

— Ну, нѣтъ, оправдать-то не оправдали! Каторга восемь лѣтъ... Да оправдать и невозможно было, вѣдь почти на мѣстѣ захватили! Но рѣчь была великолѣпная и длилась ровно два часа. Согласитесь, что для начинающаго это чего-нибудь да стоитъ...

Я поспѣшилъ согласиться, и вдругъ какъ-то не-

произвольно у меня въ головѣ стала разрѣшаться таинственная, ариѳметическая задача: „выходитъ по 15 минутъ блистательной рѣчи на каждый годъ каторги. Для осужденнаго это все-таки утѣшеніе!“

Я обернулся къ окну, думая, что сейчасъ задребезжитъ въ оконной рамѣ стекло, но Павелъ Ивановичъ, уставившись въ свои круглыя очки, глядѣлъ на меня совершенно серьезно.

— А вы, я слышалъ, пишете? Мнѣ говорилъ Владиміръ Михайловичъ, — обратился онъ ко мнѣ еще серьезнѣе.

Я вспомнилъ свою „Жертву брака“ съ жирно замазанной редакціонной помѣтой и почувствовалъ, какъ кровь начинаетъ выпирать самые корни моихъ волосъ. Ощутивъ испарину, я, однако, нѣсколько оправился, причемъ сообразилъ, что „роковая“ моя тайна относительно „Жертвы брака“ едва-ли можетъ быть ему извѣстна.

— Да, я дѣйствительно напечаталъ двѣ, три (я зачѣмъ то прибавилъ это „три“, хотя отлично помнилъ, что пока напечаталъ только „двѣ“ статьи) статейки отчасти юридическаго содержанія въ „Недѣлѣ“.

— А какъ заглавія?

Я назвалъ два заглавія, умолчавъ вовсе о „третьей статейкѣ“.

— Прочту, непремѣнно прочту! „Недѣля“ прекрасный журналъ, корректный, чистенькій... Для начинающихъ, для молодежи это уже рекомендація. Очень, очень радъ!

Павелъ Ивановичъ перетянулся черезъ столъ и потрясъ мою руку. Мнѣ показалось, что онъ собирается благосклонно сопроводить это пожатіе поощрительнымъ легкимъ своимъ ржаніемъ, но всѣ стекла оконныхъ

рамъ какъ-то разомъ вдругъ вздрогнули безъ малѣйшаго его въ томъ участія. По корридору, идущему мимо кабинета, послышалось грузное топотаніе длиннаго ряда тяжеловѣсныхъ сапогъ.

— А, вотъ, привели арестантовъ! — встрепенулся Павелъ Ивановичъ, какъ бы инстинктивно почуявъ подъ своимъ вицмундиромъ свѣжій приливъ „престижа власти“ и энергично взялся за звонокъ, бывшій у него тутъ же подъ рукой.—Вѣроятно и вашего... Какъ онъ? (Павелъ Ивановичъ быстро заглянулъ въ лежавшія передъ нимъ бумаги)... а Семенъ Гавриловъ. Да и вашего Семена Гаврилова я приказалъ доставить.

Я готовъ былъ думать, что или онъ или я бредимъ.

„Арестанты“ и среди нихъ какой-то „Семенъ Гавриловъ“ и этотъ Семенъ Гавриловъ почему-то „мой“... „Просто чудеса какіе-то“!

Павелъ Ивановичъ словно на лету поймалъ мое недоумѣніе.

— Развѣ Владиміръ Михайловичъ вамъ ничего не объяснялъ? Этакая горячка, вѣчно горитъ, вѣчно въ движеніи. Настоящая ртуть! Вонъ и тамъ разглагольствуетъ уже на всю канцелярію. Онъ самъ долженъ былъ защищать этого Семена Гаврилова; тотъ непремѣнно хотѣлъ имѣть его своимъ защитникомъ. О! онъ массу писемъ получаетъ изъ тюрьмы... Но дѣло идетъ будущій вторникъ, а въ это число онъ гдѣ-то занятъ... Такъ вотъ онъ и желаетъ вамъ передать эту защиту. Мы ничего не имѣемъ противъ, милости просимъ!

— Однако, хотѣлось мнѣ запротестовать,—но Павелъ Ивановичъ не далъ мнѣ возразить и перебилъ меня.

— Это будетъ ваша первая защита? Что-жъ, тѣмъ лучше, послушаемъ васъ!

XLVIII

Такъ какъ я, вѣроятно, все еще продолжалъ сохранять на своемъ лицѣ выраженіе большой оторопи, то Павелъ Ивановичъ поспѣшилъ успокоительно прибавить.

— О судьбѣ подсудимаго, пожалуйста, не безпокойтесь. Онъ хотя и несовершеннолѣтній, но сидитъ крѣпко. При немъ найдено поличное, дуралей запирается, но это ему не поможетъ. Взломъ присяжные, конечно, отвергнутъ, дадутъ пожалуй и снисхожденіе. Такъ что въ общемъ отдѣлается онъ нѣсколькими мѣсяцами безъ лишенія...

Въ это время со стороны канцеляріи раздался веселый залпъ молодого дружнаго хохота.

Павелъ Ивановичъ нетерпѣливо сдвинулъ брови и на полусловѣ перервалъ самого себя. Онъ энергично нажалъ звонокъ Тотчасъ-же появился знакомый уже мнѣ сторожъ.

— Андрей!—обратился Павелъ Ивановичъ къ нему,— пройди въ канцелярію, попроси, чтобы были потише... Заниматься невозможно. Господъ помощниковъ попроси, чтобы были тише, но только вѣжливо, слышишь!

— Такъ точно!—вытянулся въ струнку Андрей.

— И вотъ проводи ихъ...—Павелъ Ивановичъ указалъ на меня—проводи въ канцелярію, во второй столъ! Тамъ Владиміръ Михайловичъ П — нъ васъ представитъ моему помощнику и вы получите дѣло для обозрѣнія; не забудьте оформить согласіе подсудимаго,— обратился онъ ко мнѣ, уже вставъ съ кресла и выпрямляясь во весь свой ростъ, какъ-бы давая понять, что на этотъ разъ „аудіенція“ кончена.

Не понимая еще хорошенько, что предстоитъ мнѣ впереди и что именно должно обозначать „оформить согласіе“, я поблагодарилъ его.

— Всегда къ услугамъ, очень, очень радъ, чѣмъ могу!.. А теперь,—вздохнулъ Павелъ Ивановичъ, собирая лежавшія передъ нимъ на столѣ бумаги,—нужно къ „самому“ въ засѣданіе для подписи. Подписать конечно не трудно, но заготовить!..

Павелъ Ивановичъ при этомъ сдѣлалъ такое лицо, какъ будто хотѣлъ дать понять, что онъ одинъ знаетъ секретъ заготовленія подобнаго рода бумагъ.

Я откланялся и вышелъ въ ту самую дверь, черезъ которую вошелъ ранѣе. Сторожъ Андрей поспѣшилъ за мною въ коридоръ и, открывая другую, почти смежную съ этой, дверь, почтительно указалъ мнѣ: „пожалуйте, тутъ и канцелярія!“

Перваго, кого я увидѣлъ посреди длинной казенно-заставленной столами и глухими шкафами комнатѣ, былъ все тотъ-же милѣйшій Владиміръ Михайловичъ П—нъ. Онъ стоялъ въ срединѣ довольно многолюдной группы молодыхъ людей и очевидно держалъ въ напряженіи вниманіе всего собранія. Его слушали даже писцы, оставившіе перья и повытянувшіе съ своихъ мѣстъ тощія шеи, какъ будто гуси, которыхъ собираются кормить. Вокругъ него живописно группировались помощникъ секретаря, кандидаты на судебныя должности, работавшіе въ отдѣленіи и нѣсколько „господъ помощниковъ“, случайно забредшихъ читать дѣла. Мнѣ показалось даже, что одѣтые въ короткіе желтые полушубки, разставленные шеренгой вдоль задней стѣны арестанты, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ, и тѣ сочувственно и одобрительно поглядывали на разшумѣвшагося оратора.

Сторожъ Андрей, раньше чѣмъ я успѣлъ подойти къ группѣ, окружавшей П—на, успѣлъ уже, очевидно, шепнуть что-то помощнику секретаря. Тотъ въ свою

очередь, наклонясь въ сторону П—на, промолвилъ довольно нерѣшительно.

— Однако, пора за работу!... Спасибо вамъ, Владиміръ Михайловичъ, что хоть вы иногда стряхиваете съ насъ плѣсень. На писаніи повѣстокъ души, знаете-ли, не отведешь...

П—нъ, тѣмъ временемъ, завидѣвъ меня, ухватилъ за лацканъ сюртука.

— Ну что, слажено? Защищаете?

— Да... Но будетъ-ли согласенъ подсудимый? Вѣдь, онъ хотѣлъ непремѣнно васъ, я ни разу еще не защищалъ, я не знаю, какъ сѣсть на судѣ, какъ ступить... Что, если обвинятъ?

— Пустяки! Объ этомъ и не думайте, вздоръ! Сойдетъ отлично. Сейчасъ прочтите дѣло и—шабашъ!

Тутъ-же П—нъ отрекомендовалъ меня помощнику секретаря, тому самому молодому человѣку съ грустнымъ и меланхолическимъ видомъ, который только-что иронизировалъ насчетъ писанія повѣстокъ.

Я сталъ перелистывать тощее дѣло въ синей обложкѣ, которое онъ мнѣ обязательно подалъ: „дѣло о крестьянинѣ Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда, Симоновской волости, деревни Клещи, Семенѣ Гавриловѣ, обвиняемомъ въ кражѣ со взломомъ".

П—нъ тѣмъ временемъ оживленно о чемъ-то сталъ бесѣдовать съ низкорослымъ арестантомъ изъ приведенной партіи. Вскорѣ онъ уже влекъ его за собою къ столу помощника секретаря.

— Вотъ, Семенъ Гавриловъ желаетъ, чтобы его защищалъ вмѣсто меня мой товарищъ К.—обратился П—нъ къ помощнику секретаря, указывая одновременно и на приблизившагося вмѣстѣ съ нимъ къ столу аре-

станта и на меня, успѣвшаго уже усѣсться у свободнаго края стола.

Помощникъ секретаря неторопливо поднялъ свои грустно-меланхолическіе глаза и уставился на арестанта:

— Желаете?

Семенъ Гавриловъ молчалъ и только какъ-то тупо посапывалъ въ воротникъ своего, издававшаго нещадно-кислый запахъ, полушубка

— Вотъ ихъ... защитникомъ себѣ желаете? — уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и чуть не тыча въ меня пальцемъ переспросилъ онъ его снова

— Что-же... жалаю?—растягивая слова, метнулъ на меня исподлобья тревожный и, какъ мнѣ показалось, подозрительный взглядъ низкорослый, рябоватый парень лѣтъ семнадцати, одѣтый въ арестантскій полушубокъ.

— Жалаю!—еще разъ повторилъ онъ уже болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ и, отведя отъ меня глаза, упорно уставился на закругленные копытообразные носки своихъ несгибающихся, точно изъ дерева выдолбленныхъ казенныхъ сапогъ.

— Желаете, ну такъ вотъ и распишитесь!..—Помощникъ секретаря пододвинулъ къ нему какой-то листъ бумаги и передалъ перо.

— Вы грамотный?

— Грамотный.

— Ну вотъ и пишите...

— А что писать-то?

— Имя, фамилію!...

Семенъ Гавриловъ принялся за дѣло съ великими усиліями. Онъ нѣсколько разъ тщетно пробовалъ забрать наверхъ рукавъ своего полушубка, но это ни-

какъ ему не удавалось, такъ какъ рукавъ былъ непомѣрно длиненъ и все сползалъ на кисть руки. Наконецъ, онъ кое-какъ приладился и, весь побагровѣвъ отъ натуги и обливаясь крупнымъ потомъ, вывелъ криво въ сторонѣ листа: „Семонъ Говрилавъ“.

— Ну ладно! — раздраженно принялъ отъ него бумагу помощникъ секретаря, — ступайте на мѣсто...

Семенъ Гавриловъ какъ-то нескладно попятился назадъ, словно ему было стыдно оглянуться. Онъ занялъ свое мѣсто въ общей шеренгѣ арестантовъ не сразу. Ближайшіе арестанты стали даже тянуть его за полы полушубка, чтобы водворить на мѣсто.

Было замѣтно, что онъ очень переволнованъ. Ярко-кирпичныя пятна выступили на его корявомъ лицѣ.

Я былъ взволнованъ на менѣе его самого, хотя и старался не показать вида.

На томъ-же листѣ, гдѣ стояли съ такимъ трудомъ выведенныя каракули: „Симонъ Говриловъ“, по предложенію помощника секретаря, я въ свой чередъ изобразилъ: „защиту принять согласенъ“ и затѣмъ расчеркнулся дѣвственною подписью: „помощникъ присяжнаго повѣреннаго“ такой-то.

Свершилось.

Участь моя была рѣшена; „я защитникъ, адвокатъ, у меня кліентъ“!.. Первый кліентъ дѣлаетъ васъ адвокатомъ.

— А когда я могъ-бы объясниться съ подсудимымъ наединѣ?—тотчасъ-же озабоченно мелькнула у меня въ головѣ мысль о моемъ „неотъемлемомъ правѣ“ защитника.

— Когда вамъ будетъ угодно, ежедневно отъ девяти часовъ утра до девяти вечера. Мы вамъ выдадимъ свидѣтельство, съѣздите въ тюрьму, онъ содер-

жится въ Литовскомъ Замкѣ, — успокоилъ меня помощникъ секретаря.

Въ то время знаменитый „домъ предварительнаго заключенія“ (или „замученія“, какъ передѣлали содержащіеся въ немъ арестанты, коментируя по своему значеніе иниціаловъ на бѣльѣ и одеждѣ: „Д. П. З.“), рядомъ съ судебными установленіями, еще только возводился. Подслѣдственные арестанты „изъ простыхъ“, на ряду съ осужденными преступниками, содержались въ Литовскомъ Замкѣ, что на Офицерской; для „привелигированныхъ“ имѣлись особыя мѣста заключенія при полицейскихъ частяхъ.

Раньше чѣмъ увели Семена Гаврилова, я, съ разрѣшенія помощника секретаря, приблизился къ своему новому кліенту и ободряюще кинулъ ему нѣсколько словъ.

— Я непремѣнно пріѣду къ вамъ завтра. Съ глазу на глазъ вы мнѣ все объясните откровенно!..—обратился я къ нему не совсѣмъ твердымъ и увѣреннымъ голосомъ.

Онъ засопѣлъ и глянулъ на меня съ испугомъ. Сперва онъ только скоро-скоро заморгалъ глазами, а потомъ настойчиво сталъ глядѣть въ сторону.

Остальные арестанты, наоборотъ, какъ мнѣ показалось, съ сочувственнымъ и даже покровительственнымъ вниманіемъ стали разглядывать меня. Кто-то изъ второй шеренги сталъ даже поталкивать Семена Гаврилова въ спину, какъ-бы желая выдвинуть его впередъ ко мнѣ на встрѣчу, но онъ стойко и упрямо не двинулся съ мѣста.

Скоро канцелярію „очистили отъ арестантовъ“. Подъ наблюденіемъ сторожа Андрея ихъ раскассировали и развели въ разныя стороны. Кого—судить, ко-

му—объявлять приговоръ. Остальныхъ „сдали обратно“ конвойнымъ, чтобы отвести въ тюрьму.

Повели въ числѣ другихъ и моего „кліента“ — Семена Гаврилова. Я съ нѣжною и тревожною грустью проводилъ его глазами до дверей.

Въ канцеляріи водворилась между тѣмъ тишина. Поскрипывали только перья, да шелестѣла иногда бумага.

При мягкомъ свѣтѣ только-что зажженныхъ керосиновыхъ лампъ, прикрытыхъ непроницаемыми абажурами, я подсѣлъ къ столу помощника секретаря и принялся читать и изучать предоставленное въ полное мое распоряженіе „дѣло“ Семена Гаврилова. Я весь погрузился въ чуждый дотолѣ мнѣ міръ чужихъ, интимныхъ интересовъ и своеобразныхъ ощущеній.

Синяя занумерованная обложка заключала въ себѣ производство окружнаго суда, въ которомъ, впрочемъ, кромѣ обвинительнаго акта и „обратныхъ“ повѣстокъ ничего не было, и слѣдственное производство, со включеніемъ полицейскаго дознанія, что составляло въ общемъ не болѣе двадцати, не вездѣ четко и разборчиво исписанныхъ, листовъ бумаги. Въ какіе нибудь полчаса я не только дважды успѣлъ внимательно перечесть все дѣло отъ обложки до обложки, но и сдѣлать всѣ необходимыя выписки.

Покидалъ я канцелярію суда не безъ нѣкотораго подъема духа.

Почти также проворно и почтительно, какъ передъ самимъ П—мъ, сторожъ Андрей распахнулъ передо мною дверь. Такъ какъ я догадался сунуть ему приэтомъ въ руку нѣкоторую монету, то онъ еще выпалилъ мнѣ вслѣдъ:

— Чувствительно!.. Всякаго благополучія и первой счастливой защиты!

Мурашки побѣжали у меня по спинѣ. Мнѣ отчетливо представилось, что мнѣ дѣйствительно предстоитъ ни болѣе, ни менѣе какъ „первая защита“ и мурашки пустились бѣжать даже по икрамъ...

Какимъ-то вихремъ вынесло меня изъ казенно-непріютнаго, мрачнаго зданія „Судебныхъ установленій“. Только на улицѣ въ мягкой синевѣ кончающихся зимнихъ сумерекъ, гдѣ поочередно длинною линіею начинали вспыхивать газовые фонари, я вздохнулъ полной грудью и торопливо, какъ-бы отъ сознанія, что и у меня теперь уже есть свое „настоящее“ дѣло, при которомъ „безцѣльно фланировать“ („шляться!“—я вспомнилъ помощника нотаріуса К.) больше не полагается, я не безъ нѣкоторой гордости зашагалъ по Литейной.

„Дѣло“, выпавшее мнѣ для первой защиты, „по существу“ было очень несложно.

Крестьянскій парень Тверской губерніи Семенъ Гавриловъ снималъ уголъ у квартирной хозяйки гдѣ-то на Обводномъ каналѣ за три рубля въ мѣсяцъ и всегда платилъ за уголъ аккуратно. Занимался онъ сапожнымъ мастерствомъ особаго сорта. Онъ былъ бродячимъ починяльщикомъ простой и грубой обуви.

Такихъ сапожниковъ не мало въ Петербургѣ Они ютятся больше на Сѣнной, у Александровскаго рынка, вблизи фабрикъ и рабочихъ биржъ. Ихъ зазываютъ иногда на квартиры для мелкихъ починокъ, но по большей части они вынуждены показывать свое искусство публично на вольномъ воздухѣ и на виду у всѣхъ проходящихъ. Для этого они останавливаются гдѣ нибудь въ ближайшей подворотнѣ или случайномъ закоулкѣ. „Давалецъ“ тутъ-же скидываетъ оплошавшій на ходу сапогъ и, приплясывая на другой ногѣ, обутой въ болѣе исправную обувь, терпѣливо ждетъ пока мастеръ не кончитъ своей

несложной работы. Иногда оба сапога требуютъ неотложнаго ремонта, тогда операція только затягивается на нѣсколько лишнихъ минутъ. Все дѣло обыкновенно сводится къ тому, чтобы „подкинуть подметку“, „положить латку“ или „подбить гвоздями каблукъ“. Стачать заново сапогъ такой мастеръ пожалуй-бы и вовсе не съумѣлъ.

Зарабатывалъ Семенъ Гавриловъ такимъ „рукомесломъ“ отъ 9 до 12 рублей въ мѣсяцъ. Денегъ этихъ ему заглаза хватало. Накопивъ немного, онъ отсылалъ кое-что и въ деревню. Хозяйка и жильцы общей квартиры считали его парнемъ работящимъ, „очень смирнымъ и аккуратнымъ“. Такъ они и показали у судебнаго слѣдователя—„держалъ, молъ, себя въ полномъ аккуратѣ“. Однако, вдругъ и невѣдомо съ чего, парень прорвался. По ночамъ сталъ вдругъ куда-то отлучаться, загуливать, возвращался пьяный, работу запустилъ, затянулъ хозяйкѣ платежъ за цѣлыхъ три мѣсяца. Наконецъ съ нимъ и вовсе „грѣхъ“ приключился.

Однажды, въ отсутствіе сожителя по комнатѣ онъ забрался и притомъ съ отбитіемъ замка, т.-е. „со взломомъ“ (въ то время такія дѣла еще не были подсудны мировой юстиціи и разбирались „судомъ присяжныхъ“) въ сундукъ самаго зажиточнаго жильца (какого-то „читальщика по покойникамъ“) и произвелъ въ немъ настоящее опустошеніе. Онъ похитилъ одни нанковые порты, три ситцевыхъ рубахи, теплый жилетъ, съ фланелевыми рукавами, новый картузъ, вышитый кисетъ и пять рублей сорокъ семь копѣекъ денегъ. Однимъ словомъ, забралъ все имущество, скопленное „читальщикомъ“ за многіе годы своей печальной, хотя и отмѣнно душеспасительной профессіи.

Послѣ этого Семенъ Гавриловъ скрылся, какъ въ воду канулъ. Только на пятыя сутки „потерпѣвшій“ случайно натолкнулся на него гдѣ-то близь Сѣнной площади. Денегъ при похитителѣ оказалось всего только три копѣйки, но на немъ была надѣта одна изъ похищенныхъ рубахъ. Семенъ Гавриловъ не сопротивлялся и „читальщикъ“ доставилъ его прямо на прежнюю квартиру. Здѣсь всѣ сообща стали ругать и усовѣщивать парня. Если-бы Семенъ Гавриловъ сразу сознался и покаялся, ему склонны были тогда-же простить его „грѣхъ“ съ тѣмъ, чтобы онъ отработалъ только стоимость похищеннаго, но онъ злобно уперся, сталъ твердить, что рубаху купилъ за тридцать копѣекъ на улицѣ „у неизвѣстнаго человѣка“. Бились съ нимъ, бились, наконецъ послали за полиціею. Дѣлу данъ былъ ходъ.

И въ полиціи и у слѣдователя Семенъ Гавриловъ въ кражѣ не сознался и никакихъ оправданій не представилъ. Уперся на одномъ: „знать молъ не знаю и вѣдать не вѣдаю!“ Было однако дознано, что въ послѣднее время онъ похаживалъ въ какой-то публичный домъ на Лиговкѣ. Розыскали и „дѣвицу“, „Анютку рыжую“, которая удостовѣрила, что послѣднія пять ночей онъ дѣйствительно провелъ съ нею и истратилъ на это приблизительно сумму стоимости похищеннаго. Въ этомъ, собственно говоря, и заключались всѣ несложныя „обстоятельства дѣла“.

На. слѣдующее утро тяжелыя двери мрачнаго зданія „Литовскаго Замка“ какъ-бы мановеніемъ волшебнаго жезла распахнулись передо мною при предъявленіи мною „свидѣтельства“ Окружнаго Суда, въ которомъ было сказано, что я защитникъ и что мнѣ предоставляется право „объясняться съ подсудимымъ наединѣ“.

LVIII

Проходя мимо внутренняго двора я замѣтилъ въ немъ множество арестантовъ, занятыхъ пилкою дровъ, тасканіемъ воды и другими хозяйственными работами. Я обратилъ вниманіе, что на форменныхъ куртках арестантовъ воротники не всѣ были одного цвѣта; воротники были зеленые, черные и бурые. Провожавшій меня старшій надзиратель пояснилъ, что это осужденные, арестанты разныхъ отдѣленій, отбывающіе уже наказаніе; „татебнаго“, „разбойнаго“ и т. д. Каждому отдѣленію былъ присвоенъ особаго цвѣта воротникъ. Съ этими арестантами подслѣдственныхъ не смѣшивали. Тѣ носили бушлаты безъ всякихъ отмѣтинъ.

Рядомъ съ канцеляріею смотрителя во второмъ этажѣ, куда меня привели, была небольшая комната, предназначенная для свиданій защитниковъ съ ихъ кліентами.

Пріемъ, встрѣченный мною въ качествѣ „защитника“ у тюремной администраціи, не оставлялъ желать лучшаго. Всѣ, начиная со смотрителя и кончая послѣднимъ сторожемъ, были на высотѣ самой предупредительной любезности. Впослѣдствіи порядки новаго „дома предварительнаго заключенія“ пріобрѣли оттѣнокъ гораздо болѣе сдержанной, чтобы не сказать суровой, оффиціальности.

Въ гулкомъ топотѣ арестантскихъ сапогъ, раздавшемся вскорѣ по длинному и узкому корридору, въ концѣ котораго и была „комната для гг. защитниковъ“, я вскорѣ почуялъ приближеніе моего новаго кліента.

Семенъ Гавриловъ остановился въ дверяхъ весь запыхавшійся и блѣдный. Сопровождавшій его сторожъ съ огромною связкою массивныхъ ключей прикрылъ за нимъ дверь.

Я остался съ моимъ новымъ кліентомъ наединѣ.

При мнѣ былъ портфель, въ которомъ содержалось нѣсколько тощихъ листковъ, замѣтокъ и выписокъ изъ „дѣла". Не безъ нѣкоторой торжественности раскрылъ я его и выложилъ все это на крашеный сѣрой краской, небольшой столъ, высокій и узкій, малоудобный для занятій.

— Садитесь!—обратился я ласково къ Семену Гаврилову, видя, что онъ насупившись стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, упрямо уставившись глазами на закругленные носки своихъ казенныхъ сапогъ.

Онъ не двинулся.

— Садитесь!—повторилъ я снова еще ласковѣе прежняго, указывая на соломенный стулъ, стоявшій противъ меня по другую сторону стола.

Семенъ Гавриловъ по прежнему не тронулся съ мѣста и только безпокойно какъ-то засопѣлъ и тревожно повелъ плечами.

Я поднялся съ своего мѣста.

Едва я успѣлъ сдѣлать къ нему одинъ только шагъ, какъ онъ безпокойно сталъ оглядываться на дверь съ такимъ видомъ, какъ будто у него являлась рѣшимость забѣжать отъ меня куда-нибудь подальше.

Я снова сѣлъ.

— Голубчикъ! — началъ я совсѣмъ просительно и кротко: — Вѣдь я вашъ защитникъ, со мной вы можете какъ на духу, вамъ нечего бояться... Сядьте, пожалуйста!

Семенъ Гавриловъ переступилъ только съ ноги на ногу.

Большихъ усилій мнѣ стоило сколько-нибудь приручить къ себѣ моего перваго кліента. Онъ напоминалъ мнѣ молодую пугливую лошаденку, съ которой только что наладишься, чтобы надѣть хомутъ, а она опять

мотнетъ головой въ сторону и снова приходится ее гладить и отпрукивать, пока опять всякими ухищреніями не поднесешь къ мордѣ ея предательскаго оголовка.

Спустя добрыхъ три четверти часа, оголовокъ былъ, однако, надѣтъ Семенъ Гавриловъ, разставивъ ноги и держа на нихъ руки съ нескладно растопыренными пальцами, красный и немного запотѣлый, довольно непринужденно сидѣлъ противъ меня на стулѣ и, повинившись мнѣ во всемъ, искоса вопросительно взглядывалъ на меня.

Я внутренно торжествовалъ. Я самъ же убѣдилъ его сознаться, такъ какъ былъ твердо увѣренъ, что только при наличности его сознанія присяжные могутъ отнестись къ нему вполнѣ снисходительно, т.-е. оправдать его.

Какъ я и догадывался, его сгубила впервые испытанная имъ страсть къ женщинѣ, страсть къ „Анюткѣ рыжей“, которая научила его и пить водку. Я разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ, старался пережить съ нимъ всѣ колебанія его совѣсти, всю тщетную борьбу его съ внезапно охватившимъ его чувствомъ.

— Она вамъ очень нравилась, да?.. Вы всѣ деньги съ нею и прокутили?—настойчиво разспрашивалъ я.

— Три ночи съ нею подрядъ ночевалъ,—сверкнулъ на меня своими обыкновенно потупленными глазами Семенъ Гавриловъ.—И раньше заходилъ, пока деньги были. Меня тамъ совсѣмъ спознали: какъ, бывало, придешь, сейчасъ Анютку кличутъ: рыжая, корявый пришелъ!..

Мнѣ показалось, что онъ сообщалъ мнѣ объ этомъ не безъ нѣкоторой затаенной гордости.

— Другихъ женщинъ вы раньше не знали?

— Н-нѣтъ! — энергично мотнулъ головой Семенъ Гавриловъ и, какъ мнѣ почудилось, удивленно даже взглянулъ на меня.

— Чѣмъ-же она вамъ такъ полюбилась?.. Красивая?

Семенъ Гавриловъ шибко заморгалъ глазами и, точно отъ натуги, весь побагровѣлъ. Онъ долго молчалъ, наконецъ какъ-то разсѣянно, точно не слышалъ сразу моего вопроса, промолвилъ:

— А кто ее знаетъ... Изъ себя рыжая, морда бѣлая. У мамки телка такая была!..

Было условлено, что онъ принесетъ откровенное сознанье на судѣ, а я постараюсь уяснить присяжнымъ „всю совокупность основаній“, служащихъ къ его оправданію.

До слушанія дѣла оставалось еще дней пять. Мнѣ казалось, что времени ужасно мало. Столько хотѣлось сообразить, перечесть и передумать. Я зачастилъ въ публичную библіотеку, перелисталъ всю юридическую литературу о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, почиталъ по тому же предмету кое-что и изъ области медицинской. Изъ артикуловъ Петра Великаго я выписалъ, что „наказаніе умаляется или весьма оставляется, ежели воръ будетъ недолѣтокъ“, а изъ наказа Екатерины поспѣшилъ отмѣтить вообще всѣ принципы гуманнаго отношенія къ личности преступника.

Дня черезъ два, три—рѣчь помимо моей воли была готова у меня въ головѣ. Кульминаціоннымъ въ ней моментомъ, помимо молодости и увлеченія первою непреоборимою страстью тревожнаго періода юности, являлось именно указаніе на вполнѣ свободное и невынужденное сознаніе подсудимаго. Ранѣе онъ всюду запирался. Запирательство это, быть можетъ, стоило ему

даже лишенія свободы, потому что на первыхъ порахъ ему были готовы простить его вину. Но вотъ, наступилъ торжественный моментъ публичнаго и гласнаго суда, совѣсть его дрогнула, и онъ несетъ добровольно своимъ судьямъ, присяжнымъ чистосердечное, откровенное покаяніе.

Такъ, или приблизительно такъ, укладывалась основная тема защитительной моей рѣчи у меня въ головѣ. Но слова и отдѣльныя фразы какъ-то не приходили, я боялся ихъ произнести, я рѣшительно не зналъ, съ чего начну и чѣмъ кончу мою рѣчь. А вѣдь и начать, и кончить было необходимо.

По вечерамъ я одиноко шагалъ вдоль Фонтанки въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ рѣдко встрѣчались прохожіе, и пробовалъ слегка налаживать предстоящую мнѣ защиту, пытаясь произносить громко отдѣльныя мѣста задуманной рѣчи.

Всего больше я трудился надъ предполагаемымъ началомъ и концомъ. Но тутъ наступала поистинѣ сизифова работа, такъ какъ только что я успѣвалъ затвердить ту или другую фразу, какъ тотчасъ-же она начинала казаться мнѣ банальною и совершенно ненужною.

Кончились эти опыты тѣмъ, что относительно начала я пришелъ къ твердому убѣжденію, что начну его именно такъ: „гг. присяжные засѣдатели!..“ А относительно конца былъ гораздо менѣе счастливъ, такъ какъ ни на чемъ не могъ окончательно остановиться.

То мнѣ казалось, что я долженъ, въ заключеніе моей рѣчи, торжественно умыть руки, по примѣру Пилата, и всецѣло предать судьбу невиннаго въ руки присяжныхъ; то у меня мелькала задорная мысль какънибудь побольнѣе задѣть этихъ ожирѣвшихъ буржуевъ,

чтобы краска стыда залила ихъ сытыя щеки, и они бы не посмѣли обвинить Семена Гаврилова; то я готовъ былъ малодушно идти на компромиссы и процитировать лишь великаго Гете, который о поступкахъ молодости такъ хорошо сказалъ, что только изъ безпокойныхъ и брыкливыхъ жеребятъ выходятъ добрыя рабочія лошади.

Мысли и образы безпокойнымъ вихремъ носились въ моей головѣ, но языкъ упорствовалъ и оставался дѣвственно чистымъ передъ всѣми ораторскими приманками и соблазнами. До послѣдняго дня я такъ и не набросалъ на бумагѣ моей рѣчи, все еще колеблясь и въ самомъ ея планѣ, и въ выборѣ словъ и выраженій. Я чувствовалъ, что не я владѣю моею будущею рѣчью, но что наоборотъ она владѣетъ мною безраздѣльно. Я рѣшился, въ качествѣ послушнаго инструмента, только искренно отдаться ей въ нужную минуту.

И послѣ, на протяженіи всей моей адвокатской карьеры, я никогда не былъ въ состояніи заранѣе написать цѣликомъ всей моей рѣчи. Повторить написанное заранѣе мнѣ было всегда неловко, совѣстно, а главное—неинтересно. Это сказалось бы у меня тотчасъ въ отсутствіи всякаго оживленія и настроенія. Только въ атмосферѣ горячей работы мысли и воображенія во время самаго произнесенія рѣчи я находилъ удовлетвореніе своему ораторскому инстинкту. Есть болѣе счастливые ораторы, которые, произнесши только-что съ жаромъ и увлеченіемъ свою рѣчь, могутъ тотчасъ извлечь ее изъ бокового кармана своего-же собственнаго фрака со всѣми запятыми и даже знаками восклицанія; но къ типу такихъ пишущихъ ораторовъ я никогда не принадлежалъ.

Дни шли. Я жилъ совершеннымъ аскетомъ и думалъ о Семенѣ Гавриловѣ и о моей рѣчи.

LXIV

Ни Б—ка ни А—ва, моихъ ближайшихъ пріятелей, въ Петербургѣ уже не было, и мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими сомнѣніями. Къ патрону идти за совѣтомъ и указаніями мнѣ какъ-то не хотѣлось. Затаенная гордость мнѣ подсказывала, что научиться плавать можно только бросившись въ воду.

Оставалось всего два дня до засѣданія, когда со мною вдругъ неожиданно приключилось нѣчто совсѣмъ необычное, все по поводу той-же предстоявшей мнѣ первой защиты. Вышло это такъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ новой меблированной квартирѣ, куда я переѣхалъ, у меня завелось случайно новое знакомство. Рядомъ съ моей комнатой проживалъ нѣкто Т—скій. Это былъ господинъ хорошей дворянской фамиліи, окончившій года два назадъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ. Онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, не искалъ служебнаго положенія, былъ наклоненъ къ созиданію своей собственной философской системы и жилъ весьма скромно на небольшой доходъ съ родового, порядочно таки раззореннаго предками, имѣнія и сверхъ того получалъ еще ежемѣсячно классическіе восемнадцать рублей, которые отъ казны выдаются каждому окончившему курсъ правовѣду и лицеисту, впредь до полученія ими штатнаго мѣста.

Т—скій, съ своими, немного по-калмыцки, широко разставленными, горѣвшими вѣчно, какъ угли, глазами, черною, словно нарисованною, бородою и неподвижнымъ, нѣсколько деревяннымъ, смуглымъ лицомъ, слегка тронутымъ оспою, что его значительно смягчало и дѣлало почти привлекательнымъ, — былъ личностью довольно любопытною. Достаточно сказать, что именно съ нимъ, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, приключилась та, надѣлавшая въ свое время столько шума въ судебномъ

мірѣ, исторія, которая послужила много лѣтъ спустя Л. Н. Толстому внѣшней фабулой для его знаменитаго „Воскресенія".

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, Т—скій какъ разъ и переживалъ то особое душевное состояніе, которое привело его къ такому рѣшительному шагу Онъ только что отбылъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя свою сессію, закончившуюся, ко всеобщему скандалу, тѣмъ, что онъ оффиціально черезъ прокурора сдѣлалъ предложеніе о вступленіи съ нимъ въ бракъ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ проституткѣ, чухонскаго происхожденія, осужденной за кражу составомъ присяжныхъ засѣдателей, въ числѣ которыхъ былъ и онъ. Онъ выхлопоталъ разрѣшеніе и посѣщалъ ее въ тюрьмѣ.

Въ отличіе отъ Нехлюдова, дѣвушки этой онъ никогда ранѣе не зналъ, и въ этой-то чертѣ и усматривалъ философски-общественное значеніе своего поступка. Подобно Нехлюдову, онъ на проституткѣ не женился и, кажется, не потому, чтобы отъ этого уклонилась сама осужденная. Впослѣдствіи Т—скій уѣхалъ въ деревню, гдѣ и женился на равной себѣ по общественному положенію, сосѣдкѣ по имѣнію и вскорѣ какъ-то неожиданно умеръ отъ бурныхъ приступовъ совершенно непонятой врачами мозговой болѣзни.

Всякому понятно, что, въ разгарѣ своего эксцентричнаго психологическаго приключенія по поводу осужденной проститутки, Т—скій для всѣхъ, прикосновенныхъ къ судебному міру, представлялъ не малый интересъ. Случайно оказавшись сосѣдомъ Т—скаго по жилью, я тотчасъ свелъ съ нимъ знакомство. Мы весьма нерѣдко сходились къ вечернему чаепитію и засиживались по долгу. Погруженный въ свои новые

интересы по поводу предстоящей защиты, я нѣсколько вечеровъ подрядъ не видался съ Т—скимъ, такъ какъ вообще избѣгалъ людского общества. Но, наконецъ, одиночество меня истомило.

Дня за два до защиты я охотно принялъ предложеніе Т—скаго распить съ нимъ вечерній чай. Я такъ былъ полонъ всякими думами и сомнѣніями относительно судьбы Семена Гаврилова, по поводу выпавшей мнѣ роли въ судьбѣ этого, невѣдомаго мнѣ дотолѣ, юноши, что для меня было истинной потребностью подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими впечатлѣніями.

Т—скій былъ весьма склоненъ къ неторопливой бесѣдѣ за вечернимъ чаемъ и всегда задушевно и близко заинтересовывался предметомъ бесѣды. Когда я повѣдалъ ему о томъ, что въ предстоящій вторникъ я долженъ впервые выступить защитникомъ въ окружномъ судѣ съ присяжными и что я очень разсчитываю и надѣюсь на оправданіе подсудимаго, для чего послѣ большихъ усилій убѣдилъ моего несовершеннолѣтняго кліента сознаться во всемъ чистосердечно, хотя онъ ранѣе упорно и запирался,—Т—сій сперва долго мѣшалъ ложкой сахаръ въ своемъ стаканѣ, совершенно не глядя на меня, какъ будто меня вовсе не было въ комнатѣ, потомъ также безмолвно всталъ, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и, наконецъ, съ упорствомъ маньяка строго уставился на меня.

— А вы не подумали,—началъ Т—скій, устремивъ на меня свои огненные, черные глаза,—что этимъ вы приблизили вашего кліента къ тюрьмѣ?.. Что облегчили возможность присяжнымъ обвинить его? Кто вамъ далъ право убѣждать его сознаться, когда инстинктъ самосохраненія подсказывалъ ему иное—отрицаніе...

Я почувствовалъ, что меня бросаетъ въ жаръ.

— Кто вамъ сказалъ, что при сознаніи его непремѣнно оправдаютъ? Это все книжная чувствительность, сантиментальность... Я вотъ самъ былъ только-что присяжнымъ, я узналъ, что это за народъ православный... Рабья шкура, какъ и у всѣхъ насъ, а тутъ еще предсѣдатель насѣдаетъ: „при сознаніи дескать вы не вправѣ оправдывать... Основы потрясаете... присягу нарушаете"!.. Кто потолстошкурѣе сейчасъ начинаетъ опасаться: не его ли самого сейчасъ въ Сибирь отправятъ...

Я слушалъ Т—скаго, и слова его разили меня, какъ молотомъ. Онъ продолжалъ;

— Иное дѣло, когда преступникъ запирается, ни въ чемъ не сознается. Тутъ-то наши православные Соломоны и чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Грѣха на душу не возьмутъ! И пожалѣть могутъ, и отпустить вовсе, потому что—„не доказано". Сомнѣніе всегда найдется, а вѣдь всякое сомнѣніе въ пользу подсудимаго. Да вотъ, и съ вашимъ Семеномъ Гавриловымъ...—Развѣ вина-то его по настоящему доказана? Взлома никто не видалъ, какъ онъ тащилъ вещи и деньги, тоже не видали... Что же остается: поличное—рубаха на немъ?.. Ну, какое же это поличное, разсудите сами: мало ли такихъ же точно рубахъ продается во всѣхъ ларяхъ и на толкучкѣ?.. Закутилъ, пьянствовалъ, такъ онъ же раньше зарабатывалъ, прикапливалъ... Нѣтъ, вы напрасно заставили бѣднягу сознаться. Вы не духовникъ, а защитникъ! . Вы не имѣли никакого права...

Я чувствовалъ себя тяжкимъ преступникомъ. Что-то ужасное и невозвратимое было, очевидно, совершено мною, а я былъ не въ силахъ даже разобраться хо-

рошенько во всемъ этомъ. Возбужденный и авторитетный тонъ Т—скаго и самъ онъ, проникновенный и властный, подавляли меня.

Я провелъ ужасную ночь. Всѣ мои ораторскія ухищренія, артикулы Петра Великаго, наказы Екатерины, Пилаты и Гете тотчасъ вылетѣли у меня изъ головы. Я помнилъ только одно, что я, именно я погубилъ Семена Гаврилова. Втеченіи безсонной ночи я принялъ твердое рѣшеніе, во что бы то ни стало, пока есть еще время, исправить мою ошибку, исправить свой тяжкій промахъ.

На утро я подъѣзжалъ къ Литовскому замку, нравственно совершенно истерзанный и уничтоженный. Я чувствовалъ и физическую слабость: у меня были приступы тошноты, голова кружилась.

Семена Гаврилова не могли привести ко мнѣ въ комнату для защитниковъ,—онъ былъ нездоровъ и находился въ тюремномъ лазаретѣ. Меня провели туда. На одной изъ коекъ я нашелъ Семена Гаврилова въ больничномъ халатѣ, съ компрессомъ на головѣ и съ примочками на глазахъ. Дежурный фельдшеръ мнѣ объяснилъ, что у него воспалились глаза и были легкія мозговыя явленія. Теперь ему было уже лучше, и послѣ завтра онъ могъ быть доставленъ въ судъ.

Прося больного не безпокоиться и не двигаться, я присѣлъ къ нему на край постели и шопотомъ, чтобы насъ не могли слышать другіе больные, сталъ съ нимъ разговаривать.

Я объяснилъ ему, какъ могъ, всю затруднительность и щекотливость нашего общаго положенія. Я просилъ его самаго вдуматься въ предстоящую ему дилему. Если онъ сознался только подъ моимъ вліяніемъ и благодаря моимъ уговорамъ, я просилъ его

„не стѣсняться“ и обѣщалъ ему найти другаго защитника, упросить самого П—на непремѣнно защищать его.

Я рѣшительно умывалъ руки въ томъ, что при сознаніи его непремѣнно оправдаютъ; напротивъ, теперь я находилъ, что... что онъ долженъ поступать такъ, какъ подсказываетъ ему собственный инстинктъ, его собственное чувство...

Долго и упорно молчалъ и только посапывалъ себѣ въ носъ Семенъ Гавриловъ, и я снова и снова долженъ былъ продолжать свой зловѣщій шопотъ.

Наконецъ онъ чѣмъ-то обмолвился, но я не разслышалъ.

— Что, что такое?.. Вы что-то сказали? — жадно наклонился я.

— Что врать-то? Мы въ сознаньи!.. — отвѣчалъ онъ мнѣ также шопотомъ, съ которымъ ему по непривычкѣ, повидимому, трудно было ладить, такъ что отвѣтъ его едва былъ слышенъ.

Меня радостно кольнуло въ грудь. Я еще разъ переспросилъ его, прильнувъ ухомъ почти къ самымъ его губамъ.

Получился тотъ же отвѣтъ:

— Мы въ сознаньи!

Я горячо пожалъ честную руку Семена Гаврилова, и съ удвоенной энергіей порѣшилъ лечь костьми за его оправданіе.

Насталъ самый день защиты.

Я хорошо сдѣлалъ, что съ вечера еще наканунѣ разложилъ аккуратно на стульяхъ свою фрачную пару, вдѣлъ запонки въ крахмальную сорочку, приготовилъ бѣлый галстухъ и собралъ портфель.

Вскочилъ я спозаранку, но чувствовалъ себя ужасно слабымъ, почти совсѣмъ больнымъ. Все валилось у

меня изъ рукъ, ничто не спорилось. О рѣчи я забылъ совсѣмъ, и только какіе-то вялые обрывки, изъ всего продуманнаго мною за эти дни, разрозненно и безсильно, точно подстрѣленныя птицы, трепыхались у меня въ головѣ. Я твердо помнилъ только одно и все-таки боялся не забыть и этого, что неизбѣжно придется начать: „Гг. присяжные засѣдатели!“... Все остальное куда-то уплыло беззвучно и растаяло.

— А будь, что будетъ!.. Не все-ли равно? — старался я успокоить себя, но успокоеніе ни откуда не приходило.

Когда мнѣ подали утренній кофе, то одинъ видъ густыхъ и жирныхъ сливокъ мнѣ сталъ вдругъ противенъ. Я спросилъ себѣ стаканъ чаю, непремѣнно съ лимономъ, но и этого невиннаго напитка мнѣ съ трудомъ удалось проглотить лишь нѣсколько чайныхъ ложекъ.

Я былъ очень жалокъ, когда направлялся на свою первую защиту въ судъ съ портфелемъ, для чего-то нагруженнымъ и объемистымъ уложеніемъ, и уставомъ уголовнаго судопроизводства, но съ совершенно пустою головой.

— А, будь, что будетъ!—твердилъ я вновь себѣ, медленно двигаясь по Литейной, чувствуя во всѣхъ членахъ невыносимое утомленіе и неодолимое желаніе тутъ-же, не испытавъ никакой „первой защиты“, повалиться и уснуть.

Въ судѣ, какъ вскорѣ оказалось, меня ожидала новая непріятность въ видѣ совершенно непредвидѣннаго сюрприза. Едва успѣлъ я подняться въ третій этажъ и направиться къ залу засѣданія, какъ меня уже встрѣтилъ запыхавшійся сторожъ Андрей...

— Пожалуйте, ваше дѣло пойдетъ первымъ... и

подсудимый дожидаетъ, желаетъ что-то такое объяснить! Нѣсколько разъ уже васъ спрашивалъ.

Признаюсь, отъ Семена Гаврилова я такой прыти даже не ожидалъ. Зачѣмъ я могъ быть ему еще нуженъ? Все между нами, казалось, было переговорено и условлено.

Я представился судебному приставу, который былъ уже слегка возбужденъ вознею со свидѣтелями и опасеніемъ публичнаго выговора отъ предсѣдательствующаго и который торопливо встрѣтилъ меня.

— Пожалуйте, пожалуйте! . По вашему дѣлу все готово. Предсѣдатель хочетъ начать пораньше... У насъ еще шесть дѣлъ и по одному двадцать семь свидѣтелей. Пожалуйте!

Я впервые вошелъ въ залу судебнаго засѣданія. Въ загородкѣ для публики было довольно много такъ называемой „сѣрой публики“. Одно изъ слѣдующихъ дѣлъ (большое) было о кражѣ на значительную сумму изъ кладовой Апраксина рынка, и это-то дѣло привлекло слушателей. Въ передней части залы, свободной отъ сакраментальныхъ судейскихъ мѣстъ, скамей присяжныхъ и защитниковъ, бродили какія-то унылыя, разрозненныя фигуры. Это были только-что собравшіеся присяжные засѣдатели, которымъ предстояло судить и моего Семена Гаврилова.

Судьи уже были въ сосѣдней совѣщательной комнатѣ и собирались выйти въ засѣданіе ровно въ одиннадцать. Предсѣдательствовать долженъ былъ самъ Юпитеръ-громовержецъ выѣзднаго отдѣленія, товарищъ предсѣдателя З., раскатистому смѣху котораго, похожему на ржанье, и подражалъ, какъ я сообразилъ впослѣдствіи, мой знакомецъ, секретарь И.

Когда я узналъ, что буду имѣть дѣло въ качествѣ

предсѣдателя съ самимъ З., сердце у меня екнуло. Я слышалъ уже кое-что о нѣкоторыхъ его выходкахъ по адресу защитниковъ, особенно изъ молодыхъ. Въ отдѣленіи было два „выѣздныхъ“ бѣлобрысыхъ кандидатика, надъ которыми, какъ говорили, онъ особенно любилъ упражнять свое остроуміе У одного изъ нихъ было пристрастіе къ слову „аффектъ“. З. предложилъ ему однажды разъяснить присяжнымъ, что онъ собственно разумѣетъ подъ этимъ словомъ. Тотъ, очень смущенный, пытался что-то объяснить и наконецъ закончилъ примѣромъ: „аффектъ, это когда человѣкъ не хорошо понимаетъ, что дѣлаетъ или что говоритъ“.

— Продолжайте!—язвительно отпустилъ З., но за то въ своемъ резюме онъ довелъ бѣднягу защитника чуть не до слезъ. Онъ „разъяснилъ присяжнымъ“, что, по терминологіи защитника, его собственная рѣчь должна быть прежде всего признана произнесенною въ состояніи полнаго аффекта.

Въ другой разъ, когда оба бѣлобрысенькіе кандидата защищали вмѣстѣ, имъ досталось обоимъ. Послѣ обвинительнаго вердикта присяжныхъ, они ухватились разомъ за уложеніе и хотѣли что-то возразить противъ мѣры наказанія, предложенной прокурорскимъ надзоромъ. Въ комнатѣ было темновато, и они не сразу находили нужную статью. Тогда З., откинувши величественно на спинку предсѣдательскаго кресла свою голову, долго глядѣлъ на нихъ, презрительно прищурившись, и, наконецъ, воскликнулъ:

— Вы, конечно, желаете для подсудимаго возможнаго снисхожденія.. Это ваша священная обязанность! Судъ это принимаетъ во вниманіе и удаляется для совѣщанія. А ты, сторожъ, подай защитникамъ свѣчу, пусть они на досугѣ изучаютъ законы...

И торжественно, вмѣстѣ съ судомъ, удалился, оставивъ защитниковъ, съ внезапно появившимся передъ ними свѣточемъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, на общее посрамленіе.

Я давалъ себѣ въ душѣ заклятіе, при первой подобной выходкѣ или оставить тотчасъ зало засѣданія, или надѣлать грубостей. Къ счастью, опасенія мои не сбылись, и изъ личныхъ моихъ наблюденій у меня сохранились о З., какъ о предсѣдателѣ, только наилучшія воспоминанія.

Оглядѣвъ нѣсколько разъ всю непривѣтную залу уголовнаго судилища, съ теплившеюся лампадою у иконы и портретомъ творца судебныхъ уставовъ, что одно только и скрашивало нѣсколько казенную обстановку, я тщетно отыскивалъ глазами своего Семена Гаврилова. Судебный приставъ меня успокоилъ:

— Сейчасъ поднимемъ! Я уже послалъ...

Это значило, что его доставятъ прямо въ загородку у скамьи подсудимыхъ по особой узкой лѣстницѣ, ведущей изъ подвальнаго этажа, гдѣ имѣлись арестантскія коморки, въ которыхъ арестанты, доставленные изъ Литовскаго замка, ожидали своей очереди, чтобы предстать на судъ.

Скоро особая узкая дверь близъ загородки скамьи подсудимыхъ дѣйствительно открылась, и Семенъ Гавриловъ показался въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, съ шашками на-голо. Я поспѣшилъ къ нему. Онъ былъ блѣденъ и тяжело дышалъ, какъ бы запыхавшись отъ только-что совершеннаго путешествія.

Я глянулъ ему прямо въ глаза. Противъ обыкновенія, онъ не потупился и не отвелъ ихъ отъ меня, а наоборотъ, какъ мнѣ показалось, смѣло и дерзко глядѣлъ на меня въ упоръ. Я весь похолодѣлъ.

— Ваше благородіе, мы не въ сознаньи! — бряк-нулъ онъ вдругъ глухо, но рѣшительно и твердо, когда я подошелъ къ нему.

Я съ невыразимою никакими словами болью и мольбой взглянулъ на него.

— Мы не въ сознаньи! — уже болѣе виновато и потупляя глаза, горячо и тяжело дыша, вновь зашелестилъ онъ губами почти въ самое мое ухо.

Я начиналъ ощущать, какъ медленно раздвигается подо мною полъ, какъ я куда-то проваливаюсь въ преисподнюю вмѣстѣ съ моею рѣчью, вмѣстѣ со всѣми артикулами Петра Великаго, наказами Екатерины, Пилатами и даже самимъ великимъ Гете.

— Какъ знаете, какъ знаете!—стараюсь я еще сохранить нѣкоторое присутствіе духа, между тѣмъ какъ слышится уже громкій выкликъ судебнаго пристава: „Судъ идетъ, приглашаю встать!“

— Судъ, идетъ Судъ, идетъ, идетъ, идетъ... Судъ! — звенитъ какимъ-то безобразнымъ кошмаромъ у меня въ ушахъ, и я, въ состояніи, близкомъ къ обморочному, опускаюсь на злосчастную скамью защитниковъ.

Какъ прошли всѣ формальности съ присяжными и свидѣтелями, рѣшительно не могу дать себѣ отчета.

Вѣроятно, я поднимался, говорилъ что-нибудь, но что именно—рѣшительно не знаю. Дѣло пошло, т. е. приближалась моя погибель. Даже попытки „сорвать“ дѣло я не проявилъ, такъ какъ и не понималъ тогда, что это можно было сдѣлать отводомъ присяжныхъ и т. п. Я нѣсколько очнулся только подъ монотонное чтеніе обвинительнаго акта. Мнѣ вдругъ почудилось, что это читаетъ самъ „читальщикъ по покойникамъ“ о всѣхъ своихъ обидахъ, о томъ, какъ у него похи-

тили денегъ пять рублей 47 коп., порты и предательскую рубаху.

Вдругъ наступила тишина. Голова предсѣдателя-громовержца откинулась на предсѣдательское кресло. Прищурившись, по своему обыкновенію, онъ внимательно уставился на подсудимаго.

— Ну, что же, вы признаете себя виновнымъ?

Оказалось, что предсѣдатель уже дважды предложилъ подсудимому обычный вопросъ о виновности и теперь добивался отвѣта.

Я страшился не только оглянуться назадъ, страшился перевести дыханіе.

Опять наступило молчаніе.

Всѣ невольно напрягли вниманіе. Въ залѣ воцарилась полнѣйшая тишина. За спиной у себя я только слышалъ тяжелое, прерывистое горячее дыханіе Семена Гаврилова и невольно вбиралъ свою голову въ плечи, чтобы легче снести тотъ ударъ, который, я зналъ, онъ сейчасъ на меня обрушитъ.

Вдругъ, оттуда-же, откуда до сихъ поръ неслись только тяжелые короткіе вздохи, раздался какой-то мягкій и продолжительный всплескъ, словно шлепокъ по жидкой грязи, за нимъ другой, третій, четвертый...

Я невольно поднялъ и обернулъ голову. Все корявое лицо Семена Гаврилова напряглось и набрякло красными пятнами, руки его были сжаты на груди, точно онъ ими хотѣлъ удержать что-то, губы тряслись, на вспухшихъ глазахъ готовы были сейчасъ выкатиться слезы.

Я было кинулся подать ему стаканъ воды, но онъ уже, какъ бѣлуга, заревѣлъ на всю залу:

— Мой грѣхъ!—и что-то обильно, мягко и неудержимо заплескало у него въ груди. Онъ зарыдалъ, смор-

каясь и вытираясь рукавомъ арестантской куртки, какъ плачутъ только бабы и дѣти.

У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Я сжималъ себѣ виски и чувствовалъ, что еще секунда, и я зареву не хуже самого Семена Гаврилова.

Предсѣдатель далъ ему успокоиться и сталъ разспрашивать. Подсудимый рѣшительно во всемъ повинился. Стороны, судъ и присяжные отказались отъ допроса свидѣтелей Никто не поинтересовался даже взглянуть на единственную даму нашего процесса — „Анютку рыжую". На всѣхъ произвели впечатлѣніе искренность и неожиданность сознанія подсудимаго.

Защитительную рѣчь свою я началъ, какъ собирался и готовился: „Гг. присяжные засѣдатели!"... Но только на это у меня и хватило выдержки. Дальше я уже пустился совершенно произвольнымъ аллюромъ. Помню, что это было что-то неудержимое, я несся поистинѣ въ какой-то бѣшеной скачкѣ. Артикулы Петра Великаго, наказъ Екатерины, Пилатъ и Гете, все ранѣе заготовленное и намѣченное, кружилось передо мною въ какой-то безпорядочной пляскѣ. Одно я обходилъ, какъ верстовой столбъ, другое бралъ сразгону, какъ препятствіе, третье вовсе отбрасывалъ въ сторону и несся дальше.

Когда я кончилъ рѣчь и кончилъ-ли я ее дѣйствительно, — не спрашивайте. Я помню только, что на жертву себѣ я избралъ одного самаго добродушнаго присяжнаго со второй скамьи, какого-то молодого купчика съ желтоватой жидкой бородкой, и уже не отводилъ отъ него до самаго конца глазъ. Я терзалъ его безпощадно, но онъ самъ впился въ меня глазами, и я чувствовалъ, что во все время моей рѣчи мы составляемъ съ нимъ одну душу и одно тѣло. На остальныхъ

я даже не удосужился ни разу взглянуть, боясь упустить хоть эту, несомнѣнно захваченную мною, жертву.

Когда, на требованіе мое о полномъ оправданіи Семена Гаврилова, мой купчикъ наконецъ часто и явственно закивалъ мнѣ головой, я понялъ, что миссія моя кончена, что участь подсудимаго рѣшена. Я не умылъ рукъ, подобно Пилату, какъ замышлялъ для эффектнаго окончанія рѣчи, а наоборотъ совершенно не эффектно, едва-ли даже не на полусловѣ, оборвалъ ее и опустился на свое мѣсто, чувствуя блаженную испарину на лбу и во всемъ тѣлѣ.

Предсѣдатель ничего непріятнаго не сказалъ мнѣ въ своемъ резюме. Наоборотъ, онъ все время довольно сочувственно взглядывалъ на меня, хотя и отмѣтилъ для чего-то и „молодость“, и „горячность“ защиты. О томъ, что присяжные не имѣютъ права оправдывать при наличности сознанія, онъ на этотъ разъ, повидимому, забылъ упомянуть.

Не успѣлъ я еще остыть отъ своего волненія, какъ уже звякнулъ звонокъ присяжныхъ (увы, сколько разъ послѣ того я его слышалъ не при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ!), и ими „былъ вынесенъ оправдательный вердиктъ“.

Громко и явственно старшина прочелъ: „нѣтъ невиновенъ!“

Что произошло дальше я не совсѣмъ явственно отдаю себѣ отчетъ. Помню, что громовержецъ еще разъ прищурился, еще разъ качнулъ своей головой и изрекъ по адресу оправданнаго какую-то грозную фразу, что-то напоминающее классическое: „ступай и не грѣши!“

Когда судебный приставъ уже „убиралъ“ со скамьи подсудимыхъ Семена Гаврилова, ко мнѣ подошелъ сѣ-

денькій господинъ, бывшій старшиной присяжныхъ, и сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько смятыхъ кредитныхъ бумажекъ, сказавъ, что „это собрали присяжные для подсудимаго... на первое время!“

Когда я пачку эту дополнилъ своей рублевкой, въ ней оказалось ровно двѣнадцать рублей.

Лишь только увели Семена Гаврилова и предсѣдателемъ былъ объявленъ перерывъ, я ринулся къ выходу, понимая, что торжество мое кончилось, и я могу уходить домой. Кое-кто при выходѣ пожалъ мнѣ руку и поздравилъ. Это были люди мнѣ совершенно незнакомые, „изъ публики“.

Въ корридорѣ, совершенно для меня неожиданно, нагналъ меня купчикъ съ желтою бородкой, тотъ самый присяжный засѣдатель второй скамьи, котораго я такъ безпощадно терзалъ впродолженіе всей моей рѣчи. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что онъ обиженъ и желаетъ по этому поводу объясниться. Но онъ умильно осклабился, самымъ добродушнымъ образомъ протянулъ мнѣ руку и повелъ такую бесѣду:

— Вы, господинъ защитникъ, по всякимъ дѣламъ можете?..

Я на секунду задумался, но, сообразивъ, что вѣдь я же—„адвокатъ“, отвѣчалъ утвердительно.

— Тэкъ-съ!.. А у меня къ тому же и дѣльцо есть .. Маменька... по строительному уставу...

Я сдѣлалъ внимательное лицо.

— У насъ, на Петербургской... Бармалееву улицу изволите знать? Домикъ, стало быть, родительскій. Хорошо! Нынѣшнимъ лѣтомъ, можно сказать, до фундамента ремонтъ произвелъ... И опять же лѣстница выведена какъ есть, какъ должно, каменная... Но обшивочка, точно—деревянная. Я же мамашкѣ присовѣто-

валъ: пустимъ, говорю, мамашенька подъ мраморъ... расписать можно. Ну, а приставъ у насъ, доложу вамъ, такой, что и говорить не стоитъ... Къ празднику его хоть корми, хоть нѣтъ, все единственно. Протоколъ велѣлъ составить, бydто лѣстница деревянная...

— Вы хотите, чтобы я защищалъ?

— Совершенно вѣрно. У мирового... Мировой у насъ, доложу вамъ, опять-таки—персона громовая. Сейчасъ чуть-что:—посидите, молъ, помолчите!—и грозно такъ. А какъ же молчать возможно, ежели дѣло правое?.. Никакъ невозможно. Можетъ вы его словами-то маленечко пособьете, поотшибете! Сдѣлайте милость, постарайтесь. Не задарма просимъ, денегъ нисколько не пожалѣемъ... Мамашки оченно жалко, мамашка у насъ прекрасная, и опять насчетъ обшивочки я же ей присовѣтовалъ... Четвертную сію минуту желаете?.. извольте!..

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ.

Отъ страха, чтобы онъ тутъ же не сталъ совать мнѣ въ руки деньги, я поспѣшно подалъ ему визитную карточку, на которой были предупредительно обозначены часы моихъ дѣловыхъ пріемовъ.

— Вечеркомъ, стало быть, позволите объявиться?. Тэкъ-съ! Ну, и чудесно, я вамъ копію протокола, и четвертную разомъ предоставлю...

— Ладно... хорошо!

— Ужъ сдѣлайте такую милость... постарайтесь! Сами разсудите: гдѣ ужъ старухѣ-то къ мировому... вѣдь чуть жива... запужаетъ .. Долго-ли до грѣха?. А ежели оправдаете, не сумнѣвайтесь, отблагодарю... Оченно ужъ обидно, примѣрно, родную маменьку, да по строительному уставу!

Мы обмѣнялись сочувственнымъ рукопожатіемъ.

— Такъ, стало быть, вечеркомъ?.. Безпремѣнно все предоставимъ!—крикнулъ онъ мнѣ еще разъ на ходу.

Могло-ли еще быть сомнѣнье относительно моей дальнѣйшей карьеры?

Первый кліентъ дѣлаетъ насъ адвокатомъ, а здѣсь подвертывался уже и второй, во образѣ „маменьки по строительному уставу“. Вырисовывался въ туманныхъ очертаніяхъ и первый дѣвственный гонораръ.

Чего еще было ждать для того, чтобы стать адвокатомъ?

Современная французская адвокатура и новая школа судебнаго краснорѣчія.

(По поводу книги Léon Clèry „Souvenirs du Palais“)

Леонъ Клери, вступившій въ сословіе парижскихъ адвокатовъ въ 1853 г., числится въ ряду академическихъ столповъ современнаго намъ поколѣнія французскихъ адвокатовъ. Годъ его рожденія намъ точно неизвѣстенъ, но въ настоящее время ему, во всякомъ случаѣ, за шестьдесятъ. Несмотря на этотъ почтенный возрастъ, несмотря на общепризнанные успѣхи его на адвокатскомъ поприщѣ и массу выдающихся процессовъ, въ которыхъ ему пришлось фигурировать, онъ съ скромностью, дѣлающею особенную честь французу, обтерпѣвшемуся и закаленному въ горячей атмосферѣ публичности и гласности, проявилъ необычайную сдержанность при изданіи того труда, о которомъ мы ведемъ теперь рѣчь.

Появившаяся въ свѣтъ объемистая и изящно изданная книга, озаглавленная „Léon Clèry. Souvenirs du Palais“, была отпечатана нѣсколько лѣтъ назадъ, но поступила въ продажу, по желанію автора, лишь въ апрѣлѣ 1893 года. Клери опасался, чтобы подробности процессовъ, нѣкогда приковывавшихъ къ себѣ обостренное вниманіе общественнаго мнѣнія, печати и отдѣльныхъ лицъ, не возбудили еще и теперь слишкомъ много безпокойства, толковъ и, чего добраго, не раздули-бы заново иныя потухшія страсти у лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ процессахъ, отошедшихъ уже, впрочемъ, въ область прошедшаго.

Оказалось, что опасенія Клери были до извѣстной степени основательны. Не успѣла появиться книга, какъ почтенному ея автору едва не пришлось выйти къ барьеру, чтобы отвѣтить на задорный вызовъ нѣкоего г. Кёнинга, бывшаго въ 1880 г. директоромъ извѣстнаго парижскаго театра Gymnase, противъ котораго Клери велъ отъ имени актера Марэ гражданское дѣло о неустойкѣ въ 60,000 франковъ. Неустойку взыскивалъ Кёнингъ, и Клери не пожалѣлъ красокъ для обрисовки въ лицѣ своего противника типа новѣйшихъ театральныхъ заправилъ, превращающихъ храмъ искусства въ „непотребное увеселительное заведеніе“ и преслѣдующихъ исключительно свои кулацкія цѣли наживы и быстраго обогащенія.

Дѣло уладилось только благодаря вмѣшательству литературныхъ друзей Клери, и „incident facheux“ разрѣшился взаимными извинительными письмами на страницахъ всепримиряющаго „Figaro“. Подробности эти мы узнали изъ парижскихъ газетъ, которыя почти единодушно привѣтствовали появленіе труда Клери.

„Souvenirs du Palais“ останавливаетъ наше вниманіе въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ,—avant propos къ самой книгѣ, написанное съ большой искренностью и задушевностью, и затѣмъ нѣкоторыя краткія вступленія, предпосылаемыя отдѣльнымъ судебнымъ рѣчамъ, весьма жизненно рисующія передъ нами положеніе французской современной адвокатуры, и особенно ярко ея больныя мѣста. Во-вторыхъ,—самыя рѣчи Клери, особенно въ связи съ указаніями на ту подготовку, которую онъ прошелъ въ качествѣ начинающаго оратора, дающія право искать въ нихъ нѣкоторыхъ общихъ чертъ и руководящихъ началъ, очевидно, выработанныхъ современными французскими судебными ораторами.

Съ внѣшней стороны книга Клери распадается на двѣ неравныя въ количественномъ отношеніи части. „Avant propos“, или предисловіе, всего на протяженіи какихъ-нибудь двадцати страницъ съ мастерскою выразительностью отмѣчаетъ выдающіяся бытовыя стороны общественной дѣятельности современнаго французскаго адвоката. Эта меньшая часть книги представляется намъ особенно цѣнною. Весьма любопытно отмѣтить, насколько дѣятельность русскаго адво-

ката обставлена иными бытовыми условіями и насколько, такъ называемая, адвокатская этика сословія французскихъ адвокатовъ совпадаетъ съ нашими собственными правилами и воззрѣніями.

Остальная, большая часть книги содержитъ въ себѣ изложеніе девяти выдающихся, а въ свое время даже и весьма громкихъ процессовъ съ текстуальнымъ воспроизведеніемъ рѣчей Клери. Въ самихъ рѣчахъ и особенно въ двухъ, трехъ вступительныхъ къ нимъ объясненіяхъ разсѣяны опять-таки весьма любопытныя указанія на бытовыя особенности и профессіональныя воззрѣнія.

Наша задача до извѣстной степени выражена уже въ самомъ заглавіи статьи. Вотъ почему о краткомъ, но содержательномъ предисловіи къ рѣчамъ Клери намъ, пожалуй, придется сказать болѣе, чѣмъ о всѣхъ девяти рѣчахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Насъ интересуютъ не столько индивидуальныя черты личности Клери, какъ адвоката и оратора, ни даже опредѣленіе степени его талантливости, сколько типическіе пріемы и черты современнаго французскаго адвоката-оратора, насколько они отразились въ настоящей книгѣ.

Клери начинаетъ съ того, что рекомендуетъ читателямъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, въ значительной степени обусловившихъ своимъ блестящимъ и увлекательнымъ примѣромъ избраніе имъ самимъ адвокатской профессіи.

Эти предшественники: Берье, Дуэзъ старшій, Бетмонъ. Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, Ше-д'Эстанжъ, Лашо и др.

Будучи еще въ коллежѣ, Клери посѣтилъ засѣданіе уголовнаго суда, наслушался тогдашнихъ знаменитостей, Лашо въ особенности, и совсѣмъ потерялъ голову. Онъ сталъ наяву бредить адвокатурою и выше призванія уголовнаго защитника не видѣлъ ничего. Онъ успокоился только тогда, когда по окончаніи курса попалъ, наконецъ, въ адвокатскій списокъ парижскаго баро въ качествѣ скромнаго, но уже мечтавшаго о славѣ стажіера.

Въ своемъ „avant propos“ написанномъ не только тепло и задушевно, какъ мы уже замѣтили, но и съ простотой и искренностью, чуждой всякой академической напыщенности, что особенно цѣнно, когда имѣешь дѣло съ

авторомъ, живущимъ въ странѣ, гдѣ имѣются всяческія академіи... до академіи билліардной игры включительно, Клери скорѣе излагаетъ краткую исторію своей книги, нежели поясняетъ цѣль ея изданія. Да и цѣли такой онъ не усматриваетъ для себя ни въ желаніи поучать подростающее поколѣніе адвокатовъ, ни въ надеждѣ увѣковѣчить себя въ качествѣ образца и примѣра.

Онъ просто-на-просто подводитъ итоги, сводитъ публично свои счеты съ прошлымъ.

„Какъ, развѣ уже кончено! — „иллюстрируетъ онъ свою мысль восклицаніемъ". Но мои дебюты, развѣ это не было вчера?.. Мои наставники, мои друзья, но вѣдь я только что пожималъ ихъ ласкающія руки... Увы, горькая дѣйствительность отвѣчаетъ: нѣтъ, старецъ, твои дебюты затеряны вдали... Твои наставники мертвы, большинство твоихъ друзей—тоже, а тѣ, которые уцѣлѣли, похожи на тебя: ихъ головы лысы, а походка невѣрна! И если ты хочешь заново увидѣть все это еще разъ, тебѣ остается только одно: воскресить твои воспоминанія, пока не настигла и ихъ послѣдняя измѣна, создающая и внутри насъ, и вокругъ насъ—ночь".

Уступая мѣсто молодежи, „aux autres", какъ добродушно пародируетъ онъ обычную воркотню стариковъ, Клери ни на секунду, однако, не становится въ педантическую позу глашатая и пророка, искусно намекающаго на то, что міръ долженъ погибнуть, когда его не станетъ... Напротивъ, онъ цѣнитъ прошлое, съ любовью вспоминаетъ о немъ, но еще больше вѣритъ въ будущее. Онъ сознаетъ необходимость болѣе совершеннаго развитія французской адвокатуры, больныя мѣста въ жизни которой имъ такъ ярко отмѣчены въ его книгѣ.

I.

Настоящею болячкою, особенно при современномъ развитіи конкурренціи и жесткости пріемовъ въ борьбѣ за существованіе, Клери считаетъ раздѣленіе французской адвокатуры на avoués и avocats. Дѣленіе это, какъ извѣстно не принятое вовсе русскимъ законодательствомъ, въ свое время считалось, напротивъ, благодѣтельнымъ учрежденіемъ, обез-

печивающимъ французской адвокатурѣ и чистоту нравовъ, и безкорыстность общественнаго служенія. Повѣренными, дѣльцами, въ собственномъ значеніи этого слова, являлись лишь avoués, состоящіе при той или другой судебной инстанціи, тогда какъ адвокаты du barreau составляли независимое и свободное сословіе, такъ сказать, публичныхъ судебныхъ ораторовъ.

Клери отмѣчаетъ, во что выродилось это, по его мнѣнію, искусственное и не отвѣчающее своему назначенію дробленіе адвокатской дѣятельности. Вмѣсто солидарной, дружной работы и общности взаимныхъ интересовъ, avoués и avocats представляютъ теперь собою два глухо враждующихъ лагеря завистниковъ и конкуррентовъ. Первые, т. е. avoués, сидящіе на своихъ насиженныхъ, достающихся имъ или по наслѣдству, или дорогою покупкою мѣстахъ, точно такъ же, какъ и стряпчіе, agreés, при коммерческихъ судахъ, образуютъ собою вполнѣ своеобразную касту дѣльцовъ, преданныхъ исключительно своекорыстнымъ матеріальнымъ интересамъ, чуждыхъ духа прогресса, видящихъ лишь въ судебно-производственной рутинѣ свой надежный оплотъ и весь свой raison d'être.

Рѣдко выступающіе публично, избѣгающіе шума и гласности, стряпающіе въ тиши своихъ кабинетовъ кляузныя бумаги, которымъ до сихъ поръ присущъ еще чистокровный судейскій жаргонъ былыхъ временъ, эти господа почти не несутъ на себѣ даже нравственной отвѣтственности за исходъ процесса. Всякій неуспѣхъ, всякій проигрышъ имъ легко приписать неискусству плэдирующаго адвоката, и его одного сдѣлать отвѣтственнымъ не только въ глазахъ общества, но и кліента. Вѣдь не avoué, а avocat выступаетъ публично, говоритъ во всеуслышаніе, обѣляетъ кліента и распинается за него. Стало быть, съ него надо и спрашивать.

А между тѣмъ у преддверія каждаго процесса стоитъ avoué. Его контора десятками лѣтъ, если не вѣками, сплетаетъ свою паутину дѣловыхъ отношеній, связей и знакомствъ. Нуждающійся въ совѣтѣ, въ руководствѣ, не говоря уже о прямомъ возбужденіи судебнаго процесса, и по мысли закона, и по традиціи идетъ прямо въ контору avoué. Здѣсь онъ сразу попадаетъ въ искусныя и цѣпкія руки, которыя его

уже не выпускаютъ до конца процесса. Здѣсь вносятся крупные авансы на веденіе дѣла, здѣсь заключаются условія при помощи подставныхъ лицъ, на случай выигрыша крупнаго процесса, здѣсь любое явленіе дѣйствительной жизни, въ которомъ еще бьется и трепещетъ живая современность, сразу втискивается въ условныя рамки чисто цеховыхъ и рутинныхъ понятій.

Миролюбивое окончаніе дѣлъ, широкая область юрисконсульства, наконецъ, первоначальная постановка и направленіе процесса, все это, по разъ установившемуся обычаю, всецѣло въ рукахъ avoués, нерѣдко мало отвѣчающихъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи высотѣ лежащихъ на нихъ задачъ.

Настоящій avocat, avocat du barreau — краса и гордость французской адвокатуры, въ конфликтахъ юридическаго свойства выступаетъ гораздо позже или .. не выступаетъ вовсе.

По закону и по обычаю его функціи отнюдь не могутъ опредѣляться ни договоромъ личнаго найма, ни договоромъ довѣренности. Ни то, ни другое не было бы совмѣстно съ его достоинствомъ. Онъ не можетъ принимать участія въ дѣлѣ ни въ качествѣ повѣреннаго, ни въ качествѣ наемника. Онъ не въ правѣ заключать условія о гонорарѣ, не въ правѣ выдавать и росписокъ.

Выступая на защиту кліента, онъ, такъ сказать, выростаетъ изъ подъ земли въ качествѣ классическаго римскаго патрона, заслоняющаго своею широкою тогою уже привлеченнаго, судимаго, затронутаго процессомъ. И такъ какъ претендовать на гонораръ, а тѣмъ паче искать его, требовать онъ не въ правѣ, то, если-бы современнымъ французамъ-кліентамъ, по примѣру ихъ римскихъ собратій, вздумалось ограничивать выраженіе своей признательности къ адвокату классическимъ обсаживаніемъ его полисадника березами, — ему-бы оставалось только питаться березовымъ сокомъ.

Гражданскія правоотношенія, очевидно, совершенно немыслимыя въ нашъ суровый и меркантильный вѣкъ. Зато отъ нихъ и уцѣлѣла одна только фикція. Въ обходъ закона и обычая дѣйствительность во взаимныхъ отношеніяхъ кліента къ адвокату нагромождаетъ столько условнаго, лживаго и ненормальнаго, что лишь одни avoués самодовольно еще

потираютъ себѣ руки, адвокаты-же и кліенты одинаково крехтятъ.

Эта характеристика взаимныхъ отношеній адвокатовъ и avoués принадлежитъ не Клери. Для нея намъ послужили не только его книга, но и личныя наблюденія надъ профессіональнымъ положеніемъ современныхъ парижскихъ адвокатовъ и ихъ собственныя, хотя и исключительно интимныя, воззрѣнія на этотъ предметъ.

Выраженная въ такой формѣ въ печати подобная характеристика была-бы и слишкомъ смѣла, и слишкомъ откровенна для француза. Свободно отдающіеся вѣянію прогресса и новизны въ дѣлахъ политики и уличной жизни, въ дѣлахъ внутреннихъ и домашнихъ, французы, какъ извѣстно, упорные консерваторы и поклонники традицій. Съ конца прошлаго столѣтія они смѣнили не одно правительство, но это не помѣшало имъ сохранить, напримѣръ, неприкосновенными всѣ судебныя и театральныя традиціи конца прошлаго столѣтія. И теперь еще гораздо легче ожидать самаго смѣлаго политическаго переворота, нежели разсчитывать на невинную замѣну судейской тоги болѣе удобнымъ фракомъ, или классическаго трехстопнаго сокрушительнаго удара во Французской комедіи, извѣщающаго публику о поднятіи занавѣса, менѣе шумнымъ, но болѣе современнымъ электрическимъ звонкомъ.

Клери отлично понимаетъ это, и вотъ почему онъ очень остороженъ въ своихъ сѣтованіяхъ и жалобахъ. Онъ старается, по возможности, не дѣлать обобщеній. Онъ даже не предлагаетъ цѣлительныхъ средствъ, онъ только констатируетъ факты.

По словамъ Клери, все увеличивающійся личный составъ парижскаго „Barreau“ претерпѣваетъ не шуточныя матеріальныя затрудненія, и не только въ лицѣ своихъ начинающихъ членовъ, но и такихъ адвокатовъ, которые давно составили себѣ почетное имя. Въ послѣднее время они все охотнѣе и охотнѣе мѣняютъ свою профессію на государственную службу. И неудивительно. Не кліентъ, не общество кормитъ адвоката; его кормятъ и, разумѣется, по возможности впроголодь avoués и hommes d'affaires, — тунеядные посредники между обществомъ и адвокатомъ, умудряющіеся, благодаря разъ уста-

новившейся рутинѣ, жать не сѣя, и обогащаться, не работая

Приведемъ поистинѣ неслыханный примѣръ, на который ссылается Клери.

Въ 1856 г.,—разсказываетъ авторъ,—пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ адвокатъ Бетмонъ, будучи уже много лѣтъ подъ рядъ batonier du barreau, трогательно жаловался своему молодому секретарю (имъ и былъ въ то время Клери):—„Не знаю, право, будутъ-ли у меня какія-нибудь дѣла послѣ вакацій!“

На энергическія возраженія молодого человѣка умудренный горькимъ опытомъ адвокатъ съ покорнымъ смиреніемъ только подтвердилъ свои опасенія:—„Не говорите, это серьезнѣе, чѣмъ можно думать!.. Мнѣ некому присылать дѣлъ, я никого не знаю. У меня нѣтъ совершенно нужныхъ связей“.

„И это была совершенная правда“,—подтверждаетъ намъ теперь Клери „Дѣловыхъ связей у него не было, онъ былъ только извѣстенъ публикѣ. Но если бы знали,—прибавляетъ Клери,—какъ, благодаря существующимъ порядкамъ, мало значитъ мнѣніе публики въ столь интересующемъ ее въ сущности вопросѣ, какъ выборъ адвоката!“

Судебные пристава, нотаріусы и авуэ — вотъ настоящіе церберы, сторожащіе всѣ входы храма правосудія. Не стѣсненные никакими сословными традиціями, не признающіе никакихъ условныхъ тонкостей, свободные отъ товарищескаго суда чести, подчиненные исключительно формальному надзору тѣхъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ состоятъ, они противуставляютъ дисциплированной адвокатской сдержанности ничѣмъ нестѣсняемую развязность и смѣлость.

По отзыву Клери, вокругъ этихъ господъ или, какъ онъ ихъ называетъ, „соціальныхъ органовъ адвокатской кліентуры“, толпятся адвокаты, на перебой заискивающіе въ нихъ. „О, воистину несчастные люди тѣ, — восклицаетъ Клери по этому поводу, — которые еще въ колыбели своей не обрѣли ни авуэ, ни нотаріуса, ни синдика! Имъ однимъ вѣдомо, сколько горестной неизвѣстности таитъ въ себѣ карьера юриста“.

Горькія жалобы свои Клери иллюстрируетъ примѣрами.

Нѣтъ тѣхъ пріемовъ, нѣтъ тѣхъ подвоховъ, къ которымъ-бы не прибѣгали авуэ, чтобы удержать за собою кліента и на-

вязать ему своего, а не избраннаго имъ самимъ адвоката. Надо думать, что въ этомъ случаѣ Клери касается очень наболѣвшаго мѣста, такъ какъ, не довольствуясь общими указаніями, онъ прибѣгаетъ и къ ядовитому средству, изображая въ рядѣ беллетристическихъ сценъ беззастѣнчивые пріемы ненавистныхъ ему дѣльцовъ.

Къ одному адвокату авуэ не пускаетъ кліента, запугивая его дороговизною; „а между тѣмъ,—восклицаетъ Клери,—этотъ знаменитый адвокатъ отлично-бы плэдировалъ за тѣже пятьсотъ франковъ, которые попадаютъ въ карманъ другого по настоянію авуэ“.

Въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ адвокатѣ Х... Но онъ не изъ протежируемыхъ. Тогда ведется уже другая рѣчь.

„Конечно, большой талантъ, большой!.. Очень уважаемъ, пользуется извѣстностью; но если вы хотите знать мое мнѣніе, онъ совсѣмъ не то, что вамъ нужно. Очень блестящъ господинъ Х... Чрезвычайно блестящъ! Только для вашего процесса вамъ даже вреденъ блестящій адвокатъ. Вамъ нуженъ адвокатъ солидный, что называется дровосѣкъ, адвокатъ не для блестящихъ дѣлъ, но, знаете ли, такой, который ухватится за одинъ доводъ и ужъ его не выпуститъ. Да, вотъ чего-же вамъ лучше, возьмите господина У... О, за этого я вамъ отвѣчаю. Не блестящъ, о нѣтъ, не блестящъ!.. Но, я вамъ скажу, дока и съ хитрецой“.

Наконецъ еще примѣръ. Противъ завѣдомо талантливаго и добросовѣстнаго адвоката готова новая аргументація.

— Господинъ У... О, да! Уменъ, очень уменъ, ума палата! Да, если захочетъ... Въ послѣдній разъ я слушалъ его по одному щекотливому семейному дѣлу. Смѣшно было, очень смѣшно... Только, знаете ли, не довѣряйтесь вы ему. Онъ артистъ. А вѣдь артистъ хорошъ только, когда онъ въ ударѣ. Подвернулась ему хорошая картина, новая книга, онъ и забылъ о вашемъ процессѣ.

„И,—меланхолически заключаетъ свои беллетристическіе эскизы Клери,—„кліентъ бѣжитъ къ А., бѣжитъ къ Б. и никогда не заглянетъ къ У!..“

Въ особенно мрачныхъ чертахъ изображаетъ намъ Клери положеніе начинающаго адвоката, вступающаго въ сословіе безъ прочныхъ связей и нужныхъ знакомствъ.

— О, молодые люди! восклицаетъ Клери,—Горацій говорилъ о тройной мѣди, которою долженъ былъ оковать свое сердце первый мореплаватель. Но что такое море въ сравненіи со зданіемъ судебныхъ установленій? Море. въ немъ утопаютъ только разъ! Судъ... Въ немъ тонешь ежедневно! Судъ безъ авуэ на горизонтѣ... пустое, безбрежное пространство безъ тѣни, безъ намека на клиента. Однако же оно кишитъ дѣльцами: авуэ, нотаріусы, судебные пристава, синдики, всякаго рода должностные люди .. и ни одного, который бы протянулъ мнѣ руку, ободрилъ меня своей улыбкой. О, ободряющая улыбка судебнаго пристава Знаете ли вы, правые боги, что за нее я заплатилъ бы охотно всѣмъ моимъ будущимъ спасеніемъ ..

„Я бродилъ,—продолжаетъ Клери, переходя къ автобіографическимъ подробностямъ,—мрачный и одинокій по обширному зданію подобно библейскому волку въ поискахъ: *„кого бы поглотити“*. И если зубы мои были еще бѣлы и дѣвственны, за то я ощущалъ ихъ непомѣрно длинными Я входилъ въ залу засѣданій, слушалъ, какъ плэдируютъ адвокаты и говорилъ самъ себѣ: однако есть же дѣла! Есть же люди, которымъ они достаются? Вѣдь тутъ огромныя дѣлопроизводства, неисчислимое количество обложекъ съ дѣлами, цѣлое море обложекъ И ни одного! Хорошо знаю, что, когда я стану знаменитостью, у меня будутъ дѣла. Но какъ же хотятъ, чтобы я сталъ знаменитымъ, когда у меня нѣтъ ни одного дѣла? И я съ ужасомъ вспоминалъ диллему того человѣка, который говорилъ: „я стану купаться, когда научусь плавать!“ и которому, увы, отвѣчали: „вы никогда не научитесь плавать, если не броситесь въ воду!“

Тревожное чувство изолированности и полной неувѣренности въ прочности своего положенія, по отзыву Клери, не есть удѣлъ лишь начинающаго молодого стажіера. Это обычные спутники цѣлой карьеры французскаго адвоката, avocat du barreau. Онъ слишкомъ далеко стоитъ отъ публики и публика отъ него. Традиціи ставятъ его въ положеніе священнодѣйствующаго и вѣщаго авгура, а не ближайшаго совѣтника и руководителя любого члена общества, нуждающагося въ юридическомъ совѣтѣ или судебной защитѣ. Отъ его широкой, старомодной тоги и традиціонной судейской шапки

все еще слишкомъ вѣетъ холодкомъ оффиціальности и условной доступности. Между нимъ и кліентомъ тѣснится цѣлая серія посредниковъ, передатчиковъ и какъ бы оффиціально поставленныхъ коммисіонеровъ, которые смотрятъ на каждое лицо, имѣющее несчастіе попасть въ щекотливое юридическое положеніе, какъ на свою естественную добычу и законное достояніе.

Человѣкъ, затѣявшій судебное дѣло или самъ втянутый въ процессъ, не можетъ ограничиться избраніемъ себѣ одного лица, которому онъ преимущественно довѣряетъ, которое явилось-бы въ одно и то-же время его совѣтчикомъ, руководителемъ и оффиціально признаннымъ защитникомъ. Въ качествѣ сырого матеріала, подлежащаго тщательной судейской обработкѣ, онъ сразу попадаетъ въ очень сложную, хитро налаженную, быстро и безповоротно захватывающую его машину. Въ ней масса перегородокъ, безчисленное количество разнообразныхъ колесиковъ и винтиковъ, изъ которыхъ каждое нужно умѣючи тронуть, а иногда и жирно смазать, для того, чтобы эта машина стала дѣйствовать. Судебный приставъ, грефье, авуэ одной инстанціи, авуэ другой инстанціи, адвокатъ при судѣ, адвокатъ при судебной палатѣ. адвокатъ кассаціонной инстанціи — все это разновидности, градаціи и оттѣнки, о которыхъ публика знаетъ только по наслышкѣ и которые внушаютъ ей до сихъ поръ настоящій священный трепетъ, лишающій ее, по пути къ достиженію правосудія, не только всякой иниціативы, но и возможности съ спокойною и ясною отчетливостью контролировать общій ходъ и направленіе своего собственнаго дѣла.

Лицо, имѣющее процессъ, какъ-бы испытываетъ на себѣ всю рискованность положенія человѣка, котораго, для достиженія извѣстнаго пункта принятаго имъ направленія, мало извѣстные ему люди принялись-бы перекидывать по воздуху съ рукъ на руки. Съ чьихъ именно рукъ ему суждено сорваться, чтобы больно треснуться о землю, для него можетъ навсегда остаться тайной.

Непригодность и ненормальность подобной процедуры, очевидны. Она затрудняетъ обществу доступъ къ правосудію и обрекаетъ лучшихъ представителей французской адвокатуры на вынужденную бездѣятельность или дѣятельность

одностороннюю, въ которой не могутъ найти своего полнаго и всесторонняго выраженія ни высокая ихъ даровитость, ни знанія, ни гуманныя стремленія.

Жалобы Клери, выраженныя по этому поводу въ его книгѣ, были замѣчены періодическою печатью и, кажется, есть надежда, что и французское общественное мнѣніе, въ свою очередь, обратитъ вниманіе на эту важную сторону затронутаго адвокатскаго вопроса.

Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что еще со временъ Мольера во французской литературѣ не прекращаются нападки, которые отъ времени до времени весьма энергически посылаются именно по адресу этой сложной, условной и мало доступной для публики организаціи взаимныхъ отношеній клієнта и адвоката.

Не дожидаясь, впрочемъ, какой-либо оффиціальной реформы, жизнь, какъ это и всегда бываетъ, пошла навстрѣчу дѣйствительной потребности и, хотя-бы путемъ разныхъ компромиссовъ, безмолвныхъ соглашеній и умолчаній, съ каждымъ днемъ стремится все болѣе и болѣе упростить то, что по самому существу своему должно быть просто и чуждо условныхъ формальностей.

Уже и въ настоящее время большинство адвокатовъ du barreau, не ограничиваясь лишь честью плэдировать передъ нерѣдко дремлющими судьями подлежащей инстанціи по дѣламъ, которыми ихъ соблаговолятъ осчастливить авуэ, преисправно сами розыскиваютъ себѣ клієнтовъ, открываютъ свои кабинеты для консультацій и хотя не оффиціально, но охотно принимаютъ на себя, такъ сказать, подрядъ и рискъ по веденію всего дѣла. Весь вопросъ сводится къ одному: кому первому удастся залучить къ себѣ въ кабинетъ клієнта, по возможности дѣвственнаго, чуждаго дѣлопроизводственной опытности. Если это счастье—какъ въ большинствѣ случаевъ и бываетъ—выпадетъ на долю авуэ, адвокатъ въ глазахъ такого клієнта будетъ играть уже ничтожную роль. Ему прямо заявляютъ: „адвоката мы сами изберемъ, вы заплатите недорого; но истинное счастье ваше въ томъ, что вы напали на опытнаго и авторитетнаго въ глазахъ судей авуэ; авуэ—все для процесса!“ Если, наоборотъ, вы попали раньше къ адвокату, разговоръ идетъ въ обратномъ порядкѣ: „въ адво-

катѣ, которому предстоитъ плэдировать, говорятъ вамъ, весь шансъ на успѣхъ вашего дѣла. Безъ него вы пропали! Не хвастая, могу сказать: меня привыкли слушать судьи (j'ai les oreilles des juges). Авуэ — вздоръ, одна формальность! За какихъ нибудь пятьдесятъ франковъ онъ дастъ вамъ свою подпись на всѣхъ бумагахъ, какія намъ окажутся нужными".

Сообразно съ тѣмъ, кому удалось такимъ образомъ первому залучить и обворожить кліента, опредѣляется и то, въ чей именно карманъ попадаетъ львиная доля вознагражденія изъ общей суммы, ассигнованной на веденіе процесса. Въ такомъ порядкѣ ведется не гласная, но глухая и упорная борьба французскихъ адвокатовъ съ сытыми, обезпеченными авуэ, издавна благоденствующими въ качествѣ дѣльцовъ-монополистовъ.

Нѣтъ нужды прибавлять, что на подобные пріемы идутъ лишь менѣе щепетильные и далеко не лучшіе носители „священныхъ адвокатскихъ традицій". Сословный совѣтъ (Le Conseil de l'ordre) не дремлетъ и отъ времени до времени, стряхнувъ пыль съ завѣтныхъ хартій, на которыхъ издревле начертаны всѣ адвокатскія заповѣди, принимаетъ грозную позу негодующаго пророка и въ качествѣ хранителя „священныхъ традицій" безпощадно сыплетъ карами и проклятіями на головы провинившихся.

Онъ правъ конечно. Какъ ни мало отвѣчаютъ условіямъ современной дѣйствительности полу-рыцарскія, полу-монашескія суровыя правила чести, выработанныя предшествующими поколѣніями французскихъ адвокатовъ, ихъ надо соблюдать, пока самъ законъ не дастъ возможности поставить адвокатуру въ положеніе, болѣе отвѣчающее дѣйствительной потребности общества. Кому-же и соблюдать законы и правила, хотя-бы отъ нихъ ничего не уцѣлѣло, кромѣ внѣшней оболочки, какъ не спеціалистамъ-законникамъ. Систематическій и, главное, слишкомъ откровенный обходъ закона самими-же адвокатами былъ-бы ужъ черезчуръ соблазнительнымъ явленіемъ...

Dura lex, sed lex!

II.

Прослѣдимъ далѣе по книгѣ Клери, по возможности въ бѣглыхъ чертахъ, условія, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ подростающее поколѣніе французскихъ адвокатовъ, и въ заключеніе отмѣтимъ тѣ немногіе основные выводы этическаго характера, на которыхъ останавливается самъ Клери послѣ почти сорокалѣтней мужественной, чтобы не сказать боевой, своей адвокатской дѣятельности.

Для молодыхъ людей, вступающихъ въ составъ французской адвокатуры, не существуетъ института личнаго патроната. Въ отличіе отъ нашего обязательнаго, хотя нерѣдко совершенно фиктивнаго „помощничества“, пріемъ въ стажіеры исчерпывается припискою къ самому сословію. Быть занесеннымъ въ адвокатскій списокъ,—вотъ та единственная и величайшая честь, которой добиваются молодые аспиранты, посвящающіе себя юридической карьерѣ.

Число ежегодно вновь поступающихъ стажіеровъ очень велико. Однако, далеко не всѣ заканчиваютъ свой стажъ, и еще меньшій процентъ изъ нихъ посвящаетъ себя окончательно адвокатской практикѣ.

Нѣсколько лѣтъ дисциплинированнаго адвокатскаго стажа, проводимаго въ посѣщеніи судебныхъ засѣданій и товарищескихъ конференцій, почитаются вообще хорошею подготовительною школою для самыхъ разнообразныхъ отраслей публичной дѣятельности. Не послѣднюю роль играетъ въ этомъ случаѣ стремленіе научиться владѣть живымъ, публичнымъ словомъ, что, на ряду съ обязательными на случай дуэли уроками фехтованія, значительно облегчаетъ во Франціи каждому общественному дѣятелю болѣе или менѣе благополучное прохожденіе его карьеры.

Стажъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, далеко не удовлетворяетъ, однако, тѣхъ молодыхъ людей, которые съ самаго начала избираютъ своею коренною дѣятельностью адвокатскую профессію. Для нихъ онъ слишкомъ недостаточенъ и въ отношеніи нравственнаго руководительства, и, особенно, въ отношеніи практической подготовки.

Клери живо это ощутилъ тотчасъ-же по вступленіи въ сословіе. Онъ сознавалъ себя слишкомъ одинокимъ и безпомощнымъ безъ патрона, безъ руководителя, безъ старшаго товарища, къ которому онъ въ правѣ былъ-бы обратиться за совѣтомъ и нравственною поддержкою въ трудную минуту.

За отсутствіемъ обязательнаго патроната, французской адвокатурѣ извѣстенъ патронатъ добровольный. Къ нему стремятся, имъ въ высшей степени дорожатъ всѣ лучшіе молодые адвокаты. Крайній предѣлъ ихъ мечтаній состоитъ въ томъ, чтобы стать секретаремъ, т. е. фактическимъ помощникомъ какого-нибудь дѣльнаго и занятаго адвоката и, такимъ образомъ, сразу начать живую и полезную работу.

Опытный и исправный секретарь несетъ всю черную работу адвоката. Онъ наводитъ справки о засѣданіяхъ, ведетъ всю дѣловую переписку и не брезгаетъ даже простою перепискою нужныхъ бумагъ. Намъ случилось видѣть въ канцеляріи одного извѣстнаго парижскаго адвоката трехъ уже не молодыхъ стажіеровъ, дружно занятыхъ перепискою спѣшныхъ бумагъ. Адвокатъ пояснилъ намъ, что онъ вообще стоитъ за орѳографію, противъ которой нерѣдко грѣшатъ даже судебные акты, и потому не довѣряетъ переписки простымъ писцамъ.

Секретари работаютъ много и усердно, и патроны ихъ обыкновенно не балуютъ большимъ вознагражденіемъ. Дисциплина царитъ образцовая и, какъ намъ кажется, даже нѣсколько суровая.

Клери свидѣтельствуетъ, что присутствіе на конференціяхъ предсѣдателей сословія, сперва Берье, потомъ Бетмона, наполнило его поистинѣ священнымъ трепетомъ. „Мы были всѣ тогда почтительны“,—прибавляетъ Клери.

Замѣчанія, дѣлаемыя патронами иногда даже въ присутствіи постороннихъ лицъ и въ рѣзкой формѣ, принимаются, какъ должное. Въ глазахъ молодого секретаря патронъ его настоящій—maître, т. е. учитель, къ которому онъ обязанъ питать благодарныя чувства ученика, сознающаго, что все это дѣлается лишь ради его пользы.

Значеніе добровольнаго патроната въ глазахъ молодыхъ стажіеровъ естественно усиливается еще и благодаря тому, что не каждому изъ нихъ легко найти себѣ патрона. До-

стигшіе извѣстнаго положенія адвокаты не всегда охотно и, во всякомъ случаѣ, всегда съ большимъ выборомъ принимаютъ къ себѣ секретарей.

Клери знакомитъ насъ съ мытарствами, черезъ которыя ему пришлось пройти ранѣе, чѣмъ его избралъ своимъ секретаремъ предсѣдатель сословія, уже престарѣлый въ то время и всѣми уважаемый Бетмонъ.

Въ самомъ началѣ своего стажа Клери пыталъ счастье у двухъ тогдашнихъ свѣтилъ парижской адвокатуры: Ноканъ Сенъ-Лорана и Лашо, и въ обоихъ случаяхъ неудачно.

Первый былъ тогда въ зенитѣ своей славы и, по словамъ Клери, производилъ на молодыхъ стажеровъ неотразимо-обаятельное впечатлѣніе не только своими блестящими рѣчами, но и аристократическою изысканностью своихъ манеръ. Прекраснаго роста, красивый и величественный, онъ, по образному выраженію Клери, имѣлъ уже въ то время „видъ смертнаго, утомленнаго славою и подавленнаго собственнымъ своимъ величіемъ“. Этотъ „полу-богъ отъ адвокатуры“, на котораго чуть не молился Клери, наотрѣзъ отказалъ ему, несмотря даже на то, что нѣкогда зналъ его семью и самого его помнилъ еще гимназистомъ. Онъ оправдывался тѣмъ, что еще наканунѣ долженъ былъ принять по рекомендаціи генеральнаго адвоката Мейнардъ-де-Франкъ новаго секретаря.

— О, неблагодарный, восклицаетъ по этому поводу Клери,— онъ не разъ однако и послѣ того безсознательно вдыхалъ ароматъ моихъ искреннѣйшихъ восторговъ!

Обращеніе къ Лашо еще болѣе обезкуражило молодого человѣка. Лашо былъ моложе Сенъ-Лорана, но уже съ успѣхомъ конкурировалъ съ нимъ. Отсутствіе аристократизма и изящества замѣнялось въ немъ необыкновенною бойкостью, находчивостью и подвижностью. Въ началѣ своей карьеры онъ былъ по преимуществу кумиромъ буржуазной части парижской кліентелы.

Судя по его профессіональной горячей экспансивности, Клери ожидалъ найти у Лашо отзывчивый и сердечный пріемъ, тѣмъ болѣе, что Лашо былъ друженъ когда-то съ его отцомъ. Однако эти ожиданія не сбылись. Отъ горячаго лишь на трибунѣ адвоката въ его кабинетѣ повѣяло на молодого человѣка такою сдержанностью и такимъ убійствен-

нымъ холодомъ, что Клери и теперь еще, спустя сорокъ лѣтъ, разсказывая о своемъ визитѣ къ Лашо, невольно вспоминаетъ—„о сѣверномъ полюсѣ“.

Знаменитый адвокатъ едва удостоилъ припомнить, что онъ дѣйствительно зналъ когда-то семью Клери, но воспоминанія его были смутны и не вызвали въ немъ никакого оживленія. Въ заключеніе, посовѣтовавъ молодому человѣку вообще „работать“, онъ вскользь намекнулъ ему даже на то, что и лѣсная торговля, на которой нѣкогда разорился отецъ Клери, дѣло совсѣмъ недурное, если имъ заняться съ толкомъ.

Послѣ этой второй неудачи молодой человѣкъ на нѣкоторое время вовсе воздержался отъ пріисканія себѣ патрона. Онъ усердно посѣщалъ судебныя засѣданія, принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ конференцій, но горькая скорбь разочарованія уже успѣла пустить свои ядовитые ростки въ его сердцѣ. Онъ хандрилъ, тяготился отсутствіемъ живого дѣла и тщетно жаждалъ стать кому-нибудь полезнымъ.

Только уже значительно позднѣе, выдвинувшись по своимъ занятіямъ въ конференціяхъ и на многихъ уголовныхъ защитахъ, выпавшихъ на его долю, онъ обратилъ на себя вниманіе Бетмона, который и сдѣлалъ его своимъ секретаремъ. Съ величайшей благодарностью, почти съ юношескою восторженностью вспоминаетъ еще и теперь Клери эту счастливую минуту, рѣшившую всю его дальнѣйшую судьбу. Любовно рисуетъ онъ во весь ростъ передъ читателемъ образъ Бетмона, нѣсколько утомленнаго пройденною карьерою, но сохранившаго еще всю бодрость духа и ясность ума.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ Клери занимался подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Въ продолженіе всего этого срока для него были настежь открыты двери кабинета патрона, и онъ испытывалъ на себѣ безпрерывное нравственное вліяніе этого гуманнаго и симпатичнаго старика, который, по выраженію Клери, былъ для него „учителемъ кроткимъ, какъ отецъ, и отцомъ просвѣщеннымъ, какъ учитель“.

Далеко, однако, не всѣмъ стажіерамъ удается такъ счастливо устроиться. Многіе до конца стажа тщетно отыскиваютъ себѣ патрона.

Независимо отъ занятій въ сословныхъ конференціяхъ, молодые адвокаты естественно стремятся какъ можно скорѣе попробовать себя на какомъ-нибудь *настоящемъ* дѣлѣ. Какъ истые новобранцы, они нетерпѣливо рвутся къ полю сраженія, чтобы понюхать настоящаго пороха. Такіе случаи имъ представляются обыкновенно прежде всего по дѣламъ уголовнымъ. Предсѣдательствующіе въ сессіяхъ предоставляютъ совѣту назначать защитниковъ и изъ числа стажіеровъ.

Съ видимымъ удовольствіемъ Клери останавливается на подробномъ описаніи первыхъ своихъ дебютовъ, выпавшихъ случайно на его долю еще до поступленія въ секретари къ Бетмону. Эти подробности настолько живо обрисовываютъ дѣйствующихъ лицъ и характеризуютъ отношенія предсѣдательствующихъ къ молодымъ адвокатамъ и, въ свою очередь, отношенія этихъ послѣднихъ къ поручаемымъ имъ дѣламъ, что онѣ заслуживаютъ быть воспроизведенными.

Вотъ что разсказываетъ Клери.

„Однажды, когда я безцѣльно провѣтривалъ свою тогу, прогуливаясь въ ней по зданію судебныхъ установленій, я зашелъ въ залъ засѣданія ассизовъ. Тамъ шло дѣло о вытравленіи плода. Молодая дѣвушка, по имени Флорансъ, сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ посреди двухъ ужасныхъ субъектовъ мужского и женскаго пола, совершившихъ надъ нею это гнусное преступленіе. Трудно было представить себѣ что-нибудь прелестнѣе этой дѣвушки-ребенка. Черты ея лица напоминали собою эскизы Мадоннъ кисти Андре д'Эльсарто. Ее защищалъ совсѣмъ молодой адвокатъ, М. Ракль, который вскорѣ покинулъ сословіе. Это былъ одинъ изъ нашихъ любимѣйшихъ и милѣйшихъ товарищей. Онъ былъ такъ-же привлекателенъ и симпатиченъ въ качествѣ адвоката, какъ его кліентка въ качествѣ подсудимой. Я заинтересовался дѣломъ и остался до конца.

„Засѣданіе шло подъ предсѣдательствомъ г. З., самаго высокомѣрнаго служаки, какого только можно было встрѣтить. У него была какъ-то странно заостренная кверху голова и взглядъ полный недоброжелательства, который онъ прятадъ за своими очками. Въ правой его рукѣ былъ еще черепаховый лорнетъ, которымъ онъ небрежно поигрывалъ въ теченіе всего засѣданія. Каждый разъ, когда онъ желалъ

сказать вамъ какую-нибудь непріятность, а это случалось почти всегда, когда онъ только къ вамъ обращался, онъ подносилъ лорнетъ къ своимъ очкамъ и черезъ двойныя стекла въ упоръ глядѣлъ на васъ.

„Молодымъ адвокатамъ не оставалось ничего другого, какъ только замирать подъ этимъ взглядомъ.

„Въ этомъ засѣданіи во время перерывовъ между адвокатской молодежью только и было рѣчи, что о предстоящемъ процессѣ огромной шайки. Сорокъ семь обвиняемыхъ, это значитъ—сорокъ семь адвокатовъ! Дѣло это такъ и называлось—„дѣломъ о большой шайкѣ“. Во время перерыва засѣданія Ракль зачѣмъ-то былъ вызванъ въ комнату совѣта. Но вотъ онъ возвращается и громко возглашаетъ около скамьи защитниковъ, гдѣ я между тѣмъ скромно уже примостился:

— Господа! Кто желаетъ защищать въ дѣлѣ большой шайки?

— Я! Это восклицаніе съ неудержимою быстротою вырвалось у меня помимо моей воли.

— Хорошо, прекрасно! Ваше имя?

— Леонъ Клери.

„Участь моя была рѣшена, Ракль спокойно направился вновь въ комнату совѣта. Тогда я принялся утѣшать себя. Что-жъ, я ничѣмъ въ сущности не рискую! Мнѣ дадутъ какую нибудь ничтожную защиту, маленькаго воришку... Отвѣтственности никакой. Я приложу всѣ старанія! Никто меня не замѣтитъ, но по крайней мѣрѣ мнѣ удастся услышать звукъ своего собственнаго голоса.

Но вотъ опять возвращается Ракль.

— Вы, говоритъ онъ мнѣ, вы будете защищать одного изъ начальниковъ шайки, ихъ два брата—Эженъ и Жюль Готера. Перваго защищаетъ М. Его кліентъ ничѣмъ не рискуетъ. Онъ приговоренъ уже къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ по другому дѣлу. Вашего долженъ былъ защищать нашъ товарищъ Гюбаръ. Но вы знаете, онъ арестованъ по обвиненію въ участіи въ заговорѣ ипподрома и комической оперы.. Его не скоро выпустятъ! Вы явитесь его замѣстителемъ...

„Боги безсмертные! обрушившійся на мою голову потолокъ не поразилъ-бы меня такъ, какъ эти нѣсколько словъ!“

„Подумайте только, я—ничтожный дискантъ—во главѣ такого хора! Сорокъ семь обвиняемыхъ! сорокъ семь защитниковъ! сто десять свидѣтелей! запасный членъ суда! запасный секретарь! два запасныхъ засѣдателя! цѣлый океанъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ! Дѣлопроизводственные томы, лопающіеся отъ собственной своей тяжести! Запасныя скамьи подсудимыхъ, наскоро прилаженныя, и цѣлый экстренный нарядъ жандармовъ въ двойномъ противу обвиняемыхъ количествѣ!

„Такъ вотъ при какихъ условіяхъ суждено было состояться моему первому дебюту! Какъ весело, однако, вспоминать объ этомъ! На протяженіи тридцати пяти лѣтъ, право, у меня отъ волненія и до сихъ поръ еще при одномъ воспоминаніи подираетъ морозъ по кожѣ. Я возвратился домой, какъ будто во снѣ Кружились улицы, кружились дома. Если меня двадцать разъ не раздавили по дорогѣ, то этимъ я обязанъ лишь святому Провидѣнію, которое, вѣроятно, преслѣдовало свою собственную идею относительно моей дальнѣйшей судьбы.

„Я принялся за работу, и какую работу! Восемь дней, остававшіеся мнѣ до засѣданія, я буквально не разгибалъ спины, изучая это огромное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Сверхъ того, мнѣ необходимо было повидаться съ моимъ кліентомъ, чтобы выяснить себѣ, наконецъ, по какому странному недоразумѣнію, возникшему между юстиціей и имъ, онъ оказался уже приговореннымъ къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Несчастный молодой человѣкъ! Я живо заинтересовался имъ. Что я говорю: заинтересовался, я страстно предался ему! Я твердо рѣшилъ дать совершенно новое освѣщеніе его несчастному прошлому. Я разсчитывалъ представить судьямъ новыя, геніальныя перспективы, сочетавъ краснорѣчіе моего сердца съ блескомъ слова... Я дорого бы далъ тогда, чтобы узнать, гдѣ именно присяжные засѣдатели таятъ свои слезы, чтобы сумѣть ихъ извлечь оттуда. Я разсчитывалъ на это, я разсчитывалъ, впрочемъ, и на многое другое...

„Всѣ эти восемь дней я былъ въ лихорадкѣ. Я переставалъ ѣсть, почти не могъ спать. Я поглощалъ одинъ черный кофе и въ такомъ ужасающемъ количествѣ, что, право, удивляюсь,

какъ подобное потребленіе не отразилось торговымъ замѣшательствомъ на европейскихъ рынкахъ.

„Наконецъ, роковой часъ пробилъ. Послѣ семи дней преній слово было предоставлено защитнику Эжена Готера, первому изъ обвиняемыхъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ добросовѣстенъ, какъ сама добросовѣстность, и притомъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ торжественности, что никогда не вредитъ молодости. Онъ носилъ уже очки, какъ и нашъ предсѣдатель... Но и взглядъ у него былъ лучше, и къ употребленію лорнета онъ еще не прибѣгалъ.

„Предоставленнымъ ему словомъ онъ рѣшилъ воспользоваться вполнѣ и не такъ, какъ совѣтовалъ нѣкогда злой языкъ, чтобы скрыть свою мысль, а наоборотъ именно для того, чтобы посвятить слушателей во всѣ ея тайники. Я уже сказалъ выше, что кліентъ его былъ однимъ изъ начальниковъ шайки, и обвиненіе предъявляло противъ него, по меньшей мѣрѣ, девяносто шесть обвинительныхъ пунктовъ. Это не помѣшало его адвокату (вѣдь я уже замѣтилъ, что онъ былъ сама добросовѣстность!) попытаться опровергнуть всѣ обвиненія. Это обѣщало по меньшей мѣрѣ восемь часовъ непрерывной рѣчи.

„Только что онъ сталъ подходить къ четвертому пункту, какъ предсѣдатель вдругъ поднялъ свой лорнетъ, которымъ игралъ нетерпѣливо съ самаго начала рѣчи и, направивъ его на усерднаго защитника, проговорилъ своимъ рѣзкимъ и вызывающимъ голосомъ.

— Адвокатъ!—Онъ не снисходилъ до запоминанія нашихъ именъ, какъ вы въ этомъ сейчасъ убѣдитесь.—Адвокатъ! Вы, кажется, намѣрены не на шутку испытывать наше терпѣніе представленіемъ возраженій по всѣмъ девяносто шести обвинительнымъ пунктамъ, предъявленнымъ къ вашему кліенту!?.

— Но, господинъ предсѣдатель, я именно такъ понялъ свою задачу, притомъ-же свобода защиты...

— О, свобода защиты!.. Прекрасно!.. Но есть еще и свобода тѣхъ, кто не нуждается ни въ какой защитѣ, и я обязанъ вамъ замѣтить, что кліентъ вашъ, будучи уже приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, ровно ничего не выиграетъ, какъ равно и не потеряетъ отъ того,

удастся ли вамъ отразить тотъ или другой обвинительный доводъ. Въ послѣднемъ я, впрочемъ, сильно сомнѣваюсь!..

„Мой товарищъ пробормоталъ какую-то довольно сложную фразу опять-таки относительно свободы защиты, которую очевидно принималъ близко къ сердцу, и сѣлъ.

„Наступилъ мой чередъ

„Если бы я вамъ сказалъ, что я не написалъ заранѣе моей защитительной рѣчи, вы бы мнѣ не повѣрили. Если бы я сталъ утверждать, что я не выучилъ ее наизусть, вы бы повѣрили мнѣ еще менѣе. Я изучилъ ее до степени совершенно невѣроятной. Ядовитая сорочка Нессуса не такъ пристала къ тѣлу Геркулеса, какъ эта защитительная рѣчь присосалась къ моему мозгу. Она жила во всемъ моемъ существѣ. Я былъ зараженъ ею, какъ злокачественнымъ нарывомъ, и если бы вздумали сдѣлать надрѣзъ въ любомъ мѣстѣ моего тѣла, я убѣжденъ, она прорвалась бы и оттуда.

„Я началъ ее очень чистымъ и звонкимъ голосомъ и съ совершенно безумной быстротой. Я не забывалъ, гдѣ было нужно, ни точки, ни запятой, но все вмѣстѣ взятое было такъ скомкано, такъ сжато, что я ужъ никакъ не разсчитывалъ на возможность вставить еще что-нибудь между двумя моими словами. Нашъ предсѣдатель, однако, умудрился сдѣлать это. Онъ три раза прервалъ, т. е. попросту оборвалъ меня и притомъ въ самыхъ грубыхъ и ироническихъ выраженіяхъ. Счастье помогло мнѣ, однако, отвѣчать на эти замѣчанія безъ особенной неловкости и сохраняя нѣкоторое присутствіе духа. Послѣ первой остановки и моего отвѣта онъ между тѣмъ, какъ я уже продолжалъ защиту, обратился къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ члену суда и, указывая на меня, довольно громко спросилъ его:

— Какъ фамилія этого?..

„Членъ суда назвалъ мое имя. Это не помѣшало ему и послѣ двухъ слѣдующихъ остановокъ продѣлать по моему адресу ту-же жалкую комедію, каждый разъ повторяя заново свой вопросъ: „какъ фамилія этого?“

„Вѣдь я же говорилъ, что онъ былъ любезенъ“.

Съ столь-же откровенною подробностью описываетъ Клери и первую свою защиту по гражданскому дѣлу. Дѣло это попало къ нему совершенно случайно. Сосѣдомъ его по квар-

тирѣ былъ одинъ молодой адвокатъ, который, однажды, зайдя къ нему, предложилъ ему выступить вмѣсто него, такъ какъ, по его словамъ, самого его постигла „маленькая непріятность". На нѣкоторое время онъ долженъ былъ воздержаться отъ всякаго веденія дѣлъ. Съ добродушною ироніей Клери утверждаетъ, что изъ пріязни къ товарищу онъ такъ и не выяснилъ: „совѣтъ-ли его попросилъ о такомъ воздержаніи, или онъ самъ изъ желанія оказать любезность совѣту принялъ подобную суровую рѣшимость". Попросту дѣло шло о временномъ запрещеніи адвокату практики совѣтомъ. Дѣло должно было слушаться въ провинціи, и, по словамъ Клери, одно это уже способно было опьянить его восторгомъ. Всѣ молодые адвокаты мечтали тогда о выѣздахъ въ провинцію. Ѣхать нужно было въ Амьенъ, и вознагражденіе было назначено съ дорожными издержками включительно въ размѣрѣ семидесяти пяти франковъ.

„Дѣло, продолжаетъ Клери, я понялъ довольно смутно. Такъ-же смутно объяснилъ мнѣ его мой старшій товарищъ, и я, нѣсколько робѣя, но все-же полный тщеславныхъ мечтаній, отбылъ въ департаментъ Соммы.

„Предстояло говорить передъ судебною палатой. Въ первый разъ еще на мою долю выпадало подобное счастье.

„Я приготовилъ прекрасное вступленіе, полное скромной сдержанности. Въ немъ я объяснялъ подробно, какимъ образомъ странному капризу судьбы угодно было избрать именно меня, перваго встрѣчнаго, и привести сюда издалека, тогда какъ сословіе амьенскихъ адвокатовъ справедливо считаетъ въ своихъ рядахъ столько блестящихъ именъ, гораздо болѣе меня достойныхъ подобной благосклонности судьбы.

„Однимъ словомъ, это было что-то въ родѣ выходной партіи Рауля изъ Гугенотовъ:

„Средь блеска пышнаго двора
Какая честь явиться мнѣ!.."

„На это предсѣдатель, нетерпѣливый и грубоватый старикъ, немедленно остановилъ меня ворчливымъ тономъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Вамъ нечего извиняться въ томъ, что вы здѣсь! Разъ вы здѣсь, защищайте ваше дѣло... и конецъ!

„Я опустилъ голову подъ впечатлѣніемъ этого перваго униженія. Я защищалъ мое дѣло, защищалъ его... Надо полагать, что я защищалъ его очень скверно, такъ какъ и понималъ его довольно смутно, да и противникомъ моимъ былъ къ тому-же самъ знаменитый Дофенъ, будущій сенаторъ, будущій прокуроръ парижской судебной палаты, будущій старшій предсѣдатель этой-же самой амьенской судебной палаты, будущій министръ финансовъ, наконецъ, будущій мой противникъ по многимъ другимъ дѣламъ и даже очень большимъ дѣламъ, которыя, однако, я понималъ уже немного лучше, нежели это первое мое дѣло.

„На этотъ разъ со мной покончили очень быстро. Едва смолкли мои возраженія, какъ я тотчасъ-же, не дождавшись даже сколько-нибудь приличнаго совѣщанія судей, узналъ изъ немногихъ, невнятныхъ словъ предсѣдателя, что дѣло рѣшено противъ меня и во всемъ согласно съ неопровержимыми доводами моего противника.

„Самъ не знаю, какъ я очутился на улицѣ, оглушенный, сбитый съ толку и совершенно ошалѣвшій. Все это промелькнуло, какъ будто въ короткомъ снѣ; но я совершенно отчетливо сознавалъ всю глубину моего униженія, весь ужасъ полнаго и неисправимаго пораженія, которому навсегда суждено остаться безъ возмездія. Я видѣлъ, какъ отъ одного удара рушилось цѣлое заманчивое зданіе, созданное моими надеждами. Я шелъ по улицамъ Амьена, и подъ этимъ сѣвернымъ нависшимъ и сѣрымъ небомъ все, казалось, оскорбляло меня и издѣвалось надо мной“.

Непривѣтливое отношеніе судей къ молодымъ адвокатамъ во Франціи, однако, есть явленіе далеко не постоянное. Все зависитъ отъ личнаго состава судей, которые, какъ извѣстно, мѣняются, согласно господствующему режиму.

Въ пору республики въ отношеніяхъ адвокатуры и магистратуры царствуетъ полная гармонія. Предсѣдатели не только терпѣливы, но даже вѣжливы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ по уголовнымъ дѣламъ отъ нихъ отнято орудіе адвокатской пытки—право заключительнаго слова.

Совсѣмъ иное было въ эпоху второй имперіи. Судейская совѣсть, находившаяся подъ гнетомъ постояннаго давленія свыше, естественно раздражалась и, въ свою очередь, наки-

дывалась на представителей свободной и независимой профессіи, тѣмъ самымъ какъ-бы отмщая свое рабство.

Клери заканчиваетъ свое „Avant propos“ нѣкоторыми профессіональными указаніями нравственнаго свойства.

Онъ требуетъ отъ адвоката безусловной искренности и послѣдовательности въ убѣжденіяхъ. Онъ самъ въ теченіе тяжелаго наполеоновскаго режима не только ни разу не измѣнилъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, но и оставался всегда вѣренъ принципамъ широкой и гуманной свободы. Честный адвокатъ, по мнѣнію Клери, тотъ, „который никогда не скажетъ того, чего онъ не думаетъ... какъ-бы дорого это ему ни стоило!“

Живое публичное слово, наравнѣ съ словомъ печатнымъ, есть достояніе цѣлаго общества, и невозможно даже предвидѣть всѣхъ темныхъ послѣдствій, которыя оно можетъ породить.

Вполнѣ допуская энергію и даже горячность въ нападеніи и защитѣ, требуя въ интересахъ дѣла не останавливаться передъ именами и не щадить никакихъ репутацій, Клери, однако, отъ взаимныхъ профессіональныхъ отношеній адвокатовъ требуетъ безусловной и снисходительной терпимости. Не вспоминать полученныхъ нѣкогда ударовъ и ударовъ, нанесенныхъ самимъ въ разгарѣ борьбы, должно быть поистинѣ профессіональнымъ рыцарскимъ девизомъ каждаго адвоката по отношенію къ товарищу. Если борьба ведется во имя истины, а не ради сведенія личныхъ счетовъ, такіе удары не могутъ быть обидны ни для одной стороны, какъ бы сильны и энергичны они ни были въ свое время.

По поводу двухъ весьма громкихъ въ свое время и проигранныхъ Клери процессовъ (о разлученіи супруговъ Сантеръ и актера Марэ съ Кенингомъ), подробные отчеты о которыхъ напечатаны въ его книгѣ, на ряду съ отчетами о другихъ выигранныхъ имъ процессахъ, Клери останавливается на одномъ важномъ и любопытномъ вопросѣ, такъ называемой, адвокатской этики.

Госпожа Сантеръ, сама первая затѣявшая дѣло о разлученіи съ мужемъ, вслѣдствіе его грубаго и дурного съ ней обращенія, по встрѣчному обвиненію своего мужа не только уличалась въ прелюбодѣяніи, но подозрѣвалась даже въ

кровосмѣшеніи со своимъ роднымъ отцомъ. Пользуясь своими связями и огромнымъ состояніемъ, супругъ Сантеръ заставилъ фигурировать передъ судомъ цѣлую серію свидѣтелей, состоявшихъ изъ сыщиковъ и его собственной прислуги, устроившихъ въ свое время настоящую облаву на госпожу Сантеръ и уличавшихъ ее въ болѣе или менѣе сомнительныхъ похожденіяхъ.

Легковѣрное общественное мнѣніе, падкое до скандальезной хроники и вмѣстѣ лицемѣрное въ своихъ приговорахъ по щекотливымъ вопросамъ подобнаго свойства, довольно рѣшительно приняло сторону оскорбленнаго въ своей чести супруга и даже по адресу Аллу и Клери, принявшихъ на себя защиту опозоренной женщины, сыпало весьма внушительными насмѣшками и осужденіями. Удивлялись, какъ могли они взяться за столь грязное и сомнительное дѣло. Но послушаемъ самого Клери.

„Надо сознаться, пишетъ онъ въ особомъ предисловіи къ рѣчи своей по дѣлу госпожи Сантеръ, что на этотъ разъ это не былъ успѣхъ ни для неподражаемаго Аллу, котораго успѣла уже унести смерть съ тѣхъ поръ, ни для меня, его скромнаго замѣстителя. Были-ли мы не правы? Приходится повѣрить этому, потому что правосудіе сказало намъ это дважды и достаточно внушительно. И тѣмъ не менѣе я во многомъ не разубѣжденъ.

„Однако, возразятъ мнѣ, судъ отнесся къ этому дѣлу обстоятельно, приговоръ его обоснованъ. Улики и доказательства были весьма внушительны. Какъ же вы могли одинъ, потомъ другой взяться за подобное дѣло?

„Этотъ вопросъ стоитъ поставить, тѣмъ болѣе, что у меня уже давно на сердцѣ—отвѣтить на него принципіально. Въ обществѣ обыкновенно составляютъ себѣ совершенно ложную идею о нашей профессіи. Отправляются весьма охотно отъ такой бутады Альфонса Карръ: *„Не было бы нужды въ адвокатѣ для защиты вдовъ и сиротъ, если бы не было всегда адвоката, готоваго напасть на нихъ!..“* И вотъ однимъ словцомъ цѣлое сословіе гражданъ отдается на позоръ, потому что совершенно ясно, что осужденіе идетъ вплоть до обвиненія насъ въ соучастіи въ темныхъ и грязныхъ дѣлахъ изъ неразумія или корысти.

„Въ самомъ дѣлѣ, разъ одна сторона въ процессѣ проигрываетъ, ясно, повидимому, что адвокатъ могъ взяться за неправое дѣло или вслѣдствіе своего умственнаго убожества, не позволившаго ему сразу разглядѣть, на чьей сторонѣ правда, или вслѣдствіе того, что онъ позволилъ корыстолюбію затемнить правильность его сужденія.

„И однако же это не вѣрно.

„Прежде всего не всегда бываетъ, чтобы сторона въ процессѣ была уже заранѣе обречена на проигрышъ его. Есть масса судбищъ, которыя заканчиваются примиреніемъ явно противоположныхъ интересовъ. Но, кромѣ того, есть масса очень темныхъ и спорныхъ юридическихъ вопросовъ, относительно разрѣшенія которыхъ затрудняются сами судьи, и во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ положеніе спорящихъ сторонъ вполнѣ безупречно и почтенно. Къ этому не худо еще прибавить, чтобы измѣнить поверхностный взглядъ на истинное значеніе нашей профессіи, что и въ теченіе самого процесса адвокаты обѣихъ сторонъ нерѣдко употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы привести спорящихъ къ возможному соглашенію. Наконецъ, я могъ бы указать на рядъ безусловно дрянныхъ процессовъ, которые умирали своею смертью въ виду рѣшительнаго и дружнаго отказа адвокатовъ выступить на ихъ защиту.

„Но это только одна сторона вопроса.

„Возвращаюсь къ дѣламъ, въ которыхъ правосудіе высказывается настолько опредѣлительно, что невольно является желаніе обратиться къ адвокату съ фамильярнымъ вопросомъ:

— „И какъ это только васъ угораздило взяться за подобное дѣло? Неужели, какъ думаютъ нѣкоторые, все это изъ любви къ деньгамъ?.. Прежде всего дѣла, къ защитѣ которыхъ относятся подобнымъ образомъ, не всегда принадлежатъ богатымъ людямъ. Полученное вознагражденіе сплошь и рядомъ бываетъ такъ ничтожно, что одно это исключаетъ уже наличность корыстныхъ побужденій. И потомъ, думаете-ли вы, что такіе люди, какъ Мари, Палье, Дювержье, Бетмонъ и столько другихъ, которыхъ бы я могъ назвать, легко поддались бы столь грубому соблазну.

„Думаете-ли вы, что Жюль Фавръ, напримѣръ, о которомъ

говорили, что онъ проигралъ столько сомнительныхъ дѣлъ, былъ доступенъ подобнымъ побужденіямъ Онъ, самый безкорыстный изъ людей, который былъ въ одно и то же время и самымъ занятымъ, и самымъ бѣднымъ адвокатомъ своего времени.

„Конечно, нѣтъ! Совершенно въ иномъ слѣдуетъ видѣть коренное основаніе подобныхъ увлеченій. Оно съ одной стороны обще-профессіонально, съ другой стороны въ высшей степени лично и исключительно Постараюсь пояснить свою мысль.

„Смолоду еще адвокатъ жадно набрасывается на каждое дѣло, порученное ему по назначенію. Нужно употребить всѣ усилія для защиты—въ этомъ его профессіональная обязанность Думаете-ли вы, что, подходя съ этою предвзятою цѣлью къ дѣлу, онъ въ состояніи безпристрастно оцѣнить всю трудность, иногда абсолютную невозможность задачи? Нужно защищать—этимъ все сказано! Но этого мало, нужно защищать съ успѣхомъ. Гдѣ ничего нѣтъ, нужно создать. Если есть малѣйшій лучъ надежды на оправданіе, онъ сосредоточитъ всѣ свои усилія на этомъ сомнительномъ пунктѣ. Это дуэль! И разъ явясь на вызовъ, уже поздно спрашивать себя, правильно или неправильно былъ принятъ этотъ вызовъ. Надо побѣдить. И это опасное испытаніе, которому онъ обреченъ своей профессіей, повторяется каждый разъ, когда приходится защищать въ уголовномъ дѣлѣ. Извѣстная привычка ума отражается впослѣдствіи и на принятіи гражданскихъ дѣлъ, гдѣ соблазнъ является уже болѣе опаснымъ.

„Къ тому-же нѣтъ тѣхъ хитростей, я бы сказалъ даже тѣхъ пріемовъ колдовства, которые не пускались-бы въ ходъ, чтобы убѣдить васъ въ совершенной правотѣ предлагаемаго вамъ дѣла.

„Нельзя также забывать и другого могучаго орудія—лести.

— „О, господинъ адвокатъ, только Богъ и вы! Только вы одинъ можете еще спасти меня!..

„Возьмемъ любого изъ нашихъ строгихъ критиковъ, поставимъ его на свое мѣсто и, если онъ останется непреклоннымъ, разрѣшимъ ему быть къ намъ безпощаднымъ.

„Нужно самому пройти черезъ все это рабство для того, чтобы понять, какъ трудно стряхнуть его съ себя.

„А разъ дѣло взято, разъ вы прикоснулись къ нему,— уже не въ вашей власти не отдаться ему вполнѣ. Перестаешь жить своею собственною жизнью... Противникъ мало-помалу начинаетъ казаться именно тѣмъ, какимъ вашъ кліентъ желалъ-бы, чтобы онъ вамъ казался. Твердость вашего разума колеблется и уступаетъ передъ его усиліями. Вы перестаете уже быть самимъ собою.. или вы вовсе не одарены тѣмъ истинно адвокатскимъ темпераментомъ, въ составные элементы котораго всегда входитъ немного пламени, сжигавшаго нѣкогда сердца странствующихъ рыцарей и гнавшаго ихъ впередъ... вплоть до сраженія съ вѣтряными мельницами!

„Все это до такой степени вѣрно, что каждый проигранный процессъ причиняетъ вамъ истинныя и жестокія страданія. Не только на протяженіи сутокъ хочется проклинать своихъ судей, но и въ теченіе многихъ дней и долгихъ ночей переживать заново всю горечь пораженія и горько сѣтовать за попранную или неразгаданную правду“.

Возвращаясь къ проигранному дѣлу госпожи Сантеръ, которая была бѣдна и ничѣмъ не могла вознаградить своихъ адвокатовъ, Клери утверждаетъ, что и Аллу, и онъ увлекались искренно, отдаваясь безкорыстно на защиту ея интересовъ. Къ тому-же и послѣ давно и безповоротно закончившагося судбища онъ настаиваетъ на томъ, что въ этомъ дѣлѣ все-же многое осталось темнымъ, спорнымъ и неразгаданнымъ.

Еще съ большею опредѣлительностью высказывается Клери въ томъ-же направленіи по поводу другого, столь-же шумно и на виду у цѣлаго Парижа проиграннаго имъ дѣла актера Марэ съ Кенингомъ. Къ тексту своей судебной рѣчи, вызвавшей горячія похвалы и ожесточенныя нападки и бывшей, по собственному его сознанію, настоящимъ событіемъ дня, Клери опять предпосылаетъ краткое объясненіе.

Онъ сознается, что подъ вліяніемъ тяжелыхъ и исключительныхъ нравственныхъ условій, въ которыхъ находился его кліентъ, по сравненію съ торжествующимъ и ликующимъ противникомъ, онъ, быть можетъ, черезчуръ увлекся въ своихъ нападкахъ на личность Кенинга и даже вышелъ изъ предѣловъ, допускаемыхъ профессіональнымъ долгомъ. Но

онъ никогда и не отклонялъ отъ себя суровой необходимости отвѣтить съ достоинствомъ на потребованное отъ него удовлетвореніе.

Онъ припоминаетъ по этому поводу аналогичный случай съ его другомъ Густавомъ Ше-д'-Эстанжъ, котораго хотѣли оскорбить по поводу произнесенной имъ судебной рѣчи. На слѣдующій-же день, заявляетъ Клери, „этотъ славный ораторъ блистательно доказалъ, что онъ такъ-же искусно умѣетъ владѣть остріемъ шпаги, какъ и остротой своего языка".

Переживая заново перипетіи громкаго процесса, въ которомъ его пораженіе послужило лишь новымъ поводомъ къ упроченію благополучія Кенинга и называя себя по этому поводу *„высоко-благороднымъ"*... Донъ-Кихотомъ", Клери, однако, тутъ-же задается вопросомъ: „сказалъ-ли бы онъ заново то, что говорилъ тогда, если-бы ему вновь представилось подобное-же дѣло?" И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: „Я теперь старъ, стало быть уменъ. Однако, не поручусь за себя. Остается только молить всесильныхъ боговъ, чтобы они не давали мнѣ новаго случая согрѣшить! Это все, чего можетъ ждать отъ ихъ предвѣчной милости старый грѣшникъ, который чувствуетъ себя еще въ силахъ грѣшить".

Другими словами, Клери, по вопросу о выборѣ и принятіи на себя защиты дѣла, признаетъ за адвокатомъ безусловную и широкую свободу, не стѣсняемую ничѣмъ, кромѣ личнаго убѣжденія. Но этого мало. И послѣ того, какъ окончательное судебное рѣшеніе выскажется явно противъ него, онъ, по меньшей мѣрѣ, признаетъ за адвокатомъ право навсегда остаться въ глубинѣ своей совѣсти „при отдѣльномъ мнѣніи".

Съ правильностью постановки этого, столь щекотливаго въ адвокатской этикѣ вопроса и послѣдовательностью въ разрѣшеніи его, едва-ли можно не согласиться.

III.

Намъ остается оправдать ссылкою на книгу Клери и вторую часть сдѣланнаго нами заголовка: „новая школа судебнаго краснорѣчія".

Не только рѣчи самого Клери, но и рѣчи большинства

современныхъ адвокатовъ, изъ которыхъ иныхъ намъ удалось и лично слышать, носятъ на себѣ несомнѣнно печать новаго и въ высшей степени благотворнаго вѣянія.

Далеко-ли то время, когда съ представленіемъ о французскихъ судебныхъ ораторахъ у насъ сочеталось невольно понятіе о дѣланности и искусственной повышенности тона? Эти качества казались чуть-ли не прирожденными. Увѣряли, что всѣ французы „такъ“ говорятъ, что по рассовымъ свойствамъ французской натуры они иначе и говорить не могутъ.

У первоклассныхъ судебныхъ ораторовъ эти ходульные пріемы выростали по крайней мѣрѣ въ нѣчто грандіозное и потрясающее, въ нѣчто поистинѣ романтическое. Благодаря естественной силѣ чувства и глубинѣ мысли, рѣчи такихъ ораторовъ производили въ свое время огромное и неизгладимое впечатлѣніе.

Но несмотря на это, и тогда уже можно было замѣтить всю неестественность, всю условную фальшь пріемовъ. То, что скрадывалось и забывалось, когда слушатель находился подъ живымъ обаяніемъ ораторской мощи выдающагося дарованія, выступало во всей своей комической наготѣ, лишь только его смѣнялъ болѣе заурядный адвокатъ.

Длинная и степенная тога съ ея неуклюже-широкими рукавами,—нарядъ, далеко не способствующій самъ по себѣ естественной красотѣ и выразительности жестикуляціи,—превращалась тогда въ настоящую хламиду паяца. Не даромъ плэдирующіе адвокаты, въ своихъ длиннополыхъ тогахъ съ развѣвающимися рукавами, отчаянно жестикулирующіе и безпощадно бьющіе себя въ грудь, составляли издавна предметъ неизсякаемаго остроумія для всевозможныхъ каррикатуристовъ, начиная съ сотрудниковъ мелкихъ юмористическихъ листковъ и кончая разносчиками терракотовыхъ статуэтокъ.

И дѣйствительно, можно живо себѣ представить, къ чему въ общемъ сводились подобные ораторскіе пріемы и традиціи.

Адвокатъ выступалъ передъ судьями и передъ публикою въ своемъ театральномъ облаченіи съ задачами самаго жалкаго фигляра: горячиться, не чувствуя никакого увлеченія, бить себя въ грудь, въ которой не шевелится никакое чув-

ство, выжимать слезы изъ глазъ, которые не хотятъ плакать... И все это было обязательно, все это входило въ программу общепринятыхъ ораторскихъ пріемовъ.

И здѣсь, какъ и въ литературѣ, и на сценѣ, переживался очевидно періодъ романтизма, съ тою только разницею, что въ низменныхъ сферахъ прикладныхъ искусствъ онъ загостился, пожалуй, еще долѣе, нежели въ другихъ, болѣе возвышенныхъ областяхъ. Но и здѣсь, и тамъ онъ отразился тѣми-же явленіями. Все заурядное, среднее было безпощадно раздавлено имъ. Только немногіе колоссы способны были вынести на своихъ плечахъ исключительныя, чтобы не сказать чудовищныя, его требованія

Лишь этихъ немногихъ колоссовъ судебно-ораторскаго искусства, имена которыхъ приведены нами уже выше, Клери цитируетъ въ качествѣ заслуживающихъ вниманія ораторовъ.

Въ тѣсной средѣ судебныхъ дѣятелей и особенно на языкѣ молодыхъ стажіеровъ въ свое время они иначе и не назывались, какъ „неподражаемые (les incomparables)“.

Къ числу такихъ „неподражаемыхъ“ послѣднимъ по времени по всей справедливости долженъ быть отнесенъ Ножанъ Сенъ-Лоранъ, если судить, по крайней мѣрѣ, по восторженнымъ отзывамъ самого Клери и по тому неотразимому обаянію, которое онъ производилъ на своихъ молодыхъ поклонниковъ. Одаренный богатыми внѣшними данными, пророчески вдохновенный на трибунѣ, извлекавшій изъ своего могучаго и вмѣстѣ чарующаго голоса неподражаемые ораторскіе эффекты, этотъ еще вполнѣ типичный представитель старой романтической школы, по всей справедливости, долженъ быть названъ и послѣднимъ ея могиканомъ. Непосредственно идущій за нимъ Лашо, нашумѣвшій несравненно болѣе его, оставившій послѣ себя и печатный сборникъ своихъ рѣчей, долженъ быть признанъ уже гораздо менѣе яркимъ представителемъ отжившей школы ораторскаго искусства.

И даже не совсѣмъ то.

Точнѣе было-бы сказать, что именно на Лашо, выросшемъ и воспитанномъ на почвѣ самыхъ прозаическихъ, буржуазныхъ интересовъ и таившемъ въ своей собственной натурѣ весьма замѣтную складку маклаческихъ и сутяжническихъ инстинктовъ, безпощадно и безповоротно оборвалось прежнее

повышенно-торжественное и героическое направленіе судебной рѣчи, требовавшее во всякомъ случаѣ значительнаго подъема духа и незаурядной глубины чувства. Лашо пользовался успѣхомъ, который не выпадалъ и на долю его болѣе славныхъ предшественниковъ, такъ какъ онъ былъ гораздо вульгарнѣе ихъ и, слѣдовательно, доступнѣе. Но для истинныхъ знатоковъ и цѣнителей было уже совершенно ясно. что лебединая пѣсня старой ораторской школы спѣта.

Въ немногихъ, но мѣткихъ чертахъ характеризуетъ извѣстный романистъ и реалистъ-писатель Жюль Гонкуръ Лашо, какъ судебнаго оратора, котораго ему самому приходилось слышать не разъ въ судѣ.

„Адвокатъ Лашо, этотъ патентованный обѣлитель убійцъ— отмѣчаетъ Гонкуръ въ своемъ „дневникѣ“,—актеръ низменной драмы, приносящій своему кліенту только фальшивое увлеченіе, фальшивую чувствительность, ходульную жестикуляцію и вычурную декламацію“.

Неудивительно поэтому, что и молодые стажіеры пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, ощутившіе на себѣ вліяніе иныхъ литературныхъ вкусовъ и требованій, вызванныхъ къ жизни такими художниками, какъ Бальзакъ, Флоберъ, братья Гонкуры, а позднѣе Золя и Додэ, послѣ первыхъ дѣвственныхъ своихъ восторговъ передъ Лашо и другими немногими судебными риторами, остававшимися еще въ живыхъ, круто повернули въ сторону, желая во что бы то ни стало проложить новые пути для своего профессіональнаго, видимо приходившаго въ упадокъ, искусства.

По свидѣтельству Клери, языкъ, которымъ говорятъ теперь въ судѣ, жестикуляція, пріемы и всѣ ораторскіе современные эффекты не имѣютъ уже ничего общаго съ тѣмъ, что онъ засталъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Существованіе новой школы, такимъ образомъ, несомнѣнно.

По нѣкоторымъ автобіографическимъ указаніямъ Клери мы могли бы даже съ точностью отмѣтить первоначальный моментъ ея зарожденія.

У насъ весьма распространено ходячее мнѣніе, что въ сферахъ театральнаго и ораторскаго искусствъ французамъ

нечему учиться. Они-де природные актеры и говоруны. Однако сами французы смотрятъ на дѣло иначе. Нигдѣ быть можетъ, кромѣ Франціи, именно въ этихъ сферахъ публичной дѣятельности не предъявляютъ такъ настоятельно и строго требованія „выучки“ и „подготовки“.

Имѣть хорошо привѣшенный языкъ именно во Франціи еще не значитъ быть хорошимъ адвокатомъ, такъ какъ вообще языки тамъ привѣшены недурно. Отъ адвоката-оратора требуютъ серьезной юридической и общелитературной подготовки, живого, наблюдательнаго ума и значительной дозы творческаго инстинкта, способнаго, такъ сказать, одухотворить и вызвать къ жизни нѣмыя страницы объемистыхъ дѣловыхъ фоліантовъ. Отъ внѣшней стороны рѣчи требуется художественная цѣльность и, во всякомъ случаѣ, цѣлесообразная законченность. Безъ удовлетворенія этимъ минимальнымъ требованіямъ, васъ не назовутъ судебнымъ ораторомъ.

Вы можете, конечно, и на адвокатской трибунѣ остаться милымъ и пріятнымъ болтуномъ, неизмѣнно вносящимъ комическій элементъ въ самыя печальныя дѣла; можете подъ вліяніемъ поэтическаго настроенія пустить двѣ—три ракеты, чтобы озарить и вмѣстѣ сдѣлать еще болѣе безнадежнымъ безцвѣтный мракъ поверхностной и малосодержательной защиты; можете проявить какой угодно побочный талантъ, вплоть до идеальной пластики въ поднятіи указательнаго пальца,—все это не будетъ признакомъ истиннаго ораторскаго дарованія, сознательно направившаго свои силы къ опредѣленной цѣли. Эта опредѣленная цѣль—*побѣдить*, отстоять свои положенія и доводы средствами, даваемыми благороднымъ ораторскимъ искусствомъ.

Если-бы нужно было прибѣгнуть къ сравненію, чтобы оттѣнить вполнѣ условія, въ которыхъ только и можетъ процвѣтать искусство судебнаго оратора, по всей справедливости слѣдовало-бы сравнить предъявляемыя къ нему требованія съ современными требованіями, предъявляемыми къ организаторскимъ способностямъ полководца. И тамъ, и здѣсь во имя той-же внѣшней задачи—*побѣдить въ нужную минуту*,—приходится и въ мирное время питать огромное количество войска, имѣть всѣ роды оружія... Говоря проще, современ-

ному судебному оратору, желающему стоять на высотѣ своей задачи, нужно обладать такими разностороннимп качествами ума и дарованія, которыя позволяли-бы ему съ одинаковою легкостью овладѣть всѣми сторонами защищаемаго имъ дѣла. Въ немъ онъ даетъ публично отчетъ цѣлому обществу и судейской совѣсти, причемъ, по односторонности-ли своего дарованія, по отсутствію-ли достаточныхъ знаній и подготовки, онъ не въ правѣ отступать ни передъ психологическимъ, ни передъ бытовымъ, ни передъ политическимъ или историческимъ его освѣщеніемъ.

Именно такимъ представляется намъ современный французскій судебный ораторъ отчасти уже и въ рѣчахъ Клери, мощное и разностороннее дарованіе котораго, до глубины насыщенное превосходнымъ знаніемъ исторіи своей страны, ея быта и человѣка,—выливается въ самыхъ простыхъ, безпретенціозныхъ, но полныхъ внутренней мѣткости и изящества выраженіяхъ.

Чтобы достигнуть всего этого, Клери не побоялся трудовъ и усилій и прошелъ съ нѣкоторыми сверстниками хорошую школу.

Не довольствуясь посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій и участіемъ въ офиціальныхъ адвокатскихъ конференціяхъ, гдѣ царило еще прежнее, ложно-риторическое направленіе, эти молодые люди проявили рѣшительную инпціативу въ дѣлѣ профессіональнаго самообразованія.

Вотъ какъ самъ Клери разсказываетъ объ этомъ.

„Нѣсколько молодыхъ стажіеровъ, въ томъ числѣ и я, порѣшили создать свой собственный кружокъ для подготовки себя къ адвокатской дѣятельности. Мы учредили и отдѣльную конференцію для упражненій въ судебномъ краснорѣчіи. Въ нашемъ кружкѣ состоялъ въ числѣ другихъ членомъ стажіеръ Гюставъ Роланъ, отецъ котораго, бывшій до того генеральнымъ адвокатомъ при кассаціонномъ судѣ, былъ тогда назначенъ генеральнымъ прокуроромъ парижской судебной палаты. Чтобы почтить своимъ уваженіемъ этого прекраснаго юриста, мы, какъ это было въ обычаѣ тогда, передали ему черезъ сына нашу просьбу принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя нашей конференціи. Каковоже было наше изумленіе, когда этотъ заваленный работою

прокуроръ палаты отвѣтилъ намъ, что онъ согласенъ принять на себя роль предсѣдателя, но только отнюдь не почетнаго, а активнаго. Нечего и говорить, что восторгамъ нашимъ не было конца. Въ первомъ-же засѣданіи нашей конференціи я былъ избранъ ея дѣлопроизводителемъ и имѣлъ честь засѣдать рядомъ съ предсѣдателемъ. И вотъ, начиная съ этого дня въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ *каждую* пятницу, разслышали-ли вы хорошенько, *каждую* пятницу, ровно въ восемь часовъ безъ пяти минутъ, прокуроръ палаты входилъ въ свободную отъ вечернихъ засѣданій залу уголовнаго суда, гдѣ мы были уже въ полномъ сборѣ. Здѣсь, занявъ *настоящія* судейскія, прокурорскія и адвокатскія мѣста, при тускломъ освѣщеніи шести стеариновыхъ свѣчей, мы упражнялись въ судебномъ краснорѣчіи. И еслибы вы знали, какъ усердно и добросовѣстно упражнялись. Для каждаго наступала своя очередь".

„Послѣ нашего словопренія держалъ рѣчь самъ предсѣдатель. Онъ критиковалъ насъ мягко и осторожно и доставлялъ намъ невыразимое наслажденіе своею умною рѣчью, отличавшеюся необычайною простотою, точностью и ясностью языка".

„— Если только я научился чему нибудь хорошему, замѣчаетъ далѣе Клери, то научился здѣсь!" Когда занятія въ конференціи покончились, Клери получилъ возможность имѣть значительную практику. По рекомендаціи того-же прокурора палаты, предсѣдательствующіе въ ассизахъ стали охотно назначать его защитникомъ по уголовнымъ дѣламъ.

Здѣсь уже окончательно сформировалось его дарованіе, и онъ не переставалъ съ юношескимъ увлеченіемъ заниматься адвокатурою вплоть до преклоннаго возраста.

Девять напечатанныхъ рѣчей относятся уже къ вполнѣ зрѣлому періоду его дѣятельности. Всѣ онѣ были произнесены Клери или въ концѣ семидесятыхъ или въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, т. е. тогда, когда ему было значительно болѣе сорока лѣтъ. Въ это время онъ принялъ участіе въ рядѣ выдающихся процессовъ, сохранившихъ и до сихъ поръ свое литературное или общественное значеніе.

Въ нашу задачу отнюдь не входитъ подробный критическій анализъ рѣчей Клери. Однако для полноты представленія о томъ, насколько разнообразны могутъ быть темы,

подлежащія адвокатской разработкѣ, перечислимъ ихъ и укажемъ въ самыхъ общихъ чертахъ нѣкоторыя особенности въ пріемахъ и въ постановкѣ той или другой защиты.

Первое изъ напечатанныхъ дѣлъ озаглавлено „Нельская башня“ (La tour de Nesle) Дѣло литературное, отчасти даже патріотическое.

Когда былъ поднятъ вопросъ о постановкѣ памятника Александру Дюма-отцу, организовался особый литературный комитетъ для выполненія этого проекта. На самомъ пьедесталѣ статуи рѣшено было начертать заглавія всѣхъ выдающихся его сочиненій. Въ числѣ другихъ названій должно было фигурировать заглавіе имѣвшей когда-то потрясающій успѣхъ исторической драмы „Нельская башня“. Когда этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, встрѣтилось неожиданное препятствіе.

Наслѣдники нѣкоего Фредерика Галіардэ запротестовали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Они приписывали всю честь успѣха, выпавшаго на долю этой пьесы, сотрудничеству ихъ отца. Въ возникшемъ по этому поводу гражданскомъ процессѣ Клери выступилъ со стороны Александра Дюма-сына, который ревностно вступился за литературную честь своего родителя. Дѣло было рѣшено въ пользу неприкосновенности литературной славы Дюма-отца, и заглавіе „Нельская башня“ рѣшено было начертать на пьедесталѣ его статуи.

Далѣе идутъ еще три литературныхъ дѣла, въ которыхъ возникали самые запутанные, сложные и разнообразные вопросы не только юридическаго, но и чисто литературнаго свойства.

Въ дѣлѣ Викторіена Сарду съ Маріо Юшаръ Клери выступилъ въ защиту знаменитаго драматурга, который обвинялся въ плагіатѣ по поводу постановки своей новой пьесы „Одеттъ“. Юшаръ утверждалъ, что сюжетъ пьесы и нѣкоторыя отдѣльныя сцены цѣликомъ заимствованы изъ его драмы „Фіаминна“, не имѣвшей впрочемъ никакого успѣха.

Дѣло было рѣшено въ пользу Сарду.

Затѣмъ идетъ гражданскій споръ между роднымъ племянникомъ знаменитаго Андре Шенье и издательскою фирмою Шарпантье о принадлежности нѣкоторыхъ рукописей покойнаго поэта и о правѣ на ихъ дополнительное изданіе.

Клери выступаетъ противъ фирмы Шарпантье и выигрываетъ процессъ.

Наконецъ передъ присяжными онъ защищаетъ молодого романиста Бонетена, автора книги „Charlot S'amuse", преданнаго суду по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности изображеніемъ въ своемъ этюдѣ молодого человѣка, преданнаго пагубной юношеской страсти, доводящей его до полнаго нравственнаго и физическаго паденія.

Въ этомъ процессѣ фигурировалъ между прочимъ письменный отзывъ Альфонса Додэ, который въ качествѣ эксперта высказался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ въ пользу глубокой и потрясающей правды, изображенной молодымъ романистомъ. Присяжные оправдали Бонетена.

Изучая судебныя рѣчи Клери хотя бы по этимъ четыремъ литературнымъ процессамъ, невольно поражаешься его умѣньемъ разомъ оріентироваться въ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ подробностяхъ и частностяхъ. Съ истинно творческою способностью онъ овладѣваетъ дѣломъ и распоряжается въ немъ, какъ настоящій хозяинъ. Изъ самыхъ незначительныхъ черточекъ, едва примѣтныхъ для обыкновеннаго взора, онъ съ мастерствомъ настоящаго художника возсоздаетъ цѣлую картину полную жизненной и потрясающей правды. Рядомъ съ этимъ онъ обнаруживаетъ настоящій литературный вкусъ и проницательность опытнаго критика.

Въ дѣлѣ Дюма съ усердіемъ, достойнымъ заправскаго антикварія или библіографа, онъ извлекаетъ на свѣтъ Божій всевозможныя старинныя рукописи, всю интимную переписку умершихъ авторовъ и современныхъ имъ журналистовъ и писателей и этимъ путемъ заставляетъ слушателей какъ-бы присутствовать при самомъ процессѣ творческой работы умершаго драматурга. Только путемъ такой мелкой, кропотливой, такъ сказать, кружевной работы ему въ концѣ концовъ удается блистательно доказать, что и основная идея пьесы, и лучшія драматическія ея положенія носятъ на себѣ несомнѣнную печать неистощимой и геніальной фантазіи знаменитаго Дюма.

Въ дѣлѣ Сарду съ Юшаръ онъ превращаетъ залу суда въ настоящее литературное собраніе, властно и авторитетно

разрѣшая въ немъ самые острые и щекотливые конфликты авторскихъ самолюбій.

Въ процессѣ Шенье съ издательскою фирмою Шарпантье, рѣчь Клери — блестящая лекція съ историческою характеристикою личностей и цѣлой литературной эпохи въ ея мрачныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ. И все это органически связано съ самымъ предметомъ дѣла. Онъ только слѣдитъ за рукописью, вышедшею изъ рукъ погибшаго поэта, и вмѣстѣ съ нею переживаетъ ея историческую судьбу.

Наконецъ въ дѣлѣ Бонетена Клери выступаетъ передъ общественнымъ мнѣніемъ страстнымъ и горячимъ поборникомъ свободы мысли и слова и съ негодованіемъ обрушивается на несостоятельность самаго закона и на лицемѣрное пристрастіе, допускаемое лишь въ пользу нѣкоторыхъ „излюбленныхъ и модныхъ романистовъ“. Длинными выдержками изъ романовъ Золя онъ основательно доказываетъ всю непорочность и, такъ сказать, младенческую невинность Бонетена.

Два слѣдующихъ процесса переносятъ насъ въ міръ столь же, если еще не болѣе замкнутый и исключительный, чѣмъ литературный, въ міръ театральный, со всѣми его закулисными дрязгами, интригами и непомѣрными притязаніями.

Въ дѣлѣ Го съ сосьетерами французской комедіи (или „Дома Мольера“, какъ любятъ высокопарно выражаться господа артисты) Клери выступаетъ на защиту престарѣлаго и славнаго артиста, котораго господа общинники не желали пріобщить къ усиленной и вполнѣ заслуженной имъ пенсіи ссылаясь на какой-то старинный декретъ Наполеона I.

Эта рѣчь Клери, помимо обычныхъ указанныхъ нами уже выше достоинствъ, дышитъ неподдѣльнымъ, нравоописательнымъ юморомъ. Живо рисуются воображенію слушателей эти важные, непомѣрно важные и чопорные господа, театральные общинники, лицедѣйствующіе на сценѣ и священнодѣйствующіе въ жизни въ качествѣ театральныхъ заправилъ. На все у нихъ готовы занумерованное отношеніе или предписаніе, буква закона и ссылка на подлежащую статью кодекса. Иногда самая ссылка не вѣрна, но однако они не стѣсняются ради нея забывать объ услугахъ стараго товарища, несшаго на себѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ обширный и трудный репертуаръ.

О дѣлѣ актера Марэ съ Кенингомъ мы уже имѣли случай говорить.

Здѣсь краснорѣчіе Клери поднимается до уровня страстной и грозной филиппики. Сѣдѣющій ораторъ никакъ не хочетъ примириться съ мыслью, чтобы посредниками между эстетическими потребностями публики и артистами являлись такіе ловкіе дѣльцы и рекламирующіе себя шарлатаны, какъ Кенингъ, обсчитывающій артистовъ и предлагающій артисткамъ „заводить себѣ богатыхъ любовниковъ для оплаты дорого стоющихъ костюмовъ“. Съ грустью онъ вспоминаетъ о невозвратныхъ строгихъ театральныхъ традиціяхъ, когда еще театральное искусство имѣло нѣкоторое право называть себя „святымъ искусствомъ“.

Наконецъ, три послѣднія рѣчи, помѣщенныя въ книгѣ Клери, касаются дѣлъ супружескихъ и семейныхъ.

О дѣлѣ супруговъ Сантеръ мы уже говорили. За нимъ слѣдуетъ дѣло госпожи Габріэль Леженъ.

Съ госпожи Леженъ разведенный супругъ ея, князь Альфонсъ-де-Шимей, торгующій титуломъ предковъ за неимѣніемъ другой благопріобрѣтенной цѣнности, выманилъ путемъ принужденія и угрозъ обязательство на огромную сумму. Ранѣе при разводѣ онъ получилъ уже отъ своей жены солидную сумму въ милліонъ франковъ въ видѣ отступного. Процессъ былъ затѣянъ съ тѣмъ, чтобы отстоять по крайней мѣрѣ недѣйствительность долгового обязательства и Клери выигралъ его.

Послѣднею въ книгѣ напечатана рѣчь по очень щекотливому супружескому дѣлу. Клери озаглавилъ дѣло такъ: „Un mariage non consommé“. Едва-ли не будетъ благоразумнымъ признать это заглавіе непереводимымъ.

Госпожа Тріонъ искала разлученія съ своимъ пожилымъ супругомъ, богатымъ экономомъ іезуитской коллегіи, съ цѣлью добиться впослѣдствіи развода. Задача Клери состояла въ томъ, чтобы доказать, что женщина, которая осталась, помимо своей воли, послѣ четырехлѣтняго супружества дѣвушкой, въ правѣ и воспользоваться вполнѣ своей дѣвической свободой. Клери выигралъ этотъ процессъ.

Всѣ эти три дѣла дали поводъ нашему оратору произнести прекрасныя рѣчи.

Воспроизведя бытовую сторону дѣла съ мастерствомъ настоящаго художника, искусно справляясь съ обрисовкою лицъ и характеровъ, обнаруживая вездѣ мѣткую наблюдательность и тонкій психологическій анализъ, Клери привлекаетъ васъ всегда глубокимъ и всегда правдивымъ освѣщеніемъ фактовъ. Онъ не прячетъ, какъ страусъ, головы передъ опасностью, не игнорируетъ уликъ, не уклоняется отъ вызова противника, разсчитывая на невниманіе или забывчивость судей. Прочтя его рѣчь, вы узнаете всѣ сколько-нибудь существенныя подробности дѣла Онъ беретъ всѣ факты такими, какими они являются въ дѣйствительности и лишь усиліемъ своихъ доводовъ, работою своей собственной мысли старается дать имъ то или другое освѣщеніе.

Наконецъ—отсутствіе въ его рѣчахъ общихъ мѣстъ, боязнь всякой фальши и чужихъ словъ, простота слога и образцовыя литературныя паралели, все это, вмѣстѣ взятое, какъ-то органически сливается съ правдивою и мягкою искренностью, которою вѣетъ отъ рѣчей Клери.

Его пріятно читать, но, надо думать, было-бы большимъ наслажденіемъ слышать: стоитъ только себѣ представить, хорошо думающаго и еще лучше чувствующаго человѣка, съ увлеченіемъ говорящаго объ очень трудныхъ и спорныхъ вещахъ...

Французскій адвокатъ XVIII-го столѣтія.

Адвокатура во Франціи считаетъ вѣками свою исторію. То общественное вліяніе и значеніе, которое она проявила въ девятнадцатомъ столѣтіи, давъ исторіи Франціи рядъ блестящихъ именъ, явилось не сразу и далось адвокатурѣ не даромъ. Вторая половина XVIII-го вѣка, эпоха непосредственно предшествовавшая „великой революціи", бурно и тревожно пронеслась и надъ сословіемъ французскихъ адвокатовъ.

Типичнымъ дореволюціоннымъ адвокатомъ XVIII-го столѣтія, обратившимъ на жизнь и задачи сословія вниманіе всей французской печати и публики, и въ концѣ концовъ, цѣною своей гибели, какъ адвоката, совершившимъ весь этотъ переворотъ, по всей справедливости долженъ почитаться Николай Лэнгé. Лэнгé вступилъ въ сословіе парижскихъ адвокатовъ въ 1764 году и съ позоромъ былъ исключенъ изъ него въ 1776 году подъ дружнымъ давленіемъ какъ наиболѣе видныхъ членовъ сословія, такъ и сплотившагося противъ него прокурорскаго надзора.

Недавно во французской литературѣ (въ 1895 г.) появилась книга Крюпи: „Un avocat-journaliste au XVIII-me siècle— Linguet", обратившая на себя вниманіе. Это добросовѣстное и талантливое историческое изслѣдованіе, посвященное личности Лэнгé, необычайно ярко рисуетъ положеніе тогдашней адвокатуры, обнимая собою дѣятельность Лэнгé именно какъ адвоката.

Дѣятельность эта продолжалась сравнительно недолго, немного болѣе десяти лѣтъ, но она успѣла проявиться въ столь разнообразныхъ, яркихъ и плодотворныхъ формахъ, что представляетъ изъ себя по истинѣ цѣлую эпопею.

Въ 1776 году, когда Лэнгé говорилъ въ судебномъ засѣданіи парламента въ послѣдній разъ, „весь Парижъ“ столпился слушать его. Придворныя дамы, помѣщавшіяся за мѣстомъ старшаго предсѣдателя въ особой аристократической нишѣ-фонарѣ, наравнѣ съ остальною публикою, бѣшено аплодировали ему. При выходѣ толпа такъ напирала, тѣснясь къ прославленному адвокату, что на смерть задавила подростка-лицеиста, случайно потерявшаго своего гувернера. Кучеръ, везшій Лэнгé изъ Palais de Justice, немилосердно билъ своихъ клячъ, горланя во всю мочь: „да здравствуетъ Лэнгé, эта умная голова!“ Ему вторила вся уличная парижская толпа.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ слава Лэнгé, сначала какъ адвоката, а потомъ, по исключеніи изъ сословія, какъ журналиста, создавшаго впервые отрасль политическаго журнализма, была шумна и необычайна. Портреты, бюсты, медали съ его изображеніями шли такъ же ходко, какъ и изображенія Вольтера; въ музеѣ восковыхъ фигуръ Парижа онъ занималъ мѣсто „между королемъ прусскимъ и тѣмъ же Вольтеромъ“. Дамы носили шляпки „à la Linguet“, а когда, несмотря на протесты части печати и публики, состоялось его исключеніе изъ сословія, модницы измѣнили только фасонъ шляпокъ, назвавъ ихъ „Linguet rayé“.

Лудовикъ XV пожелалъ принять Лэнгé въ торжественной аудіэнціи послѣ блестящей защиты имъ графа Моронжіé, не удостоивъ самого графа на выходѣ даже поклономъ.

По словамъ Крюпи, Лэнгé одно время „былъ богомъ въ глазахъ Лудовика XV, оставаясь въ то же время дьяволомъ въ глазахъ его министровъ“, которыхъ онъ не переставалъ затрогивать и безпокоить.

Не создавъ лично для себя карьеры, несмотря на то, что въ числѣ его кліентовъ былъ такой всемогущій впослѣдствіи сановникъ, какъ герцогъ д'Эгіонъ, не наживъ денегъ, которыя одно время сами плыли къ нему въ руки, когда, по общему признанію, онъ вдругъ незамѣтно сталъ первымъ адвокатомъ своего времени, Лэнгé весь ушелъ въ общественную тревогу и въ общественное служеніе, благодаря свойствамъ своего непримиримаго и безпокойнаго характера,—быть можетъ, даже самъ не желая того.

Съ 1755 по 1793 годъ имъ написано множество книгъ,

всего 80 томовъ. Сюда, кромѣ самостоятельныхъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и отраслямъ знанія, вошли его судебныя рѣчи, защитительныя записки, журнальныя статьи, мемуары и проч. За исключеніемъ его „Mémoires sur la Bastille“, которой не миновалъ и онъ во время своей журнальной дѣятельности, большинство его сочиненій въ настоящее время забыто, но это объясняется, по мнѣнію Крюпи, исключительно тѣмъ, что многочисленныя его писанія, зарождавшіяся въ пылу лихорадочной дѣятельности, были почти всѣ произведеніями минуты (de circonstance) и потому являются гораздо болѣе дѣйствіями, „дѣлами“, нежели „писаніями“.

Шумъ, возбужденный этими спѣшными страницами воспоминаній, полемикъ и судебныхъ рѣчей, нерѣдко полныхъ дѣйствительно новыхъ идей и захватывающаго интереса, смолкъ тотчасъ же, какъ смолкаетъ бряцаніе оружія немедленно послѣ битвы.

Чтобы оживить эти погребенныя творенія, чтобы дать имъ вновь лихорадочный трепетъ жизни, приходится воскрешать самыя событія, среди которыхъ они зародились, и выяснять цѣль, къ которой каждое изъ нихъ стремилось.

Если исполнить именно это, то удастся проявить, пожалуй, одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ конца XVIII вѣка, одну изъ тѣхъ типичныхъ личностей, въ которой всего полнѣе, ярче и рельефнѣе отразилась общая сумятица, всеобщій хаосъ идей тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ лихорадочно-тревожныхъ годовъ, которые, непосредственно ей предшествуя, подготовили „великую“ французскую революцію.

I.

Николай-Симонъ-Анри Лэнгé родился въ Реймсѣ въ 1736 г. Судьбѣ угодно было,—замѣчаетъ его біографъ,—чтобы этотъ будущій срыватель Бастиліи появился на свѣтъ именно 14-го іюля. Отецъ его былъ довольно замѣчательный человѣкъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ Реймсѣ въ качествѣ зятя мѣстнаго прокурора, занимая скромную должность судебнаго пристава, но ранѣе онъ былъ профессоромъ въ „Collége de

Navarre à Paris". Онъ былъ образованнымъ гуманистомъ; ему улыбалась карьера. Неожиданно онъ впалъ, однако, въ самый ярый пессимизмъ, потомъ предался магіи и спиритизму и кончилъ изступленными конвульсіями парижскаго діакона проповѣдника. Королевское lettre de cachet совлекло его прямо съ каѳедры проповѣдника и отправило въ ссылку въ Реймсъ, холодный и напыщенный городъ, полный роялистскихъ традицій. Здѣсь онъ былъ дважды женатъ, имѣлъ много дѣтей и, повидимому, совершенно успокоился и излечился отъ тревогъ своего мятежнаго духа.

Третій по счету сынъ его, Николай Лэнгé, получилъ образованіе въ „Collége de Navarre à Paris", тамъ, гдѣ отецъ его былъ нѣкогда профессоромъ. Здѣсь изучались по преимуществу древніе языки: Ученики могли говорить даже между собою и съ начальствомъ только по-латыни или по-гречески. Культъ классицизма, богомъ котораго считался Цицеронъ, былъ въ полномъ ходу. „Не считая этого, чему еще обучали тогда въ двадцати восьми коллежахъ Парижа?"— задается вопросомъ Крюпи.—„Des sottises!" (глупостямъ)— отвѣчаетъ на это Дону; „философіи вздора!"—прибавляетъ де-Мэстръ.

Но въ латыни и греческомъ всѣ были сильны. Въ 1750 г., на долю Лэнгé выпали первые школьные успѣхи. Между товарищами онъ былъ провозглашенъ „императоромъ реторики", и получилъ первую награду. Въ 1751 г. парижскимъ университетомъ ему были присуждены всѣ три первыя награды.

Любопытно отмѣтить, что во второй половинѣ XVIII столѣтія знаменитѣйшими „тенорами" латыни и греческаго языка считались: Лагарпъ, Тюрго, Лэнгé и Робеспьеръ.

Только жизнь перваго изъ нихъ мирно протекла подъ сѣнью парнасскихъ рощъ. Остальные три, хотя и въ противоположныхъ лагеряхъ, проявили собою истинныхъ революціонеровъ. Несмотря на все различіе ихъ натуръ и происхожденія, общая черта этихъ рѣшительныхъ революціонеровъ та, что они явились продуктомъ самаго строгаго и законченнаго „классическаго" образованія.

Судьба Лэнгé связана съ судьбой знаменитаго дѣятеля революціи, Робеспьера, еще одною общею чертою. Головы обоихъ, увѣнчанныя нѣкогда лаврами „императоровъ рето-

рики", скатились въ одну и ту же окровавленную корзинку палача, съ промежуткомъ лишь въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ отличіе отъ названныхъ двухъ своихъ современниковъ, начавшихъ въ сущности очень мирно свою житейскую карьеру,—Тюрго въ качествѣ товарища прокурора въ Парижѣ, а Робеспьера въ качествѣ провинціальнаго адвоката въ Аррасѣ, Лэнге съ первыхъ же своихъ шаговъ вступаетъ на путь протеста и возмущенія.

Брошенный безъ связей, знакомствъ и безъ гроша въ карманѣ на произволъ судьбы онъ проявляетъ поистинѣ „великолѣпное" пренебреженіе къ такъ называемымъ вѣрнымъ классическимъ средствамъ и протореннымъ житейскимъ благоразуміемъ путямъ, чтобы проложить себѣ дорогу, Лэнге какъ бы намѣренно создаетъ себѣ самую трудную жизненную программу.

Великодушно и безъ малѣйшихъ колебаній отказавшись въ пользу своихъ многочисленныхъ малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ отъ доли слѣдовавшаго ему послѣ отца скромнаго наслѣдства. Лэнге очутился прежде всего въ самой жестокой нищетѣ. Не теряя ни минуты, ему приходилось думать о своемъ существованіи.

У него являлась-было мысль сразу записаться въ адвокаты. Но сословіе тогдашнихъ адвокатовъ, въ средѣ которыхъ насиженныя мѣста адвокатской практики перекупались за большія деньги или передавались по наслѣдству, мало привлекало его. Обладая прекрасными математическими способностями, онъ мечталъ-было сдѣлаться инженеромъ (его брошюры „О свѣтовыхъ законахъ" и „О воздушномъ телеграфѣ" имѣли нѣкоторый успѣхъ); но безъ спеціальной подготовки все это оказалось неосуществимымъ.

Буквально подъ вліяніемъ голода, не безъ внутренней борьбы и душевнаго возмущенія, онъ на первыхъ порахъ принимаетъ мѣсто домашняго секретаря при герцогѣ De Deux-Ponts, прославленномъ на всю Европу своею оригинальною и ослѣпительною роскошью магнатѣ. Это было что-то въ родѣ нашего „великолѣпнаго" князя Таврида, съ тою впрочемъ разницею, что въ его жилахъ текла настоящая королевская кровь. Впослѣдствіи онъ былъ владѣтельнымъ княземъ Палатината и герцогомъ баварскимъ.

Во время путешествія герцога по Европѣ съ визитами къ коронованнымъ особамъ, Лэнге въ числѣ другихъ обязанностей долженъ былъ скакать впереди въ качествѣ курьера и имѣть высшее шталмейстерское наблюденіе за его конюшней. При одномъ изъ такихъ путешествій слуга загналъ и бросилъ по дорогѣ лошадь и, боясь отвѣтственности, свалилъ вину на Лэнге, утверждая, что тотъ продалъ ее въ одномъ изъ промежуточныхъ городовъ и утаилъ деньги. Вскорѣ истина обнаружилась и невинность Лэнге стала очевидною, но это не помѣшало ему во время объясненій съ герцогомъ вести себя такъ горделиво, съ такимъ высокомѣрнымъ достоинствомъ, что онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто.

Для характеристики нравовъ тогдашняго французскаго общества замѣтимъ, что этотъ случай съ лошадью, равно какъ и послѣдующіе слухи, уже вовсе лишенные основанія, о томъ, что Лэнге будто бы укралъ у своего школьнаго товарища Дора сто луидоровъ, возродились черезъ пятнадцать лѣтъ, въ разгаръ его адвокатской славы.

Сословіе парижскихъ адвокатовъ, настаивавшее на исключеніи его въ 1775 году, въ числѣ прочихъ обвинительныхъ пунктовъ занесло въ свой questionnaire слѣдующій знаменательный пунктъ: „вы злоупотребили довѣріемъ герцога de Deux-Ponts въ то время, когда состояли при немъ?..“

Въ своемъ отвѣтѣ, опубликованномъ впослѣдствіи въ его мемуарахъ, Лэнге, опровергнувъ фактически это обвиненіе, съ справедливымъ негодованіемъ восклицаетъ: „Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ. Мнѣ теперь тридцать восемь. Какая низость итти съ своими розысками въ невѣдомое дѣтство человѣка, который съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ дѣйствуетъ на сценѣ, къ сожалѣнію, при слишкомъ ослѣпительномъ освѣщеніи, и въ дѣятельности котораго, тѣмъ не менѣе, вамъ не удалось найти и тѣни предосудительнаго“. Затѣмъ, по адресу своего главнаго противника въ сословіи, знаменитаго Жербье, прославленнаго своимъ наружнымъ благородствомъ и изысканнымъ краснорѣчіемъ, отъ котораго не уцѣлѣло, впрочемъ, и слѣда для потомства, онъ продолжаетъ: „покопавшись глубже въ моемъ дѣтствѣ, нашлось бы, можетъ быть, еще кое-что. Г. Жербье, выступая въ дѣлѣ маркиза де-Брюнуа въ ка-

чествѣ его обвинителя, нашелъ же возможнымъ публично изобличать его и въ томъ, что, будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ больно ударилъ лакея, неловко несшаго его на рукахъ. Сторонники и друзья г. Жербье могли бы открыть и относительно меня, что я укусилъ свою кормилицу, будучи еще у груди; тогда вопросъ о моемъ исключеніи прошелъ бы уже безъ всякихъ затрудненій!“

Послѣ недолговременныхъ своихъ скитаній по Европѣ, въ качествѣ конюшаго и секретаря блистательнаго герцога де-Дѐ-Понъ, Лэнгѐ поселяется въ Парижѣ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по коллежу, Дорá, такимъ же бѣднякомъ, какъ и онъ самъ.

Оба друга страстно упражняются во всевозможныхъ видахъ литературнаго творчества. Ленгѐ съ настоящею яростью и упорствомъ истаго работника, въ горделивомъ сознаніи своей интеллектуальной силы, которую онъ не умѣлъ пока ни направлять, ни сдерживать, умудряется въ такую эпоху, когда появленіе каждой книги считалось еще цѣлымъ событіемъ, въ какія-нибудь шесть лѣтъ (онъ началъ свою литературную карьеру на 22-мъ году) проявить себя во всѣхъ видахъ творчества, издать цѣлый рядъ сочиненій. Попутно онъ исправляетъ посредственные стихи пріятеля своего Дорá и своимъ анонимнымъ сотрудничествомъ доставляетъ даже нѣкоторый успѣхъ его дѣтски задуманной и слабо написанной трагедіи „Зюлика“. Самъ онъ въ этотъ періодъ ставитъ на сцену полу-сатирическую комедію въ стихахъ: „Les filles-femmes“, имѣвшую нѣкоторый успѣхъ, о которой впослѣдствіи знатоки отзывались, что „иные діалоги не посрамили бы самого Мольера“.

Но настоящіе литературные дебюты Лэнгѐ, заронившіе столько горечи въ его сердце, благодаря дружному и кастовому недоброжелательству тогдашней критики, и за этотъ шестилѣтній періодъ все еще были впереди.

Въ 1762 году онъ издаетъ нѣсколько брошюръ въ защиту іезуитовъ и посланіе въ стихахъ на ту же тему. Это была несчастная мысль — дебютировать съ защитою столь неблагодарной темы.

Именно въ началѣ этого года парижскій парламентъ, къ великому удовольствію энциклопедистовъ и всѣхъ сво-

бодомыслящихъ, постановилъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ предѣловъ Франціи. Постановленіе это строго приводилось въ исполненіе. Въ каждомъ домѣ „искали іезуита“. Іезуитскія школы закрывались, іезуиты прятались и скрывались, какъ настоящіе прокаженные. Парламентъ, пользовавшійся въ то время огромной силой, оппонировавшій самому королю, сыгралъ этимъ одновременно въ руку и королю, и общественному мнѣнію. Это не помѣшало впрочемъ, парламенту въ томъ же году, испугавшись собственнаго свободомыслія, приказать истребить руками палача только-что появившіяся сочиненія Жанъ-Жака Руссо: „Emile“ и „Contrat Social“, а на придачу и нѣсколькихъ живыхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ протестантъ Каласъ (невинно осужденный за убійство якобы собственнаго сына съ религіозной цѣлью) и пасторъ Рашетъ.

Лэнгé, защищая іезуитовъ, возсталъ, „только противъ насилія побѣдителей“. Въ постановленіи парламента объ изгнаніи цѣлаго класса людей онъ усматривалъ актъ, направленный противъ свободы мысли и личности,—хотя бы эта мысль и эти личности были одѣты въ рясы іезуитовъ. Стихи его были довольно неуклюжи, а брошюры оказались неудачными и успѣха не имѣли, такъ какъ ратовали за абстрактнаго общечеловѣка. Это не было тогда еще въ модѣ.

Въ томъ-же 1762 году онъ выступаетъ въ качествѣ историка, и печатаетъ „Исторію Александра Великаго“. Въ издававшемся тогда Гриммомъ повременномъ изданіи „La Correspondance“, такъ характеризуется это сочиненіе: „Г. Лэнгé, молодой историографъ, даетъ публикѣ сочиненіе, которое, къ сожалѣнію, недостаточно созрѣло въ тиши его кабинета. Не трудно догадаться, что въ сущности исторія царствованія Лудовика XIV-го послужила автору образцомъ, и въ этомъ все несчастіе. Впрочемъ, даже въ качествѣ посредственной исторіи оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ написано недурно и читается не безъ удовольствія“.

Послѣ почтительнаго посвященія книги королю польскому Станиславу и очень скромнаго вступленія, въ которомъ Лэнгé опредѣляетъ задачу писателя, какъ безкорыстнаго носителя нелицепріятной истины, съ первыхъ же строкъ текста онъ разражается слѣдующею тирадою:

„Еслибы всѣ люди были разумны, быть можетъ, они умѣли бы лучше понимать значеніе тѣхъ похвалъ, которыми окружаютъ обыкновенно побѣдителей. Они бы не видѣли въ этомъ ничего другого, кромѣ языка безсилія, которое ищетъ обезоружить жестокость. Они бы не связывали славы съ значеніемъ „побѣдителя“, значенія, которое, къ сожалѣнію, многіе короли считаютъ необходимымъ для своего величія; и, такимъ образомъ, исторія хотя бы нѣсколько отмстила за родъ человѣческій. Я не думаю, чтобы когда-либо существовали тираны, кинжалы которыхъ оказались-бы столь пагубными для человѣчества, какъ прославленная дѣятельность Александра и Цезаря. Спокойная и обдуманная жестокость Тиверіевъ, Нероновъ, Домиціановъ, лишала Римъ лишь горсти гражданъ, на протяженіи многихъ лѣтъ. Но одно сраженіе, подобное сраженію при Арбеллахъ или Фарсалѣ, стоило многихъ тысячъ людей, и опустошало цѣлыя страны. Многіе историки восхваляли Цезаря, и особенно стояли на томъ, что въ своихъ сраженіяхъ онъ погубилъ какъ разъ милліонъ людей. Если это такъ, то родъ человѣческій не имѣлъ болѣе лютаго врага. Калигула, Коммодъ, Геліогабалъ въ сравненіи съ нимъ, были чудомъ кротости и милосердія“.

Въ этой тирадѣ уже чуется настоящій Лэнгé. Истинная его природа, его свободомысліе, его наклонность итти наперекоръ общепринятымъ понятіямъ и мнѣніямъ, въ этомъ сочиненіи уже даютъ свои замѣтные ростки.

„Нужно было,—говоритъ Крюпи, — имѣть нѣкоторое мужество, чтобы злословить насчетъ воинствующихъ королей въ такую минуту, когда Европа за шесть послѣднихъ лѣтъ только-что потеряла на поляхъ сраженій именно милліонъ людей. Надъ этимъ даже свободомыслящіе философы того времени не задумывались“.

Кто прочелъ опытъ молодого писателя, былъ только непріятно пораженъ фамильярною смѣлостью, съ которою онъ оскорбительно отзывался о „герояхъ“ — о Цезарѣ и Александрѣ. Исторія того времени, мало освѣдомленная, зато очень чопорная и вѣрная разъ установленнымъ традиціямъ, вышивала свои узоры по готовой канвѣ. Всякій новый источникъ принимался какъ оскорбленіе, всякій новый взглядъ— какъ заблужденіе. Монархи по преимуществу распредѣля-

лись на двѣ группы: группу героевъ и группу изверговъ. Это были не живые люди съ своими достоинствами и пороками, а манекены, оснащенные либо одною добродѣтелью, либо однимъ порокомъ. Критика, по поводу этого сочиненія Лэнге, наградила его прозвищемъ „защитника тирановъ“, прозвищемъ, которое впослѣдствіи, въ 1793 году, и стоило ему головы.

Послѣ этой новой литературной неудачи, благодаря покровительству д'Аламбера, который обратилъ на него все-таки нѣкоторое вниманіе, Лэнге попадаетъ домашнимъ секретаремъ къ принцу де-Бово, главнокомандующему французскихъ войскъ, предпринявшихъ демонстративную кампанію въ Португалію. Результатомъ этой поѣздки было только знакомство Лэнге съ испанскимъ языкомъ и испанскою литературою (впослѣдствіи онъ перевелъ на французскій языкъ избранныя драмы Кальдерона и Лопе де-Вега, и издалъ ихъ), а затѣмъ путешествіе по Европѣ.

Въ Ліонѣ онъ чуть-было не затѣялъ устройства фабрики для изготовленія особаго, изобрѣтеннаго имъ, мыла „по холодному способу изготовленія“. Въ Голландіи онъ живо заинтересовался блистательными промышленными успѣхами крохотной страны, по сравненію съ бѣдной экономической жизнью могущественной Франціи того времени.

Въ качествѣ „фланирующаго философа“, онъ въ 1763 г. возвратился во Францію, чрезъ Аббевиль, прежнюю столицу кантона Понтье, и рѣшился здѣсь остановиться и пожить нѣкоторое время. Никакихъ узъ родства или знакомства тутъ у него не было. Случайная остановка эта, тѣмъ не менѣе, опредѣлила всю его дальнѣйшую судьбу.

Городокъ былъ замкнутый, гордый своими прежними коммунальными вольностями, промышленный, дѣятельный, и очень подозрительный ко всѣмъ вновь прибывающимъ.

Лэнге чуть не приняли за англійскаго шпіона. Мэръ города (mayeur) Дюваль де-Сикуръ—по отзыву Крюпи—„дуракъ на подкладкѣ фанатическаго звѣрства“—едва не арестовалъ его (впослѣдствіи, въ 1766 г., именно этотъ Дюваль де-Сикуръ будетъ предсѣдательствовать въ возмутительномъ процессѣ кавалера де-Ла-Бара, гдѣ мы, въ качествѣ защитника, впервые встрѣтимся съ Лэнге).

Тутъ-же, въ Аббевилѣ, проживалъ и бывшій мэръ (представитель либеральной партіи) Дувиль, изъ породы смѣлыхъ и яростныхъ, хотя и скрытыхъ республиканцевъ. Это — будущій другъ Лэнге.

Но у власти былъ въ то время, побѣдившій его какъ разъ въ послѣднее время на выборахъ, Дюваль де-Сикуръ. Матросъ какой-то донесъ мэру, что Лэнге бродитъ по порту и „всѣмъ интересуется“. Лэнге позвали къ допросу. Онъ отвѣчалъ „à la Rousseau,“ что „изучаетъ природу и людей, останавливаясь всюду, гдѣ находитъ предметы для своего изученія, утоляя жажду у перваго встрѣчнаго ручья“. Чтобы доказать, что онъ не опасный и не безпутный праздношатающій, и въ отплату за гостепріимство, Лэнге предложилъ городскому начальнику прочесть курсъ лекцій „по математикѣ“. Обезоруженный мэръ согласился, порѣшивъ, однако, зорко наблюдать за нимъ. Лекціи имѣли огромный успѣхъ, особенно среди военной молодежи.

Тогда Лэнге вовсе остается въ Аббевилѣ и поселяется у нѣкой вдовы Девирите, прекрасной женщины, имѣвшей книжную торговлю. Сюда собирались всѣ „beaux esprits“ Аббевиля. Блестящій и остроумный говорунъ Лэнге скоро дѣлается здѣсь центромъ. Его пребываніе въ Аббевилѣ выростаетъ въ настоящее событіе. Онъ разомъ дѣлается „великимъ“ человѣкомъ провинціи.

Особенно дружескія отношенія завязались у него съ бывшимъ мэромъ Дувилемъ. Чествуя въ лицѣ Лэнге „философа“, свалившагося неожиданно ему съ неба, отставленный мэръ испытывалъ двойное удовольствіе удовлетворять своимъ умственнымъ потребностямъ и досаждать Дювалю де-Сикуръ. Онъ переманилъ Лэнге въ свой домъ и предложилъ ему заняться образованіемъ своего сына. Нѣсколько знакомыхъ семействъ послали своихъ дѣтей учиться вмѣстѣ. Учениками его были, кромѣ молодого Дувиля, Гайяръ Дэсталандъ, Дюманіель де-Савезъ, и знаменитый впослѣдствіи кавалеръ Лефевръ де-ла-Баръ.

Старику Дувилю удалось втянуть Лэнге даже въ нѣкоторые мѣстные интересы. Такъ, онъ писалъ брошюры „о судоходствѣ Соммы“ и о „новомъ портѣ въ Аббевилѣ“.

Не удержался онъ и отъ попутной характеристики нравовъ

Аббевиля, пустивъ неожиданно выходки по адресу пятидесяти девяти дѣвицъ, „угрожавшихъ умаленію народонаселенія, благодаря скупости ихъ родителей“. Не безъ основанія обрушился онъ въ спеціальной брошюрѣ также на претензіи мѣстныхъ суконныхъ фабрикантовъ, требовавшихъ все новыхъ и новыхъ охранныхъ налоговъ и привилегій.

Все вмѣстѣ взятое вооружило противъ него, такъ называемую, „благонамѣренную часть общества“ Аббевиля.

Въ одно прекрасное утро, по приказу Дюваля де-Сикура, у него былъ сдѣланъ неожиданно обыскъ. По счастью, ничего не нашли.

Несмотря на эти непріятныя осложненія, пребываніе въ Аббевилѣ дало Лэнге́ много отрадныхъ минутъ и временное, хотя и незначительное, удовлетвореніе его самолюбію. Въ своихъ мемуарахъ онъ называетъ это время „блаженнымъ временемъ, дававшимъ дышать полною грудью“.

Его писательская энергія какъ бы воспрянула здѣсь заново. Въ 1764 году имъ написаны въ Аббевилѣ: памфлетъ, трагедія, финансовый проектъ и, кромѣ того, пространный юридическій трудъ, озаглавленный: „О необходимости реформы въ отправленіи правосудія“.

Въ памфлетѣ, весьма дерзкомъ и смѣломъ, озаглавленномъ „Les fanatismes des philosophes“, Лэнге́ съ новой точки зрѣнія развивалъ идеи Руссо о вредѣ цивилизаціи. Онъ объявлялъ, что философы искони были злѣйшими врагами человѣческаго рода, и что ихъ фанатизмъ опаснѣе даже всякаго религіознаго фанатизма. Онъ пытался установить, что самые отвратительные тираны имѣли своими воспитателями наиболѣе знаменитыхъ философовъ. Философы всѣхъ временъ, по его мнѣнію, были лишь „мерзкимъ исчадіемъ льстецовъ“, наклонныхъ разрушать счастье „малыхъ сихъ“ -и отнимать у нихъ единственное утѣшеніе—„блаженное невѣдѣніе“. Что касается до правителей, то ужъ если нужно ихъ учить кому, то не философамъ. Эти всѣ поступаютъ такъ же, какъ поступалъ „ростовщикъ“ Сенека, который, сфабриковавъ цѣликомъ Нерона, довелъ свой цинизмъ до того, что для этого же изверга сочинилъ свой знаменитый „Трактатъ о милосердіи“.

Трагедія, написанная имъ въ эту пору, была „Смерть Сократа“. Она никогда не была поставлена на сцену.

Экономическій этюдъ его, касаясь налоговъ или „королевской десятины“, внушаетъ ему, между прочимъ, такую тираду: „видя богатаго человѣка, я не представляю его себѣ иначе, какъ несомаго на плечахъ всѣхъ несчастныхъ, рабочая сила которыхъ служитъ ему и пищею, и нарядомъ“. И во имя этого несчастнаго, Лэнгé горячо протестуетъ противъ барщины того времени, на которую тратится лучшая народная кровь.

О его сочиненіи юридическаго содержанія относительно реформъ въ судопроизводствѣ, мы скажемъ нѣсколько ниже.

Неудовлетворенный своими литературными дебютами, осыпаемый градомъ хуленій и насмѣшекъ современной ему литературной критики, порвавшій, послѣ изданія своего памфлета противъ философовъ, связь даже съ д'Аламберомъ, который сначала пытался ему покровительствовать, Лэнгé снова остается одинокимъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ быстро покидаетъ Аббевиль и, очутившись вновь въ Парижѣ, чувствуетъ себя еще болѣе жалкимъ, непризнаннымъ и оскорбленнымъ.

Дѣлая теперь справедливую и вполнѣ благопріятную для Лэнгé характеристику его литературной дѣятельности этого періода, отдавая должное глубинѣ, а для того времени и поразительной новизнѣ его, казавшихся лишь съ перваго взгляда парадоксами, идей, оцѣнивая по достоинству точность, ясность и силу его почти современнаго намъ стиля, Крюпи дѣлаетъ ему лишь одинъ упрекъ: „Лэнгé родился слишкомъ рано. Сразу онъ заговорилъ языкомъ Рошфора и Лассаля“.

Лэнгé въ сущности шелъ даже дальше ихъ. Если согласиться съ характеристикой Крюпи, этотъ казненный революціею „защитникъ тирановъ“, по своимъ идеямъ, былъ бы причисленъ нынѣ къ анархистамъ.

II.

Съ конца 1764 года начинается второй періодъ жизни и дѣятельности Лэнгé.

Написавъ новую книгу: „Революція въ римской имперіи“, онъ во вступленіи къ этой книгѣ прощается съ литературой.

Вотъ какую отповѣдь читаетъ ему по этому случаю Гриммъ въ своей „Correspondance“.

„Лэнге́ только-что выпустилъ въ свѣтъ свою „Исторію революціи въ римской имперіи“ и въ своемъ вступленіи желаетъ распроститься съ литературой, при чемъ чистосердечно признаетъ, что его не завалили лаврами на этомъ поприщѣ. Онъ сознаетъ, что его произведенія почти сплошь оказались неудачными, хотя и не можетъ открыть причину этому. Я ее ему открою. Онъ пишетъ нестерпимо скучно. Парадоксы удаются только геніямъ. Я желаю добраго вечера г. Лэнге́-автору, и много удачъ г. Лэнге́-адвокату и его кліентамъ“.

Дѣйствительно, 12-го октября 1764 г., по настоянію и подъ вліяніемъ одного своего почтеннаго родственника, онъ, уже будучи двадцати восьми лѣтъ отъ роду (возрастъ нѣсколько устарѣлый для стажіера), вносится въ списокъ „стажіеровъ“ сословія адвокатовъ при парламентѣ (barreau des avocats au Parlement). Стажъ въ то время длился четыре года.

Съ невеселыми мыслями и не съ большою охотою вступаетъ Лэнге́ въ сословіе современныхъ ему адвокатовъ. Въ его мемуарахъ можно отмѣтить слѣдующее мѣсто: „меня никогда особенно не привлекала профессія адвоката. Съ нѣкоторою горечью рѣшаюсь я на этотъ шагъ. Но нужно же и мнѣ стать чѣмъ-нибудь въ жизни. Я предпочитаю быть богатымъ поваромъ, нежели голодающимъ и къ тому же никѣмъ не признаннымъ умникомъ“.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что роль адвоката дѣйствительно не соотвѣтствовала его истинному призванію. Вся его адвокатская дѣятельность докажетъ противное. Что касается до матеріальныхъ соображеній, которыя толкнули его на эту дорогу, то, въ оправданіе Лэнге́, вспомнимъ хотя бы Жоржъ-Зандъ, которая первую свою, прославившую ее, повѣсть написала для того, чтобы имѣть „нѣсколько карманныхъ денегъ“.

Ранѣе, чѣмъ слѣдить далѣе за Лэнге́ сперва въ качествѣ скромнаго, никому невѣдомаго стажіера, а вскорѣ уже и шумно прославленнаго адвоката, попытаемся немногими чертами охарактеризовать тотъ новый міръ, въ который вступаетъ Лэнге́.

Этотъ новый міръ—„Дворецъ Юстиціи“, „Palais de Justice“.

„Дворецъ“—въ полномъ значеніи слова, ибо тутъ дѣйствительно была резиденція королей. Сперва въ немъ жили только короли, которые самолично и творили правосудіе (Людовикъ IX Святой). Потомъ здѣсь жили и короли, и царскіе совѣтники, которые составляли парламентъ (они неприхотливо помѣщались въ Консьержери—теперешней тюрьмѣ). Творилось правосудіе уже сообща. Наконецъ, при Людовикѣ XII, парламентъ вполнѣ завладѣлъ зданіемъ Дворца, а король, страдавшій подагрой и любившій ѣздить для моціона на маленькомъ осликѣ, перебрался по сосѣдству, въ небольшой дворецъ, гдѣ имѣлся большой садъ.

Мало-по-малу отправленіе правосудія вовсе отошло отъ королей къ парламенту. Сохранились только посѣщенія королями Palais de Justice въ экстренныхъ, торжественныхъ случаяхъ и торжественныя засѣданія въ присутствіи короля, которыя назывались „lits de Justice“.

Къ тому времени, которое насъ интересуетъ и въ которое дѣйствовалъ въ качествѣ адвоката Лэнге, парламентъ представлялъ изъ себя уже очень сложную и очень могучую машину общаго государственнаго управленія Франціи. Онъ въ то время былъ не по названію, но за то на дѣлѣ „правительствующимъ“.

Своимъ политическимъ значеніемъ и возвышеніемъ парламентъ, главнымъ образомъ, обязанъ былъ тому, что служилъ одно время орудіемъ борьбы королевской власти съ феодальными порядками и притязаніями. Изданіе и примѣненіе драконовскихъ законовъ, для возвышенія королевскаго престижа, возложено было на парламентъ; короли, чтобы не имѣть личныхъ счетовъ съ надменными притязаніями все еще сильныхъ владѣтельныхъ особъ, въ этомъ какъ бы умывали руки.

Во время случайныхъ ослабленій королевской власти (передъ вступленіемъ на престолъ Франціи Генриха IV-го, въ малолѣтство Людовика XIV), парламентъ никогда не упускалъ случая воспользоваться своимъ преобладающимъ положеніемъ для полновластнаго управленія страной. Какъ извѣстно, онъ призналъ недѣйствительнымъ духовное завѣщаніе Людовика XIII и вовсе устранилъ регентство Маріи де-Медичи. Онъ же призналъ недѣйствительнымъ и духовное завѣщаніе самого „великаго“ короля Людовика XIV, хотя при его жизни трепеталъ и преклонялся предъ нимъ раболѣпно.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія парламентъ судитъ, правитъ и представляетъ изъ себя тотъ центръ, куда стекаются и гдѣ переплетаются интересы рѣшительно всего государственнаго строя Франціи. Самъ король, со всею своею не ограниченною властью, появляется среди него по праву еще деспотомъ, но въ дѣйствительности уже нерѣдко почти обвиняемымъ, котораго то-и-дѣло осуждаютъ высокомѣрные судьи, сохраняющіе при этомъ лишь наружно торжественно-приниженный видъ все еще колѣнопреклоненныхъ вѣрноподданныхъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь всей сложной и своеобразной внутренней организаціи и внѣшняго устройства „Дворца“. Это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Съ дѣятельностью Лэнгé, какъ адвоката, связаны, главнымъ образомъ, судебные функціи и органы парламента. Поэтому на нихъ мы только и остановимся.

Чтобы понять обширные предѣлы судебной юрисдикціи парижскаго парламента, достаточно сказать, что онъ замѣнялъ собою девять нынѣ существующихъ апелляціонныхъ палатъ почти по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и что онъ же восполнялъ собою и нынѣшній верховный кассаціонный судъ, такъ какъ со всей Франціи дѣла стекались къ нему не только по апелляціямъ, но и на ревизію. Засѣданія его разбивались на сессіи по мѣсяцамъ въ году. Дѣла каждаго округа имѣли свою очередь. По замѣчанію Крюпи, были злополучные округа, которые нѣсколько лѣтъ подъ рядъ никакъ не могли попасть въ очередь.

Во главѣ парламента стоялъ первый президентъ. Это былъ своего рода верховный властитель, окруженный всевозможными знаками отличій и почестями, имѣвшій свое роскошное помѣщеніе во „Дворцѣ“. За нимъ шли президенты отдѣльныхъ палатъ (chambres), числомъ двадцать. Затѣмъ сто пятьдесятъ членовъ парламента, и gens du roi—въ качествѣ прокурорскаго надзора. Это—высшіе чины парламента.

Въ большинствѣ своемъ все это были люди съ состояніемъ, съ предками, со связями при дворѣ. Ихъ должности имѣли отчасти наслѣдственный характеръ. Нерѣдко онѣ переходили отъ отца къ сыну. Въ нихъ какъ бы косвенно играли лучи судейской несмѣняемости. Всѣ эти господа, большею частью воспитанные въ духѣ легкаго и безвреднаго янсенизма—

очень умѣренные либералы, но зато очень большіе политиканы. Они умудряются одною рукою изгонять мракъ невѣжества изъ умовъ Франціи путемъ изгнанія іезуитовъ, а другою, и притомъ въ то же самое время, сжигать философскія сочиненія лучшихъ умовъ той же Франціи.

За высшими чинами слѣдовали цѣлые баталіоны канцелярскихъ дѣятелей, состоящихъ при томъ же парламентѣ, самыхъ разнообразныхъ наименованій, но съ строго замкнутыми задачами и обязанностями: служить безпрекословно видамъ и интересамъ парламента.

Какова же была общая нравственная физіономія этого правящаго и судящаго безапелляціонно „парламентскаго сословія“ въ эпоху, которая насъ занимаетъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди старинной французской магистратуры были люди съ стойкимъ и независимымъ характеромъ, хранители лучшихъ и благороднѣйшихъ традицій. Попадались они и среди парламентской клики временъ Лудовика XV-го. Напримѣръ, достаточно назвать Мальзэрба, президента одной изъ палатъ парламента (chambres des aides). Но именно къ концу XVIII-вѣка парламентская юстиція въ общемъ утратила уже свои прежнія добродѣтели. По словамъ Крюпи, юстиція эта „ходила уже тогда на двухъ своихъ костыляхъ“. Первый костыль была—продажность, проникшая изъ канцеляріи до высшихъ судейскихъ ступеней; и второй—вліяніе и закулисныя ходатайства. Вліяніе сильныхъ (приближенныхъ ко двору) было такъ велико, что оно по истинѣ считалось тою незримою осью, на которой въ сущности вращалась вся судебная машина.

Съ внѣшней стороны, однако, весь судебный ритуалъ былъ обставленъ необыкновенною торжественностью. Позолота потолковъ, ярко-красный пурпуръ и горностай судейскихъ мантій, освѣщенный въ вечернія засѣданія восковыми свѣчами, импонировали и рѣзали глазъ своимъ недосягаемымъ величіемъ.

Впрочемъ, если порыться въ архивахъ парламента, то окажется, что сохраненіе и такого внѣшняго престижа стоило уже не малаго труда. Крюпи приводитъ одну тираду изъ наказа старшаго предсѣдателя своимъ подчиненнымъ членамъ. Имъ внушается: „присутствовать болѣе аккуратно на

засѣданіяхъ, слушать внимательно пренія, а не спать и не болтать о пустякахъ между собой, не бродить также по заламъ Дворца безцѣльно, увлекая за собой судей и изъ другихъ отдѣленій".

Чтобы понять значеніе послѣдняго попечительнаго замѣчанія, слѣдуетъ имѣть въ виду нѣкоторыя топографическія, а отчасти и историческія особенности этого „Дворца Юстиціи".

Съ выселеніемъ королей, къ нему придвинулся весь праздный, а за нимъ и торговый міръ уже и въ то время достаточно шумнаго Парижа. Одно время и во дворѣ, и въ стѣнахъ „Дворца" шла самая оживленная, пестрая и разнообразная ярмарка. Въ знаменитой залѣ „des Pas Perdus" нарасхватъ раскупались мѣста для лавчонокъ и кіосковъ. Здѣсь велась самая оживленная и разнообразная торговля; особенно бойко шли ювелирное, парфюмерное и книжное дѣло. Можно себѣ представить, какая разнообразная толпа посѣщала этотъ вѣчный базаръ, особенно пока это было въ модѣ. Судейскія и адвокатскія тоги буквально должны были нырять среди волнъ разношерстной публики, среди которыхъ мелькали и лица молодыхъ, хорошенькихъ женщинъ. Оффиціальное предостереженіе, цитированное выше, не лишено, такимъ образомъ, своей бытовой и исторической пикантности.

Къ моменту вступленія Лэнгé въ сословіе адвокатовъ парламента „Дворецъ" уже утратилъ нѣсколько свой специфически-ярмарочный видъ, но въ залахъ и коридорахъ его все еще было достаточно оживленно и шумно. Сюда являются для сообщенія другъ другу политическихъ новостей и для тонкихъ словопреній. Здѣсь разнаго рода новаторы и прожектеры въ умственной сферѣ, которыми кишѣлъ до-революціонный Парижъ, не прочь принимать позы настоящихъ проповѣдниковъ.

Торговые прилавки изъ залы „des Pas Perdus" были уже почти сплошь изгнаны, за исключеніемъ, однако, прилавковъ книгопродавцевъ, которые наоборотъ, здѣсь-то и свили свои постоянныя гнѣзда. Они непрерывнымъ поясомъ охватывали собою стѣны обширной залы, гостепріимно давая пріютъ лишь двѣнадцати длиннымъ дубовымъ скамьямъ.

Но это были не простыя дубовыя скамьи, предназначенныя для отдохновенія перваго встрѣчнаго: нѣтъ, это были скамьи

особенныя, почти священныя. Каждая изъ нихъ носила свое особенное названіе: „Столбъ консультаціи“, „Осторожность“, „Добрая вѣра“, „Святая Вероника“, „Горностаева шпага“ и т. п.

Эти скамьи принадлежали адвокатскому сословію. Все сословіе, состоявшее изъ шестисотъ человѣкъ, раздѣлялось на двѣнадцать группъ или „колоннъ“, къ которымъ приписывались стажіеры. Каждая колонна имѣла въ залѣ „des Pas Perdus“ свою скамью, надъ которой надзиралъ сосѣдній книгопродавецъ. Когда товарищи подвергали остракизму своего сочлена, деликатное порученіе объявить обвиненному роковую сентенцію возлагалось на соотвѣтствующаго книгопродавца Такое изгнаніе со скамьи предрекало обыкновенно и самое исключеніе изъ сословія. Если провинившійся былъ чутокъ и догадливъ, онъ спѣшилъ самъ покинуть сословіе.

Итакъ, въ самомъ парламентѣ оффиціально существовало сословіе адвокатовъ (это—настоящее barreau: les avocats au Parlement). Какова же была его организація, въ чемъ заключались его интересы, каково было общественное его значеніе?

По словамъ Крюпи, это было замкнутое сообщество законниковъ съ полу-религіознымъ, во всякомъ случаѣ, очень набожнымъ и строго-католическимъ оттѣнкомъ. Оно даже называлось: „собратствомъ св. Николая“. Не мало духовныхъ лицъ числилось еще въ его спискахъ. Ежегодный торжественный выборъ старшины сословія (batonnier) совпадалъ съ празднованіемъ св. „патрона ордена“ Николая Чудотворца, и приходился на 9-е мая.

Эти законники почти всѣ были довольно плохими ораторами, но зато они были отличными эрудистами, всецѣло поглощенными казуистикою и изученіемъ догмы права. Живя въ тискахъ мертвыхъ традицій, недоступные никакимъ новымъ вѣяніямъ и идеямъ, отъ души ненавидящіе протестантовъ, слегка подтруниваюшіе надъ папой, но въ ужасѣ творящіе крестное знаменіе при одномъ словѣ „разводъ“, они были еще менѣе либеральны и менѣе скептичны, чѣмъ сама магистратура, которая, по крайней мѣрѣ, усиливалась играть извѣстную политическую роль.

Исполняя обязанности защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ, стоя бокъ-о-бокъ со всѣми ужасами пытки, они не возмущались ею. Они серьезно дебатировали лишь доказательное значеніе „большихъ“ и „малыхъ“ допросовъ.

Въ общемъ, однако, это все были хорошіе люди и добросовѣстные труженики, зарывавшіеся въ свои фоліанты и отвѣтственные иски съ утра и до ночи. Они почти никогда не снимаютъ съ себя тоги и бѣлыхъ брыжжей, они „всегда адвокаты“, всегда при исполненіи своихъ обязанностей. И по квартирамъ группируются они вокругъ „Palais de Justice“, чтобы быть ближе къ источнику общаго заработка. Чуждые всякимъ общественнымъ волненіямъ и политическимъ вѣяніямъ, эти законченные и безнадежные рутинеры—строгіе юристы, поглощенные либо пріобрѣтеніемъ состоянія, либо забавляющіеся „цицеронствомъ“ (à ciceronner). Магистратура и прокуратура охотно ихъ терпитъ и даже поощряетъ, такъ какъ они ничѣмъ не мѣшаютъ имъ, не тормазятъ своимъ непрошенно-энергичнымъ или черезчуръ страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу—„естественнаго“ хода правосудія. Въ государствѣ сословіе просто не въ счету. Оно влечетъ къ себѣ только такъ называемыхъ „приличныхъ“ молодыхъ людей хорошихъ семействъ, отчасти талантливыхъ, но, главнымъ образомъ, лишенныхъ необходимыхъ наслѣдственныхъ рессурсовъ.

Можно живо себѣ представить тѣ чувства отчужденія и затаенной вражды, которыя испытывалъ Лэнгé ко всему этому новому міру, насыщенному условностями и традиціями, всегда и всюду противными его впечатлительной и экзальтированно-непримиримой натурѣ. Къ тому же насчетъ дѣйствительно темныхъ и даже мрачныхъ сторонъ тогдашнихъ судебныхъ порядковъ у него уже окончательно составился довольно опредѣленный взглядъ. Почти непосредственно передъ вступленіемъ своимъ въ число адвокатовъ онъ, какъ мы упоминали уже выше, выпустилъ въ свѣтъ два изъ своихъ наиболѣе удачныхъ сочиненія, оба юридическаго содержанія „Реформа юстиціи“ и „Реформа гражданскихъ законовъ“.

Гдѣ и когда Лэнгé успѣлъ изучить догму права, судопроизводства и ихъ исторію—остается его тайной, но по общепринятому мнѣнію къ 1764 году онъ уже владѣлъ этими предметами съ тою полнотою знаній и широтою взглядовъ, которыя весьма выгодно выдѣляли названныя двѣ книги даже изъ ряда другихъ писаній Лэнгé.

О современной ему судебной машинѣ Лэнгé, какъ и слѣдовало ожидать, былъ весьма невысокаго мнѣнія. Въ „Реформѣ

юстиціи“ онъ между прочимъ пишетъ. „Ранѣе всего необходимо упразднить этотъ водопадъ судопроизводственныхъ осложненій, это паденіе тяжущихся со ступени на ступени инстанцій, паденіе, увлекающее ихъ въ пропасть, изъ которой ни одному уже не выбраться“.

Онъ требуетъ введенія народнаго элемента (попросту присяжныхъ) въ коллегіальные суды (présidaux), съ тѣмъ, чтобы они постановляли окончательные приговоры и рѣшенія, и жестоко издѣвается надъ остатками феодализма, мѣстными сеніоріальными судами, которые выродились въ настоящую каррикатуру (сиьоры назначили вмѣсто себя baillis, которые нерѣдко бывали не вѣжественны и всегда продажны).

Въ критикѣ гражданскихъ законовъ Лэнгé не менѣе радикаленъ. Онъ ярко обрисовываетъ ихъ невообразимый хаосъ, который приводитъ на практикѣ къ тому, что въ процессѣ изъ-за ста пистолей адвокату приходится перерыть десятокъ фоліантовъ, ранѣе нежели выудить что-либо подходящее.

Современное ему состояніе французскаго законодательства онъ живописуетъ въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: „представьте себѣ огромное поле, на которомъ раскиданы вперемежку голыши (обычаи) всевозможныхъ образованій и періодовъ и обломки кирпичей (указовъ, законовъ, рѣшеній), и людей, которые устремляются за ними, чтобы съ великимъ трудомъ собрать каждый разъ и сдѣлать изъ нихъ кучу; эти люди горделиво именуютъ себя архитекторами (я бы назвалъ ихъ мусорщиками). Такова наша юриспруденція и наши господа юрисконсульты“.

Не лишено также интереса и то, какъ Лэнгé отзывается объ адвокатахъ, своихъ будущихъ коллегахъ. „Въ святилищѣ богини правосудія, — говоритъ онъ,—есть люди, предназначенные передавать ей моленія прибѣгающихъ къ ея заступничеству. Имъ однимъ, подобно служителямъ оракуловъ въ древности, принадлежитъ право вопрошать богиню и говорить съ нею. Подобно этимъ священнослужителямъ, они очень ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы имъ было уплочено ранѣе, нежели они откроютъ ротъ“.

Можно себѣ представить довольно живо, какими косыми взглядами взглянули на Лэнгé эти „авгуры“, узнавъ въ ни-

кому невѣдомомъ „стажіерѣ“ дерзкаго автора двухъ названныхъ юридическихъ сочиненій, въ которыхъ колебались всѣ „священные устои“ тогдашняго судоустройства.

На почетныхъ адвокатскихъ скамьяхъ, въ ожиданіи дѣлъ, возсѣдали обыкновенно „старики (les anciens)“ съ туго-набитыми портфелями; вокругъ нихъ почтительнымъ полукругомъ группировались молодые стажіеры. Для Лэнгé, которому, по усвоенному стажіерами обычаю, приходилось притворяться, что и онъ куда-то спѣшитъ, хотя у него не было еще ни одного дѣла, были особенно притягательны эти сословныя „говорильни“, эти маленькія фехтовальныя залы, гдѣ наперерывъ молодежь пробовала остроту своего адвокатскаго оружія—языка. Лэнгé сразу обратилъ здѣсь на себя вниманіе товарищей, но лишь къ своей невыгодѣ. Его вызывающая, маленькая, но дерзкая фигура, его заносчивыя и жесткія тирады, его запальчивый тонъ, его простой и образный языкъ не нравился „старикамъ (aux anciens)“. А безъ ихъ авторитетной аппробаціи репутація молодого адвоката не могла быть сдѣлана.

Уже позднѣе, Лэнгé, сознавъ неумѣстную жесткость своихъ пріемовъ, заносилъ слѣдующую тираду въ свои мемуары:

„Я бродилъ по Дворцу какъ потерянный: мою неловкость и неувѣренность въ себѣ принимали за дерзость, всѣ мои слова встрѣчались какъ злая насмѣшка или оскорбленіе. Я не зналъ тогда, что для того, чтобы имѣть легкій доступъ въ сословіе, нужно заручиться протекціею старшаго, нужно слѣдовать по его пятамъ, нужно укрывать его разрушеніе, нужно избавлять его усталую руку, а подчасъ и истощенную голову, отъ трудовъ, требуемыхъ общественнымъ довѣріемъ, посвятить ему собственную свою молодость, чтобы дожить, наконецъ, до той минуты, когда можешь поглотить чужую. Однимъ словомъ, въ качествѣ новаго Елисея слѣдовало дебютировать не иначе, какъ подъ благодѣтельнымъ покровомъ ветхаго плаща пророка Ильи“.

Въ этой мрачной картинѣ были, конечно, и преувеличенія. Однако, посмотримъ на интимную жизнь сословія, отмѣтимъ, на чемъ держалось оно, въ чемъ были его блескъ, его слава,—и тогда, быть можетъ, намъ станетъ понятнѣе,

почему именно Лэнгé, этотъ „анархистъ по идеямъ“, такъ не пришелся по вкусу современной ему адвокатурѣ.

Въ то время, когда вступилъ въ сословіе Лэнгé, уже умеръ Кошэнъ, „безсмертный Кошэнъ“, которому „Римъ, Аѳины и Лондонъ соорудили бы памятники“,—по мнѣнію его современниковъ, — но уцѣлѣвшая проза котораго, по отзыву Крюпи, совершенно неудобочитаема въ наши дни. „Скипетръ краснорѣчія онъ передалъ непосредственно въ руки Жербье“, который въ то время и былъ „орломъ сословія“.

Въ ту пору судебное краснорѣчіе было чуждо простоты и особенно страдало неточностью выраженій. Это было нѣчто расплывчатое, звонкое, торжественное, испещренное безконечными латинскими цитатами изъ классиковъ, съ великими трудностями разысканными и притянутыми за уши къ мало подходящимъ случаямъ. Тогдашній форумъ краснорѣчія былъ въ сущности давно устарѣлою школою классической реторики. Каждый ораторъ преслѣдовалъ одну только задачу: по внѣшнимъ пріемамъ уподобиться Цицерону, тая въ себѣ надежду превзойти его благородствомъ и гармоничностью тона. По словамъ Крюпи, всѣ тогда „цицеронили“.

Судебный языкъ XVIII столѣтія неустойчиво колеблется, отыскивая еще себѣ пути между прошлымъ, которое рушится, и новымъ, которое еще ждетъ своихъ творцовъ въ лицѣ именно Ленгé и Мирабо. Только съ ихъ появленіемъ туманъ реторики на трибунѣ окончательно проясняется, судебный языкъ находитъ новыя возвышенныя и благородныя формы, находитъ точность, чистоту и ясность выраженій.

По отношенію къ судебному краснорѣчію, Ленгé явился въ XVIII столѣтіи настоящимъ реформаторомъ. Послѣ первыхъ же, нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ стажіера онъ разомъ завоевываетъ положеніе перваго судебнаго оратора своего времени. Освобожденный самыми недостатками своими отъ всякой школы и предвзятыхъ формъ, онъ успѣлъ сразу найти тотъ дѣловой языкъ, простой и нервный, который свойственъ нашему современному краснорѣчію.

Понятно, съ какимъ отвращеніемъ и ужасомъ должны были взглянуть старики (les anciens) на дерзкаго и необузданнаго оратора.

Старость признаетъ идеалы только въ прошломъ. Не

даромъ еще въ 1698 году „великій“ Дагессо уже оплакивалъ умаленіе краснорѣчія въ сословіи: „мы видимъ, какъ угасаютъ великіе люди, но не видимъ нарождающихся изъ ихъ праха!“— горько восклицалъ онъ. Восемнадцатый вѣкъ считалъ своихъ знаменитостей также недосягаемыми. Въ особенности славились: Терассонъ, Легуве, Буше, Аржи, Трейаръ, Анріонъ, Ранзеу, Римберъ и „легковѣсный“ Фальконэ, о которомъ говорили, что онъ „кричитъ во слѣдъ большимъ, чтобы имѣть ихъ практику“. Но слава несравненнаго Жербье выдѣляла его и изъ этой группы, и онъ, по выраженію Крюпи, „возвышался надъ всѣмъ сословіемъ, какъ дубъ возвышается надъ соснами“.

Бѣглая характеристика Жербье тѣмъ болѣе умѣстна здѣсь, что именно въ лицѣ этого типичнаго и прославленнаго оратора своего времени, возросшаго и воспитаннаго въ строгихъ преданіяхъ и традиціяхъ сословія, пришедшій съ вѣтру Лэнге нашелъ сразу свою воплощенную противоположность, своего яростнаго противника, а впослѣдствіи и своего заклятаго, непримиримаго врага.

Сопоставляя судьбу Жербье и Лэнге, Крюпи въ концѣ концовъ признаетъ ихъ обоихъ своего рода „неудачниками“. Онъ находитъ, что одинъ родился слишкомъ поздно, другой—слишкомъ рано. Жербье съ своимъ пристрастіемъ къ классицизму и убѣжденіями янсениста, съ пластичной фигурой и прекрасной наружностью, торжественный въ рѣчахъ, небольшого ума, но зато души возвышенной, былъ въ сущности человѣкомъ еще XVII вѣка. За то Лэнге, некрасивый, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, небольшого роста, подвижной и нервный, революціонеръ въ душѣ, весь повернутый лицомъ къ будущему, идетъ далѣе самыхъ передовыхъ идей своего вѣка даже и тогда, когда думаетъ, что съ ними сражается.

„Былъ-ли дѣйствительно талантливъ Жербье“?—задается вопросомъ Крюпи, и самъ отвѣчаетъ на это:—„вѣроятно,— такъ какъ онъ отлично удовлетворялъ своему времени. Къ счастью для его славы, онъ былъ импровизаторъ. То немногое, что случайно уцѣлѣло изъ его рѣчей, пусто, звучно и не имѣетъ цѣны. Оно даетъ весьма малое представленіе о томъ, въ чемъ таилась его истинно-ораторская мощь“.

Надо думать, что самый процессъ рѣчи, самые ораторскіе

пріемы его побѣждали слушателей. Онъ славился голосомъ очаровательно-гармоничнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Мало того, онъ въ совершенствѣ владѣлъ арсеналомъ цитатъ и эффектомъ общихъ мѣстъ. Литературно-образованный, онъ не избѣгалъ чужихъ мнѣній и словъ, которыя искусно вплеталъ въ видѣ красивыхъ гирляндъ въ свои шаблонно-построенныя, но эффектно-декорированныя рѣчи. Онъ былъ незамѣнимымъ ораторомъ для, такъ называемыхъ, „торжественныхъ“ случаевъ. Въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ онъ ловко умѣлъ импровизировать привѣтствіе королю или принцамъ крови, когда тѣ неожиданно посѣщали судебныя засѣданія.

Такъ въ Palais de Justice долго жили слова привѣтствія, сказанныя имъ Христіану VI, королю датскому, когда тотъ, въ качествѣ „знатнаго иностранца“, вступилъ въ судебное парламентское засѣданіе. Обращаясь къ королю, Жербье неожиданно воскликнулъ: „Montez au Capitole! Venez admirer ces augustes sénateurs, ce corps antique et vénéré! Montez au Capitole!“

Этотъ ораторскій пріемъ долго былъ признаваемъ „недосягаемымъ“. Магистратура была особенно восхищена имъ. Адвокатура имъ гордилась. Эффектъ признавался классическимъ.

Еще въ 1824 году, по словамъ Берье-отца, когда старики хотѣли уколоть молодыхъ, то вспоминали Жербье и, поднявъ правую, задрапированную широкимъ рукавомъ тоги, руку, торжественно восклицали: „Montez, montez au Capitole!“

III.

Первое, прославившее Лэнге, судебное дѣло былъ знаменитый процессъ кавалера Лефевра-де-Ла-Баръ и его соучастниковъ.

Возникло оно въ концѣ 1765 года. Въ провинціальномъ городѣ Аббевилѣ, томъ самомъ, гдѣ разглагольствовалъ нѣкогда Лэнге въ качествѣ „фланирующаго философа“, было изсѣчено, повидимому, сабельными ударами деревянное изображеніе распятаго Христа, очень чтимое населеніемъ. Такъ какъ прямыхъ виновниковъ этого кощунства открыто не было, несмотря на всѣ старанія властей и усилія духовенства, которое въ торжественныхъ шествіяхъ къ изсѣчен-

ному кресту возбуждало населеніе къ доносамъ и выдачѣ, во что-бы то ни стало, виновниковъ, то стоявшій во главѣ мѣстной юстиціи засѣдатель, уже извѣстный намъ Дюваль-де-Сикуръ, пользуясь чисто чиновничьею покладистостью мѣстнаго генеральнаго прокурора Гике, испросилъ себѣ разрѣшеніе возбудить совершенно новое обвиненіе (на что и было получено согласіе изъ Парижа), которое-бы поглотило и, такъ сказать, всосало въ себя нераскрытое въ сущности преступленіе объ оскорбленіи святыни. Дювалю-де-Сикуру было предоставлено произвести нѣчто въ родѣ новальнаго обыска, для раскрытія „кощунственнаго свободомыслія въ городѣ вообще“.

На этой отвратительной почвѣ, насыщенной доносами и шпіонствомъ, и возникъ печальный процессъ Ла-Бара, который далъ Дювалю-де-Сикуру подходящій случай свести свои личные счеты съ семействами враждебныхъ ему лицъ (Дюваля, Ла-Бара и друг.).

Одинъ изъ заподозрѣнныхъ, молодой д'Эсталондъ успѣлъ во-время бѣжать за границу, а несчастный кавалеръ Ла-Баръ, какъ наиболѣе скомпрометтированный, вмѣстѣ съ „Энциклопедическимъ словаремъ“ Вольтера, найденнымъ у него при обыскѣ, былъ немедленно преданъ суду. Это былъ первый пробный шаръ Дюваля-де-Сикура, который, въ компаніи еще двухъ судей, приговорилъ Ла-Бара къ выдернутію языка, смерти и сожженію трупа, а Вольтера, въ лицѣ его „Словаря“, къ торжественному сожженію рукою палача.

Въ такомъ положеніи вступилъ въ процессъ въ качествѣ защитника, дотолѣ никому невѣдомый, стажіеръ Лэнге. Обращеніемъ къ нему Лэнге былъ всецѣло обязанъ тому обстоятельству, что, проживая въ Аббевилѣ, былъ нѣкогда учителемъ въ домѣ отца одного изъ заподозрѣнныхъ,—Дувиля.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности прослѣдить за всѣми захватывающими перипетіями этого процесса, подробно воспроизводимыми Крюпи на основаніи новыхъ, доселѣ мало извѣстныхъ документовъ. Но мы должны опредѣлить въ немъ участіе Лэнге, какъ защитника.

Въ чемъ, однако, могла проявляться тогда защита? Ордонансомъ, отъ апрѣля 1670 года, адвокатамъ была вовсе воспрещена словесная защита обвиняемыхъ передъ судомъ. Они

имѣли право плэдировать только по гражданскимъ дѣламъ. Оставались: подача совѣтовъ, меморіи, защитительныя записки и ходатайства передъ высокопоставленными и вліятельными лицами.

Былъ еще одинъ надежный рессурсъ: печатаніе защитительныхъ записокъ, которыя въ выдающихся процессахъ быстро расходились по рукамъ, волновали умы и производили свое дѣйствіе на общественное мнѣніе. Но на этотъ разъ процессъ былъ исключительный; предварительное слѣдствіе производилось въ строжайшей тайнѣ, и какъ предписывалось изъ Парижа отъ главнаго генеральнаго прокурора Жоли-де-Флери, „dans toute la rîgueur de l'ordonnance". Процессъ Ла-Бара находился подъ особою охраною царившаго въ то время еще сполна юридическаго принципа, который гласилъ, что въ преступленіяхъ ужасныхъ, выдающихся, достаточно и самомалѣйшихъ уликъ и основаній для преданія суду, и что въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ судейская совѣсть въ правѣ даже нѣсколько уклониться отъ закона...

Такой судья, какъ Дюваль-де-Сикуръ, подъ сѣнью подобнаго судопроизводственнаго режима, могъ уклоняться, куда ему было угодно. И онъ дѣйствительно „уклонился". Этотъ—по выраженію Крюпи—„ловкій плутъ умѣлъ отлично сочетать свои маленькіе личные счеты съ большими правительственными задачами", которыя затѣяли преслѣдовать въ процессѣ Ла-Бара. Послѣ осужденія Дамьена (покушеніе на жизнь короля), процессъ Ла-Бара считался едва ли не самымъ важнымъ процессомъ своего времени. Лудовикъ XV, котораго нѣкоторые придворные. горячо убѣжденные въ совершенной невиновности кавалера Ла-Бара, тщетно умоляли повліять на предстоящее рѣшеніе парламента, лишь съ наивною безнадежностью восклицалъ: „Какъ! хотятъ, чтобы я не далъ имъ защитить Царя Небеснаго, когда они только-что такъ отлично защитили царя земного!" (намекъ на лютую казнь Дамьена).

При подобномъ положеніи дѣла всѣ адвокаты естественно глядѣли на аббевильскій процессъ какъ на дѣло совершенно погребенное. Можно было еще, пожалуй, навлечь и на себя лично непріятности. Лэнге́ принялся, однако, за защиту съ энергіей и скоро весь страстно предался ей. Въ своихъ ме-

муарахъ онъ отмѣчаетъ: „я вынесъ по поводу этого дѣла всѣ непріятности и огорченія, какія только возможны: мнѣ не позволяли опубликовать ни одной защитительной записки. Приходилось ограничиваться только рукописною работою, которая стоила неимовѣрныхъ усилій и не успѣла спасти несчастнаго Ла-Бара".

Приговоръ аббевильскаго суда о кавалерѣ Ла-Барѣ былъ утвержденъ 5-го октября 1786 года. Дѣло прошло въ парламентѣ почти незамѣтно, въ числѣ прочихъ тридцати двухъ, назначенныхъ къ слушанію на тотъ же день, дѣлъ, подъ № 23-мъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь заурядномъ и безспорномъ искѣ по векселю.

Ла-Баръ былъ казненъ въ Аббевилѣ и прахъ его былъ сожженъ и разсѣянъ по вѣтру при аплодисментахъ аббевильскихъ ханжей. Любопытная подробность: главный генеральный прокуроръ Жоли-де-Флери, на обязанности котораго лежала провѣрка счета, представленнаго палачомъ Самсономъ, командированнымъ въ Аббевиль для казни Ла-Бара, скинулъ со счета „за вырваніе языка". Осужденный, въ этотъ моментъ казни, оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, и галантный палачъ не сталъ настаивать. Генеральный прокуроръ, „свято соблюдая интересы, казны" вычеркнулъ изъ счета палача „не заработанныя" въ дѣйствительности двадцать ливровъ, ибо „языкъ вырванъ не былъ". Палачъ получилъ выговоръ, а генеральный прокуроръ избѣжалъ начета контроля.

Но если, къ своему величайшему горю и отчаянію, Лэнге ничего не могъ сдѣлать для спасенія бывшаго своего ученика, кавалера Ла-Бара, зато благодаря ему, и только ему, были спасены остальные двое молодыхъ людей: Дувиль-де-Савезъ и Муаснель, которые томились въ аббевильской тюрьмѣ во власти Дюваля де-Сикура, ожидая своей очереди.

Процессъ Ла-Бара, ставшій всемірно извѣстнымъ, благодаря возстановленію впослѣдствіи памяти невинно-осужденнаго, занималъ лучшіе умы того времени и произвелъ огромное впечатлѣніе на Беккарія. Всю честь защиты по этому дѣлу общественное мнѣніе, одно время, приписывало исключительно Вольтеру. Но вотъ, что самъ Вольтеръ пишетъ Кондорсе по этому поводу въ 1774 году: „Лэнге съ безкорыстнымъ и благороднымъ самоотверженіемъ принялъ на себя

защиту обвиняемыхъ изъ Аббевиля. Если признавать за Лэнгé тѣ или другіе грѣхи, то нужно же признать, что въ числѣ его книгъ есть хорошія, и въ числѣ его поступковъ—дивные!“

Крюпи, перелиставшій самолично все архивное производство и особенно тщательно прокурорскую переписку по этому дѣлу (не изданную вовсе), удостовѣряетъ, что „Лэнгé сыгралъ въ этомъ процессѣ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ это можно было думать, особенно имѣя въ виду существовавшій въ тѣ времена судопроизводственный порядокъ“. По необходимости онъ вышелъ совершенно изъ легальныхъ рамокъ возможной тогда адвокатской защиты. Онъ совершилъ даже рядъ воспрещенныхъ дѣяній, напечатавъ безъ разрѣшенія генералъ-прокурора послѣдовательно нѣсколько страстныхъ и вмѣстѣ дѣльныхъ защитительныхъ записокъ. Онъ вывелъ на свѣжую воду всю гнусную подкладку этого дѣла, обрисовалъ роль Дюваля де-Сикура въ процессѣ и добился, наконецъ, того, что по намеку свыше этотъ послѣдній былъ вынужденъ самъ отвести себя отъ предсѣдательствованія въ засѣданіи, въ которомъ судились двое молодыхъ людей, соучастниковъ Ла-Бара. По отзыву опять-таки того же Вольтера, въ защитительныхъ запискахъ своихъ по этому дѣлу, какъ впрочемъ и въ большинствѣ своихъ писаній, Лэнгé „жегъ, но свѣтилъ“ въ одно и то же время (Il brûle, mais il eclaire).

Записки его въ короткій срокъ разошлись въ такомъ количествѣ, читались съ такою жадностью и были изложены съ такою силою убѣдительности, что, по словамъ Вольтера, скоро уже не отыскивалось въ цѣлой Франціи ни одного судьи, который рѣшился бы осудить соучастниковъ Ла-Бара. И точно, по устраненіи Дюваля-де-Сикуръ отъ разбирательства дѣла въ качествѣ предсѣдателя, участь обвиняемыхъ была обезпечена. Они были торжественно оправданы. Дѣло это разомъ дало славу адвокату Лэнгé, но дало ему и враговъ, и завистниковъ, сила и мощь которыхъ по тѣмъ временамъ могли быть страшны.

Вторымъ, не менѣе громкимъ дѣломъ, въ которомъ въ качествѣ все еще лишь пишущаго, а не плэдирующаго адвоката проявилъ силу своего таланта Лэнгé, должно быть названо дѣло герцога д'Эгіона, нѣкогда всемогущаго губернатора Бретани.

Случайно ослабивъ свое вліяніе при дворѣ и впавъ въ немилость, герцогъ неожиданно для себя, но къ великой радости многочисленныхъ своихъ завистниковъ, попалъ подъ судъ по обвиненію въ превышеніи власти и другихъ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Одолѣвшая его магистратура попирала уже руки въ ожиданіи того, что „скатится, наконецъ, голова“ этого высокомѣрнаго и гордаго вельможи, претензіи котораго „уравняетъ парламентъ“.

Извѣрившись въ консультаціи и меморіи другихъ наиболѣе знаменитыхъ адвокатовъ, напичканныхъ латинскими цитатами, римскимъ правомъ и не идущими вовсе къ дѣлу законами, герцогъ, по собственной своей иниціативѣ, тайкомъ отъ нихъ, обратился къ содѣйствію Лэнге. Этотъ сразу поставилъ дѣло на надлежащую почву. Въ своихъ запискахъ въ защиту бывшаго всесильнаго властителя онъ такъ искусно и ловко привелъ въ связь съ инкриминируемыми дѣяніями всю неприглядную систему управленія тогдашней Франціи, такъ глубоко изучилъ слѣдственный матеріалъ, проявилъ такую эрудицію и такъ широко поставилъ затрагиваемые процессомъ вопросы, что общественное мнѣніе какъ-то разомъ поколебалось и стало склоняться въ пользу оправданія герцога д'Эгіона. По мнѣнію самого Лэнге, въ томъ, что его сіятельный кліентъ будетъ оправданъ парламентомъ, не могло быть уже серьезнаго сомнѣнія.

Осторожный царедворецъ не внялъ, однако, энергичнымъ и настойчивымъ призывамъ своего защитника „торжественно оправдаться передъ лицомъ цѣлой Франціи“, и, воспользовавшись удобною минутою, черезъ всемогущую въ то время Дюбари, добился прекращенія дѣла по высочайшему повелѣнію. Лудовикъ XV, съ упоеніемъ читавшій „Эгіонаду“ (рядъ сочиненныхъ въ пользу герцога д'Эгіона записокъ Лэнге), отзывался о ней съ большой похвалой и, наконецъ, громогласно объявилъ „нашъ кузенъ д'Эгіонъ *оказался* совершенно невиннымъ“.

Вскорѣ герцогъ д'Эгіонъ вошелъ опять въ большую милость и былъ сдѣланъ полномочнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

По поводу защитительныхъ записокъ Лэнге, по этому и другимъ дѣламъ, Крюпи замѣчаетъ, что когда онъ перечелъ

ихъ въ „Annales du barreau de Paris“, то, помимо содержанія, онъ былъ пораженъ силою, простотою и нервностью ихъ слога, такъ что писанія современныхъ Лэнге адвокатовъ, даже самыхъ знаменитыхъ, рядомъ съ ними показались ему лишь пустою и никому не нужною мертвечиною. По отзыву современнаго Лэнге періодическаго изданія „Correspondance“, Гримма, Лэнге-адвокатъ имѣлъ высшій даръ—„простые единичные судебные случаи возводить на степень общихъ вопросовъ, способныхъ заинтересовать каждаго“. Безъ сомнѣнія, это величайшая похвала адвокату, и притомъ адвокату того времени, когда общечеловѣческое этическое значеніе правосудія далеко еще не всѣми было сознано.

Разставаясь съ Лэнге, какъ съ защитникомъ герцога д'Эгіонъ, мы не можемъ, однако, пройти мимо слѣдующей характерной подробности. Другой, по словамъ Крюпи, на мѣстѣ Лэнге добился бы черезъ своего сіятельнаго кліента всяческихъ милостей. Но у Лэнге вышла только „ссора съ нимъ изъ-за гонорара“.

Когда писались записки, герцогъ требовалъ для себя защиты „самаго высокаго давленія“ и обѣщалъ за это „золотой дождь“. Когда была напечатана первая записка, герцогъ въ счетъ гонорара прислалъ Лэнге сто луидоровъ и притомъ серебряной монетой. Слуги герцога притащили цѣлый мѣшокъ. Лэнге счелъ это за оскорбленіе, опрокинулъ его ногой и приказалъ унести обратно. Тогда герцогъ явился лично, извинился, уплатилъ золотомъ двѣсти луидоровъ, а въ будущемъ сулилъ самый роскошный гонораръ, отговариваясь лишь временнымъ денежнымъ стѣсненіемъ.

Выросла цѣлая „Эгіонада“, но гонорара не прибывало. Будучи уже министромъ, герцогъ звалъ Лэнге иногда къ себѣ обѣдать, но о гонорарѣ уже больше не заикался. Наконецъ, Лэнге, разсерженный подобной „забывчивостью“, написалъ ему письмо, которое начиналось такъ: „Г. герцогъ, когда вы обратились ко мнѣ, вы были между эшафотомъ и тропомъ; я удалилъ васъ отъ перваго и приблизилъ къ послѣднему“. Затѣмъ онъ перечислялъ подробно всѣ свои труды, опредѣлялъ ихъ значеніе и цѣну, при чемъ по адресу своихъ товарищей по профессіи дѣлалъ коварное указаніе на то, что тѣ, не принеся ему ровно никакой пользы, озаботились, однако,

полученіемъ своевременно своего гонорара впередъ, въ чемъ онъ, однако, не послѣдовалъ ихъ примѣру.

Отвѣтъ полновластнаго министра не заставилъ себя ждать. Раздосадованный, онъ со своей стороны упрекалъ Лэнге въ черной неблагодарности: „Развѣ не сажалъ я васъ на своихъ обѣдахъ посреди посланниковъ самыхъ могущественныхъ державъ?! – восклицалъ герцогъ.—Кто изъ вашихъ товарищей можетъ похвастать этимъ!“ Въ тотъ вѣкъ всеобщаго искательства и напудреннаго лакейства, когда самъ Вольтеръ тщетно мечталъ о томъ, чтобы имѣть счастье представиться королю, подобный упрекъ въ устахъ полномочнаго министра того времени не долженъ казаться черезъ-чуръ наивнымъ.

Взбѣшенный Лэнге окончательно разсорился съ герцогомъ, не пожелалъ принять отъ него никакой „милости“, но и не простилъ ему „своего гонорара“. Уже въ царствованіе Лудовика XVI, послѣ исключенія изъ сословія, Лэнге добился у парламента присужденія ему, „на точномъ основаніи законовъ Франціи“, съ бывшаго его кліента, герцога д'Эгіона, за оказанный „широкій и плодотворный трудъ“ адвоката — двадцать три тысячи ливровъ.

IV.

Въ качествѣ новаго „орла“ судебнаго краснорѣчія, Лэнге выступилъ только въ 1772 году.

Извѣстно, что именно въ 1771 году старый парламентъ, послѣ неподчиненія приказу короля о распущеніи, былъ разогнанъ силою. Въ ночь съ 19-го на 20-е января, по распоряженію канцлера Мопу, всѣ члены парламента были арестованы и высланы на основаніи lettres de cachet. Вслѣдствіе этого судебная жизнь въ парламентѣ на нѣкоторое время вовсе пріостановилась. Адвокаты рѣшились не выступать въ новомъ парламентѣ, который былъ наскоро слаженъ канцлеромъ Мопу изъ парламентскихъ подонковъ на строго бюрократическихъ началахъ. Въ публикѣ и прессѣ новый парламентъ былъ крайне непопуляренъ. Но это длилось не долго. Нѣкоторыя основанія реформы всетаки отвѣчали духу времени, упрощали судопроизводство, вводили устность процесса, а адвокатамъ была вновь предоставлена словесная защита обвиняемыхъ.

Въ виду формальной стачки (graive des avocats) сословія адвокатовъ, находчивый Мопу немедленно учредилъ особый классъ адвокатовъ-чиновниковъ, которые назывались, въ отличіе отъ первыхъ „avocats *du* Parlement“. Они были крайне непопулярны. Скоро, однако, стакнувшіеся адвокаты должны были сдаться. Подъ вліяніемъ нужды и даже „голода“, они должны были приняться за работу. Мопу предвидѣлъ это. Онъ убѣдилъ сперва бѣднѣйшихъ двадцать восемь человѣкъ, а за ними пошли и остальные. Лэнгé не былъ въ числѣ первыхъ, но за всѣми пошелъ и онъ. Любопытно отмѣтить, какимъ маневромъ Мопу принудилъ сдаться Жербье, который въ средствахъ не нуждался и могъ выдержать больше другихъ. Онъ арестовалъ на одну ночь въ Бастиліи двухъ сестеръ знаменитаго адвоката, какъ бы въ чемъ-то заподозрѣнныхъ, и выпустилъ ихъ тотчасъ, какъ только адвокатъ согласился надѣть тогу.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже не было и помину о старомъ парламентѣ; всѣ устремились въ новый—и жизнь въ Palais de Justice пошла съ новымъ блескомъ. Наплывъ публики былъ огромный. Всѣ хотѣли слушать уголовныя дѣла и пренія адвокатовъ. Тутъ-то и развернулся во весь ростъ Лэнгé въ качествѣ судебнаго оратора.

Судьбѣ было угодно, чтобы на первыхъ же порахъ онъ схватился именно съ Жербье, все еще слывшимъ „великолѣпнымъ и недосягаемымъ“. Дѣло было крайне несложное. Лэнгé ратовалъ за какого то увѣчнаго безрукаго фермера, котораго, въ „справедливомъ гнѣвѣ своемъ“, изувѣчилъ помѣщикъ. По словамъ Крюпи, Жербье, говорившій первымъ, былъ по обыкновенію „великолѣпенъ“. Публика была въ восторгѣ. Лэнгé, поднявшись для возраженія, сдѣлалъ видъ, что онъ совершенно потрясенъ рѣчью противника. и объявилъ, что такой чудной рѣчи онъ не слыхалъ во всю свою жизнь. Но этого мало, глядя на своего кліента, онъ замѣтилъ, что и тотъ въ восторгѣ, что и тотъ сжигаемъ страстнымъ желаніемъ апплодировать. „Но, увы!—воскликнулъ Лэнгé.—для этого ему не хватаетъ одной руки!“ Взрывъ общаго хохота покрылъ слова находчиваго адвоката, и на другой же день въ газетахъ только и было рѣчи, что объ ораторскомъ успѣхѣ Лэнгé, побившаго „самого Жербье“.

Рѣчи, наиболѣе прославившія Лэнгé, были произнесены

имъ по дѣламъ маркиза де-Гун, дѣвицы де-Кампъ, супруги виконта де-Бамбель и, наконецъ, графа Моранжіе.

Въ первомъ дѣлѣ шла рѣчь о разлученіи супруговъ по иску маркизы, претендовавшей на скупость, неуважительность и даже жестокость своего мужа. Вся эта семейная трагедія окончилась, однако, простымъ фарсомъ; холодная иронія и жесткій сарказмъ Лэнге здѣсь развернулись съ полной силой. На основаніи подлинныхъ писемъ старѣющей, но не потерявшей еще всѣхъ своихъ прелестей маркизы, счетовъ изъ магазиновъ и подробнаго бюджета ежегодныхъ ея расходовъ, онъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что, отуманенная великолѣпіемъ окружающей ее знати, маркиза просто потеряла голову и ищетъ собственнаго своего разоренія. Процессъ окончился неизбѣжнымъ примиреніемъ супруговъ, доставивши адвокату лавры, а супругамъ—остроты, заимствованныя изъ рѣчи Лэнге, которыми ихъ стали нескончаемо угощать и въ свѣтѣ, и въ печати.

Второе дѣло — дѣвицы де-Кампъ, именуемой супругой виконта де-Бамбель, гораздо болѣе серьезно и даже принципіально. Молодая дѣвица, протестантка, хорошей фамиліи, влюбилась въ католика виконта и была обвѣнчана съ нимъ лишь по протестантскому обряду пасторомъ. Виконтъ впослѣдствіи, увлекшись другой женщиной, не сталъ признавать своего перваго брака, не признавалъ ребенка и отказывался давать даже содержаніе. Все сословіе адвокатовъ, строго-католическое, находило, что браться за такое „невозможное дѣло“ постыдно. Генеральный прокуроръ Вакрессонъ, поднявшись для того, чтобы дать свое заключеніе противъ дѣвицы де-Кампъ, началъ съ того, что прочелъ цѣлую отповѣдь Лэнге, приглашая молодыхъ адвокатовъ не искать себѣ примѣра въ Лэнге, который избралъ себѣ „опасное искусство покрывать все достойное уваженія сарказмами, а смѣлостью и дерзостью импонировать публикѣ и судьямъ“.

Послѣ трехчасового совѣщанія парламентъ вынесъ, однако, рѣшеніе, которымъ постановлялъ: ребенка отдать въ монастырь за счетъ виконта, „для воспитанія въ строгихъ правилахъ католицизма“, дѣвицѣ де-Кампъ присудить двѣнадцать тысячъ ливровъ, а тѣ мѣста записокъ и прошеній Лэнге, которыя въ чемъ-либо оскорбляли лица или нравы, уничтожить.

Благодаря публичности процесса, всѣ симпатіи были, однако, на сторонѣ Лэнге и его симпатичной кліентки, которая вскорѣ сдѣлала блестящую партію, выйдя замужъ за богатаго негоціанта ванъ-Робе, который увлекся ею именно въ теченіе процесса.

Чтобы болѣе полно охарактеризовать ораторскіе пріемы Лэнге, остановимся еще съ нѣкоторою подробностью на его защитѣ въ дѣлѣ графа Моранжіе.

Въ 1779 году, процессъ Моранжіе надѣлалъ въ обществѣ очень много шуму.

Въ эпоху появленія первыхъ признаковъ революціи во Франціи общество ни разу еще не дѣлилось такъ рѣзко на два противоположныхъ лагеря Знать горячо защищала графа Моранжіе, а буржуазія стала рѣшительно на сторону его обвинителей: Дюжонквая и г-жи Веронъ, его бабки. Необходимо было примкнуть къ „моранжистамъ“ или къ ихъ противникамъ.

Въ этомъ дѣлѣ Лэнге достигъ апогея своей славы. Найдя поддержку въ Вольтерѣ, онъ, по словамъ Крюни, предводительствовалъ знатью и повелъ ее къ одной изъ ея послѣднихъ побѣдъ.

Кліентъ Лэнге, графъ Моранжіе, представитель старинаго рода, былъ генералъ-маіоръ, сынъ маршала королевскихъ войскъ и зять герцога Сентъ-Этіена. Это былъ, повидимому, типичный расточитель, вполнѣ оцѣненный кликою ростовщиковъ, у которыхъ подпись его пользовалась особымъ почетомъ и благоволеніемъ. Пословамъ адвокатовъ, его противниковъ: Дру, Делакруа, Вермей и Фальконэ,—„Моранжіе съ ловкостью, граничащей съ мошенничествомъ, достигалъ того, что, имѣя лишь пять тысячъ фунтовъ дохода, жилъ такъ какъ будто у него ихъ было шестьдесятъ тысячъ“. Онъ занималъ, палаццо, держалъ швейцара, кучера, выѣзднаго, четырехъ лакеевъ. Была у него и любовница, дѣвица Марія Жоліо, стоившая ему довольно дорого.

Этотъ-то расточитель подписалъ на триста тысячъ экю векселей на имя г-жи Веронъ. Онъ не оспаривалъ своей подписи, но утверждалъ, что эти бумаги у него мошеннически выманены, и что валюты по нимъ онъ никогда не получалъ. Его противники, наоборотъ, утверждали, что валюта была упла-

чена сполна, и что кредиторы являются, такимъ образомъ, жертвою самаго наглаго обмана. Въ этомъ состояла вся суть дѣла.

Въ интересахъ разрѣшенія именно этого спора, Вольтеръ написалъ свое извѣстное: „Письмо о теоріи вѣроятности въ юриспруденціи“.

Съ перваго взгляда казалось весьма страннымъ, чтобы такой опытный человѣкъ, какъ графъ, позволилъ себя такъ дерзко обойти. Провинціальный судъ первой инстанціи, гдѣ разбиралось дѣло, такъ и взглянулъ на дѣло. Моранжіе былъ приговоренъ къ уплатѣ трехсотъ тысячъ экю, къ штрафу и публичному выговору.

Лэнгé принялъ защиту графа уже въ парламентѣ, т.-е. въ апелляціонной инстанціи. О рѣчи Лэнгé современныя газеты отзывались слѣдующимъ образомъ: „Публика съ одинаковымъ восторгомъ слушала и читала рѣчь г. Лэнгé. Въ теченіе нѣсколькихъ дней адвокатъ былъ рѣшительно осажденъ толпою любопытныхъ, приходившихъ за этою меморіею“. О самой рѣчи Крюпи отзывается такъ: „Особенно хорошо ея вступленіе Хорошо тѣмъ благородствомъ тона, тою ясностью и безпартійностью, съ которою ораторъ представляетъ всѣ pro и contra дѣла. Въ началѣ онъ оставляетъ читателя подъ сомнѣніемъ, на что онъ въ особенности будетъ напирать. Зарождается любопытство и вниманіе. Это ораторскій пріемъ безусловно удачный. Общій планъ рѣчи распадается затѣмъ на три положенія, которыя предстоитъ развить и обосновать: могла ли вдова Веронъ дать взаймы триста тысячъ экю? Дала ли она эти триста тысячъ экю? Получилъ ли ихъ Моранжіе?“

Какъ видимъ, вполнѣ простая и жизненная постановка спорныхъ вопросовъ въ защитѣ, обычная для нашего времени. Она казалась, однако, истиннымъ ораторамъ того времени слишкомъ тривіальною. Для Цицерона и латинскихъ цитатъ не оставалось никакого мѣста при такомъ построеніи защиты, и это почиталось большимъ грѣхомъ противъ элоквенціи.

Чтобы составить себѣ понятіе о слогѣ Лэнгé, слогѣ простомъ, нервномъ и ясномъ, почти современномъ намъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи.

„Чтобы дать взаймы извѣстную сумму, — говоритъ Лэнгé, — господа, необходимо прежде всего ее имѣть Вамъ

говорили здѣсь, что госпожа Веронъ—вдова извѣстнаго банкира. Тридцать лѣтъ тому назадъ она овдовѣла; нѣтъ ничего, конечно, удивительнаго въ томъ, что о дѣлахъ мужа она не имѣла никакого понятія — все состояніе такого рода коммерсантовъ заключено обыкновенно въ ихъ портфелѣ. Вдовою она оказывается въ нищетѣ, но она не жалуется, а смиренно покоряется своей участи. Вдругъ открывается, что покойный тайно передалъ одному своему другу-финансисту все свое огромное состояніе. Этотъ-то искусный сообщникъ, по имени Шофаръ, кассиръ пошлинныхъ откуповъ, дѣлаетъ вдовѣ визитъ. Онъ предлагаетъ ей, не въ видѣ возврата должнаго, а вѣрнѣе въ видѣ дара 260 тысячъ экю золотомъ и нѣкоторое количество столовой серебряной посуды. Между ними возникаетъ борьба великодушій; начинается съ того, что вдова отказывается отъ этого роскошнаго подарка; добросовѣстный финансистъ настаиваетъ; не менѣе добросовѣстная вдова колеблется. Наконецъ, она отправляется съ вопросомъ къ юристамъ: можетъ ли она воспользоваться щедростью кассира? Получивъ, конечно, утвердительный отвѣтъ, она принимаетъ даръ. Вы, можетъ быть, подумаете, что теперь, гарантированная отъ нищеты такимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, она поспѣшитъ помѣстить свой капиталъ въ торговые обороты, или подъ закладныя, или употребитъ его на покупку титулованныхъ земель, которыя, доставивъ ей положеніе въ обществѣ, послужатъ ей мѣстомъ отдохновенія? Нѣтъ, господа, эта скромная вдова больше всего боится шума. Столь же молчаливая, сколько и состоятельная, она не обмолвилась ни словомъ о своемъ счастьѣ даже дочери. Она отправляется къ нѣкоему нотаріусу Келье, и только ему одновременно ввѣряетъ и тайну, и золото; онъ же обѣщаетъ ей безъ огласки пустить въ оборотъ ея капиталы. Аккуратно получая годовые проценты, вдова Веронъ не мѣняетъ внѣшней обстановки своей жизни. Она такъ скромно выдаетъ замужъ свою дочь, что никто не подумалъ бы, что въ ея распоряженіи есть довольно-таки полновѣсная шкатулка. Семья ростетъ. Рожденіе нѣсколькихъ дѣтей начинаетъ стѣснять богатую, но осторожную бабушку. Вообразивъ, что въ провинціи воспитаніе будетъ дешевле и жизнь будетъ легче, она покидаетъ столицу. Своимъ мѣстожительствомъ она вы-

бираетъ Витри-Франсуа, и туда же увозитъ и свою шкатулку. Нотаріусъ, при ея отъѣздѣ изъ Парижа, возвращаетъ ей именно золотомъ тѣ 260 тысячъ экю, которыя онъ отъ нея золотомъ же и получилъ. Дальновидная капиталистка, уже тогда предвидѣвшая, что ей понадобится нѣкогда триста тысячъ экю, чтобы дать ихъ взаймы, постаралась съэкономить за это время изъ своихъ годовыхъ доходовъ еще сорокъ тысячъ, что округлило ея капиталъ до трехсотъ тысячъ экю золотомъ, съ которыми она и путешествуетъ. Въ Витри ея скаредность нѣсколько ослабѣваетъ. Она занимается воспитаніемъ своего внука—столь извѣстнаго въ будущемъ—Дюжонквая. Этотъ-то баловень судьбы и есть будущій наслѣдникъ всего золота, существованіе котораго скрываютъ отъ него только для того, чтобы сдѣлать его болѣе достойнымъ этой роскоши. Ему предоставляютъ скромныхъ учителей. Бабушка готовитъ его въ магистратуру. Но какимъ образомъ этого юношу, думающаго, что онъ безъ средствъ, побудить избрать именно эту дѣятельность, столь почетную, гдѣ право распоряжаться состояніями другихъ пріобрѣтается полнымъ отреченіемъ съ своей стороны отъ всѣхъ способовъ, могущихъ обезпечить личное пріобрѣтеніе? У вдовы Веронъ есть для этого очень простой способъ: открыть завѣсу, скрывающую отъ него его богатство. Въ день, избранный судьбою для разоблаченія этой тайны, она беретъ своего внука за руку и торжественными шагами вводитъ его въ святилище, гдѣ покоится золото, долженствующее достаться ему. Выраженіе ея глазъ, жесты, осанка—все указываетъ на важность шага, на который она рѣшается. Дрожащей рукой открываетъ она шкафъ. Въ немъ появляются, въ стройномъ порядкѣ, сложенные мѣшки монетъ, и когда юноша убѣдился, что все это, стоящее какъ въ столбнякѣ — именно золото, старуха, цѣлуя его, говоритъ: „Возьми! Все это для тебя. Возьми!“

„Послѣ такой торжественно убѣдительной церемоніи молодой Дюжонквай не противится больше планамъ своей бабушки. Поприще его дѣятельности опредѣлено; наиболѣе подходящимъ онъ оказывается для юридической карьеры. Тотчасъ же рѣшаютъ поскорѣе возвратиться въ Парижъ. По возвращеніи туда, необходимо имѣть ровно триста тысячъ экю. Эта сумма немного поубавилась во время житья въ Витри. Учи-

теля будущаго судьи и содержаніе остальной семьи нѣсколько поощипали капиталы. Что дѣлаетъ тогда древняя и осторожная правительница, одна заправляющая всѣми пружинами этой машины? У нея есть еще бриллианты и драгоцѣнности, входившіе въ составъ фиденкомисса г-на Шотаръ. Отъ такихъ безполезныхъ вещей освобождаются. Ихъ продаютъ, и кому же? пріѣзжимъ евреямъ, которые, захвативъ свою покупку, безслѣдно исчезаютъ. Изъ этой сдѣлки извлекаютъ какъ разъ нужныя сорокъ тысячъ фунтовъ, и семейство является въ Парижъ, имѣя опять-таки ровно триста тысячъ экю золотомъ, чтобы одолжить ихъ графу Моранжіе".

„Нужно ли присовокуплять, — продолжаетъ Лэнге́, — что скромный, щедрый Шотаръ, нотаріусъ и писцы, его служащіе, всѣ ихъ подлинныя записи и реестры безвременно погибли; безпощадное время похитило у этой погруженной въ отчаяніе семьи всѣ титулы, всѣ документы, которые такъ пригодились бы ей въ настоящую критическую для нея минуту. Бѣдняги адвокаты, у которыхъ въ 1770 году спрашивали совѣта, можно ли принять даръ отъ богатаго кассира,—они тоже навѣрное умерли. Неудивительно,—это были, безъ сомнѣнія, самые знающіе, а слѣдовательно и старѣйшіе. Они отошли въ вѣчность"...

Лэнге́ рисуетъ далѣе картину всей массы золота, повсюду путешествующей съ семьей. О существованіи его никто изъ членовъ семьи не имѣетъ понятія, знаетъ о немъ лишь только бабушка, и при такихъ-то обстоятельствахъ золото это на извозчичьемъ возкѣ путешествуетъ изъ Парижа въ Витри. Рядомъ съ такимъ богатствомъ онъ рисуетъ намъ дѣйствительное положеніе въ сущности умирающей съ голоду семьи, принужденной продать свою обстановку въ Витри, чтобы уплатить мелкіе долги и наканунѣ почти отъѣзда съ трудомъ добывающей восемьдесятъ фунтовъ залогомъ пары серегъ.

Съ ожесточеніемъ и холодной ироніей подбираетъ адвокатъ цѣлый рядъ несообразностей. Затѣмъ онъ желаетъ установить, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ могла быть вручена графу Моранжіе эта огромная сумма въ триста тысячъ экю.

Въ своемъ показаніи графъ утверждалъ, что, желая занять триста тысячъ экю, онъ вошелъ въ переговоры съ молодымъ

Дюжонкваемъ черезъ посредство какой-то свахи. Что этотъ ловко завлекъ его въ конуру, занимаемую Веронами въ третьемъ этажѣ дома улицы Сенъ-Жака; что тамъ онъ написалъ и подписалъ знаменитые векселя и попросилъ у своихъ кредиторовъ выдать ему немедленно лишь 1.200 фунт., отложивъ до другого дня полученіе всей остальной суммы.

Согласно этому разсказу, Дюжонквай, какъ ловкій плутъ, моментально завладѣлъ бумагами, затѣмъ, дѣлая видъ, что онъ торопится, отсчитывая въ два мѣшка 1.200 фунт. и провожая Моранжіе до его экипажа, сумѣлъ отвлечь вниманіе своей жертвы. Не требуя немедленнаго взноса валюты по векселямъ, которые такимъ образомъ остались „до завтра“ въ рукахъ Вероновъ, графъ уѣхалъ, получивъ лишь 1.200 фунтовъ.

На основаніи разсказа Дюжонквая, Лэнгé рисуетъ слѣдующую картину доставленія графу обѣщаннаго золота.

„Повидимому, если только этому можно повѣрить, онъ приступилъ 23 сентября, т.-е. на другой день послѣ того, какъ векселя были подписаны, къ операціи доставки экю. Прежде всего Дюжонквай усѣлся за столъ съ кучей золота, и мы застаемъ его за слѣдующимъ занятіемъ: онъ считаетъ деньги и раскладываетъ ихъ въ мѣшки по 600 и по 200 луи, что̀ составитъ всего тринадцать мѣшковъ одного рода и двадцать три другого. Окончивъ эту операцію, онъ самъ переноситъ всю сумму и достигаетъ этого въ тринадцать пріемовъ. Каждый разъ онъ беретъ подъ мышку одинъ мѣшокъ въ 600 луи, а въ каждый изъ кармановъ—по одному въ 200. Однимъ словомъ, на исполненіе этого важнаго порученія онъ употребляетъ почти все утро 23 сентября, съ 7½ ч. до часу дня. Доблестный Дюжонквай въ теченіе шести часовъ совершилъ свои тринадцать рейсовъ; но такого рода фактъ физически невозможенъ, восклицаетъ Лэнгé; и онъ пускается въ исчисленіе саженей, отдѣляющихъ первую ступень лѣстницы, ведущей къ Моранжіе отъ улицы Дюжонквая. Сдѣлавъ свои тринадцать концовъ, Дюжонквай прошелъ 5½ миль; но едвали самый лучшій ходокъ одолѣлъ бы это разстояніе въ шесть часовъ.

„Такимъ образомъ,—продолжаетъ Лэнгé,—если бы Дюжонквай проходилъ это разстояніе лишь въ видѣ прогулки,

не будучи обремененъ тяжелой ношей, если бы онъ шелъ по совершенно гладкой поверхности, не отступая ни на шагъ отъ прямого направленія, не отдыхая ни минуты во все продолженіе пути, то и тогда ему едва-ли бы хватило времени на прохожденіе всего этого разстоянія. Но онъ далеко не въ положеніи скорохода по гладкой дорогѣ: — Дюжонквай нагруженъ, ему мѣшаютъ, дорога его полна препятствій".. Лэнгé подробно, до мелочей останавливается на этой картинѣ, и дѣлаетъ это съ великимъ увлеченіемъ

„Представьте себѣ несчастнаго, бѣгущаго съ полными карманами—три фунта четыре унціи колотятъ его по обѣимъ ногамъ во все продолженіе пути. Подъ мышкой у него шестьсотъ луи, т. е. ровно десять фунтовъ; мѣстность, по которой онъ идетъ, не горизонтальна, это—наклонная плоскость, склонъ которой направляется какъ разъ къ мѣсту отправленія; но это еще не все: никто не повѣритъ, чтобы можно было итти, не сворачивая съ прямого пути, по такой людной улицѣ, какъ улица Сенъ-Жака, по мостовой, постоянно расколачиваемой лошадьми и экипажами, переполненной идущими на работу ремесленниками, отъ которыхъ нельзя ожидать большого вниманія къ прохожимъ — уклоненія отъ прямого пути здѣсь неизбѣжны: значитъ, къ пяти съ половиной милямъ разстоянія нужно по крайней мѣрѣ прибавить на эти отклоненія еще полъ-мили".

Наконецъ, на этомъ подъемѣ, на этой неудобной дорогѣ оказывается еще препятствіе, находившееся тамъ именно 23-го сентября утромъ. Это препятствіе, столь же значительное, какъ и вытекающій изъ него аргументъ, составляетъ предметъ истиннаго ликованія Лэнгé. „Это огромный камень, предназначенный для новой строящейся церкви св. Евгенія, который двигаютъ съ трудомъ. Улица загромождена кабестенами и приведенными для работъ 80-ю рабочими и толпой любопытныхъ". На этотъ разъ Дюжонквай уличенъ. Какимъ чудомъ могъ онъ совершить свои двадцать три рейса, протискиваясь въ толпѣ и не потерявъ при этомъ ни одной минуты? Въ заключеніе Лэнгé утверждаетъ, что весь разсказъ молодого Дюжонквая носитъ характеръ басни. Вероны не могли внести триста тысячъ экю.

Послѣднее слово было за парламентомъ. Тамъ процессъ

начался съ назначенія докладчика, нѣкоего Гуденъ, очень уважаемаго астронома, но мало свѣдущаго юриста. Едва онъ взялся за дѣло, какъ опять начались волненія. Лэнге́ потребовалъ временнаго освобожденія арестованнаго Моранжіе, и въ этомъ требованіи крайне дерзко обошелся съ судьями провинціальнаго суда. Судьи эти были не кто иные, какъ бывшіе адвокаты; такимъ образомъ оказалось, что Лэнге́ обращался столь дерзко со своими же сотоварищами. Эти послѣдніе, какъ мы увидимъ ниже, не простили ему этого. Парламентъ отказалъ въ просьбѣ объ освобожденіи Моранжіе, и съ этого момента ярость партизановъ графа не знала границъ.

Судъ былъ ежедневно переполненъ враждующими заговорщиками и каждую минуту можно было опасаться рукопашной схватки. Лэнге́ не ходилъ по коридорамъ безъ провожатыхъ. „Онъ всегда окруженъ, писали въ газетахъ, толпою болѣе шестидесяти человѣкъ военныхъ, рыцарей св. Лудовика или знатныхъ — все сторонниковъ графа; эти люди всюду слѣдуютъ за адвокатомъ и вмѣстѣ съ нимъ навѣщаютъ графа въ тюрьмѣ“.

Ожесточеніе придворныхъ противъ Вершейля (адвоката Вероновъ) дошло до крайняго ожесточенія. Въ одно изъ первыхъ засѣданій апелляціоннаго суда „являются триста рыцарей св. Лудовика; они завладѣваютъ судебными мѣстами; самыми дерзкими рѣчами, угрозами, презрительными жестами стараются устрашить оратора и въ своей наглости доходятъ до того, что плюютъ на его платье“.

Внѣ суда тоже были не меньшія волненія. Провинціальные дворяне берутъ примѣръ съ парижскихъ. Они открываютъ подписку „исключительно среди знати“ для покрытія мелкихъ долговъ графа. Провансальская аристократія съ своей стороны дѣлаетъ то-же. Жеводанская аристократія шумитъ, проситъ, переписывается съ Вольтеромъ.

Король, заинтересованный всѣмъ этимъ шумомъ, сперва держалъ себя вполнѣ нейтрально. Дворъ напрасно добивался, чтобы дѣло было перенесено въ совѣтъ, на личное усмотрѣніе короля; Лудовикъ XV выслушивалъ все, но молчалъ. Наконецъ, однажды, прервавъ свое молчаніе, онъ проронилъ слѣдующую простую фразу: „Моранжіе или мошенникъ, или

глупецъ". Этого было достаточно, чтобы аристократія начала приходить въ отчаяніе.

Однако, мало-по-малу, Лудовикъ XV, увлекаясь охватившей всѣхъ лихорадкой процесса, рѣшился высказаться, и у него сорвалась рѣшающая формула. „Король, — повторяли придворные, — готовъ держать пари 1.000 противъ одного, что Моранжіе и не дотрогивался до ста тысячъ экю. Лэнге́ хорошо сдѣлалъ, взявъ его защиту!"

Эта фраза короля, которую оспаривала противная сторона, „становится самой реальной изъ двадцати двухъ вѣроятностей" которыми, по словамъ Вольтера, адвокату можно отстоять невинность кліента.

Наконецъ, наступаетъ день, когда защитникъ графа произноситъ рѣчь, которую мы цитировали, и на этотъ разъ даже противники преклонились передъ силою его таланта. Лэнге́ въ модѣ; имъ занятъ весь Парижъ.

Приговоръ долженъ быть вынесенъ 4-го сентября 1773 г.

„Съ утра,—говоритъ враждебная Лэнге́ газета,—весь апелляціонный судъ, съ шести часовъ, оказался въ засѣданіи, и масса любопытныхъ наполнила залы суда. Вдова Рошенъ, ея двѣ дочери и Дюжонквай съ пяти часовъ въ судѣ. Утромъ же въ большой залѣ появляется и Лэнге́. Въ парадномъ, но не въ адвокатскомъ костюмѣ, со шляпой на головѣ и при шпагѣ, онъ самоувѣренно прогуливается по заламъ и весело разговариваетъ съ придворными. Всѣ удивлены его спокойствію въ такую рѣшительную для графа минуту. Лэнге́, если вѣрить его сдержанности, очевидно заранѣе знаетъ рѣшеніе суда. Толпа его окружаетъ, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, и онъ удаляется". Въ полдень происходитъ очень важное обстоятельство: „изъ совѣщательной комнаты выходятъ младшіе члены суда". Свѣдущіе люди объясняютъ толпѣ всю важность этого выхода младшихъ членовъ суда. Этотъ уходъ доказываетъ, что есть голоса за тяжкое уголовное наказаніе. Дѣйствительно, только старшіе члены парламента одни компетентны обсуждать такого рода наказанія, и достаточно, если одинъ изъ членовъ парламента подастъ голосъ за смертную казнь, чтобы всѣ младшіе принуждены были воздержаться отъ подачи голоса. Въ настоящемъ случаѣ легко было угадать въ чемъ дѣло: судьи, сторонники оправданія

графа, во-время убѣдились, что всѣ младшіе члены—на сторонѣ Вероновъ, и тогда обвиненіе неминуемо. Одинъ изъ сторонниковъ Моранжіе подаетъ голосъ за смертную казнь, и всѣ клерки должны были немедленно удалиться.

Наконецъ, въ шесть часовъ вечера, послѣ одиннадцатичасового лихорадочнаго ожиданія, отворяются двери совѣщательной комнаты. Два друга Лэнге, предсѣдатели отдѣленій, выходятъ первыми и во всеуслышаніе выкрикиваютъ, что „Моранжіе оправданъ по всѣмъ пунктамъ!“

Дѣйствительно, черезъ минуту самъ первый президентъ спускается съ главной лѣстницы, окруженный толпою придворныхъ, наполнявшихъ зданіе суда. Приговоромъ векселя признаны безденежными; въ пользу Моранжіе присуждено тысяча фунтовъ судебныхъ издержекъ; Дюжонквай сосланъ на три года; вдова Веронъ приговорена къ выговору и къ штрафу въ пользу бѣдныхъ. Лэнге побѣдилъ.

„Ко всѣмъ безчисленнымъ особенностямъ дѣла графа недоставало лишь одного—а именно, чтобы его оправданіе послужило ко вреду его адвоката, и чтобы результатомъ спасенія кліента явилась если не гибель, то по крайней мѣрѣ крайняя опасность для его защитника“...

Такъ говорилъ Лэнге въ своихъ мемуарахъ, и въ его словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, если принять во вниманіе, что въ тотъ самый моментъ, когда, напутствуемый апплодисментами Вольтера и представленный королю, онъ походилъ на тріумфатора,—его сотоварищи, съ помощью не разъ побѣжденнаго имъ публично прокурорскаго надзора, направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы исключить Лэнге изъ сословія.

11-го февраля 1774 года, всего пять мѣсяцевъ спустя послѣ оправданія Моранжіе, когда Лэнге готовился уже выступить въ новомъ громкомъ процессѣ маркизы Бетлонъ противъ маршала де-Брольи — это имъ удалось. Въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ сословіе сперва съ испугомъ, а потомъ съ негодованіемъ и ужасомъ видитъ, какъ этотъ пришедшій съ вѣтра смѣльчакъ завладѣваетъ вниманіемъ публики, кліентовъ, увлекаетъ за собою суды и парламентъ, и смѣло выхватываетъ знамя перваго адвоката своего времени.

„На каждый вѣкъ достаточно одного Лэнге!“—съ ужасомъ

восклицаетъ Жербье,—и „святое собратство“, дружно сомкнувшись, глухо вторитъ ему. Къ Лэнге предъявляютъ формальное обвиненіе, и послѣ долгой и упорной борьбы съ обѣихъ сторонъ,—борьбы, проявившейся въ крайне рѣзкой и безтактной формѣ,—достигаютъ того, что парламентъ соглашается, наконецъ, утвердить постановленіе сословія о совершенномъ исключеніи Лэнге изъ списка адвокатовъ.

Мы приведемъ здѣсь только голый перечень обвинительныхъ пунктовъ, предъявленныхъ противъ Лэнге:

1) „Вы не любите римскаго права“.

2) „Вы оскорбили сословіе; вашъ тонъ—не тонъ сословія. Вы можете навлечь на него тѣ непріятности, которыя навлекаете лично на себя“.

3) „Журналъ, изданіе котораго вы предпринимаете, не совпадаетъ съ занятіями, свойственными адвокатурѣ“ (Онъ приступилъ къ изданію „Литературнаго и политическаго журнала“, имѣвшаго вскорѣ огромный успѣхъ).

4) „Вы слишкомъ мало скрываете ваше недовольство существующими законами“.

5) „У васъ недоразумѣнія съ герцогомъ д'Эгіономъ изъза гонорара“.

6) „Вы злоупотребляли довѣріемъ герцога де-Дё-Понъ, когда были къ нему близки“.

Этимъ исчерпывался весь обвинительный актъ. Но приговоръ состоялся безпощадный.

Лэнге вынужденъ былъ навсегда сбросить съ себя тогу адвоката, тогу, которая, однако, благодаря именно ему, утратила уже навсегда прежнюю свою безжизненную неподвижность, условность и манерность монашескаго одѣянія и превратилась въ живописную тогу трибуна, открывая для французскаго адвоката XIX столѣтія поле самой широкой публичной дѣятельности.

А. Я. ПАССОВЕРЪ.

Второго февраля 1897-го года сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ ихъ помощниковъ, съ большимъ увлеченіемъ и не въ обычныхъ традиціонныхъ формахъ, въ которыхъ принято на Руси справлять „юбилеи", чествовало двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности своего уважаемаго и славнаго сочлена Александра Яковлевича Пассовера. Въ торжественномъ собраніи конференцій помощниковъ и ихъ руководителей были сказаны привѣтствія В. Д. Спасовичемъ и К. К. Арсеньевымъ, въ которыхъ характеризовалась дѣятельность Александра Яковлевича какъ адвоката, какъ юриста и ревностнаго руководителя адвокатской молодежи въ такъ называемыхъ „конференціяхъ", въ этомъ „вольномъ университетѣ", по выраженію привѣтственнаго посланія помощниковъ.

Затѣмъ, когда была исчерпана торжественная часть засѣданія, юбиляру отвѣсили низкій поклонъ, и, подъ его предсѣдательствомъ приступили къ обычнымъ занятіямъ въ конференціи—выслушанію текущаго доклада, случившагося на очереди.

Не было, такимъ образомъ, ни традиціоннаго юбилейнаго обѣда съ обильнымъ возліяніемъ, ни напряженнаго звяканія бокаловъ, восполняющаго недостатокъ естественнаго оживленія, ни пустопорожнихъ, банальныхъ тостовъ, подогрѣтыхъ винными парами. Всѣ разошлись по домамъ съ здоровыми желудками, съ трезвыми головами и лишь съ сердцемъ, слегка опьяненнымъ тѣмъ легкимъ и здоровымъ хмѣлемъ

духовной радости, который, къ сожалѣнію, такъ рѣдко выпадаетъ на долю русскаго общественнаго человѣка.

Самой оригинальной простотѣ ритуала, съ которой чествовалась адвокатская карьера юбиляра мы всецѣло обязаны ему-же. Предполагалась все, какъ по писанному: адресы и телеграммы на дому, потомъ обѣдъ съ рѣчами и тостами и т. д. вплоть до знаменитой „дружеской и непринужденной бесѣды", которая по газетамъ обязательно-бы, „затянулась далеко за полночь". Александръ Яковлевичъ рѣшительно отклонилъ все это и, взамѣнъ совмѣстнаго принятія пищи тѣлесной, не отказался лишь раздѣлить „пищу духовную" въ обществѣ своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей.

„Вы, Александръ Яковлевичъ, совершенно не умѣете, я не говорю уже гнуться, сгибаться, нѣтъ—даже слегка наклоняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ требованій; Вы оригинальны во всемъ!"—воскликнулъ въ своей рѣчи маститый Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ и этимъ, какъ нельзя болѣе удачно, вставилъ портретъ юбиляра въ подходящую для него раму.

Александръ Яковлевичъ дѣйствительно прежде всего оригиналенъ, но я прибавилъ-бы, — оригиналенъ съ нашей русской точки зрѣнія.

Къ числу внѣшнихъ примѣтъ его оригинальности въ сферѣ профессіи относятъ охотно даже такія мелочи: онъ по старомодному носитъ фракъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы; являясь въ судъ онъ не снимаетъ перчатокъ, пока не настанетъ минута говорить передъ судомъ; при немъ никогда нѣтъ портфеля съ книгами законовъ и дѣловыми бумагами.

Но если вдуматься, то всѣ эти оригинальности распадутся на азбуку цѣлесообразностей, до которыхъ странно, какъ не додумался каждый.

Въ сквознякѣ судебныхъ коридоровъ закрытый фракъ единственная защита отъ простуды; перчатки единственная защита отъ „милліона" если не терзаній, то рукопожатій самой сомнительной чистоты; отсутствіе портфеля съ громоздкими томами законовъ и замѣтокъ лучшая порука, что вся эта черная работа тщательно уже продѣлана дома, и что судебный ораторъ, какъ и надлежитъ быть, выступитъ съ готовымъ блюдомъ, а не

станетъ на глазахъ всѣхъ перетирать свои кастрюли. Только недостатокъ прилежанія, труда или времени можетъ привести адвоката къ необходимости безпрестаннаго возбужденія своей памяти путемъ заглядыванія въ книги, замѣтки и т. п. Внѣшій пріемъ, свидѣтельствующій о томъ, что адвокатъ, выступая въ судѣ, „держитъ все нужное уже въ своей головѣ“ доказываетъ только, что онъ вполнѣ овладѣлъ своимъ предметомъ и что въ дальнѣйшей подготовкѣ „на скорую руку“ онъ больше не нуждается. Это, опять таки, такая оригинальность, которой давай Богъ побольше для всякаго умственнаго работника, претендующаго на общественное значеніе и вниманіе.

Упрямой стойкости во внѣшней профессіональной тренировкѣ себя, столь полно выражающейся во всѣхъ пріемахъ Александра Яковлевича, соотвѣтствуетъ и внутренняя его личность какъ юриста и въ особенности какъ адвоката.

Онъ осуществляетъ собою тотъ идеалъ борца за право, который, доведенный до своей наиболѣе яркой окраски, всегда какъ будто не по душѣ расплывчатой и мягкой славянской натурѣ. Не даромъ Александръ Яковлевичъ предпочитаетъ область частнаго, гражданскаго права, въ которой онъ особенно великолѣпенъ и силенъ. Въ каждомъ защищаемомъ имъ случаѣ вы чувствуете, какъ въ предѣлахъ частной инициативы борьбы за „свое“ право выростаетъ мощный образъ борьбы за право „вообще“. Вы можете быть спокойны, видя такого адвоката у трибуны, и если бы всѣ призванные защищать и отстаивать чужое право были именно таковы, насъ не могли бы смутить болѣе слова Рудольфа Іеринга, которыми онъ замыкаетъ общественное значеніе неустанной борьбы за право: „когда произволъ и беззаконіе осмѣливаются дерзко поднимать голову, то это вѣрный признакъ того, что призванные къ защитѣ закона не исполняютъ своей обязанности“.

Мы опасаемся, чтобы тѣ рѣзкіе, какъ-бы неподвижные контуры, въ которые мы пытались заключить Александра Яковлевича какъ адвоката и юриста, не отсѣкли-бы отъ внутренней его личности какихъ-нибудь существенныхъ чертъ. Это была-бы непоправимая и непростительная съ нашей сто-

роны ошибка. Облечь въ заранѣе выкованные по мѣркѣ „рыцаря права“ доспѣхи возможно и манекена.

Но въ томъ-то и обаяніе, въ томъ-то и оригинальность личности Александра Яковлевича, что съ внѣшней стороны, какъбы разъ навсегда закованный въ свои адвокатскіе доспѣхи, онъ со стороны внутренняго, духовнаго міра являетъ такое неистощимое и эластичное богатство содержанія, которое только дисциплиною ума и воли удерживается всегда въ предначертанныхъ предѣлахъ.

Прежде всего это человѣкъ выдающійся по своему образованію, начитанный тѣмъ старымъ методомъ рафинированнаго „умника“, который читаетъ только книги, достойныя прочтенія. Умъ его философски свободный, чуждый тенденцій, не засоренный непереваренной пищей модныхъ недомолвокъ и иносказаній, видитъ далеко и ясно, какъ свѣтлый глазъ дальнозоркаго. Сфера юридическая, которая, какъ намъ кажется въ его глазахъ имѣетъ чисто математическое построеніе, представляется для Александра Яковлевича лишь всегда готовою ареною для его умственной гимнастики. И на этой аренѣ онъ выступаетъ настоящимъ атлетомъ. Надо заранѣе изучить дѣло, по которому онъ выступаетъ, надо знать всѣ его слабыя и сильныя мѣста, чтобы затѣмъ, слушая его рѣчь, вполнѣ насладиться ею, вполнѣ оцѣнить ту мощь и кажущуюся легкость, съ которыми онъ, (говоря терминомъ настоящихъ атлетовъ), „выжимаетъ“ неимовѣрныя тяжести.

Это противникъ очень опасный.

Сила логики, остроуміе, сарказмъ, даже проблескъ чувства и негодованія—оружія, одинаково ему доступныя.

Съ внѣшней стороны это не однообразное, хотя и искусное соло виртуоза, это скорѣе исполненіе пьесы цѣлымъ оркестромъ въ управленіи геніальнаго маэстро.

Въ адвокатской средѣ принято думать, что въ лицѣ А. Я. Пассовера, какъ судебнаго оратора, мы имѣемъ дѣло съ импровизаторомъ чистой пробы; никто никогда не видѣлъ текста написанной имъ рѣчи. Я этого, однако, не думаю. Я наоборотъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что, задолго до произнесенія своей рѣчи, онъ всю ее подробно, до мельчайшихъ деталей не только обдумалъ, но и просмаковалъ въ своей головѣ. Она не написана, т. е. ничто не записано словами на

бумагѣ, но ноты, но партитура не только готовы, но и разучены наизусть. Это гораздо лучшій пріемъ для упражненія ораторской памяти, нежели простое записываніе рѣчи и затѣмъ механическое воспроизведеніе ея наизусть. При такомъ способѣ помнишь не слова, которыя могутъ только стѣснять настроеніе и оказаться даже балластомъ, а помнишь только путь своей мысли, помнишь этапы и трудности пути, инстинктивно нащупываешь привычною рукою заранѣе приготовленное оружіе, которое должно послужить. При этомъ остается еще полная свобода, еще полная возможность отдаться минутѣ возбужденія, находчивости и вдохновенія.

Если хотите, въ противоположность первому методу, это также—импровизація. Но импровизація вооруженная, а не та „нутрянная“, россійская импровизація, которая, что называется, дуетъ „съ плеча“ и не прочь съ голыми руками идти на медвѣдя. Мы не поклонники этой послѣдней, и, при всей высотѣ мнѣнія о силѣ ораторскаго дарованія Александра Яковлевича, рѣшительно отвергаемъ возможность признать его такого рода „импровизаторомъ“.

По силѣ и мощи производимаго рѣчью Александра Яковлевича впечатлѣнія — это всегда настоящій боевой походъ, настоящее сраженіе. Онъ не склоненъ вовсе парадировать, хотя самый планъ его сраженій сохраняетъ всегда извѣстный, програмный характеръ, который, при ближайшемъ изученіи, можетъ представиться даже разъ навсегда установленнымъ.

Очень негромкое и какъ-бы намѣренно беззвучное начало, въ которое обыкновенно укладываются всѣ побочныя, почему-либо неблагопріятныя, стороны защищаемаго дѣла, затѣмъ энергичныя, разбросанныя нападки на слабыя мѣста противника, и, послѣ естественнаго замѣшательства въ рядахъ послѣдняго, сильный сосредоточенный ударъ собранными силами на главный пунктъ укрѣпленія. Аттака ведется тѣмъ продолжительнѣе, сильнѣе и настойчивѣе, чѣмъ энергичнѣе сопротивленіе, при чемъ родъ оружія и порядокъ нападенія зависитъ отъ общихъ условій борьбы и характера занятыхъ позицій. Финальный аккордъ никогда не бываетъ ни торжествующе-банальнымъ, ни растерянно-отступательнымъ. Дѣло суда рѣшить, кто выигралъ. Это не дѣло адво-

ката. Адвокатъ только сражается. Побѣдитъ онъ или будетъ побѣжденъ, онъ одинаково долженъ съ достоинствомъ, безъ хвастливой кичливости, но и безъ растерянной оторопѣлости, вложить оружіе въ ножны. Онъ свое дѣло сдѣлалъ.

Александръ Яковлевичъ Пассоверъ изъ извѣстныхъ мнѣ дѣйствующихъ „боевыхъ“ судебныхъ ораторовъ нашихъ всего полнѣе и ближе приближается къ рисующемуся мнѣ идеалу. Мнѣ приходилось слышать его много разъ.

Я никогда не забуду рѣчи, произнесенной имъ въ Харьковѣ въ знаменитомъ „дѣлѣ Таганрогской таможни“ въ защиту Вальяно. Несмотря на участіе въ этомъ процессѣ почти всѣхъ лучшихъ нашихъ адвокатовъ обѣихъ столицъ и провинціи, рѣчь Александра Яковлевича выдавалась изъ всѣхъ рѣчей глубиною изученія дѣла, полнотою освѣщенія, неистощимою оригинальностью, остротою и, такъ сказать, безпощадностью аргументаціи.

Присутствовавшій при этой защитѣ Ѳ. Н. Плевако, помнится, выразился тогда о складѣ ума и ораторскихъ пріемахъ Александра Яковлевича такъ: „это удивительный умъ, пожалуй не русскій, — онъ совсѣмъ не разбрасывается, не глядитъ по сторонамъ. Это умъ отточенный, какъ бритва, пронизывающій безпощадно какъ разъ то, что онъ хочетъ пронизать“.

Съ этою характеристикою нельзя не согласиться. Въ рѣчи Александра Яковлевича, какъ на хорошо оснащенномъ боевомъ кораблѣ, есть вся необходимая, нерѣдко даже блестящая, роскошь, ласкающая и самый прихотливый взоръ, но вся эта роскошь, весь этотъ блескъ—обманъ зрѣнія, получаемый только отъ симметріи, изящества, легкости и лоска въ сущности исключительно смертоноснаго и боевого оружія. Отъ эстетической стороны его рѣчей всегда вѣетъ нѣкоторымъ холодомъ.

Александру Яковлевичу не какъ оратору, а какъ адвокату и юристу, дѣлаютъ обыкновенно два упрека.

Первый упрекъ,—что онъ не записываетъ и не издаетъ своихъ рѣчей.

Упрекъ, по меньшей мѣрѣ, не по адресу. Онъ произноситъ свои рѣчи публично, стало быть, отъ издателей двухъ юридическихъ газетъ и всѣхъ цѣнителей благороднаго ора-

торскаго искусства зависѣло-бы посылать искуснаго стенографа для записыванія выдающихся рѣчей.

Но у насъ это дѣло поставлено невозможно. Вы не остыли еще отъ страшнаго утомленія, благодаря только что произнесенной рѣчи, какъ отъ васъ требуютъ новыхъ усилій: загорайся заново и воспроизводи свою рѣчь дословно. Благо тому сорту ораторовъ, у которыхъ на такой конецъ заранѣе приготовлена въ карманѣ аккуратная тетрадка, но Александръ Яковлевичъ не изъ такихъ. Онъ, я убѣжденъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ истинныхъ мастеровъ устнаго слова, которымъ было бы даже немного стыдно и, ужъ во всякомъ случаѣ, очень скучно повторять заранѣе написанное. За такимъ ораторомъ надо умѣть записывать, а не ему-же пенять тѣмъ, что онъ—ораторъ.

Второй упрекъ сводится къ тому, что Александръ Яковлевичъ не удѣляетъ своего досуга нашей, такъ называемой, „юридической литературѣ“.

Признаемся, и этотъ упрекъ для насъ непонятенъ. Прежде всего: есть-ли у Александра Яковлевича необходимый досугъ? Адвокатъ, предъявляющій къ себѣ столь неотступныя требованія въ изученіи принимаемыхъ дѣлъ, какъ это дѣлаетъ Александръ Яковлевичъ, едва-ли имѣетъ большой досугъ. Во всякомъ случаѣ, небольшій, чѣмъ это необходимо для умственнаго отдыха и удовлетворенія своихъ обще-интелектуальныхъ потребностей.

Потомъ,—каждая рѣчь Александра Яковлевича непремѣнно затрогиваетъ и разрабатываетъ тотъ или другой юридическій вопросъ. Это всегда цѣлая лекція именно по юридическому предмету, и ужъ, конечно, лекція гораздо болѣе цѣнная и блестящая, чѣмъ большинство тѣхъ, никому ненужныхъ, писаній, которыми заполняются наши спеціальные журналы. Упрекъ, стало быть, опять-таки сводится къ тому же: Александръ Яковлевичъ не является своимъ собственнымъ стенографомъ.

И не желаетъ являться!

Въ этомъ можетъ быть отмѣчена только черта его скромности.

Если наша юридическая литература прозѣвала и проглядѣла за эти двадцать пять лѣтъ такого дѣятеля на юридиче-

скомъ поприщѣ, какъ Александръ Яковлевичъ Пассоверъ, и не сумѣла ничего извлечь изъ его богатой и многосторонней практики, то пусть же ужъ сама на себя и пеняетъ...

Какъ адвокатъ и ораторъ Александръ Яковлевичъ далъ все, что могъ и долженъ былъ дать. И славу свою, какъ адвокатъ и юристъ, онъ полагаетъ именно въ томъ, что онъ—ораторъ.

Или недостаточно славно дѣйствовать на томъ или иномъ поприщѣ, чтобы заслужить спасибо современниковъ, а обязательно еще при этомъ быть своимъ собственнымъ исторіографомъ?

Повидимому,—такъ.

Но вѣдь мы отмѣтили выше, что Александръ Яковлевичъ во всемъ оригиналенъ. Его не переубѣдишь! И на приглашеніе: „записать“ самого себя на страницы исторіи, онъ намъ пожалуй отвѣтилъ-бы стихомъ Лермонтова:

„такой... цѣною я вашей славы не куплю!“

Н. І. ХОЛЕВА.

(Некрологъ).

21-го ноября 1899 года, въ 6 ч. вечера, въ клиникѣ профессора В. М. Бехтерева, послѣ двухъ недѣль тяжкихъ мозговыхъ страданій, скончался пользовавшійся большою извѣстностью присяжный повѣренный Николай Іосифовичъ Холева.

Смерть не подкралась къ нему грознымъ и безсердечнымъ призракомъ, а подоспѣла скорѣе кроткою избавительницею, укрывши навсегда несчастнаго отъ горшихъ и продолжительныхъ страданій, которыми грозила ему жестокая болѣзнь.

Когда я видѣлся съ нимъ въ концѣ октября, онъ, рыдая, высказалъ мнѣ свои предчувствія: „у меня было четыре припадка афазіи (потери рѣчи), я не могу, не въ силахъ больше работать, а работать долженъ, я весь связанъ— у меня множество кліентовъ, дѣла дирекціи литературно-артистическаго кружка; личныя денежныя дѣла, благодаря потерямъ на биржевой игрѣ, въ ужасномъ положеніи, я весь словно веревками обвязанъ, и нѣтъ силъ разорвать ихъ". На убѣжденія и самыя категорическія предложенія сейчасъ-же ликвидировать, при помощи товарищей, всѣ дѣла и уѣхать на продолжительный отдыхъ, Н. І., уже какъ бы впадая въ забытье и совершенно теряя почву подъ ногами, твердилъ одно: „Невозможно, невозможно! Никакой отдыхъ не поможетъ, я пробовалъ и хуже мучился... я умру скоро .. до новаго года".

Предчувствія его сбылись. Онъ чувствовалъ, что, какъ конь, загнанный на быстромъ ходу, онъ идетъ уже изъ послѣднихъ силъ.

Именно—„загнанный“.

Это выраженіе, какъ нельзя болѣе, примѣнимо къ непродолжительной, но быстрой и шумной карьерѣ угасшаго товарища. Едва-ли ему минуло сорокъ лѣтъ, а для всякаго поприща это едва-ли не тотъ какъ-разъ возрастъ, когда человѣкъ развертываетъ всѣ свои силы, всю свою мощь, направляя ихъ возможно продуктивнѣе.

Н. І. сгорѣлъ быстро, какъ свѣча, поджигаемая съ обоихъ концовъ.

Я близко зналъ его.

Въ теченіе пяти лѣтъ своего стажа онъ былъ моимъ помощникомъ, и потомъ навсегда сохранилъ ко мнѣ чувства самого преданнаго и внимательнаго расположенія. Я, въ свою очередь, любилъ его съ такою нѣжностью, съ какою старшій любитъ младшаго друга и товарища.

Всегда цѣня въ немъ удивительную усидчивость, предпріимчивую энергію и беззавѣтно добросовѣстное отношеніе къ своимъ профессіональнымъ обязанностямъ, я нисколько не удивлялся его быстрымъ успѣхамъ и въ качествѣ уголовнаго защитника, такъ какъ онъ въ это дѣло вкладывалъ всю свою душу, весь огонь молодости. Нѣкоторыя изъ его защитительныхъ рѣчей, какъ, напримѣръ, рѣчь по дѣлу Рѣзниковой, обвинявшейся въ отравленіи мужа, заслуживаютъ всяческихъ похвалъ, какъ образецъ самой тщательной адвокатской работы, достойной подражанія.

Н. І. работалъ не легко, онъ никогда не импровизировалъ и вообще не обладалъ выдающеюся свободою рѣчи. Успѣхъ ему давался цѣною большихъ усилій, а жажда жить всею полнотою внѣшнихъ благъ—вѣчно подстегивала и гнала его впередъ безъ передышки. Онъ цѣнилъ довольство, цѣнилъ извѣстность, онъ спѣшилъ все это закрѣпить за собою, не щадя ни труда, ни времени, ни самаго себя.

Воистину это былъ продуктъ своего времени—шальнаго и недальновиднаго, смалывающаго человѣка своимъ жерновымъ камнемъ на чью то потребу, но на чью именно.—никакъ не доберешься.

Мнѣ глубоко жаль усопшаго.

Это была натура мягкая, чуткая и отзывчивая, и его печальный конецъ, какъ нельзя болѣе, наглядно рисуетъ мнѣ

сокрытую отъ всѣхъ оборотную сторону медали его внѣшне-блестящей, шумной жизни, полной успѣховъ и удачъ.

Въ дѣйствительности, эта жизнь была одинока, холодна и пустынна!

Внѣшнія отношенія и связи съ людьми, въ сущности, ему чуждыми и далекими, затягивали его какъ-бы веревками, которыя подъ конецъ стали только невыносимо больно жать и рѣзать... Вблизи не было истинно-близкаго и дорогого существа, впереди не было отмежеваннаго клочка неба, въ которомъ-бы свѣтился разъ навсегда зажженный идеалъ, а вокругъ—была одна только повседневная, безпощадная суетолока, которая, какъ нахлынувшая толпа, которой безполезно сопротивляться, безсмысленно влечетъ васъ, противъ воли совсѣмъ не туда, куда бы вы сами хотѣли идти.

Какъ адвокатъ, Н. І. поработалъ много и успѣшно и совершенно по заслугамъ пользовался извѣстностью. Не было, кажется, на одного литературнаго органа (газеты), который бы вполнѣ безмездно не пользовался его юридическими услугами. Литературно-артистическій кружокъ много лѣтъ пользовался его усидчивою и безкорыстною работой.

Въ работѣ покойный вообще не щадилъ себя. Онъ не соразмѣрилъ только и даже просто не удосужился какъ-то соразмѣрить истинное значеніе и цѣну тѣхъ услугъ, которыя стоили ему и столькихъ усилій, и столькихъ заботъ.

На него только лѣнивый не наваливалъ какого-нибудь лишняго груза, какой-нибудь новой тяготы. А адвокатская работа и сама по себѣ очень жадна и ревнива и требуетъ всѣхъ силъ человѣка. Немудрено, что силъ, наконецъ, не хватило.

Онъ палъ, какъ загнанная лошадь, въ упряжкѣ, на полномъ ходу...

Печальная кончина, омраченная самыми тяжелыми и страшными предчувствіями.

Послѣдніе мѣсяцы онъ съ затаеннымъ ужасомъ пятился отъ надвигавшихся на него кошмаровъ. Слава Богу, что этимъ кошмарамъ наступилъ конецъ! Прожитая жизнь легла тяжелымъ камнемъ на душу несчастнаго,—есть-же справедливость: пусть легко ляжетъ, хоть, земля надъ нимъ.

Миръ праху твоему, бѣдный, милый, дорогой товарищъ!

В. И. ЖУКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Умеръ присяжный повѣренный округа С.-Петербургской Судебной Палаты и членъ Совѣта Владиміръ Ивановичъ Жуковскій *).

Какъ адвокатъ онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Петербурга, его знала и любила провинція, а въ средѣ судебнаго міра цѣлой Россіи его имя пользовалось совершенно исключительною и—надо прямо сказать—огромною популярностью.

Стоило вамъ попасть по дѣлу въ любой провинціальный судъ, чтобы на ряду съ другими разспросами тотчасъ же услыхать: „что Владиміръ Ивановичъ (фамилію называть считалось излишнимъ) все такой же молодой, живой и остроумный“?

И дѣйствительно, не смотря на свои слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ до послѣдняго года былъ молодъ и живъ всею энергіею своего блестящаго ума, который вѣчно кишѣлъ мыслями, образами, парадоксами и тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, переходившимъ подчасъ въ безпощадный сарказмъ, который составлялъ характернѣйшую особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую прелесть его ораторскаго дарованія.

Худощавый, небольшаго роста, съ слабымъ, нѣсколько хриповатымъ голосомъ, съ острыми линіями профиля, наводившими на мысль о профилѣ „Мефистофеля“ въ статуѣ Антокольскаго, этотъ, съ виду тщедушный и слабый, человѣкъ проявлялъ необычайную энергію какъ только ему уда-

*) В. И. Жуковскій скончался 10 февраля 1899 года.

валось попасть въ свою сферу—сферу судебнаго обвинителя, язвящаго людскіе грѣхи и пороки. Его считали гораздо лучшимъ обвинителемъ, нежели защитникомъ. Еще будучи товарищемъ прокурора онъ составилъ себѣ имя первокласснаго судебнаго оратора. Процессъ Овсянникова, котораго онъ обвинялъ въ поджогѣ, упрочилъ за нимъ эту славу навсегда.

Владиміръ Ивановичъ вышелъ изъ прокуратуры въ 1878 году, когда ему настойчиво было предложено выступить обвинителемъ по дѣлу Вѣры Засуличъ.

Перейдя въ адвокатуру, В. И. спеціализировался на роли гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ, т. е. по прежнему продолжалъ обвинять. Выпадали, однако, на его долю процессы, въ которыхъ онъ бывалъ незамѣнимъ и въ качествѣ защитника. Въ дѣлахъ большихъ и сложныхъ, гдѣ усилія прокуратуры надо было ослабить тонкимъ анализомъ самой конструкціи обвиненія, „хватившаго черезъ край“, онъ, на ряду съ другими защитниками, выполнявшими иныя функціи, бывалъ великолѣпенъ и совершенно незамѣнимъ. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно предупреждалъ своихъ товарищей: „ну, вы тамъ защищайте вашихъ, а я ужъ буду обвинять... прокурора“! И дѣйствительно, его обвиненія по адресу прокуроровъ бывали подчасъ не менѣе чувствительны и опасны, чѣмъ и по адресу подсудимыхъ.

Характерность, „ораторской манеры“ Владиміра Ивановича заключалась въ необычайной простотѣ рѣчи и отсутствіи какихъ-бы то ни было „ораторскихъ пріемовъ“. Онъ чувствовалъ себя въ залѣ судебнаго засѣданія, какъ въ гостинной. Рѣчи свои онъ никогда не начиналъ съ обращенія „Г.г. судьи!“ или „Г.г. присяжные засѣдатели! Онъ всегда говорилъ просто: „Милостивые Государи!“

И слушатели его дѣйствительно были всегда къ нему „милостивы“. Ему сходило съ рукъ многое, чего ни одинъ предсѣдатель „не потерпѣлъ-бы“ въ устахъ другаго судебнаго оратора. Владиміръ Ивановичъ подходилъ къ самымъ опаснымъ, „рискованнымъ“ моментамъ своей рѣчи такъ „шутливо“, что приходилось просто дивиться общему незлобивому оживленію, среди котораго онъ наносилъ свои самые опасные, нерѣдко смертельные удары противнику.

Слушать его—по убѣжденію многихъ—всегда было „ве-

село“ или „смѣшно“. Аудиторія обыкновенно и „помирала со смѣху“, когда въ ударѣ бывалъ Владиміръ Ивановичъ, а онъ бывалъ почти всегда „въ ударѣ“. Стоило удачно вылиться только одной первой остротѣ, стоило только оратору одинъ разъ всколыхнуть смѣхомъ свою аудиторію и ораторскій успѣхъ его былъ уже обезпеченъ. Онъ словно пьянѣлъ самъ отъ собственныхъ словъ, отъ собственныхъ остротъ, парадоксовъ и сопоставленій, и тогда уже несся неудержимо на своей утлой и безпокойной ладьѣ въ искрометномъ потокѣ неудержимаго водопада остротъ, блеска и смѣха.

Отъ великаго до смѣшнаго говорятъ только шагъ. Смѣхъ Владиміра Ивановича былъ изъ тѣхъ, ради котораго пришлось-бы вывернуть приведенную тираду на изнанку: отъ смѣшнаго до великаго—разстояніе еще меньше!

Ко всѣму дѣланному, приподнятому, манерному В. И. Жуковскій всегда былъ особенно безпощаденъ. Я помню его реплику одному претенціозному оратору, манерно живописавшему свою кліентку „среди майскаго аромата и весеннихъ фіалокъ“, въ то время какъ рѣчь шла собственно объ участи ея въ подлогѣ векселей на значительную сумму.

— Фіалки?... фіалки?...—съ своеобразною своею „комичною“ манерою произнесъ нѣсколько разъ Владиміръ Ивановичъ, какъ-бы что-то то нюхая въ воздухѣ.—Да, милостивые государи, тутъ дѣйствительно пахнетъ... только не фіалками, тутъ... подлогомъ пахнетъ“!

Слѣдуетъ-ли пояснять какимъ неудержимымъ взрывомъ смѣха всей судебной залы была привѣтствована находчивость любимаго оратора. Какъ оратора, не смотря на всю его „злобность“, его именно—„любили“. Толпа судейской молодежи всегда слѣдовала за нимъ по пятамъ лишь только онъ являлся въ судебное засѣданіе.

Здѣсь не мѣсто для полной и всесторонней характеристики почившаго. Но надо отмѣтить его чуткую, младенчески-чистую душу, которая въ товарищескихъ общеніяхъ и въ его частной домашней жизни какъ-бы наверстывала всю ту доброту и снисходительность, которыя онъ считалъ неумѣстными въ дѣлѣ общественномъ и публичномъ.

Въ лицѣ Владиміра Ивановича Жуковскаго присяжные повѣренные лишились прекраснаго и добраго товарища, а

Россія—человѣка выдающагося по таланту, уму, энергіи и трудолюбію, до конца своихъ дней жившаго только своимъ заработкомъ.

О немъ, чья голова вѣчно работала искрометной, кипучей работой мысли, болѣе чѣмъ о комъ-либо мы вправѣ сказать, что это былъ человѣкъ, который не бременилъ землю...

И она да будетъ легка надъ нимъ!

Ему нуженъ покой и есть отъ чего отдохнуть.

П. А. АЛЕКСАНДРОВЪ.

(Некрологъ).

Петръ Акимовичъ Александровъ въ самомъ разцвѣтѣ своей служебной карьеры, далеко уже не молодымъ „перешелъ“ въ адвокаты.

Едва только онъ сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ или—по его-же собственному любимому выраженію—„едва сталъ вольнымъ“ (о себѣ такъ любятъ говорить только-что отбывшіе солдатчину) тотчасъ-же всѣ почуяли какую силу онъ принесъ съ собою въ адвокатскіе ряды. Сословію петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ оставалось только ликовать по поводу такого цѣннаго пріобрѣтенія, такъ какъ весьма скоро обнаружилось, что боевой и ораторской мощи у вновь прибывшаго было въ пору не только на „всероссійскаго“, но и на „всемірнаго“ адвоката.

Уже въ политическомъ процессѣ, протекавшемъ въ 1878 году въ зданіи С.-Петербургскаго Окружного Суда при закрытыхъ дверяхъ, въ такъ называемомъ „процессѣ ста девяносто трехъ“, процессѣ-монстрѣ, въ которомъ въ качествѣ защитниковъ участвовали рѣшительно всѣ лучшія силы петербургской адвокатуры *), а на придачу къ нимъ еще и профессоръ уголовнаго права С.-Петербургскаго Университета Н. С. Таганцевъ, П. А. Александровъ проявилъ и ораторскую мощь и исключительное мужество, столь необходимое порою для адвоката. Заключительныя слова его образцовой рѣчи среди дружнаго и согласнаго хора голосовъ превосходной

*) Достаточно назвать нѣкоторыя, именно. В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, В. Н. Герардъ, П. А. Потѣхинъ, Г. В. Бардовскій, В. А. Люстихъ, Е. И. Утинъ, Д. В. Стасовъ, В. Д. Самарскій-Быховецъ, Б. Б. Дорнъ, Н. И. Граціанскій, В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ (послѣдніе двое еще въ качествѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ) и друг.

защиты прозвучали все же самыми чистыми и высокими нотами. Кто слышалъ эту рѣчь, тотъ никогда ее не забудетъ.

Такъ называемыхъ „богатыхъ“ внѣшихъ данныхъ у оратора не было.

Рѣчи свои П. А. произносилъ нѣсколько гнусавымъ, не слишкомъ громкимъ голосомъ, съ спокойною манерою закаленнаго въ бояхъ судебнаго бойца. Онъ почти не жестикулировалъ. Оружіе, какъ и стройная худощавая фигура самаго бойца, было не изъ громоздкихъ. Оно не пестрѣло кричащими орнаментами и не производило шумныхъ безполезно-бряцающихъ ударовъ. Оружіе это почти исключительно было — „рѣжущимъ“ и „колющимъ“. При этомъ оно было дивно закалено и необычайно-остро отточено!

Что-то неотвратимое и захватывающее—невыразимое никакими словами—переживалъ слушатель, когда чувствовалось, что для оратора насталъ моментъ призвать все свое „мужество“...

А въ немъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не отказывалъ П. А. Александровъ интересамъ защищаемаго дѣла. „Мужество“ и было характернѣйшимъ атрибутомъ всей его адвокатской дѣятельности.

Защита Вѣры Засуличъ сдѣлала „адвоката Александрова“ всемірно-знаменитымъ. Рѣчь его переводилась на иностранные языки, ею отмѣченъ моментъ „историческій“. Одною этою рѣчью П. А. Александровъ обезпечилъ себѣ безсмертіе.

И при всемъ томъ какою внутреннею скромностью вѣяло отъ самаго „безсмертнаго“. Слава, которая опьяняетъ столько головъ, лишь временно и не на долго дала ему радостное возбужденіе. Онъ не преувеличивалъ ни своихъ силъ, ни своего значенія въ адвокатурѣ. Онъ всегда жалѣлъ, что „слишкомъ поздно избралъ благородную профессію защитника“ и „по преклонности возраста“—съ шутливою настойчивостью—нерѣдко отказывался отъ предлагаемыхъ ему защитъ. Слишкомъ большой затраты силъ требуетъ такая дѣятельность, а П. А., по самому свойству своей нервно-отзывчивой натуры, не могъ ничему отдаваться вполовину.

Въ числѣ ораторскихъ средствъ Петра Акимовича безпощадный логическій анализъ и необычайный по силѣ сарказмъ были самыми надежными и вѣрными. Поэтому онъ

былъ великолѣпенъ въ дѣлѣ Кашеваровой-Рудневой противъ „Новаго Времени“.

Чтобы выступить тогда противъ этой газеты также не мѣшало имѣть „мужество“.. Общественное мнѣніе было въ ту пору достаточно „газетно“ налажено. Но именно въ недостаткѣ мужества никто не могъ упрекнуть П. Александрова. Въ дѣлѣ этомъ П. А. далъ всю волю ядовитому сарказму и былъ по истинѣ великолѣпенъ. Онъ какъ никто другой умѣлъ удачно „пригвоздить“ своего противника на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ именно положеніи, въ которомъ застигалъ его на „нехорошемъ дѣлѣ“.

Мощный логическій анализъ сослужилъ, П. А. Александрову большую и плодотворную службу въ дѣлѣ защиты „кутаисскихъ евреевъ“, обвинявшихся въ „человѣческомъ жертвоприношеніи“. Дѣло это онъ блистательно выигралъ въ коронномъ судѣ, сперва въ Кутаисскомъ Окружномъ Судѣ, а затѣмъ и въ Тифлисской Судебной Палатѣ, куда дѣло восходило по протесту прокурора.

Мнѣ очень близко пришлось наблюдать П. А. Александрова въ качествѣ „созащитника“ въ одномъ общемъ уголовномъ процессѣ. Дѣло производилось — въ достаточно прославленномъ безсмертнымъ сатирикомъ — Кашинскомъ Окружномъ Судѣ. Процессъ тянулся много дней, начинаясь съ девяти часовъ утра и заканчиваясь въ десять вечера. Втеченіе всѣхъ этихъ дней мы были неразлучны, наши гостиничныя „кельи“ отдѣлялись только тонкою перегородкой. Каждый звукъ, каждый шагъ былъ слышенъ сосѣду. Тутъ удобно было подмѣтить систему подготовки его къ рѣчи, всѣ особенности его ораторскихъ пріемовъ, манеру вести судебное слѣдствіе и т. п.

Не слишкомъ крѣпкій физически, „больной аневризмомъ аорты“ П. А. очень утомлялся къ концу засѣданія. Правда на немъ лежала вся отвѣтственная работа, такъ какъ онъ защищалъ центральную фигуру процесса, „главнаго виновника“—мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства Д., къ которому предъявлялись самыя разнообразныя (вплоть до служебныхъ подлоговъ) обвиненія *) не только по долж-

*) Въ то время дѣла эти не вѣдали еще исключительной подсудности Судебныхъ Палатъ „съ участіемъ сословныхъ представителей“.

ности предводителя дворянства, но и по должности предсѣдателя Земской Управы.

Тутъ я могъ убѣдиться воочію насколько „бодрый духъ“ способенъ пересилить „немощную плоть“.

У П. Александрова было три противника въ этомъ процессѣ: прокуроръ, гражданскій истецъ и подсудимый З. (со своимъ защитникомъ, московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ), бывшій „протоколистъ дворянской опеки“, который „оговаривалъ“ и вообще усердно „топилъ“ своего бывшаго начальника, расчитывая на этомъ выплыть самому.

Надо было видѣть какъ напряженно и неустанно сражался защитникъ „на три фронта“. Все, казалось, было противъ него. Нужно было все „детальное“ знаніе дѣла, всю находчивость, все спокойное вниманіе закаленнаго судебнаго бойца, чтобы не потеряться въ массѣ цифръ, бухгалтерскихъ выкладокъ и свидѣтельскихъ показаній и, въ концѣ концовъ, блистательно вывести все „на чистую воду“.

Когда закончилось крайне сложное и тяжелое судебное слѣдствіе Петръ Акимовичъ вздохнулъ съ облегченіемъ. „Ну теперь пойдутъ „разговоры“, это уже не страшно... мы тоже не лыкомъ шиты!“

Впечатлѣніямъ, выносимымъ присяжными засѣдателями во время хода судебнаго слѣдствія, П. А. придавалъ огромное значеніе и никогда „не сидѣлъ сложа руки“ во время слѣдствія, въ ожиданіи лишь эффекта отъ будущей своей рѣчи, что возводится почти въ систему иными судебными „ораторами чистой воды“. Онъ никогда не боялся этимъ „испортить заранѣе написанную рѣчь“, по той простой причинѣ, что рѣчей своихъ онъ не писалъ заранѣе.

Такъ и въ данномъ случаѣ къ „отдѣлкѣ рѣчи“ онъ приступилъ лишь по окончаніи судебнаго слѣдствія. На узкихъ лоскуткахъ бумаги, а иногда даже только на „манжеткѣ“ своей крахмальной сорочки онъ дѣлалъ только кое-какіе кабалистическіе значки и отмѣтки, понятные лишь ему одному. Самая-же „подготовка“ его къ рѣчи состояла лишь въ томъ, что, наканунѣ, часа два, три, онъ неустанно ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ съ видомъ человѣка, совершенно поглощеннаго своими мыслями. Иногда онъ улыбался, останавливался, что-то какъ-бы бормоталъ про себя. Умный и выразительный

лобъ его при этомъ то свѣтлѣлъ, то затуманивался. Потомъ онъ снова и снова продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ, пока, наконецъ, не произносилъ неожиданно: „Ну! шабашъ, будетъ... Спать пора“!..

Это значило, что „завтрашняя“ рѣчь его „готова“.

Я испыталъ высокое наслажденіе, сидя рядомъ съ П. А. (на мою долю выпала защита члена Земской Управы, втораго обвиняемаго К), внимательно „просмаковать“ всю такимъ образомъ „на ходу“ приготовленную имъ рѣчь. Сраженіе, какъ я упоминалъ уже выше, велось „на три фронта“ и было имъ блистательно выиграно. Всѣ враги обвиняемаго Д. (возникло это дѣло въ значительной мѣрѣ на почвѣ мѣстныхъ провинціальныхъ сплетень и служебныхъ „интригъ)“ были жестоко посрамлены и, въ концѣ концовъ, потерпѣли полное пораженіе. Но побѣда далась не сразу и не легко. Это понималъ П. А.; онъ и сравнивалъ все время свое положеніе съ положеніемъ, какое бываетъ только „на войнѣ“.

Онъ и закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, такими словами: „съ тылу, справа, слѣва—мы окружены. Одинъ только передній фронтъ нашъ свободенъ... Мы къ вамъ идемъ, вы насъ не оттолкните!“

Рѣчь эта длилась два съ лишнимъ часа и произвела огромное впечатлѣніе. Мнѣ пришлось говорить вслѣдъ за П. А. Александровымъ и тутъ непроизвольно мнѣ вспомнилась знаменитая вступительная фраза одного французскаго оратора, которому пришлось говорить кажется, послѣ Беррье: „я долженъ говорить, но я еще слушаю!“...

Ораторская мощь П. А. Александрова подчасъ бывала обаятельна и совершенно неотразима. Ни одинъ, изъ слышанныхъ мною судебныхъ ораторовъ, не производилъ на меня болѣе сильнаго впечатлѣнія.

Не смотря на всю свою „знаменитость“ я не зналъ человѣка болѣе доступнаго, мягкаго и обязательнаго въ своихъ отношеніяхъ къ адвокатской молодежи. Многіе изъ насъ, гораздо болѣе его молодые лѣтами, неукоснительно числились его „пріятелями“. А „пріятелю“ онъ никогда не отказывалъ ни въ добромъ совѣтѣ, ни въ указаніи, ни даже въ „сотрудничествѣ“.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту въ высокой мѣрѣ сим-

патичную. Подъ личиной юмора и „холодной“ шутки въ немъ таилась удивительно нѣжная и чуткая душа. Онъ, напримѣръ, увѣрялъ, что не любитъ брать слишкомъ большихъ гонораровъ, что бы не слишкомъ думать и заботиться о дѣлѣ и о кліентѣ.

— Возьмешь много,—шутилъ онъ,—только забота, все о дѣлѣ думаешь, да думаешь! То-ли дѣло когда гонораръ маленькій, взялъ, истратилъ и забылъ...

Увѣряли, что это побуждало даже кліента предлагать ему возможно большій гонораръ, дабы „онъ все время думалъ“ только о его дѣлѣ.

Но это—шутка, а правда въ томъ, что П. А. буквально „сливался“ съ интересами защищаемаго имъ лица. Онъ обыкновенно въ рѣчи иначе и не говорилъ какъ: „мы обвиняемся“, „насъ обвиняютъ“, „мы докажемъ, что мы не воры и не растратчики и подлоговъ не дѣлали“ и т. д.

Роль защитника, съ точки зрѣнія кліента, онъ отождествлялъ съ ролью нанятаго за себя въ солдаты „охотника“,— что, какъ извѣстно, широко практиковалось при прежней системѣ отбыванія воинской повинности. „Онъ васъ за себя поставилъ, ну и идите въ огонь!“—ободрялъ онъ начинающихъ защитниковъ.

Лебединою пѣснею Петра Акимовича была защита редактора газеты „Новости“ О. К. Нотовича въ дѣлѣ его съ Тульскимъ банкомъ „о клеветѣ“.

Не смотря на то, что онъ былъ уже совершенно болѣнъ и физически слабъ, духъ его и на этотъ разъ оказался „бодрымъ“ превыше всего. Всѣ, слышавшіе эту его рѣчь, отзывались о ней съ величайшей похвалой.

По общему отзыву онъ — „былъ все тотъ-же Александровъ!“—а сказать это, значило сказать много.

Говорятъ, что еще за нѣсколько часовъ до своей смерти— а приближеніе ея онъ чуялъ и почти разсчиталъ по секундамъ—онъ еще „шутилъ“. Онъ спросилъ себѣ газеты и желалъ непремѣнно прочесть „сегодняшнія“, чтобы „не предстать недостаточно освѣдомленнымъ“.

Въ тотъ-же день онъ „мужественно“—какъ и все, что онъ дѣлалъ—„предсталъ“ *).

---

*) П. А Александровъ скончался 13 марта 1893 г.

Есть люди — ихъ немного — смерть которыхъ какъ будто не вызываетъ даже „жалости“, и сглаживаетъ или заслоняетъ всѣ интимныя личныя впечатлѣнія и воспоминанія. Словно тутъ только въ первый разъ видишь человѣка во весь ростъ.

Видишь какъ уходитъ что-то большое, свѣтлое, уходитъ мужественно, почти радостно. И тогда проникаешься неизъяснимою благодарностью за то, что это большое и свѣтлое имѣло „мужество“ побыть и здѣсь, гдѣ все такъ не радостно.

Платонически и фигурально—„вѣчная память“—достояніе каждаго усопшаго. Для этого достаточно—умереть.

Петръ Акимовичъ Александровъ принадлежалъ къ числу людей, которые привыкли ничего не брать—„даромъ“...

Ему вѣчная память—по заслугамъ!

Итоги Струсбергскаго процесса.

Дѣло „о разнаго рода злоупотребленіяхъ, обнаруженныхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ“ обратило на себя серьезное вниманіе не однихъ пострадавшихъ. Общественное мнѣніе долго не могло успокоиться и послѣ того, какъ судъ сказалъ о дѣлѣ свое рѣшающее слово.

Зло, нанесенное неожиданнымъ крушеніемъ московскаго ссуднаго банка, оказалось дѣйствительно громаднымъ. Если-бы рѣчь шла только о тѣхъ семи милліонахъ, утраченныхъ безвозвратно, которые принадлежали частію акціонерамъ, частію вкладчикамъ, то и тогда уже можно было-бы говорить о цѣломъ „морѣ слезъ и проклятій“, такъ какъ число лицъ потерпѣвшихъ, безвозвратно растерявшихъ свои—для многихъ, трудовыя—деньги, во всякомъ случаѣ значительно. Но однимъ этимъ далеко не исчерпывается тяжесть послѣдствій московскаго „краха“. Кромѣ отдѣльныхъ лицъ, лицомъ, воистину потерпѣвшимъ отъ этого, явился самый кредитъ, и безъ того мало и ненадежно установившійся въ нашемъ общественно-экономическомъ быту.

Послѣ кричащей катастрофы московскаго ссуднаго банка рѣшительно всѣ частныя банковыя учрежденія, дѣйствующія въ имперіи, стали значительно сокращать кредиты и даже во многихъ случаяхъ совсѣмъ ихъ прекратили. Для торговаго оборота это грозило весьма серьезными послѣдствіями. Послѣдствія эти не заставили себя ждать. По вычисленію одной газеты, ближайшимъ послѣдствіемъ крушенія ссуднаго банка была несостоятельность двухсотъ-двадцати лицъ, производившихъ торговлю частію въ Москвѣ, частію въ про-

винціи, на сумму приблизительно около одиннадцати милліоновъ рублей. Если къ этому прибавить неизвѣстное число прекратившихъ платежей безъ объявленія ихъ несостоятельными, то трудно даже себѣ представить, во что именно обошлось крушеніе московскаго коммерческаго ссуднаго банка.

Но и это еще не все зло, нанесенное нашему денежному рынку. Извѣстно, какая паника овладѣла всѣми вкладчиками нашихъ банковъ, какъ только вѣсть о совершенномъ разореніи одного изъ наиболѣе солидныхъ московскихъ учрежденій облетѣла всю Россію; извѣстно, съ какими усиліями удалось при этомъ спастись отъ банкротства большинству нашихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, повисшихъ было уже на волоскѣ. На этотъ счетъ имѣется весьма интересное признаніе сдѣланное печатно правленіемъ Волжско-камскаго банка по поводу заявленій Струсберга. Правленіе не отрицаетъ, что банкъ нѣсколько разъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи государственнаго банка и что эта помощь къ счастью ему всегда была оказываема во-время.

Къ первымъ крикамъ отчаянія лицъ потерпѣвшихъ, матеріально пострадавшихъ, присоединились вскорѣ негодующіе возгласы и всей остальной части общества. Это было, впрочемъ, понятно. Негодованіе противъ „эволюціи“ легкой и преступной наживы слишкомъ къ этому времени накипѣло и наболѣло въ общественномъ сознаніи. Поползновенія на неприкосновенность общественой собственности въ послѣднее время стало практиковаться слишкомъ часто и беззатѣнчиво, чтобы къ нимъ можно было относиться хладнокровно. Кражи, растраты, подлоги, совершаемые кассирами и другими хранителями общественныхъ суммъ,—все это начало неимовѣрно учащаться. Правило: „не клади плохо“—стало какъ-бы лозунгомъ въ послѣднее время и обществу естественно было дать волю всему своему негодованію по поводу семи-милліоннаго расхищенія въ московскомъ ссудномъ банкѣ.

Впрочемъ, сами банки таинственностью своихъ операцій, отсутствіемъ въ ихъ дѣятельности мощнаго и дѣятельнаго участія самихъ хозяевъ дѣла—акціонеровъ, наконецъ, своимъ служеніемъ цѣлямъ спекуляціи въ ущербъ торгово-промышленнымъ интересамъ, давно уже возбудили противъ себя общественное негодованіе. Когда московскій ссудный банкъ

рухнулъ, когда его крушеніе дало первый случай выступить на сцену судебной власти, когда гласность, такимъ образомъ, пробила первую брешь въ неприступной крѣпости замкнутаго и обособленнаго міра денегъ и спекуляціи, общество торжествовало заранѣе, предвидя не одно возмездіе въ данномъ случаѣ, но и цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ разоблаченій темныхъ сторонъ банковаго дѣла.

Когда, 29 мая, 1877 года въ первый разъ было назначено къ слушанію дѣло московскаго ссуднаго банка, страстное отношеніе къ нему дошло до своей кульминаціонной точки. Подсудимые считались незаслуживающими даже защиты— не только что смягченія грозившей имъ кары. Отъ суда ожидали огульнаго осужденія всѣхъ привлеченныхъ на скамью подсудимыхъ. Возмутительнымъ казалось даже то, что, въ видахъ болѣе обстоятельнаго изученія многотомнаго дѣла разбирательство его было отложено до осени. Струсбергъ, правда, полагалъ, что и такой острочки недостаточно, въ виду какой-то сказочной сложности и запутанности настоящаго дѣла, такъ что по его мнѣнью вообще „ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не въ состояніи его распутать“. Подобный взглядъ „желѣзно-дорожнаго короля“ оказался преувеличеннымъ, хотя, конечно, невозможно отрицать, что присяжные засѣдатели встрѣтили массу весьма сложныхъ подробностей, разъясненіе которыхъ требовало времени въ видахъ интереса самаго правосудія.

Съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія можно было ожидать отъ результатовъ окончившагося процесса, слѣдуетъ замѣтить, что крушеніе банка, живущаго на счетъ спекуляціи и для спекуляціи, есть явленіе отрезвляющее, несмотря на массу отдѣльныхъ несчастій, которыя оно за собой повлекло. Въ этомъ отношеніи гибель московскаго ссуднаго банка принесла уже свою долю пользы. Спекуляція, развившаяся къ этому времени до гигантскихъ размѣровъ, тотчасъ-же, какъ только началось судебное преслѣдованіе противъ лицъ, стоявшихъ во главѣ московскаго банка, замѣтно съежилась и притихла. Банки стали служить хотя и съ меньшею для себя выгодою, но за то и съ меньшимъ рискомъ, интересамъ промышленности и торговли, а не исключительно биржевой спекуляціи. Нельзя, конечно, довѣрять каждому слову, ко-

торое Струсбергъ приводилъ на судѣ въ свое оправданіе; это были только слова подсудимаго, желавшаго парировать удары обвиненія. Но нарисованная имъ картина спекулянтской дѣятельности многихъ нашихъ коммерческихъ банковъ изобилуетъ такими правдоподобными чертами, что можно смѣло дѣлать выводы изъ большинства тѣхъ фактическихъ указаній, которыя онъ приводилъ въ своихъ объясненіяхъ.

„Я даю слово г. прокурору, что если-бы онъ далъ мнѣ возможность попасть въ петербургскіе и московскіе коммерческіе банки съ тѣми полномочіями, которыя предоставлены ему закономъ, то я всю эту публику вашихъ банковыхъ дѣльцовъ привелъ бы на скамью подсудимыхъ, какъ стадо барановъ“,—заявлялъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Струсбергъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, какими искусственными и случайными мѣрами спасаются иные наши банки отъ той-же участи, которая постигла московскій ссудный банкъ. По общему характеру своей дѣятельности и по своимъ порядкамъ они ничѣмъ ровно не отличаются отъ своего почившаго собрата.

Если допустить, что только десятая доля всего того, что говорилъ въ этомъ направленіи Струсбергъ справедливо, то и въ такомъ случаѣ польза московскаго процесса несомнѣнна.

Извѣстный гражданскій процессъ г. Высоцкаго съ „Русскимъ для внѣшней торговли банкомъ“ явился какъ-бы подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Струсберга. „И у насъ,—объяснялъ г. Высоцкій на судѣ, въ качествѣ обиженнаго акціонера выдали Струсбергу 820.000 рублей; у насъ выдали 240.000 рублей подъ залогъ камня; и у насъ выписали изъ Варшавы для завѣдыванія иностранными сношеніями извѣстное лицо съ жалованьемъ, превышающимъ жалованье трехъ министровъ Россійской имперіи въ сложности. Словомъ, аналогія до того велика, что если московскій банкъ потерялъ семь милліоновъ рублей, то нашъ банкъ потерялъ два милліона рублей, и если недостаетъ полнаго сходства между ними, то лишь въ томъ отношеніи, что недостаетъ прозектора который бы разсѣкъ этотъ кажущійся живымъ организмъ, но на самомъ дѣлѣ бездыханный трупъ“.

Столь рѣзкихъ и „откровенныхъ“ отзывовъ о характерѣ

дѣятельности нашихъ банковъ не раздавалось публично до возбужденія московскаго дѣла. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы и ранѣе того въ обществѣ не существовало на этотъ счетъ уже вполнѣ сложившихся и обоснованныхъ фактами взглядовъ.

Такъ объясняется то восторженное сочувствіе, которое возбудили къ себѣ разоренные акціонеры московскаго ссуднаго банка, и ту поддержку, которую встрѣтила въ общественномъ мнѣніи обвинительная власть въ своемъ стремленіи привлечь на скамью подсудимыхъ не только непосредственныхъ виновниковъ катастрофы, но и всѣхъ лицъ, такъ или иначе принадлежащихъ къ администраціи банка, какъ бы трудно ни было уловить самостоятельную вину нѣкоторыхъ изъ нихъ. Казалось, что рѣчь идетъ не объ уголовной отвѣтственности каждаго отдѣльнаго лица, а что самый банкъ со всѣми его традиціями и заведенными въ немъ порядками предается казни и публичному поруганію на страхъ и примѣръ прочимъ.

Даже и послѣ, когда вердиктъ присяжныхъ и приговоръ суда, далеко не соотвѣтствующіе поддерживавшемуся на судѣ обвиненію, уже были объявлены во всеобщее свѣдѣніе, въ обществѣ,—хотя правду сказать, довольно сдержанно,—слышался однако глухой ропотъ неодобренія. Въ печати, встрѣтившей приговоръ присяжныхъ по московскому дѣлу въ общемъ съ какимъ-то разнорѣчивымъ недоумѣніемъ, слышались и энергичные возгласы, безусловно порицающіе этотъ вердиктъ. Такъ „Совр. Извѣст.“, обсуждая этотъ процессъ, говорятъ: „надо согласиться, что чувство правды попрано въ этомъ дѣлѣ и общественная нравственность оскорблена. Мы не говоримъ о правдѣ формальной и не беремся въ этомъ отношеніи ни осуждать, ни защищать приговоръ. Но отъ присяжнаго суда мы вправѣ ожидать высшей правды, и ея-то тщетно отыскиваемъ“.

Итакъ, хотя судъ уже сказалъ свое слово, не настало, повидимому, еще время для объективнаго отношенія къ этому любопытному во многихъ отношеніяхъ процессу. Такому объективному къ нему отношенію въ печати препятствовало и то, что обстоятельное изученіе процесса московскаго ссуднаго банка представляетъ не малыя трудности не по одной только его сложности, но и по самому своему объему. Врядъ-ли у

многихъ хватило терпѣнія перечесть всѣ стенографическіе отчеты; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ теченіе судебнаго слѣдствія, и въ судебныхъ преніяхъ, безпрестанно шла рѣчь о чисто техническихъ особенностяхъ банковыхъ операцій, для усвоенія которыхъ требуется нѣкоторая подготовка.

Размѣръ этой статьи не позволяетъ, конечно, намъ остановиться подробно на всей фактической сторонѣ дѣла, но все-же попытаемся подвести итоги съ тѣмъ, чтобы обстоятельно оттѣнить стороны дѣла, которыя на нашъ взглядъ представляются наиболѣе любопытными и поучительными. Сопоставленіе вердикта присяжныхъ, какъ конечнаго результата процесса, съ обвинительнымъ актомъ и матеріаломъ судебнаго слѣдствія, дастъ намъ возможность, не упустить изъ виду ни одного изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ, возбужденныхъ процессомъ, вопросовъ, не лишенныхъ общаго и непреходящаго значенія.

По исторіи своего возникновенія и существованія и по той роли, которую Московскій ссудный банкъ съигралъ на ряду съ другими подобными-же частными кредитными учрежденіями, онъ не отличался ничѣмъ особеннымъ. Несмотря на всѣ свои „злоупотребленія“ онъ не можетъ быть признанъ ненормальнымъ явленіемъ въ нашей банковой средѣ. Напротивъ, до самаго послѣдняго дня его существованія, между Московскимъ ссуднымъ банкомъ и всѣми другими частными банками, замѣчалась трогательная солидарность взглядовъ на задачи и характеръ банковой дѣятельности вообще.

Учрежденіе Коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ относится къ 1870-му году, т. е. къ самому разгару нашей банковой и спекулятивной горячки, когда въ одинъ годъ были утверждены уставы пяти вновь учрежденныхъ коммерческихъ банковъ. Московскій ссудный банкъ родился въ почетной компаніи. Въ одинъ годъ съ нимъ появились на свѣтъ Волжско-камскій коммерческій банкъ, Коммерческій банкъ въ Варшавѣ, Одесскій и Нижегородскій купеческіе банки.

До учрежденія Коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ уже существовало нѣсколько солидныхъ промышленно-акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій. Тамъ были: Купеческій банкъ (1866 г.) съ складочнымъ капиталомъ въ 5.000.000 р.,

составленныхъ изъ тысячи паевъ, и затѣмъ Московскій учетный банкъ (1869 г.) съ капиталомъ въ 2.000.000, составленныхъ изъ десяти тысячъ акцій.

По характеру операцій, разрѣшенныхъ уставами, всѣ эти банки ровно ничѣмъ не отличались другъ отъ друга и призваны были одинаково служить торгово-промышленнымъ цѣлямъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ своего учрежденія Ссудный банкъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему новой операціи — выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, но ходатайство это было отклонено г. министромъ финансовъ.

Первоначальными учредителями банка, кромѣ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ торговыхъ фирмъ, были все, по большей части, сановные и высокопоставленные лица, не принадлежавшія ни къ промышленному, ни къ торговому міру. Въ спискѣ учредителей мы находимъ нѣсколькихъ военныхъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шипова, гофмейстера барона Бюлера, каммергера Шереметева, каммеръ-юнкера графа Мусина-Пушкина и пр. Судя по тому, что говорилось на судѣ, можно предполагать, что именно этимъ лицамъ принадлежала „иниціатива“ и всѣ хлопоты по первоначальному учредительству. Привлеченіе къ дѣлу извѣстнѣйшихъ московскихъ торговыхъ фирмъ, послѣдовало уже по предложенію министра финансовъ, который поставилъ въ зависимость отъ солидности такихъ фирмъ самое утвержденіе устава банка. Тогда къ числу „учредителей“ примкнули представители различныхъ торговыхъ фирмъ: „Пренъ и Граббе“, „Борисовскій съ сыновьями“, „Волковъ съ сыновьями“, „братья Крестовниковы“ и другіе. Затѣмъ, въ число „учредителей“ попали и отдѣльные „негоціанты“: коммерціи совѣтникъ Ляминъ, почетный гражданинъ Корзинкинъ, мануфактуръ совѣтникъ Бостанжогло, московскій 2 гильдіи купецъ Милліоти и другъ.

Послѣ созыва перваго общаго собранія акціонеровъ, что имѣло мѣсто 15-го ноября 1870 г., послѣдовало открытіе банка и учредители, привѣтствуя „настоящихъ хозяевъ дѣла“, т. е. акціонеровъ, объявили имъ имена лицъ, выбранныхъ ими для того, чтобы стать во главѣ управленія банка. Замѣчательно, что изъ длиннаго списка первоначальныхъ учредителей, сановныхъ лицъ, никто не пожелалъ или не

удостоился чести быть избраннымъ въ число членовъ правленія или совѣта. И послѣ, въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ существованія банка, мы не встрѣчаемся больше съ ихъ именами, ни въ спискахъ личнаго состава управленія банка, ни даже въ спискѣ болѣе или менѣе крупныхъ акціонеровъ.

Существуетъ параграфъ, общій уставамъ всѣхъ нашихъ банковъ, въ силу котораго учредителямъ предоставляется обыкновенно право оставить за собою по *нарицательной* цѣнѣ половину всѣхъ акцій перваго выпуска. При малѣйшемъ повышеніи курса акцій (а такое повышеніе при развитой у насъ биржевой спекуляціи, никогда на первыхъ порахъ не заставляетъ себя долго ждать), „учредителямъ“, ничѣмъ не заинтересованнымъ въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ, которымъ по уставу призванъ служить банкъ, бываетъ весьма выгодно, немедленно-же „сбыть“ свои акціи, хотя-бы съ нѣкоторымъ барышомъ; это создало своего рода профессію „учредительства“, нерѣдко недурно оплачиваемую. И тутъ повторилась очевидно таже исторія „учредительства“, по крайней мѣрѣ въ дальнѣйшей исторіи банка, мы не встрѣчаемъ уже болѣе именъ его первоначальныхъ „учредителей“. Но негоціанты и представители торговыхъ фирмъ, привлеченные впослѣдствіи въ число учредителей, остались и почти всѣ безъ исключенія попали въ число ближайшихъ опекуновъ, совѣтниковъ и заправилъ банка.

По уставу Московскаго ссуднаго банка, управленіе дѣлами распредѣлялось между правленіемъ, совѣтомъ и, наконецъ, общимъ собраніемъ акціонеровъ. Въ этомъ, уставъ Московскаго коммерческаго ссуднаго банка, былъ вполнѣ тожественъ съ уставами всѣхъ подобныхъ-же ранѣе и послѣ учрежденныхъ банковъ.

Общимъ собраніямъ акціонеровъ, по уставамъ, въ дѣлѣ управленія и общго надзора за операціями банковъ, отведено довольно почетное мѣсто. По уставу Московскаго коммерческаго ссуднаго банка, непремѣнному вѣдѣнію общаго собранія подлежали всѣ важнѣйшія функціи управленія дѣлами банка.

Общее собраніе (§ 57) должно было: избирать членовъ совѣта, директоровъ правленія и членовъ комиссіи для ревизіи годовыхъ отчетовъ; окончательно утверждать годовые

отчеты, которые, въ случаѣ желанія общаго собранія, могли провѣряться особою спеціальною комиссіею, избираемою общимъ-же собраніемъ изъ числа акціонеровъ, не занимающихъ въ банкѣ никакой должности; затѣмъ, дѣлать постановленія о пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ для надобностей банка или объ увеличеніи складочнаго капитала; возбуждать вопросы объ измѣненіи или дополненіи устава; предварительно ходатайства о семъ передъ правительствомъ, опредѣлять содержаніе директорамъ правленія и, наконецъ, въ случаѣ надобности, прибѣгать къ постановленію о ликвидаціи дѣлъ банка. Имѣя, такимъ образомъ, широкое полномочіе на участіе въ качествѣ „хозяевъ“ въ управленіи дѣлами банка, акціонеры, по мысли устава, вовсе не были ограничены и во времени въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ собранія назначались только одинъ разъ въ году. Кромѣ чрезвычайныхъ собраній, созываемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ правленіемъ банка, самимъ акціонерамъ могъ принадлежать починъ созыва во всякое время экстреннаго общаго собранія, такъ какъ если акціонеры, имѣющіе въ совокупности одну пятую часть всѣхъ акцій, заявили бы желаніе о созывѣ такого экстреннаго общаго собранія, то правленіе обязано было безпрекословно исполнить это требованіе.

Уставъ, очевидно, имѣлъ при этомъ въ виду не формальное лишь участіе акціонеровъ въ дѣлахъ банка, такъ какъ иначе трудно было-бы себѣ объяснить значеніе § 58, который гласитъ, что „занятія одного общаго собранія могутъ непрерывно продолжаться, въ случаѣ надобности, нѣсколько дней сряду и даже цѣлую недѣлю“.

Затѣмъ ближайшія функціи управленія дѣлами Московскаго ссуднаго банка распредѣлялись между правленіемъ и совѣтомъ, дѣятельность которыхъ была разграничена болѣе или менѣе рѣзкими чертами.

Не во всѣхъ уставахъ нашихъ частныхъ банковъ одинаково опредѣлены взаимныя отношенія правленія и совѣта и степень ихъ активнаго участія въ дѣлахъ управленія банка. Нѣкоторые уставы возлагаютъ всю тяжесть управленія банка лишь на однихъ директоровъ правленія, не установляя вовсе „совѣта“, а предоставляя лишь акціонерамъ право избирать изъ среды своей особыхъ ревизоровъ или депутатовъ

для контроля за дѣятельностью директоровъ правленія. Въ другихъ банкахъ, напримѣръ, въ Московскомъ купеческомъ, напротивъ, совѣтъ, выбираемый въ большомъ числѣ лицъ, имѣетъ преобладающее значеніе. Онъ самъ избираетъ изъ среды своей директоровъ правленія и является главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ, нормируя ихъ дѣятельность.

Въ Московскомъ ссудномъ банкѣ правленіе, на обязанности котораго лежало завѣдываніе всѣми дѣлами и капиталами банка, являлось главнымъ рычагомъ въ общемъ механизмѣ Московскаго ссуднаго банка. Въ вѣдѣніи правленія находилось не только все внутреннее устройство дѣлопроизводства и счетоводства банка, но также распоряженіе суммами и непосредственное завѣдываніе операціями въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ уставомъ банка. Правленіе признавалось, такъ сказать, главнымъ „мастеромъ дѣла“. На него было возложено уставомъ самое опредѣленіе способовъ помѣщенія свободныхъ капиталовъ банка, съ огражденіемъ притомъ банка отъ убытковъ и съ сохраненіемъ наличности кассъ банка въ достаточномъ размѣрѣ, какъ для безостановочнаго удовлетворенія требованій о возвратѣ вкладовъ и производствѣ уплатъ по текущимъ счетамъ, такъ и вообще для точнаго исполненія принятыхъ банкомъ на себя обязательствъ. Правленіе являлось затѣмъ представителемъ банка во всѣхъ его сношеніяхъ съ правительственными мѣстами и лицами по всѣмъ дѣламъ, выходящимъ изъ круга текущихъ операцій банка. На немъ-же лежала забота „объ изысканіи способовъ къ возможно болѣе правильному развитію полезной дѣятельности банка“.

При такихъ широкихъ полномочіяхъ естественно, что на правленіе была возложена уставомъ и главная отвѣтственность за всякаго рода упущенія и вообще за противозаконныя дѣйствія въ ущербъ выгодамъ банка. Обязательныя отношенія правленія къ совѣту заключались въ представленіи на разсмотрѣніе совѣта: передъ наступленіемъ каждаго года — смѣты расходовъ; по окончаніи-же года — отчета о всѣхъ операціяхъ и о положеніи дѣлъ банка. Вообще, по уставу, правленіе Московскаго ссуднаго банка пользовалось значительною самостоятельностью и независимостью. Первоначально оно состояло изъ пяти лицъ: предсѣдателя, трехъ

членовъ и одного, такъ-нызываемаго, директора-распорядителя. Члены правленія, такъ-же, какъ и члены совѣта, избранные на первое трехлѣтіе учредителями, подлежали затѣмъ избранію общимъ собраніемъ акціонеровъ.

Что касается спеціально до совѣта банка, то на немъ, главнымъ образомъ, лежало (§ 44): „общее наблюденіе за ходомъ дѣлъ банка; ревизія черезъ особо на каждый разъ назначаемыхъ членовъ своихъ, а равно повѣрка кассы банка во всякое время по своему усмотрѣнію". Затѣмъ въ уставѣ перечислены случаи, въ которыхъ совѣтъ долженъ являться на помощь правленію „для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ, относящихся до такихъ операцій, которыя почему-либо выходятъ изъ ряда текущихъ". Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ иниціатива, очевидно, должна была идти отъ правленія, такъ какъ ему предстояло предварительное заключеніе о томъ, насколько данная операція представляется „выходящей изъ ряда текущихъ" и насколько возбужденный вопросъ является важнымъ и подлежащимъ обсужденію совѣта.

По поводу юрисдикціи совѣта, вообще, можно сказать, что онъ являлся учрежденіемъ, на которое былъ возложенъ ближайшій и непосредственный „контроль" за дѣйствіями правленія. Въ этомъ направленіи онъ не былъ стѣсненъ никакими ограниченіями; ревизіи могли имъ назначаться хоть ежедневно, повѣрка кассы точно также; ни одинъ годовой отчетъ не могъ быть представленъ на утвержденіе общаго собранія безъ предварительнаго разсмотрѣнія его совѣтомъ.

На практикѣ, особенно въ послѣдніе годы существованія московскаго ссуднаго банка, круги дѣятельности совѣта и правленія какъ-то странно перепутались и смѣшались. Самая организація состава правленія потерпѣла существенныя измѣненія. При открытіи банка учредителямъ предстояло озаботиться избраніемъ членовъ правленія и совѣта. Званіе членовъ совѣта приняли на себя тѣ изъ московскихъ коммерсантовъ, которые уже состояли въ спискѣ учредителей: коммерціи совѣтникъ Ляминъ, почетные граждане — Крестовниковъ, Корзинкинъ, Бостанжогло, и, кромѣ этихъ, еще нѣсколько лицъ, хотя и не состоявшихъ въ спискѣ учредителей, но также принадлежавшихъ къ числу богатѣйшихъ московскихъ коммерсантовъ, какъ, напримѣръ, Лѣнивовъ,

Вишняковъ, Редеръ, Граббе, Волковъ, Сорокоумовскій и др. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ мануфактуръ совѣтникъ Борисовскій. Все это были лица въ значительной степени заинтересованныя процвѣтаніемъ банка, такъ какъ большинство изъ нихъ владѣло гораздо большимъ количествомъ акцій, нежели то требовалось даже по уставу (50 акцій) для права быть избраннымъ въ члены совѣта.

Что касается до состава правленія, то онъ и первоначально былъ избранъ не изъ этихъ лицъ. Повидимому, никто изъ нихъ не хотѣлъ или не считалъ себя способнымъ стать во главѣ дѣйствительнаго управленія дѣлами банка. Для замѣщенія, напримѣръ, должности предсѣдателя правленія, т.-е. главнаго представителя интересовъ банка, выборъ учредителей палъ на лицо, стоявшее до сихъ поръ совсѣмъ въ сторонѣ. Борисовскій, а за нимъ и остальные учредители, пожелали имѣть во главѣ своего банка „извѣстнаго всей Москвѣ и занимавшаго въ то время довольно высокую ступень въ нашей финансовой администраціи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шумахера“, управляющаго московскою сохранною и ссудною казною.

На первое предложеніе учредителей г. Шумахеръ, врядъли состоявшій въ то время даже и простымъ акціонеромъ вновь учреждаемаго банка, отвѣчалъ отказомъ, такъ какъ „не считалъ возможнымъ, находясь уже на службѣ въ государственномъ банкѣ, совмѣстить въ одномъ лицѣ обѣ эти должности“. Но учредители настаивали. Тогда, „для разъясненія сомнѣнія“, обратились въ министерство финансовъ. Оно отвѣтило „одобреніемъ выбора“. Шумахеръ согласился принять званіе предсѣдателя правленія банка, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что „дѣятельность его ограничится лишь общимъ наблюденіемъ за всѣми операціями банка“. Такая условность шла явно въ разрѣзъ съ опредѣленіемъ устава банка сущности принимаемой на себя г. Шумахеромъ должности. Предсѣдатель правленія, по смыслу устава, долженъ былъ быть главнымъ распорядителемъ всѣхъ операцій банка и главнымъ-же отвѣтственнымъ лицомъ. Для разрѣшенія этого новаго „сомнѣнія“ по вопросу о томъ, можетъ-ли быть допущена такая „условная“ и ограничительная дѣятельность предсѣдателя правленія, „учредители“ снова должны были

потревожить министерство финансовъ. Разъясненіе послѣдовало „въ утвердительномъ смыслѣ“ и, къ всеобщему удовольствію, г. Шумахеръ сталъ „условно“ во главѣ вновь учреждаемаго акціонерно-промышленнаго предпріятія.

Принявъ должность предсѣдателя правленія, г. Шумахеръ, „руководствуясь желаніемъ имѣть своими ближайшими сотрудниками людей, которымъ-бы онъ могъ довѣрять“, самъ указалъ учредителямъ на тѣхъ лицъ, „близкихъ ему“, которыя, по его мнѣнію, должны были быть избраны въ члены новаго правленія. На должность директора-распорядителя былъ предложенъ г. Полянскій, бывшій въ то время однимъ изъ наиболѣе популярныхъ мировыхъ судей и гласныхъ думы въ Москвѣ. Затѣмъ, Шумахеромъ-же были предложены на должности членовъ правленія—гг. Казнаковъ, Пренъ и Милліоти. Въ такомъ видѣ былъ организованъ на первыхъ порахъ личный составъ управленія банка.

Во главѣ его стало, такимъ образомъ, лицо, облеченное довѣріемъ цѣлой Москвы, городской голова г. Шумахеръ, ближайшими совѣтниками и опекунами правленія явились все богатѣйшіе московскіе коммерсанты, имущественно заинтересованные въ преуспѣяніи банка. Это не могло не имѣть вліянія на пріобрѣтеніе банкомъ сразу репутаціи „одного изъ солиднѣйшихъ кредитныхъ учрежденій Москвы“.

Послѣ перваго-же года акціонеры получили „отличный дивидендъ“. Публика безстрашно, съ довѣріемъ понесла въ новый банкъ свои вклады, и ссудный банкъ сталъ гордо во главѣ кредитныхъ учрежденій первопрестольной.

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, почти вплоть до самаго закрытія банка. Въ самый разгаръ его „сношеній“ съ Струсбергомъ, когда почти всѣ капиталы банка уже ушли на служеніе этому „королю спекуляцій“, ни откуда еще не раздавалось подозрительныхъ обличеній. За три дня до опечатанія банка судебнымъ слѣдователемъ, несмотря на общую слабость настроенія нашей фондовой биржи, акціи московскаго ссуднаго банка еще можно было сбывать по весьма хорошей цѣнѣ.

Оно и понятно. Ни „расхищенія“, ни „разграбленія“ явнаго не было; по крайней мѣрѣ въ теченіи пяти лѣтъ объ этомъ не было слышно. Ни одинъ кассиръ банка ни

разу крупно не „проворовался“. Были на лицо только „операціи“, „операціи высшаго разбора“, такъ какъ ими завѣдывалъ „знаменитый арбитражистъ“ (Ландау), получавшій министерское содержаніе за свой „талантъ и искусство“. До поры до времени всѣ вѣрили въ его „ловкость и находчивость“. А между тѣмъ, вмѣсто ожидаемыхъ отъ „операцій“ выгодъ, касса вдругъ оказалась пустою; въ портфелѣ банка, вмѣсто солидныхъ обезпеченій лежала только „макулатура“, акціонеры оказались разорены, вкладчики не получили обратно своихъ вкладовъ.

Кого-же можно было считать истиннымъ виновникомъ столь поразительнаго „краха“; кого слѣдовало требовать къ отвѣту, вечеромъ 11-го октября 1875 года, въ день опечатанія банка?

Еще ранѣе, въ своихъ „оправдательныхъ письмахъ“ и затѣмъ на судѣ г. Шумахеръ, въ то время бывшій уже только товарищемъ предсѣдателя совѣта, вопрошалъ съ недоумѣніемъ: почему не дали хода его заявленію о совершившемся въ банкѣ преступленіи; почему не арестовали немедленно Ландау, на котораго онъ указывалъ, какъ на главнаго виновника зла; почему, наконецъ, нужно было ожидать заявленія вкладчика Алексѣева, когда онъ, Шумахеръ, о злоупотребленіяхъ въ банкѣ довелъ до свѣдѣнія прокурорскаго надзора „цѣлымъ днемъ“ ранѣе?

Товарищъ прокурора (г. Обнинскій), въ теченіи всего предварительнаго слѣдствія наблюдавшій за производствомъ дѣла и поддерживавшій на судѣ обвиненіе, отвѣчалъ г. Шумахеру на эти вопросы. Изъ его объясненій оказывалось, что онъ „не принялъ заявленія г. Шумахера и члена совѣта Гивартовскаго только потому, что оно не было изложено въ письменной формѣ“. Для всякаго ясно, что это „отводъ“ чисто формальный, и что никто не мѣшалъ г. товарищу прокурора тутъ-же у себя въ камерѣ пригласить г. Шумахера написать на листѣ бумаги все имъ разсказанное, тѣмъ болѣе, что вечеромъ того-же дня точно такимъ-же путемъ заявленіе Алексѣева въ какія-нибудь полчаса изъ словеснаго было превращено въ письменное. Равнымъ образомъ, думается намъ, едва-ли можно предположить, чтобы заявленіе гг. Шумахера и Гивартовскаго не могло быть

подкрѣплено никакими фактическими данными. Очевидно. что гг. Шумахеръ и Гивартовскій, какъ члены совѣта, знавшіе въ то время о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ семи-милліонной растраты банка, могли дать наиболѣе обстоятельныя разъясненія и обставить свое заявленіе наиболѣе вѣскими фактическими указаніями.

Мы отмѣчаемъ этотъ эпизодъ отнюдь не съ тѣмъ, чтобы, подобно защитѣ г. Шумахера, настаивать на томъ, что будто-бы „прокурорскій надзоръ еще до возбужденія предварительнаго слѣдствія былъ уже предрасположенъ во что бы то ни стало привлечь г. Шумахера въ качествѣ лица обвиняемаго“. Мы, согласно съ товарищемъ прокурора, совершенно даже убѣждены въ томъ, что интересы правосудія нисколько не пострадали въ настоящемъ дѣлѣ оттого, что первое постановленіе слѣдователя о возбужденіи слѣдствія было написано не въ четыре часа дня, когда являлся къ г. товарищу прокурора г. Шумахеръ, а позднѣе вечеромъ, когда явился къ нему вкладчикъ Алексѣевъ. Это было тѣмъ болѣе безразлично, что банкъ былъ уже закрыть и, слѣдовательно, не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ расхищеніи его кассы.

Мы съ подробностью останавливаемся на этомъ первомъ моментѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія только потому, что хотимъ указать на ничтожный въ сущности, по своей непродолжительности, періодъ времени, въ теченіи котораго однако-же сама обвинительная власть, впослѣдствіи такъ освоившаяся съ выпавшею на ея долю ролью Геркулеса, очищающаго Авгіевы конюшни, была въ нѣкоторой нерѣшительности. Какъ мы имѣемъ основаніе полагать, эта „нерѣшительность“ проистекала изъ того обстоятельства, что объектомъ судебнаго изслѣдованія являлась дѣятельность банка, дѣятельность, въ которой свѣжему человѣку бываетъ весьма трудно разобраться, не усвоивъ себѣ точки зрѣнія самихъ банковыхъ дѣльцовъ. Представителю прокурорскаго надзора было естественно заранѣе отрѣшиться отъ такой точки зрѣнія, ибо разъ ставъ на нее, по мнѣнію весьма компетентныхъ лицъ, „довольно трудно отличить мошенническую сдѣлку отъ банковой операціи“ и, вообще, установить границы дозволеннаго закономъ отъ преступнаго.

Что товарищъ прокурора не считалъ заявленія Шумахера нестоющимъ никакого вниманія, это уже видно изъ того, что онъ, по собственнымъ его словамъ, послѣ своего свиданія съ г. Шумахеромъ, немедленно отправился „доложить обо всемъ“ своему ближайшему начальству, прокурору московской судебной палаты.

Такимъ образомъ, только личнымъ предубѣжденіемъ противъ банковой дѣятельности вообще и банковыхъ дѣльцовъ въ особенности можно объяснить себѣ пріемъ, оказанный г. товарищемъ прокурора гг. Шумахеру и Гивортовскому, членамъ совѣта рухнувшаго банка, которые, во всякомъ случаѣ, могутъ считаться первыми заявителями прокурорской власти объ открытыхъ въ банкѣ злоупотребленіяхъ.

Г. товарищъ прокурора съ терпѣніемъ и добросовѣстностью, заслуживающими безусловной похвалы, въ теченіи цѣлаго года посвятилъ себя раскрытію и изученію злоупотребленій московскаго ссуднаго банка. Не только въ теченіи процесса, но и гораздо ранѣе, во время предварительнаго слѣдствія, прежде чѣмъ вопросъ о преданіи суду всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, былъ рѣшенъ окончательно, онъ уже игралъ видную роль въ направленіи дѣла; нѣтъ почти ни одного протокола слѣдователя, который не былъ-бы подписанъ и имъ. Самый обвинительный актъ, ни въ чемъ не измѣненный судебной палатой, составленъ тѣмъ-же товарищемъ прокурора и, слѣдовательно, общій характеръ обвиненія, самый его тонъ и объемъ были окончательно опредѣлены тѣмъ-же товарищемъ прокурора, соотвѣтствуя вполнѣ его личнымъ взглядамъ на дѣло.

Ради этого намъ и было любопытно подмѣтить въ самомъ началѣ то предубѣжденіе противъ банковыхъ дѣльцовъ, которое проявилось, въ ничѣмъ иначе необъяснимомъ, отказѣ дать заявленію г. Шумахера дальнѣйшій законный ходъ. Обвинителю хотѣлось-бы не „обличенія“ со стороны г. Шумахера, а „явки съ повинной“.

Въ обвинительномъ актѣ, опредѣлившемъ собою преданіе уголовному суду не только членовъ правленія, втянувшихъ банкъ въ рискованныя, безумныя операціи съ докторомъ Струсбергомъ во главѣ. но и всѣхъ членовъ совѣта, относительно которыхъ не было сомнѣнія, что они фактически

къ этимъ операціямъ непричастны, рѣчь идетъ объ общемъ характерѣ дѣятельности московскаго ссуднаго банка гораздо болѣе, нежели о ближайшихъ и несомнѣнныхъ виновникахъ крушенія его. Такимъ образомъ, семи милліонная „растрата“ банка сама по себѣ явилась только поводомъ, изъ котораго вытекли всѣ другія обвиненія, поименованныя въ обвинительномъ актѣ и объединенныя общимъ заголовкомъ: „разнаго рода злоупотребленіями“.

Обвиненіе двухъ директоровъ правленія: директора-распорядителя Полянскаго и директора иностраннаго отдѣленія Ландау, въ томъ, что они „вслѣдствіи подкупа, изъ корыстныхъ цѣлей“, выдали Струсбергу „подъ дурныя обезпеченія“ семь милліоновъ рублей, уже по самому характеру своему представляется локализированнымъ. Всемогущество Полянскаго въ банкѣ, изолированность дѣятельности иностраннаго отдѣленія, въ которой большинство членовъ совѣта ровно ничего не смыслили, наконецъ, самая личность Струсберга, умѣвшаго на своемъ вѣку обдѣлывать и не такія дѣла,— все это давало основанія допускать, что члены совѣта сами по себѣ „завѣдомо и сознательно“ вовсе непричастны къ преступному расхищенію банка.

Въ обвинительномъ актѣ и не указывалось на „сообщничество“, но затѣмъ цѣлымъ рядомъ другихъ обвинительныхъ пунктовъ была попытка установить причинную связь между преступною дѣятельностью правленія и дѣятельностью совѣта. Для установленія такой связи, вся дѣятельность банка, начиная чуть-ли не съ первыхъ дней его существованія, признавалась „противозаконною“. Вся масса лицъ, привлеченныхъ на скамью подсудимыхъ, обвинялась въ одинаково тяжкихъ преступленіяхъ: въ мошенничествахъ и подлогахъ. Понятна поэтому та тревожная энергія, съ которою защита членовъ совѣта еще въ теченіи судебнаго слѣдствія старалась выяснить передъ присяжными эту явную натяжку обвиненія, указаніемъ не только на отсутствіе солидарности, но и на прямую противоположность интересовъ членовъ правленія, продававшихъ банкъ, и членовъ совѣта, пострадавшихъ не менѣе другихъ въ качествѣ акціонеровъ т. е. хозяевъ предпріятія.

Вердиктъ присяжныхъ отвергъ всѣ обвиненія членовъ

совѣта въ подлогахъ, мошенничествахъ и даже въ нерадѣніи. Борисовскій и Шумахеръ, правда, признаны виновными, но въ такого рода дѣяніяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью всего совѣта in corpore и притомъ едва-ли представляющихся уголовно-наказуемыми *). Сверхъ того, присяжными не отвергнутъ тотъ фактъ, что совѣтъ не закрылъ немедленно банка, какъ только узналъ о расхищеніи кассы и не созвалъ тотчасъ-же общаго собранія акціонеровъ для постановленія о ликвидаціи дѣлъ банка.

Вердиктъ присяжныхъ засѣдателей мы считаемъ не только безусловно правильнымъ, но и единственно возможнымъ въ настоящемъ дѣлѣ. Какъ бы мало не удовлетворялъ онъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, гражданскихъ истцовъ, которые не всѣ получатъ свои деньги, тѣмъ не менѣе онъ вытекаетъ логически изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а потому и глубоко справедливъ. Судебные приговоры невозможно оцѣнивать вообще исключительно съ точки зрѣнія утилитарныхъ цѣлей. Они дороги не столько тою матеріальною пользою, которую могутъ приносить отдѣльнымъ лицамъ, заинтересованнымъ въ исходѣ процесса, сколько тою независимою правдою, которую вносятъ въ сознаніе общества.

Чтобы провѣрить въ данномъ случаѣ состоятельность вердикта присяжныхъ засѣдателей, какъ судебнаго рѣшенія, слѣдуетъ имѣть въ виду съ одной стороны: чего требовало отъ нихъ обвиненіе, съ другой—во имя чего предъявлялись эти требованія, и наконецъ вытекали-ли эти требованія, какъ необходимыя, логическія послѣдствія изъ всей совокупности обстоятельствъ дѣла?

Посмотримъ-же: чего требовало отъ присяжныхъ обвиненіе въ „Струсберговскомъ процессѣ“ и что они могли дать на основаніи того матеріала, который въ свою очередь дало многотомное слѣдствіе?

Струсбергъ, Полянскій, Ландау — обвинены.

Вина Струсберга признана въ томъ, что онъ путемъ подкупа двухъ послѣднихъ, какъ директоровъ банка, добился

*) Относительно Борисовскаго и Шумахера приговоръ этотъ былъ впослѣдствіи Сенатомъ кассированъ и въ конечномъ результатѣ они были обвинены лишь „въ небреженіи по службѣ“.

въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ того „широкаго кредита въ размѣрахъ необычайныхъ“, который въ теченіи какого-нибудь полугода привелъ банкъ къ совершенному банкротству. Полянскій и Ландау, принимавшіе отъ Струсберга подарки, были, разумѣется, главными, если не исключительными виновниками такого печальнаго исхода дѣла.

Взаимныя отношенія этихъ трехъ лицъ въ опредѣленныхъ и законченныхъ очертаніяхъ вырисовались на судѣ.

Струсбергъ, развѣнчанный нѣкогда Ласкеромъ, въ глазахъ иныхъ поклонниковъ его былыхъ успѣховъ являлся и теперь еще окруженнымъ какимъ-то сказочнымъ ореоломъ. Въ отношеніяхъ своихъ къ московскому ссудному банку онъ, разумѣется, не имѣлъ основанія оставлять своей системы и измѣнять своему девизу, что „золотой ключъ отворяетъ всѣ двери“ и что, съ другой стороны, „смѣлость и отвага города берутъ“. Разъ закупивъ вліятельныхъ директоровъ правленія, онъ уже не щадилъ банка, и явился по отношенію къ нему „дурнымъ, ненасытнымъ кліентомъ“; какъ съ горделивою беззастѣнчивостью признавался самъ на судѣ. Но семь милліоновъ, полученные имъ отъ злополучнаго банка, если вѣрить его-же словамъ, обошлись ему самому „очень дорого“.

Въ то время, когда за-границей онъ не находилъ уже нигдѣ кредита, „вліятельный московскій банкъ“ былъ весь къ его услугамъ. Обезпеченія, которыя принималъ Ландау, не имѣли никакой реальной цѣны, хотя по номинальной своей стоимости онѣ съ излишкомъ превышали полученную Струсбергомъ ссуду. Промессы (накладныя) на неизготовленные еще вагоны, акціи лихтентальской желѣзной дороги, акціи нарбонской желѣзной дороги, наконецъ, пріоритетъ-акціи нѣмецко-богемской желѣзной и стальной промышленности — все это цѣнности фабрикаціи самого Струсберга, громкія лишь по названію, но не имѣвшія даже никакого биржеваго курса.

Ни одного изъ фактовъ, приводимыхъ въ обвиненіе Струсберга, онъ не отрицалъ; онъ только „группировалъ“ ихъ по-своему. Величіемъ своихъ идей и громадностью творческихъ замысловъ онъ прежде всего хотѣлъ, что назы-

вается „ошеломить“ присяжныхъ, выбить почву изъ-подъ ихъ ногъ. „Не лавочникамъ, хотя-бы и на милліоны, судить меня“, — говорилъ онъ вызывающе, — „меня могутъ судить только тѣ, кто понимаетъ всю глубину и величіе моихъ промышленныхъ идей“. Затѣмъ онъ не отрицалъ ничего: „мнѣ нуженъ былъ кредитъ, и я естественно хотѣлъ добиться его всѣми средствами, которыя были въ моемъ распоряженіи. Я платилъ коммиссіи, платилъ провизіи; изъ семи милліоновъ, полученныхъ мною въ Москвѣ, два милліона ушло на подарки. Но развѣ въ Россіи дѣлается что нибудь иначе? Развѣ не общеизвѣстно, что Меккъ за полученную имъ концессію долженъ былъ заплатить милліонъ пятьсотъ тысячъ?“

Когда идетъ рѣчь объ его „обезпеченіяхъ“, онъ опять горделиво парируетъ удары обвиненія: „обезпеченія не имѣютъ рыночной цѣны; они не котируются на биржѣ, но что же изъ того? Развѣ внутренняя стоимость вещи опредѣляется всегда ея рыночной оцѣнкой“? Все это цѣнности моей фабрикаціи, я молъ и творецъ, такъ предоставьте-же самому творцу судить о томъ, сколько энергіи и труда еще нужно затратить для того, чтобы эта „макулатура“, это негодное тряпье превратилось въ настоящее золото!

Говорятъ: банкъ по уставу своему не могъ принимать подобнаго рода обезпеченія. Струсбергъ и противъ этого не споритъ. Онъ не обязанъ „изучать уставы банковъ“, прежде чѣмъ входить съ предложеніемъ о ссудѣ. Это уже дѣло не его, а правленія банковъ. Правда, онъ связалъ съ судьбою своихъ предпріятій судьбу московскаго ссуднаго банка, но въ крушеніи послѣдняго онъ ничуть не повиненъ. Виновна въ томъ лишь „близорукость членовъ совѣта“, забившихъ тревогу и вызвавшихъ вмѣшательство въ дѣло прокуроскаго надзора. Этимъ ему „помѣшали“ получить изъ банка „еще только два милліона“, и въ этомъ будто-бы заключается весь трагизмъ и вся разгадка настоящаго дѣла. Получивъ эти деньги, Струсбергу удалось бы-де привести къ желанному концу всѣ его „громадныя сооруженія“, а разъ они были-бы пущены въ ходъ—вся эта „макулатура“, все это „негодное тряпье“ обезпеченій поднялось-бы разомъ въ цѣнѣ на биржѣ, и тогда банкъ не потерялъ бы ни одного гроша.

Присяжные засѣдатели поступили осторожно и справед-

ливо, не склонивъ своего слуха къ этимъ подкупающимъ, соблазнительнымъ доводамъ „короля“ биржи. Въ томъ и заключается грубое заблужденіе всѣхъ смѣлыхъ рыцарей индустріи, подобныхъ Струсбергу, что любой удачный случай ловкой наживы они спѣшатъ возводить на степень торжества своихъ „великихъ идей“, и что, затѣмъ, всѣ свои „неудачи“ они готовы приписать какимъ угодно побочнымъ причинамъ, не замѣчая, что корень зла въ нихъ самихъ, въ ихъ неразсчетливости и беззастѣнчивомъ азартѣ. Это „великіе люди случая“ они строятъ на пескѣ, и зданіе, всегда величественное снаружи, стоитъ благополучно до перваго „настоящаго“ порыва вѣтра.

Ландау, бывши нѣкогда „банкиромъ въ Варшавѣ“, обанкротившись, и послѣ ряда неудачныхъ собственныхъ коммерческихъ предпріятій, попадаетъ въ московскій ссудный банкъ „директоромъ иностраннаго отдѣленія“. Несмотря на свое собственное банкротство для устроенія чужихъ дѣлъ онъ „рекомендуется отлично“. На международной биржѣ ему довѣряютъ, цѣнятъ его искусство и его „талантъ“ и вотъ ему-то и поручаютъ всѣ „высшія“ банковыя операціи, всѣ заграничныя сношенія. Въ первый же годъ своего директорства, Ландау начинаетъ плутовать и втягиваетъ банкъ въ рискованныя операціи. Тогда совѣтъ банка „ограничиваетъ его власть“, его отдаютъ подъ надзоръ директора-распорядителя Полянскаго. Ландау нисколько этимъ не смущается. Деликатно ему было предложено даже вовсе оставить службу въ банкѣ, но онъ—„остался“.

Ловкій „арбитражныхъ дѣлъ мастеръ“ весьма скоро съумѣлъ изучить мягкій и податливый характеръ Полянскаго и черезъ его вліяніе въ банкѣ добиться того, что иностранное отдѣленіе, о совершенномъ упраздненіи котораго состоялось уже постановленіе совѣта, было „оставлено на прежнихъ основаніяхъ“.

Тутъ-то и начинаются его алчныя, жадныя сношенія со Струсбергомъ. Ландау весь уходитъ на то, чтобы „обезпечить себѣ старость“, скопить „на черный день“. Интересы банка ему совершенно чужды. Ослѣпленный сотнями тысячъ, которыя перепадаютъ на его долю, онъ забываетъ о всякой опасности той игры, въ которую играетъ. Съ Полянскимъ

онъ ведетъ игру кошки съ мышью, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ надувательскія средства и, когда ему удается выгодно обдѣлать дѣло, подноситъ ему нѣсколько тысячъ „безгрѣшной благодарности“ отъ имени „самого“ Струсберга.

Директоръ-распорядитель Полянскій, по характеру своему представляющійся прямою противоположностью беззастѣнчивому Ландау, своимъ убитымъ и угнетеннымъ видомъ производилъ очень тяжелое впечатлѣніе. „Ничтожный человѣкъ“, „мелкая душа“, „слабая воля“, „отсутствіе всякой нравственной основы“,—какъ самъ себя характеризуетъ Полянскій,—этотъ человѣкъ пользовался когда-то, не только уваженіемъ,—обожаніемъ московскаго общества, среди котораго жилъ. Пусть онъ утверждаетъ правду, когда говорилъ на судѣ, что онъ только „пріодѣвался словами“ и „щеголялъ чужими мыслями“, но это были, вѣроятно, хорошія слова и хорошія мысли.

Участіе Полянскаго въ преступныхъ операціяхъ банка со Струсбергомъ никто не съумѣлъ охарактеризовать на судѣ лучше его самого. Въ письмѣ своемъ къ женѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ участіи: „несмѣлый самъ по себѣ, я уступалъ шагъ за шагомъ дерзкому игроку Ландау и съ нимъ втянулъ нашъ банкъ въ дѣло очень большое и рискованное, не говоря о томъ ничего своимъ товарищамъ. Въ отсутствіе мое дѣло раскрылось, довѣріе ко мнѣ погибло...“ Къ этой характеристикѣ своей виновности въ послѣднемъ своемъ словѣ онъ еще прибавилъ: „я знаю, что я погубилъ учрежденіе и что всѣ эти люди черезъ меня на позорной скамьѣ. Но чтобы завѣдомо, знамо я хотѣлъ продать, разрушить банкъ,—это неправда. Если-бы я продалъ банкъ, то я выходилъ-бы отсюда не нищимъ, а богатымъ“.

Характеристика внутренняго міра этого преступнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко несчастнаго человѣка отлично удалась одному изъ его двухъ защитниковъ *). Не легко было расположить присяжныхъ отнестись съ какимъ-либо особымъ снисхожденіемъ къ человѣку, которому, во всякомъ случаѣ, было слишкомъ много дано, чтобы мало съ него спрашивать. То безграничное довѣріе, то вліяніе, которымъ въ послѣдніе

*) Рѣчь идетъ о нынѣ умершемъ уже прис пов. Куриловѣ.

годы существованія банка пользовался Полянскій и которымъ онъ такъ страшно злоупотребилъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія давало право обвиненію съ особою суровостью, съ особою безпощадностью настаивать на его безусловной виновности. А между тѣмъ „снисхожденіе“, которое присяжные вынесли Полянскому, даже самымъ суровымъ обвинителямъ его не показалось совсѣмъ назаслуженнымъ.

Оба директора правленія, Полянскій и Ландау, кромѣ обвиненія ихъ во взяточничествѣ, были признаны виновными присяжными засѣдателями въ совершеніи подлоговъ. Подлоги эти выразились въ томъ, что въ мѣсячныхъ балансахъ и годовыхъ отчетахъ банка скрывались тѣ неправильности, которыя были допущены въ операціяхъ иностраннаго отдѣленія.

По обвинительному акту и на судѣ прокуратура поддерживала обвиненіе въ этомъ преступленіи не только противъ членовъ правленія банка, но и противъ всѣхъ членовъ совѣта. Члены совѣта, говорилось въ обвинительномъ актѣ, „узнавъ о противозаконной и убыточной покупкѣ Ландау иностранныхъ бумагъ, для того, чтобы выдти изъ крайняго затрудненія, не подвергнуться отвѣтственности и спасти собственныя акціи, рѣшились скрыть бумаги эти въ отчетахъ за 1873 и 1874 годы, показавъ ихъ запроданными корреспондентамъ“. Подлоги эти совершены были „по соглашенію“ членовъ правленія и членовъ совѣта, а акціонерныя собранія единогласно и безъ всякихъ преній утвердили эти отчеты.

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей безусловно отвергнута виновность въ этомъ членовъ совѣта. По всѣмъ вопросамъ, касавшимся такого обвиненія, послѣдовали отрицательные отвѣты.

Дѣйствительно, на основаніи тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя были раскрыты не только на судѣ, но уже и на предварительномъ слѣдствіи, не трудно было предсказать, что обвиненіе членовъ совѣта „въ подлогахъ“ не выдержитъ критики.

Обвиненіе, однако, было обставлено всѣми обычными необходимыми аттрибутами. Здѣсь былъ и „оговоръ“ членовъ совѣта главными и несомнѣнными виновниками подлоговъ— Ландау, Полянскимъ и бухгалтеромъ Ложечниковымъ; были

и крайне неблагопріятныя для членовъ совѣта „заключенія экспертовъ“, которые, переходя изъ роли безпристрастныхъ оцѣнщиковъ въ роль обвинителей, категорически утверждали, что члены совѣта „не могли не знать“ объ истинномъ состояніи счетовъ въ иностранномъ отдѣленіи, а разъ они знали, участіе ихъ въ подлогѣ было несомнѣнно. Защита членовъ совѣта, съ самаго начала судебнаго слѣдствія самымъ энергичнымъ образомъ ополчилась противъ такого обвиненія.

На судебномъ слѣдствіи было выяснено два весьма важныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, защитою было доказано, въ противность заключенію экспертовъ, что члены совѣта могли совершенно не подозрѣвать о неправильностяхъ по части покупки иностраннымъ отдѣленіемъ негарантированныхъ бумагъ въ количествѣ, недозволенномъ уставомъ такъ какъ самыя книги иностраннаго отдѣленія, по которымъ только и могла производиться совѣтомъ ревизія, заключали въ себѣ явныя неправильности, которыя, естественно, должны были отразиться и въ годичныхъ отчетахъ. Во-вторыхъ, защита успѣла въ корнѣ подорвать значеніе оговора Ландау и другихъ несомнѣнныхъ виновниковъ подлога. Такъ, по заявленію Полянскаго и Ландау, переносъ иностранныхъ бумагъ на счета корреспондентовъ по соглашенію будто-бы правленія и совѣта состоялось 20 марта; между тѣмъ на судѣ защитникъ г. Шумахера, простымъ представленіемъ нумера „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ былъ напечатанъ составляемый ежемѣсячно правленіемъ балансъ, успѣлъ доказать ложность этихъ заявленій. Не только къ 20 марта, но уже на первое января бумаги попали въ балансъ на счета корреспондентовъ, и, такимъ образомъ, счетъ покупки этихъ бумагъ былъ скрытъ отъ совѣта въ самомъ началѣ, такъ, какъ бумаги были показаны „запроданными“.

Рядомъ съ обвиненіемъ членовъ совѣта въ подложномъ составленіи годовыхъ отчетовъ 1873 и 1874 годовъ, шло обвиненіе ихъ въ „подложномъ составленіи общихъ собраній акціонеровъ“. Начиная съ 1872 года, какъ это не отрицала и защита, въ протоколахъ общихъ собраній замѣчается почти совершенное отсутствіе дѣйствительныхъ акціонеровъ и преобладаніе, такъ называемыхъ, „подставныхъ“ акціонеровъ,

По мнѣнію обвиненія, всѣ эти общія акціонерныя собранія „составлялись въ явное нарушеніе статей устава, съ цѣлью систематическаго преобладанія на этихъ собраніяхъ сторонниковъ управленія банка и совершеннѣйшаго упраздненія правъ присвоенныхъ уставомъ дѣйствительнымъ владѣльцамъ акцій". Члены совѣта и члены правленія всѣ подърядъ обвинялись въ томъ, что они, будто-бы, сознательно и систематически прибѣгали къ различнымъ противозаконнымъ мѣрамъ и ухищреніямъ для „затрудненія акціонерамъ доступа въ общія собранія".

Защита, какъ членовъ правленія, такъ равно и членовъ совѣта не отрицала того обстоятельства, что въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ московскаго ссуднаго банка присутствовали для счета и, такъ называемые, „фиктивные акціонеры", которые являлись по акціямъ тѣхъ изъ членовъ совѣта, у которыхъ этихъ акцій было гораздо большее количество, чѣмъ то, которое требовалось по уставу для совмѣщенія наибольшаго количества голосовъ въ одномъ лицѣ. Максимумъ голосовъ одного владѣльца акцій ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать пяти голосовъ.

Желаніе лицъ, наиболѣе значительно-заинтересованныхъ денежно въ дѣлахъ банка, имѣть и преобладающее на нихъ вліяніе—вполнѣ естественно и понятно. По уставу банка, только то общее собраніе считается правильно составленнымъ, въ которомъ присутствуютъ представители не менѣе половины всего складочнаго капитала. Это правило проведено почти во всѣхъ уставахъ нашихъ акціонерныхъ обществъ. Между тѣмъ бываютъ случаи, въ которыхъ рѣшительно невозможно исполнить требованіе устава, не прибѣгая къ составленію, до извѣстной степени, „фиктивныхъ" общихъ собраній. Такъ, въ подтвержденіе этого, защита указала на тѣ случаи, гдѣ владѣльцемъ всѣхъ акцій является одно лицо, какъ, напримѣръ, г. Поляковъ—владѣлецъ всѣхъ акцій курско-харьковской желѣзной дороги, или гг. Губонинъ и Кроненбергъ, владѣющіе всѣми акціями уральской и привислянской желѣзной дороги. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не имѣется иного выхода, кромѣ составленія фиктивныхъ собраній. Такое положеніе вещей, конечно, нежелательно но, оно коренится въ самой системѣ нашего акціонернаго дѣла.

При обсужденіи вопроса о неправильномъ составленія акціонерныхъ собраній, на нашъ взглядъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того краеугольнаго вывода, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ, обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Съ несомнѣнною очевидностью было доказано, что дѣйствительныхъ акціонеровъ московскаго коммерческаго ссуднаго банка, истинныхъ хозяевъ дѣла, было такъ много, что если-бы они пожелали возбуждать какіе-либо вопросы, проводить что-либо самостоятельное, то громаднымъ большинствомъ своихъ голосовъ они всегда могли бы раздавить всякую заранѣе подстроенную партію и разогнать все скопище „подставныхъ“ акціонеровъ. Между тѣмъ въ московскомъ ссудномъ банкѣ, какъ и въ большинствѣ нашихъ акціонерныхъ обществъ, акціонеры не только ограничивались чисто-формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но въ большинствѣ случаевъ вовсе отсутствовали въ общихъ собраніяхъ. Съ перваго же года совѣтъ и правленіе московскаго ссуднаго банка въ теченіи всѣхъ послѣдующихъ пяти лѣтъ его существованія фактически могли считать себя вполнѣ освобожденными отъ какого-бы то ни было контроля со стороны общихъ собраній акціонеровъ.

При наличности подобныхъ условій не могло казаться вовсе страннымъ заявленіе нѣкоторыхъ изъ защитниковъ, что акціонеры, присутствующіе теперь на судѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, сами того не подозрѣвая, были безмолвными „попустителями“ преступниковъ, такъ нагло расхитившихъ банкъ.

Прокурорскій надзоръ, хотя и посвятилъ цѣлый отдѣлъ обвинительнаго акта обвиненію членовъ правленія и совѣта въ составленіи подложныхъ общихъ собраній акціонеровъ, не нашелъ однако возможнымъ подвести эти дѣянія подъ какую-нибудь опредѣленную статью уголовнаго кодекса и придать имъ характеръ самостоятельныхъ преступленій; онъ поставилъ ихъ лишь въ связь съ подложнымъ составленіемъ годовыхъ отчетовъ, и судъ не ставилъ на разрѣшеніе присяжныхъ отдѣльныхъ вопросовъ по этому предмету. На вопросы-же о подложномъ составленіи отчетовъ, присяжные засѣдатели, какъ сказано выше, относительно членовъ совѣта отвѣчали отрицательно.

Обвиненіемъ членовъ совѣта въ подлогахъ не исчерпывалась, по взгляду прокуратуры, виновность этихъ лицъ. Всѣ члены совѣта, за исключеніемъ г. Волкова, обвинялись еще и „въ мошенничествѣ“. Мошенничество, по обвинительному акту усматривалось въ томъ, что, „узнавъ 5 и 6 октября 1875 года, о противозаконной выдачѣ Струсбергу около семи милліоновъ изъ ввѣренныхъ банку суммъ и о послѣдовавшей оттого утратѣ не только всего складочнаго капитала, но и значительной части суммъ вкладчиковъ, а также о невѣрности отчета на 1 октября 1875 года,—члены совѣта, за исключеніемъ Волкова, вмѣсто того, чтобы тотчасъ-же пріостановить банковыя операціи, распорядились продолжать ихъ, и продолжали до 11 октября, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка отъ публики, введенной въ заблужденіе напечатаннымъ невѣрнымъ отчетомъ, на 1 октября 1875 года“.

Такими дѣйствіями члены совѣта, по взгляду обвинителей, во-первыхъ допустили уменьшеніе остававшихся въ банкѣ къ 5 октября капиталовъ, которые составляли общую собственность всѣхъ кредиторовъ банка; во-вторыхъ, вовлекли лица, внесшія свои вклады уже послѣ 5 октября, въ невыгодныя для нихъ по имуществу сдѣлки и, наконецъ въ третьихъ, дали возможность предсѣдателю Борисовскому продать свои акціи по сравнительно высокой цѣнѣ, тогда какъ эти акціи не имѣли уже никакой цѣнности, а товарищу предсѣдателя совѣта Шумахеру и нѣкоторымъ другимъ членамъ совѣта—получить свои вклады полнымъ рублемъ.

По поводу этого отдѣла обвиненія во время преній сторонъ, велись самыя ожесточенныя схватки, приводились самыя разнообразныя соображенія и толкованія.

Несвоевременное закрытіе банка представляется безспорно интереснымъ и важнымъ моментомъ въ дѣятельности совѣта московскаго ссуднаго банка

Но на нашъ взглядъ, невозможно характеризовать этотъ моментъ въ томъ одностороннемъ значеніи, какъ это дѣлало обвиненіе. Въ своей рѣчи г. обвинитель настаивалъ на слѣдующей характеристикѣ дѣятельности членовъ совѣта послѣ 5 октября. Члены совѣта, 5 октября, „узнали о безнадежномъ положеніи банка; они поняли, что крушеніе его неизбѣжно и, вмѣсто того, что бы забить немедленно тревогу—

созвать, какъ этого требуетъ уставъ, общее собраніе акціонеровъ для постановленія о ликвидаціи дѣлъ банка, они превратились въ мародеровъ и стали трудиться надъ окончательнымъ разграбленіемъ мертвеца".

На возраженіе защиты, что только ничтожная часть членовъ совѣта воспользовалась агоніей банка для спасенія собственныхъ капиталовъ (Борисовскій, Шумахеръ), между тѣмъ какъ всѣ рѣшительно члены совѣта пришли къ тому заключенію, что закрывать не слѣдуетъ, товарищъ прокурора настаивалъ на томъ, что это совершенно безразлично, такъ какъ эти в с ѣ могли не закрывать банка именно ради того, чтобы угодить нѣкоторымъ лицамъ и дать имъ возможность продать акціи и взять свои вклады. Такой мотивъ преступленія (если считать преступленіемъ послѣднюю попытку членовъ совѣта поддержать еще существованіе банка), представлялся защитѣ въ высшей степени невѣроятнымъ.

Присяжные засѣдатели въ своемъ приговорѣ обнаружили наиболѣе глубокое и всестороннее пониманіе самой сущности вопроса. Они признали, что банкъ дѣйствительно не былъ закрытъ своевременно и что вслѣдствіе этого произошло множество пагубныхъ послѣдствій: вклады принимались въ то время, какъ банкъ уже не могъ удовлетворять всѣхъ вкладчиковъ; продажа акцій Борисовскимъ и полученіе Шумахеромъ вклада—все это могло случиться только вслѣдствіе несвоевременнаго опечатанія банка. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, присяжные не нашли возможнымъ вмѣнить кому-либо изъ членовъ совѣта въ вину самаго факта несвоевременнаго закрытія банка.

Такой отвѣтъ присяжныхъ глубоко справедливъ, съ какихъ бы точекъ зрѣнія на него ни взглянуть. Изъ цѣлой массы противорѣчивыхъ доводовъ обвинителей и защитниковъ присяжные съумѣли отбросить все, что шло въ разрѣзъ съ истиной, и потому ихъ вердиктъ логически правильно вытекаетъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя по этому вопросу были обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ. Поэтому любопытно прослѣдить ближе въ фактическихъ обстоятельствахъ дѣла тѣ основанія, по которымъ присяжные не рѣшились обвинить никого въ той явной и пагубной оплошности членовъ, которая никѣмъ не отрицалась.

Опасное положеніе банка окончательно выяснилось для членовъ совѣта 5-го октября. Объ этомъ единогласно показали всѣ служащіе въ банкѣ. Насколько цѣнны были струсбергскія обезпеченія — также не могло быть ни для кого сомнѣнія уже 5-го октября. „Весь этотъ день, — показывалъ на судѣ кассиръ Толмачевъ и другіе служащіе въ банкѣ лица,—членъ правленія Милліоти (первый наткнувшійся на злоупотребленія въ иностранномъ отдѣленіи и настоявшій на немедленной ревизіи отдѣленія совѣтомъ), совершенно растерявшись и плача, объявлялъ всѣмъ по-очереди, что Струсбергу выдано семь милліоновъ рублей почти безъ всякой гарантіи, и что всѣ они теперь нищіе". Неожиданными открытіями внезапной ревизіи члены совѣта, какъ они это и утверждали на судѣ, были такъ испуганы, что положительно не знали, что имъ дѣлать. Испугаться было чего, такъ какъ на покрытіе злополучныхъ операцій иностраннаго отдѣленія со Струсбергомъ ушелъ не только весь складочный капиталъ банка (3.000.000 рублей), но и 4.000.000 изъ капитала пришлаго, чужого, изъ денегъ вкладчиковъ.

Совѣту, конечно слѣдовало предпринять что-нибудь рѣшительное, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. И вотъ Борисовскій, Шумахеръ и нѣкоторые другіе члены совѣта утверждаютъ, что въ тотъ-же день, т. е. 5-же октября, въ засѣданіи совѣта они выразили мнѣніе о необходимости немедленно закрыть банкъ. Но почему-же, въ такомъ случаѣ, одержало верхъ противное мнѣніе?

Первое разъясненіе этому мы находимъ въ показаніяхъ одного изъ служащихъ въ банкѣ, помощника бухгалтера Шиллера. Онъ говоритъ, что вечеромъ 5 октября „всѣ члены совѣта были въ сильномъ переполохѣ, какъ будто бы случилось что-то ужасное. Выражали предположеніе, что банкъ, можетъ быть, завтра уже будетъ закрытъ". Но за тѣмъ вышли директоры и объявили неожиданно, что „дѣло вовсе не такъ плохо, лишь бы публика не стала требовать обратно свои вклады".

Такимъ образомъ, первое, по ихъ мнѣнію, „отрезвляющее" слово сказали директора банка, т. е. все тѣ-же Ландау и Полянскій. Они, „знатоки банковаго дѣла", втянувшіе банкъ въ мертвую петлю, находили, съ точки зрѣнія банковской казуистики — что „дѣло еще не такъ плохо".

„Дѣло не такъ плохо, лишь бы публика не стала требовать своихъ вкладовъ!—вотъ истинный девизъ банковой политики, вотъ тѣ магическія слова, которыя можно было бы начертать на дверяхъ не одного банковаго учрежденія. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта немудреная политика не спасала уже отъ неизбѣжнаго краха множество банковъ, зарывшихся, не хуже московскаго ссуднаго банка, въ самыхъ невозможныхъ, въ самыхъ рискованныхъ операціяхъ? Мудрое правило, преподанное еще Наполеономъ I французскимъ банкамъ (Note à la banque de France, 20 mai 1810), очевидно не получило еще права гражданства ни въ одномъ изъ нашихъ банковъ. Въ императорской нотѣ, между прочимъ, предписывается банкамъ: „всегда быть наготовѣ къ ликвидаціи своихъ дѣлъ“, во-первыхъ, по отношенію къ своимъ вкладчикамъ, затѣмъ относительно реализаціи своего портфеля и, наконецъ, по отношенію къ акціонерамъ. „Чтобы никогда не прекратить своего существованія, банкъ всегда долженъ быть наготовѣ покончить съ нимъ“.

Приведенныя мудрыя правила, конечно, были небезызвѣстны и такимъ опытнымъ банковымъ дѣльцамъ, какъ Ландау и Полянскій. Можно живо себѣ представить, въ чемъ именно заключались доводы, которыми они убѣдили членовъ совѣта „повременить закрытіемъ“ банка, утверждая, что эта послѣдняя мѣра „будетъ еще всегда во время“. Ихъ аргументы были въ родѣ тѣхъ, которыми оправдывалъ себя на судѣ и Струсбергъ: „были банки и раньше и точно также рушились, но никто изъ этого не дѣлалъ трагедіи“! При этомъ они могли посулить надежду, что не все еще, быть можетъ, потеряно, и „подоспѣетъ помощь“. Членамъ совѣта оставалось только повѣрить всѣмъ этимъ утѣшеніямъ и по примѣру прочихъ банковыхъ учрежденій, испытавшихъ подобныя-же замѣшательства, возложить всѣ надежды и упованія на „благополучный исходъ ходатайства депутаціи передъ министерствомъ финансовъ объ оказаніи банку необходимой помощи“.

Всѣ наши, такъ называемые, „практическіе дѣятели“ въ большей или меньшей степени склонны къ дробному размежеванію сферы нравственности и законности особыми перегородками. У насъ въ сферѣ практической жизни не одна

нравственность и не одна законность; ихъ множество. Такъ повелось у насъ, что даже совершенно частное учрежденіе, разъ принадлежа къ извѣстному „вѣдомству“, держится исключительно той системы нравственности и законности, которая въ данномъ вѣдомствѣ практикуется, не заботясь затѣмъ уже болѣе ни о чемъ.

Наши коммерческіе банки (а въ томъ числѣ и бывшій московскій ссудный банкъ), состоя въ вѣдѣніи министерства финансовъ, склонны считать себя какими-то „малолѣтками“, вѣчно ждущими указаній и разъясненій. Въ уставѣ московскаго ссуднаго банка, правда, существуетъ даже параграфъ (§ 69), который гласитъ, что, „въ случаѣ недоразумѣній, таковые разъясняются министромъ финансовъ“. Но наши банковые дѣятели повинны въ чрезмѣрно широкомъ толкованіи этого параграфа. При малѣйшемъ сомнѣніи или недоумѣніи, въ большинствѣ случаевъ проистекающемъ лишь отъ незнакомства съ соотвѣтствующими узаконеніями, вмѣсто того, чтобы самимъ вникнуть въ смыслъ и значеніе устава и сообразить его велѣнія сопоставленіемъ съ общими законами, какъ это дѣлаетъ любой юристъ, когда ему приходится руководствоваться какимъ-нибудь спеціальнымъ закономъ, эти господа немедленно ссылаются на спасительный § 69 и бездѣйствуютъ „въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній“. Такъ въ практикѣ московскаго ссуднаго банка встрѣтилось, напримѣръ, мало основательное сомнѣніе по вопросу о томъ, могутъ ли акціонеры являться въ общія собранія по свидѣтельствамъ на заложенныя акціи? Совѣтъ воздержался отъ всякаго заключенья и тотчасъ-же обратился за разъясненіемъ къ министерству финансовъ. Послѣднее и высказалось въ томъ смыслѣ, что предъявленіе такихъ свидѣтельствъ „можетъ быть допущено“ наравнѣ съ предъявленіемъ самихъ акцій.

Какъ-же велико должно было быть изумленіе всѣхъ этихъ банковыхъ дѣльцовъ, привыкшихъ ходить на помочахъ, когда судъ даже не принялъ для прочтенія этого разъясненія министерства финансовъ, низведя его на степень простого мнѣнія эксперта, которое, какъ извѣстно, можетъ быть излагаемо на судѣ только словесно и должно вынести все бремя перекреснаго допроса, прежде чѣмъ стать настоящимъ актомъ экспертизы.

Что-же предпринялъ совѣтъ послѣ того, какъ было рѣшено „не спѣшить“ закрытіемъ банка? Рѣшиться на что нибудь было необходимо, но рѣшеніе ни откуда не подсказывалось. Пожелали узнать „мнѣніе представителей другихъ банковъ“. Тѣ, разсмотрѣвъ обезпеченія Струсбера, не согласились дать подъ нихъ ни гроша денегъ, такъ какъ признали ихъ абсолютно безцѣнными, но „закрывать банка не посовѣтовали“. Тогда заправилы банка снарядили въ Петербургъ „депутацію“, чтобы ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ объ оказаніи банку „помощи“. Представители другихъ банковъ, въ свою очередь, оказали „товарищескую поддержку погибающему собрату“—за общею подписью „послали г министру финансовъ телеграмму, въ которой просили не отринуть ходатайство депутаціи“.

Увѣренность членовъ совѣта въ томъ, что помощь банку будетъ оказана не представлялась абсолютно необоснованною. Чѣмъ объяснить иначе коллективное ходатайство представителей всѣхъ другихъ банковъ? Очевидно, на этотъ счетъ имѣлись прецеденты въ практикѣ другихъ банковъ, которые въ подобныхъ-же затруднительныхъ случаяхъ, быть можетъ не разъ, были спасаемы отъ крушенія только экстренными субсидіями.

Какъ извѣстно, на этотъ разъ „въ помощи было отказано“. На запросъ-же членовъ совѣта о томъ, какъ имъ поступить и закрыть ли банкъ немедленно, министерство дипломатично отвѣчало, что это дѣло не его и что „всего лучше посовѣтоваться съ юристами“... Тогда депутація вернулась обратно въ Москву, и банкъ былъ наконецъ закрытъ.

Присяжные засѣдатели, какъ мы уже объ этомъ упоминали, никому изъ членовъ совѣта не вмѣнили въ вину неправильнаго пониманія ими своихъ обязанностей въ эту трудную для нихъ минуту. Очевидно, что и самая несвоевременность закрытія банка, констатированная ими лишь какъ фактъ, получила иное нравственное значеніе въ ихъ глазахъ, и они несогласились съ мнѣніемъ прокуратуры. И дѣйствительно, самую несвоевременность закрытія банка невозможно было характеризовать въ томъ одностороннемъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ товарищъ прокурора; невозможно было стоять на томъ, что это было „сознательно-преступное отсрочиваніе

закрытія банка“ съ исключительною цѣлью дать возможность лицамъ, стоящемъ во главѣ управленія, поживиться на чужой счетъ, успѣть спасти свои собственные капиталы въ ущербъ заурядным вкладчикамъ.

Конечно, еслибы пятаго-же октября состоялось постановленіе совѣта о закрытіи банка, то, нѣтъ спора, что привилегированные вкладчики, и предупрежденные акціонеры не успѣли-бы выхватить каштановъ изъ огня и что, поэтому, двумя милліонами оказалось-бы болѣе въ распоряженіи ликвидаціонной коммиссіи для распредѣленія поровну между вкладчиками. Но, во всякомъ случаѣ, обстоятельства дѣла говорили сами за себя. Послѣдствія незакрытія банка невозможно превращать въ цѣль и, такимъ образомъ, безъ достаточнаго основанія ставить одно преступленіе мотивомъ другого.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ о виновности членовъ совѣта въ мошенничествѣ, намъ слѣдуетъ остановиться еще на одномъ характерномъ эпизодѣ, обнаружившемся на судебномъ слѣдствіи именно по этому отдѣлу обвиненія.

Въ числѣ другихъ членовъ совѣта, обвинявшихся въ несвоевременномъ закрытіи банка, въ обвинительномъ актѣ былъ поименованъ и г. Сорокоумовскій. Вслѣдъ за прочтеніемъ обвинительнаго акта, еще до начала слѣдствія, защита, съ удостовѣреніемъ мѣстной полиціи въ рукахъ, заявила, что ея кліентъ, очевидно, лишь по ошибкѣ, попалъ въ списокъ обвиняемыхъ по этому отдѣлу, такъ какъ весь періодъ времени отъ пятаго октября и до дня опечатанія банка онъ не участвовалъ ни въ одномъ засѣданіи совѣта по той простой причинѣ, что былъ въ это время заграницей. Товарищъ прокурора заявилъ на это, что объ этомъ „свѣдѣній во время предварительнаго слѣдствія не было“. Тогда защитникъ возразилъ, что Сорокоумовскій на это обстоятельство указывалъ, и тогда-же представлялъ справку, которая и находится при дѣлѣ. Товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи ни однимъ словомъ не удостовѣрилъ ошибки, вкравшейся въ обвинительный актъ, а заявленіе защитника Сорокоумовскаго просто обошелъ молчаніемъ.

Это обстоятельство подало поводъ защитѣ выяснить

подробнѣе, какъ могла произойти столь печальная ошибка въ обвинительномъ актѣ.

„Да,—говорилъ защитникъ, *)—это вопросъ весьма важный, весьма щекотливый и тяжелый. Этотъ вопросъ бросаетъ тѣнь на все производство по настоящему дѣлу. Я беру послѣдній томъ печатныхъ протоколовъ и вижу, что послѣдній протоколъ составленъ *17* марта 1876 года. Отъ этого протокола я обращаюсь къ послѣдней страницѣ обвинительнаго акта; изъ нея я вижу, что обвинительный актъ утвержденъ опредѣленіемъ московской судебной палаты *31* марта 1876 года. Когда я сопоставилъ эти даты, то я сначала не повѣрилъ самому себѣ. Для того, чтобы вы поняли мое удивленіе, я изложу въ двухъ словахъ, какъ идетъ дѣло отъ слѣдователя въ судебную палату. 17 марта былъ составленъ послѣдній протоколъ и сдѣланъ былъ послѣдній допросъ. Допустимъ, что 17-же марта было окончено слѣдствіе. Затѣмъ, 17-же марта дѣло было отправлено къ прокурору окружнаго суда, который, получивъ слѣдственное производство, долженъ написать обвинительный актъ. Что бы ни говорили мои товарищи по защитѣ по поводу этого обвиинительнаго акта, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что это есть большой трудъ. Это цѣлая глава уголовнаго романа. Я не отрицаю въ моемъ противникѣ литературнаго таланта: обвинительный актъ этотъ читается весьма легко, какъ любой романъ. Слѣдовательно, чтобы его написать, надо было потратить весьма много времени. При самомъ усидчивомъ трудѣ, несмотря на талантъ, который я признаю въ моемъ противникѣ, нельзя было написать обвительный актъ ранѣе чѣмъ въ восемь, девять дней. Можетъ быть, г. товарищъ прокурора скажетъ, что этого времени даже недостаточно, но кладу восемь дней. Мы знаемъ уже. что дѣло поступило къ прокурору окружнаго суда не ранѣе 17 марта, слѣдовательно, обвинительный актъ былъ готовъ 25 марта и въ этотъ-же день былъ переданъ прокурору судебной палаты для внесенія обвинительнаго акта въ судебную палату. Гг. присяжные засѣдатели! мы сидѣли здѣсь

*) Защитникомъ Сорокоумовскаго былъ, нынѣ уже умершій, присяжный повѣренный Е. И. Утинъ.

болѣе двухъ недѣль, и въ теченіи этого времени въ подробностяхъ разбирали дѣло. Оно состоитъ изъ пятнадцати огромныхъ томовъ, изъ цѣлой кипы вещественныхъ доказательствъ. Для того, чтобы провѣрить этотъ обвинительный актъ, что-бы знать, за что предаются люди суду, чтобы не сажать на скамью подсудимыхъ невиновныхъ людей — нужно знать, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Теперь спрашиваю: знала-ли московская судебная палата, за что обвиняетъ этихъ людей? 25 марта дѣло было у прокурора судебной палаты, 26 числа оно было представлено въ судебную палату, а 31 марта ею былъ уже утвержденъ обвинительный актъ. Такимъ образомъ ошибка, которая была допущена относительно Сорокоумовскаго, объясняется очень просто: судебная палата вовсе не читала этого дѣла. Я думаю, что въ этомъ все зло настоящаго дѣла. Я думаю, что это и было причиной того, что на скамью подсудимыхъ посадили цѣлый рядъ невиновныхъ людей"!

Сопоставленіе чиселъ, сдѣланное защитникомъ, не могло оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что „судебная палата дѣйствительно не имѣла возможности прочесть все подлинное производство", и такимъ образомъ провѣрить правильность преданія суду.

Какъ бы то ни было, предсѣдатель въ своемъ резюме счелъ нужнымъ указать присяжнымъ на то, что ошибка, отрицаемая прокуроромъ, „очевидна" и не подлежитъ сомнѣнію. Судъ не вправѣ не поставить вопроса о виновности Сорокоумовскаго въ мошенничествѣ, такъ какъ онъ былъ преданъ суду въ установленномъ порядкѣ. Но предсѣдатель суда полагалъ, что онъ „не выскажетъ своего мнѣнія", если скажетъ, что „присяжные должны оправдать Сорокоумовскаго".

Указывая выше, что далеко не всѣ члены совѣта воспользовались шестидневной агоніей банка для извлеченія оттуда своихъ вкладовъ и для выгодной продажи акцій, мы въ противоположность имъ называли Борисовскаго и Шумахера. Дѣйствительно, только эти два лица и признаны виновными. Обвиненіе подводило дѣянія обоихъ этихъ лицъ подъ понятіе мошенничества, и лишь по поводу такой, по мнѣнію защиты, неправильной юридической квилификаціи шелъ весь споръ на судѣ.

Борисовскій продажи акцій не отрицалъ и даже запоздало

въ этомъ каялся. Защитникъ его стоялъ на „безнравственности даже грѣховности“ такого поступка, но отрицалъ чтобы это было преступленіе, предусмотрѣнное нашимъ уголовнымъ кодексомъ.

Безъ сомнѣнія, подобное, выражаясь словами товарища прокурора, „мародёрство“, которымъ не побрезгалъ солидный комерсантъ г. Борисовскій,—глубоко безнравственно, а какъ дѣйствіе совершенное, предсѣдателемъ совѣта банка, едва-ли не преступно. Но намъ невольно приходитъ по этому поводу на память примѣръ подобной-же „безгрѣшной спекуляціи“, приводимый Прудономъ, въ его „Manuel du spéculateur à la bourse“. Опредѣляя понятіе спекуляціи въ ея чистомъ видѣ, какъ могущественнаго фактора экономической жизни, Прудонъ показываетъ и оборотную сторону медали. Онъ говоритъ, что „часто подъ именемъ спекуляціи праздность, интрига, ловкое шулерство пожираютъ общественное богатство и поддерживаютъ хроническую нищету рода человѣческаго“. Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, изъ которыхъ мы выберемъ только одинъ.

„Министръ, личное состояніе котораго заключается въ 50.000 ливрахъ въ государственныхъ, процентныхъ бумагахъ, узнаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что между правительствомъ, которому онъ служитъ, и иностранной державой существуетъ такое политическое затрудненіе, изъ котораго неизбѣжно должно произойти объявленіе войны. Онъ спасаетъ свое имущество, продавая свои бумаги по 92%, когда навѣрное знаетъ, что черезъ недѣлю онѣ упадутъ до 80%. Подобное дѣйствіе министра, какъ министра, уже позорно: это есть своего рода дезертирство. Но онъ идетъ дальше: недовольный измѣннническимъ спасеньемъ своихъ капиталовъ, онъ, подъ прикрытіемъ агента, начинаетъ играть на пониженіе и въ двѣ недѣли наживаетъ нѣсколько милліоновъ. Вѣдь это въ сущности дневной грабежъ; а между тѣмъ биржевой міръ допускаетъ, терпитъ, извиняетъ подобныя дѣйствія. Это болѣе не измѣна на современномъ языкѣ: имя этому—спекуляція“.

Продажа Борисовскимъ акцій московскаго ссуднаго банка точно такой-же „дневной грабежъ“, который привыкли однако, мѣрить двойною мѣркою. Остается радоваться, что общественное мнѣнье наше, въ лицѣ московскихъ присяжныхъ засѣдателей, съумѣло избрать настоящую мѣрку.

Что касается до г. Шумахера, полученіе которымъ съ текущаго счета собственнаго своего вклада признавалось обвинительною властью также мошенничествомъ, то по этому пункту обвиненія какъ онъ самъ, такъ и защитникъ его, безусловно отрицали предосудительность его поступка, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Банкъ не былъ закрытъ, деньги, находившіяся въ кассѣ, не составляли еще ликвидаціонной массы, каждый предъявитель чека былъ, слѣдовательно, въ своемъ правѣ, получая по немъ деньги.

Относительно добровольнаго возврата своего вклада г. Шумахеръ давалъ подробныя разъясненія. Это не было, говорилъ онъ, „подбрасываніе краденой вещи изъ страха наказанія“, какъ полагалъ г. прокуроръ; не могло быть этого, потому что не было самой кражи. Собственное имущество не можетъ быть объектомъ кражи или мошенничества. Онъ возвратилъ деньги, „руководствуясь исключительно нравственными мотивами, не всякому доступными“. Взялъ онъ свой вкладъ еще въ ту минуту, когда былъ глубоко убѣжденъ, что банку будетъ оказана своевременная помощь; возвратилъ черезъ нѣсколко дней, когда увидѣлъ, что банкъ долженъ быть закрытъ. Для того, чтобы говорить о мошенничествѣ, нужно доказать, что былъ пущенъ въ ходъ обманъ, и притомъ съ корыстною цѣлью. Какая можетъ быть корыстная цѣль въ желаніи получить свои собственныя деньги, какой обманъ скрывается въ предъявленіи чека?

Шумахеръ былъ обвиненъ присяжными въ полученіи своего вклада при тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ говорилось въ обвинительномъ актѣ. Защита по прочтеніи вердикта присяжныхъ просила судъ признать Шумахера свободнымъ отъ суда, на томъ основаніи, что фактическія обстоятельства, признанныя присяжными, не заключаютъ въ себѣ признаковъ какого бы то ни было преступленія. Судъ однако же призналъ Шумахера виновнымъ въ мошенничествѣ. *).

Если по тѣмъ отдѣламъ обвиненія, которыя мы до сихъ поръ разсмотрѣли, дѣлалось изъятіе въ пользу тѣхъ или другихъ членовъ совѣта, не участвовавшихъ, по мнѣнію обвинителя, либо въ подложномъ составленіи отчетовъ, либо

*) Сенатъ впослѣдствіи отмѣнилъ въ этой части приговоръ суда.

въ мошенничествѣ, т. е. несвоевременномъ закрытіи банка, за то по обвиненію „въ нерадѣніи“ и „въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ“ не дѣлалось исключенія ни для одного изъ членовъ совѣта. Всѣ они отъ перваго и до послѣдняго признавались въ этомъ повинными.

Не смотря на то, что это обвиненіе не грозило ни чести, ни доброму имени подсудимыхъ пренія сторонъ по этому отдѣлу отличались особою страстностью, особою стремительностью На помощь прокурору явились повѣренные гражданскихъ истцовъ, утверждавшіе, что струсбергскія операціи никогда бы не могли взорвать банка на воздухъ, если-бы дѣятельность контролирующаго учрежденія, совѣта. велась правильно. Открытіе злоупотребленій не было такимъ невозможнымъ дѣломъ, какъ это желаютъ представить члены совѣта, по книгамъ все можно было видѣть. Одно имя Струсберга должно уже было внушить членамъ совѣта опасенія за участь банка. Довѣріемъ къ членамъ правленія они не могутъ отговариваться, потому что довѣріе это сводилось къ тому, чтобы закрывать глаза и затыкать уши. Въ концѣ-концовъ, доводы всѣхъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ сводились къ одному: „члены совѣта должны быть обвинены въ нерадѣніи, такъ какъ отъ этого зависитъ полное удовлетвореніе всѣхъ гражданскихъ исковъ“.

Защитники членовъ совѣта съ неменьшею горячностью отстаивали своихъ кліентовъ, и требовали доказательствъ нерадѣнія и небрежнаго отношенія къ дѣлу каждаго отдѣльнаго члена совѣта. Защитники не допускали и рѣчи о какой-либо круговой порукѣ въ уголовномъ дѣлѣ. Затѣмъ, каждый изъ защитниковъ пересчитывалъ всѣ засѣданія совѣта, которыя посѣщалъ его кліентъ, всѣ спеціальныя обязанности, которыя на немъ лежали, въ качествѣ члена совѣта, и приходилъ къ тому заключенію, что ни одинъ общественный дѣятель у насъ, къ какой бы сферѣ общественной жизни ни принадлежалъ родъ его дѣятельности, не могъ бы обнаружить болѣе рвенія и болѣе добросовѣстности при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Затѣмъ указывалось на безвозмездность службы членовъ совѣта, на отсутствіе какихъ-либо выгодъ отъ этого, и наконецъ на то, что большинство членовъ совѣта приняло на себя эту должность противъ

воли, вслѣдствіе настояній и исключительно ради общественнаго служенія. Защитниками было указываемо также на параграфы устава, въ которыхъ опредѣлялись случаи денежной отвѣтственности членовъ правленія, но подобныхъ же параграфовъ, которые бы опредѣляли случаи денежной отвѣтственности членовъ совѣта,—они не находили. Въ дѣятельности членовъ совѣта могла быть неумѣлость, могли быть ошибки, но нерадѣнія, явнаго уклоненія отъ своихъ обязанностей не было. Операціи Струсберга не были открыты во-время вовсе не потому, что не было никакихъ ревизій не было никакого надзора, а потому, что и самыя тщательныя ревизіи не могли бы ничего открыть, такъ какъ истинные виновники тщательно скрывали отъ ревизоровъ настоящее положеніе дѣлъ. Ставить совѣту въ вину то, что его обманули, невозможно, такъ какъ всѣ концы тщательно прятали. Полянскому всѣ безусловно довѣряли, и если онъ не оправдалъ этого довѣрія, то за что же его вина должна лечь на членовъ совѣта? Въ банкѣ завелся домашній воръ, а отъ домашняго вора, какъ извѣстно, не убережешься. Таковы были доводы защиты.

На ряду съ отрицаніемъ самаго факта нерадѣнія, защитники старались ослабить впечатлѣніе, которое могли произвести на присяжныхъ указанія повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ на массу разоренныхъ лицъ, которыя ждутъ ихъ приговора какъ спасенія для себя. Прежде всего напоминалось о томъ, что вся масса истинно-разоренныхъ, истинныхъ бѣдняковъ, т. е. масса мелкихъ вкладчиковъ, давнымъ давно уже удовлетворена. Всѣ вкладчики, вклады которыхъ не превышали 8.000, дѣйствительно удовлетворены полнымъ рублемъ, остальные не дополучили всего 24%. Что же касается до акціонеровъ, то ихъ, какъ гражданскихъ истцовъ по настоящему дѣлу,—по выраженію одного изъ защитниковъ—„слѣдовало самихъ оставить въ сильномъ подозрѣніи“. Члены совѣта—тоже акціонеры московскаго ссуднаго банка и въ такой-же степени разорены, какъ и всѣ прочіе. Несостоятельность самаго ихъ обвиненія именно въ томъ и выражается, что они въ одно и то же время и подсудимые, и потерпѣвшіе. Говоря о „нерадѣніи“ ихъ, какъ о преступленіи, подразумѣвается, очевидно, сознательное, умышленное

нерадѣніе. Но кто-же сознательно, умышленно станетъ способствовать своему собственному разоренію?

Въ такомъ видѣ вопросъ о преступномъ нерадѣніи членовъ совѣта предсталъ на окончательное разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Какъ извѣстно, отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Присяжные отвергли самый фактъ нерадѣнія.

Эта часть вердикта, прямо касавшаяся матеріальныхъ интересовъ, была встрѣчена съ особеннымъ неудовольствіемъ общественнымъ мнѣніемъ.

Вѣра въ обвинительный приговоръ членовъ совѣта если и не покоилась на твердыхъ, незыблемыхъ основаніяхъ фактической доказанности ихъ вины, то опиралась, во всякомъ случаѣ, на то предположеніе, что присяжные не захотятъ отпустить изъ залы суда гражданскихъ истцовъ, не удовлетворивъ ихъ требованій. Присяжные-же въ своемъ приговорѣ руководились, очевидно, тѣмъ соображеніемъ, что въ дѣлѣ уголовномъ, гдѣ рѣчь можетъ быть лишь объ отвѣтственности за ближайшія послѣдствія совершеннаго противозаконнаго дѣянія, прежде всего должна быть доказана наличность самаго дѣянія, должны быть въ точности опредѣлены его характеръ и размѣры. Обвиненіе-же по этому отдѣлу именно отличалось крайнею расплывчатостью и неопредѣленностью, вращаясь почти исключительно въ области чувствительныхъ ламентацій (гражданскихъ истцовъ) и общихъ мѣстъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что положеніе большинства гражданскихъ истцовъ и именно акціонеровъ, понесшихъ наиболѣе крупные убытки, выяснились далеко не къ ихъ авантажу.

Своимъ бездѣйствіемъ и безучастіемъ къ дѣламъ банка они сами близки были къ „нерадѣнію“.

Одно время слышно было, что явилась партія, желавшая дѣлать замѣчанія, и начала ихъ дѣлать, но она была такъ ничтожна, что послѣ одного, двухъ возраженій партія замолкла и затѣмъ уже болѣе не появлялась.

Наконецъ, было много и такихъ акціонеровъ, которые пріобрѣтали акціи для спекуляціи, для биржевой игры; понятно, что такихъ акціонеровъ весьма мало интересовали

дѣла банка; они если и заглядывали въ ежегодные отчеты, то лишь затѣмъ, чтобы рѣшить, какъ имъ играть: на повышеніе или на пониженіе. На судѣ фигурировало много и такихъ лицъ, которыя сдѣлались акціонерами уже послѣ краха, покупая акціи по упавшей до minimum'а цѣнѣ; они явились гражданскими истцами въ полномъ номинальномъ размѣрѣ цѣны ихъ акцій.

Въ концѣ концовъ съ непреложною очевидностью выяснилось на судѣ, что дѣйствительныхъ акціонеровъ, истинныхъ хозяевъ банка было достаточно, и что если-бы они своевременно пожелали провести что-либо самостоятельное, то численностью голосовъ они всегда могли бы раздавить всякую заранѣе подстроенную партію и разогнать скопище подставныхъ акціонеровъ. Такимъ образомъ та масса гражданскихъ истцовъ, которая теперь засѣдала въ судѣ, сама того не подозрѣвая, была попустителемъ преступниковъ, такъ нагло расхитившихъ банкъ. Если-бы они столь же усердно посѣщали общія собранія, какъ исправно каждое утро ломились въ залу суда, кто знаетъ, можетъ быть ни Ландау, ни Полянскій, ни самъ всемогущій Струсбергъ не могли бы явиться тѣми беззастѣнчивыми хищниками, какими они проявили себя теперь.

Вопросомъ о „нерадѣніи“ заканчивался рядъ отдѣловъ обвиненія противъ подсудимыхъ, членовъ правленія и членовъ совѣта погибшаго банка.

Общій характеръ вердикта присяжныхъ возможно истолковать въ томъ смыслѣ, что присяжные при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимыхъ имѣли въ виду не одну только формальную истину, на которой настаивало обвиненіе. Никто изъ членовъ правленія не понесъ отвѣтственности только за то, что былъ членомъ правленія московскаго ссуднаго банка; точно такъ же члены совѣта, какъ члены совѣта, всѣ безусловно оправданы. Полянскій и Ландау—обвинены за вполнѣ доказанныя, лично ими совершенныя, преступленія; Борисовскій же и Шумахеръ, хотя и стояли во главѣ совѣта, признаны виновными только въ тѣхъ проступкахъ, которые не имѣли прямой связи съ дѣятельностью ихъ какъ членовъ совѣта.

Подобный исходъ процесса имѣетъ свое поучительное значеніе не по отношенію лишь къ банкамъ.

Обвиненіе (изъ двадцати-четырехъ обвиняемыхъ) успѣло передъ судомъ общественной совѣсти доказать виновность лишь пяти лицъ. Что же это означаетъ?

Очевидно, при постановкѣ обвиненія, большое мѣсто было отведено „личнымъ взглядамъ“, которые не могли имѣть убѣдительной силы для присяжныхъ, и это было слабою стороною обвиненія. Противъ такихъ „личныхъ взглядовъ“ обвинителей ничего нельзя было бы возразить, если-бы дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, не возбуждало столько юридическихъ вопросовъ самаго разнообразнаго хрректера.

Спеціально же по отношенію къ банковскому дѣлу приходится также пожалѣть, что вопросы экономическіе и финансовые не нашли у обвинительной власти того всесторонняго освѣщенія, которое было необходимо для того, чтобы само обвиненіе имѣло возможность ориентироваться въ массѣ любопытнѣйшаго матеріала добытаго судебнымъ слѣдствіемъ. Быть можетъ, при болѣе интенсивномъ освѣщеніи матеріала слѣдствія обвинительной власти пришлось бы отмежевать себѣ гораздо болѣе тѣсный кругъ для криминальнаго воздѣйствія; но за то ужъ можно было бы поручиться, что въ этомъ сравнительно тѣсномъ кругѣ она бы предстала во всеоружіи. Въ настоящемъ же процессѣ сила обвиненія не соотвѣтствовала широтѣ его розмаха. Оно обѣщало слишкомъ много.

Вотъ причина, по которой, не смотря на поддержку общественнаго мнѣнія, оно оказалось въ послѣднюю минуту столь слабымъ. Это поучительно.

Дѣло правосудія, какъ и банковское дѣло, любитъ точный и правильный подсчетъ. И тамъ и здѣсь должны быть вѣрные и точные „балансы“.

Въ круглой залѣ московскаго суда.

Намъ довелось быть въ залѣ засѣданія суда въ самый интересный, оживленный моментъ Струсберговскаго процесса, когда пренія сторонъ были уже въ полномъ разгарѣ, страсти разгорались и участь подсудимыхъ не сегодня-завтра должна была рѣшиться окончательно.

Громадная круглая зала суда, великолѣпно отдѣланная старинными барельефами и символическими надписями — настоящій „храмъ правосудія“ — была буквально запружена народомъ. Въ корридорѣ, у подъѣзда, всюду толпились массы, тщетно пытавшіяся проникнуть въ залу засѣданія. Все было полно. Длинные, вмѣстительные хоры, въ видѣ сплошной галлереи опоясывающіе глубокій куполъ залы, вмѣщали въ себѣ множество зрителей, успѣвшихъ забраться сюда до начала засѣданія; внизу было отведено мѣсто для публики привилегированной. для лицъ, снабженныхъ особыми билетами за подписью предсѣдателя суда.

Впечатлѣніе, которое мы испытали, войдя въ первый разъ при вечернемъ освѣщеніи въ залу засѣданія суда, было весьма сильно. Великолѣпная, торжественная, полная внушительнаго достоинства обстановка.

Въ первую минуту вы даже хорошенько разобраться не можете въ томъ, что видите: сплошная масса неподвижныхъ, сосредоточенно наклоненныхъ головъ... Всѣ возвышенія и, вообще, всѣ особенности размѣщенія дѣйствующихъ лицъ на первый взглядъ скрадываются. Подсудимаго вы готовы искать въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, а двухъ прокуроровъ, сидящихъ за отдѣльнымъ столомъ, принимаете за

судебныхъ приставовъ, помѣщенныхъ всѣхъ выше для того, чтобы наблюдать за сохраненіемъ порядка въ тысячеголовой, волнующейся массѣ зрителей...

Но мало-по-малу глазъ привыкаетъ, и вы начинаете различать отдѣльные группы.

Прямо противъ васъ, т.-е. противъ мѣстъ для публики, на возвышеніи расположился судъ. Три члена суда съ предсѣдателемъ во главѣ — сидятъ за отдѣльнымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; передъ ними зерцало. Налѣво отъ суда, въ значительномъ отдаленіи, но на томъ-же возвышеніи — два обвинителя, представители прокурорскаго надзора, направо—секретарь со своими двумя помощниками. Внизу, непосредственно у подножья суда, на сторонѣ прокуроровъ, размѣщены присяжные засѣдатели, а прямо, напротивъ нихъ, у того-же подножья, подсудимые съ ихъ защитниками. Гражданскіе истцы и ихъ повѣренные замыкаютъ карэ, занимая переднія скамьи зрителей, обративъ, такимъ образомъ, свои взоры къ суду и обернувшись спиной къ публикѣ.

Посреднѣ четыреугольника, образованнаго, такимъ образомъ, у подножья суда, находится небольшая каѳедра, гдѣ даютъ свои объясненія какъ защитники подсудимыхъ, такъ и повѣренные гражданскихъ истцовъ, каждый въ свою очередь. У прокуроровъ есть своя каѳедра, она помѣщена на возвышеніи, но при этомъ такъ неудобно, что присяжнымъ засѣдателямъ, для того, чтобы слушать обвинителей, каждый разъ приходится самымъ неестественнымъ образомъ выворачивать шеи и держать все время головы поднятыми вверхъ.

Наши посѣщенія залы засѣданія начались сравнительно поздно: истекалъ уже восемнадцатый день безпрерывнаго разбирательства. Мы ждали найти всѣхъ участниковъ процесса утомленными, охваченными объятіями если не Морѳея, то монотонной, еле переступающей съ ноги на ногу апатіи. Ничуть не бывало: энергія, повидимому, совершенно истощенная безконечнымъ теченіемъ необыкновенно сложнаго и запутаннаго судебнаго слѣдствія, вспыхнула съ новою силою, какъ только начались пренія

Двѣ тщедушныя, болѣзненныя на видъ фигуры прокуроровъ, совсѣмъ было исчезнувшія въ ихъ глубокихъ, мягкихъ

креслахъ, разомъ подтянулись и выпрямились, какъ бы держа себя на готовѣ. Повѣренные гражданскихъ истцовъ самоувѣренно пріосанились, а подсудимые усиленно и всѣ разомъ, точно по командѣ, зашептались со своими защитниками.

Одни только присяжные засѣдатели, храня на своихъ блѣдныхъ, утомленныхъ лицахъ выраженіе нѣмаго безстрастія, оставались, повидимому, спокойны. Автоматически, медленно, по мановенію руки предсѣдателя, подъ охраною судебныхъ приставовъ и жандармовъ, вытянувшись въ одну линію, удалялись они въ комнату для отдохновенія и возвращались оттуда на свои мѣста еще болѣе блѣдные, видимо взволнованные происходившими въ ихъ средѣ спорами, съ красными, воспаленными глазами, блиставшими какою-то лихорадочною сосредоточенностью.

Мы, разумѣется, не станемъ описывать въ подробности хотя-бы даже только сущность всѣхъ преній, которыя намъ пришлось выслушать. Курьезовъ, до извѣстной степени любопытныхъ, пожалуй, было много, но, въ сущности, серьезно интересныхъ, стоющихъ полнаго вниманія рѣчей вовсе не было. Много двѣ, три рѣчи было такихъ, гдѣ ораторы съумѣли возвыситься до всесторонняго пониманія дѣла и до умѣнія анализировать его частности. Даже такія благодарныя задачи, какъ обрисовка личностей Струсберга, Полянскаго, Шумахера и др., не нашли себѣ достойныхъ выполнителей.

Много хвалили обвинительный актъ г. Обнинскаго именно за художественную обрисовку характеровъ и положеній. Но рѣчь прокурора, произнесенная имъ на судѣ, отличалась положительнымъ отсутствіемъ всякихъ художественныхъ достоинствъ. Притомъ-же, она была произнесена по тетрадкѣ и вдобавокъ глухимъ, едва слышнымъ голосомъ, что разумѣется не могло не ослабить впечатлѣнія, которое рѣчь могла произвести своимъ содержаніемъ. Другой обвинитель, товарищъ прокурора Симоновъ, оказался еще болѣе плохимъ ораторомъ: онъ повторилъ все то, что было уже извѣстно изъ разныхъ отдѣловъ обвинительнаго акта, но повторилъ все это блѣдно, растянуто и неумѣло. Общій-же и, на нашъ взглядъ, громадный недостатокъ обѣихъ обвинительныхъ

рѣчей заключался въ самомъ ихъ содержаніи. Видимо, ободренные общимъ негодованіемъ, возбужденнымъ банковскимъ дѣломъ, представители обвинительной власти слишкомъ понадѣялись на поддержку общественнаго мнѣнія и потому вмѣсто обстоятельныхъ, фактически подтверждаемыхъ обвинительныхъ доводовъ противъ каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, они занялись огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ подрядъ, не скупясь на общія мѣста, называя всѣхъ подсудимыхъ вмѣстѣ одною систематически организованною шайкою воровъ, грабителей и мошенниковъ, что, конечно, невѣрно.

Вслѣдъ за товарищами прокуроровъ выступило еще множество обвинителей — повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ. Они говорили много, долго, горячо. Къ сожалѣнію, они также отдѣлывались общими мѣстами, старались дѣйствовать исключительно на чувство присяжныхъ. При этомъ, нельзя было не замѣтить, что всѣ ихъ громы направлялись не въ сторону истинныхъ, или, по крайней мѣрѣ, главныхъ виновниковъ краха, жертвами котораго сдѣлались ихъ довѣрители, а исключительно въ сторону членовъ совѣта, карманы которыхъ представлялись имъ болѣе надежными для обезпеченія ихъ гражданскаго иска. При этомъ, они распинали не только самихъ подсудимыхъ, но также и ихъ защитниковъ, называя послѣднихъ „молодыми крикунами“, „софистами“, „заѣзжими артистами“ и т. п. Сами они при этомъ такъ гаэрствовали, ломались и выходили изъ всякихъ предѣловъ приличія, что предсѣдатель, предоставившій сторонамъ самую широкую свободу въ преніяхъ, принужденъ былъ нѣсколько разъ ихъ останавливать и дѣлать замѣчанія.

На сторонѣ защиты были всѣ лучшія адвокатскія силы Москвы, и потому естественно, что рѣчи, сказанныя въ защиту подсудимыхъ, были выслушаны всѣми съ особымъ интересомъ. Очень хороша была рѣчь молодаго адвоката Курилова (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), сказанная въ защиту Полянскаго. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе. Подробнымъ, живымъ и теплымъ анализомъ внутренняго міра этого преступнаго, но глубоко-несчастнаго человѣка непонимавшаго хорошенько до конца, въ какую глубокую пропасть влечетъ его Ландау со своими вѣчными „арбитраж-

ными гешефтами“ и „безгрѣшными провизіями“, г. Куриловъ расположилъ въ пользу подсудимаго даже и такихъ лицъ, которыя готовы были прежде видѣть въ Полянскомъ вполнѣ сознательнаго преступника и главнаго сѣятеля зла. Послѣ рѣчи этого защитника многіе со слезами на глазахъ взглянули на потупленное, блѣдное лицо Полянскаго... Защита вправѣ была торжествовать въ сознаніи исполненнаго ею долга.

Изъ остальныхъ защитительныхъ рѣчей выдѣлились особенно двѣ — рѣчь присяжнаго повѣреннаго Плевако и рѣчь присяжнаго повѣреннаго Утина. Обѣ онѣ были обстоятельны, съ внѣшней стороны блестящи, энергичны и, повидимому, произвели впечатлѣніе на присяжныхъ.

О. Н. Плевако, давно уже прославленный и любимый адвокатъ Москвы, говорилъ въ продолженіе трехъ часовъ, и во все это время громадная, разнокалиберная аудиторія слушала его, притаивъ дыханіе, боясь проронить малѣйшій его жестъ, малѣйшій звукъ.

„Малиновый звонъ!“ — отозвался какой-то купчикъ съ блаженнымъ вздохомъ, когда ораторъ кончилъ.

Въ рѣчи присяжнаго повѣреннаго. Е. И. Утина нельзя было не обратить особеннаго вниманія на одинъ существенный ея моментъ. Это то мѣсто, гдѣ онъ, какъ дважды два четыре, доказалъ присяжнымъ засѣдателямъ, что въ этомъ громадномъ и сложномъ дѣлѣ, надъ которымъ они трудятся въ теченіе трехъ недѣль, судебная палата утвердила преданіе суду столькихъ лицъ, вовсе не читая подлиннаго производства дѣла. Это выходило изъ сопоставленія датъ окончанія слѣдствія и утвержденія обвинительнаго акта.

— Я утверждаю, — эффектно крикнулъ на всю залу ораторъ, бросая на полъ послѣдній томъ слѣдственнаго производства,—что палата не читала слѣдственнаго дѣла!

Въ своихъ возраженіяхъ прокуроръ Обнинскій замѣтилъ на это, что судебная палата точно не имѣла времени прочесть все подлинное производство дѣла, но что, тѣмъ не менѣе, еще до окончанія слѣдствія, не оффиціально, протоколы предварительнаго слѣдствія разсылались для прочтенія, на домъ, всѣмъ членамъ палаты.

Но гораздо любопытнѣе преній сторонъ, которыя подъ

конецъ порядочно-таки утомили присяжныхъ и публику, такъ какъ длились цѣлыхъ пять дней, было такъ-называемое „послѣднеее слово“ подсудимыхъ.

Вслѣдъ за послѣднимъ возраженіемъ послѣдняго изъ защитниковъ (г. Лохвицкаго, который, въ заключеніе, накинулся исключительно на Полянскаго, видя въ этомъ „краеугольный камень защиты“ остальныхъ подсудимыхъ, и попросилъ присяжныхъ набожно помолиться Богу, лишь только они удалятся въ совѣщательную комнату) пренія были кончены, и въ громадной, освѣщенной газовыми люстрами залѣ, наступило гробовое молчаніе.

Чувствовалось, что наступила роковая минута процесса,— развязка дѣла.

— Что вы имѣете прибавить къ словамъ вашихъ защитниковъ? — обратился предсѣдатель суда, г. Дейеръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія въ сторону подсудимыхъ.

— Ваше послѣднее слово? — обратился онъ къ первому, Полянскому, сидѣвшему внизу, ближе всѣхъ къ подножію суда.

Полянскій, худощавый, средняго роста, съ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ темнорусой бородой, хотѣлъ было сдѣлать шагъ впередъ, чтобы выйти ближе къ присяжнымъ, но, пошатнувшись, ухватился за спинку кресла и остался на мѣстѣ.

— Трудно мнѣ говорить передъ вами, гг. присяжные засѣдатели—началъ онъ тихо и не поднимая глазъ, — трудно потому, что послѣднія минуты подсудимаго слишкомъ тяжелы. Трудно и потому, что въ эту послѣднюю минуту вновь обвиняютъ меня въ томъ, въ чемъ я никогда не признаю себя виновнымъ... Я знаю, что я погубилъ учрежденіе и что всѣ эти люди чрезъ меня на позорной скамьѣ... Но чтобы завѣдомо, знамо я хотѣлъ продать, разрушить банкъ, это неправда! Если-бы я продалъ банкъ, то я выходилъ-бы отсюда не нищимъ, а богатымъ... (длинная пауза, Полянскій не можетъ говорить отъ волненія). Для меня вы сдѣлать ничего не можете: состоянія вамъ мнѣ не отдать, имени не возвратить... Но не прокурору судить, нуженъ-ли дѣтямъ отецъ!

Это „послѣднее слово“ произвело на присутствующихъ

подавляющее впечатлѣніе; оно было сказано голосомъ, который надрывалъ душу. Сочувствіе, возбужденное Полянскимъ къ себѣ, было тѣмъ сильнѣе, что г. Обнинскій заключилъ противъ него свою рѣчь такими суровыми словами: „докажите ему (Полянскому), что дѣти не нуждаются въ отцѣ-взяточникѣ!“

За Полянскимъ наступила очередь Ландау. Этотъ, какъ бомба, вскочилъ съ мѣста и, придавъ своему красному, одутловатому лицу выраженіе благочестиваго смиренія, въ сопровожденіи переводчика, подошелъ къ каѳедрѣ защитника. Здѣсь онъ, не хуже любаго пастора-проповѣдника, благоговѣйно скрестивъ руки на груди и поднявъ свои, совиные заплывшіе жиромъ, глаза вверхъ, проговорилъ медоточивымъ голосомъ нѣсколько словъ въ свою защиту. Онъ говорилъ о своей отличной репутаціи, о своихъ преклонныхъ лѣтахъ, о своей семьѣ, дѣтяхъ, и, наконецъ, въ концѣ своей тирады, высказалъ убѣжденіе, что его оправдаютъ, такъ какъ въ сущности ничего преступнаго онъ не сдѣлалъ и притомъ же онъ страдаетъ грудью.

Послѣ Ландау наступила очередь членовъ совѣта. Одинъ за однимъ, какъ провинившіеся школьники, выходили они изъ толпы и, остановившись передъ присяжными, низко имъ кланялись.

— Пятьдесятъ пять лѣтъ живу... честно. Что акціи продалъ, не скрылъ... грѣхъ да бѣда на кого не живетъ... Грѣхъ мой!—проговорилъ сквозь слезы старецъ Борисовскій (бывшій предсѣдатель совѣта) и поплелся на мѣсто.

Другіе были еще болѣе кратки.

Сорокоумовскій, напримѣръ, съ младенчески-невинной и добродушной физіономіей проговорилъ скороговоркой, словно заучилъ наизусть:

— Совѣсть моя чиста, гг. присяжные, я поручаю себя во всемъ вашей справедливости и волѣ Божіей.

Ляминъ, бывшій городской голова, не уступающій въ преклонности лѣтъ Борисовскому, сначала долго молчалъ и, наконецъ, съ рыданіемъ произнесъ:

— Что мнѣ сказать!.. Вѣкъ прожилъ, подлоговъ не дѣлалъ, мошенникомъ не былъ!

Пренъ и Милліоти отрѣзываютъ еще короче. Одинъ — „я

раззоренъ и не знаю, въ чемъ виновенъ!“ Другой — „ни въ чемъ не виноватъ!“

И всѣ остальные въ такомъ-же родѣ.

Изъ членовъ совѣта одинъ только Шумахеръ повелъ иначе рѣчь. Когда наступила его очередь, онъ вышелъ на средину залы, поставилъ передъ собой свѣчу, надѣлъ pince-nez и вытащилъ изъ бокового кармана номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“. Всѣ съ изумленіемъ смотрятъ на эту представительную худощавую фигуру, жестикулирующую съ такимъ аппломбомъ. Изъ газеты онъ прочиталъ, что еще въ началѣ судебнаго слѣдствія онъ требовалъ самаго строгаго изслѣдованія дѣла и теперь повторяетъ то же

— Я буду спокойно ожидать рѣшенія своей участи отъ васъ, граждане Москвы! — сказалъ онъ въ заключеніе и затѣмъ пошелъ на мѣсто.

Но всего интереснѣе было послѣднее слово самого Струсберга. О, это настоящій король (хотя-бы только желѣзнодорожный), „король отъ головы до пятъ“, особливо сравнительно съ тою свитою пигмеевъ, которую онъ привелъ за собою на скамью подсудимыхъ. Одинъ изъ всѣхъ подсудимыхъ сидитъ онъ, не смущаясь, на возвышеніи и самоувѣренно глядитъ по сторонамъ. Мощная, представительная фигура. Вокругъ его блестящей лысины растутъ пучки густыхъ, вьющихся волосъ, обрамляя ее словно короной...

Вышелъ онъ на середину залы, уставился на присяжныхъ и повелъ къ нимъ рѣчь.

— Я центръ обвиненія,—говорилъ онъ между прочимъ;— Струсбергъ, Струсбергъ, Струсбергъ — здѣсь только это имя и раздается. Струсбергъ деньги кралъ, кричитъ прокуроръ, но вѣдь заемъ не преступленіе! Изъ меня русская нравственность хочетъ сдѣлать для себя вывѣску!

Затѣмъ онъ началъ громить прокуроровъ и уличать ихъ въ ограниченности и близорукости.

— Дайте мнѣ власть и полномочіе его (прокурора), и ручаюсь, что приведу сюда на скамью подсудимыхъ все это стадо барановъ, вашихъ банкировъ и банковыхъ дѣльцевъ. *Струсбергъ деньги кралъ!* (эту единственную фразу онъ каждый разъ произноситъ по-русски, рѣчь-же велъ на языкѣ нѣмѣцкомъ, черезъ переводчика). Но я объясню прокурору,

что подобныя операции всюду распространены въ Россіи. Общество взаимнаго кредита въ Петербургѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Ламанскій, дѣлало точно такія-же ссуды. Г. Варгунинъ былъ членомъ совѣта и сдавалъ ему такія бумаги, которыя сравниться не могутъ съ моими. Вслѣдствіе этого въ кассѣ общества оказалось на 16.000,000 рублей дурныхъ обезпеченій и банкиры Петербурга своею помощью спасли его отъ краха. Другой банкъ въ Петербургѣ получилъ пособіе отъ министра финансовъ въ 5.000,000 рублей послѣ того, какъ принялъ отъ г. Марка на эту сумму дурныхъ обезпеченій. Наконецъ, Волжско-Камскій банкъ уцѣлѣлъ только благодаря тому. что членомъ совѣта сдѣлался г. Ламанскій.

Послѣ ряда такихъ обличеній. Струсбергъ закончилъ словами:

— Идея дать странѣ лучшіе законы мнѣ очень симпатична, но я не хочу, чтобы на моей спинѣ исправлялись эти законы!

Въ заключеніе Струсбергъ упомянулъ о томъ, какъ пагубно повліяло на его здоровье тюремное заключеніе, его арестъ. Выдвинувъ руки передъ животомъ, онъ съ горечью воскликнулъ: „я былъ вдвое толще прежде, и прежніе брюки пришлись бы мнѣ вотъ какъ!“

Рѣчь свою онъ закончилъ слѣдующими словами:

— Не думайте, чтобы я оставался покоенъ, но плакать я не могу. Я не плачу, потому что вины своей не признаю и еще потому, что мой характеръ не изъ тѣхъ, которые могутъ гнуться: его нужно прежде сломать!

Послѣднее слово Струсберга длилось довольно долго. Но онъ говорилъ такъ ярко, такъ энергично, съ такимъ умомъ, такъ царственно—высоко держа голову, что, вообразивъ себя на минуту въ театрѣ, имъ можно было залюбоваться и заслушаться. Окончивъ свою рѣчь, Струсбергъ холодно поклонился присяжнымъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Вердиктъ долженъ былъ состояться только на другой день, въ воскресенье. Передъ открытіемъ судебнаго засѣданія присяжные подъ охраною судебныхъ приставовъ успѣли побывать въ церкви и выслушать тамъ обѣдню. Послѣ короткаго резюме предсѣдателя имъ былъ врученъ вопросный листъ и они удалились для совѣщанія.

Совѣщаніе это длилось болѣе шести часовъ; да и не мудрено, такъ какъ на ихъ разрѣшеніе было поставлено сто двадцать восемь вопросовъ, гдѣ были изложены всѣ обстоятельства дѣла, причемъ самый фактъ преступленія вездѣ былъ отдѣленъ отъ мотивовъ его и виновности.

Изъ числа поставленныхъ вопросовъ наименѣе значительная часть получила утвердительные отвѣты. Изъ всей массы подсудимыхъ, присяжными засѣдателями только пятеро были признаны виновными.

Струсбергъ, какъ ужаленный левъ, въ первый разъ пошатнулся на мѣстѣ, когда прочли о немъ: „да, виновенъ“. Ландау обвиненъ безусловно. Полянскому было дано снисхожденіе. Наконецъ, были признаны виновными Борисовскій и Шумахеръ. Первый въ томъ, что онъ сбывалъ подъ шумокъ свои акціи, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка, а второй въ томъ, что пользуясь званіемъ члена совѣта банка, успѣлъ взять оттуда свой вкладъ.

Ликованіе оправданныхъ смѣшалось съ слезами осужденныхъ, и правосудіе опустило занавѣсъ.

Дѣло о „большой аваріи".

Гибель парохода „Владиміръ".

На протяженіи цѣлаго мѣсяца и шести дней (съ 28 сентября по 4 ноября 1894) уголовное отдѣленіе Одесскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, непрерывно было занято разсмотрѣніемъ только одного судебнаго дѣла. Это—„дѣло" о двухъ капитанахъ пароходовъ—„Владиміра" (русскаго) и „Колумбіи" (итальянскаго), — отставного капитана 2 ранга Калиника Калиниковича Кріуна и итальянскаго подданнаго Луиджи Джурре Пеше. Оба эти капитана предстали на судъ въ качествѣ отвѣтственныхъ лицъ за печальную катастрофу, разыгравшуюся на Черномъ морѣ, неподалеку отъ мыса Тарханкутъ, вызванную столкновеніемъ ихъ пароходовъ въ ночь на 27 іюня 1894 г., причемъ погибъ почтово-пассажирскій пароходъ „Русскаго общества пароходства и торговли" „Владиміръ", а также погибли и многіе изъ бывшихъ на немъ пассажировъ.

Обоимъ обвиняемымъ ставилось въ вину, во-первыхъ, что они оба дурно и вопреки установленнымъ для безопаснаго мореплаванія правиламъ управляли ввѣренными ихъ командѣ пароходами, чѣмъ и вызвали гибельное столкновеніе, и во-вторыхъ, что уже послѣ столкновенія, по неосторожности и небрежности, они не приняли всѣхъ возможныхъ мѣръ къ спасенію пассажировъ затонувшаго „Владиміра", отчего многіе изъ нихъ погибли. Дѣянія эти подводились обвинительнымъ актомъ подъ дѣйствіе ст. 1466 и 1468 улож. наказ.

Въ такомъ видѣ и признана отвѣтственность обоихъ ка-

питановъ приговоромъ окружнаго суда, причемъ и Кріунъ, и Пеше одинаково приговорены къ высшей мѣрѣ наказанія, а именно, къ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца и къ церковному покаянію.

Не успѣлъ еще судъ объявить этотъ приговоръ въ окончательной формѣ, какъ уже 14 ноября милость Высочайшаго манифеста распространилась на обвиняемыхъ и они, „свободные отъ суда и наказанія“, внѣ вопроса о своей „невиновности“, которую энергично отстаивали до тѣхъ поръ, подчинились дарованной имъ милости.

Дѣлу предстояло пройти затѣмъ всѣ дальнѣйшія судебныя инстанціи, но уже въ значительно сокращенномъ и потерявшемъ свой интересъ видѣ. Разбирались между собою гражданскіе истцы и отвѣтчики: владѣльцы пароходовъ „Русское общество“ и „Братья Бонано въ Мессинѣ“ — съ одной стороны, съ другой—рядъ потерпѣвшихъ, отыскивающихъ убытки съ владѣльцевъ пароходовъ, фигурирующихъ въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ отвѣтчиковъ. При этомъ „Русское общество пароходства и торговли“ одновременно выступало въ уголовномъ процессѣ и истцомъ, и отвѣтчикомъ. Настаивая на исключительной виновности Пеше въ столкновеніи, а стало быть и въ гибели парохода „Владиміръ“, „Русское общество“ искало съ „Братьевъ Бонано въ Мессинѣ“ стоимость затонувшаго парохода. Всѣхъ гражданскихъ исковъ ко дню открытія судебнаго засѣданія заявлено было на сумму около 800.000 рублей, приговоромъ суда первой инстанціи удовлетворено всего на сумму 200.000 рублей,— стало быть, весьма значительный матеріальный интересъ служилъ достаточнымъ стимуломъ къ дальнѣйшему движенію процесса.

Эта сторона дѣла, обусловленная разнообразіемъ и многочисленностью „вреда и убытка“, причиненныхъ преступленіемъ, тѣмъ не менѣе сама по себѣ имѣетъ лишь случайный и условный характеръ. Ни прибавить бытоваго, общественнаго и юридическаго значенія развернувшемуся уже во всю свою полноту процессу, ни отнять ихъ отъ него она была не въ силахъ.

Если принять при этомъ въ расчетъ, что самое событіе имѣло мѣсто лишь 27 іюня 1894 года, что довольно слож-

ное предварительное слѣдствіе, затѣмъ судъ первой инстанціи съ технической экспертизой и допросомъ болѣе сотни свидѣтелей и, наконецъ, примѣненіе Всемилостивѣйшаго манифеста,—все это заняло какихъ нибудь четыре съ половиною мѣсяца, то несомнѣнно настоящій уголовный процессъ можетъ быть отмѣченъ въ качествѣ процесса, весьма характерно и ярко отразившаго на себѣ во всей полнотѣ, по крайней мѣрѣ, два изъ трехъ основныхъ принциповъ современнаго намъ правосудія: глубоко запавъ своими трагическими подробностями и поучительною своею стороной въ сознаніе русскаго общества, онъ протекъ быстро и кончился милостиво

I.

Затонувшій пароходъ „Владиміръ“ принадлежалъ „Русскому обществу пароходства и торговли“. Это богатое акціонерное общество, акціи котораго давно уже держатся на биржѣ прочно и крѣпко и возрасли, по крайней мѣрѣ, на 50% сверхъ своей номинальной стоимости.

Учрежденное въ 1856 году, вскорѣ послѣ самоистребленія славнаго черноморскаго флота, въ „общихъ цѣляхъ развитія торговли южнаго края Россіи и пароходныхъ и почтовыхъ сообщеній этого края съ русскими и иностранными портами“, оно не лишено было въ предстоящей ему дѣятельности и спеціальнаго, военно-морскаго значенія. До возрожденія военнаго флота и организаціи добровольнаго флота, на водахъ Чернаго моря суда „общества“ были единственными, на которыя можно было расчитывать въ качествѣ крейсеровъ на случай войны. Послѣдняя турецкая кампанія доказала, что такія суда, какъ „Веста“ и нѣкоторыя другія, оказались вполнѣ пригодными для этой цѣли. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что самая организація подобнаго торговаго пароходства на Черномъ морѣ нашла себѣ въ свое время широкое покровительство со стороны высшаго правительства.

По исчисленію одного изъ представителей гражданскаго иска, Русское общество пароходства и торговли воспользовалось за время своего существованія слѣдующими льготами.

Правительство при самомъ его учрежденіи пріобрѣло на два милліона сто тысячъ рублей его акцій, отказавшись на пять лѣтъ отъ какого бы то ни было дивиденда; это была, такъ сказать, безвозмездная пятилѣтняя ссуда всего потребнаго для начала дѣла оборотнаго капитала. Затѣмъ правительство ежегодно выплачивало „обществу“ въ теченіе 20 лѣтъ по шестьдесятъ четыре тысячи рублей на ремонтъ пароходовъ. Для пристаней, складовъ, доковъ и т п. береговыхъ надобностей „обществу“ во всѣхъ черноморскихъ портахъ безвозмездно было отведено потребное количество земли, представляющее собою въ общей сложности цѣнность въ полтора милліона рублей. Наконецъ, въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ правительствомъ выплачено „обществу“ въ видѣ субсидіи сорокъ милліоновъ рублей такъ называемой „помильной платы“. При всемъ этомъ обязательства „общества“ (согласно § 6 устава), по отношенію пользованія его судами для казенныхъ надобностей, были опредѣлены еще особыми правилами. Такимъ образомъ, акціонерное „общество“ съ основнымъ капиталомъ въ десять милліоновъ рублей (раздѣленныхъ на 20 тысячъ акцій, по 500 рублей каждая), съ быстро накопившимся страховымъ и запаснымъ капиталами, широко раскинуло свою дѣятельность, исключивъ фактически возможность всякой серьезной конкурренціи для частныхъ предпринимателей въ предѣлахъ Чернаго моря.

Въ настоящее время у „общества“ цѣлая флотилія: семьдесятъ судовъ разныхъ наименованій. Ему же принадлежало лишь недавно перешедшее въ вѣдѣніе морскаго вѣдомства прекрасное адмиралтейство съ мастерскими и доками въ Севастополѣ, на которыхъ строились по заказу правительства такія образцовыя суда, какъ броненосцы „Екатерина“ и „Георгій Побѣдоносецъ“.

Управленіе дѣлами „общества“, распредѣляясь (§§ 36 и 37 устава) между общимъ собраніемъ акціонеровъ, совѣтомъ, правленіемъ и директоромъ,—въ распорядительныхъ своихъ функціяхъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ рукахъ особаго директора, стоящаго во главѣ такъ называемой „главной конторы“, находящейся въ Одессѣ и заправляющей, ближайшимъ образомъ, хозяйственною и административною частями по эксплоатаціи самаго предпріятія.

Высочайше утвержденный уставъ общества (обновленный въ своей редакціи 22 января 1893 года), кромѣ перечисленныхъ выше представителей управленія, не указываетъ иныхъ лицъ въ качествѣ отвѣтственныхъ представителей правъ и обязанностей, возлагаемыхъ уставомъ на общество. Во время хода судебнаго дѣла по этому поводу возникали довольно любопытныя пререканія сторонъ, причемъ представители обвиненія съ одной стороны, съ другой защита капитана Кріуна такъ и остались на противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Вопросъ касался качествъ „Владиміра“, какъ пассажирскаго парохода, степени удовлетворительности его снабженія спасательными средствами и, наконецъ, организаціи судовой команды. На судебномъ слѣдствіи всплыли такія обстоятельства, которыя сами напрашивались на группировку въ томъ или иномъ направленіи.

„Владиміръ“ оказался хотя и хорошимъ пароходомъ, купленнымъ нѣкогда въ Англіи, но теперь уже довольно старымъ, только отремонтированнымъ заново въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ въ 1893 году, причемъ борта его были нѣсколько подняты и увеличено помѣщеніе для пассажировъ. По внѣшнему своему виду онъ былъ, такъ сказать, „съ иголочки“, но, погруженный на дно, онъ не могъ уже быть изслѣдованъ со стороны своей прочности и полной внутренней исправности. Были указанія на то, что будто бы тунель, сообщающая машинное отдѣленіе съ винтомъ, была не изъ надлежащаго по современнымъ требованіямъ желѣза и что могущія быть поэтому въ тунели трещины должны были въ критическій моментъ уменьшить плавучесть „Владиміра“,—но этотъ вопросъ, въ виду совершенной недостаточности фактическихъ данныхъ, не могъ быть освѣщенъ даже свѣдущими людьми.

Относительно снабженія парохода спасательными средствами картина получилась довольно опредѣленная. Требованіе современной морской практики, заключающееся въ томъ, чтобы на каждомъ суднѣ были обязательно спасательныя средства по числу всѣхъ находящихся на немъ людей, оказалось совершенно чуждымъ пассажирскимъ пароходамъ Русскаго общества пароходства и торговли. На всѣхъ пароходахъ „общества“, безъ различія пароходовъ гру-

зовыхъ и пассажирскихъ, было по пяти шлюпокъ, изъ которыхъ только одна небольшая „двойка“ обязательно должна была быть готова къ спуску. Остальныя шлюпки, вопреки принятой въ заграничныхъ пароходныхъ компаніяхъ практикѣ, оставались наглухо прикрѣпленными на своихъ мѣстахъ съ завернутыми внутрь шлюпбалками, а не вываленными за бортъ и, такимъ образомъ, не подготовленными къ спуску. Внѣ этихъ шлюпокъ на пароходахъ Русскаго общества не имѣлось ни спеціальныхъ плотовъ, ни плавучихъ палубъ. Даже диваны и скамьи не были расчитаны на плавучесть: они съ чугунными массивными ножками и наглухо прикрѣплены къ полу верхней палубы.

Спасательныхъ пробковыхъ поясовъ имѣлось на „Владимірѣ“, какъ и на прочихъ пароходахъ „общества“, лишь по числу пассажировъ перваго и втораго классовъ. Для пассажировъ третьяго класса и даже для команды такихъ поясовъ вовсе не полагалось. Пробковыхъ круговъ на пароходѣ было только девять. Каждый такой кругъ можетъ держать на водѣ два, три человѣка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на всѣхъ военныхъ судахъ введенъ такъ называемый „пластырь“, изобрѣтенный русскимъ адмираломъ Макаровымъ. Это очень плотная, ворсистая ткань, употребляемая при помощи особыхъ цѣпочекъ, опоясывающихъ въ разныхъ мѣстахъ корпусъ судна, для задѣлки пробоинъ. Изобрѣтеніе это, принятое и въ Англіи, купившей отъ изобрѣтателя право на его примѣненіе, не было введено на пассажирскихъ пароходахъ Русскаго общества. Выяснилось, что этотъ пластырь, изготовляемый для нуждъ военнаго флота „своими средствами“, т. е. способомъ хозяйственной заготовки, въ продажѣ находится только въ Англіи и стоитъ пока еще довольно дорого. За каждый такой пластырь „обществу“ пришлось бы заплатить отъ 600 до 1000 руб.

Наконецъ, относительно „организаціи“ командъ для судовъ Русскаго общества выяснилось, что собственно организаціи-то никакой и не существовало. Первоначально, при самомъ возникновеніи торговаго флота „Русскаго общества“, благодаря опять-таки заботамъ правительства, дѣло было поставлено иначе. Пока не было надобности въ командѣ для

военнаго флота, морское вѣдомство отпускало своихъ черноморскихъ матросовъ на службу „общества“, и это засчитывалось имъ въ дѣйствительную службу. Но, съ возрожденіемъ черноморскаго флота, такое положеніе вещей само собою упразднилось. Съ тѣхъ поръ на протяженіи двухъ десятковъ лѣтъ „общество“, имѣя въ своемъ распоряженіи ѣлую флотилію судовъ, не организовало постоянныхъ кадровъ судовой команды Для каждаго парохода команда комплектовалась по мѣрѣ надобности изъ вольнонаемныхъ людей всякаго званія и состоянія.

Организаціею, т. е наймомъ команды, завѣдывали даже не капитаны, а старшіе ихъ помощники и старшіе механики. По отзыву нѣкоторыхъ экспертовъ-моряковъ наличный составъ команды на пассажирскихъ судахъ „Русскаго общества“, раздѣленный на три вахты, т. е. на три смѣны, былъ совершенно недостаточенъ по своей численности. Работа— со всѣми остановками для пагрузокъ и выгрузокъ въ промежуточныхъ портахъ — получалась въ общемъ тяжелая и едва ли достаточно оплачиваемая. Вѣроятно, благодаря этому, отставные матросы неохотно шли на службу „общества“, и приходилось—по выраженію обвиняемаго капитана Кріуна — довольствоваться „всякимъ сбродомъ, нанимаемымъ съ улицы“, такъ какъ бывали случаи, что даже и недостаточный по численности комплектъ невозможно было передъ каждымъ даннымъ рейсомъ пополнить. На должность боцмана особенно трудно было найти подходящаго человѣка, приходилось довольствоваться только „не воромъ“, такъ какъ на боцманѣ лежитъ и ближайшій надзоръ за цѣлостью груза и всего пароходнаго имущества. А между тѣмъ, по морскимъ понятіямъ „боцманъ“ въ судовой командѣ весьма важное лицо.

„Владиміръ“ совершалъ свои почтово-пассажирскіе рейсы въ предѣлахъ Чернаго моря по такъ называемой „круговой“ Крымско-Кавказской линіи. Это значило, что выйдя сегодня изъ Одессы, онъ завтра будетъ въ Евпаторіи, потомъ въ Севастополѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи, Керчи и т. д. вплоть до Батума, куда онъ добирается на шестой день. Здѣсь дневная стоянка, нагрузка, выгрузка, приведеніе въ порядокъ загрязненнаго грузомъ и людьми парохода и затѣмъ обратный путь съ

тѣми же заходами и остановками. Въ Одессѣ два, три дня стоянки съ капитальной чисткой и подкраской парохода и съ капитальной же нагрузкой. Затѣмъ снова тотъ же рейсъ.

Въ отличіе отъ дальнихъ заграничныхъ плаваній, естественно сплачивающихъ команду отдаленностью отъ родины и невозможностью уйти съ парохода, круговые Крымско-Кавказскіе рейсы съ заходомъ въ восемнадцать портовъ, по отзыву свѣдущихъ людей, особенно неблагопріятно отражались на составѣ судовой команды и на ея нравственности. Трудно было установить надлежащую морскую дисциплину, когда каждый недовольный въ любомъ портѣ могъ самовольно покинуть судно, не рискуя за то никакою отвѣтственностью.

Мелькали во время судебныхъ преній соображенія о томъ, что по силѣ нѣкоторыхъ статей „торговаго устава“ капитанъ вправѣ наказывать матросовъ „ударами хлыста“ числомъ отъ 5 до 12, но съ другой стороны выдвигались соображенія о юридическомъ анахронизмѣ помянутыхъ статей закона (изд. 1832 года) и о нравственной невозможности практическаго примѣненія такихъ „чисто морскихъ“ пріемовъ на пассажирскихъ пароходахъ, переполненныхъ обыкновенною публикою, которою подобные пріемы естественно могли быть сочтены за акты простого самоуправнаго насилія, предусмотрѣнные 142 ст. уст. наказ.

Такъ или иначе, но всѣ сходились на томъ, что команда на „Владимірѣ“ оказалась никуда не годною и что „Русское общество“ не нашло еще тѣхъ средствъ, которыми могло бы себя обезпечить съ этой стороны. Выяснилось, что только капитаны пароходовъ большею частью комплектуются изъ отставныхъ военныхъ моряковъ и всѣми признаются достаточно свѣдущими, что же касается даже помощниковъ, то, въ виду ограниченности ихъ жалованья и массы лежащаго на нихъ труда, отставные военные моряки рѣдко идутъ на эти должности. Ихъ замѣщаютъ по бо́льшей части молодыми людьми изъ „вольныхъ штурмановъ“, окончившихъ курсъ въ такъ называемыхъ „мореходныхъ классахъ“. Назначенія помощниковъ—старшимъ, вторымъ или третьимъ на тотъ или иной пароходъ зависитъ не отъ самого капитана, а отъ „главной конторы“, которая руководствуется при этомъ своими собственными, не всегда понятными соображеніями

При оцѣнкѣ положенія о томъ, на кого же должна падать нравственная и юридическая отвѣтственность за всѣ эти прорѣхи въ дѣлѣ снабженія пароходовъ спасательными средствами, и по вопросу о недостаточной численности и дезорганизаціи команды—высказывались на судѣ различныя мнѣнія. Съ одной стороны находили, что хотя нравственная за это отвѣтственность и можетъ распространяться на цѣлое „общество“ и его управленіе, но что юридически долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ за все капитанъ. Выдвигался при этомъ „Уставъ служащихъ на пароходахъ Высочайше утвержденнаго общества п. и т.“, коимъ всѣ неисправности по состоянію парохода отнесены къ отвѣтственности капитана. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого „устава“ оказалось, однако, что по формѣ и содержанію это есть лишь „инструкція“ общества своимъ служащимъ, отпечатанная въ видѣ особой довольно объемистой книги, носящей на себѣ цензурную помѣтку: „дозволено цензурою, Одесса“.

Защита Кріуна доказывала, что это не „уставъ“ и даже не договоръ, выработанный соглашеніемъ заинтересованныхъ сторонъ, а лишь односторонняя попытка перенесенія гражданскихъ обязанностей „общества“ на подчиненное ему лицо и притомъ въ сферѣ такой широкой дѣятельности, которая физически и матеріально внѣ его средствъ и силъ. По силѣ 15 ст. уст. угол. суд. передъ закономъ уголовнымъ каждый отвѣчаетъ самъ за свои дѣйствія и упущенія. Никакого искусственнаго и даже договорнаго перенесенія отвѣтственности законъ не допускаетъ. На директорѣ „общества“, согласно Высочайше утвержденному уставу, лежитъ обязанность организаціи правильной эксплоатаціи всего предпріятія; для этого при немъ имѣется и особое учрежденіе „Главная контора“, стало быть никакимъ инымъ произвольнымъ „уставомъ“ уже нельзя переносить эти обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность на другое лицо.

Возникалъ еще вопросъ: дѣлалъ ли Кріунъ ученія своей командѣ, производилъ ли пробныя репетиціи спуска шлюпокъ и т. п.? На это обвиняемый далъ категорическій отвѣтъ: „нѣтъ“!

На судахъ общества это не практиковалось; не было къ тому ни времени, ни возможности. Стоянокъ едва хва-

тало для отдыха команды и она бы совсѣмъ разбѣжалась, если бы вздумали дѣлать ей еще „смотры и ученія“.

Въ чемъ именно заключались обязанности особаго должностнаго лица, числящагося по штатамъ „общества“, а именно: „инспектора по морской части“, осталось на судѣ къ сожалѣнію невыясненнымъ.

II.

26 іюня, ровно въ четыре часа, послѣ двухчасовой стоянки на Севастопольскомъ рейдѣ, забравъ новыхъ пассажировъ и нѣсколько груза, „Владиміръ“ отвалилъ отъ пристани, чтобы сдѣлать послѣдній переходъ до Одессы и, такимъ образомъ, закончить свой обычный круговой рейсъ.

Все предзнаменовало самое счастливое плаваніе. Оживленіе провожавшихъ и отъѣзжающихъ сливалось въ обычную въ подобныхъ случаяхъ, пеструю и праздничную картину. Въ догонку отходящему пароходу съ пристани доносились звуки полковой музыки, слышались по временамъ крики „ура“! На отходящемъ „Владимірѣ“ покидалъ свой постъ бывшій командиръ расположеннаго въ Севастополѣ Брестскаго полка [1]) и офицеры провожали его шумной овацією. Все напоминало скорѣе импровизированную увеселительную поѣздку, нежели настоящее морское путешествіе, сопряженное со всѣми своими опасностями. Даже плывшіе издалека, отъ самаго Батума и Новороссійска, пассажиры уже забыли о минувшей жестокой качкѣ подъ Ѳеодосіею и примкнули къ нарядной толпѣ высыпавшихъ наверхъ пассажировъ въ ожиданіи счастливаго и, главное, „послѣдняго“ перехода. Всѣхъ пассажировъ было около двухсотъ—быть можетъ, нѣсколько больше,—но пассажиры перваго и втораго класса размѣстились на кормовой палубѣ съ полнымъ комфортомъ, такъ какъ только на носовой палубѣ дозволялось скучиваться пассажирамъ третьяго класса, которымъ входъ въ другіе классы строго воспрещенъ.

На капитанской площадкѣ при выходѣ „Владиміра“ изъ

---

[1]) Генералъ-маіоръ Барановскій.

порта распоряжался самъ капитанъ Кріунъ, при немъ же былъ его старшій помощникъ Сурковъ. Пятидесятилѣтній, старый и опытный капитанъ, съ длинной и темной, кое гдѣ серебрящейся бородой, съ смуглымъ, правильнымъ лицомъ и съ добрыми, нѣсколько грустными глазами,—невольно внушалъ къ себѣ общее довѣріе. Военный штурманъ по образованію, затѣмъ флотскій офицеръ,—Кріунъ уже въ чинѣ капитана 2 ранга перешелъ на службу въ „общество". Плавалъ сперва въ качествѣ старшаго помощника, побывалъ въ Китаѣ и уже восемь лѣтъ, какъ занималъ должность капитана на судахъ „общества", совершавшихъ рейсы по Крымско-Кавказской линіи. Въ общей сложности подъ его командой перебывало до десяти пароходовъ и, слава Богу, никакихъ аварій и морскихъ бѣдствій не приключалось. „Владиміра" онъ принялъ послѣ его капитальнаго ремонта на севастопольскомъ докѣ и плавалъ на немъ уже около года Пароходъ былъ ходкій, онъ легко дѣлалъ 11 миль въ часъ, былъ послушенъ рулю и, если бы не чрезмѣрная чувствительность къ килевой качкѣ, могъ бы считаться даже образцовымъ по своимъ морскимъ качествамъ.

Пассажиры перваго и втораго классовъ, какъ только пароходъ вышелъ въ открытое море, по звонку спустились внизъ обѣдать и за общимъ столомъ среди оживленной бесѣды не замѣтили, какъ стало закатываться солнце. Капитанъ вмѣстѣ съ ними не обѣдалъ. Онъ сошелъ внизъ и спросилъ себѣ легкую закуску только тогда, когда въ пяти миляхъ прошли траверзъ Тарханкута и, опредѣлившись по картѣ и компасу „Владиміръ" уже легъ своимъ обычнымъ курсомъ NW40°. прямо на Одессу. Но это было уже въ 10 часовъ вечера.

Жаркій знойный день смѣнился ночною прохладою. Всплылъ было молодой мѣсяцъ, но тотчасъ и закатился. За то ярче, чѣмъ когда нибудь, зажглись звѣзды на совершенно безоблачномъ небѣ, Потемнѣвшее море съ сдержанною напряженностью стало колыхаться безшумною „мертвою зыбью". „Владиміръ" шелъ на всѣхъ парахъ, мощно разрѣзая слегка колеблющуюся поверхность, которая, не противясь, мягко уступала ему дорогу.

Часовъ до одиннадцати ночи не прекращалось общее оживленіе на пароходѣ. Изъ салона перваго класса въ открытыя па-

лубныя окна и иллюминаторы доносились звуки рояля и слышны были поющіе голоса. То пѣло молодое контральто, то смѣнялъ его мужской свѣжій теноръ. Это ѣхала какая-то, такъ и оставшаяся „необнаруженною“ парочка влюбленныхъ. Одному таможенному чиновнику, переѣзжавшему на службу въ Одессу, это пѣнье показалось „чисто райскимъ“. Онъ не могъ „оторваться“ и долго не уходилъ спать. На молодого поручика Бурдакова эта „музыка на морѣ“ производила, наоборотъ, впечатлѣніе какой-то „предсмертной элегіи“. Спустившись на ночь въ каюту, онъ примѣрилъ передъ зеркаломъ спасательный поясъ,—его томили дурныя предчувствія. Интендантскій чиновникъ Дырдовскій, слѣдовавшій изъ Керчи, пошелъ спать, „ничего не ожидая“, отчего и оставилъ иллюминаторъ въ каютѣ открытымъ, такъ какъ было нѣсколько душно.

Послѣ одиннадцати часовъ всѣ мало-по-малу стали устраиваться на ночлегъ. На нарахъ третьяго класса и на бакѣ давно спали. Команда, свободная отъ вахты, палубная и машинная, спустилась на ночлегъ въ нижній кубрикъ, загасивъ лишніе огни. Пассажиры разошлись по каютамъ. Андрей Цвигунъ, лакей перваго класса услуживалъ пассажирамъ и устраивалъ ихъ на ночь. Онъ оглядывалъ и каюты: „закрыты ли иллюминаторы“,—такъ какъ отъ вахтеннаго начальника имъ „бывали“ приказанія, чтобы иллюминаторы закрывать. Матросы въ каюты не допускались, вахтеннымъ помощникамъ входить тоже было „неловко“, и это всецѣло оставалось на отвѣтственности лакеевъ.

Одна изъ пассажирокъ третьяго класса съ дѣтьми и съ подругой, г-жа Ковалева, „хотя это и не дозволялось“ устроилась на ночлегъ около курительной рубки перваго класса. Послѣ одиннадцати часовъ, когда палуба опустѣла, она видѣла, какъ капитанъ прошелся по палубѣ раза два, осматривая, все ли въ порядкѣ. Прошелъ мимо нея, „ничего не сказалъ“ и вошелъ въ свою каюту, которая была рядомъ съ курительной рубкой. Только въ общей каютѣ втораго класса было нѣсколько бодрствующихъ пассажировъ и въ числѣ ихъ шляпныхъ дѣлъ мастеръ изъ Керчи—еврей Черномордикъ. Эта компанія играла въ домино.

Въ двѣнадцать часовъ ровно смѣнилась вахта. Все было спокойно. Капитанскій мостикъ занялъ, вмѣсто втораго по-

мощника Фельдмана, третій помощникъ Матвѣевъ, еще молодой человѣкъ. Вахтеннымъ матросомъ „за боцмана“ всталъ Собченко. На бакъ слѣдить за приближающимися огнями послали семнадцатилѣтняго, но развитого и толковаго малаго, Сопоцько, который служилъ на „Владимірѣ“ уже съ годъ матросомъ втораго класса. На рулѣ былъ исправный рулевой— Балашовъ. Курсъ держали N W 40°, не сдавая ни влѣво, ни вправо. Шли полнымъ ходомъ, работая всѣ 11 узловъ въ часъ.

Прошло около получаса.

Вахтенный матросъ Собченко подошелъ къ капитанской каютѣ и въ открытое окно окликнулъ капитана. Онъ доложилъ, что вахтенный помощникъ требуетъ капитана на площадку, такъ какъ „открылся огонь“. Въ отвѣтъ тотчасъ же послышалось „есть!“, что на морскомъ языкѣ должно обозначать: „готовъ, иду!“ На ночь капитанъ никогда не раздѣвался, онъ позволялъ себѣ только для отдыха прилечь на диванѣ. По правилу, установленному на судахъ Русскаго Общества пароходства и торговли, „по вызову вахтеннаго помощника, въ случаѣ приближенія суда или какой либо опасности пароходу, капитанъ обязанъ немедленно выйти на мостикъ и принять на себя управленіе пароходомъ. За всѣ послѣдствія при неисполненіи этого правила отвѣчаетъ капитанъ“. Это правило съ особенною строгостью исполнялось на „Владимірѣ“. По отзыву боцмана Злобина, капитанъ Кріунъ не очень-то довѣрялъ своимъ помощникамъ и строго приказывалъ при малѣйшемъ поводѣ тотчасъ же вызывать его на площадку.

Г-жа Ковалева, которой мѣшалъ спать вѣтеръ, поднявшійся къ полуночи, видѣла какъ капитанъ, вызванный Собченко, немедленно вышелъ изъ каюты и направился къ площадкѣ. Ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ подняться по лѣсенкѣ, на бакѣ сторожевой баковый Сопоцько три раза ударилъ въ колоколъ. Это должно было обозначать, „что открылся огонь по носу“; если бы огонь открылся справа, ударили бы только одинъ разъ, слѣва—два раза. На „площадкѣ“ вахтенный помощникъ замѣтилъ огонь ранѣе сторожевого, но всего на какую нибудь минуту ранѣе.

Взойдя на возвышенную капитанскую площадку и пройдя на правую ея сторону (съ лѣвой, куда вела лѣсенка, ничего

не было замѣтно), Кріунъ дѣйствительно увидѣлъ, какъ и доложилъ ему вахтенный помощникъ Матвѣевъ „впереди по носу парохода, немного справа слабый бѣлый огонь“. Сначала могло казаться, что это кормовой огонь обгоняемаго или стоящаго на якорѣ судна, до того онъ казался близкимъ къ линіи воды. Капитанъ взялъ бинокль и сталъ пристально наблюдать за огнемъ. Въ теченіе двадцати минутъ онъ продолжалъ это наблюденіе и тогда убѣдился вполнѣ, что огонь, приближаясь, съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно отодвигается все вправо отъ „Владиміра“.

Въ 12 час. 50 м. онъ, Кріунъ—въ такомъ видѣ принято его показаніе и приговоромъ окружнаго суда—былъ уже вполнѣ убѣжденъ, что видимый бѣлый есть огонь „топовый“, т. е. огонь на передней мачтѣ встрѣчнаго судна; его только удивляло, что онъ не видитъ при этомъ отличительныхъ бортовыхъ огней. Согласно правилъ никакое судно не вправѣ (422 и 423 ст. уст. торговаго) двигаться, не неся трехъ отличительныхъ бортовыхъ огней: впереди яркаго бѣлаго „топоваго“, на высотѣ надъ корпусомъ судна не менѣе 20 футъ, и „кожуховыхъ“ или бортовыхъ, съ правой стороны судна зеленаго и съ лѣвой—краснаго. Эти бортовые „отличительные огни“, видимые только спереди судна и на десять румбовъ, съ каждой стороны отъ носа судна, не будучи столь яркими, какъ „топовый“, видный въ ясную ночь миль за 8—10, все же обязательно должны быть видны въ темную ночь при ясной атмосферѣ на разстояніи, по меньшей мѣрѣ, двухъ миль. Такъ какъ на „Владимірѣ“ освѣщеніе было электрическое, то онъ навѣрное гораздо ранѣе открылъ встрѣчному судну всѣ свои отличительные огни.

Кріуну, да и вообще всѣмъ плавающимъ по Черному морю, не разъ приходилось встрѣчать купеческія суда безъ отличительныхъ огней. Основываясь на двадцатиминутномъ наблюденіи, во время котораго встрѣчное судно все отходило вправо и въ 12 час. 50 м. было уже вправо подъ угломъ не менѣе 15^0, Кріунъ пришелъ къ заключенію, что судно идетъ навстрѣчу „Владиміру“ параллельно, или почти параллельно, его курсу справа.

При нормальномъ ходѣ вещей, т. е. при слѣдованіи каждымъ судномъ своимъ курсомъ, суда должны были бы разой-

тись правыми бортами, т. е. показывая другъ другу зеленые огни. Въ подобныхъ случаяхъ сворачивать вправо, т. е. идти на „пересѣку“ судну, не только не представляется ни малѣйшей надобности, но прямо запрещено закономъ (примѣч. къ ст. 435 уст. торг.), который предписываетъ въ подобныхъ случаяхъ „расходиться соотвѣтствующими равноименными бортами“. Чтобы какъ нибудь случайно при такомъ положеніи обоихъ судовъ не показать (вслѣдствіе возможнаго „рысканія руля“) своего краснаго огня, т. е лѣваго борта, Кріунъ приказалъ рулевому „взять немного лѣво“. Пароходъ сдался градусовъ на 10 влѣво. Тогда минуты черезъ 2—3 снова послышалась его команда: „еще лѣво!“ Это означало еще столько же влѣво. Обѣ команды были исполнены, причемъ повороты сопровождались каждый двумя свистками. Эти свистки служили сигналами встрѣчному судну: „держу лѣво“.

Послѣ двухъ поворотовъ влѣво Кріунъ видѣлъ встрѣчное судно въ такомъ видѣ: растворъ мачтъ, между ними трубу и свѣтъ отъ огня, вправо отъ трубы, на мачтѣ. Изъ этого онъ заключилъ, что расхожденіе безопасно: пароходы должны были бы разойтись правыми бортами въ разстояніи 200—300 саженей другъ отъ друга. Не видя бортовыхъ огней, онъ велѣлъ однако дать нѣсколько тревожныхъ свистковъ, чтобы „разбудить“ встрѣчный пароходъ, такъ какъ тамъ, ему это казалось очевиднымъ, вахта велась небрежно и бортовые огни погасли.

Не успѣли окончиться тревожные свистки на „Владимірѣ“, какъ вахтенный помощникъ Матвѣевъ крикнулъ капитану: „онъ поворачиваетъ на насъ, показался красный огонь“! Дѣйствительно, раздался одинъ гудокъ со встрѣчнаго судна, что означало: „повернулъ направо“, и капитанъ увидѣлъ ясно, что встрѣчный пароходъ полнымъ ходомъ идетъ на него. Это было уже въ разстояніи 50—60 саженей.

Видя неизбѣжность столкновенія, зная, что ни застопорить машины, ни дать задній ходъ сразу невозможно (по инерціи пароходъ продолжалъ бы все-таки двигаться), онъ успѣлъ только крикнуть: „лѣво на бортъ!“, надѣясь этимъ маневромъ „уклониться“ отъ удара, или, по крайней мѣрѣ ослабить его силу. По мнѣнію г. Кріуна взять въ это мгновеніе „право на бортъ“,—значило бы—съ силою скоростей

обоихъ пароходовъ врѣзаться другъ въ друга. Послѣдствія были бы еще ужаснѣе. Затѣмъ капитанъ успѣлъ только крикнуть своему помощнику Матвѣеву „берегитесь!“, такъ какъ бугшпритъ (выдающаяся носовая часть) встрѣчнаго парохода стремительно несся на самую капитанскую площадку „Владиміра“, а въ то же время пароходъ „таранилъ“ своею острою носовою частью правый бортъ „Владиміра“.

Ударъ послѣдовалъ. Послышался страшный трескъ, „какъ будто бы ломалась глыба льда“, потомъ стало визжать желѣзо, такъ какъ терлись другъ о друга борты сцѣпившихся пароходовъ. Тутъ раздался голосъ капитана: „стопъ машина!“

Многіе выпали изъ своихъ коекъ. Послѣдовалъ второй болѣе глухой ударъ. Правую часть капитанской площадки и рулевую будку между тѣмъ уже разнесло въ щепы. Въ машинное отдѣленіе изъ кочегарки хлынула вода. Электричество погасло, и, среди воплей и стоновъ охватившаго всѣхъ ужаса, поднялся общій переполохъ.

III.

Морякамъ-экспертамъ, вызваннымъ на судъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, выпала нелегкая задача разрѣшить вопросъ: которое же изъ двухъ встрѣчныхъ судовъ кореннымъ образомъ нарушило международно-обязательныя правила для избѣжанія столкновеній на морѣ?

Въ то время, какъ вся команда „Владиміра“ безусловно подтвердила показанія своего командира относительно предпринятыхъ имъ маневровъ и обстоятельствъ, при которыхъ произошла встрѣча судовъ, команда итальянскаго парохода „Колумбіи“, со своимъ старымъ капитаномъ Пеше во главѣ, рисовала совершенно иную картину столкновенія. Изъ постороннихъ лицъ, напримѣръ, пассажировъ „Владиміра“ никто не могъ дать сколько нибудь существенныхъ указаній относительно спорныхъ обстоятельствъ; на „Колумбіи“ же, огромномъ грузовомъ пароходѣ, пассажировъ вовсе не было и вся команда, представлявшая изъ себя дружно-сплоченную и хорошо дисциплинированную властью капитана семью, какъ одинъ человѣкъ стояла на своемъ, давая показанія въ

одинъ голосъ и повторяя разсказъ капитана почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Никакой перекрестный допросъ—не помогъ обвиненію: команда „Колумбіи“ стояла живою стѣною въ защиту своего капитана.

Первый вопросъ, который пришлось провѣрить, это вопросъ—о бортовыхъ огняхъ. При томъ или иномъ его разрѣшеніи разъяснилось бы и все дѣло, такъ какъ на основаніи „международныхъ правилъ“, отсутствіе на паровомъ суднѣ отличительныхъ огней есть тяжкій морской грѣхъ, влекущій за собою полную отвѣтственность неисправнаго морехода. Никто изъ бывшихъ на „Владимірѣ“ во время сближенія съ „Колумбіею“ не видѣлъ ни зеленаго, ни краснаго, ни одновременно обоихъ огней. Только за нѣсколько секундъ до столкновенія, когда уже итальянскій пароходъ набѣгалъ на правый бортъ „Владиміра“, замѣтили его красный, потомъ нѣкоторые видѣли и зеленый огонь. Вслѣдъ за столкновеніемъ и на другой день въ средѣ спасенныхъ пассажировъ шелъ общій говоръ, что „Колумбія“ не имѣла бортовыхъ огней. Разгадка этой необъяснимой, и въ данномъ случаѣ роковой, тайны мелькнула было на предварительномъ слѣдствіи, но тотчасъ же тревожно скрылась и уже болѣе не обнаруживалась на судебномъ слѣдствіи.

Старый фонарщикъ Джузеппе Руссо показалъ на предварительномъ слѣдствіи, что огромные бортовые фонари, заправляемые масломъ, нерѣдко коптятъ и вообще требуютъ внимательной очистки и оправки. Онъ, Руссо, съ помощью вахтеннаго матроса, „когда того потребуетъ вахтенный начальникъ“, выходитъ на площадку и оправляетъ поочередно каждый фонарь, вынимая его для этого изъ кожуха. При этомъ вынутый фонарь не замѣняютъ запаснымъ, такъ какъ на оправку каждаго фонаря уходитъ не болѣе 2—5 минутъ. И въ эту ночь онъ оправлялъ фонари, но это было ранѣе двѣнадцати часовъ.

Какъ только, привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Пеше узналъ о содержаніи показанія Руссо, тотчасъ-же имъ было подано заявленіе слѣдователю, въ которомъ онъ удостовѣрялъ, что Руссо, объясняющійся на мѣстномъ сициліанскомъ нарѣчіи, былъ недостаточно понятъ переводчикомъ. Руссо передопросили и онъ сталъ настаивать на томъ, что на время оправки масляныхъ фонарей ихъ всегда замѣняютъ „запасными ке-

росиновыми“ фонарями, и что такъ, а не иначе, должно было быть и въ ночь столкновенія. Никогда не случается, чтобы минутъ на 5—10 (время необходимое для оправки обоихъ фонарей) кожухи оставались безъ отличительныхъ огней; на такой именно случай имѣются „запасные фонари“.

Переводчикъ г. Живультъ, спрошенный на судѣ, какъ свидѣтель, стоялъ на своемъ: онъ перевелъ правильно. Руссо о запасныхъ фонаряхъ въ первый разъ не говорилъ ни слова.

Вообще относительно перевода съ итальянскаго и на судѣ возникало не мало пререканій. Пеше и его защита всячески старались доказать неумѣлость переводчиковъ. Переводчики гг. Шванбергъ и де-Виво (лекторъ итальянскаго языка въ Новороссійскомъ университетѣ) въ свою очередь настаивали на томъ, что переводъ ихъ безукоризненно точенъ, и что они не встрѣчали и не встрѣчаютъ затрудненій при переводѣ показаній г. Пеше и свидѣтелей итальянцевъ на русскій языкъ. Такъ какъ засѣданіе длилось слишкомъ съ мѣсяцъ и переводить для экспертовъ итальянцевъ (ихъ было трое, вызванныхъ по просьбѣ защиты Пеше) приходилось сплошь весь процессъ, то подъ конецъ всѣ, какъ будто, подъучились итальянскому языку Еще немножко, и чего добраго, итальянцы заговорили бы по русски, а русскіе по итальянски. Во всякомъ случаѣ понимали другъ друга всѣ прекрасно.

Относительно огней дѣло стало на томъ, что не только Руссо, но и всѣ, рѣшительно всѣ матросы команды „Колумбіи“ именно въ ночь катастрофы „видѣли огни на своихъ мѣстахъ“, горѣвшими и очень ярко и очень исправно. Въ числѣ удостовѣрявшихъ это важное обстоятельство были, впрочемъ, и такія лица изъ экипажа парохода, которыя, смѣнившись раньше съ вахты, спали въ каютахъ.

Какъ бы то ни было, по этому пункту, какъ впрочемъ и по всѣмъ другимъ, „старый морской волкъ“—Пеше защищался очень энергично. Онъ рѣшительно отвергалъ всякую возможность, чтобы на „Колумбіи“ хотя бы на одну секунду погасъ или закоптился красный или зеленый огонь. Даже въ своемъ послѣднемъ словѣ такое „злостное“ предположеніе онъ поставилъ въ особый укоръ своему „коллегѣ по несчастью“,—капитану Кріуну, которому во всемъ осталь-

номъ очень сочувствовалъ, такъ какъ считалъ его „несчастною жертвою своего экипажа“.

Относительно маневровъ, предшествовавшихъ столкновенію, оба капитана діаметрально разошлись въ своихъ объясненіяхъ. По объясненію, вызванной на судъ защитою Пеше, въ цѣломъ своемъ составѣ, команды „Колумбіи“, дѣло обстояло прямо противуположно тому, что утверждали на „Владимірѣ“.

Нагрузившись пшеницею въ Николаевѣ, „Колумбія“, съ цѣлью „догрузиться“ направлялась въ Евпаторію. Въ 8 часовъ вечера 26 іюня она прошла маякъ „Тендра“ въ траверзѣ 12—14 милей. Курсъ опредѣлили SE ½ S или иначе SE39°. Часовъ около одинадцати капитанъ Пеше отправился отдыхать въ свою каюту и приказалъ себя разбудить въ виду Тарханкута, около четырехъ часовъ утра (по показанію многихъ свидѣтелей, перескочившихъ съ „Владиміра“ на „Колумбію“, Пеше послѣ столкновенія видѣли еще полураздѣтымъ и въ туфляхъ). Ровно въ двѣнадцать часовъ ночи смѣнилась вахта. На вахту стали: второй помощникъ капитана Риццо и матросы: Колянджа—сторожевой и Матео Джуфре—рулевой. Колумбія шла полнымъ ходомъ, дѣлая 8½ миль въ часъ. Въ 12 ч. и 5 минутъ Риццо замѣтилъ на далекомъ разстояніи впереди бѣлый огонь по носу немного справа, на 1 или на 2 градуса. Давать объ этомъ знать капитану онъ не считалъ нужнымъ, такъ какъ это у нихъ „не принято“. Каждый помощникъ—„тотъ же капитанъ“ и вправѣ управляться самостоятельно. Минутъ черезъ пять Риццо сдался на-право отъ своего курса градусовъ на 11. Сдѣлалъ онъ это по правиламъ „праводержанія“. Разъ огонь „по носу“, или „почти по носу“, можно держаться своего курса, пока не откроешь бортовыхъ огней, но можно взять и „вправо заранѣе“; нельзя этого дѣлать только „влѣво“. Вслѣдствіе такого „предупредительнаго“ маневра бѣлый огонь встрѣчнаго судна „перешелъ“ на лѣвую сторону „Колумбіи“, подъ угломъ приблизительно 8—11°.

Въ 12 ч. 20 мин. кромѣ бѣлаго огня показался (все слѣва отъ „Колумбіи“) красный огонь „Владиміра“. Такимъ образомъ оба парохода сближались минутъ пять, причемъ встрѣчный пароходъ „уклонился влѣво“ градусовъ на 30. Вдругъ красный огонь встрѣчнаго парохода скрылся и вмѣсто него показался зеленый, все съ той же лѣвой стороны „Колумбіи“.

Увидѣвъ зеленый огонь, Риццо разсудилъ, что это „только неправильный маневръ“, который немедленно будетъ исправленъ. Но минутъ 5 — 7 маневръ этотъ длился; все время оставался виднымъ одинъ зеленый огонь. Тогда онъ скомандовалъ „полный поворотъ направо“, и далъ одинъ гудокъ. Въ этотъ моментъ изъ своей каюты, какъ былъ, безъ шапки, въ рубахѣ и брюкахъ, выскочилъ капитанъ Пеше. Его разбудилъ гудокъ. Онъ вскочилъ на мостикъ, схватилъ за руку Риццо, въ которой тотъ еще держалъ шнурокъ отъ гудка и въ тотъ же моментъ убѣдился, что руль лежитъ „право на бортъ“ *), телеграфъ показываетъ „полный ходъ впередъ“ и что съ лѣвой стороны судна виденъ зеленый огонь встрѣчнаго парохода, который находился въ то время въ разстояніи приблизительно четверти мили. „Владиміръ“ приближался „носомъ“, затѣмъ раздались два свистка.

Предвидя неизбѣжность столкновенія, Пеше скомандовалъ „полный ходъ назадъ“. „Колумбія“, все еще продолжая двигаться по инерціи, ударила въ правый бортъ освѣщеннаго электричествомъ парохода, но ударила „не очень сильно“. Продолжая нестись съ страшной быстротой, „Владиміръ“, какъ бы зацѣпившись за носъ „Колумбіи“, самъ протащилъ ее нѣкоторое пространство за собою, и этимъ объясняются тѣ поврежденія, которыя онъ себѣ причинилъ.

Таковы были тѣ противорѣчивыя данныя, надъ которыми пришлось оперировать спеціалистамъ-экспертамъ. Разойдясь (какъ увидимъ ниже) въ оцѣнкѣ фактической стороны дѣла и стало быть и въ своихъ конечныхъ выводахъ, они дружно сошлись на одномъ: покаванія свидѣтелей, бывшихъ на томъ и другомъ пароходѣ, взаимно исключаютъ другъ друга. Оба капитана, оправдывая себя, приписываютъ взаимно другъ другу рядъ неправильныхъ и притомъ грубо неправильныхъ маневровъ. Вѣрить одновременно обоимъ не представляется логически возможнымъ. Картина, нарисованная однимъ, совершенно исключаетъ другую. Приходится выбирать между ними, или не вѣрить ни одному изъ нихъ.

---

*) Команда на купеческихъ судахъ „право“ и „лѣво“ понимается буквально, т. е. судно идетъ вправо или влѣво; на военныхъ та-же команда имѣетъ обратное значеніе.

IV

Основные техническіе вопросы, интересовавшіе судъ, были изложены въ письменной формѣ и вручены экспертамъ, которые совѣщались болѣе сутокъ, стараясь придти къ какому либо единообразному заключенію. Такъ какъ въ числѣ экспертовъ были три итальянскихъ моряка (королевскаго флота) гг. Новелли, Конетти и Бертолини, не говорившихъ и не понимавшихъ ни слова по русски, то вмѣстѣ съ экспертами былъ отправленъ въ особую совѣщательную комнату и переводчикъ.

Результатъ совѣщанія двѣнадцати спеціалистовъ, принимавшихъ весьма дѣятельное участіе на судебномъ слѣдствіи въ выясненіи самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ столкновенія обоихъ пароходовъ, живо интересовалъ всѣхъ. Невольно чувствовалось, что въ дѣлѣ, сплошь столь спеціальнаго характера, это нѣчто больше той частичной, обыкновенной „экспертизы“, къ которой нерѣдко прибѣгаетъ судъ для того, чтобы выяснить тотъ или другой вводный, попутный вопросъ. Казалось, что совѣщаются двѣнадцать присяжныхъ засѣдателей, разрѣшающихъ окончательно вопросъ о винѣ или невиновности подсудимыхъ. Экспертамъ дѣйствительно пришлось выступить въ дѣлѣ настоящими „судьями“, но лишь съ обязательствомъ публично и гласно мотивировать свой приговоръ. Если бы такой приговоръ экспертовъ постановлялся простымъ или даже большинствомъ двухъ третей голосовъ, онъ оказался бы безусловно оправдательнымъ для капитана Кріуна и безусловно обвинительнымъ для капитана Пеше. Но заключеніе экспертовъ—не приговоръ въ судейскомъ значеніи слова, оно ни для кого юридически не обязательно, поэтому и количественное дѣленіе голосовъ экспертовъ-моряковъ въ данномъ случаѣ для обвиняемыхъ, моряковъ-же, могло имѣть только нравственное, а отнюдь не практическое значеніе.

Согласно высказаннымъ ею мнѣніямъ, экспертиза разбилась на три неравныя группы.

Первая, самая большая, группа, въ лицѣ младшаго флагмана черноморскаго флота контръ-адмирала Кологераса и капитановъ Падалки, Королева, Лощинскаго, Баркарева, Тур-

кула, подполковника корпуса флотскихъ штурмановъ Сафонова и поручика Иванова, пришла къ категорическому заключенію, что виновникомъ столкновенія слѣдуетъ признать помощника капитана итальянскаго парохода Риццо, который съ самаго начала маневрировалъ неправильно, не далъ своевременно знать капитану о приближающейся опасности и, наконецъ, своею запоздалою (черезъ пять минутъ послѣ того, какъ увидѣлъ зеленый огонь) командою „право на бортъ“ сдѣлалъ, просто на просто, „безумный“ маневръ, обусловившій собою неизбѣжность столкновенія. На основаніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла эта группа экспертовъ пришла къ заключенію, что на „Колумбіи“ отличительные огни въ ночь столкновенія были не въ порядкѣ, что необходимо отнести къ отвѣтственности капитана. Она винила Пеше и въ томъ, что онъ замедлилъ дать задній ходъ, когда, выскочивъ на площадку, онъ не могъ не убѣдиться сразу въ „безумствѣ“ сдѣланнаго Риццо поворота на пересѣчку курса „Владиміра“. Анализируя показанія Пеше и всей его команды, и сопоставляя ихъ съ данными, занесенными въ шканечный журналъ „Колумбіи“, эксперты категорически отвергали достовѣрность этихъ показаній и, наоборотъ, вполнѣ довѣрились объясненіямъ капитана Кріуна.

Послѣ двадцати минутъ наблюденія, видя, что встрѣчный огонь не уклоняется вправо, Кріунъ поступилъ совершенно правильно, начавъ уклоняться „влѣво“; противоположное мнѣніе можетъ быть основано только на грубо неправильномъ толкованіи, или, вѣрнѣе, непониманіи 435 ст. уст. торг. (15 ст. „Международныхъ правилъ“), которая по предразсудку, распространенному въ публикѣ и среди невѣжественныхъ моряковъ, предписываетъ будто бы „всегда сворачивать вправо“. Напротивъ, такой поворотъ прямо запрещенъ закономъ въ томъ случаѣ, когда суда могутъ разойтись правыми бортами, что и должно было имѣть мѣсто именно въ данномъ случаѣ. Послѣ поворота Риццо „на право“, Кріунъ ничѣмъ не нарушилъ правилъ, не застопоривъ машины и не давъ задняго хода, такъ какъ при командѣ „лѣво на бортъ“ оставалась еще нѣкоторая надежда „уклониться“ отъ удара, или, по крайней мѣрѣ, при сведеніи скоростей обоихъ пароходовъ въ одно направленіе, „ослабить“ ударъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, названные эксперты пришли къ окончательному выводу, что столкновеніе произошло вслѣдствіе отсутствія на „Колумбіи“ бортовыхъ отличительныхъ огней и благодаря „грубо неправильному маневру“ Риццо, моряка столь же молодого (27 лѣтъ) и неопытнаго, сколько и самоувѣреннаго. Если бы, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто на „Владимірѣ“, капитанъ былъ вызванъ на площадку своевременно, при первомъ же появленіи огня, несчастіе бы не имѣло мѣста, такъ какъ оба парохода, нисколько не мѣняя курса, спокойно разошлись бы своими правыми бортами.

Къ выводамъ прямо противоположнымъ пришли гг. итальянскіе эксперты, представившіе, такимъ образомъ, собою вторую самостоятельную группу. Словесныя объясненія отъ лица этой группы представлялъ суду г. Бертолини. Началъ онъ свою рѣчь съ весьма галантнаго вступленія, въ которомъ объяснялъ, что „находясь на русской гостепріимной землѣ и въ русскомъ судѣ“, который столь обязательно согласился ихъ выслушать, имъ, итальянскимъ экспертамъ, „было бы очень пріятно во всемъ оправдать русскаго капитана“, но что, къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ дѣла они именно этого сдѣлать не могутъ, почему, хотя и скрѣпя сердце, вынуждены во всемъ оправдывать Пеше и винить Кріуна.

Прежде всего, они не вѣрятъ фактическимъ обстоятельствамъ, приводимымъ послѣднимъ, думаютъ, что показываетъ правду Риццо, и приходя къ заключенію, что „Владиміръ“ былъ всегда съ лѣвой, а не съ правой стороны „Колумбіи“, находятъ маневръ Риццо „право на бортъ“ правильнымъ. Трудно допустить, чтобы Риццо цѣлыхъ пять минутъ наблюдалъ зеленый огонь „Владиміра“; счетъ времени въ такихъ случаяхъ очень проблематиченъ, и надо думать, что онъ положилъ руль на право своевременно. Этимъ онъ лишь „облегчилъ маневръ „Владиміру“, который, согласно 15 ст. правилъ (ст. 435 уст. торг.), обязательно долженъ былъ повернуть также на право. Судно, имѣющее у себя другое, приближающееся къ нему съ правой руки, обязано „уступить ему дорогу“. Это правило, нашедшее даже себѣ на морскомъ жаргонѣ весьма грубое, но категоричное выраженіе: „бей въ *правый* бортъ и ты всегда останешься *правымъ*“ было выполнено Риццо, и нарушено

Кріуномъ, который не „уступилъ дороги“. Затѣмъ, гг. итальянскіе эксперты ставили въ вину капитану Кріуну, что онъ не застопорилъ машину и не далъ задняго хода, такъ какъ, по результатамъ столкновенія, оказывается, что если бы „Владиміръ“ опоздалъ въ своемъ поступательномъ движеніи „только на тридцать два метра“, то столкновенія бы не произошло, „Колумбія“ прошла бы благополучно передъ самымъ носомъ „Владиміра“. На вопросъ г. предсѣдателя, итальянскіе эксперты, впрочемъ, должны были признать, что какъ разъ тотъ же самый благополучный результатъ имѣлъ бы мѣсто и въ томъ случаѣ, если бы „Колумбія“ сама „опоздала“ на разстояніе еще меньше тридцати двухъ метровъ. Другими словами, если бы Пеше нѣсколькими секундами раньше далъ полный задній ходъ, „Владиміръ“ прошелъ бы, въ свою очередь, благополучно у самаго ея носа.

Наконецъ, совершеннымъ особнякомъ остался русскій экспертъ капитанъ Ирецкій, изобразивъ изъ себя, такимъ образомъ, цѣлую отдѣльную группу, счетомъ, третью.

Выводы, къ которымъ пришелъ этотъ экспертъ по вопросу о причинахъ столкновенія, въ значительной мѣрѣ, были приняты судомъ и положены имъ въ основу своего приговора. Одно это уже обязываетъ насъ отвести подобающее мѣсто отдѣльному мнѣнію этого эксперта.

Экспертъ не вѣритъ ни одному капитану, ни другому. Оба скрываютъ истинное положеніе своихъ судовъ до момента столкновенія. Принимая во вниманіе, что „право на бортъ“ „Колумбіи“, никѣмъ не отрицаемое, обусловило гибельный ударъ, нанесенный „Владиміру“ именно въ правый бортъ, онъ находитъ, что поворотъ на право, вообще желательный при встрѣчахъ, былъ сдѣланъ Риццо слишкомъ поздно, и потому явился „безумнымъ“.

Но рядомъ съ этимъ не правъ и Кріунъ; если онъ уже хотѣлъ разойтись правыми бортами, то долженъ былъ повернуть влѣво не на 20^0, а градусовъ на 60. Затѣмъ, онъ безусловно винитъ обоихъ капитановъ за нарушеніе общеобязательныхъ правилъ (ст. 436 и 438 уст торг.) предосторожности. Видя замѣшательство въ маневрахъ, надо было тотчасъ же на обоихъ пароходахъ застопорить машины, или дать задній ходъ, и столкновенія бы не послѣ-

довало; самое большее—могла бы приключиться только „малая аварія“.

Въ преніяхъ сторонъ по вопросу о причинахъ столкновенія на первый планъ было выдвинуто положеніе ст. 15 „международныхъ правилъ“ (ст. 435 уст. торг.). Ее принимались толковать на разные лады. Оказывается, что въ морской практикѣ правильное ея примѣненіе имѣетъ огромное значеніе, и въ Англіи, этой по преимуществу морской странѣ, ведется цѣлая агитація въ пользу ограниченнаго и строго логическаго ея примѣненія.

Законъ этотъ предписываетъ: „измѣнять свой курсъ вправо въ тѣхъ случаяхъ, когда два паровыхъ судна идутъ прямо или почти прямо другъ на друга“. Это „почти прямо“, породившее цѣлую литературу, и вызываетъ рядъ неправильныхъ примѣненій на практикѣ. Тщетно примѣчаніе, введенное въ эту статью, особо поясняетъ, что это „прямо“ и „почти прямо“ означаетъ—„когда днемъ обѣ мачты встрѣчнаго судна на створѣ“, а ночью—„когда видны одновременно оба отличительные бортовые огня встрѣчнаго судна“, моряки самоучки и рутинеры весьма склонны сводить положеніе теоретически обоснованнаго закона къ простому „извощичьему“ правилу: „знай свою правую руку и никогда въ отвѣтѣ не будешь“.

По исчисленію англійскихъ моряковъ—и вмѣстѣ юристовъ—Коломба, Томаса Грея, добрая половина всѣхъ столкновеній на морѣ происходитъ именно отъ злоупотребленія этимъ, якобы обязательнымъ „праводержаніемъ“, которое не только ведетъ къ столкновеніямъ, но прямо таки ихъ вызываетъ, такъ какъ сближаетъ безъ нужды суда, которыя, безъ неумѣстнаго пользованія этимъ правиломъ, прекрасно разошлись бы своими курсами. Моряки даже знаютъ грубый терминъ „разбить на законномъ основаніи“, т. е. именно примѣняя правило „праводержанія“ тамъ, гдѣ ему не мѣсто.

Защита Кріуна и представители Русскаго общества пароходства и торговли настаивали на томъ, что въ данномъ случаѣ маневръ Риццо „право на бортъ“ былъ вызванъ грубою ошибкою въ пониманіи именно этой злополучной 15 ст. „международныхъ правилъ“. Нѣкоторые представители

гражданскихъ истцовъ и защита Пеше, не признавая „новшествъ“ въ толкованіи правилъ „праводержанія“, изображеннаго еще въ артикулахъ Петра Великаго, отрицая авторитетъ Коломба и Томаса Грея, стояли на томъ, что „держать право“ никогда не лишнее, и что,—уклонись Кріунъ не влѣво, а вправо,—столкновенія бы не произошло.

Окружный судъ, какъ это видно изъ его приговора, изложеннаго въ окончательной формѣ, ссылаясь на абсолютную невозможность отдать предпочтеніе показаніямъ того или другаго капитана и на фактическую несовмѣстимость ихъ разсказовъ о постепенномъ сближеніи судовъ, уклонился, повидимому, вовсе отъ констатированія, такъ сказать, первопричины столкновенія. Правила „праводержанія“, изображенныя въ ст. 15 „международныхъ правилъ“, обойдены имъ вовсе молчаніемъ въ примѣненіи къ данному случаю

Судъ остановился лишь на послѣднемъ моментѣ, непосредственно предшествовавшемъ столкновенію, очевидно, боясь запутаться въ лабиринтѣ разнорѣчивыхъ фактическихъ данныхъ и разнообразныхъ выводовъ экспертизы. Былъ моментъ, который привелъ къ столкновенію—это безспорно; до его наступленія оба капитана что-то дѣлали, какъ-то маневрировали, но все же двигались впередъ. Очевидно, если бы „этого“ не было, не было бы и столкновенія. Судъ обоимъ капитанамъ и поставилъ въ вину нарушеніе не 15 ст. правилъ, а ст. 16 и 18 (436 и 438 ст. уст. торг.),—предписывающихъ „уступить“ въ нужномъ случаѣ дорогу, а, вообще, при всякой „опасности уменьшить ходъ“ и при надобности даже „остановиться“ и „дать задній ходъ“. Констатировать, отчего именно надвинулся такой роковой моментъ „опасности“, судъ, очевидно, не нашелъ въ дѣлѣ достаточно твердыхъ данныхъ.

Всѣ усилія экспертизы разобраться въ фактическомъ матеріалѣ судебнаго слѣдствія оказались, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ излишними. Оба капитана—Кріунъ и Пеше—признаны судомъ (хотя „Колумбіею“ до столкновенія управлялъ Риццо), если не безусловно плохими моряками, то, во всякомъ случаѣ, мореплавателями весьма неосторожными.

V.

Вторая часть обвиненія капитановъ — Кріуна и Пеше, формулированная по 1468 ст. улож. о наказ., въ своихъ фактическихъ подробностяхъ обнимала по истинѣ трагическіе моменты происшествія.

Минутъ около 3—5 „Колумбія“ и „Владиміръ“, сцѣпившись, словно два врага, продолжали еще катиться впередъ въ какой-то безформенной свалкѣ. Носъ „Колумбіи“ („Колумбія“ въ полтора раза больше „Владиміра“ и корпусъ ея выше) какъ-бы лежалъ на верхней палубѣ „Владиміра“, и ни малѣйшаго труда не представлялось перебраться съ одного парохода на другой. Если-бы въ первую же минуту существовала увѣренность въ томъ, что „Колумбія“ осталась невредимою, то въ какія нибудь четверть часа всѣ пассажиры, даже съ багажомъ и со всею командою „Владиміра“, могли бы благополучно перебраться на уцѣлѣвшее судно. Но именно въ первую минуту никто еще ничего не соображалъ.

Среди общей паники и охватившаго всѣхъ ужаса раздался только голосъ капитана Кріуна: „Задержите пароходъ! Узнайте, какой пароходъ!“ Иные изъ пассажировъ „Владиміра“, словно побуждаемые благодѣтельнымъ инстинктомъ, почти неожиданно для самихъ себя, перешагнули на „Колумбію“. Въ томъ числѣ было и нѣсколько женщинъ. Г-жа Ковалева захватила съ собой двухъ малолѣтнихъ дѣтей и всѣ свои пожитки. Перескочилъ въ числѣ другихъ молодой человѣкъ, нѣкто Муретэнъ, говорившій немного по итальянски.

Для того, чтобы судить, какъ долго „Колумбія“ оставалась сцѣпленною съ „Владиміромъ“ достаточно привести такой фактъ. Г-жа Зигомала спала въ одной каютѣ съ своей, возвращавшейся въ Грецію, знакомой г-жею Вассосъ. Отъ сильнаго толчка проснулась первая Вассосъ и стала будить г-жу Зигомала. Обѣ полураздѣтыя, но успѣвъ. однако, надѣть на себя спасательные пояса, по запруженной тѣснившимися пассажирами лѣстничкѣ перваго класса,—онѣ выбрались на верхнюю палубу. Здѣсь, видя передъ собою „чужой пароходъ“, онѣ рѣшились было перешагнуть на него. Но вдругъ г-жа Зигомала вспоминаетъ, что ея четырнадцатилѣтній сынъ,

бывшій вмѣстѣ съ нею на пароходѣ, спитъ гдѣ-то въ отдѣльной каютѣ. Она бросается за нимъ. Пришлось опять спуститься внизъ, едва протискиваясь въ толпѣ. Когда, наконецъ, розыскавъ и разбудивъ сына, г-жа Зигомала снова вышла наверхъ, „Колумбія“ заднимъ ходомъ только-что начала пятиться отъ „Владиміра“. Она не рѣшилась перескочить на „Колумбію“, хотя г-жа Вассосъ, перебравшаяся туда „не спѣша“, еще призывала ихъ послѣдовать за собою.

По голосу капитана „задержать пароходъ“, на „Колумбію“ тотчасъ же перебрался младшій его помощникъ Матвѣевъ. Устремились и многіе изъ команды, въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ изъ машинной команды и кочегаръ Саркизовъ, изъ прислуги—лакей Елисѣевъ и лучшіе матросы,—которые впослѣдствіи, однако, сослужили свою службу,—Жиганюкъ и Собченко. Прямого приказанія „перескочить“ они ни отъ кого не получали; но всѣмъ имъ „слышался“ голосъ капитана, при томъ же они „очень испугались“.

Въ свою очередь и на „Владиміръ“, „не помня себя отъ страха“, перескочили съ „Колумбіи“ какой-то итальянскій матросъ и мальчикъ поваренокъ. Они громко рыдали и молились. Въ первую минуту никто не зналъ, гдѣ безопаснѣе и съ „Владиміра“, и съ „Колумбіи“ одинаково неслись вопли, слышались мольбы о помощи. Каждый считалъ тотъ пароходъ въ безопасности, на которомъ его самого, по несчастью, не было.

По единогласному отзыву лицъ, перескочившихъ на „Колумбію“, тамъ шла суматоха не хуже, чѣмъ на „Владимірѣ“.

Капитанъ Пеше, полуодѣтый, растерянный, безъ шапки бѣгалъ по палубѣ и, обращаясь къ своимъ матросамъ, громко кричалъ: „дѣти, мы погибаемъ! спасеніе въ лодкахъ, мы погибаемъ!“ Матросы съ фонарями бѣгали изъ стороны въ сторону, не отвѣчая на обращенные къ нимъ вопросы и крайне недружелюбно взглядывая на всѣхъ, досаждавшихъ имъ, непрошенныхъ гостей. Не далѣе, однако, какъ минутъ черезъ десять, на „Колумбіи“ все разомъ успокоилось. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій носовой части парохода и измѣренія воды въ трюмахъ (въ этомъ приняли участіе и русскіе, перескочившіе на „Колумбію“, матросы) оказалось, что пароходъ находится въ совершенной безопасности. Онъ получилъ одни только наружныя поврежденія: его выдающійся

„бугшпритъ“, свернутый на правую сторону, мѣрно покачивался при движеніи парохода, держась только на одной желѣзной скрѣпѣ.

Начавъ пятиться отъ „Владиміра“, „Колумбія“ скоро успѣла отойти отъ него, идя „малымъ ходомъ“, саженей на триста, четыреста. Это разстояніе, игравшее видную роль въ процессѣ, только съ большими усиліями удалось установить. Итальянцы рѣшительно отказались опредѣлять „время и мѣсто“ вообще; только по общему своду показаній другихъ, незаинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, лицъ, разстояніе это можетъ быть принято, какъ минимальное. Подойти ближе къ „Владиміру“ „Колумбія“ затѣмъ уже не рѣшилась, не смотря на усиленныя просьбы Матвѣева и остальныхъ русскихъ пассажировъ. Приблизительно на томъ же разстояніи была она и часъ спустя, когда на глазахъ всѣхъ, бывшихъ на „Колумбіи“—невольно ахнувшихъ однимъ общимъ тяжкимъ вздохомъ—„Владиміръ“, сперва погрузившись кормой, вдругъ поднялъ носъ и, затѣмъ, стремительно скрылся подъ водой.

Отъ момента столкновенія до момента полнаго погруженія „Владиміра“ прошло немногимъ болѣе часа; можетъ быть даже часъ съ четвертью. Это оказалось возможнымъ провѣрить отчасти даже по остановившимся часамъ нѣкоторыхъ пассажировъ, попавшихъ въ воду. Свидѣтель Далевскій такъ и сохранилъ „на память“ свои часы, показывающими половину третьяго часа.

Судебное слѣдствіе съ большою тщательностью остановилось на изслѣдованіи тѣхъ мѣръ, которыя каждымъ изъ капитановъ были приняты на протяженіи цѣлаго часа въ интересахъ спасенія погибающихъ. По 1648 статьѣ улож. наказ. именно обвиненіемъ и ставилась имъ въ вину и тяжкій грѣхъ (эта статья, какъ извѣстно, сверхъ уголовнаго наказанія угрожаетъ и церковнымъ покаяніемъ) — смерть всѣхъ погибшихъ, вслѣдствіе ихъ „небрежности, неосмотрительности и неосторожности“.

Перенесемся же поочередно на каждый изъ пароходовъ и прослѣдимъ дѣятельность обоихъ капитановъ.

„Колумбія“, какъ это мы уже знаемъ, осталась невредимою. Она все время „маневрировала“ въ виду „Владиміра“, подвигаясь на нѣсколько саженей то впередъ, то назадъ,

но съ нимъ не сближалась. Наконецъ она выкинула на мачтѣ два фонаря красныхъ (третій, когда вѣшали, случайно разбили). Это, согласно морской сигнализаціи, должно было обозначать: „не могу маневрировать, нахожусь въ опасности". Тщетно на судебномъ слѣдствіи пытались дознаться, что именно заставило Пеше распорядиться столь своеобразно въ то время, когда и машина и руль „Колумбіи" были въ полной исправности и когда всѣ ждали и надѣялись, что она именно вплотную подойдетъ къ „Владиміру" и спасетъ всѣхъ, бывшихъ на немъ, людей.

Въ первые часы послѣ несчастья и даже на протяженіи еще нѣсколькихъ дней всѣ, находившіеся подъ непосредственнымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, прямо обвиняли Пеше въ неслыханной „жестокости" и „упрямствѣ", такъ какъ ничѣмъ инымъ не представлялось возможнымъ объяснить его странное равнодушіе къ судьбѣ другого, погибавшаго на его глазахъ, судна. По приходѣ „Колумбіи" въ Одессу, Пеше былъ тотчасъ арестованъ, энергично началось слѣдствіе и, главнымъ образомъ, въ немъ одномъ хотѣли видѣть прямого виновника смерти всѣхъ несчастныхъ, погибшихъ въ тяжкой, но безсильной борьбѣ съ морскою стихіею. Всѣ находили, что капитану „Колумбіи" стоило только повернуть ручку телеграфа въ машину, дать на протяженіи какихъ-нибудь пяти, десяти минутъ „ходъ впередъ" и спасеніе людей, остававшихся на „Владимірѣ" въ безпомощномъ положеніи, было бы обезпечено.

Въ оправданіе Пеше скоро стало выдвигаться единственное, но показавшееся многимъ весьма вѣскимъ и убѣдительнымъ, соображеніе о томъ, что „Колумбія", будто-бы, имѣла всѣ основанія опасаться при своемъ приближеніи „гибели отъ водоворота", который, якобы, долженъ былъ неминуемо образоваться при погруженіи „Владиміра". Многіе изъ свидѣтелей-пассажировъ (главнымъ образомъ изъ числа предъявившихъ свои гражданскіе иски объ убыткахъ къ „русскому обществу пароходства и торговли"), ранѣе обвинявшіе во всемъ Пеше, на судѣ уже прямо заявляли, что— „Колумбія боялась водоворота".

Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ весьма тщательной экспертизѣ. Даже гг. итальянскіе эксперты, склонявшіеся въ сво-

ихъ окончательныхъ выводахъ на сторону Пеше, не нашли возможнымъ поддерживать эту, настойчиво подхваченную всеобщею молвою, легенду о „водоворотѣ“.

Водоворота сколько-нибудь опаснаго для такого большого судна, какова „Колумбія“, при погруженіи хотя бы и большаго парохода, согласно заключенію экспертовъ, образоваться не могло. Не одному моряку, изъ числа экспертовъ, случалось видѣть, какъ тонули суда, находясь въ очень недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Пришлось видѣть это и одному изъ итальянскихъ экспертовъ. Водоворота, опаснаго для приблизившагося судна, не образовалось. Капитану Ирецкому, во время заграничнаго его плаванія, случилось разъ ночью подойти съ пароходомъ на сигналы о помощи. Тонулъ какой-то англійскій купеческій пароходъ, давшій въ открытомъ морѣ „отъ старости“, нежданно, течь „по всѣмъ швамъ“. Пассажировъ кое-какъ успѣли спасти, а пароходъ шелъ ко дну тутъ же, на глазахъ всѣхъ. Это было всего въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ русскаго военнаго судна, вода бурлила и кружилась вокругъ корпуса тонувшаго парохода, но на русскомъ суднѣ не ощущалось даже сколько-нибудь замѣтной качки. Такой же яркій примѣръ ограниченности раіона дѣйствія подобнаго „водоворота“ засвидѣтельствованъ и настоящимъ процессомъ. Жиганюкъ и Собченко—матросы съ „Владиміра“—на шлюпкѣ, взятой чуть не съ бою у итальянцевъ, во второй разъ уже подходили къ „Владиміру“ въ тотъ моментъ, когда онъ „вдругъ“ приподнялъ свой носъ и точно по наклонной плоскости скользнулъ въ глубину. Это было на ихъ глазахъ. Они вдвоемъ, всего на двухъ веслахъ, очутились отъ него въ какихъ-нибудь двѣнадцати саженяхъ, не болѣе. Шлюпку только „подкинуло“ раза два, три набѣжавшей волной, но ни въ какой „водоворотъ“ ихъ „не тянуло“.

Самъ Пеше на судѣ уже вовсе не ссылался на эти опасенія. О „водоворотѣ“ онъ ничего болѣе не говорилъ, онъ утверждалъ только, что ему „помѣшали“ подойти ближе къ „Владиміру“ приставшія къ „Колумбіи“ шлюпки, а особенно помѣшалъ весьма безпокойный пассажиръ съ „Владиміра“, нѣкій Черномордикъ, который кричалъ, что его шлюпку бьетъ винтомъ и требовалъ поэтому, чтобы остановили „Колумбію“. Отправивъ всѣ четыре свои шлюпки, онъ,

Пеше, полагалъ, что сдѣлалъ все необходимое для оказанія помощи гибнущему „Владиміру“. Спасательный плотъ, который по опыту, произведенному на предварительномъ слѣдствіи, легко держитъ на водѣ до тридцати человѣкъ, онъ, Пеше, ошибочно считалъ „не въ полной исправности“, какъ ему сказали объ этомъ еще въ Мессинѣ; къ тому же плотъ очень тяжелъ и, чтобы выбросить его въ море, у него не хватило бы людей.

Гг. итальянскіе эксперты, проявившіе значительную сдержанность въ этой части своего заключенія, указывали лишь на слѣдующія основанія, которыя, по ихъ мнѣнію, могли воспрепятствовать Пеше подойти съ „Колумбіею“ вплотную къ „Владиміру“. Онъ „могъ опасаться“ въ темнотѣ „толкнуть“ „Владиміръ“, приставая къ нему бортъ о бортъ, и, „быть можетъ, вызвать паденіе нѣкоторыхъ пассажировъ въ воду“, такъ какъ вся толпа, вѣроятно, устремилась бы на приблизившійся пароходъ разомъ, въ видахъ своего спасенія.

Русскіе эксперты съ полнымъ единодушіемъ отвергли основательность подобныхъ доводовъ. Они не находили рѣшительно никакихъ оправданій для Пеше, не успѣвшаго изъ шестидесяти, бывшихъ въ его распоряженіи, минутъ выбрать какихъ нибудь десять, которыхъ было вполнѣ достаточно, чтобы спасти всѣхъ съ „Владиміра“ и даже взять часть багажа. Морская практика полна подобными примѣрами. Каждое судно „обязано“ прійти на помощь въ морѣ къ другому погибающему; тѣмъ болѣе обязано сдѣлать это судно, которое, хотя бы и отчасти, само явилось причиною несчастья.

Морской опытъ, къ сожалѣнію, указываетъ, однако, на случаи по истинѣ варварскаго пренебреженія этими священными обязанностями. Иногда уцѣлѣвшее судно,—и въ большинствѣ случаевъ именно виновное въ гибели другого судна,—пользуясь ночной темнотой, спѣшитъ вовсе удалиться отъ мѣста катастрофы, желая скрыть самый случай столкновенія, и надѣясь, такимъ образомъ, избѣжать законной отвѣтственности. „Колумбія“ не могла прибѣгнуть къ такому „бѣгству“ только потому, что на ней были русскіе съ „Владиміра“, свидѣтели всей печальной катастрофы.

Итальянское уголовное уложеніе караетъ капитана строгимъ арестомъ за неподаніе помощи гибнущему судну на морѣ. Практика англійскихъ судовъ всю отвѣтственность

за столкновеніе относитъ на счетъ капитана, проявившаго подобное вѣроломство.

Если Пеше, по какимъ бы то ни было основаніямъ, опасался подойти бортъ о бортъ къ „Владиміру“, на что, впрочемъ, имѣлъ полную возможность, онъ—согласно заключенію русскихъ экспертовъ—могъ поступить столь же цѣлесообразно, распорядившись нѣсколько иначе. Удостовѣрившись въ безопасности „Колумбіи“, ему слѣдовало тотчасъ-же, приспустивъ еще на ходу шлюпки, подойти къ „Владиміру“ на возможно близкое разстояніе—саженей на 10, 20, даже 30, спустить затѣмъ шлюпки на воду и подать „конецъ“ [1]) на „Владиміръ“. Тогда установилось бы то, вполнѣ правильное, спокойное и безопасное сообщеніе, одинъ видъ котораго, обнадеживъ и успокоивъ пассажировъ, далъ бы возможность всѣмъ, до послѣдняго человѣка, спастись. На разстояніи же 300—400 саженей ночью, и при поднявшейся къ тому же зыби, было весьма трудно, даже просто невозможно, оперировать небольшимъ количествомъ шлюпокъ, изъ которыхъ каждая брала отъ 15 до 20 минутъ на одинъ переходъ отъ судна къ судну. Къ тому же, попадавшіе на шлюпку люди, въ виду отдаленности „Колумбіи“, заботились только о себѣ и совершенно забывали о несчастныхъ, оставшихся еще на „Владимірѣ“.

Капитанъ Кріунъ, какъ опытный морякъ, видя, куда именно пришелся ударъ „Колумбіи“ (въ носовую ея часть). въ правѣ былъ заключить, что она не можетъ находиться въ столь серьезной опасности, какъ „Владиміръ“. Носовая часть судна отдѣлена непроницаемою переборкой отъ остального корпуса и потому въ значительной степени „невредима“. Видя затѣмъ, что „Колумбія“ все время „работаетъ паромъ“, капитанъ Кріунъ вполнѣ основательно ждалъ ея приближенія. Сжигаемые на „Владимірѣ“ фальшфейера, пускаемыя ракеты и безпрерывно звонящій колоколъ обозначали явственно и для Пеше, что тамъ терпятъ крайнее бѣдствіе, что каждая минута промедленія будетъ стоить жизней. Въ распоряженіи капитана: „задержите пароходъ!“—эксперты не могутъ усмотрѣть одной лишь полицейской мѣры; это былъ призывъ къ помощи.

---

[1]) Канатъ.

Дѣйствительно, на „Владимірѣ“ до послѣдняго мгновенія вспыхивали сигнальные огни. За недостаткомъ фальшфейеровъ стали, наконецъ, жечь парусину, облитую керосиномъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, именно на эти огни направилъ свой ходъ „Синеусъ“, бывшій еще далеко. Нѣкоторое время его капитанъ, Лобачевъ принималъ ракеты за маневры и сигналы военной эскадры, и эта нерѣшительность замедлила приближеніе. Но безпрерывное вспыхиваніе огней привлекло, наконецъ, и его вниманіе. „Синеусъ“, послѣ нѣкотораго раздумья со стороны его капитана, направился къ мѣсту катастрофы. Тогда уже, едва замѣтно, начиналъ брезжиться разсвѣтъ. Яркій огонь и притомъ „совсѣмъ близко“ еще разъ вспыхнулъ на „Владимірѣ“, пока „Синеусъ“ шелъ къ нему „на всѣхъ парахъ“. Но огонекъ этотъ, подобно вздоху умирающаго, былъ уже послѣднимъ, — „Синеусъ“ не засталъ „Владиміра“.

Принимая въ соображеніе всѣ эти данныя, девять человѣкъ русскихъ моряковъ-экспертовъ (на этотъ разъ единогласно), безусловно винили Пеше въ „нераспорядительности“, граничащей съ преступнымъ и необъяснимымъ равнодушіемъ къ судьбѣ гибнущаго „Владиміра“. Одинъ изъ экспертовъ, контръ-адмиралъ Кологерасъ, формулировалъ свою мысль съ неподдѣльною и горячею чуткостью: „И по закону—сказалъ онъ—и по чувству простого нравственнаго долга „Колумбія“ обязана была подать руку помощи погибающему Она имѣла къ тому полную возможность и не сдѣлала этого. Какъ моряку и какъ человѣку, мнѣ въ равной мѣрѣ непонятно и необъяснимо въ данномъ случаѣ поведеніе капитана Пеше“.

VI.

Еще разъ перешагнемъ на „Владиміръ“, чтобы взглянуть, что же дѣлалось тамъ въ этотъ „послѣдній“, томительно длившійся часъ, когда пароходъ находился уже „между жизнью и смертью“.

Капитанъ Кріунъ, въ лицѣ своей защиты на судѣ, горько жаловался на то, что въ отношеніи обвиненія его по 1468 ст. улож. наказ., онъ, въ силу большой поспѣшности пред-

варительнаго слѣдствія и предъявленія ему столь тяжкаго въ нравственномъ отношеніи обвиненія лишь въ самый моментъ заключенія слѣдствія, былъ лишенъ фактическаго матеріала, необходимаго для своего оправданія. Свидѣтели, изъ числа бывшей команды „Владиміра“, въ силу достаточно позорно проявленной ими трусости, естественно мало внушали къ себѣ довѣрія; изъ числа же пассажировъ, бывшихъ на „Владимірѣ“, на предварительномъ слѣдствіи были спрошены весьма немногіе и притомъ преимущественно изъ числа пассажировъ перваго и втораго классовъ.

По обвинительному акту такихъ свидѣтелей-пассажировъ было вызвано на судъ всего двѣнадцать человѣкъ. Большинство изъ нихъ явились одновременно и гражданскими истцами съ денежными претензіями на значительныя суммы, причемъ иски ихъ были всецѣло обращены къ „Русскому обществу пароходства и торговли“. Защита Кріуна утверждала, что эти лица, державшіяся все время особнякомъ у рубки 1-го класса, могли и не видѣть Кріуна и не слышать его распоряженій. Онъ оставался все время на капитанской площадкѣ, приходившейся ближе къ помѣщенію 3-го класса, гдѣ было до сотни уцѣлѣвшихъ пассажировъ, вовсе не допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Вызвать ихъ, затѣмъ, на судъ не было уже никакой физической возможности, такъ какъ они разбрелись по всей Россіи, не заявляя никакихъ требованій; ни имена, ни мѣста жительства ихъ Кріуну не могли быть извѣстны.

Такъ или иначе, на основаніи того матеріала, которымъ располагало предварительное слѣдствіе, положеніе дѣлъ на „Владимірѣ“ вырисовывалось съ достаточно характерною ясностью. Обвинительный приговоръ ставитъ въ вину Кріуну очень многое. И недостаточное количество спасательныхъ поясовъ на „Владимірѣ“, и неумѣлое надѣваніе ихъ пассажирами, и продолжительный спускъ шлюпокъ, вслѣдствіе неумѣлости команды. Все это отнесено исключительно на счетъ „небрежности“ капитана. Ему же поставлено въ вину, что онъ недостаточно изслѣдовалъ пробоину и не принялъ никакихъ мѣръ къ задѣлкѣ ея. Наконецъ, капитану Кріуну вмѣнялось въ вину и то, что не были спасены сперва больные, женщины и дѣти, и то, что прислуга „Владиміра“, а

отчасти и команда, искали спасенія ранѣе другихъ. Послѣднее обвиненіе, само собою разумѣется, имѣетъ значеніе скорѣе нравственно-отягчающаго вину обстоятельства, нежели самостоятельной юридической вины, такъ какъ, кто бы ни погибъ отъ наличности „неосторожности“ или „небрежности“ капитана, онъ одинаково явился бы отвѣтственнымъ по 1468 ст. улож. наказ.

Кріунъ съ своей стороны съ настойчивостью утверждалъ, что „всѣ-бы спаслись“, если бы подошла „Колумбія“. Но разъ она не подошла, никакія съ его стороны мѣры не могли оказаться достаточными. Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ и, въ то время, когда большинство его команды позорно бѣжало, оставался до конца на своемъ посту. По выраженію его защиты: „не Кріунъ сошелъ съ Владиміра, а „Владиміръ“ ушелъ изъ-подъ его ногъ“.

Вопросъ: насколько обвиняемый Кріунъ, въ качествѣ капитана парохода, до конца исполнилъ свой долгъ?—наравнѣ съ другими вопросами техническаго свойства—сталъ на судѣ предметомъ заключенія экспертовъ. И на этотъ разъ мнѣнія экспертовъ раздѣлились. Вновь выступили три самостоятельныя, неравныя въ количественномъ отношеніи группы.

Большинство русскихъ экспертовъ (числомъ восемь), съ контръ-адмираломъ Кологерасомъ во главѣ, категорически объявило, что всю дѣятельность капитана Кріуна они признаютъ безукоризненною. Не имѣя въ своемъ распоряженіи почти никакихъ реальныхъ средствъ къ спасенію пассажировъ (три шлюпки, отваливъ отъ „Владиміра“, болѣе къ нему не вернулись), онъ до послѣдней минуты, не теряя бодрости духа, отдавалъ распоряженія о подготовленіи разныхъ деревянныхъ частей парохода въ качествѣ плавучихъ предметовъ, на которыхъ спаслись многіе пассажиры, и заботился о поддержаніи сигнализаціи съ призывомъ о помощи до самаго конца. Энергія его несомнѣнно была подавлена бѣгствомъ команды „Владиміра“ съ старшимъ помощникомъ, г. Сурковымъ во главѣ, вслѣдствіе чего они, эксперты, по совѣсти считаютъ Кріуна „жертвою“ его команды и лично его не могутъ упрекнуть ни въ небрежности, ни въ нераспорядительности. Всякая попытка задѣлать пробоину, при неимѣніи на пароходахъ „Русскаго общества“ спеціально для того

приспособленнаго „пластыря“, была бы лишь пустою тратою времени, тѣмъ болѣе, что Кріунъ не могъ предвидѣть, сколько именно минутъ или часовъ „Владиміръ“ продержится на водѣ. Оставаясь все время на „площадкѣ“ (капитанской), Кріунъ ничѣмъ не нарушилъ своего долга, а, наоборотъ, выполнилъ его доконца, такъ какъ здѣсь онъ могъ быть виденъ всѣмъ, и это поддерживало бодрость духа пассажировъ; попробуй онъ сойти съ нея, могла бы только увеличиться паника, такъ какъ пассажиры могли бы заподозрить, что и капитанъ ихъ „оставилъ“. По мнѣнію контръ-адмирала Кологераса, выраженному имъ въ дополненіе къ высказанному уже другими экспертами его группы: капитанъ Кріунъ „до конца честно исполнилъ свой долгъ“, и винить его въ чемъ либо онъ лично не видитъ ни повода, ни основанія.

Иначе высказались итальянскіе эксперты. Усматривая „недостаточность энергіи“ въ распоряженіяхъ капитана Кріуна, они не только не оправдывали эту недостаточность бѣгствомъ его команды, но, напротивъ, именно въ этомъ „позорномъ дезертирствѣ всей команды“, видятъ поводъ и основаніе для „проявленія всей энергіи“ капитана, которая въ данномъ случаѣ отсутствовала. Признавая затѣмъ пробоину относительно „незначительной“ (не даромъ пароходъ продержался цѣлый часъ), они находятъ, что не было сдѣлано ровно ничего для ея изслѣдованія, между тѣмъ подобная попытка, своевременно предпринятая, быть можетъ, навела бы капитана на мысль о возможности самой задѣлки пробоины.

Еще болѣе категорично, и именно по этому послѣднему вопросу, высказался русскій экспертъ капитанъ Ирецкій, оставшійся и на этотъ разъ при своемъ отдѣльномъ мнѣніи. Теоретически онъ положительно признаетъ возможнымъ задѣлку такой пробоины, при наличности которой „Владиміръ“, въ концѣ концовъ, продержался болѣе часа. Даже при помощи простого брезента или паруса (за неимѣніемъ спеціальнаго „пластыря“) слѣдовало попытаться уменьшить, если не вовсе задержать прибыль воды. Если бы удалось сдѣлать это и „удержать „Владиміръ“ на водѣ“, хотя бы на протяженіи лишняго получаса или даже четверти часа, всѣ были бы спасены, такъ какъ „Синеусъ“ уже приближался. При

этомъ экспертъ оговорился, однако, что онъ разсуждаетъ только „теоретически“; на практикѣ ему никогда не случалось быть въ такой „передѣлкѣ“, въ какую попалъ „Владиміръ“, и будь онъ, экспертъ, на мѣстѣ капитана Кріуна въ ту минуту, быть можетъ, и онъ „не вспомнилъ бы о пробоинѣ“ и „еще хуже растерялся“. Экспертъ настаивалъ только на правильности своихъ теоретическихъ выводовъ.

Въ такомъ видѣ эта вторая часть обвиненія, въ полной мѣрѣ признанная судомъ, выяснилась съ точки зрѣнія экспертовъ, т. е. спеціалистовъ и знатоковъ морского дѣла.

VII.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы въ заключеніе не попытались воспроизвести и всѣ подробности обстановки, среди которой суждено было погибнуть такому множеству людей. Это необходимо для того, чтобы правильно судить о дѣйствительныхъ условіяхъ, повліявшихъ на размѣръ и весь характеръ катастрофы. Попутно намъ придется, быть можетъ, убѣдиться въ той не новой, впрочемъ, истинѣ, что дѣйствительныя жизненныя явленія, со всѣми ихъ случайными оттѣнками и наслоеніями, всегда шире самой тонкой и предусмотрительной юридической ихъ формулировки.

Съ точки зрѣнія истаго юриста можно, пожалуй, успокоиться на мысли, что, такъ сказать, „отвѣтственными редакторами“ всей катастрофы являются ни кто иные, какъ капитаны пароходовъ—Кріунъ и Пеше; въ этомъ, пожалуй, не будетъ еще большой юридической натяжки. Но рядомъ съ этимъ, внимая голосу фактовъ, придется признать и другое.

Бѣгство команды, бѣгство старшаго съ „Владиміра“, помощника Суркова, управленіе „Колумбіею“ въ моменты столкновенія отнюдь не Пеше, а его помощникомъ Рицце, при условіи, что всѣ эти лица не были преданы суду и фигурировали лишь въ качествѣ свидѣтелей, не указываетъ ли на нѣкоторую искусственную съуженность обвиненія въ отношеніи круга дѣйствительно отвѣтственныхъ лицъ,—обвиненія, которое оказалось направленнымъ исключительно противъ двухъ лицъ—Кріуна и Пеше? На это обстоятельство было обра-

щено вниманіе и на судебномъ слѣдствіи и во время заключительныхъ преній.

Велѣніе 15 ст. уст. угол. суд. о томъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только за себя, само по себѣ непререкаемо. При постановкѣ обвиненія по 1466 и 1468 ст. улож. наказ., угрожающимъ помимо уголовнаго наказанія еще и духовно-нравственнымъ воздѣйствіемъ (церковнымъ покаяніемъ), настоятельность подобнаго юридическаго (столько же, сколько и логическаго) соотвѣтствія особенно очевидна. Законъ и судебная казуистика знаютъ случаи, такъ называемой, „формальной“ отвѣтственности лицъ, заранѣе на то предопредѣленныхъ своимъ юридическимъ отношеніемъ къ предмету правонарушенія. Таковы постановленія устава цензурнаго, устава питейнаго и нѣкоторыхъ фискальныхъ законовъ. Но о подобной „формальной“ отвѣтственности въ примѣненіи карательныхъ мѣръ, которыя сопровождаются еще и возмездіемъ духовнонравственнаго характера, разумѣется не можетъ быть уже и рѣчи. Разъ законъ ищетъ воздѣйствовать на душу правонарушителя, онъ, разумѣется, имѣетъ въ виду ея собственный, а не чужой „грѣхъ“. Грѣхъ чужой или зло случайное не могутъ въ подобныхъ обвиненіяхъ являться привѣскомъ на вѣсахъ правосудія. Въ этомъ и нравственное значеніе, и логика даннаго карательнаго закона.

Въ разгарѣ судебнаго слѣдствія цѣлая группа гражданскихъ истцовъ, въ лицѣ своихъ повѣренныхъ, и въ формѣ письменныхъ заявленій и на словахъ, домогалась пріостановить все производство, такъ какъ находила, что слѣдствіе обнаружило слишкомъ достаточно данныхъ для привлеченія къ отвѣтственности еще и другихъ агентовъ „Русскаго общества“, помимо капитана Кріуна, которые, однако, не были вовсе привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ. Въ дѣятельности многихъ матросовъ съ „Владиміра“, боцмана Злобина, помощниковъ капитана Суркова и Матвѣева и даже капитана „Синеуса“ Лобачева гражданскіе истцы усматривали наличность спеціальныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 1268 и 1271 статьями улож. наказ. Статьи эти говорятъ о разнообразныхъ проступкахъ „водоходцевъ и корабельныхъ служителей“ во время нахожденія „корабля въ опасности“.

И нельзя не признать, какъ мы увидимъ это ниже, что судебное слѣдствіе намѣтило достаточно данныхъ для формулировки подобныхъ обвиненій. Судъ отклонилъ ходатайство гражданскихъ истцовъ, не находя основаній къ пріостановленію однажды начатаго засѣданія. Такъ или иначе, но вопросъ объ этомъ былъ возбужденъ, и по существу едва ли неосновательно.

Во время судебныхъ преній, равнымъ образомъ, было отмѣчаемо, что Пеше по первой части обвиненія въ сущности преданъ суду за дѣянія Риццо и что вообще привлеченіе къ суду только двухъ лицъ—Кріуна и Пеше—не исчерпывало фактическаго матеріала, логически тяготѣвшаго еще во многихъ другихъ направленіяхъ.

Однако, при какой же обстановкѣ послѣдовала гибель людей на „Владимірѣ“?

„Колумбія“ стала отходить минутъ черезъ пять послѣ перваго момента столкновенія. Всѣ пассажиры въ это время успѣли уже выбѣжать наверхъ. Нѣкоторые одѣли на себя спасательные пояса, другіе только наполовину успѣли одѣться, третьи—мечтали даже о спасеньи своего багажа. Едва ли не ранѣе пассажировъ повысыпали изъ своихъ каютъ и изъ кубрика *) всѣ служащіе на пароходѣ, не бывшіе въ то время на вахтѣ. Всѣхъ служащихъ разбудилъ толчекъ на столько сильный, что иныхъ повыбросило изъ коекъ.

Изъ числа первыхъ проснувшихся и наскоро одѣвшихся были „старшій помощникъ“ Сурковъ и „второй помощникъ“ Фельдманъ. Они почти одновременно подбѣжали къ капитанскому „мостику“. Обращаясь къ нимъ, капитанъ спрашивалъ „Какъ вода? велика ли пробоина?“ Фельдманъ тотчасъ же отправился къ правому борту и, перевѣсившись съ него, сталъ разглядывать очертанія пробоины и прислушиваться: какъ хлещетъ вода. Вся верхняя палуба у праваго борта, начиная отъ курительной рубки перваго класса и вплоть до самаго носа, была загромождена обломками, кусками дерева и желѣза. Двѣ большія шлюпки, висѣвшія по правому борту, оказались разбитыми въ щепы; торчали только желѣзныя шлюпъ-балки, къ которымъ онѣ были прикрѣплены.

---

*) Помѣщеніе для матросовъ въ носовой части судна.

По описанію Фельдмана, пробоина, аршина въ полтора шириною шла отъ самаго верхняго края праваго борта вплоть до линіи воды, скрываясь подъ нею и нѣсколько съуживаясь книзу. По мѣсту своего нахожденія пробоина приходилась прямо въ машинное отдѣленіе, состоящее изъ кочегарни, гдѣ хранится уголь, и собственно помѣщенія для котловъ и машинъ. Фельдманъ употребилъ минутъ пять на этотъ внѣшній осмотръ и тотчасъ же направился на мостикъ доложить капитану.

Ранѣе этаго Сурковъ, успѣвшій только заглянуть въ машинное отдѣленіе, доложилъ уже Кріуну, что вода очень быстро прибываетъ и что пароходъ въ большой опасности. Тогда, не ожидая возвращенія Фельдмана, капитанъ Кріунъ отдалъ приказаніе: „шлюпки на воду!“ Приказаніе это, по собственному признанію Суркова, „принялъ“ онъ, Сурковъ, т. е. взялся его исполнить, другими словами, наблюсти за исправнымъ приведеніемъ его въ исполненіе. Поэтому на команду капитана онъ и отозвался: „есть!“ Къ шлюпкамъ бросилось много народа изъ пассажировъ и матросовъ. Такъ какъ на первыхъ порахъ, пока не зажгли еще фонарей, было темновато, то трудно было разглядѣть, кто именно принялся работать у шлюпокъ.

Подоспѣвшій тѣмъ временемъ на капитанскую площадку Фельдманъ доложилъ о размѣрахъ пробоины. По словамъ Фельдмана, они при этомъ съ капитаномъ „молча, но весьма многозначительно, переглянулись“. По соображенію Фельдмана, они оба поняли, что опасность была крайне велика. О спасеніи парохода, по ихъ умозаключенію, нечего было и помышлять; даже на то, что „Владиміръ“ продержится еще съ часъ на водѣ, они никакъ не расчитывали. Тѣмъ временемъ у шлюпокъ сталъ твориться какой то невообразимый хаосъ. Фельдманъ поспѣшилъ туда.

Изъ трехъ уцѣлѣвшихъ шлюпокъ одна, самая маленькая, такъ называемый „тузикъ“, была всегда наготовѣ къ спуску. Ее первою и съ большою поспѣшностью спускали. Но каково же было удивленіе сперва Фельдмана, а затѣмъ и капитана, когда оказалось, что по „талямъ“ *) раньше всѣхъ въ нее спустились: старшій помощникъ Сурковъ, боцманъ Злобинъ

*) Канаты, на которыхъ спускается шлюпка на воду.

и нѣсколько самыхъ лучшихъ матросовъ. Изъ пассажировъ въ нее попалъ одинъ только г. Ветчинкинъ, да и то потому, что это былъ „свой человѣкъ“ — лицо служащее въ „Русск. общ. пароход. и торговли“ и занимающее тамъ довольно видное мѣсто. Кріунъ кликнулъ Фельдмана, чтобы достать „шканечный журналъ“, желая спасти этотъ важный судовой „документъ“, сдавъ его кому нибудь изъ отправляющихся на шлюпкахъ. Тутъ то и обнаружилось „бѣгство“ Суркова. Журналъ, находился въ каютѣ „старшаго помощника“, которая была заперта, на ключъ, а самого „старшаго помощника“ вовсе не оказывалось. Онъ „уѣхалъ“. „Какъ уѣхалъ?“ — воскликнулъ капитанъ — „я ему приказалъ спускать шлюпки!“ Но Сурковъ дѣйствительно „уѣхалъ“ на „Колумбію“.

Такимъ образомъ, на „Колумбіи“ вслѣдъ за Матвѣевымъ съ нѣсколькими матросами (эти какъ извѣстно, перескочили въ моментъ столкновенія), очутились еще Сурковъ съ остальными матросами. Фельдманъ остался одинъ на „Владимірѣ“ въ помощь капитану и сталъ метаться изъ стороны въ сторону, желая разомъ выполнить всѣ приказанія. А приказаній сыпалось множество: засвѣтить и развѣсить фонари, спустить и охранять трапъ, въ ожиданіи шлюпокъ съ „Колумбіи“, наконецъ, отправить пассажировъ, на двухъ уцѣлѣвшихъ, но все еще не спущенныхъ шлюпкахъ. Желая быть вполнѣ на высотѣ своего, довольно такъ отвѣтственнаго, положенія, Фельдманъ очень много кричалъ, иногда даже выходилъ изъ себя и ругался, бѣгалъ съ носа на корму и обратно, однако не поспѣвалъ почти никуда во время, не имѣя подъ руками необходимыхъ рабочихъ рукъ для выполненія приказаній. Это не мѣшало ему, однако же, много „работать“ и вести себя очень бодро и самоувѣренно.

Съ мостика капитана раздавались разныя приказанія: „сажать въ шлюпки женщинъ и дѣтей!“ „жечь фальшфейера!“, „пускать ракеты!“, „подать фонари!“ и т. п. и на все это раздавались отклики „исправнаго помощника“ Фельдмана: „есть!“, что, по его пониманію, должно было обозначить: „будетъ исполнено!“—„готово!“

Однако же на дѣлѣ ничто не было „готово“. Около шлюпокъ хлопотали уже болѣе четверти часа, но дѣло не подвигалось впередъ; тамъ все еще творилось что-то невообразимое.

Сначала пассажиры, съ багажемъ и всѣми своими пожитками, забрались въ шлюпки, покуда тѣ еще не были спущены. Ихъ невозможно было въ такомъ видѣ не только „вывалить“ за бортъ, но даже сдвинуть съ мѣста. Кое-кто изъ команды, бывшій тутъ, сталъ „честью просить пассажировъ объ выходѣ“. Большинство послушалось, но нѣкоторые упорствовали. Неоднократно упоминавшійся Черномордикъ, по его собственному сознанію, „три раза получилъ по шеѣ“, ранѣе чѣмъ рѣшился, наконецъ, освободить шлюпку и отъ своей особы, и отъ своихъ пожитковъ. Госпожу Кацъ кто-то больно рванулъ сзади за косу. Она думаетъ, что такъ звѣрски могъ поступить съ нею только кто-нибудь изъ команды „Владиміра“. Сыну ея, пятнадцати-лѣтнему гимназисту, также не желавшему добровольно выйти изъ шлюпки, расцарапали въ кровь лицо. Какой-то безмолвствующій турокъ, не говорившій ни слова по русски, легъ ничкомъ на дно шлюпки, распластавшись подъ скамейками. и ужь никакими усиліями его невозможно было достать оттуда. Такъ онъ и спасся. Чиновникъ, сопровождавшій почтовую и денежную корреспонденцію, г. Петровскій, кинулся было на капитанскій мостикъ, желая узнать, не перевезутъ ли прежде всего почту, но, узнавъ отъ капитана, что „не до почты теперь“, устремился также къ шлюпкамъ и попалъ въ одну изъ нихъ въ то время, когда ее уже приспустили на талях.

Десятки неумѣлыхъ рукъ тянулись всѣ къ одной и той же веревкѣ, оттирая другъ друга, чѣмъ только затрудняли спускъ. Безпрестанно „заѣдало“ то здѣсь, то тамъ. Кто-то потребовалъ топора, что-то начали рубить. Офицеръ Глушанинъ обнажилъ зачѣмъ то свою отточенную шашку. Кричали, что „тали закрашены“ и оттого плохо идетъ спускъ. Интендантскій чиновникъ Дырдовскій положительно удостовѣрялъ на судѣ, что онъ взялся было за тали, чтобы тянуть ихъ, но онѣ прилипали къ его рукамъ. Онъ думаетъ, что это была краска. Черномордикъ, въ качествѣ домовладѣльца, имѣвшій дѣло съ масляной краской, удостовѣрялъ положительно, что шлюпки были „прикрашены къ стойкамъ“, оттого-то такъ долго онѣ и не подавались.

Такъ или иначе, но спускъ шлюпокъ, для всѣхъ, нетерпѣливо жаждавшихъ спасенія, казалось никогда не придетъ

къ концу. Въ послѣдній моментъ всѣ „навалились“, пытаясь помочь дѣлу При этомъ мужчины, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, одинъ чиновникъ, учитель и еще нѣсколько изъ „интеллигентныхъ“, попали въ шлюпки какъ-то „для самихъ себя неожиданно“, впереди женщинъ и дѣтей, которыхъ „видно не было“. Кочегары и кое-кто изъ пароходной прислуги ломились прямо-таки „напроломъ“, безпощадно отгирая женщинъ и дѣтей. Они расчитывали, что безъ нихъ дѣло „спасенія“ никакъ обойтись не можетъ, такъ какъ надо же кому-нибудь умѣлому и работать на веслахъ и управлять шлюпкою. Былъ и такой моментъ при спускѣ послѣдней (ближайшей къ капитанскому мостику) шлюпки. Тщетно желая повернуть шлюпъ-балки (безъ чего нельзя вывалить шлюпки за бортъ), начали уже выбиваться изъ силъ. Вдругъ капитанъ съ мостика замѣтилъ, что толкаютъ совсѣмъ въ противоположную сторону. Онъ сталъ кричать, указывая, какъ именно надо дѣлать, — тогда дѣло понемногу наладилось и шлюпка очутилась на водѣ.

Въ общемъ на спускъ обѣихъ шлюпокъ ушло не менѣе получаса. Капитанъ пытался еще кричать имъ вслѣдъ: „держитесь противъ зыби!“, „верните шлюпки!“, но въ шлюпкахъ стоялъ такой гвалтъ, что ничего слышно не было. Раздавались только вопли, впавшей въ истерику, г-жи Кацъ.

Когда отвалила послѣдняя шлюпка, и въ нее не попала какая-то женщина съ дѣтьми, она—говорятъ—перекрестилась и, взявъ обоихъ дѣтей на руки, бросилась въ воду. Она рѣшилась съ ними погибнуть. Муки страха и ожиданія были для нея невыносимы. Если вѣрить единственной свидѣтельницѣ, повѣдавшей объ этомъ эпизодѣ на судѣ (никто другой свидѣтелемъ этого не былъ), несчастная женщина тутъ же пошла ко дну, и никто даже не обратилъ вниманія на несчастную. Это была, такимъ образомъ, первая, отчасти добровольная, человѣческая жертва на „Владимірѣ“. Черномордикъ, желая попасть въ шлюпку, также упалъ въ воду, но его благополучно вытащили и посадили въ шлюпку „на самое дно“.

Когда отваливала послѣдняя шлюпка съ „Владиміра“, многимъ показалось, что къ лѣвому борту у трапа пристаивала итальянская шлюпка. На судебномъ слѣдствіи,

дѣйствительно выяснилось, что это была большая итальянская шлюпка „Колумбіи“, на рулѣ которой сидѣлъ помощникъ капитана Матвѣевъ, а на веслахъ только двое, то были русскіе матросы Жиганюкъ и Собченко. У спущеннаго трапа въ это время толпилось множество народа. Фельдманъ поставилъ здѣсь наблюдать за порядкомъ двухъ самыхъ молодыхъ, не сбѣжавшихъ съ „Владиміра“, матросовъ—Сопоцько и Дейчмана. Дейчманъ, вооружившись топоромъ, рѣшилъ пускать на трапъ публику только „поодиночкѣ“, такъ какъ иначе трапъ могъ бы оборваться. Но всѣ хотѣли попасть на него разомъ. Тогда, размахивая топоромъ и съ крикомъ: „разобью голову первому, кто сунется!“,—Дейчманъ не сталъ пускать никого. Только самые ловкіе и проворные спрыгивали на трапъ съ борта и попадали въ шлюпку. Удалось спрыгнуть офицеру Глушанину, пароходному ресторатору Моисеенко и еще нѣсколькимъ мужчинамъ; изъ женщинъ попала въ шлюпку только горничная второго класса, служившая на „Владимірѣ“ Фельдманъ пытался было провести къ трапу генерала Барановскаго, почтительно говоря ему: „пожалуйте, ваше превосходительство!“, но вся толпа стала кричать: „мы всѣ здѣсь генералы!“ Фельдманъ вынужденъ былъ отступить.

Госпожа Зигомала и княгиня Бейбутова пытались попасть въ шлюпку, но ихъ, также какъ и интендантскаго чиновника Дырдовскаго, устранилъ топоръ Дейчмана, которымъ тотъ постукивалъ о желѣзныя поручни трапа. Шлюпка стояла у трапа очень недолго и вдругъ отошла. Ее стало бить о трапъ волной. Попавшіе въ нее пассажиры стали опасаться, чтобы съ трапа не бросились всѣ разомъ и не затопили ее. Г. Матвѣевъ, сидѣвшій на рулѣ „и до сихъ поръ“ понять не можетъ, какъ это случилось, что шлюпка, взявъ такъ мало сравнительно народа (всего человѣкъ 10, когда могла вмѣстить втрое больше), „вдругъ“ отошла и направилась снова къ „Колумбіи“. Сынъ госпожи Зигомала, гимназистъ, сунулъ въ руку Дейчмана трехрублевку, прося посадить его съ матерью въ шлюпку. Дейчманъ обѣщалъ, говоря, что сейчасъ еще подойдетъ шлюпка. Но къ трапу уже ни одной шлюпки болѣе не приставало.

Подходила еще шлюпка съ итальянскими матросами, но

та исключительно держалась у кормы, которая, тѣмъ временемъ, довольно значительно осѣла на водѣ. Въ шлюпку приходилось прыгать съ борта. Молодая, начинавшая приходить въ отчаяніе, француженка, г-жа Фаверра, была спущена въ нее кѣмъ-то изъ пассажировъ. Г. Хамаритъ „бросилъ“ въ шлюпку какого то мальчика. Прыгнули въ нее сами еще нѣсколько пассажировъ. Шлюпка поспѣшно отошла, далеко не взявъ того числа людей, какое могла вмѣстить. Четверо итальянскихъ матросовъ, бывшихъ на ней, въ голосъ твердили, что „публика сама не хотѣла идти въ шлюпку“, хотя они и любезно ее приглашали. Почему шлюпка не задержалась у трапа, а стояла все время у кормы, они дать себѣ отчета не могли. На судѣ свидѣтели итальянцы стояли на томъ, что еще какая то третья шлюпка приставала къ „Владиміру“. Эта шлюпка оказалось однако вполнѣ мифической. Никто на „Владимірѣ“ ее не видалъ, и итальянцы не могли указать ни одного человѣка, спасшагося на ней. Всего вѣрнѣе, что эта шлюпка подоспѣла къ мѣсту катастрофы уже тогда, когда „Владиміръ“ шелъ ко дну. Съ нея на „Колумбію“ доставили исключительно „мокрыхъ“ пассажировъ т. е. побывавшихъ уже въ водѣ.

Ни одна изъ шлюпокъ, отошедшихъ съ „Владиміра“ къ нему больше не возвратилась. Тузикъ былъ брошенъ Сурковымъ и его командою на произволъ судьбы, даже не привязаннымъ у „Колумбіи“. Сурковъ крикнулъ было матросамъ: „ступайте назадъ на „Владиміръ!“, „но матросы его обругали и отвѣтили: „а самъ назадъ не хочешь?“ Шлюпка, которою командовалъ лакей Цвигунъ, въ которой г-жа Кацъ неистово кричала все время, а сынъ ея страдалъ морской болѣзнью, причиняя окружающимъ безпокойство, — „боялась“ почему то идти на „Колумбію“ и пошла на какой то другой „огонекъ“, полагая, что то берегъ. Огонекъ оказался звѣздою, и шлюпка блуждала въ морѣ, пока ее не подобралъ, наконецъ, приблизившійся „Синеусъ“. Другая русская шлюпка, на которой въ числѣ прочихъ очутился, попавшій ранѣе въ воду, Черномордикъ, плыла до „Колумбіи“ минутъ двадцать. Въ ней распоряжался кочегаръ Нестеровъ. Шлюпку заливало волной, чопъ не былъ хорошо воткнутъ и она набиралась водою. Уже подходя къ „Колум-

біи", Черномордикъ ухватился за плававшій свободно тузикъ и перепрыгнулъ въ него, перетащивъ за собою и какую то женщину. Въ это время „Колумбія" работала винтомъ. Черномордикъ сталъ кричать и она застопорила машину. На „Колумбію" пассажировъ принимали по „штормовому", т. е. по веревочному трапу, такъ какъ онъ былъ съ подвѣтренной стороны. Сначала принимали только „сухихъ" пассажировъ; но когда „Владиміра" не стало болѣе видно, вдругъ начали подвозить исключительно „мокрыхъ".

Пеше распорядился отвести всѣ каюты къ услугамъ доставляемыхъ съ „Владиміра". Имъ предлагали вино, коньякъ и „мастику". Предлагали также чай. Мокрымъ и перезябшимъ обязательно предоставлялось бѣлье, сухія простыни и теплыя одѣяла.

На одной изъ итальянскихъ шлюпокъ, часъ спустя, въ числѣ другихъ вытащенныхъ изъ воды, доставили на „Колумбію" и капитана Кріуна. Его волочили по трапу и несли подъ руки по палубѣ, такъ какъ самъ идти онъ не могъ. Его посадили на палубѣ около рубки. Онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ, весь мокрый, безъ фуражки и дрожалъ. Кто то надѣлъ ему на голову „лакейскую" шапочку безъ козырька, а на плечи набросилъ байковое одѣяло. По отзыву свидѣтеля Далевскаго, онъ имѣлъ „жалкій и убитый" видъ. Никто даже не рѣшался приставать къ нему съ разспросами. Скоро унесли его въ каюту капитана Пеше, которая была тутъ же наверху. Объ этомъ позаботились лакей Цвигунъ и буфетчикъ съ „Владиміра". Они его раздѣли, уложили въ постель и стали оттирать. Ноги ниже колѣнъ оказались у него „побитыми", т. е опухшими и покрытыми синяками.

„Старшій помощникъ" Сурковъ, по отзыву Пеше, тянувшій все время „мастику", скоро заснулъ гдѣ-то на палубѣ, на одной изъ скамеекъ, на виду у всѣхъ.

VIII.

Итальянскіе эксперты, какъ и самъ Пеше, придавали огромное значеніе отсылкѣ шлюпокъ на „Владиміръ", такъ какъ этимъ исчерпывалась вся помощь, оказанная „Колумбіею" погибавшимъ. Пеше, поддерживаемый своею командой,

утверждалъ, что „всѣ“ итальянскія шлюпки были отправлены имъ своевременно и притомъ исключительно съ помощью своихъ собственныхъ итальянскихъ, „бравыхъ“ матросовъ.

По разсказу Матвѣева, Жиганюка, Собченко и другихъ лицъ, попавшихъ первыми на „Колумбію“, картина получалась совершенно иная. Равнымъ образомъ, на „Владимірѣ“ никто не видалъ другихъ шлюпокъ, кромѣ первой, на которой былъ Матвѣевъ и двое русскихъ матросовъ, и еще второй, приставшей ближе къ кормѣ, на которой спаслась г-жа Фаверра и еще немного пассажировъ.

По разсказу Матвѣева, подтверждаемому всѣми русскими, перескочившими на „Колумбію“, дѣло происходило такъ. Сперва по крику Пеше: „дѣти, мы погибаемъ!“ вся итальянская команда бросилась къ шлюпкамъ и стала весьма дружно готовить ихъ къ спуску. Но очень скоро, какъ только убѣдились, что „Колумбія“ въ безопасности, опять послышался голосъ капитана, послѣ чего всѣ итальянцы оставили шлюпки. Тогда Матвѣевъ, желая какъ можно скорѣе идти на помощь къ „Владиміру“, кликнулъ русскихъ и они стали спускать самую большую шлюпку. Когда спустили, Жиганюкъ и Собченко тотчасъ взялись за весла. Но попавшіе въ ту же шлюпку итальянцы стали „отнимать“ весла и не давали имъ грести. Тогда кто-то крикнулъ имъ съ парохода по итальянски, они бросили весла и взобрались опять на „Колумбію“. Тутъ только Жиганюкъ и Собченко вдвоемъ стали грести, а Матвѣевъ, сѣвъ на руль, направилъ шлюпку къ „Владиміру“.

Пеше съ настойчивымъ упорствомъ отрицалъ самую возможность подобнаго „инцидента“. Онъ весьма горячо доказывалъ, что эту шлюпку двигать вдвоемъ невозможно, а чтобы вывалить ее за бортъ, нужно по крайней мѣрѣ двѣнадцать матросовъ. Горячность и убѣжденность, съ которыми Пеше стоялъ на своемъ, способны были заставить усумниться въ томъ, что подтверждалось, однако, весьма многими, хотя, правда, исключительно русскими свидѣтелями.

Во время поѣздки членовъ суда, экспертовъ и сторонъ на „Колумбію“ для „осмотра на мѣстѣ“ ея поврежденій, пришла счастливая идея взять съ собою нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ уже свидѣтелей. Матвѣевъ, Жиганюкъ, Собченко и еще трое изъ

„машинной команды“ съ „Владиміра“ съ перваго взгляда признали ту огромную шлюпку, которую они, по ихъ словамъ, безъ всякаго участія итальянскихъ матросовъ, спустили впятеромъ и на которой, затѣмъ, отправились Матвѣевъ съ Жиганюкомъ и Собченко. Пеше, заложивъ руки въ карманы, только посмѣивался и при помощи переводчика весело объяснялъ, что это „наглая ложь“ со стороны русскихъ матросовъ и со стороны помощника Матвѣева, который будто бы такъ же какъ и Сурковъ „зналъ на „Колумбіи“ только мастику“, а совсѣмъ не шлюпки.

Кто-то предложилъ тутъ же на мѣстѣ сдѣлать опытъ. Эту мысль подхватили. Предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе, и, доставъ изъ кармана часы, замѣтилъ время. Жиганюкъ, Собченко и еще трое, бывшихъ „Владимірскихъ“, кочегара должны были, впятеромъ, вывалить шлюпку за бортъ и спустить ее на воду. Принялись за работу. Въ первыя секунды, показавшіяся насторожившемуся вниманію часами, предпріятіе казалось совершенно неосуществимымъ. Огромный восьмивесельный катеръ, какъ его ни расшатывали и ни толкали, точно налитой свинцомъ, не подавался съ мѣста. Пеше, раскраснѣвшійся и возбужденный, бѣгая въ волненіи по палубѣ, насмѣшливо покрикивалъ: „presto, presto!“ (живо, живо!).

Но вотъ, наконецъ, атлетически сложенный и бравый Жиганюкъ разошелся. Кто-то замѣтилъ въ гнѣздѣ шлюпъ-балки клинъ, онъ его вытащилъ; какой-то „шкертъ“ (веревка), незамѣченный ранѣе, не пускалъ шлюпки, онъ перервалъ его, ступивъ на него ногой. Тогда пошла работа. Въ то время, какъ одинъ край шлюпки „вываливали“ четверо, подпирая его до изнеможенія плечами, Жиганюкъ навалился въ одиночку на другой и мигомъ его высадилъ съ мѣста. Пеше примолкъ и неподвижно впился въ Жиганюка глазами. Остальная итальянская команда „Колумбіи“ настолько заинтересовалась происходившимъ на ея глазахъ, что прямо-таки притаила дыханье. Всѣ были въ ажитаціи, всѣ взволнованы. Предсѣдатель чуть не каждую секунду взглядывалъ на часы. Еще минута, другая... Не прошло и пяти полныхъ минутъ, какъ гигантская шлюпка была уже на водѣ, и Жиганюкъ и Собченко „лихо“ спустились въ нее

по талямъ. Невольно всѣ сочувственно ахнули. Итальянскіе матросики, тѣ прямо-таки не выдержали, стали бить въ ладоши и кричать: „bravo marinari!“ (браво. матросы!). Подъ свѣтлымъ южнымъ небомъ, никому не пришло въ голову счесть это за „нарушеніе порядка въ судебномъ засѣданіи“.

Сконфуженный Пеше сталъ слабо оправдываться: онъ добросовѣстно „заблуждался“, онъ никакъ не могъ предположить, чтобы русскій матросъ обладалъ такой гигантской физической силой. Впрочемъ онъ думаетъ, что „разогнать“ на веслахъ такую шлюпку вдвоемъ все-таки невозможно. Былъ продѣланъ и этотъ опытъ и Жиганюкъ со своимъ товарищемъ Собченко вышли и на этотъ разъ побѣдителями; пятью-шестью взмахами веселъ они разогнали шлюпку, не оставивъ уже и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что именно въ этой шлюпкѣ вдвоемъ они ходили на „Владиміръ“. Пеше сконфуженно поднималъ плечи и больше о шлюпкахъ не заговаривалъ.

Тутъ же на „Колумбіи“ поднятъ былъ и еще вопросъ: насколько справедливо утвержденіе Суркова, что онъ нѣсколько разъ на циферблатѣ капитанскаго телеграфа ставилъ „ходъ впередъ“, чтобы подойти къ „Владиміру“; но Пеше каждый разъ будто-бы грубо устранялъ его, переводя ручку телеграфа на „ходъ назадъ“. Циферблатъ телеграфа во время осмотра оказался покрытымъ какою-то замазкой, чтобы не различить буквъ и дѣленій Тѣмъ не менѣе, Сурковъ вполнѣ благополучно продѣлалъ все, что отъ него потребовалось. Онъ указалъ вѣрно и „ходъ впередъ“ и „ходъ назадъ“ и „стопъ машина“.

Чтобы понять значеніе этого эпизода въ процессѣ, нужно припомнить кое-что. Дѣло въ томъ, что когда Сурковъ и Ветчинкинъ ступили на „Колумбію“ они, по ихъ словамъ, тотчасъ же стали умолять Пеше подойти къ „Владиміру“. Они объясняли это ему и жестами и словами при помощи случайныхъ переводчиковъ, Муретэна и ресторатора Моисеенко. Моисеенко это подтверждалъ, а Муретэнъ— отрицалъ. Онъ отрицалъ даже, что знаетъ итальянскій языкъ, хотя „знакомъ съ итальянцами“. Многіе свидѣтели уличали его, однако, въ противномъ, т. е. въ томъ, что онъ весьма бойко болталъ съ итальянцами. По требованію г. прокурора,

послѣднее обстоятельство занесено даже въ протоколъ, повидимому, съ цѣлью изобличенія Муретэна въ дачѣ ложнаго показанія на судѣ. Г. Ветчинкинъ заявилъ, что онъ даже становился на колѣни передъ Пеше и цѣловалъ его въ плечо, указывая на „Владиміръ“, съ котораго доносился звонъ колокола; но Пеше съ упрямствомъ отклонялъ всѣ его просьбы. Тогда Сурковъ самъ пытался нѣсколько разъ дать „ходъ впередъ“ „Колумбіи“ при помощи ручнаго телеграфа, бывшаго на капитанской площадкѣ; но Пеше и тутъ каждый разъ сердито измѣнялъ положеніе стрѣлки на „ходъ назадъ“. Отрицая справедливость послѣдняго указанія Суркова, Пеше стоялъ на томъ, что Суркову „вовсе не могло быть извѣстно устройство его телеграфа“.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Пеше, благодаря судъ за допущеніе итальянскихъ экспертовъ и вообще за все оказанное ему вниманіе, уже не столь настойчиво отрицалъ нѣкоторые „спорные“ факты и скорѣе объяснилъ ихъ „печальнымъ недоразумѣніемъ“, происшедшимъ исключительно вслѣдствіе незнанія и непониманія имъ русскаго языка.

IX.

По мѣрѣ того, какъ шлюпки удалялись отъ „Владиміра“ и новыхъ къ нему не прибывало, кормовая часть парохода все замѣтнѣе и замѣтнѣе погружалась въ воду. Отличный пловецъ, механикъ Тиль „спокойно“ и внимательно наблюдалъ за этимъ погруженіемъ. Скоро онъ замѣтилъ, что вода уже доходитъ до верхнихъ иллюминаторовъ и вливается и выливается свободно при мѣрномъ покачиваніи парохода. Въ каюты перваго класса невозможно было уже войти,—тамъ была вода. Въ гротъ-трюмѣ вода оказалась на томъ же уровнѣ, какъ и въ машинномъ отдѣленіи. Изъ этого было уже ясно, что повреждена кормовая непроницаемая переборка. Оставалось считать минуты.

Помощь между тѣмъ ни откуда не приходила.

Пассажиры принимались иногда кричать: „пароходъ, подойди! верните шлюпки!“, но только вѣтеръ разносилъ ихъ нестройные голоса.

Вблизи капитанской площадки кипѣла въ это время работа. Бывшіе въ числѣ пассажировъ солдатики и кое кто изъ уцѣлѣвшей команды „Владимира“ сносили по распоряженію капитана на бакъ разные плавучіе предметы. Рубили нары, люки, двери—все, что попадалось подъ руку. Продолжали также жечь огни.

Были въ числѣ пассажировъ и такіе, которые не сознавали или не въ состояніи были сознать всей грозившей имъ опасности. Они думали еще о своихъ ручныхъ пожиткахъ, даже о своемъ багажѣ. Нѣкоторые подходили къ капитану и съ нетерпѣніемъ спрашивали: „да скоро ли подойдетъ пароходъ?“; болѣе благоразумнымъ капитанъ поясняль, что надо быть готовымъ на все и спрашивалъ, есть ли у нихъ пояса. Но были и такіе, которые смиренно „готовились къ смерти“. Одинъ молодой кочегаръ пошелъ, переодѣлся во все чистое и ждалъ „принять смерть, какъ должно христіанину“. Были изъ той же машинной команды и болѣе лукавые, которые запаслись „бубликами“ (спасательными кругами; ихъ было не болѣе 12 штукъ на пароходѣ) и спрятали ихъ въ укромныхъ мѣстахъ исключительно „для себя“. Были такіе пассажиры, которые болѣе всего боялись давки и все время держались въ сторонѣ отъ толпы, тѣснившейся сперва у шлюпокъ, потомъ у трапа и наконецъ у капитанской площадки. Таможенный чиновникъ Далевскій и жена его не воспользовались даже случаемъ надѣть спасательные пояса, имъ все еще „не вѣрилось“, что наступаетъ послѣдняя минута. Когда вода хлынула уже на корму, Далевскіе вскочили на крышу курительной рубки, хотѣли было лѣзть и на ванты, но ихъ смыло волной. Спаслись они порознь на какихъ-то доскахъ, которыя попались имъ подъ руки; ихъ подобрали на итальянскую шлюпку, ту самую, въ которую втащили впослѣдствіи съ трудомъ и капитана. Генералъ-маіоръ Барановскій былъ въ полной формѣ и при шпагѣ, когда его вытащили изъ воды. Деньщикъ, плававшій вмѣстѣ съ нимъ у одной доски, утонулъ. Интендантскій чиновникъ Дырдовскій на водѣ придерживался за чей-то пробковый поясъ; по его словамъ, въ немъ плавалъ уже трупъ. Какая-то женщина сначала все цѣплялась за него, Дырдовскаго, поэтому онъ „уступилъ“ ей свою доску, такъ какъ

боялся, что она его потопитъ. Большинство спасшихся держались на разныхъ плавучихъ предметахъ, которыхъ на мѣстѣ катастрофы оказалось, къ счастью, въ изобиліи. До послѣдней минуты, оставаясь поодаль отъ другихъ, нѣкоторые пассажиры даже тогда, когда раздался голосъ капитана: „всѣ на бакъ, бросайтесь въ воду!“ не пожелали уйти съ кормы. Ихъ смыло съ затонувшей кормы.

Многіе встрѣтили смерть съ спокойствіемъ истинныхъ философовъ. Молодая дѣвушка Шестакова не поднялась даже со скамьи, на которой все время сидѣла неподвижно, устремивъ взоры на огни „Колумбіи“; отецъ ея бодрился, старался утѣшать ее веселымъ голосомъ: „подойдетъ пароходъ, всѣхъ спасетъ“... Онъ погибъ вмѣстѣ съ дочерью. Нѣкто Кувшиновъ, москвичъ, встрѣтилъ смерть съ сигарой въ зубахъ. Передъ тѣмъ онъ громко разсуждалъ о бренности всего земнаго, и говорилъ: „помирать надо! не все ли равно черезъ десять лѣтъ или сейчасъ!“ Товарищъ прокурора тифлисскаго окружнаго суда г. Шмидтъ, бывшій тутъ-же, „какимъ-то чудомъ“ спасся, при помощи спасательнаго пояса. Госпожа Зигомала, не смотря на свою слабость, болѣе получаса продержалась на доскѣ. Куда дѣвался ея сынъ, она не видѣла. Впослѣдствіи оказалось, что онъ погибъ, проплававъ около двухъ сутокъ на пробковомъ кругѣ. Ни „Колумбія“, ни „Синеусъ“, уходя въ Одессу по утру, когда уже разсвѣло, его „не замѣтили“. Его подобралъ только три дня спустя военный пароходъ „Терецъ“. Ялтинскій исправникъ Грековъ и его сынъ, облегчивъ себя своевременно въ одеждѣ, спаслись на поясахъ. Искусный пловецъ Тиль, бросившись съ бака, какъ рекомендовалъ капитанъ, захватилъ съ собою доску и узелокъ съ вещами. Потомъ онъ поймалъ „люкъ“ и спустя еще немного—„дверь“. На этомъ импровизированномъ плотѣ онъ спасъ и себя, и свой несложный багажъ, проплававъ такимъ образомъ около часа, и предоставляя искать спасенія въ шлюпкахъ болѣе безпомощнымъ. Иныхъ доставали изъ воды уже въ безчувственномъ состояніи. Двое въ поясахъ плавали внизъ головою, пояса сползли имъ на ноги.

О самыхъ послѣднихъ минутахъ „Владиміра“ свидѣтельствовали на судѣ довольно согласно пассажиры Тиль и Ха-

марито, матросы Сопоцько и Дейчманъ, помощникъ капитана Фельдманъ и, наконецъ, капитанъ Кріунъ, который послѣднимъ и бросился въ воду.

Дѣло было такъ. Когда корма настолько затонула, что палуба по направленію къ носу встала горой, Кріунъ, все еще оставаясь на своей площадкѣ, крикнулъ пассажирамъ: „идите всѣ на бакъ, берите вещи и бросайтесь!“ Толпа, подгоняемая Фельдманомъ, дѣйствительно пошла на бакъ, который въ то время держался еще довольно высоко надъ водой. Свидѣтель Хамарито, шедшій въ хвостѣ этой толпы, поднялъ вдругъ глаза на капитана и сказалъ: „да, вамъ хорошо тамъ покрикивать!“ „Такъ идите сюда! станьте рядомъ!“—пригласилъ его капитанъ. Хамарито поднялся было по лѣсенкѣ, но видя, что „площадка разбита и стоять тамъ неудобно“, поспѣшно бросился на бакъ, гдѣ были сложены разныя деревянныя вещи.

Въ это время кто-то крикнулъ со стороны кормы: „шлюпка!“—половина толпы бросилась назадъ. „Какая тамъ шлюпка!“—едва успѣлъ крикнуть капитанъ, какъ всю эту толпу разомъ смыло и унесло въ море набѣжавшею волной, которая и затопила корму. Въ это мгновеніе съ бака благополучно кидались уже въ воду. Когда Хамарито и Фельдманъ послѣдними бросились, имъ виднѣлся еще силуэтъ человѣка, стоящаго на капитанской площадкѣ. Юнга Сопоцько полѣзъ было на мачту, но во-время спохватился и, захвативъ доску, бросился съ мачты вслѣдъ за ними.

Подсудимый Кріунъ объяснялъ, что когда носъ парохода поднялся, а корма затонула, его наконецъ самого „выбросило“ съ площадки. Ногами онъ ударился о что-то твердое, руками же нащупывалъ ступени трапа. Боясь быть втянутымъ въ образовавшуюся отъ погруженія парохода воронку, онъ съ силою оттолкнулся отъ трапа, нѣсколько разъ нырнулъ, его тянуло внизъ, но онъ все-таки выплылъ и наконецъ поймалъ доску. Потомъ, завидѣвъ что-то бѣлое, поплылъ на него; это оказался спасательный кругъ, на которомъ онъ продержался около часа. Когда надъ нимъ послышались голоса: „questo capitano!“ (это капитанъ!), онъ уже начиналъ терять сознаніе. Его вытащили изъ воды итальянскіе матросы

Совсѣмъ уже разсвѣло, когда шлюпки „Колумбіи“ и, подоспѣвшаго къ мѣсту катастрофы, „Синеуса“ съ энергіею принялись за „спасеніе утопавшихъ“.

На мѣстѣ, гдѣ затонулъ „Владиміръ“, образовался цѣлый плавучій островъ изъ разныхъ деревянныхъ обломковъ, корзинъ, чемодановъ, люковъ, скамеекъ и т. п. Плавающіе въ водѣ были рады всякой соломенкѣ, за которую можно было подержаться лишнюю секунду. Нѣсколько десятковъ человѣкъ, захваченные волною на кормѣ, не всплыли больше, хотя на многихъ изъ нихъ были надѣты спасательные пояса. Ихъ втянуло—по мнѣнію капитана Кріуна—въ образовавшуюся воронку и они не имѣли уже силы всплыть на поверхность воды. Многіе изъ бывшихъ на той же сторонѣ парохода могли быть ушиблены о корпусъ тонущаго судна; искалѣченные, они уже безъ всякой борьбы пошли ко дну. Капитанъ Кріунъ не допускаетъ мысли, чтобы кто-либо остался на самомъ „Владимірѣ“, не успѣвъ выйти изъ каюгъ. Часъ времени слишкомъ значительный промежутокъ, чтобы могли гдѣ-нибудь оставаться спящіе или никѣмъ не замѣченные пассажиры. Значительное число погибшихъ онъ, Кріунъ, объясняетъ себѣ тѣмъ злополучнымъ моментомъ, когда послѣ приглашенія его: „всѣ на бакъ!“ кто-то растерянно крикнулъ: „вотъ подходитъ шлюпка!“ Тогда значительная часть пассажировъ, скучась, бросилась назадъ. Въ этотъ-то моментъ пароходъ, дрогнувъ, сталъ заливаться водою, поднявши носъ. Кто не успѣлъ броситься въ сторону, былъ врасплохъ захваченъ образовавшеюся водяною воронкою, которая съ стремительностью и увлекла всѣхъ. Многихъ могло втянуть при этомъ въ открытые люки, послѣ чего всякая борьба для нихъ становилась уже новозможною. Большинство спасшихся были изъ числа тѣхъ, которые за нѣсколько секундъ до крушенія сами бросились въ воду, захвативъ съ собою какой-либо плавучій предметъ, на которомъ потомъ держались, не дѣлая особенныхъ усилій.

Раньше другихъ къ мѣсту катастрофы подоспѣли со своею большою шлюпкою русскіе матросы Жиганюкъ и Собченко. Они работали съ полною энергіею и самоотверженіемъ. Къ нимъ на шлюпку скоро попалъ вытащенный изъ воды Фельдманъ, который тотчасъ принялся имъ помогать. Этотъ зло-

получный Фельдманъ, однако, и здѣсь не съумѣлъ угодить. Вытащенные имъ изъ воды, чиновникъ Дырдовскій и поручикъ Слежинскій, очень обижались на него за то, что онъ будто бы на нихъ безъ всякаго резона грубо „покрикивалъ“. Они это ему попомнили и на судѣ. Тогда въ свою очередь и Фельдманъ не выдержалъ: онъ припомнилъ обстоятельства, при которыхъ вынужденъ былъ на нихъ кричать. Только-что вытащенные изъ воды, они, по его словамъ, уже стали требовать, чтобы лодка тотчасъ-же плыла къ „Синеусу“, такъ какъ они „очень озябли и продрогли“. Но онъ, Фельдманъ, этого „допустить не могъ“. Нельзя было терять времени, надо было спасать другихъ. Онъ требовалъ, чтобы они сѣли на весла и согрѣлись такимъ образомъ.

Изъ числа итальянскихъ матросовъ выдѣлялся своею беззавѣтною храбростью, ловкостью и находчивостью совсѣмъ еще молодой, семнадцатилѣтній малый—черноглазый красавецъ Сильвіо. Оставшись въ костюмѣ заправскаго пловца, босой, съ засученными рукавами, онъ безстрашно, какъ молодой львенокъ, бросался въ пучину, какъ только замѣчалъ какого-нибудь ослабѣвшаго пловца, готоваго пойти ко дну. Онъ спасъ очень многихъ. Одинъ изъ спасенныхъ имъ, какой-то іеромонахъ, пробиравшійся на Аѳонъ, котораго, благодаря его тучности, едва удалось втащить въ лодку, попавъ на „Колумбію“ и узнавъ, что его спасъ именно Сильвіо, позвалъ его и предлагалъ ему денегъ—сто рублей. У молодого храбреца только слегка дрогнули отъ затаенной обиды посинѣвшія отъ холода губы. Отъ денегъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался.

Шлюпки работали безпрерывно втеченіе шести часовъ. Подбирали всѣхъ, кто только попадался на глаза. Болѣе сильные сами подплывали къ шлюпкамъ, но многихъ доставали изъ воды уже въ безчувственномъ состояніи. Спасенныхъ, а вмѣстѣ съ ними иногда уже и трупы, доставляли то на „Синеусъ“, то на „Колумбію“, смотря по тому, куда было ближе.

Часамъ къ десяти утра все было, повидимому, кончено. Трупы прикрыли брезентами, а живые, обсохшіе и обогрѣтые, мало-по-малу, начинали ощущать блаженное состояніе покоя и отдыха.

Послѣ нѣкоторыхъ пререканій между капитанами „Синеуса“ и „Колумбіи“ оба парохода рѣшили идти вмѣстѣ въ Одессу. Сначала Пеше все стремился направиться въ Евпаторію, но Лобачевъ рѣшительно воспротивился тому.

Описавъ еще разъ кругъ у мѣста катастрофы, и „ничего особеннаго не замѣтивъ“, пароходы двинулись дальше. Капитану Лобачеву кто-то на его площадку съ палубы кричалъ, что „еще плаваютъ трупы“; но, по его мнѣнію, это плавали вовсе не люди, а все предметы неодушевленные: обломки, чемоданы, тюки и т. п. Онъ не остановился.

Скоро и самое мѣсто катастрофы скрылось изъ глазъ. Напрасно напрягала вдаль свои отуманенные слезами взоры г-жа Зигомала,—потерявшая своего единственнаго сына,—кругомъ ничто уже болѣе не напоминало о томъ, что ей только-что суждено было пережить. Сына ея—„нигдѣ не было видно“.

Если вѣрить подсчету главной конторы „русскаго общества пароходства и торговли“,—„не досчитались“ семидесяти человѣкъ „пассажировъ“ и нѣсколькихъ человѣкъ команды.

Колдуны и чародѣи.

(Изъ уголовныхъ архивовъ).

Какъ-то въ газетахъ передавалось извѣстіе изъ Новгородской губ. Боровичскаго уѣзда о томъ, что „въ деревнѣ Врачево крестьяне сожгли бабу Аграфену Игнатьеву, которую считали колдуньею".

На сельскомъ сходѣ порѣшили: „запечатать Грушку и сжечь", на томъ основаніи, что „всякое ихъ терпѣніе съ нею лопнуло". Виновныхъ крестьянъ, разумѣется, будутъ судить за преднамѣренное убійство, и „новый судъ", быть можетъ, строго покараетъ крестьянское „невѣжество". Но можетъ случиться и такъ, что присяжные вовсе оправдаютъ это убійство, и это будетъ лишнимъ прецедентомъ въ умахъ темнаго люда къ безпрепятственному истребленію всевозможныхъ доморощенныхъ колдуній и вѣдьмъ *).

Вѣковыя, стоячія, какъ болотныя воды, предразсудки и суевѣрія должны имѣть свои глубокіе историческіе корни въ жизни народной. Ея условія издавна дѣлали нашу крестьянскую среду самою пригодною почвою для безпредѣльнаго вѣрованія во все чудесное и сверхъестественное. Такъ было сотни лѣтъ назадъ, такъ осталось и понынѣ.

Тѣ-же „колдуньи", тѣ-же „вѣдьмы", тотъ-же „лихой человѣкъ", та-же „порча", то-же „съ глазу"—являются исконными

*) Чѣмъ окончилось это дѣло при судебномъ разбирательствѣ,—намъ неизвѣстно.

причинами всѣхъ бѣдъ крестьянскихъ. Мы не говоримъ уже о временахъ отдаленныхъ, историческихъ, когда вся Русь поголовно чтила своихъ „божьихъ людей“, „кликушъ“ и „юродивыхъ“, жгла и топила своихъ „вѣдьмъ“ и „колдуновъ“. Возьмемъ сравнительно недавнее прошлое.

Наши дореформенные суды еще были завалены дѣлами о всевозможныхъ „порчахъ“ и другихъ „лихихъ“ напастяхъ.

Въ этомъ отношеніи подъ руками у насъ имѣется весьма любопытный матеріалъ, съ которымъ мы и хотимъ познакомить читателей. Выписки изъ „дѣлъ“, бывшихъ въ производствѣ прежнихъ судовъ, дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ условіяхъ, которыя порождаютъ такія, на первый взглядъ, дикія и невозможныя явленія въ жизни нашего простолюдина, какъ „запечатаніе и сожженіе Грушки по приговору сельскаго схода“, о которомъ мы упоминали выше.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ гор. Уфѣ „проявилась“ знаменитая колдунья Афросинья Полякова. Это была семидесятилѣтняя старуха, вдова простого канцеляриста. Она творила различныя чудеса и имѣла даръ „колдовствомъ исцѣлять“. Въ 1802 году она была привлечена къ суду „по подозрѣнью въ колдовствѣ“.

Полякова „не созналась ни въ чемъ“, но объяснила, что, когда на людяхъ бываетъ та болѣзнь, что называется „поутинъ“ или „утинъ“ (боль въ поясницѣ), то она кладетъ больному на спину „первую щепку отъ полѣна“ и рубитъ оную въ трехъ мѣстахъ острымъ топоромъ, приговаривая при этомъ: „что рубишь утинъ, руби гораздо“! (изъ дѣлъ оренбургскаго военнаго суда).

Этой нехитрой механики было совершенно достаточно, чтобы Полякова стяжала себѣ громкую славу даже въ окрестныхъ деревняхъ, откуда всѣ больные поясницею (а какой-же крестьянинъ не боленъ отъ натуги спиной!) стекались къ ней съ посильными приношеніями.

Нисколько не меньшею славою пользовался въ другомъ мѣстѣ семидесятилѣтній старикъ Антонъ Евдокимовъ, обвинявшійся въ оренбургскомъ совѣстномъ судѣ также въ „колдовствѣ“.

Дѣло возникло по слѣдующему случаю. Крестьянинъ Ивановъ заболѣлъ животомъ; слыхалъ онъ, что въ селѣ Ни-

кольскомъ есть старецъ „ворожецъ“, и порѣшилъ, чтобы его къ нему свезли. По пріѣздѣ къ Евдокимову, послѣдній (по его собственному показанію), „разглядѣвъ Иванова и замѣтивъ, что онъ весьма подверженъ смерти“, для „освобожденія отъ оной“ далъ ему наговоръ на водѣ, говоря таковыми словами: „Всталъ я рабъ Божій Антонъ, благословясь и перекрестясь, пошелъ изъ двери въ двери изъ воротъ въ ворота; на Кіянъ море, на островъ на Буянъ, стояла апостольская святая церковь, въ апостольской соборной церкви святъ Господень престолъ за царскими дверями, за престоломъ Матушка Богородица. И ты, Матушка, знаешь и вѣдаешь въ рабѣ Божіемъ порчи, корчи, вѣтрины земныя, разбитыя лихоманки, утяжны, отъ глазу непріятельскаго и отъ духа печистаго избави, сохрани и помилуй Избави, Матушка!“ Воду онъ далъ больному выпить и тотъ-же „заговоръ“ повторилъ еще и на винѣ. Вернувшись домой отъ старца-ворожея, больной умеръ (отъ колики, по заключенію врача)

Старецъ оправдывался: „я наговоръ далъ на водѣ, а болѣзнь его оказалась на землѣ; отъ нея весьма трудно излѣчить, къ тому-же онъ къ смерти весьма былъ подверженъ“.

Въ томъ-же 1803 году возникло въ Твери „весьма чудодѣйственное“ дѣло. Оно переполошило всю губернскую администрацію, съ губернаторомъ княземъ Ухтомскимъ во главѣ. Дѣло это восходило въ сенатъ, и вотъ какъ „обстоятельства дѣла“ изложены въ сенатскомъ указѣ.

Проживавшій въ Твери безъ паспорта масальскій мѣщанинъ Яншинъ „открылся“ рекруту Василію Малахову, что онъ умѣетъ ворожить, и велѣлъ ему отыскать для себя траву „разрывъ“.

Малаховъ, напугавшись, доложилъ объ этомъ своему начальнику маіору Брелгуну. Этотъ послѣдній, не долго думая, велѣлъ арестовать обоихъ и отправить ихъ къ губернатору.

На допросѣ Яншинъ „удостовѣрилъ“ губернатора, что онъ можетъ открыть кладъ въ сосѣдней деревнѣ: „у крестьянина во дворѣ, въ старомъ провалившемся погребѣ стоитъ,—молъ,—сундукъ большой желѣзный; къ сундуку замокъ прибитъ большой и мѣдная дощечка; на дощечкѣ той написано, что тутъ положено семьдесятъ пять тысячъ рублей, въ томъ

числѣ копѣйками серебряными три тысячи руб. и образъ Богоматери съ весьма богатыми украшеніями".

Губернаторъ „предписалъ" полиціймейстеру допросить Яншина „съ великою осторожностью и вѣрнымъ образомъ". Исполнивъ „въ точности" это предписаніе, полиціймейстеръ представилъ губернатору все „слѣдствіе".

Хотя изъ этого „слѣдствія", какъ заключилъ сенатъ, „губернаторъ ясно могъ видѣть всю нелѣпую выдумку Яншина и обнаруженную его ложь, однако онъ (губернаторъ), вопреки даже здравому разсудку", предписалъ частному приставу, взявъ двухъ исправныхъ солдатъ, отправиться съ Яншинымъ и съ членомъ земскаго суда въ то мѣсто, гдѣ кладъ скрывается, и сдѣлать самый вѣрный осмотръ, но безъ огласки и „не подавая повода къ разглашенію какихъ-либо суевѣрій".

Приставъ и бѣжецкій земскій исправникъ, получивъ такое предписаніе, прибыли въ сельцо Ѳедосѣево. Здѣсь, по указанію „того-же" Яншина, они переодѣтыми вошли въ избу Григорія Ларіонова, напоили его и брата его Василія до-пьяна и „не получа отъ нихъ по разспрашиваніи о кладѣ добровольнаго открытія, удалились изъ селенія и потомъ черезъ короткое время возвратились въ оное, объявили себя Ларіоновымъ настоящими уже званіями, домогаясь узнать отъ пьяныхъ, гдѣ кладъ хранится чрезъ угрозы; но Ларіоновы, не вѣдая о кладѣ, отозвались, что онаго у нихъ нѣтъ, и потому высылали сихъ отыскивателей вонъ".

Тогда исправникъ и приставъ велѣли солдатамъ связать Ларіоновыхъ и взять подъ стражу, сами же принялись за поиски „не только въ землѣ, но и между пожитками". Клада, разумѣется, не нашлось.

Тверская уголовная палата, разсматривавшая это дѣло, опредѣлила: „Яншина въ примѣръ другимъ ложнопредсказателямъ наказать батогами; а Ларіоновыхъ за грубость, буйство и ослушаніе — плетьми". Вице-губернаторъ опротестовалъ это рѣшеніе въ отношеніи Ларіоновыхъ.

Сенатъ, сдѣлавъ „строжайшій выговоръ" губернатору князю Ухтомскому, „повелѣлъ мѣщанина Яншина сослать какъ бродягу въ Сибирь, а Ларіоновыхъ вознаградить, взыскавъ деньги съ пристава и исправника".

По поводу этой исторіи самыя баснословныя росказни объ открытомъ кладѣ долго еще ходили по губерніи.

Проявленіе „чародѣйской силы“ въ средѣ крестьянской чаще всего направляется къ исцѣленію разныхъ недуговъ тѣлесныхъ и духовныхъ.

Вотъ нѣсколько такихъ „дѣлъ“, доходившихъ до суда въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Крестьянинъ Вологодской губерніи Сергѣй Ларіоновъ заявилъ, что такъ какъ жена его „живетъ съ нимъ худо“, то онъ 31 декабря 1828 г. поѣхалъ въ Грязовецкій округъ къ дьячку церкви Николая Чудотворца, Ивану Никитину „для вороженья“. Дьячекъ далъ ему „соли треть ложки хлебальной“, сказавъ, что „поможетъ; однако не помогло“.

Дьячекъ, пятидесятичетырехлѣтній старикъ на допросѣ „ни въ чемъ не сознался“ и заявилъ, что на просьбу Ларіонова онъ ему сказалъ, что „какое пособіе сдѣлать съ чудной женою“, онъ не знаетъ. На повальномъ обыскѣ крестьяне о Никитинѣ отозвались, что „напередъ сего онъ былъ поведенія добраго и хорошаго“, и только „имѣетъ средство, что „сокачиваетъ со креста Господня воды и даетъ пить для помоги немогущимъ людямъ „(вологодскій совѣст. судъ, 1829 г.)“.

Въ той-же Вологодской губ. крестьянская „дѣвка“ Ѳедора Кіева въ 1824 году была привлечена къ суду „за колдовство“.

По показанію Кіевой, живя въ г. Вельскѣ въ работницахъ, она „получала деньгами копѣекъ по пяти и хлѣбомъ по караваю и менѣе отъ разныхъ людей за леченіе ихъ недуговъ, какъ-то: за выганиваніе изъ тѣла волосцовъ (растворомъ щелока), а также и за пользованіе отъ урочныхъ словъ“.

Искусству этому она „обучилась назадъ тому годовъ съ десять отъ крестьянской женки Василисы“. Польза тѣмъ людямъ, которыхъ она лечитъ, „бываетъ“. На исповѣдь она ходитъ и тайнъ святыхъ пріобщается. Травами и кореньями не лечитъ, а лечитъ „водой наговорной“. Урочныя слова, которыя наговариваетъ, слѣдующія: „на высокой горѣ стоитъ старъ матеръ человѣкъ и снимаетъ и сбиваетъ призы, уроки, озевы и оговоры! Сними и съ раба Божія такого-то“.

Болѣе сего,—„никакого колдовства и чародѣйства она не знаетъ“.

На повальномъ обыскѣ односельцы дали о ней весьма неодобрительный отзывъ: „состоянія была худого, въ домѣ своемъ не живетъ и крестьянской работой не занимается“.

Вологодскій совѣстный судъ въ 1824 году порѣшилъ: выстегать ее плетьми.

Вдова Варвара Тяпкина, древняя восьмидесятилѣтняя старуха, судилась въ 1815 году въ тотемскомъ уѣздномъ судѣ.

Въ колдовствѣ она „не призналась“. Лечила она „дорогою травою“, а раны присыпала „киноварью“; отъ этого леченія, по ея словамъ, никто изъ ея паціентовъ „не умирывалъ“. Лечиться къ ней приходили больше изъ деревень крестьяне.

26 октября 1822 года нѣкій титулярный совѣтникъ Александръ Клеопатровъ заявилъ полиціи „о колдовствѣ“ крестьянина Марка Осипова. Какъ оказалось, это колдовство заключалось въ томъ, что тотъ „собиралъ плакунъ корень и говорилъ, что его надо тайно въ алтарѣ подъ престолъ положить и послѣ шести недѣль употреблять“.

Кромѣ того Осиповъ „производилъ“ еще слѣдующія лекарства: 1) „возьметъ огниво, кремень и на воду огонь высѣкнетъ, приговаривая слова, а воду ту дастъ для употребленія“; 2) „соли и муки завяжетъ въ узелки и молитву надъ ними кощунственную читаетъ“.

Узелки такіе Осиповъ раздавалъ крестьянамъ, требуя за каждый по рублю, но—„послѣ усильныхъ сквернословій получалъ только 25 копѣекъ“.

Деньги эти онъ большею частью пропивалъ.

Въ 1840 году въ вологодскомъ совѣстномъ судѣ судился молодой крестьянинъ Соколовъ, обвинявшійся также „въ колдовствѣ“.

Онъ не отрицалъ того, что имѣетъ „искусство ворожить“, хотя у святого причастія бываетъ.

Крестьянину Иванову онъ „сдѣлалъ услугу“, наговаривалъ на воскъ, „какъ подойти къ барамъ“, чтобы сына не отдали въ солдаты. Другому односельчанину онъ „ворожилъ“ и дѣлалъ наговоръ на воскъ, чтобы „подойти къ становому“, котораго ждали на слѣдствіе. Наговоромъ-же на воскъ онъ лечилъ отъ разныхъ болѣзней, преимущественно грудныхъ ребятъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне Соколова не одобрили:

„нашептываетъ и наговоры дѣлаетъ на воскъ и на воду въ томъ, что будутъ крестьяне оттого въ милости у баръ и начальниковъ, и чрезъ это выманиваетъ деньги, иныхъ совсѣмъ раззоряетъ, и къ доброму общежитію нѣтъ въ немъ ни малой благонадежности".

Въ 1848 году (архивъ владимірскаго окружнаго суда) крестьянка Меркурьева судилась за то, что, будучи у господъ кухаркой, вливала имъ въ кушанье какую-то жидкость, съ цѣлью „приворожить ихъ къ себѣ".

Меркурьева повинилась и сказала, что пузырекъ далъ ей какой-то нищій, которому она жаловалась, что много горя терпитъ отъ хозяевъ Жидкость оказалась безвредною: она состояла изъ воды съ подмѣсью ладана, песку и сора.

Чаще встрѣчаются однако дѣла, гдѣ ворожба и колдовство сводятся къ простому леченію разныхъ недуговъ.

Тутъ можно прослѣдить цѣлую народную фармакопею.

Всевозможныя травы и корни имѣютъ преобладающее значеніе: *дорогая трава* (отъ простуды, пьютъ въ теплѣ), *еловая сѣра* (кипяченная въ маслѣ), *звѣробой, съмянникъ татаринъ* (не употребляется вовсе въ медицинѣ), *подвѣсникъ* (сильное рвотное и слабительное, небезопасно), *рѣпникъ, папоротникъ* (противъ глистовъ), *съмянникъ, борецъ* и друг. Эти,—всѣ безвредны. Но употребляются иногда и такіе, которые, по заключенію врачей, при неумѣстномъ употребленіи, больному могутъ принести не только значительный вредъ, но даже и смерть, таковы: *сасапарель, корень песочной осоки, имбирь, ревень, волчьи ягоды, кравовикъ и богородская трава.*

Подобное леченіе, хотя бы сопровождаемое наговорами и нашептываніями, не считается у крестьянъ колдовствомъ, это не болѣе какъ знахарство.

Настоящіе „колдуны" фармакопеи не признаютъ, а прибѣгаютъ исключительно къ заклинаніямъ и заговорамъ. Этимъ однимъ они уже приносятъ меньше вреда.

Знахари и знахарки, тѣ не останавливаются ни передъ какими средствами для излеченія самыхъ упорныхъ болѣзней. Множество смертныхъ случаевъ такого „леченія" доходило до суда.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Петрозаводскѣ въ 1824 году умерла молодая крестьянка Иванова.

Докторъ ее засталъ еще живою; у ней была сильная рвота, вся полость рта было изъязвлена, затѣмъ начался кровавый поносъ, а на слѣдующій день хлынула кровь изъ дѣторолныхъ частей и изъ носу.

Обнаружилось, что по совѣту крестьянки Богдановой, слывшей знахаркой, Иванова приняла какую-то жидкость, „чтобы не рожать дѣтей“. Жидкость эта, по заключенію врачей, оказалась ничѣмъ инымъ, какъ растворомъ сулемы.

Въ 1854 г. въ лодейнопольскомъ уѣздномъ судѣ было „дѣло“ о томъ, какъ крестьянка Ершова „лечилась у знахарки Остафьевой отъ сифилиса“, и та отравила ее селитрянной кислотой, настоенной сасапарельнымъ корнемъ.

Во владимірскомъ уѣздномъ судѣ въ 1836 году судилась крестьянка Иванова за то, что леченіемъ своимъ „уморила дѣвку Андрееву“.

Лечила Иванова отъ сифилиса и вотъ какимъ способомъ: насыпавъ жару въ горшокъ и насыпавъ киновари, сажала больнаго надъ горшкомъ, окутывала шубами и заставляла вдыхать въ себя. Отъ такого леченія больной ослабѣвалъ такъ, что не въ силахъ былъ встать съ мѣста, и „изъ рта его хоть всѣ зубы выбирай“. Внутрь при этомъ Иванова давала „сабуръ съ крѣпкой водкой“.

Сидя въ острогѣ, Иванова дала крестьянину Петрову какую-то траву, чтобы произвести выкидышъ у его любовницы. Дѣло и на этотъ разъ кончилось смертью принявшей лекарство.

Къ числу знахарей, пользующихся большимъ вліяніемъ въ средѣ простого народа, слѣдуетъ отнести коноваловъ, которые попреимуществу фигурируютъ въ качествѣ хирурговъ и операторовъ. Иногда, какъ къ вспомогательному средству, они прибѣгаютъ также къ нашептываніямъ и наговорамъ.

Приведемъ два довольно характерныхъ случая изъ практики этихъ своеобразныхъ знахарей.

Въ 1824 году лодейнопольскій судъ разсматривалъ дѣло о крестьянинѣ Анисимовѣ, который „вырѣзалъ дѣвкѣ Васильевой зобъ, отчего та умерла“.

Анисимовъ былъ коновалъ; обученъ онъ былъ покойнымъ дядею, тоже коноваломъ, и болѣе десяти лѣтъ съ успѣхомъ (по его показанію) оперировалъ надъ разными людьми. По его словамъ, на своемъ вѣку онъ „излѣчилъ не менѣе двухсотъ человѣкъ мужска и женска пола“ настолько удачно, что иныхъ даже потомъ въ „солдаты забирали“. Вырѣзать зобъ или иной какой наростъ было, по его мнѣнію, „сущіе пустяки“.

По объясненію отца покойной Васильевой, операція происходила такимъ образомъ. Анисимовъ, „поточивъ ножичекъ, которымъ, легчатъ поросятъ и бычковъ, началъ разрѣзывать у лежавшей на лавкѣ шею и, прорѣзавъ, вынималъ изъ-подъ кожи мясные катышки и вынулъ ихъ съ двѣнадцать“. Затѣмъ онъ зашилъ шею ниткою, обернулъ тряпкою и „повалилъ Васильеву на постель“.

Въ домѣ, кромѣ жены свидѣтеля и сына его, лежавшаго безъ памяти отъ пущенной ему тѣмъ-же Анисимовымъ крови, никого не было. Васильева пролежала неподвижно на постели около двухъ часовъ, просила по временамъ напиться, а иногда снѣгу, „что и исполнялъ самъ коновалъ, не допуская къ ней никого“; а потомъ поворотилъ ее на бокъ и она, „надвинувъ на лицо руку, въ такомъ видѣ около полуночи померла; лежа, не стонала и не кричала, тряпица на шеѣ отъ идущей изъ раны крови вся замаралась“.

По осмотрѣ трупа Васильевой оказалось, что искусный хирургъ просто зарѣзалъ ее, какъ барана. Онъ перерѣзалъ ей „становую жилу.“

Нѣсколько позднѣе подобное же дѣло производилось въ петрозаводскомъ уѣздномъ судѣ. Отъ такой-же операціи „померла женка Ефимова“.

Обвиняемый Ивановъ, шестидесятидевятилѣтній старикъ, объяснилъ, что коновальствомъ занимается сорокъ пятый годъ; „зобы вырѣзывалъ и раны залечивалъ и прежде, безъ всякаго поврежденія здоровья“.

Прорѣзавъ у Ефимовой кожу, Ивановъ „вынулъ желвакъ руками“. На другой день „еще подрѣзалъ и изъ раны вынулъ нечистоты, жилы-же боевой (т. е. сонной артеріи, которая оказалась надрѣзанной) не примѣтилъ, такъ какъ покойная была женщина здоровая и тучная“. Ефимова во время этой

звѣрской операціи боли не чувствовала, такъ какъ онъ „далъ ей въ руки камень, наговоривъ на него“.

И такъ, мы видимъ, что существуетъ цѣлый классъ деревенскихъ обывателей, которые избираютъ своей профессіей это, своего рода, „чернокнижіе“. Но тѣ представители чернокнижія, съ которыми мы пока ознакомились, все-же принадлежатъ къ числу, такъ сказать, добрыхъ геніевъ. Они идутъ навстрѣчу истиннымъ бѣдамъ и нуждамъ народнымъ. Тутъ ищутъ клада, тамъ „какъ подойти къ господамъ, къ начальству“, какъ „избавиться отъ немочи и хвори“, какъ „избѣжать рекрутчины“, какъ „ладно зажить съ женою“ и т. д.

Такого сорта „колдуны“ не вселяютъ страха и ужаса; ихъ не всегда любятъ и уважаютъ, но почти всегда терпятъ охотно въ своей средѣ. Когда дѣло доходитъ до суда, крестьяне на повальномъ обыскѣ въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ объ этихъ лицахъ неодобрительные отзывы. Послѣднее случается лишь тогда, когда человѣкъ „самъ по себѣ“ ужъ очень не важный — распутникъ, пьяница или, наконецъ, явный шарлатанъ, не вѣрующій въ свою собственную волшебную силу. При иныхъ условіяхъ односельцы почти всегда стараются „выгородить“ обвиняемаго, такъ какъ считаютъ его скорѣе полезнымъ, нежели вреднымъ для себя человѣкомъ. Не мудрено: у крестьянъ столько „бѣдъ“ и „напастей“, а помощи ждать неоткуда.

Совсѣмъ иное нужно сказать о той группѣ „колдуновъ“, къ ознакомленію съ которой мы теперь переходимъ.

Это—д у х и з л а, которые несутъ за собою „порчи“, „раззоренія“ и всяческія несчастія. Ихъ страшатся и ненавидятъ. Село, въ которомъ такой „лихой человѣкъ“ объявится, считаетъ, что это „божеское попущеніе“, которое посылается въ наказаніе за грѣхи. Отъ одного „глаза“ такого человѣка люди сохнутъ, раззоряются и мрутъ. Какое бы несчастье не стряслось съ человѣкомъ, разгадка найдена — всему причиной бѣсовская власть этого „злого колдуна“.

Та злополучная Аграфена Игнатьева, которую ея односельцы рѣшились „запечатать и сжечь“, навѣрное, имѣла несчастье прослыть такою именно колдуньею. Умерщвляя ее, крестьяне считали, что они не только сдѣлаютъ „хорошее

дѣло“ передъ начальствомъ, но и весьма угодное передъ самимъ Господомъ Богомъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ исчерпать всего матеріала, который имѣется у насъ подъ руками. Приведемъ, однако, нѣсколько наиболѣе крупныхъ обращиковъ изъ старой судебной практики относительно дѣлъ о „колдунахъ“ именно такого рода.

Въ 1837 году крестьяне дер. Бродина (Вологод. губ.), собравшись на сходъ, объявили волостному старшинѣ, что крестьянская дѣвка Марья, „будучи испорчена“, три дня подъ-рядъ въ одинъ и тотъ-же часъ приходила къ дому вдовы Дарьи Кузьминой къ окошку ея и въ безумствѣ своемъ выбила оконницы, „вывапливая“ именно на Кузьмину, что она ее „испортила“.

Съ своей стороны, сходъ, свидѣтельствуя объ этомъ, добавилъ: „вѣдомо намъ, много отъ нее (Кузьминой) происходитъ злоупотребленій и нападеній порчей на скотъ. Ведетъ-же она, Кузьмина, развратную жизнь“.

Сама „испорченная“, семнадцатилѣтняя крестьянка Максимова, показала на слѣдствіи, что въ великій постъ она случайно зашла къ Кузьминой, та ее угостила „мягкимъ печенымъ хлѣбомъ“; вернувшись домой, она почувствовала себя дурно, „въ сердцѣ боль“ и впала „въ безпамятство“. Съ той поры припадки повторяются; она въ безпамятствѣ кричала, что Кузьмина ее „испортила“.

На повальномъ обыскѣ тридцать два крестьянина показали, что они „подозрѣваютъ Кузьмину въ колдовствѣ“, причемъ одинъ изъ нихъ представилъ въ подтвержденіе такого подозрѣнія „вещественное доказательство“—узелокъ, найденный въ ея домѣ, въ которомъ было какое-то „неизвѣстное вещество“, смѣшанное съ конскимъ волосомъ. Неизвѣстное вещество оказалось сѣмянами какой-то травы, совершенно безвредными (дѣло волог. совѣстн. суда 1837 г.).

Нѣсколько лѣтъ ранѣе, въ той-же губерніи, крестьяне сельца Чексары жаловались своему помѣщику Саблину, что семидесятилѣтняя старуха Прокофьева съ двадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ Ѳедоромъ „портятъ здоровье сосѣдскихъ бабъ и дѣвокъ“. Помѣщикъ для успокоенія крестьянъ и въ предупрежденіе какого-либо „случая“, могущаго произойти

„отъ озлобленія сосѣдей“, доносилъ объ этомъ суду и просилъ произвести „наистрожайшее дознаніе“.

На слѣдствіи крестьяне заявили, что Прокофьева съ сыномъ живетъ уединенно и „подозрительно“, что она уже „испортила четырехъ дѣвокъ, семь женокъ и одного мужчину“—всего двѣнадцать человѣкъ.

Изъ этихъ порченныхъ „иныя, когда ихъ ломаетъ и корчитъ, выкликаютъ и выговариваютъ, что ихъ испортила Прокофьева съ сыномъ“. Порченныя во время припадка одержимы даромъ предвидѣнія; такъ онѣ „угадываютъ, кого Прокофьева еще будетъ портить“, и всегда предсказаніе сбывается. При встрѣчахъ съ колдуньей „порченныя“ впадаютъ въ бѣшенство и неистовство. Къ этому крестьяне добавили, что теперь они и на улицу выходить боятся, чтобы и „всѣхъ не перепортила“ Прокофьева.

Одинъ семидесятилѣтній старикъ при этомъ объяснилъ, что и его Прокофьева „испортила“. Передъ масляной испилъ онъ у нея сусла и съ той поры заболѣлъ, „сохнуть сталъ“. Ѣздилъ на богомолье въ монастыри, — стало легче, но все-таки нездоровъ.

Слѣдователь, „для удостовѣренія въ правильности этихъ показаній“, собралъ всѣхъ „порченыхъ“ въ одно мѣсто, при другихъ жителяхъ с. Чексары, и приказалъ привести Прокофьеву и сына ея.

„Лишь только увидѣли ихъ порченныя,—говорится въ протоколѣ слѣдователя, — измѣнились въ лицѣ, заскрежетали зубами и упали съ ногъ, а четверо изъ нихъ завопили благимъ матомъ, что испортила ихъ Прокофьева съ сыномъ и бросились на нихъ драться, выговаривая, которую когда именно испортили, такъ что едва нѣсколько мужчинъ могли остановить ихъ отъ бѣшенства. На прочихъ-же людей ни на кого не говорили и не кидались“,—добавляетъ глубокомысленно слѣдователь.

Прокофьева и сынъ ея „въ колдовствѣ не признались“; они полагали, что крестьяне „по злобѣ“ оговариваютъ ихъ. Было спрошено еще двадцать пять крестьянъ сосѣдней волости, и тѣ „подтвердили обвиненіе“ противъ Прокофьевой, заявивъ, что когда бываютъ въ церкви въ с. Чексары, то „отъ Прокофьевой порчи“ многихъ дѣвокъ и женокъ во

время церковнаго пѣнія „ужасно съ крикомъ ломаетъ и корчитъ и вывапливаютъ онѣ на Прокофьеву съ сыномъ“.

При обыскѣ въ домѣ Прокофьевой нашлось множество разныхъ безвредныхъ кореньевъ, волосы человѣческіе и бѣлый инбирь.

Вологодскій совѣстный судъ, подробно разслѣдовавъ это дѣло, опредѣлилъ: „дѣло предать волѣ Божіей, пока само объявится, а Прокофьеву съ сыномъ за смуту и обманъ наказать розгами“.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ дѣло, бывшее въ разсмотрѣніи сольвычегодскаго земскаго суда въ 1824 г. Тутъ слѣдствіе занялось, между прочимъ, подробнымъ медицинскимъ разслѣдованіемъ, такъ что „дѣло“ даетъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ тою болѣзнью, которая въ народѣ извѣстна подъ названіемъ „кликушества“.

„Дѣло“ возникло такъ.

Общество крестьянъ дер. Аксеновки черезъ своего выборнаго донесло управляющему мѣстной удѣльной конторой, что крестьянинъ Андрей Копалинъ, живущій мельникомъ на мукомольной мельницѣ (извѣстно, что, по народному повѣрью, мельникъ всегда немножко сродни дьяволу), по народнымъ слухамъ, „имѣя за собой колдовство“, портитъ людей, „садитъ икоты подъ названіемъ кликушъ и впускаетъ другія болѣзни, какъ-то: грыжи, вздутіе живота, боль въ поясницѣ и проч.“.

Управляющій конторою, „принимая въ уваженіе рапортъ крестьянъ“, просилъ судъ произвести законное разслѣдованіе „взводимаго на Копалина подозрѣнія.

Копалинъ „въ колдовствѣ не признался“.

На повальномъ обыскѣ крестьяне показали, что Копалинъ „имѣетъ за собой колдовство и чародѣяніе“ и впускаетъ порчи подъ названіемъ кликушъ и грыжи, отчего въ волости многіе крестьяне уже померли и что поэтому „держать въ селеніи А. Копалина они не согласны“.

Въ числѣ обвинителей Копалина явился между прочими родной его племянникъ Евдокимовъ, „одержимый болѣзнью и не въ полномъ разумѣ“. Когда съ нимъ „случалось“ онъ кидался при людяхъ на своего дядю-мельника,

называлъ его отцомъ и „выговоривалъ“, что тотъ „впустилъ ему въ утробу воробья съ золотыми перышками“.

Крестьянинъ Иванъ Мысовъ увѣрялъ, что мельникъ „напустилъ ему на правую ногу болѣзнь съ большою опухолью, подъ названіемъ грыжа“. Крестьянинъ Рычковъ удостовѣрилъ, что жена его отъ порчи Копалина „подвержена такой икотѣ, что почасту и вовсе ума лишалась“. Во время припадковъ она „бьется объ землю, не щадя жизни своей“. При встрѣчахъ съ мельникомъ, порченная кидается ему въ ноги и вопитъ, обнимая его колѣна: „не троньте моего батюшку!“

Такихъ больныхъ „кликушъ“, испорченныхъ Копалинымъ, оказалось въ волости не менѣе семнадцати. Каждая изъ нихъ заявляла, что Копалинъ испортилъ „ее по злобѣ“ на мужа, брата или отца; ссоры, по ихъ словамъ, были „изъ-за рыбной ловли“, изъ-за „дрекольной палки“, „изъ-за денегъ“, которыхъ ему не дали взаймы и т. п.

Молодой крестьянинъ Уронтовъ показалъ, что вскорѣ послѣ свадьбы его семнадцатилѣтняя жена Марья сдѣлалась больна икотою и современемъ эта болѣзнь стала такъ тяжела, что она уже болѣе не встаетъ съ постели и не выходитъ изъ избы. Порчу эту Копалинъ напустилъ на нее единственно за то, что „на свадьбѣ молодая не подала ему вина“.

Старуха Ларіонова жаловалась, что ея двадцатитрехлѣтній сынъ“ съ глазу“ Копалина „началъ скучать и болѣть сердцемъ и расходится эта болѣзнь по всей его утробѣ“.

У другихъ также „съ глазу“ оказывалась ломота во всѣхъ членахъ, въ рукахъ и въ ногахъ.

Вологодскій совѣстный судъ первоначально порѣшилъ: „предать дѣло волѣ Божіей, наказать Копалина въ селеніи прутьями, давъ ему семьдесятъ ударовъ“.

Но спустя восемь лѣтъ, дѣло это опять было возбуждено по слѣдующему поводу. Крестьяне нѣсколькихъ смежныхъ волостей, какъ видно, неудовлетворенные взглядомъ суда на дѣло, составили приговоры объ удаленіи изъ обществъ, съ ссылкою на поселеніе въ Сибирь, Андрея Копалина, свояченицу его, жену Прасковью Копалину и еще троихъ крестьянъ, водившихся съ ними, „за зловредныя дѣйствія ихъ порчею людей напусканіемъ кликуши или икоты, отъ которой порчи страждутъ люди“.

Департаментъ удѣловъ, не утвердивъ этого приговора, передалъ дѣло для новаго судебнаго разслѣдованія.

Прасковья Копалина, по свидѣтельству крестьянъ, кромѣ порчи дѣвокъ и женокъ, изобличалась еще въ томъ, что „для привлеченія въ домъ свой кого-либо изъ мужчинъ, для сожитія съ нею, источала изъ разныхъ частей тѣла своего кровь и клала оную въ муку, дабы таковою лепешкою приворожить къ себѣ молодого мужчину“.

Кромѣ народной молвы, въ дѣлѣ не было другихъ доказательствъ. При обыскѣ въ домѣ Копалиной оказалось, что изба ея (она жила одна на краю деревни) развалилась такъ, что „войти въ нее небезопасно; живетъ же она въ близь лежащемъ холодномъ небольшомъ амбарѣ, у котораго крыша по ветхости свалилась и нѣтъ потолка“. Въ амбарѣ никакихъ травъ и ничего „вреднаго для людей“ не оказалось. Вся посуда для домашняго употребленія найдена „въ скаредномъ видѣ и смрадномъ отъ разныхъ нечистотъ положеніи“. Затѣмъ въ протоколѣ обыска добавлено: „живя въ семъ положеніи, она нигдѣ не имѣетъ прочнаго жилища, по причинѣ всеобщаго мнѣнія, что она причиняетъ вредъ и любострастіе людямъ своимъ колдовствомъ“.

Такимъ образомъ, любострастная деревенская Фрина, съ наклонностями Діогена, прослыла у крестьянъ за чародѣйку и опасную колдунью.

Слѣдователь при вторичномъ разслѣдованіи дѣла пригласилъ мѣстнаго штабъ-лекаря, „для изслѣдованія въ истинѣ болѣзни одержимыхъ“. Врачъ послѣ тщательнаго осмотра далъ слѣдующій отзывъ: „таковые люди одержимы истерическими припадками, а не порчею или напущеніемъ на нихъ посредствомъ чародѣйства икоты или кликушъ“. Дѣло было прекращено.

Мы могли-бы привести еще множество аналогичныхъ процессовъ старыхъ судебныхъ мѣстъ, изъ которыхъ видно, что болѣзнь „кликушества“ распространена по всей Россіи и что въ средѣ крестьянства она свирѣпствуетъ съ неимовѣрной силой.

Какимъ образомъ въ глазахъ простыхъ умовъ виною всему является „колдовство“ и „чародѣйство“, врядъ-ли нужно пояснять. Темный человѣкъ вѣритъ и понимаетъ только

„видимости“. Гдѣ же ему искать разгадки, какъ не въ тѣхъ „лихихъ людяхъ“, которые либо сами готовы злоупотреблять его легковѣріемъ, лишь-бы не работая жить на чужой счетъ, либо-же сами люди рехнувшіеся, искренно почитающіе себя за „сосудъ дьявола“ и орудіе нечистой силы. Если спиритическіе „духи“ могутъ порабощать себѣ умы ученыхъ естествоиспытателей, то что-же мудренаго въ громадномъ вліяніи „чародѣйства и колдовства“ на простой народъ?

Впрочемъ, бывали случаи въ практикѣ нашихъ старыхъ судовъ, гдѣ обвиненія въ колдовствѣ возникали не въ одной лишь темной средѣ крестьянства, но и въ средѣ лицъ сравнительно интеллигентныхъ.

Такъ, въ 1839 году, помѣщикъ сельца Шарихина, капитанъ Ефимъ Богдановичъ Левскій, заявлялъ земскому суду, что съ пріѣзда его на жительство въ имѣніе, жена его „начала скучать часто болью въ сердцѣ“, да и у него самого „бываетъ иногда тошнота и рвота“. Къ этому онъ добавлялъ, что имъ замѣчено, что „коровы и телята ежечастно вянутъ“, не смотря на весь присмотръ, молоко при этомъ оказывается нерѣдко „нечисто и какъ-бы съ сукровицею“. У зарѣзаннаго, по совѣту коновала, теленка вся „внутренность оказалась испорченною“.

Подозрѣніе „въ порчѣ“ онъ заявилъ на ключницу Марью Осипову. Въ ея помѣщеніи, около печи, найдено было семнадцать узелковъ съ разными травами, кореньями и звѣриными лапками, кромѣ того пукъ человѣческихъ волосъ и другія удивительныя снадобья. Все это, по мнѣнію помѣщика, давало поводъ думать о злонамѣренномъ „еретичествѣ“ скотницы Осиповой, тѣмъ болѣе, что на вопросъ, для чего она все это имѣла, она отвѣчала, что она въ „Сибирь пойдетъ не одна, а втроемъ“.

Быть можетъ, въ настоящемъ дѣлѣ скрывался случай покушенія на отравленіе помѣщика, такъ какъ въ числѣ снадобій оказались и ядовитыя. На повальномъ обыскѣ крестьяне показали, что Осипова поведенія весьма дурного, характера недоброжелательнаго и мстительнаго и „къ причиненію людямъ и скоту вреда весьма склонна“.

Уголовная палата, оставивъ Осипову „въ сильномъ подозрѣніи“, приговорила „за разнорѣчивыя показанія и дер-

зость противъ помѣщика наказать ее десятью ударами плетей".

Въ заключеніе нашего очерка разскажемъ случай „покушенія на колдовство", переполошившій весь Николаево-Коряжскій мужской монастырь. Это было въ 1824 году.

Настоятель монастыря игуменъ Даніилъ жаловался на крестьянку Наталью Панову, что она покушалась своимъ волшебствомъ „наругаться" надъ нимъ, и при этомъ добавлялъ: „я нынѣ нахожусь подъ опасеніемъ моей жизни, поелику я наслышалъ, что Панова не только людей портитъ своимъ волшебствомъ, но и скотъ поражаетъ".

„Волшебство" Пановой выразилось въ слѣдующемъ. Подаривъ „холщевые поруки" молодому послушнику, она подговорила его бросить въ пищу игумена „снадобье", которое она ему вручила, и кромѣ того требовала, чтобы онъ досталъ ей „стельку отъ поношеннаго игуменова сапога".

Послушникъ подарокъ взялъ, но „вступить въ колдовство" не рѣшился и открылся во всемъ настоятелю. Этотъ послѣдній поощрилъ послушника притвориться сообщникомъ Пановой, чтобы все „доподлинно выпытать отъ нея". Панова, которой послушникъ сказалъ, что первое снадобье не подѣйствовало, дала ему на этотъ разъ какой-то порошокъ и велѣла „онымъ напоить настоятеля, говоря: буде и порошокъ сей не подѣйствуетъ, призову бабу почище меня, которая его сможетъ побѣдить".

Первое снадобье оказалось „смолото съ намятыми въ ней человѣческими волосами", а самый порошокъ—„простымъ пепломъ древеснымъ.

Панова „ни въ чемъ не созналась" и лишь объяснила, что игуменъ Даніилъ, „увидавъ ее разъ на улицѣ, заходилъ къ ней въ домъ", и это подало поводъ монастырской коровницѣ озлобиться на нее, вслѣдствіе чего та и подговорила послушника оклеветать ее, Панову.

На повальномъ обыскѣ крестьяне показали, что Панова поведенія распутнаго, но „объ ней ничего законопротивнаго неизвѣстно".

Совѣстный судъ, принимая во вниманіе, что хоть игумену ничего вреднаго не послѣдовало, но Панова въ томъ

намѣреніе имѣла, опредѣлилъ: „въ страхъ другимъ наказать Панову прутьями, давъ ей семьдесятъ ударовъ“.

Мы заканчиваемъ нашъ очеркъ, далеко не исчерпавъ всего богатаго матеріала, который представляетъ практика нашихъ старыхъ судовъ по дѣламъ этого рода, громко свидѣтельствуя о безпросвѣтной темнотѣ и безпомощномъ безсиліи нашего деревенскаго люда.

Дѣла съ религіозной подкладкой.

Уголовныя дѣла съ религіозной подкладкой, весьма нерѣдко, служили и служатъ предметомъ судебнаго разбирательства.

Пока ограниченіе гласности судебныхъ процессовъ не было еще въ полномъ ходу у насъ, такого рода дѣла проходили на судѣ при открытыхъ дверяхъ и давали весьма цѣнный матеріалъ для изученія какъ бытовыхъ условій, при которыхъ возникаютъ эти дѣла, такъ и догматическаго содержанія самихъ вѣроученій. Нѣсколько характерныхъ процессовъ такого рода въ семидесятыхъ годахъ были разсмотрѣны нашими судами публично, и мы считаемъ небезполезнымъ закрѣпить ихъ слѣдъ въ печати.

I.

Новые апостолы скопчества.

Въ г. Мелитополѣ (Таврической губ.) въ 1876 году втеченіе весьма продолжительнаго времени въ особомъ деревянномъ баракѣ, нарочно построенномъ для этой цѣли, тянулись засѣданія симферопольскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу, совершенно выходящему изъ ряда обыкновенныхъ, какъ по числу лицъ, привлеченныхъ на скамью подсудимыхъ, такъ и по самому характеру обвиненія. Рѣчь шла о ста-тридцати-шести лицахъ,

разнаго пола, возраста и званія, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ скопческой сектѣ и въ распространеніи этого ученія.

Изъ ста-тридцати-шести подсудимыхъ-скопцовъ большинство принадлежало къ крестьянскому сословію, затѣмъ слѣдовало двадцать человѣкъ мѣщанъ и только двое, приписанныхъ къ купечеству. Женщинъ—сравнительно много, болѣе половины всѣхъ подсудимыхъ. По возрасту, обвиняемые распредѣлялись довольно неравномѣрно; всего болѣе ихъ было въ возрастѣ отъ 30—35 лѣтъ, но были и дряхлые старики, которымъ уже за 70 лѣтъ; съ другой стороны, не мало и дѣтей отъ 10 до 16 лѣтняго возраста. Изъ числа всѣхъ обвиняемыхъ, болѣе пятидесяти человѣкъ—наиболѣе ревностные фанатики своего вѣроученія—втеченіе всего предварительнаго слѣдствія были заключены подъ стражу, остальные находились подъ надзоромъ полиціи и явились на судъ свободными.

Процессъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, гигантскій, для удобства разбирательства былъ раздѣленъ на стадіи и отдѣлы. Судъ имѣлъ дѣло съ обвиняемыми по очереди, разбивъ общее число ихъ на одиннадцать отдѣльныхъ группъ.

Извѣстно, что нашъ уголовный кодексъ не преслѣдуетъ за самую принадлежность къ какой-либо ереси, онъ караетъ только за совращеніе другихъ въ эту ересь. Въ данномъ случаѣ всѣ сто тридцать шесть обвиняемыхъ, по мнѣнію прокурорскаго надзора, изобличались вполнѣ въ томъ преступленіи, которое законъ нашъ называетъ распространеніемъ ереси и совращеніемъ въ нее другихъ.

Дѣйствительно, судя по тому, что обнаружилось на судѣ въ первой стадіи процесса, въ лицѣ обвиняемыхъ первой группы мы имѣемъ дѣло съ истыми представителями скопчества. Здѣсь и „Батюшка-искупитель“ (крестьянинъ Лисинъ), и „Іоаннъ-Богословъ“ (крестьянинъ Ковалевъ), и „Василій Великій“ (кр. Ивановъ), и, наконецъ, „Мать-благодать,“ сперва въ образѣ какой-то крестьянки, и, затѣмъ въ „сосудѣ“ лица мужскаго пола.

Прежде чѣмъ остановиться на любопытныхъ подробностяхъ, разоблаченныхъ первою группою обвиняемыхъ, относительно особенностей скопческаго вѣроученія и всѣхъ его обрядностей въ томъ видѣ, въ какомъ скопчество пропаган-

дируется въ послѣднее время, мы, для большей послѣдовательности, приведемъ, прежде всего, сущность заключеній экспертовъ, данныхъ по этому предмету на судѣ.

Въ качествѣ экспертовъ явились два учителя духовной семинаріи. Наиболѣе интересною частью экспертизы представляется историческій очеркъ развитія скопчества, сдѣланный однимъ изъ двухъ экспертовъ.

По мнѣнію этого эксперта, скопчество, какъ религіозная секта, есть явленіе чисто русское, начало которому положено въ половинѣ XVIII столѣтія. Случаи единичнаго оскопленія однако же очень древни. Такъ изъ библіи извѣстно, что еврейскій законъ воспрещалъ скопцамъ входъ въ скинію. Кромѣ того разсказываютъ, что Семирамида оскопила своего собственнаго сына за его отказъ жить съ нею въ бракѣ. Далѣе — евнухи, — тѣ же скопцы, составлявшіе цѣлое государственное сословіе на востокѣ. Случаи оскопленія встрѣчались и въ православной церкви. Первымъ скопцомъ въ ней былъ Оригенъ.

Въ Россію скопчество занесено съ востока, гдѣ многіе іерархи были оскоплены (Іоаннъ II, Ефремъ и др.). До X-го столѣтія оно не пользовалось у насъ общественнымъ сочувствіемъ, но тутъ обстоятельства измѣнились. Въ XVII вѣкѣ впервые у насъ появляется „Богъ-Саваофъ“ въ лицѣ крестьянина Данилы Филипповича. Онъ сталъ бродить по разнымъ губерніямъ, заводилъ „корабли“ (братства), ставилъ кормовщиковъ и вообще вводилъ обряды. Этимъ онъ положилъ основаніе хлыстовщинѣ, изъ которой впослѣдствіи и вышло скопчество.

Съ 1735 года, въ царствованіе Анны Іоанновны, хлыстовская секта подверглась серьезному преслѣдованію. Комиссіи, учрежденной съ этою цѣлью, удалось открыть нѣкоторые ихъ обряды. Такъ, было дознано, что хлысты составляютъ „соборы“, на которыхъ „радѣютъ“. Дознано было, что они употребляютъ бичеваніе, общія трапезы и общія же постели. Десять лѣтъ спустя, въ 1745 году, была назначена вторая подобная же правительственная комиссія, которая открыла существованіе многочисленнаго общества хлыстовъ. Всѣхъ обвиняемыхъ на этотъ разъ было четыреста шестнадцать человѣкъ. Многихъ изъ нихъ казнили, остальныхъ наказали кнутомъ

и сослали въ Сибирь. Послѣ этого о хлыстахъ въ Россіи долго ничего не было слышно.

Основателемъ скопческой секты, впервые распространившимъ ее въ нѣсколькихъ губерніяхъ (Нижегородской, Тамбовской, Костромской), считается Кондратій Селивановъ, именовавшій себя „Богомъ-Искупителемъ“. Достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о его личности не сохранилось; извѣстно только, что въ 1775 году „розыскивался прапорщикъ Селивановъ“. Скопцы говорятъ, что это былъ солдатъ, стоявшій нѣкогда во дворцѣ на часахъ. Подъ его именемъ будто бы Петръ III странствовалъ по Россіи. Вскорѣ Селивановъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ Александра Шило. О послѣднемъ разсказываютъ, что прежде чѣмъ явиться къ Селиванову, онъ „всѣ вѣры перешелъ, но истинной не нашелъ“. Съ нимъ-то Селивановъ и пустился странствовать по различнымъ хлыстовскимъ „кораблямъ“. Въ средѣ хлыстовъ они встрѣтили всюду распущенность и крайнюю безнравственность. Тогда они задумали исправить зло проповѣдью, громя пороки самихъ же хлыстовъ. Но хлысты не признавали ихъ пророчествъ и стали ихъ въ свою очередь преслѣдовать.

Главная мысль новыхъ пропагандистовъ заключалась въ томъ положеніи, что корень всему злу—плотскія побужденія. Стоитъ только человѣка какъ-нибудь избавить отъ нихъ,—и онъ станетъ безстрастенъ, и все пойдетъ прекрасно. Это привело къ пропагандѣ физическаго оскопленія. Проповѣдь сперва не имѣла ровно никакого успѣха. Но когда самъ Селивановъ и его товарищи оскопились, многіе послѣдовали ихъ примѣру. Затѣмъ число новыхъ сектантовъ постоянно увеличивалось. Скоро скопчество обратило на себя вниманіе правительства, скопцовъ стали преслѣдовать. Тогда Селивановъ скрылся и долго бродилъ непойманнымъ, такъ какъ скопцы тщательно укрывали его. Наконецъ въ 1776 году онъ былъ пойманъ, его наказали кнутомъ и сослали въ Иркутскъ.

Въ ссылкѣ Селивановъ не потерялъ прежняго своего значенія у скопцовъ. Напротивъ, дѣло пропаганды и вербовки новыхъ прозелитовъ скопческаго вѣроученія принимало все большіе размѣры. И въ Россіи и въ Сибири Сели-

вановъ по прежнему продолжалъ собирать „корабли“, изъ которыхъ нѣкоторые достигали до трехсотъ человѣкъ. Во время своихъ собраній для „радѣнія“ скопцы пѣли между прочимъ стихи, въ которыхъ славили „Петра III—Селиванова“.

Въ 1820 году Селивановъ былъ взятъ почью подъ стражу и увезенъ въ суздальскій Спасо-Ефимьевскій монастырь. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ переведенъ на жительство въ Соловецкую обитель, гдѣ содержался очень строго и умеръ въ 1832 году.

Послѣ Селиванова распространеніе и развитіе секты шло очень быстро, проповѣдниковъ скопчества было очень много. Изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательны Громовъ и Сазоновичъ. Послѣдній изъ нихъ ввелъ въ употребленіе такъ называемую „большую печать“, для того, чтобы пресѣчь тотъ страшный развратъ, который царилъ въ средѣ сектантовъ, оскопленныхъ лишь „малою печать“.

И въ настоящее время,—по мнѣнію экспертовъ,—скопческая пропаганда идетъ быстрыми шагами. Смерти Селиванова скопцы не вѣрятъ, такъ какъ считаютъ его „Богомъ-Искупителемъ“.

Вотъ сущность тѣхъ историческихъ указаній, которыя приводились экспертами на судѣ по вопросу о прогрессивномъ развитіи скопческаго вѣроученія въ нашемъ отечествѣ.

По мнѣнію тѣхъ же экспертовъ, скопчество на современной ступени своего развитія, какъ это выяснилось въ настоящемъ процессѣ, представляется вѣроученіемъ „анти-религіознымъ, анти-общественнымъ и анти-государственнымъ“. Христіанскаго въ немъ лишь одни имена: „искупитель, пророки, богородица“. Скопцы отрицаютъ семью, основу всякаго государства. По ихъ ученію, они не должны открывать истины ни царю, ни князю, ни роду „ни племени“. Самой власти они не признаютъ и отрицаютъ всякій внѣшній порядокъ.

Обратимся теперь къ обстоятельствамъ, выяснившимся на судѣ изъ показаній свидѣтелей и самихъ обвиняемыхъ.

Надо замѣтить, что изъ числа подсудимыхъ первой группы выдѣлился одинъ, именно крестьянинъ Картамышевъ, въ томъ отношеніи, что онъ явился отступникомъ и обличителемъ прежнихъ своихъ братьевъ по вѣрѣ. Самъ онъ дотого считался „пророкомъ“ у скопцовъ, и поэтому въ своихъ

пространныхъ показаніяхъ онъ имѣлъ возможность высказываться о такихъ предметахъ, которые всѣ остальные скопцы тщательно скрываютъ отъ непосвященныхъ. О своемъ отступничествѣ онъ поспѣшилъ заявить на судѣ съ первыхъ же словъ.

— Виноватъ во всемъ этомъ,—отвѣтилъ онъ на вопросъ предсѣдателя о его виновности,—каюсь въ своемъ заблужденіи и прошу Бога о помилованіи!

Затѣмъ онъ началъ исповѣдь съ разсказа о себѣ самомъ, изложивъ въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію своего обращенія въ скопчество.

Оказывается, что онъ еще съ дѣтскаго возраста имѣлъ наклонность къ духовному писанію и все хотѣлъ учиться грамотѣ, но дѣдъ ему этого не дозволялъ. Будучи уже молодымъ парнемъ, работникомъ, онъ однажды сильно захворалъ: ему свело руки и ноги, такъ что онъ долго пролежалъ. Тутъ онъ сталъ молиться Богу и каяться въ грѣхахъ, и далъ обѣтъ вести впередъ жизнь правильную и угодную Богу. Вскорѣ послѣ этого онъ выздоровѣлъ.

Затѣмъ, женившись на своей односельчанкѣ, онъ сталъ замѣчать, что теща его никогда не садится вмѣстѣ со всѣми обѣдать. Скоро онъ узналъ, что она—старовѣрка. Это было ему очень непріятно, такъ какъ онъ былъ уже тогда начитанъ въ священномъ писаніи. Онъ сталъ укорять ее и обличать ея заблужденія.

— Молчи,—отвѣчала та ему въ сердцахъ,—молчи о писаніи, тамъ про тебя ни единой-то строчки нѣтъ!...

„Послѣ этого,—увѣрялъ Картамышевъ,—я добылъ Евангеліе и еще пуще сталъ вникать въ него“. Поссорившись затѣмъ съ матерью своею, за то что у него было мало дѣтей, онъ поселился отдѣльно.

— Жилъ я теперь на мельницѣ,—разсказывалъ Картамышевъ,—жилъ одиноко, тихо и все читалъ Новый Завѣтъ... Знакомые сектаторы приходили ко мнѣ, толковали мнѣ по своему священное писаніе, колебали меня, но въ свою вѣру принять не хотѣли, хоть я просился къ нимъ. Они говорили: „Когда Богъ скажетъ, тогда и примемъ“, а, между тѣмъ, все не принимали.

Что это были за сектанты, къ которымъ первоначально

обращался Картамышевъ, онъ не пояснялъ, но, во всякомъ случаѣ, это не были скопцы.

— Уже позже,—продолжалъ онъ свою исповѣдь,—обратился я къ другимъ. Эти говорили, что Богъ чрезъ пророковъ въ наши дни извѣщаетъ, толковали про Селиванова—искупителя, который будто живъ и никогда не умретъ.

Тутъ онъ былъ „принятъ", и его скоро оскопили. Объ этомъ своемъ посвященіи въ новую вѣру онъ передаетъ подробно:

— Разъ на мельницѣ былъ „съ ними" разговоръ о томъ, какъ пришелъ искупитель. Я слушалъ и не говорилъ ничего Потомъ Василій Ѳедоровъ (пророкъ) взялъ меня къ себѣ. Тутъ была и Аксинья Нестеровна, пророчица. Стали всѣ меня уговаривать, а потомъ оскопили. Оскопили не совсѣмъ, получилъ я въ этотъ разъ только „малую чистоту". Вторую, большую, я принялъ уже въ замкѣ, когда меня арестовали. Оскопился тутъ я самъ. Какъ получилъ я чистоту, легко стало мнѣ. Прежде я все мучился да думалъ, а теперь мнѣ все сдѣлалось мило: жена, дѣти, моя свобода,—пророки поютъ!

Вскорѣ послѣ своего оскопленія Картамышевъ, „послушавшись пророчества", бѣжалъ за-границу, такъ какъ онъ почуялъ въ себѣ приливъ пропагандическаго рвенія. Онъ бѣжалъ туда безъ паспорта, безъ денегъ, и, по его собственнымъ словамъ, много перенесъ тамъ горя.

— Трудно было, очень трудно!—съ сокрушеніемъ воскликалъ онъ на судѣ.

Потомъ онъ тайкомъ вернулся на родину, оскопилъ здѣсь сына и, взявъ жену, хотѣлъ опять бѣжать за границу. Но тутъ какими-то судьбами арестовали его сына. Съ помощью другихъ скопцовъ ему удалось однако-же выручить его, и тогда онъ снова устремился за границу. Бѣжалъ онъ на этотъ разъ въ придунайскія княжества и проживалъ большею частью въ Галацѣ и Бухарестѣ. Кромѣ него, здѣсь проживала цѣлая колонія скопцовъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія въ Россіи. Эта колонія представляла какъ бы центръ скопческаго міра,—здѣсь пріютились всѣ видные представители современнаго скопчества. Тутъ были пророки, посланники, хранители традицій и обрядовъ; отсюда-же шла пропаганда въ Россію, здѣсь-же наконецъ объявился

вскорѣ и самъ „Богъ-Искупитель“ въ лицѣ крестьянина Лисина.

О жизни и дѣятельности этого „центра скопчества“ можно найти любопытныя указанія въ судебной исповѣди Картамышева.

— Въ 1872 году,—повѣствовалъ онъ о времени своего пребыванія за границей,—у насъ было „избраніе“. Это—открытіе о душѣ... Тогда я зналъ уже много и со мной трудно было спорить. Ну и заспорилъ я однажды о душѣ съ однимъ молодымъ лавочникомъ. Все о душѣ! Вотъ онъ зачалъ: „что душа, да какъ, да почему?“ Я и не зналъ. Спроси, говоритъ, у Ефима Купріянова, пророка. Не хотѣлось мнѣ обращаться, а дѣлать нечего—рѣшился. Вотъ онъ-то и сказалъ мнѣ: „душа говоритъ, это—спадшій съ неба ангелъ“. Крѣпко задумался я надъ этимъ и даже приходилъ въ изступленіе. Какъ подумаю, бывало, что ты такое, такъ просто не знаю чтобъ я и дѣлалъ съ собою. Легко сказать только — спадшій ангелъ! Къ тому много постился, пѣлъ, кружился съ другими,—такъ иной разъ все такъ и металось въ глаза.

Религіознымъ сомнѣньямъ и неудовлетворенности фанатическихъ стремленій отдѣльныхъ братчиковъ положилъ конецъ проживавшій въ то время также въ Галацѣ крестьянинъ Лисинъ. Скоро онъ „объявился Богомъ-Искупителемъ и восходилъ торжественно на гору Синай“ (такъ называли скопцы высокій холмъ вблизи Галаца). Потомъ Лисинъ сталъ проповѣдывать между „своими“; онъ училъ, что надо любить другъ друга и предлагалъ желающимъ „идти тѣло искуплять“. На такой призывъ откликнулся Картамышевъ и еще Василій Ивановъ (впослѣдствіи „Василій Великій“); они направились вмѣстѣ въ Бессарабію и въ Яссахъ проповѣдывали.

— Тутъ, разсказывалъ Картамышевъ, — Ивановъ сталъ биться,—это чтобъ плоть убить. Сильно бился и я тоже. Потомъ по колючкамъ ходили. Я просто былъ чуть живъ. По всему тѣлу шрамы, хромалъ, едва не умеръ.

Когда узналъ о такой слѣпой ревности Лисинъ, онъ самъ пріѣхалъ къ нимъ, чтобы положить этому конецъ и укорялъ ихъ говоря: „зачѣмъ безъ нужды побился?“ Затѣмъ Лисинъ „поставилъ Картамышева пророкомъ Иліею, а Иванова—Василіемъ Великимъ“ и послалъ вновь проповѣдывать. На этотъ

разъ они направились въ Россію и оставались преимущественно въ южныхъ ея окраинахъ. Они побывали въ Николаевѣ, Харьковѣ, Каховкѣ, Бердянскѣ, Текмакѣ.

— Вездѣ, куда ни пріѣдемъ,—соборъ!—описывалъ свои странствованія Картамышевъ. Это значитъ соберутся скопцы въ одну избу, молятся, поютъ псалмы, радѣютъ .. Радѣютъ разно: и „кораблемъ“ и „крестикомъ“. Когда кораблемъ, всѣ становятся въ кружокъ лицемъ въ середку, а одинъ въ серединкѣ—мачта, значитъ. Тутъ всѣ машутъ руками, пляшутъ подъ псалмы и поютъ, что такъ радѣлъ (радовался) царь Давидъ, а когда крестикомъ, такъ становятся другъ противъ дружки по двое, по четыре и даже по восемь человѣкъ; ну перебѣгаютъ на крестъ, поютъ и бьютъ по ляжкамъ...

На соборахъ бываютъ простые скопцы, учителя и пророки. Пророкъ тотъ, кому дано „править“ своихъ единовѣрцевъ, но принимать новыхъ онъ не можетъ; учитель же—„и правитъ и новыхъ принимаетъ“.

—Здѣсь тоже поютъ „Христосъ Воскресе“, такъ какъ Христосъ всегда воскреснетъ!

По заявленію Картамышева, „все это заведено не Лисинымъ, все это давно было“.

— Одно слово, — радѣютъ, какъ пьяные! — коротко закончилъ бывшій „пророкъ Илья“ описаніе обрядовой стороны скопчества.

Относительно процесса посвященія въ скопчество, т.-е. самаго процесса оскопленія, Картамышевъ сдѣлалъ также нѣсколько любопытныхъ указаній.

— Разъѣзжая по городамъ и селамъ я многихъ скопилъ,— говорилъ онъ.— Только никогда не дѣлалъ этого насильно: всегда меня сами просили, всегда кланялись. Вотъ Федоръ Петровъ,—пояснялъ онъ примѣромъ,—тотъ даже благодарилъ меня и самъ нарочно купилъ новую бритву. Иногда я даже отговаривалъ, да ничего не могъ подѣлать. Одинъ три раза, почитай, вовсе умиралъ, а вѣдь все проситъ: „Дай чистоту!“ Принесъ мнѣ рубанокъ-то совсѣмъ тупой. Ну, я сталъ рѣзать. Вѣдь самъ же просилъ. Кричитъ!..

Картамышеву, въ санѣ „Ильи пророка“, удалось оскопить такимъ образомъ человѣкъ десять. Вскорѣ затѣмъ онъ попался, и его заключили въ острогъ. Здѣсь на первыхъ по-

рахъ онъ оставался ревностнымъ скопцомъ, и самъ оскопилъ себя „большою чистотой“. Но скоро его взяло раздумье и онъ покаялся во всемъ. Послѣ отщепенства, ему приходилось выносить цѣлый градъ ругательствъ и насмѣшекъ отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ.

— Былъ пророкъ, да сталъ марокъ!—смѣялись они надъ нимъ и говорили о прежнихъ его пророчествахъ,—то не духъ святой пророчилъ, а воронъ каркалъ!..

Кромѣ Картамышева, къ первой группѣ обвиняемыхъ принадлежало еще пятнадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько женщинъ. Всѣ они держали себя на судѣ совершенно иначе. Они были скупы на слова, и, еслибы не разоблаченія Картамышева, по всей вѣроятности, не открылибы ни одной тайны своего вѣроученія. Но Картамышевъ настойчиво стоялъ на своемъ, уличалъ ихъ, и они сами принуждены были высказываться.

— Не для корысти, не для почести или прибыли поступалъ прежде я, а все для души! Потому я и не виновенъ! — старался произвести впечатлѣніе на присяжныхъ Картамышевъ,—теперь я покаялся въ немъ, пусть же и они покаятся!—закончилъ онъ свою исповѣдь.

Лисинъ—„искупитель“ естественно очутился во главѣ этой первой группы обвиняемыхъ. Сначала онъ злобно молчалъ, слушая обличенія рукоположеннаго имъ нѣкогда „пророка“, но наконецъ не выдержалъ, глаза его забѣгали по сторонамъ и онъ самъ сталъ держать отрывистую, торопливую рѣчь.

На вопросъ виновности онъ отвѣчалъ:

— Не виновенъ я, такъ какъ дѣйствовалъ по скопческой вѣрѣ, какъ быть слѣдовало. Пришло время принять искупителя-Селиванова! Меня выбрали по пророчеству, и я согласился. Наши пророки предсказывали по Евангелію о второмъ пришествіи; говорили, что спаситель-Селивановъ и дѣва Марія должны опять прійти въ міръ. Заграничные скопцы признали, что сила Селиванова во мнѣ, такъ пѣли пророки. Вотъ я и принялъ пророчество! Теперь тоже скопецъ...

Его стали допрашивать.

— Какъ же при опросѣ вы назвали себя православнымъ?

Лисинъ строгимъ, убѣжденнымъ голосомъ пояснилъ:

— По рожденію я точно православный, но теперь скопецъ. На Сіонѣ во мнѣ перемѣна была, и даже очень, я это чувствовалъ. Тамъ преобразился также „Іоаннъ Богословъ“ (указываетъ при этомъ на сидящаго рядомъ съ нимъ подсудимаго Ковалева). По плоти-то онъ Ковалевъ. а по силѣ „Богословъ“. Въ немъ есть еще и другая сила, сила „Александрушка“. По скопчеству—это даръ! „Мать-Благодать“ тоже даръ, чинъ духовный, какъ есть чины духовные и въ православной церкви. Сила эта была въ Елисаветѣ Петровнѣ, Акулинѣ Ивановнѣ (объ также подсудимыя первой группы). Теперь эта сила въ немъ — въ Ковалевѣ! Это значитъ, что нашла себѣ сила сосудъ. Во мнѣ тоже сила, я только сосудъ. Послѣ — сила явилась и въ Картамышевѣ; есть-ли въ немъ теперь — не знаю!

Затѣмъ Лисинъ не отрицалъ, что въ средѣ скопцовъ онъ имѣлъ огромное вліяніе. Пріѣхавъ въ Россію, онъ объѣздилъ весь югъ, и его вездѣ принимали за „Бога-Искупителя“. Относительно обращенія иновѣрцевъ въ скопчество, онъ утверждалъ, что никого оскоплять не приказывалъ, потому что такого пророчества не было.

— Достаточно одного духовнаго оскопленія! — проповѣдывалъ Лисинъ.

И дѣйствительно, даже Картамышевъ указывалъ на то, что оскопленіе физическое, по толкованію этого новаго „Бога-Саваофа“, не есть необходимая принадлежность скопческаго вѣроученія.

Но за то въ своемъ обличительномъ рвеніи Картамышевъ на распросы прокурора старался въ особенности выяснить антигосударственныя тенденціи скопческаго вѣроученія. По его словамъ, скопцы не признаютъ ни свѣтскаго, ни духовнаго начальства. Представителей свѣтской власти они называютъ судьями іудейскими, распинателями, которые Христа замучили. Духовенство зовутъ фарисеями и наемниками, говорятъ, что „попа можно въ одинъ день три раза купить“. Хоть и ходятъ въ церковь и пріобщаются святыхъ тайнъ, но все это дѣлаютъ ложно, изъ боязни. Лисинъ училъ не лицемѣрить, вовсе въ церковь не ходить. Иконъ скопцы не хулятъ, про святыхъ православныхъ говорятъ, что то были

тоже божескіе люди. Все „начальство“ у скопцовъ—„учитель и искупитель-глава“. На него они Богу молятся, „даже обѣими руками“, и земные поклоны кладутъ. Лисинъ училъ, что „молиться надо на живое лицо“.

Іерархическая лѣстница скопческихъ вождей, по разъясненію того же Картамышева, идетъ въ такой постепенности: во главѣ всѣхъ—„искупитель“, потомъ— „учителя“ и „учительницы“, „пророки и пророчицы“ и, наконецъ,—простые скопцы.

По словамъ Картамышева, Лисинъ явился въ Россію и говорилъ, что онъ пришелъ звать всѣхъ въ Москву „на страшный судъ“, гдѣ „избранные будутъ ликовать, а невѣрнымъ будутъ головы рубить“.

Затѣмъ остальные подсудимые принесли на судъ полусознаніе. Иные говорили, что раскаялись и приняли покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, другіе стояли на истинности своего вѣроученія.

Такъ напримѣръ, Ковалевъ („В. Василій“, онъ-же „мать-благодать“) признавался:

— Во мнѣ потухла было искра этой вѣры, но Господь не далъ ей погаснуть. Въ Бирючскомъ острогѣ меня звали въ православіе, и я поступилъ. Я искалъ утѣшенія, хотѣлъ молиться въ церкви, хотѣлъ бесѣдовать со священникомъ... А священникъ не приходилъ, въ церковь не пускали Ну, я бросилъ это и опять сталъ скопцомъ.

Затѣмъ, разъясняя сущность новыхъ проповѣдей Лисина, онъ замѣтилъ:

— Скопиться тѣлесно онъ даже отсовѣтывалъ. Онъ говорилъ: „кто скопится, но безъ душевнаго расположенія, тотъ скотъ!“. Женщинѣ оскопленіе совсѣмъ не надобно, это ей не въ пользу, такъ какъ все одно можетъ замужъ выдти и родить, а безъ грудей только горя наберется: чѣмъ будетъ кормить ребенка? Лисинъ всегда пророчествовалъ: „кто душевно—это лучшій скопецъ!“

Другой подсудимый, Степанъ Павловъ, еще откровеннѣе Ковалева высказался о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ:

— Скопецъ я и теперь по Евангелію, родился я за границей, въ Тульчѣ, къ вѣрѣ наставленъ родителями. Вѣрую въ Селиванова, что пострадалъ онъ, какъ самъ Христосъ,

глава церкви.. Самъ пришелъ укрѣпить вѣру. Мы также пострадаемъ, но мы также и прославимся!..

На вопросы о процедурѣ физическаго оскопленія онъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ объяснилъ.

— Что оскопленіе! Лисинъ насъ училъ, что можно только и душевно. Вотъ вамъ евреи: вѣдь были-же обрѣзаны, а земли обѣтованной все-жъ не достигли!

И затѣмъ, съ какою-то неестественною энергіею, онъ разомъ оборвалъ свою исповѣдь.

Остальные подсудимые выказали гораздо менѣе твердости; они почти всѣ наружно отрекались отъ своихъ еретическихъ заблужденій.

Такъ, напримѣръ, малороссъ Бухотовичъ хотя и сознавался, что по собственному влеченію сдѣлался скопцомъ, на судѣ дѣлалъ однако-же видъ, что готовъ опять примкнуть къ православію

— Къ скопцамъ поступилъ, объяснялъ онъ, отъ того, что очень ужъ прельщало: живутъ хорошо, любятъ другъ друга, старшихъ уважаютъ, отъ грѣховъ удаляются... Теперь, впрочемъ, въ искупителя не вѣрю: это одна ересь!

Подсудимый Семеновъ, не смотря на свой восемнадцатилѣтній возрастъ, былъ до суда ревностнымъ скопцомъ и большимъ любителемъ скопческой операціи; всѣхъ, кто его просилъ, онъ оскоплялъ бритвой и раны залечивалъ свѣчнымъ саломъ. На судѣ онъ открещивался отъ прежнихъ своихъ заблужденій и увѣрялъ, что его „сманило пророчество Лисина“, который утверждалъ будто-бы: „всѣ скопцы будутъ на небесахъ, а небеса будутъ все тутъ же, гдѣ мы и теперь,—на землѣ!“

Въ такомъ же родѣ были объясненія остальныхъ подсудимыхъ. Особенно уклончивыя показанія на судѣ давали женщины, скопческія „пророчицы“ и „учительницы“.

Такъ, подсудимая Ѳекла Лисина о своей принадлежности къ скопчеству отозвалась:

— Скопцы, вѣдь, всѣ православные, въ церковь мы ходимъ, священникъ у насъ бываетъ... Пророчествовать я нигдѣ не пророчила. Только промежъ своихъ разговаривала, что объявился „искупитель“.

Другая пророчица, Надежда Сербинова, настаивала на

томъ-же. Она не признавала себя виновной въ распространеніи скопчества.

— Разговоры между своими были,—поясняла она,—и то больше насчетъ души: чтобъ жить всѣмъ спокойно, въ согласіи, любя другихъ, какъ самого себя. Вотъ, я и должна была говорить своимъ о любви и строгой жизни.

Третья подсудимая, молодая дѣвушка Безносова, воспитавшаяся въ скопческой семьѣ, какъ-то наивно-восторженно говорила о тѣхъ духовныхъ наслажденіяхъ, которое даетъ скопческое ученіе.

— День, когда къ намъ пріѣхалъ искупитель,—разсказывала она,—провели мы очень хорошо: вечеромъ всѣ праздновали, молились, пророчествовали. Чужихъ никого не звали... Когда признала я „искупителя“, для меня не стало ни папаши, ни мамаши; всѣ сдѣлались братцы и сестрицы во Христѣ!

Въ числѣ подсудимыхъ первой группы оказались и такіе, которые никогда не были оскоплены. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Свиридовъ, не смотря на то, что считался ревностнымъ адептомъ скопчества, былъ только духовно посвященъ въ секту.

Двоедушное вилянье нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ въ своихъ показаніяхъ вызвало ревностнаго Ивана Ковалева встать ихъ грознымъ обличителемъ.

— Гг. судьи!—восклицалъ онъ,—я сознался во всемъ, я принадлежу къ скопческой сектѣ... Но зачѣмъ-же тутъ, передъ судомъ, эти отрекаются, а какъ выйдутъ изъ залы суда, такъ опять все по прежнему: сейчасъ у нихъ появляются и учителя, и пророки. Я бы тоже могъ отречься передъ вами, а послѣ того — добро пожаловать „Іоаннъ Богословъ!“ Но должно говорить правду, къ чему двуличность!?

Изъ заявленій другихъ подсудимыхъ заслуживало вниманія послѣднее слово Лисина.

— Гг. судьи! Виновнымъ себя не признаю, потому—былъ избранъ. А если это кажется вамъ, гг. присяжные, вреднымъ, то я все-таки надѣюсь на Христа, который сказалъ: „будьте милосердны къ врагамъ вашимъ“. Да вложитъ онъ милосердіе въ сердца ваши! Еще могу высказать, что въ самой молодости искалъ я спасенія, искалъ правды и нашелъ ее въ

скопчествѣ. Я крѣпко убѣдился въ этомъ и потому не считаю себя грѣшнымъ ни передъ Творцомъ, ни передъ вами..

Всѣхъ обвиняемыхъ первой группы присяжные признали виновными, за исключеніемъ одной Сербиновой. Картамышева и нѣкоторыхъ другихъ они признали заслуживающими снисхожденія. На основаніи такого вердикта судъ постановилъ: Кузьму Лисина сослать въ каторжныя работы на шесть лѣтъ, Картамышева же и Ковалева — на меньшій срокъ, причемъ постановлено ходатайствовать предъ Государемъ о замѣнѣ этого наказанія для двухъ послѣднихъ ссылкою въ Восточную Сибирь. Остальные подсудимые первой группы приговорены къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, причемъ о замѣнѣ этого наказанія временнымъ заключеніемъ въ монастырѣ также постановлено ходатайствовать

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить здѣсь, не имѣя о томъ свѣдѣній, въ какой мѣрѣ выяснилась на судѣ виновность остальныхъ ста двадцати подсудимыхъ въ дѣлѣ распространенія скопчества и совращенія въ эту ересь православныхъ. Мы не имѣемъ даже свѣдѣній о томъ, постигали ихъ такая-же участь, какъ главныхъ апостоловъ скопческой пропаганды, фигурировавшихъ въ первой группѣ обвиняемыхъ, или же они присяжными были оправданы.

II.

Еще скопцы.

На этотъ разъ дѣло слушалось въ Самарскомъ окружномъ судѣ и обвиненіе было направлено противъ шести человѣкъ, изъ которыхъ трое обвинялись въ самооскопленіи, а двое другихъ—въ распространеніи скопческой ереси. Къ числу ревностныхъ самооскопителей принадлежали все люди въ молодомъ возрастѣ: крестьянинъ Кузьма Сопрыкинъ 23 лѣтъ, братъ его Ермолай 26 лѣтъ и наконецъ крестьянка Анна Жукова 30 лѣтъ.

По медицинскомъ освидѣтельствованіи Сопрыкиныхъ, оба они оказались съ несомнѣнными признаками оскопленія. Освидѣтельствованіе Анны Жуковой обнаружило еще болѣе рѣзкіе признаки варварской операціи.

Подсудимые признали себя виновными въ самооскопленіи и дали на этотъ счетъ весьма краткія поясненія.

Одинъ изъ братьевъ Сопрыкиныхъ увѣрялъ, что по его просьбѣ его оскопилъ какой-то башкирецъ, а другой указывалъ, на умершаго уже давно, скопца Тарасова, который внялъ его просьбѣ совершить надъ нимъ „легкую операцію“. Оба брата Сопрыкины при этомъ пояснили, что они рѣшились на оскопленіе, такъ какъ „паче всего возлюбили чистоту и любовь“.

Также несложенъ былъ разсказъ и Анны Жуковой.

— Шесть лѣтъ тому будетъ,—разсказывала она,—какъ церковный староста нашъ Кузьма сталъ читать намъ церковныя книги... Тамъ онъ и вычиталъ: „хорошо жить чисто и непорочно“. Ну я и согласилась. Мнѣ жена Кузьмы, Матрена, оба соска на грудяхъ отрѣзала. Съ тѣхъ поръ я мяса не ѣмъ и грѣха никакого не знаю..

Одинъ изъ экспертовъ-врачей высказалъ между прочимъ, что оскопленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно практикуется скопцами, не имѣетъ вовсе парализующаго вліянія на плотскую похоть.

На это одинъ изъ оскопленныхъ энергично возразилъ:

— Неправда. похоти у оскопленныхъ нѣту никакой!

Въ числѣ трехъ другихъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ распространеніи скопческой ереси, болѣе другихъ уличался семидесятилѣтній старикъ Макаръ Плясовъ, принадлежавшій съ давнихъ временъ къ скопческой ереси. Въ деревнѣ Сергіевкѣ, гдѣ проживали незадолго передъ тѣмъ оскопленные братья Сопрыкины, онъ считался главнымъ апостоломъ скопчества. По указанію нѣкоторыхъ свидѣтелей можно заключить, что Плясовъ-то и склонилъ ихъ на оскопленіе. Послѣ смерти отца, бывшаго пастухомъ, Ермолай и Кузьма Сопрыкины, оба мо́лодые парни, остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но скоро они сошлись съ Плясовымъ, поступили къ нему работниками и перестали нуждаться въ средствахъ настолько, что старшій изъ нихъ Ермолай даже сталъ вести торговлю.

Еще двое подсудимыхъ, крестьянинъ Яковъ Пановъ и отставной рядовой Антонъ Половинкинъ, проживавшіе въ сосѣдней съ Сергіевскою деревнею (также Бузулукскаго уѣзда,

Самарской губерніи), наравнѣ съ Плясовымъ обвинялись въ распространеніи скопческой ереси. По показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей они сами были въ свое время совращены тѣмъ же Плясовымъ, и потомъ, хвастая своею зажиточностью, все говорили:

— Не мы сами, а вѣра наша богатая!

Въ средѣ мѣстныхъ скопцовъ, Плясовъ вообще пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ. Дѣло пропаганды велось имъ съ фанатическимъ рвеніемъ, причемъ, будучи человѣкомъ очень богатымъ онъ, не жалѣлъ на это средствъ.

Свидѣтель крестьянинъ Максимъ Ждановъ, также издавна проживающій въ деревнѣ Сергіевкѣ и вѣрный православію, съ сокрушеніемъ воскликнулъ на судѣ:

— Сколько народу погубилъ Макаръ, и не будь его въ Сергіевкѣ, не было бы у насъ и скопцовъ!

По показаніямъ односельчанъ и сосѣдей Плясова, въ избѣ его, устроенной на заднемъ дворѣ, съ давнихъ временъ происходятъ собранія скопцовъ (радѣнія). Верстахъ въ четырехъ отъ Сергіевки есть у него хуторъ, и тамъ проживаютъ „дѣвки“, которыхъ онъ приводитъ къ себѣ въ домъ на радѣнья. Въ этомъ же хуторѣ проживали одно время оскопленные братья Сопрыкины. Кромѣ этихъ домашнихъ, постоянныхъ молельщиковъ къ Плясову съѣзжались на моленья скопцы изъ разныхъ мѣстъ.

Крестьянинъ Филиппъ Ждановъ, ближайшій сосѣдъ Плясова, не разъ имѣлъ случай изъ любопытства заглядывать въ эту избу, когда тамъ происходили моленья. Такъ, однажды, по его словамъ, услыхалъ онъ на дворѣ Плясова, въ задней его избѣ, большой шумъ и крикъ. Подойдя къ избѣ, онъ увидѣлъ, что спущена была цѣпная собака, которая на него бросилась и стала лаять; однако же онъ заласкалъ ее и пошелъ къ дверямъ. Открывъ съ усиліемъ запертую дверь, онъ вошелъ въ сѣни и увидѣлъ въ избѣ толпу мужиковъ и бабъ, между которыми находился и самъ Плясовъ. Какъ мужики, такъ и бабы были въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, безъ поясовъ, и въ чулкахъ; стоя среди избы, они что-то кричали и топали ногами.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что точно такія-же скопческія собранія происходили въ сосѣдней деревнѣ у по-

слѣдователей скопческой ереси Якова Попова и Антона Половинкова, что изъ деревни Сергіевки, передъ праздниками Пасхи, Троицы и Благовѣщенія, къ нимъ пріѣзжалъ „самъ“ Макаръ Плясовъ для скопческихъ моленій и, по народной молвѣ, для совершенія оскопленія. Плясова скопцы и скопчихи встрѣчали при этомъ всегда съ большимъ почетомъ. По показанію сосѣдей, моленія въ домахъ Попова и Половинкова всегда бывали подъ праздники, начинались вечеромъ при свѣчахъ и продолжались до полуночи. Чуть только стемнѣетъ, послѣдователи скопчества съ разныхъ концовъ селенія сходятся на эти моленья, крадучись задами, черезъ гумна, чтобы не быть замѣченными.

Свидѣтель Семенъ Черкашинъ, крестьянинъ той же деревни, съ большимъ любопытствомъ одно время приглядывался ко всѣмъ обрядностямъ скопчества и потому на судѣ давалъ довольно любопытныя показанія. Самъ онъ чуть было не соблазнился скопческимъ вѣроученіемъ, и жена его весьма наивно жаловалась на судѣ на это временное его заблужденіе:

— Я ложусь съ нимъ, а онъ меня—гонитъ!

Въ великомъ посту, въ 1875 году, показывалъ Семенъ Черкашинъ, отправился онъ изъ любопытства въ домъ Попова, чтобы посмотрѣть, въ чемъ состоятъ эти моленья. Войдя въ избу, онъ нашелъ тамъ много народу; всѣ сидѣли за столомъ, покрытымъ бѣлой, чистой скатертью, а во главѣ всѣхъ собравшихся былъ самъ хозяинъ, Антонъ Половинкинъ. Мужчины одѣты были въ длинныя бѣлыя рубахи, женщины также въ бѣлыя рубахи, съ длинными воротниками и въ ситцевые и кубовые сарафаны, причемъ головы ихъ были покрыты бѣлыми крапчатыми платками; всѣ сидѣвшіе за столомъ держали въ рукахъ по небольшому бѣлому платку.

При входѣ Черкашина въ избу, хозяинъ сурово спросилъ его:

— Зачѣмъ пришелъ?

— Пришелъ поглядѣть, какъ молитесь,—отвѣчалъ Черкашинъ.

На это Половинкинъ держалъ къ нему рѣчь:

— Наша вѣра тяжела, нужно вина не пить, мяса не ѣсть, на крестины не ходить, отца и мать не поминать, не ходить

въ Іерусалимъ и по монасырямъ Пойди сначала, обдумай, скрѣпи себя, и если въ состояніи будешь все это исполнить, то приходи къ намъ!

Въ другой разъ, наканунѣ праздника Благовѣщенья, Черкашинъ, увидѣвъ, что скопцы пришли на моленье къ Половинкину, отправился опять туда. На этотъ разъ въ избу онъ не входилъ, а сталъ прислушиваться у оконъ, которыя были завѣшены изнутри. Услышалъ онъ „шумное пѣніе“ и въ тактъ ему приплясываніе босыхъ ногъ. Начальные стихи пѣсни молящихся скопцовъ Черкашинъ запомнилъ; она начиналась такъ:

Кому бѣлый день,
А намъ—темна ночь
Свята душа, бѣло тѣло!
Ай ну-ну!

При обыскѣ, произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ въ задней избѣ Плясова и въ домахъ у Попова и Половинкина, найдены были различные,—выражаясь терминомъ акта осмотра,—„подозрительные“ предметы. По объясненію экспертовъ, все это были принадлежности скопческаго богослужебнаго радѣнія. Такъ, въ избѣ Плясова было найдено пятьдесятъ штукъ бѣлыхъ шапочекъ съ темносинимъ околышемъ, затѣмъ нѣсколько длинныхъ коленкоровыхъ рубахъ съ косыми стоячими воротниками и столько же плетеныхъ пестрыхъ поясовъ. По разъясненію экспертовъ, все это принадлежности одежды, въ которыя одѣваются скопцы при радѣніяхъ. Кромѣ того были найдены бѣлые и коричневые бобы, смѣшанные съ зернами винограда, бѣлые и крапчатые платки и наконецъ восковыя свѣчи разной величины. По мнѣнью экспертовъ, всѣ эти предметы служатъ символическими знаками той или другой особенности скопческаго вѣроученія.

Заслуживаетъ вниманія, что изъ числа подсудимыхъ главные скопческіе коноводы, т. е. Плясовъ, Поповъ и Половинкинъ, оказались физически не оскопленными; по крайней мѣрѣ медицинскій осмотръ не открылъ на тѣлѣ ихъ никакихъ слѣдовъ оскопленія.

Относительно всѣхъ подсудимыхъ присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и они приговорены судомъ къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири.

III.

Еретики спасова согласія.

Въ томъ-же самарскомъ окружномъ судѣ, и также съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло о другого рода „еретикахъ“, ученіе которыхъ, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго съ скопческимъ вѣроученіемъ. Это новое дѣло религіознаго характера возникло по почину самарской духовной консисторіи, которая сообщила мѣстному прокурору окружнаго суда, что въ 1871 году въ деревню Березовку пріѣзжали по праздникамъ крестьяне села Тристянки: Михаилъ Павловъ, по прозванію „Богъ“. Демьянъ Михайловъ, Ульяна Фролова и Ксенія Козлова и, проповѣдуя ученіе секты „спасово согласіе“, воспрещали принимать святыя тайны и крестить дѣтей по обряду православныхъ Проповѣдь ихъ была настолько успѣшна, что въ короткое время обратились въ расколъ около четырнадцати семействъ.

Изъ числа четырехъ подсудимыхъ трое оказались убогими дряхлыми стариками, живущими подаяніями. На вопросы предсѣдателя о вѣрѣ, званіи, занятіяхъ и проч., всѣ подсудимые отвѣчали, что они „принадлежатъ къ спасову согласію“.

— По прозванію я „Боговъ“, атестовалъ себя старецъ Павловъ, отъ роду мнѣ 63 года, глухой и плохо вижу— слѣпъ, не грамотный.

На вопросъ, почему онъ называется „Богомъ“, Павловъ пояснилъ, смѣясь.

— „Богомъ“ прозвали меня на смѣхъ... Когда еще небольшой я былъ, играли мы въ орлянку; товарищъ метнулъ мнѣ, и выпалъ орелъ... Онъ сказалъ: „Богъ!“ Такъ и прозвали „Богомъ“.

Ульяна Фролова о себѣ заявила:

— Я человѣкъ слѣпой, дѣвица 41 года, живу Христовымъ именемъ, грамотѣ не знаю, не учена.

Другая подсудимая, Козлова, дряхлая старуха:

— Мнѣ 75 лѣтъ, изъ мордвовъ, обрусѣла немножко, слѣпа, рукъ своихъ невижу; подадутъ—ѣмъ, а то и такъ насижусь...

Въ этой компаніи убогихъ старцевъ-проповѣдниковъ

одинъ только подсудимый, Демьянъ Михайловъ, оказался физически здоровымъ. Это — мужчина въ полномъ цвѣтѣ силъ, довольно развитый и притомъ грамотный.

Въ распространеніи раскола и въ совращеніи православныхъ подсудимые себя виновными не признали. Свидѣтели крестьяне деревни Березовки показали, что подсудимые пріѣзжали къ нимъ и тогда устраивались сходбища.

— Всякъ съ своими книгами приходилъ,— разсказывалъ объ этихъ сходбищахъ одинъ изъ свидѣтелей,—христіане со своими, а они—со своими: спорили между собою сильно; насмѣхались другъ надъ другомъ, и ни съ чѣмъ расходились—всякъ при своемъ оставался. Мы говорили: „наша вѣра лучше“, а они говорили: „наша вѣра лучше“, а чѣмъ лучше—кто ихъ знаетъ!

Другой свидѣтель, также крестьянинъ, пытался выяснить присяжнымъ особенности этого раскольничьяго вѣроученія.

— Они намъ приказывали,—объяснялъ онъ,—оставить Новый Завѣтъ и предлагали свои древнія книги, а книги ихъ не согласны съ церковью .. Укоряли еще они „бритоусцевъ“ и „щепотниковъ“, говорили, что съ ними ни пить, ни ѣсть нельзя, указывали на 11-ое правило апостольское; мы посмотрѣли въ книги, а этого правила и нѣтъ... Говорили тоже, что слово „Іисусе“ въ нашихъ книгахъ пишется неправильно: одно иже въ немъ лишнее. А то еще спорили мы говоримъ „во плоти пришедшаго“, а они учили „во плоть пришедшаго“.

Показаніемъ этого свидѣтеля исчерпывались всѣ догматическія особенности вѣроученія, о которомъ шла рѣчь на судѣ. Другіе свидѣтели говорили уже о пропагандистическихъ пріемахъ странствующихъ раскольниковъ и результатахъ ихъ пропаганды.

— Говорятъ они: „идите служить Божіе!“—заявлялъ на судѣ свидѣтель, крестьянинъ Фроловъ,—и еще учатъ: „водку пить нельзя, и грѣшно и убыточно.“ А я имъ сказалъ: „водку пить не перестану!“ и потому къ нимъ не пошелъ.

Впрочемъ, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтелямъ, проповѣди убогихъ странниковъ въ крестьянской средѣ проходили далеко не безслѣдно.

— Изъ нашихъ совратилось въ расколъ много,—разска-

зывалъ на судѣ одинъ крестьянинъ села Тростянки,—почти вся деревня, до двухсотъ душъ будетъ, а прежде у насъ вовсе раскольниковъ не было.

— Ѣздили они къ намъ,—показывалъ другой крестьянинъ того же села,—года два подъ рядъ, и все по торжественнымъ днямъ, по праздникамъ. Дня два, три поживутъ и уѣдутъ. Какъ прослышимъ мы, что пріѣхали, сейчасъ идемъ—слушаемъ... Проповѣдывалъ все больше Демьянъ Михайловъ.

— Нашъ священникъ старался обратить насъ назадъ, въ православіе и многихъ обратилъ,—добавилъ первый свидѣтель.

— Господь послалъ намъ духовника, который и обратилъ насъ всѣхъ назадъ!—поспѣшилъ подтвердить и второй свидѣтель

Передъ тѣмъ какъ присяжные должны были удалиться въ совѣщательную комнату, предсѣдатель спросилъ: не имѣютъ-ли подсудимые что-либо добавить или возразить.

На это приглашеніе откликнулся одинъ Павловъ—„Богъ“.

— Умирать пора,—произнесъ онъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.—И Старый, и Новый завѣтъ—оба справедливости требуютъ; чего же мнѣ возражать!..

Присяжные обвинили подсудимыхъ, и судъ постановилъ сослать ихъ въ Закавказье.

IV.

Сектантская пропаганда.

Въ концѣ 1872 года, въ селѣ Петровкѣ Одесскаго уѣзда мѣстный священникъ Погорѣльскій и сельскія власти обратили вниманіе на распространеніе въ средѣ крестьянъ особаго вѣроученія—„штундизма“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно въ южныхъ окраинахъ, эта секта еще ранѣе того насчитывала много ревностныхъ прозелитовъ. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Широкомъ, расположенномъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ с. Петровки, почти всѣ обыватели стали сектантами. Они считали себя членами „новообращеннаго русскаго братства“, живу-

щаго по евангелію и десяти заповѣдямъ и не признающаго таинствъ, церквей, священно-служителей и иконъ. По отзыву всѣхъ свидѣтелей, имѣвшихъ случай наблюдать домашнюю жизнь штундистовъ, она во многихъ отношеніяхъ отличается отъ жизни крестьянъ, вѣрныхъ православной религіи. Принципы взаимной помощи между братчиками, безусловной честности и трезвости развиты въ ихъ средѣ настолько сильно, что между ними почти не встрѣчается уголовныхъ преступленій; къ тому же они очень трудолюбивы, такъ что многіе праздники обращены ими въ рабочіе дни; остающіеся затѣмъ свободные часы они употребляютъ на чтеніе духовныхъ книгъ, и между ними вовсе нѣтъ безграмотныхъ.

Въ село Петровку ученіе штундистовъ, по мнѣнію сельскихъ властей и священника, было занесено крестьяниномъ этой деревни, Вовжакомъ, который и былъ ими преданъ въ руки правосудія, какъ преступникъ, совращавшій православныхъ въ секту. По доносу священника Погорѣльскаго, дѣло Вовкажа поступило на разсмотрѣніе одесскаго окружнаго суда, гдѣ онъ и былъ судимъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Крестьянинъ Вовжакъ, уроженецъ села Петровки, родился отъ православныхъ родителей. Отецъ его, жившій до глубокой старости и бывшій во время крѣпостнаго права управляющимъ въ имѣньи своего помѣщика, никогда не отличался особенной ревностью въ посѣщеніи церкви и въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ, какъ увѣрялъ на судѣ священникъ Погорѣльскій, онъ сначала не могъ ходить въ церковь по неимѣнію времени, и только потомъ уже, подъ старость, совсѣмъ отвыкъ отъ нея, никогда въ нее не заглядывалъ и совершенно пересталъ говѣть. Самъ Вовжакъ, выросшій въ семьѣ, далеко не религіозной, также никогда не отличался особенною ревностью въ посѣщеніи церкви. Смолоду онъ, правда, изрѣдка сюда заглядывалъ; но и то потому, что бывшій въ то время сельскій староста строго требовалъ, чтобы всѣ крестьяне посѣщали церковь. Пока родители Вовжака были живы и самъ онъ еще былъ молодъ, жилъ онъ весьма безпечно, ни о чемъ не заботясь, цѣлые дни онъ бродилъ по лѣсу съ ружьемъ, такъ какъ былъ страстный охотникъ.

По смерти старика Вовжака, родные его, также зараженные безвѣріемъ, долго не хотѣли хоронить его по обрядамъ христіанской церкви; но сельскій сходъ съ священникомъ во главѣ настоялъ на своемъ, и надъ старикомъ былъ совершенъ обрядъ церковнаго погребенія. Послѣ смерти отца Вовжакъ очень скоро долженъ былъ отказаться отъ прежней обезпеченной, беззаботной жизни, такъ какъ источникъ жизненныхъ средствъ у него изсякъ, и ему приходилось подумать о жизни трудовой, могущей обезпечить нетолько его самого, но и всю семью, оставшуюся въ крайней бѣдности.

Къ этому времени относится первое сближеніе Вовжака съ братствомъ штундистовъ. Братчики села Широкаго не отказались принять его въ число своихъ членовъ и въ первое время помогали ему въ нуждѣ деньгами и жизненными припасами. Съ этихъ поръ Вовжакъ повелъ совсѣмъ иную жизнь, сдѣлался трудолюбивымъ, степеннымъ работникомъ и все свое свободное время сталъ посвящать чтенію и изученію священнаго писанія.

Проживая въ селѣ Петровкѣ, Вовжакъ долженъ былъ, однако, тщательно скрывать свою принадлежность къ сектѣ, такъ какъ священникъ, о. Погорѣльскій, и безъ того косился на него и открыто „преслѣдовалъ“, какъ непочтительнаго духовнаго сына.

Разъ Вовжакъ возвращался домой съ охоты, неся за плечомъ ружье. Въ это время „батюшка“ ходилъ по селу съ молитвою. Увидѣвъ Вовкажа, онъ, будто бы, тутъ же, среди улицы, накинулся на него.

— Брось читать слово Божіе, брось... я тебя твоимъ же ружьемъ убью, если не перестанешь!

Если вѣрить Вовжаку, онъ такъ былъ пристыженъ, разстроенъ и напуганъ этой неожиданной угрозой, что въ скорости же продалъ ружье и пересталъ вовсе ходить на охоту, не желая лишній разъ попадаться на глаза „батюшкѣ“.

Но „батюшка“ не оставлялъ его. Онъ давно уже подозрѣвалъ Вовжака въ принадлежности къ сектѣ штундистовъ и въ распространеніи ихъ вѣроученія, такъ какъ замѣчалъ, что въ селѣ Петровкѣ число сектантовъ съ каждымъ днемъ возростаетъ.

Видя главную причину такого быстраго успѣха новаго

вѣрученія въ экономическихъ разсчетахъ крестьянъ, священникъ принялъ этотъ вопросъ весьма близко къ сердцу. Не разъ приходилось ему слышать, какъ крестьяне ропщутъ на значительное число существующихъ у насъ праздниковъ и жалуются, что за свѣчи и разныя требы священники кладутъ деньги въ свои карманы, что крестины, родины, да вѣнчанья стоютъ имъ много денегъ. Вовжакъ, между тѣмъ, по мнѣнію священника, только подливалъ масла въ огонь. Какъ принадлежащій къ сектѣ штундистовъ, которые не признаютъ обрядовой стороны православной церкви, онъ разумѣется не пропускалъ случая открыто высказывать, что въ церковь вовсе ходить не слѣдуетъ, что это ничто иное, какъ „поповская выдумка“, что крестить можно и безъ попа, самому дѣлать и причастіе въ воспоминаніе праведныхъ страданій и пролитой крови Христа Спасителя.

Священникъ Погорѣльскій постоянно искалъ случая уличить Вовжака въ безвѣріи и затѣмъ предать его въ руки властей, „дабы положить конецъ его еретическимъ смутамъ“.

Прослышалъ онъ отъ крестьянъ, что Вовжакъ, между прочимъ, не чтитъ святыхъ иконъ и учитъ всѣхъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, такъ какъ во второй заповѣди ясно сказано: „Не сотвори себѣ кумира“. Продолжая являться къ Вовжаку въ домъ „съ молитвою“, батюшка, при первомъ случаѣ, обратилъ вниманіе на иконы.

— Что это Спаситель у васъ съ проколотыми глазами?— обратился онъ къ женѣ Вовжака, такъ какъ самого его въ ту пору не было дома.

Та растерялась и стала увѣрять, что икону испортили дѣти, а она какъ-то не доглядѣла...

Въ скорости пришлось о. Погорѣльскому быть „съ молитвою“ въ домѣ родной сестры Вовжака. Тутъ онъ увидѣлъ образъ св. Георгія, который былъ точно такъ же испорченъ, какъ и первый. На этотъ разъ онъ обратилъ на это особенное вниманіе и не оставилъ безъ должнаго внушенія еретиковъ.

Внушеніе это, однако же, нисколько не помогло.

Нѣсколько времени спустя, самъ Вовжакъ, сестра его и старшій братъ принесли церковному сторожу и отдали ему цѣлую связку разныхъ иконъ, а прежде испорченныя вовсе

уничтожили; при этомъ, по увѣренію священника Погорѣльскаго, они категорически заявили, что чтить и поклоняться иконамъ не намѣрены, такъ какъ „иконы—издѣліе сатанинское, а крестъ—печать Ирода“.

Послѣ заявленія такого „явнаго неуваженія къ святынѣ“, о. Погорѣльскій рѣшился принять противъ Вовжака болѣе энергическія мѣры, особенно въ виду того, что популярность его въ селѣ Петровкѣ съ каждымъ днемъ росла, и этотъ „новый апостолъ“ все смѣлѣе и открытѣе проповѣдывалъ новое ученіе. Онъ постоянно ходилъ по улицамъ селенія съ книгою въ рукахъ, заходилъ въ тѣ хаты, гдѣ зналъ, что есть пьяницы, съ тою цѣлью, чтобы отвлекать ихъ отъ этого порока, зазывалъ къ себѣ мальчиковъ, ходившихъ въ школу, училъ ихъ тому, чтобы они не вѣровали кресту, церкви, которая дѣлается изъ камня, и проповѣдывалъ, что настоящая церковь заключается въ душѣ.

И ученіе Вовжака не оставалось безъ вліянія на его односельцевъ. Пьяницы, которые принимали его ученіе, дѣйствительно переставали пьянствовать, распутничать и принимались за новую жизнь, честную и трудовую.

Видя, что „соблазнъ“, порождаемый ученіемъ Вовжака, начинаетъ принимать все болѣе и болѣе серьезные размѣры, священникъ Погорѣльскій объявилъ, что онъ желаетъ публично „побесѣдовать“ съ сектаторами и уличить лживость ихъ вѣроученія. Въ особенности хотѣлось ему перевѣдаться съ Вовжакомъ; но такъ какъ послѣдній старался избѣгать его, то о. Погорѣльскій распорядился черезъ волостнаго старшину собрать сельскій сходъ, на который пригласили, между прочимъ, Вовкажа и сестру его, также весьма ярую „еретичку“. Здѣсь произошелъ весьма оригинальный богословскій диспутъ, который, при всей своей лаконичности, кончился весьма печально для Вовжака.

— Что признаешь ты въ откровеніи Іоанна?—приступилъ съ вопросомъ о. Погорѣльскій.

— Какъ написано тамъ, такъ я и понимаю, — отвѣтилъ уклончиво и нехотя Вовжакъ, видя вокругъ себя недоброжелательные взоры стариковъ.

За такой отвѣтъ его „обругали“. Отецъ Погорѣльскій нашелъ, что Вовжакъ „кощунствуетъ“ и увертывается отъ пуб-

личнаго состязанія, а волостной старшина (который, по выраженію Вовжака, въ это время распоряжался народомъ, „какъ генералъ своимъ войскомъ“) приказалъ вывести его на дворъ и подвергнуть примѣрной экзекуціи. Здѣсь разложили на землѣ солому и повалили на нее Вовжака. Присутствующимъ было велѣно встать шпалерой вокругъ наказываемаго, два человѣка сѣли ему на шею, а два другіе принялись его сѣчь .. Его избили такъ сильно, что онъ проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и отъ ранъ долго не могъ ни сидѣть, ни лежать.

Эта „примѣрная“ экзекуція, какъ и слѣдовало ожидать, не принесла ни малѣйшей пользы дѣлу православія. Число послѣдователей Вовжака нетолько не уменьшилось, но, напротивъ, стало возрастать быстрѣе прежняго, такъ какъ теперь въ немъ уже видѣли преслѣдуемаго, терпѣливо принявшаго муки за свои религіозныя убѣжденія.

Спустя немного времени послѣ экзекуціи, его снова призвали въ волостное правленіе, и батюшка приступилъ къ новой „бесѣдѣ“.

— Ты упорствуешь въ ученіи слова Божія и въ лжетолкованіи его,—на этотъ разъ грознѣе прежняго приступилъ о. Погорѣльскій;—остановишься ли ты когда?..

— Я не могу оставить слово Божіе, — сказалъ Вовжакъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, и тутъ же, увидя на столѣ евангеліе, бросился къ нему, „какъ человѣкъ бросается къ свѣту“, и сталъ его цѣловать.

Тогда батюшка спросилъ его:

— Какъ толкуешь ты 14 гл., 9 ст. и 9 гл. 20 ст. откровенія?

— Я признаю такъ, какъ тамъ написано, — по прежнему уклончиво отвѣтилъ Вовжакъ.

Тутъ,—если вѣрить показанію Вовжака, данному имъ на судѣ,—произошла слѣдующая сцена. Священникъ „съ досадой и злостью“ схватилъ евангеліе, которое цѣловалъ передъ тѣмъ Вовжакъ и бросилъ его на полъ, такъ что листы разлетѣлись по сторонамъ.

— Батюшка, вы поступаете безъ заповѣдей! — сказалъ ему на это Вовжакъ.

— Что мнѣ твои заповѣди! — закричалъ вышедшій изъ

себя о. Погорѣльскій, и въ присутствіи всего схода сталъ бранить и глумиться надъ Вовжакомъ.

Этотъ второй религіозный диспутъ хотя и былъ нѣсколько многословнѣе перваго, не обошелся, однако, безъ непріятныхъ послѣдствій для Вовжака Хотя онъ не былъ подвергнутъ на этотъ разъ тѣлесному наказанію, но его засадили на нѣсколько часовъ въ „холодную“.

Потерпѣвъ полное фіаско на диспутахъ и видя, что „домашними средствами“ невозможно прекратить дальнѣйшее распространеніе ереси, священникъ Погорѣльскій и волостной старшина рѣшили донести обо всемъ по начальству. Предварительное слѣдствіе началось тутъ-же, и арестованный Вовжакъ все время до суда содержался подъ стражею.

На судѣ, въ послѣднемъ своемъ словѣ, Вовжакъ сказалъ въ свое оправданіе:

— Гг. присяжные, я не распространяю своего ученія и смутъ не дѣлаю никакихъ. Я всегда читаю слово Божіе въ своемъ домѣ. По вечерамъ собирается много народу и смотрятъ ко мнѣ въ окно, какъ я читаю. Если бы я распространялъ мое ученіе, то жена и дѣти обратились бы къ моей вѣрѣ: напротивъ же того, они исповѣдуютъ православную вѣру. Моя вѣра ведетъ къ покаянію, и я полагаю окончить свою жизнь на святомъ писаніи. Теперь же, какъ вамъ угодно, такъ и судите меня!

Присяжные засѣдатели, которымъ былъ предложенъ вопросъ о виновности Вовжака въ совращеніи православныхъ въ „новую“ вѣру, отвѣтили „не виновенъ“.

V.

Отписка отъ православной церкви.

Разскажемъ еще одно подобное-же „дѣло о совращеніи православныхъ“, которое слушалось въ московской судебной палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры. Дѣло это до суда присяжныхъ не дошло, такъ какъ судебная палата постановила прекратить дальнѣйшее уголовное преслѣдованіе.

Вслѣдствіе прошеній церковно-служителей, мѣстная ду-

ховная консисторія возбудила уголовное преслѣдованіе противъ четырехъ крестьянъ одного пригороднаго села, за поступки, направленные „къ отпискѣ“ крестьянъ прихода села „отъ православной церкви“.

Приходскій священникъ, давая свои показанія судебному слѣдователю, указывалъ на слѣдующія преступныя дѣйствія вышеозначенныхъ крестьянъ.

Одного крестьянина онъ обвинялъ въ томъ, что тотъ различными средствами усиливается отклонить православныхъ отъ церкви, что у него есть молельня, гдѣ бываетъ чтеніе и пѣніе. По словамъ священника, крестьянинъ этотъ позволилъ себѣ однажды сказать ему, священнику, „лично“ и „гласно“:

— Нынѣ отъ царя вышло право отписываться отъ церкви и совершать всѣ требы самимъ старовѣрцамъ.

Кромѣ того, по словамъ священника, тотъ же раскольникъ производилъ однажды въ волостномъ правленіи перепись лицъ, уговорившихся „отписаться“ отъ церкви и поощрялъ ихъ словами:

— Записывайся кто хочетъ, послѣ и будешь проситься, да не пріймемъ!

И еще тотъ же завзятый старовѣръ однажды, по поводу крещенія ребенка по старообрядческому обряду, сказалъ слѣдующія дерзкія слова ему, священнику:

— Ты, да и всѣ вы, попы, готовите себѣ гибель вѣчную и всѣмъ, кто съ вами въ вашей церкви!

Остальныхъ трехъ крестьянъ священникъ обвинялъ въ подобныхъ-же преступныхъ дѣйствіяхъ. Въ ихъ числѣ онъ указывалъ и на сельскаго старосту, который будто-бы на сходкахъ вмѣсто обсужденія подлежащихъ дѣлъ заводилъ открыто рѣчь объ „отпискѣ“ отъ церкви.

По словамъ священника, этотъ сельскій староста позволилъ себѣ и выказать къ нему явное непочтеніе. Разъ во время прохожденія его, священника, „съ святынею“ мимо дома старосты, этотъ послѣдній до половины высунулся изъ окна и крикнулъ ему:

— Мимо, мимо проходите, не пущу, я—не вашъ!

А когда священникъ на пасху въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ пришелъ его увѣщевать, то онъ даже не всталъ и еще издали крикнулъ ему:

— Я васъ не принимаю, уйдите, я—не вашъ!

Показанія священника вполнѣ подтвердили всѣ чины причта, начиная съ діакона и кончая церковнымъ сторожемъ.

Подсудимые ни въ чемъ виновными себя не признали.

Относительно сбора крестьянъ въ волостномъ правленіи „для отписки отъ православной церкви“ волостной писарь и старшина показали, что дѣйствительно однажды собрались въ задней избѣ волостнаго правленія человѣкъ тридцать крестьянъ и требовали „отписныхъ раскольничьихъ книгъ“, а когда имъ объявили, что такихъ книгъ нѣтъ, то они говорили, что книги отъ нихъ скрываютъ. Что затѣмъ дѣлали крестьяне, о чемъ говорили—писарь и старшина отозвались незнаніемъ, равно какъ и о томъ, кто собиралъ крестьянъ въ волостную избу.

Судебная палата, разсмотрѣвъ все слѣдственное производство, нашла, что обвиненіе указанныхъ крестьянъ въ совращеніи другихъ лицъ въ расколъ не подтвердилось слѣдствіемъ, такъ какъ одно голословное показаніе свидѣтелей, что означенныя лица совращали въ расколъ, безъ указанія на лицъ, не можетъ служить основаніемъ для преслѣдованія; собраніе же крестьянъ въ задней избѣ волостнаго правленія и требованіе отписныхъ книгъ, не составляя само по себѣ преступленія, не можетъ служить уликою въ совращеніи въ расколъ, такъ какъ не доказано, кто собиралъ крестьянъ и какія были разсужденія въ этомъ собраніи.

Затѣмъ отказъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ принять къ себѣ въ домъ священно-церковно-служителей указываетъ только на отпаденіе самихъ ихъ отъ православной церкви, за что они подлежатъ лишь увѣщанію духовнаго начальства.

На этихъ основаніяхъ московская судебная палата и опредѣлила по настоящему дѣлу слѣдствіе прекратить.

Нельзя не остановиться съ полнымъ вниманіемъ на этомъ опредѣленіи, въ которомъ обвинительная камера выказала не только совершенно правильное пониманіе нашихъ уголовныхъ законовъ, преслѣдующихъ лишь „распространеніе“ сектантскаго вѣроученія, выразившееся въ преступной формѣ пропаганды, но и полное, всестороннее знакомство съ фактическими обстоятельствами дѣла.

Желательно, чтобы судебныя инстанціи, отъ которыхъ

зависитъ преданіе суду, во всѣхъ подобнаго рода религіозныхъ дѣлахъ, тщательно зондировали дѣйствительную виновность, часто совершенно неосновательно привлекаемыхъ, лицъ, прежде чѣмъ пускать ихъ на судъ присяжныхъ. Трудно ожидать отъ присяжныхъ,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ,—той широкой религіозной терпимости и глубины взгляда, которыя безусловно необходимы для проведенія той тонкой грани, которая подчасъ отдѣляетъ преступнаго пропагандиста ереси отъ простого сектанта, не посягающаго ни на чью свободу совѣсти, а лишь исповѣдывающаго съ нѣкоторою фанатическою стойкостью свои религіозныя убѣжденія. Отъ степени развитія чувства религіозной терпимости судей въ подобныхъ случаяхъ зависитъ правильное установленіе границъ свободы совѣсти, которую законъ нашъ, не смотря на множество постановленій о скопцахъ, раскольникахъ и т. п., все-же „принципіально“ не имѣетъ въ виду стѣснять.

VI.

„Еврейское жертвоприношеніе“.

Такъ-называемое „еврейское дѣло“, которое было предметомъ судебнаго изслѣдованія въ кутаисскомъ окружномъ судѣ, какъ по сущности обвиненія, такъ и по размѣрамъ своимъ, представляется явленіемъ, выдающимся въ нашей уголовной хроникѣ.

Кто не знаетъ, что и гораздо ранѣе кутаисскаго процесса то тамъ, то здѣсь въ мѣстностяхъ особенно населенныхъ евреями нерѣдко проносился слухъ—„кровавый навѣтъ“—по поводу исчезновенія христіанскаго ребенка. Не смотря на терпимость простого русскаго люда ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, убѣжденіе въ томъ, что евреи для своихъ обрядовъ употребляютъ кровь христіанскихъ младенцевъ, укоренилось въ массѣ. Такое убѣжденіе, не имѣвшее подъ собою сколько-нибудь твердой фактической почвы, тѣмъ не менѣе на столько сильно и непоколебимо, что нуждается въ осмотрительной и тщательной провѣркѣ. Еврейская интел-

лигенція съ негодованіемъ всегда встрѣчала каждую попытку сколько-нибудь серьезно остановиться на изслѣдованіи всякаго подобнаго случая, дававшаго поводъ народной молвѣ указывать на евреевъ, какъ на виновниковъ звѣрскаго преступленія. Между тѣмъ, „теоретически“ возможно же предположеніе, что еврейская религія, какъ и всякая другая, могла породить секту изувѣровъ, тайно исповѣдующихъ свои особые догматы, чуждые всему остальному еврейскому племени.

Кутаисскій процессъ представляется весьма поучительнымъ именно въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ „народную молву“ стихійной, слѣпой силой, которая идетъ съ закрытыми глазами, не имѣя подъ собой ровно никакой фактичекой почвы. Для оправданія евреевъ въ данномъ случаѣ потребовалось самое тщательное опроверженіе цѣлой массы уликъ, якобы собранныхъ противъ евреевъ, нужно было все усердіе даровитыхъ защитниковъ, нужно было, наконецъ, основное правило нашего новаго устава уголовнаго судопроизводства, по которому всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимаго. Съ этой точки зрѣнія „кутаисское дѣло“—дѣло „рѣшенное“, но оно не разрѣшило ничего въ области того предубѣжденя, которое многія лѣта существуетъ относительно религіозныхъ изувѣрствъ, допускаемыхъ будто-бы еврейскою религіею. Чтобы разсѣять или окончательно утвердить это предубѣжденіе, кутаисскій процессъ далъ слишкомъ много гадательнаго, неточнаго и противорѣчиваго.

Разскажемъ подробности этого любопытнаго дѣла.

4 апрѣля 1878 года, малолѣтняя дочь крестьянина Іосифа Мадебадзе изъ селенія Перевисы, Шарапанскаго уѣзда, на Кавказѣ, неизвѣстно куда скрылась, и пропала при самой загадочной обстановкѣ. Въ этотъ день, послѣ обѣда Сарра Мадебадзе (такъ звали дѣвочку) съ старшей сестрой своей Маіей ушла изъ дому родителей въ усадьбу сосѣда, крестьянина Цхададзе. Здѣсь Маія стала помогать женщинамъ выжигать бѣлила, а Сарра играла тутъ-же подлѣ взрослыхъ. Выжиганіе бѣлилъ производилось недалеко отъ дома, въ мелкомъ лѣсу, въ шестидесяти саженяхъ отъ Садзиглихевской дороги, ведущей въ мѣстечко Сачхери.

Въ 3 часа пополудни, въ то время, когда Маія Мадебадзе

и Елисавета Цхададзе, по просьбѣ Турфы, выжигавшей бѣлила, стали собирать валежникъ для поддержанія огня, Сарра отошла отъ мѣста, гдѣ работали женщины и направилась по дорогѣ къ своему дому.

По этой-же дорогѣ, почти одновременно съ удаленіемъ Сарры, проѣхало нѣсколько человѣкъ евреевъ верхами, двумя партіями, одна почти вслѣдъ за другой.

Не прошло долѣе двухъ часовъ, какъ Сарры уже хватились въ домѣ ея отца. Маія, вернувшись, не нашла ея тамъ. Тотчасъ-же пустились на поиски. Два раза прошли безъ успѣха въ поискахъ путь, по которому Сарра должна была возвратиться домой; искали вездѣ по сторонамъ, но напрасно. На другой день поиски продолжались; для этого собралось множество крестьянъ, сосѣдей Мадебадзе. Наконецъ, шестаго апрѣля, т. е. на третій день, нашли трупъ несчастной дѣвочки. Трупъ Сарры случайно открыли мальчики-пастухи въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Перевиси, гдѣ былъ домъ ея отца. Всего страннѣе было то, что по этому мѣсту, еще наканунѣ въ поискахъ за Саррй, проходило нѣсколько крестьянъ и тогда трупа здѣсь не было. Тотчасъ-же родилось подозрѣніе, что трупъ былъ кѣмъ-нибудь подброшенъ въ это мѣсто съ пятаго на шестое число.

Умершая Сарра лежала на спинѣ, со сложенными руками, одною на груди, а другою на животѣ, ногами къ забору, отдѣлявшему лѣсъ отъ посѣва. Платье и рубаха вдоль передней части всего тѣла были разодраны. На рукахъ у покойной оказались какія-то раны. На правой рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцами рана доходила до обнаженія сухожилія большого пальца. Всѣ раны вообще имѣли видъ рвано-укушенныхъ, съ неровными ушибленными, безкровными краями, какъ будто онѣ нанесены какимъ-то рвущимъ орудіемъ. По мнѣнію врача, пораненія эти причинены уже послѣ смерти и могли произойти отъ нападенія мелкихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. По опредѣленію кавказскаго врачебнаго управленія, смерть Сарры произошла „отъ воспрепятствованія доступа воздуха къ легкимъ“, причемъ однакоже, по недостаточности данныхъ, имѣвшихся въ актѣ вскрытія трупа, невозможно было заключить, произошла-ли смерть Сарры отъ задушенія, или утопленія.

Подозрѣніе въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Мадебадзе тѣми евреями, которые проѣзжали по Садзиглихевской дорогѣ въ моментъ ея исчезновенія, возникло по слѣдующимъ основаніямъ.

Турфа Цхададзе, обжигавшая бѣлила въ то время, какъ двѣ другія женщины собирали валежникъ, тотчасъ по исчезновеніи Сарры заявила, что когда проѣзжала первая партія евреевъ, она, шутя, сказала Саррѣ: „вотъ, еслибы попала къ нимъ въ руки, они-бы дали тебѣ хорошее платье“. Послѣ этихъ словъ Сарра будто-бы направилась къ дорогѣ и пошла на встрѣчу къ евреямъ. Четверо человѣкъ крестьянъ, бывшихъ въ сторонѣ отъ дороги, утверждали, что они видѣли, какъ дѣвочка вышла по тропинкѣ на дорогу вслѣдъ за тѣмъ какъ прослѣдовали по ней четыре еврея, изъ которыхъ одинъ былъ пѣшій, и что на этой-же дорогѣ вскорѣ показались еще трое конныхъ евреевъ. Судебный приставъ Каджая также видѣлъ евреевъ приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылась Сарра. Независимо отъ этого, нѣсколько человѣкъ крестьянъ, работавшихъ въ полѣ, утверждали, что когда проѣзжали евреи, съ дороги доносились какъ-бы крики ребенка: „ай, ай, мама, спаси!“ Одинъ изъ нихъ, Димитрій Церетели, объяснилъ, что, услыхавъ крикъ ребенка, онъ выбѣжалъ на дорогу и шагахъ въ двадцати-пяти отъ себя увидѣлъ семь человѣкъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ пѣшій привязывалъ верховому большую переметную сумку, а трое стоявшихъ впереди кричали ему: „скорѣй, скорѣй!“

Возможность насильственнаго помѣщенія Сарры Мадебадзе въ переметную сумку казалась тѣмъ болѣе вѣроятною, что у проѣзжавшихъ евреевъ были сумки такого размѣра, что въ одной изъ нихъ сидѣлъ годовалый козелъ значительныхъ размѣровъ. Ребенокъ, роста Сарры, легко могъ быть помѣщенъ въ подобную сумку.

Бывшій въ другомъ мѣстѣ дороги, ближе къ Сачхери, куда слѣдовали евреи, свидѣтель Бессо Госатишвили утверждалъ, что въ день происшествія онъ видѣлъ евреевъ и слышалъ продолжительные стоны ребенка, причемъ одинъ изъ евреевъ закрутилъ козлу ухо, отчего козелъ закричалъ и заглушилъ дѣтскіе стоны. Другой свидѣтель, Самсонъ Гочечиладзе, разсказывалъ, что въ пяти верстахъ отъ мѣстечка

Сачхери онъ въ день происшествія встрѣтилъ евреевъ и, замѣтивъ у сѣдла одного изъ нихъ переметную сумку, въ которой шевелилось что-то живое, сталъ спрашивать, что лежитъ въ этой сумкѣ. Еврей отвѣтилъ, что въ сумкѣ лежатъ гуси. На замѣчаніе свидѣтеля, что такъ гусей не возятъ и что они подохнутъ, еврей сказалъ: „не важно, если и подохнутъ“. Сверху сумка была заложена какими-то вещами.

Наконецъ, въ Сачхери, куда прибыли евреи подъ вечеръ того-же дня, также нашлось нѣсколько женщинъ-свидѣтельницъ, которыя заподозрили что-то недоброе. Саломе Коламихелидзе, Натеталла Дурманидзе, Нина Алашева, Натела Тушишвили, Кесарія Горквіани, бывшія на улицѣ мѣстечка, видѣли, какъ евреи проѣзжали по Базарной улицѣ, причемъ были слышны „вопли, похожіе на стоны ребенка“. По ихъ словамъ, евреи какъ-бы старались заглушить эти крики, такъ какъ ѣхали съ большимъ шумомъ, крича другъ другу „скорѣй, скорѣй!“, причемъ одинъ изъ евреевъ билъ нагайкой козла, отчего козелъ кричалъ. Всѣ евреи были замѣтно чѣмъ-то встревожены. Эти-же обстоятельства подтвердилъ сачхерскій житель Максимъ Надирадзе.

Кромѣ показаній всѣхъ этихъ случайныхъ свидѣтелей, подозрѣніе противъ евреевъ значительно усилилось вслѣдствіе одного, повидимому, ничтожнаго обстоятельства: на мѣстѣ нахожденія трупа оказались слѣды двухъ лошадей, идущія якобы, къ дорогѣ въ Сачхери. Независимо отъ этого были и другія улики. Такъ сачхерскій дьячокъ Іосифъ Якобишвили утверждалъ, что, проходя мимо еврейской синагоги, онъ слышалъ, какъ шестаго апрѣля утромъ еврейскій мальчикъ спрашивалъ другого подростка еврея: „скажи, что замученную дѣвочку увезли ночью или нѣтъ?“ Въ отвѣтъ на это еврей ударилъ мальчика такъ сильно, что тотъ упалъ и обругалъ его: „ахъ, ты хомура (оселъ)“!

Шестаго же апрѣля случилось слѣдующее обстоятельство. Еврей Михаилъ Еликшвили, родственникъ заподозрѣнныхъ евреевъ, около полудня прибѣжалъ во дворъ дома предводителя дворянства, князя Сика Церетелли, сталъ требовать отъ домашнихъ и слугъ князя, чтобы его допустили сейчасъ-же видѣть предводителя дворянства, которому онъ же-

лаетъ сообщить „сердечную тайну“. Требованіе это онъ повторилъ нѣсколько разъ взволнованнымъ и прерывающимся голосомъ. На разспросы бывшихъ въ это время на дворѣ княженъ, управляющаго и слугъ князя, онъ возбужденно и громко говорилъ: „наши евреи замучили вашего христіанина“, „наши замучили христіанскаго ребенка“, причемъ ругалъ еврейскую религію, называя ее „свинскою“. Сцена эта во дворѣ князя Церетелли была прервана появленіемъ цѣлой толпы евреевъ, которые съ шумомъ и гамомъ на рукахъ, насильно унесли Еликшвили, утверждая, что онъ пьянъ. Послѣ этого Еликшвили исчезъ куда-то и цѣлый мѣсяцъ былъ въ отсутствіи. Впослѣдствіи, когда его розыскали, онъ на допросѣ у слѣдователя отъ всего отрекся, объяснивъ, что онъ „ничего не помнитъ, такъ какъ въ тотъ день былъ сильно пьянъ“.

Наконецъ послѣднею уликою представлялось слѣдующее обстоятельство. По показанію двухъ свидѣтелей, Ивана и Григорія Церетелли, въ ночь на шестое апрѣля, передъ разсвѣтомъ, на полудорогѣ отъ селенія Дорбаидзе къ мѣстечку Сачхери они встрѣтили двухъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ былъ знакомый имъ Моша Циціашвилли. У одного изъ этихъ евреевъ была съ собою переметная сумка. Моша Циціашвили впослѣдствіи просилъ Ивана Церетелли не говорить никому, что онъ его встрѣтилъ ночью на дорогѣ.

Привлеченный однимъ изъ первыхъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Моша Циціашвилли „въ отвозѣ изъ мѣстечка Сачхери и подкинутіи къ селенію Дорбаидзе трупа Сарры не сознался“, утверждая, что въ ночь съ пятаго на шестое апрѣля онъ былъ въ Сачхерахъ и никуда не отлучался, такъ какъ по ихъ закону въ праздникъ пасхи имъ строго запрещается выѣзжать изъ дому.

Между тѣмъ нашлись свидѣтели, которые утверждали, что послѣ своей ночной поѣздки Циціашвилли былъ въ очень тревожномъ состояніи духа, ходилъ къ гадальщику спрашивать, „хорошо-ли окончится его дѣло“, и однажды въ присутствіи другихъ проговорился какому-то еврею: „наша вина будетъ доказана“.

Остальные обвиняемые евреи (всѣхъ было девять подсудимыхъ), изъ коихъ семеро были тѣ, которыхъ видѣли 4

апрѣля проѣзжавшими по дорогѣ въ Сачхери, также ни въ чемъ не признали себя виновными и отрицали всякое свое участіе въ дѣлѣ похищенія Сарры.

На допросѣ у слѣдователя эти лица, не отрицая того, что они дѣйствительно проѣзжали четвертаго апрѣля по Садзиглихевской дорогѣ, черезъ селеніе Перевиси въ мѣстечко Сачхери, объяснили, что никакой дѣвочки на всемъ протяженіи дороги они не встрѣчали. По ихъ словамъ, они везли съ собою въ переметныхъ сумкахъ куръ, гусей, лобію и козла. Пріѣхавъ въ Сачхери, они немного проѣхали по Базарной улицѣ и свернули въ переулокъ, такъ какъ имъ „совѣстно было“ везти куръ и гусей по людной улицѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ предстало дѣло на разсмотрѣніе окружнаго суда.

Въ виду того, что обвиненіе нисколько не измѣнило своихъ выводовъ и послѣ тщательно произведеннаго слѣдствія на судѣ, мы отмѣтимъ далѣе въ существенныхъ чертахъ выяснившіяся обстоятельства лишь съ точки зрѣнія защиты. Это дастъ намъ полное представленіе о томъ матеріалѣ, которымъ располагалъ судъ при постановленіи своего приговора, а вмѣстѣ съ этимъ читатель получитъ совершенно вѣрное представленіе о самыхъ существенныхъ сторонахъ дѣла.

Защита (въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ П. А. Александрова и Л. М. Куперника) съ самаго начала судебнаго слѣдствія принуждена была стать въ положеніе совершенно особенное по отношенію ко всѣмъ свидѣтелямъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ пріемовъ самаго допроса свидѣтелей можно было заключить, что защитники ни одному изъ семидесяти свидѣтелей, допрошенныхъ на судѣ, не даютъ ни малѣйшей вѣры, считая ихъ либо дѣйствующими подъ вліяніемъ фанатическаго ослѣпленія, перешедшаго въ слѣпую вражду къ евреямъ-обвиняемымъ, либо изъ корыстныхъ побужденій въ интересахъ Іосифа Мадзебадзе, отца несчастной дѣвочки, который предсталъ въ качествѣ гражданскаго истца, „оцѣнившаго голову своей шестилѣтней дочери въ тысячу рублей серебромъ“,— какъ выразился присяжный повѣренный Александровъ.

Называя большинство свидѣтелей „достовѣрными лжесвидѣтелями“ и пользуясь ихъ показаніями лишь для вы-

ясненія противорѣчій, разногласій и неточностей въ ихъже свидѣтельствахъ, положенныхъ въ основаніе обвиненія, защита построила свои доводы на слѣдующихъ данныхъ.

Прежде всего являлась недоказанною и даже невѣроятною самая встрѣча Сарры съ евреями на Садзиглихевской дорогѣ. Изъ показанія женщины, выжигавшей бѣлига Турфы Цхададзе, съ первою партіею евреевъ она вступала въ разговоръ: спросила, нѣтъ-ли у нихъ товара, чтобы купить; на это евреи отвѣтили, что имъ некогда, что они спѣшатъ къ празднику пасхи домой, и проѣхали мимо. Въ это время Сарра была еще подлѣ нея, такъ какъ вслѣдъ за проѣздомъ этой первой партіи евреевъ свидѣтельница разговаривала съ дѣвочкою. Затѣмъ Сарра пошла по тропинкѣ „лицомъ къ дорогѣ", по которой въ промежутокъ четверти часа послѣ первой проѣхала вторая партія евреевъ. По показанію большинства свидѣтелей, первая группа состояла изъ четырехъ евреевъ и именно при ней былъ козелъ.

Демонстрируя на планѣ мѣстности протяженіе тропинки защита доказывала, что первая группа евреевъ, во всякомъ случаѣ, должна была проѣхать раньше выхода Сарры на дорогу, если она даже къ дорогѣ направилась. Невозможность для Сарры догнать или опередить первую группу евреевъ, по мнѣнію защиты, въ корень разбивала обвиненіе, такъ какъ дѣтскіе крики, по единогласнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, относились именно къ первой группѣ въ четыре человѣка, при которой былъ козелъ, а не ко второй. Сопоставляя показанія всѣхъ свидѣтелей, бывшихъ около этого мѣста и слышавшихъ будто-бы крики ребенка именно изъ первой группы, присяжный повѣренный Александровъ между прочимъ приходилъ къ такому выводу:

„Если принять разстояніе между партіями евреевъ согласно показанію свидѣтелей, конечно, представляется возможнымъ, что Сарра, немедленно отправившаяся по тропинкѣ на дорогу, встрѣтилась со второю группою евреевъ. Но вѣдь всѣ слѣды и улики похищенія относятся къ первой группѣ; тамъ и козелъ, и сумка, и дѣтскіе крики. Первая группа если она ѣхала на четверть часа ранѣе второй, была уже по крайней мѣрѣ въ двухъ верстахъ отъ Перевисей и дѣтскій крикъ, слышанный Григоріемъ Мадебадзе изъ первой группы,

на мѣстѣ въ пятнадцати саженяхъ отъ выхода на дорогу тропинки, давно уже раздался и слѣдовательно давно уже совершилось похищеніе. Такимъ образомъ та „западня“, въ которую, по словамъ свидѣтелей, попала Сарра, оказавшаяся между двухъ еврейскихъ группъ, становится въ дѣйствительности западней для обвиненія. Съуживаетъ обвиненіе эту западню,—Сарра не успѣваетъ попасть въ нее: расширяетъ—первая группа давно миновала Григорія Датикова Мадебадзе, козелъ уже проблеялъ, ребенокъ прокричалъ, похищеніе сталобыть совершилось, и на долю второй группы нѣтъ ни козла, ни ребенка, ни дѣтскаго крика“.

Даже и при другихъ, болѣе благопріятныхъ для обвиненія, условіяхъ защита не видѣла возможности похищенія ребенка на Садзиглихевской дорогѣ. Это узкая дорога; съ возвышенностей холмовъ, гдѣ селеніе Перевиси, она видна почти во всѣхъ пунктахъ на большомъ протяженіи. Днемъ въ виноградникахъ, около домовъ и въ кустарникахъ лѣса то здѣсь, то тамъ работаютъ жители Перевиси, вблизи самой дороги. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію защиты, крайне было-бы рисковано рѣшиться на похищеніе ребенка, который, понимая опасность, конечно, употребилъ бы всѣ свои дѣтскія усилія, чтобы закричать, позвать на помощь такими криками отчаянія и ужаса, которые не оставили-бы возможности недоумѣвать, крики-ли это козла, или крики ребенка.

По словамъ прис. пов. Александрова, вначалѣ и сами жители Перевисей не видѣли никакой возможности такого похищенія. Они видѣли проѣзжавшихъ евреевъ и, однако, когда исчезла Сарра, подозрѣніе на евреевъ пало не вдругъ. Всѣ думали, что дѣвочка заблудилась, искали ее по тропинкамъ, въ лѣсу, по дорогѣ. Никто не начиналъ рѣчи о евреяхъ, иначе розыски въ тотъ-же день направились бы въ Сачхери, куда проѣхали евреи. Только на другой день, когда Сарру нигдѣ не нашли, заговорили о евреяхъ, явились свидѣтели, которые слышали крики, сперва одинъ, за нимъ другой. Одна свидѣтельница на судѣ такъ выразилась: „когда дѣвочку не могли найти, тутъ пришло въ голову,—кто-же могъ ее похитить, кромѣ евреевъ?“

„Проникшее въ умахъ простыхъ и суевѣрныхъ подозрѣніе,—разсуждалъ прис. пов. Александровъ,—росло, разви-

валось, укрѣплялось и сложилось въ грозное обвиненіе. Жизненность этого подозрѣнія нашла себѣ пищу и поддержку первоначально не столько въ умахъ жителей Перевисей и Сачхеръ, сколько въ довѣріи къ подозрѣнію и дѣйствіяхъ полицейской и слѣдственной власти. Родственники Сарры только воспользовались искусно недоразумѣніями и легковѣріемъ лицъ, разслѣдовавшихъ дѣло о ея смерти. Разъ дѣло стало на такую почву, нашлись и услужливые свидѣтели, молчавшіе до этихъ поръ".

Отрицая, такимъ образомъ, достовѣрность всѣхъ рѣшительно свидѣтельскихъ показаній, говорившихъ въ пользу обвиненія, защита приложила старанія уличить свидѣтелей въ разногласіи и отступленіи отъ первоначальныхъ показаній. Цѣлый рядъ свидѣтелей, частью бывшихъ на дорогѣ, частью въ Сачхерахъ, утверждали, что они слышали крики и стоны ребенка, когда проѣзжали евреи. И вотъ защита при допросѣ заставляла каждаго изъ свидѣтелей воспроизводить собственнымъ своимъ голосомъ слышанные ими звуки. При этомъ, получилось полное разногласіе и противорѣчіе.

Еще сильнѣе были доводы защиты, основанные на заключеніи экспертовъ и на актахъ осмотра трупа. Когда нашли умершую Сарру, на трупѣ ея не оказалось другихъ ранъ, кромѣ нѣкоторыхъ поврежденій на рукахъ. Между тѣмъ когда ее зарыли, свидѣтели, родственники Мадебадзе стали утверждать, что у нея были глубокіе порѣзы подъ колѣнками. Трупъ снова отрыли, но порѣзовъ не оказалось. Между тѣмъ и на судѣ все еще продолжали толковать свидѣтели о видѣнныхъ ими будто-бы порѣзахъ. Раны, бывшія на рукахъ, по мнѣнію экспертовъ, могли быть причинены мертвому ребенку полевыми мышами и хищными птицами:

Заслуживаетъ вниманія также вопросъ, насколько вѣроятно, что Сарра, будучи затискана въ шерстяную сумку, довольно плотной матеріи и будучи сверху накрыта архалукомъ, оставалась жива вплоть до Сачхеръ (такъ какъ здѣсь еще слышали яко-бы ея крики), т. е. втеченіи болѣе часа. По мнѣнію экспертовъ, это „почти" совершенно невозможно. При этомъ эксперты добавили, что если-бы она и оставалась всю дорогу какимъ-нибудь чудомъ жива, то на ея тѣлѣ, во всякомъ случаѣ, должны были остаться слѣды отъ тренія

и толчковъ о сѣдло, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, евреи ѣхали очень шибко. По примѣрному разсчету, сдѣланному присяжн. повѣр. Александровымъ, на протяженіи десяти верстъ, каждый шагъ лошади, отражаясь толчкомъ или ударомъ, оставлялъ-бы по себѣ слѣдъ и такихъ слѣдовъ было-бы болѣе пятнадцати тысячъ. Если-бы всѣ эти толчки пришлись по одному мѣсту, получилась-бы ссадина или опухоль весьма значительныхъ размѣровъ. Ничего подобнаго на трупѣ Сарры найдено не было.

Съ точки зрѣнія защиты, подкрѣпленной мнѣніемъ экспертовъ, смерть Сарры вообще произошла при самыхъ естественныхъ условіяхъ. Она, по всей вѣроятности, заблудилась, такъ какъ въ тотъ день почти внезапно упалъ сильный туманъ, настолько сильный, что пастухи должны были принимать предосторожности, чтобы не заблудилась скотина въ лѣсу. Возможно, что Сарра шла по дорбаидзевской дорогѣ до тѣхъ поръ, пока не дошла до мѣста, съ котораго она могла увидѣть каменную стѣну. Здѣсь, не найдя жилья, она могла въ изнеможеніи остановиться; можетъ быть, она звала на помощь, но никто ее не слышалъ. Затѣмъ, проведя здѣсь ночь, она отъ холода и истощенія умерла, такъ какъ по мнѣнію врачей для истощеннаго и слабаго ребенка вовсе не нужно непремѣнно температуры ниже нуля, чтобы умереть отъ холода.

Такое предположеніе не уничтожило однако-же весьма сильной улики, имѣвшейся въ дѣлѣ. Эта улика заключалась въ томъ, что въ день происшествія и на другой день, 5-го апрѣля, Сарру искали всюду и между прочимъ подлѣ стѣны, гдѣ ея трупъ былъ найденъ случайно только 6-го апрѣля. Но и эта улика, какъ и всѣ другія, опровергалась со стороны защиты положеніемъ о завѣдомой лживости свидѣтельскихъ показаній. Слѣды отъ двухъ лошадей, шедшихъ къ мѣсту нахожденія Сарры, были приписаны тому верховому, который въ числѣ другихъ пріѣхалъ посмотрѣть на трупъ уже тогда, когда его открыли пастухи. Встрѣча двумя свидѣтелями двухъ верховыхъ евреевъ въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля по дорбаидзевской дорогѣ также отрицалась защитою въ виду „лживости всѣхъ вообще свидѣтелей“ по настоящему дѣлу.

Событіе во дворѣ дома предводителя дворянства Церетелли объяснялось также весьма просто: напившійся до зеленаго змія еврей бушевалъ и неистовствовалъ, а легковѣрные слушатели, что называется, „уши развѣсили“ и слышали то, что имъ хотѣлось услышать.

Любопытны были соображенія обвиненія и защиты относительно религіозной подкладки настоящаго дѣла.

Въ обвинительномъ актѣ, собственно говоря, не былъ вовсе выдвинутъ вопросъ о религіозной цѣли похищенія евреями христіанской дѣвочки; эта сторона дѣла оставлена была въ тѣни; глухо упоминалось лишь о томъ, что самое похищеніе произошло „наканунѣ еврейской пасхи“. Вопросъ этотъ лишь на судѣ былъ выдвинутъ защитою на первое мѣсто и притомъ поставленъ, такъ сказать, ребромъ. Каждому изъ свидѣтелей въ концѣ допроса предлагался вопросъ о томъ, что онъ знаетъ „объ употребленіи евреями крови христіанскихъ младенцевъ“ и каковы его собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ? Въ большинствѣ случаевъ свидѣтели отвѣчали съ неохотою и сдержанно, иные констатировали существующее на этотъ счетъ повѣрье въ средѣ мѣстныхъ жителей, но своихъ собственныхъ мнѣній не высказывали.

Какъ образчикъ, мы приведемъ здѣсь характерный отвѣтъ свидѣтельницы Турфы Цхададзе. На вопросъ защиты, слыхала-ли она что-нибудь объ употребленіи евреями христіанской крови, свидѣтельница отвѣчала:

— Они мучаютъ христіанъ,—объ этомъ мы слышали.

— А вы слыхали какъ они ихъ мучаютъ?..—продолжала защита.

— Этого я не знаю; я у евреевъ кухаркой не была, такъ откуда-же мнѣ знать?—И больше свидѣтельница не пожелала давать никакихъ объясненій.

Пренія сторонъ весьма обстоятельно дебатировали вопросъ о существованіи мистическихъ обрядовъ въ средѣ еврейства, обрядовъ, требующихъ или по крайней мѣрѣ, поощряющихъ употребленіе христіанской крови. Обвиненіе въ этомъ отношеніи опиралось на сочиненіе Лютостанскаго, появившееся въ русской литературѣ въ 1876 году. Авторъ этой книги по происхожденію еврей, бывшій раввинъ, про-

мѣнявшій одежды раввина на сутану католическаго ксендза, сутану ксендза на рясу православнаго монаха и эту послѣднюю на сюртукъ мірянина. Въ качествѣ лица, близко знакомаго съ обрядовою стороною еврейской религіи, Лютостанскій утверждаетъ, что обычай употребленія христіанской крови, не являясь вовсе религіозной принадлежностью цѣлаго еврейства, составляетъ, тѣмъ не менѣе, религіозную особенность невѣжественныхъ фанатическихъ талмудистовъ-сектаторовъ. „Въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей,—говоритъ между прочимъ Лютостанскій въ своемъ сочиненіи,—евреевъ обвиняетъ не одинъ народный голосъ; они неоднократно обвинялись и передъ судомъ. Въ большинствѣ такихъ случаевъ собственнаго ихъ сознанія не было, не смотря ни на какія улики; но были однако-же и такіе примѣры, что евреи сознавались сами, обличали своихъ родителей и родственниковъ и потомъ, сознавъ свои религіозныя заблужденія, принимали крещеніе“.

Еще больше матеріала для обвиненія евреевъ черпалъ прокуроръ изъ „записки“ бывшаго директора департамента иностранныхъ исповѣданій, Скрипицына, составленной послѣднимъ въ 1844 году

Въ этой запискѣ говорится между прочимъ: „Обрядъ этотъ (употребленіе крови младенцевъ) не только не принадлежитъ всѣмъ вообще евреямъ, но даже безъ всякаго сомнѣнія весьма немногимъ извѣстенъ. Онъ существуетъ только въ сектѣ „хасидовъ“, но и тутъ онъ составляетъ большую тайну, можетъ быть, не всѣмъ имъ извѣстенъ и по крайней мѣрѣ, конечно, не всѣми хасидами и не всегда исполняется. Польша и западныя губерніи наши, служащія со временъ среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго жидовства, представляютъ и понынѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изувѣрства, особенно губернія Витебская, гдѣ секта хасидовъ значительно распространилась“.

Мнѣнію этихъ авторовъ защита противопоставляла сочиненіе профессора Хвольсона, ученаго гебраиста, посвятившаго всю свою жизнь изученію еврейской исторіи и литературы.

По словамъ профессора Хвольсона, древніе христіане ни-

когда не обвиняли евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Напротивъ, христіане первыхъ вѣковъ сами были обвиняемы въ употребленіи крови, такъ что древніе апологеты христіанства (Тертуліанъ, Августинъ и др.) принуждены были оправдываться во взводимомъ на нихъ обвиненіи.

Подобное обвиненіе противъ евреевъ со стороны христіанъ возникло не ранѣе XII вѣка и получило значительное распространеніе лишь въ XIII вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ до конца XVI вѣка кровавою полосою проходитъ въ исторіи преслѣдованіе евреевъ по разнымъ случаямъ обвиненія ихъ въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей съ цѣлью получить кровь для разныхъ религіозныхъ и медицинскихъ цѣлей.

По мнѣнію защиты, періодомъ особенной жизненности такихъ обвиненій былъ періодъ крайняго умственнаго застоя, невѣжества, суевѣрія и религіознаго фанатизма. Подъ вліяніемъ оппозиціи, шедшей изъ нѣдръ самого христіанства (папы Григорій IX, Климентъ VI, Сикстъ IV), подъ вліяніемъ реформаціи, успѣховъ цивилизаціи и раціоналистической критики рушилось это средневѣковое обвиненіе. Съ половины XVII вѣка въ западной Европѣ не было уже болѣе процессовъ по обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови.

У насъ въ Россіи и особенно въ западныхъ губерніяхъ такіе процессы повторялись довольно часто и большею частью кончались весьма печально для обвиняемыхъ. Съ 1817 года дѣла такого рода стали гораздо болѣе рѣдки, въ виду состоявшагося Высочайшаго повелѣнія Александра I, которымъ воспрещалось, „чтобы впредь евреи были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови“.

Съ тѣхъ поръ практика нашего стараго, дореформеннаго суда знаетъ весьма мало случаевъ такого рода дѣлъ, а тѣ, которыя и возникали, оканчивались большею частью оправдательными приговорами.

Защита не допускала мысли о возможности существованія среди еврейства хотя-бы самой незначительной секты изувѣровъ, употребляющихъ человѣческую кровь по слѣдующимъ двумъ основаніямъ: 1) евреи вообще не терпятъ

сектаторства, у нихъ сектъ крайне мало и онѣ всѣ извѣстны наперечетъ, равно какъ и ихъ ученія, 2) нигдѣ въ еврейскихъ законахъ нельзя встрѣтить указанія, чтобы евреи могли употреблять кровь съ религіозною цѣлью.

Защита полагала, что только крайнее невѣжество или недобросовѣстность могутъ руководить людьми, которые наивно вѣрятъ или хотятъ вѣрить подобнымъ нелѣпымъ баснямъ. Оттѣняя эту мысль, г. Куперникъ, разбиравшій, такъ сказать, догматику „лжеученія“ о евреяхъ, закончилъ свою рѣчь такими словами:

„Гг судьи! Когда Наполеонъ готовилъ свои войска къ битвѣ при пирамидахъ, онъ сказалъ имъ: „солдаты, сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!“ На васъ, гг. судьи, смотрятъ гораздо больше сорока вѣковъ—на васъ смотритъ и прошедшее, и будущее, весь міръ, вся цивилизація, и я надѣюсь, что вы оправдаете надежды, возлагаемыя на приговоръ суда гласнаго и просвѣщеннаго!“

Судъ совѣщался два часа и вынесъ оправдательный приговоръ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и Судебною Палатой.

Драмы семейно-крестьянской жизни.

I.

Въ 1868 году въ деревнѣ Яковцево, вологодскаго уѣзда, проживалъ крестьянинъ Михаилъ Васильевъ. Человѣкъ еще молодой, онъ уже девять лѣтъ какъ былъ женатъ на двадцатилѣтней крестьянской дѣвушкѣ, Марфѣ Дмитріевой, которую „взялъ“ изъ сосѣдняго села Устья-Телецкое и отъ которой, къ этому времени, имѣлъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей.

Марфа Дмитріева была женщина умная, работящая и скромная. Съ мужемъ она, повидимому, должна была бы жить мирно и согласно, такъ какъ вела себя всегда „честно“ и съ своей стороны не подавала рѣшительно никакихъ поводовъ къ семейнымъ распрямъ. Несмотря однако же на внѣшній миръ и согласіе, которыя царили въ семьѣ, это супружество не могло служить образцомъ. Самъ Михайло, хотя съ виду малый добрый и податливый былъ въ сущности человѣкъ „непутевый“. Плохой хозяинъ, плохой семьянинъ, онъ вскорѣ послѣ рожденія своего втораго ребенка сошелся съ богатой вдовой, крестьянкой сосѣдней деревни Доръ, Прасковьей Смирновой и сталъ съ нею „путаться“. Съ женою онъ продолжалъ жить по прежнему и между ними ни разу не выходило даже крупнаго раздора, хотя Михайло и пропадалъ по цѣлымъ днямъ у своей любовницы, не заботясь вовсе о женѣ и дѣтяхъ.

Прасковья Смирнова, любовница Михайла, женщина смѣлая и властолюбивая, очень скоро совершенно забрала въ руки злополучнаго Васильева и стала помыкать имъ по своему произ-

волу. Какъ мужикъ бѣдный, не имѣвшій даже своей лошади, онъ находился въ нѣкоторой экономической зависимости отъ Прасковьи, которая его снабжала всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ.

Связь Васильева съ Прасковьей, хотя — по выраженію одной свидѣтельницы,—„эти дѣла при людяхъ не дѣлаются“,— для Марфы, жены Михайла, не была тайною. Мужа она не попрекала и никому на него не жаловалась, а жила съ дѣтьми тихо и скромно, занималась своимъ убогимъ хозяйствомъ, терпя нерѣдко нужду, изъ которой ей приходилось даже изворачиваться подчасъ прошеніемъ милостыни.

Будучи уже тридцати-лѣтнею женщиною, она послѣ семилѣтняго промежутка, въ который у нея дѣтей не было, забеременѣла третьимъ ребенкомъ, и это обстоятельство привело къ тому, что надъ нею разразилась нежданная катастрофа. Прасковья Смирнова, прослышавъ отъ людей (сама она никогда не бывала въ домѣ Васильева), что жена ея любовника забеременѣла, очень взволновалась этимъ обстоятельствомъ. Сообразивъ, что если слухи о беременности Марфы справедливы, то она могла забеременѣть только отъ мужа, такъ какъ была баба честная, Прасковья сильно приревновала Михайла къ женѣ его и стала его допытывать.

— Ты зачѣмъ спишь съ женой?—приступила она къ нему при первой-же встрѣчѣ.

— Я съ женой не сплю,—сталъ малодушно оправдываться Васильевъ,—она изъ-за меня съ другимъ гуляетъ.

— А коли гуляетъ, ты чего жъ глядишь?—впилась въ него Прасковья еще настойчивѣе, и съ этой минуты положила себѣ на сердце: воспользоваться своимъ вліяніемъ надъ Михайломъ и порѣшить съ ненавистною соперницею, отъ которой слабохарактерный мужъ никакъ не могъ совсѣмъ отшатнуться.

Передъ Ивановымъ днемъ Михайлѣ понадобилось съѣздить за мукой въ деревню Судобицу; на пути онъ зашелъ въ с. Доръ къ Прасковьѣ, чтобы попросить у нея лошади. Но Михайлу Прасковья отъ себя не отпустила, и онъ засидѣлся у ней до ночи. Здѣсь, послѣ долгихъ увѣщаній ревнивой и мстительной Прасковьи, они съ Михайломъ уговорились „покончить“ съ Марфой. Для этого они порѣшили въ ту-же ночь подъ какимъ-нибудь предлогомъ вызвать Марфу въ лѣсъ и тамъ удавить.

Когда наступила ночь, Михайло въ сопровожденіи Прасковьи отправился въ свою деревню. Прасковья осталась поджидать въ кустахъ, а Михайло направился къ своему дому.

Марфа въ эту пору уже спала; она была одна въ избѣ, такъ какъ лѣтомъ дѣти спали на сѣновалѣ. Михайло стукомъ разбудилъ жену и вызвалъ ее на улицу.

— Что тебѣ?—откликнулась Марфа, выходя навстрѣчу мужу.

Михайло сталъ звать ее съ собою въ кусты, чтобы она пособила ему унести домой только-что украденные имъ будтобы холсты.

Марфа безпрекословно послѣдовала за мужемъ. Не успѣли они дойти до кустовъ, гдѣ сидѣла притаившись Прасковья, какъ Михайло вдругъ громко засвисталъ.

— Ты чего же свищешь?—съ безпокойствомъ оглянулась на него жена, видимо робѣя и словно предугадывая, что съ ней случится что-то недоброе.

— Отчего-жъ мнѣ не свистать! Такъ себѣ, иду да свищу,— отвѣчалъ мужъ, стараясь придать своему голосу безобидный тонъ.

На свистъ между тѣмъ показалась изъ-за кустовъ Прасковья. Тутъ Марфа „окончательно перепугалась“—она догадалась, что ее „ведутъ на смерть“. Упавъ на колѣни передъ своими палачами, она взмолилась:

— Не трогайте вы меня, я вамъ не помѣха!

Но Михайло схватилъ ее за горло и намѣревался придушить.

Она стала защищаться, и ей удалось вырваться отъ него.

— Оставьте вы меня, пожалѣйте, я съ ребенкомъ!—снова взмолилась несчастная Марфа. Дайте мнѣ родить только, я вовсе уйду изъ дому, дѣтей съ собой уведу, какъ-нибудь сама прокормлюсь, вамъ мѣшать не буду!..

Михайло, какъ видно, тронулся мольбами беззащитной жены и на минуту остановился въ нерѣшительности.

Тогда Прасковья стала подзадоривать робкаго любовника.

— Что, видно, она беременна-то отъ тебя, Михайло?

Но и этотъ укоръ не подѣйствовалъ. Михайло словно замеръ на мѣстѣ и не поднималъ рукъ на жену, валявшуюся у его ногъ.

— Что мнѣ съ ней дѣлать?—отчаяннымъ и совсѣмъ растеряннымъ голосомъ обратился онъ наконецъ къ Прасковьѣ.

— Жаль тебѣ видно жены,—ехидно подзадорила его любовница. —Что дѣлать тебѣ съ нею?—дави ее!

Тогда Михайло вновь схватилъ жену за горло и началъ ее душить.

Несчастная Марфа „поцарапалась“ нѣсколько секундъ; пыталась еще подползти къ Прасковьѣ, чтобы у нея выпросить пощады, но только „всхлипнула и умерла“.

Послѣ кровавой развязки, надо было скрыть слѣды звѣрскаго дѣла. Убійцы затянули черезсѣдѣльникомъ похолодѣвшую Марфу и по бодягѣ поволокли въ рожь, а черезъ сутки, на слѣдующую ночь, боясь, чтобы ее не нашли собаки, перенесли трупъ въ баню одного зажиточнаго крестьянина, стоявшую особнякомъ въ полверстѣ отъ деревни Доръ.

Здѣсь имъ пришлось потрудиться порядочно: они разобрали полокъ, вырыли яму, глубиною аршина въ два, уложили въ нее трупъ несчастной жертвы и затѣмъ тщательно приладили полокъ на прежнее мѣсто такъ, что никому и въ голову не могло прійти о ихъ ночной работѣ.

Послѣ убійства жены, Михаилъ Васильевъ дня три не возвращался домой. Наконецъ онъ заглянулъ къ себѣ въ избу и здѣсь его обступили дѣти, покинутыя на произволъ судьбы. Мальчикъ семи лѣтъ и дѣвочка девяти лѣтъ, полуголодные и сильно встревоженные исчезновеніемъ матери.

— Гдѣ мать, куда ушла наша мать?

Онъ отвѣчалъ „не знаю“ и самъ прикинулся удивленнымъ долгимъ отсутствіемъ жены. Подождавъ нѣсколько дней, онъ отправился въ волостное правленіе, гдѣ сдѣлалъ формальное заявленіе, что жена его Марфа неизвѣстно куда „отлучилась“ и домой болѣе не возвращалась.

По распоряженію волостнаго правленія, пропавшую стали розыскивать, но эти розыски ни къ чему не привели.

Михайло Васильевъ между тѣмъ распустилъ слухъ, что жена его ушла въ олонецкіе скиты. Такъ какъ его односельчане были единовѣрцами, у которыхъ есть правило тайно удаляться изъ мѣстожительства для отшельнической жизни, то всѣ легко повѣрили такому слуху.

Прасковья Смирнова поспѣшила доказать, что она тру-

дилась не даромъ, и вскорѣ окончательно забрала въ руки своего любовника, принадлежавшаго ей теперь уже безраздѣльно. Будучи сама безсемейной вдовой, она въ ту же осень переѣхала жить въ домъ Михайлы, принялась за хозяйство и стала въ домѣ „большухой“, то-есть настоящей хозяйкой.

Время шло и объ исчезнувшей Марфѣ стали мало-помалу забывать. Однако же, лѣтъ пять спустя послѣ ея смерти, неизвѣстно откуда стали всплывать разныя, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ, сообщенія о звѣрскомъ преступленіи, совершенномъ надъ нею. Указывали даже мѣсто, гдѣ былъ похороненъ трупъ убитой.

Сына Михайла, который къ этому времени подросъ и былъ уже лѣтъ одиннадцати, люди „стали научать“ идти и донести обо всемъ въ волостное правленіе. Но отецъ его узналъ объ этихъ сборахъ, выстегалъ его и сказалъ:

— Чего ты, дуракъ, доносить пошелъ, вѣдь ты меня сгубишь!

Сынъ испугался и съ той минуты никому не заикался о слухахъ, которые дошли до него.

Вскорости Михайло сильно захворалъ, слегъ въ постель и ужъ болѣе съ нея не поднимался. Въ деревнѣ говорили, что передъ смертью онъ во всемъ повинился какой-то нищей старушкѣ, которая потомъ всѣмъ объ этомъ разсказывала.

Послѣ смерти Михайла Васильева, хотя въ живыхъ осталась одна только свидѣтельница звѣрской его расправы съ несчастной Марфой, именно соучастница его Прасковья Смирнова, слухи все усиливались. Этому, впрочемъ, не мало способствовала сама Прасковья. Женщина самонадѣянная, она послѣ смерти своего любовника не особенно стѣснялась разсказывать о загадочномъ исчезновеніи Марфы, полагая, что лично она, во всякомъ случаѣ, останется „въ сторонѣ“, еслибы даже дѣло и всплыло.

Разъ, напримѣръ, случилось ея знакомой Аннѣ Дементьевой пожаловаться Смирновой на своего мужа; на это Прасковья ей прямо сказала:

— Экая же ты... мнѣ вотъ Марфа не нужна была, такъ я сразу отправила ее въ баню!

И затѣмъ, безъ всякаго вызова на откровенность, она тутъ-же разсказала ей всѣ подробности убійства.

Когда Смирнова вела разсказъ, то слушательница ее остановила:

— Что ты на всю избу говоришь, въ гольбцѣ Викторія Федорова (невѣстка Смирновой) услышитъ.

На это Смирнова возразила:

— Ну и пусть слушаетъ; не подымай и она противъ меня носъ, а то и ей тоже будетъ.

Затѣмъ, на замѣчаніе Дементьевой, что дѣло можетъ дойти до суда, Прасковья насмѣшливо отозвалась:

— Не дойдетъ, теперь уже семь лѣтъ прошло, сгнила уже, поди разыскивай!

Послѣ этого случая, Прасковью Смирнову стали открыто называть убійцею Марфы.

Одна добрая знакомая предупреждала ее о грозившей ей опасности быть преданной суду.

— Убери свое кладбище,—присовѣтывала она при первой встрѣчѣ.

— Ничего, и такъ ладно:—мышь сгнила!—съ циническою усмѣшкой отозвалась Прасковья.

„Мышью“ она всегда называла покойную Марфу Дмитріеву, когда хотѣла поглумиться надъ нею.

Неустрашимой преступницѣ пришлось однако-же развѣдаться съ людскимъ правосудіемъ. Слухъ о ея кровавомъ подвигѣ добрался наконецъ куда слѣдуетъ, и семь лѣтъ спустя послѣ совершенія преступленія, она была арестована и посажена въ тюрьму.

Въ банѣ, подъ полкомъ, отрыли женскій скелетъ, уже совершенно очистившійся отъ сгнившей мякоти и одежды. Судя по размѣрамъ скелета и по возрасту, экспертиза признала въ немъ бренные останки Марфы Дмитріевой. На допросѣ у судебнаго слѣдователя Смирнова сначала созналась во всемъ, и разсказала подробно обстоятельства дѣла, но вскорѣ, впрочемъ, во всемъ заперлась и стала увѣрять, что первое свое показаніе у слѣдователя она дала въ припадкѣ „черной немочи“, т. е. падучей болѣзни.

Скоро она предстала на судъ присяжныхъ, продолжая упорно отрицать свою вину. Несмотря на свой не старый еще

возрастъ (46 лѣтъ), Смирнова казалась уже совершенно дряхлой старухой. Отвѣты суду она давала, не вставая со скамьи, потому что въ теченіе двухлѣтняго содержанія подъ стражей, ее разбилъ параличъ.

Присяжные признали Смирнову виновною и судъ приговорилъ ее къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ.

II.

Крестьянинъ Александровъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-семи, проживалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, торгуя спичками у Гостиннаго двора. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ женился на молодой дѣвушкѣ, Ольгѣ Кириловой, которая оказалась женщиною трудолюбивой и хорошаго поведенія. Это обстоятельство не помѣшало, однако же, Александрову съ первыхъ же дней тяготиться положеніемъ человѣка семейнаго. Будучи холостымъ, онъ жилъ не нуждаясь, заработывая рубля по два въ день; все у него какъ-то спорилось и ладилось, и никто за нимъ ничего худого не замѣчалъ.

Женившись на Ольгѣ Кириловой, Александровъ поселился у матери своей жены, и они прожили вмѣстѣ около трехъ лѣтъ. Почти съ первыхъ дней женитьбы характеръ Александрова круто измѣнился: онъ сталъ суровъ, нелюдимъ и крѣпко сталъ предаваться пьянству. Молодой женѣ съ нимъ было плохое житье, онъ обращался съ нею очень дурно. Мать, видя такое безпокойство вокругъ себя, однажды сказала имъ:

— Дѣтушки, возьмите, что вамъ угодно и ступайте отъ меня... можетъ, такъ вамъ лучше будетъ!

Они ушли.

Однако же, житье Ольги Кириловой отъ этого не сдѣлалось краше; напротивъ, мужъ безъ посторонняго глаза сталъ обращаться съ нею уже просто звѣрски. Разъ онъ избилъ ее такъ сильно, что она лежала въ больницѣ.

Ольга Кирилова иногда приходила съ ребенкомъ къ матери и горько жаловалась:

— Что мнѣ, руки на себя наложить, что-ли? Вѣдь мнѣ житья нѣтъ, онъ ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не даетъ!

И дѣйствительно, Александровъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе предавался пьянству, и возвращаясь домой, буянилъ на всю улицу, выбивалъ окна, ломалъ двери и жестоко истязалъ жену.

Наконецъ, онъ завелъ себѣ любовницу и вовсе бросилъ жену. Та разъ пришла къ нему съ ребенкомъ и сказала:

— Бога ты не боишься, жену по міру пустилъ, а самъ что дѣлаешь!

Послѣ этого Ольга Кирилова пришла къ матери, разсказала ей обо всемъ, и они тутъ же написали прошеніе, чтобы ей выдали отдѣльный видъ на жительство.

Видъ ей былъ въ скорости выданъ и она зажила съ матерью отдѣльно отъ мужа. Но такъ какъ она осталась безъ всякихъ средствъ, ибо мужъ ей не давалъ ничего и почти вовсе къ ней не заглядывалъ, то она стала пріискивать себѣ работу на папиросной фабрикѣ и зажила скромною трудовою жизнью

Мѣсяцевъ пять привелось ей пожить покойно у матери, такъ какъ мужъ въ теченіи этого времени навѣстилъ ее всего раза два.

Александровъ, между тѣмъ, совсѣмъ распьянствовался, бросилъ торговать и, что называется, спился съ кругу.

23 марта 1878 года ему вздумалось навѣстить жену. Въ головѣ его роились какіе-то страшные замыслы; по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ отправиться къ женѣ, онъ зашелъ и купилъ большой рабочій ножъ. Часовъ въ восемь вечера онъ пришелъ на квартиру къ женѣ. Въ комнатѣ сидѣла одна мать Кириловой, а сама она еще не возвращалась съ фабрики.

— Ты зачѣмъ, дитятко, пришелъ?— встрѣтила его теща.

— А вотъ проститься пришелъ! — отвѣтилъ ей на это Александровъ, входя въ комнату.

— Ты, что-жъ, видно помирать собрался? — усмѣхнулась та.

На это Александровъ загадочно промолвилъ въ отвѣтъ:

— На судъ Божій идти надо... въ деревню надо!

Тутъ оба замолчали. Тогда теща опять приступила къ нему.

— Ты скажи лучше, что у тебя жена-то худая была, распутная что-ли какая, что ты отъ нее отступился?

Александровъ потупился и какъ-то мрачно заговорилъ:

— Полно, полно мучить меня!..—и началъ что-то копаться въ карманѣ.

Въ это время возвратилась домой Ольга Кирилова. Увидѣвъ мужа, она испугалась и вся затряслась.

— Ахъ, зачѣмъ ты пришелъ! — подавленнымъ вздохомъ вырвалось у нея нерадостное привѣтствіе.

— Я ночевать останусь, отвѣтилъ на это мужъ.

Тутъ вступилась мать Ольги.

— Да кто тебя оставитъ-то ночевать?—сказала она.—Ужъ я тебя не оставлю.

Чтобы прекратить непріятный для мужа разговоръ, Ольга остановила мать.

— Что ты намъ, маменька, поужинать приготовишь!.. Накорми его, маменька, досыта.. Ничего!

Мать стала собирать ужинъ и вышла изъ комнаты, чтобы снести разогрѣть кушанье въ сосѣднемъ трактирѣ.

Оставшись съ женою наединѣ, Александровъ сѣлъ рядомъ съ нею на стулѣ, и, не обмѣнявшись болѣе ни однимъ словомъ, вынулъ изъ кармана ножъ и всадилъ его въ грудь женѣ.

Та успѣла только вскрикнуть:

— Батюшки, зарѣзалъ!

Сбѣжались люди и увидѣли мужа и жену сидящими другъ противъ друга на стульяхъ. Оба были блѣдны, и съ перваго взгляда нельзя было замѣтить, что Ольга была зарѣзана. Только черезъ нѣсколько секундъ кровь хлынула у нея горломъ и она повалилась на землю. Рана оказалась безусловно смертельною.

Александрова связали и повели въ участокъ. Онъ не сопротивлялся и нѣсколько разъ повторилъ: „да, я ее зарѣзалъ... зарѣзалъ“!..

Преступникъ судился петербургскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Не отрицая своей вины, онъ старался только увѣрить судъ, что жена его была женщиною развратною и въ этотъ разъ сама ему подала поводъ къ ссорѣ. Не смотря на арестантское платье, въ которое подсудимый былъ одѣтъ, онъ выглядѣлъ красивымъ и виднымъ малымъ. Стараясь казаться покойнымъ

на судѣ, онъ, однако же, былъ смертельно блѣденъ, и когда присяжные удалились для совѣщанія, его безкровное лицо покрылось холоднымъ потомъ.

Присяжные признали его виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ жены и судъ приговорилъ его къ двѣнадцатилѣтней каторжной работѣ.

III.

Крестьянинъ Тульской губ. Веневскаго уѣзда, села Серебрянки Илья Никитинъ Пряниковъ совсѣмъ молодымъ парнемъ отправился въ Питеръ „на заработки“, такъ какъ землею дома было „тѣсно“ и всему семейству „прожить ею“ не было никакой возможности. Старики не хотѣли отпускать съ нимъ его молодой жены Анны Васильевны; они прежде всего цѣнили въ ней отличную работницу, и кромѣ того опасались „какъ бы не забаловалась въ Питерѣ—пригожа больно“.

Илья Пряниковъ только тряхнулъ кудрями, велѣлъ женѣ собрать свои пожитки и, взявъ на полустанкѣ два билета, „на чугунку“ пустился въ Питеръ.

Прошло пятнадцать лѣтъ.

Пряниковы обжились въ столицѣ. Долгое время Илья Пряниковъ служилъ младшимъ дворникомъ по разнымъ „мѣстамъ“, таскалъ дрова въ верхніе этажи, а жена „прирабатывала“ поденною стиркой „у господъ“.

Наконецъ на десятомъ году своего пребыванія въ столицѣ имъ положительно посчастливилось. Илья Пряниковъ получилъ мѣсто старшаго дворника въ большомъ домѣ Дрябина по Невскому проспекту. Это было кстати. За годъ передъ тѣмъ у супруговъ родился первый ребенокъ-мальчикъ и, охотно работавшей до того, Аннѣ Васильевнѣ неподручно было уходить теперь на поденщину. Да въ этомъ и не было больше никакой надобности, такъ какъ по должности старшаго дворника Илья Пряниковъ зарабатывалъ рублей до ста въ мѣсяцъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи „дворницкую“ съ отдѣльной для себя и своего семейства комнатой.

Изъ прежняго „пьющаго“ и „работящаго“ парня „Илью-

ши“—Пряниковъ превратился въ степеннаго, разумнаго и дѣльнаго „Илью Никитича“, котораго не только всѣ жильцы дома цѣнили, но котораго очень уважали и „земляки“. Онъ не прочь былъ оказывать послѣднимъ услуги и покровительство въ столицѣ и это влекло къ нему цѣлый кругъ односельчанъ, цѣлое общество, которое онъ по временамъ, „имѣя достатокъ“, радушно принималъ у себя.

Центромъ этого круга являлась всегда радушная хозяйка Анна Васильевна, слегка поблѣднѣвшая и осунувшаяся отъ прошлой тяжелой рабочей жизни, но сохранившая всѣ слѣды былой красоты. У нея было что-то благородное, милое и притягательное въ лицѣ. Одѣваться пестро она не любила, напротивъ предпочитала всегда темные цвѣта и покрытая чернымъ головнымъ платкомъ очень напоминала собою „черницу“, помышляющую о монастырѣ и о благочестіи.

Пряниковъ въ женѣ души не чаялъ. Онъ ставилъ и цѣнилъ ее очень высоко и, не скрывая, гордился ею. Супружество во всѣхъ отношеніяхъ считалось образцовымъ. На родномъ селѣ ихъ всѣ „почитали“ за людей „особенныхъ“, не въ примѣръ прочимъ „шатунамъ“ столицы.

Однимъ изъ такихъ типичныхъ „шатуновъ“ былъ крестьянинъ одного съ ними села Андрей Степановъ Скворцовъ. Онъ тоже проживалъ въ столицѣ, тоже шелъ „по дворницкой части“, но являлся прямою противоположностью Пряникову. Кутила и мотъ, очень падкій до женскаго пола онъ велъ жизнь безпорядочную. Ему безпрестанно отказывали отъ мѣста и тогда онъ долженъ былъ „шляться безъ дѣла“. У него была жена въ деревнѣ, но онъ къ ней почти не ѣздилъ и даже „забывалъ“ посылать ей денегъ.

Какъ-то, когда еще Пряниковъ жилъ на Бассейной „въ младшихъ дворникахъ“, въ сосѣднемъ домѣ „подручнымъ“ проживалъ Скворцовъ. Анна Васильевна часто видѣла, какъ онъ „пьянствуетъ“ и „бабничаетъ“ и корила его, „про жену ему поминала“. Скворцовъ отдѣлывался шуткой: „ладно,—молъ,—постъ прійдетъ, отговѣемъ“!

Случилось, что Скворцовъ потерялъ мѣсто и Пряниковъ, будучи уже старшимъ дворникомъ, временно пріютилъ его у себя. Тутъ съ Анной Васильевной „грѣхъ“ и случился.

Не то она его „пожалѣла“, не то и впрямь Скворцовъ

„подпоилъ“ ее и „не было на то ея воли и согласія“,—какъ объясняла она впослѣдствіи на судѣ,—но только несомнѣнно „грѣхъ случился“.

Скворцовъ впослѣдствіи хвасталъ всѣмъ пріятелямъ-землякамъ: „Пряникова сама мнѣ навязалась... больно сердобольна, чтобы не возился зря съ бабами!“

Какъ долго длилась эта связь и длилась-ли она вообще осталось невыясненнымъ. Вскорѣ Скворцовъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ всѣмъ и разболталъ: „вотъ — дескать — вашъ Пряниковъ каковъ, его жена моею б..... стала... сама навязалась!“

Вернулся Скворцовъ въ Петербургъ уже вмѣстѣ съ своею женою. Та нашла въ имуществѣ мужа шерстяные чулки, подаренные ему Пряниковой, и снесла ихъ „показать“ Ильѣ Пряникову. Разсказала она при этомъ ему и про связь его жены съ ея мужемъ.

Пряниковъ, когда ушла Скворцова, спросилъ жену только: „правда-ли?“ Та—повинилась.

Онъ ее „пальцемъ не тронулъ“, только „заскучалъ шибко“ и сталъ „выпивать“ изрѣдка. Когда выпивалъ—по словамъ жены—„до невозможности жалѣлъ“ ее. Вмѣстѣ они часто „цѣловались и плакали“.

Такъ прошло съ годъ. Слухи не унимались. Скворцовъ нѣтъ-нѣтъ и начнетъ болтать „про старыя дѣла“.

Наконецъ 3 августа 1881 года „вышло такое дѣло“.

Въ заднюю комнату виннаго погреба Ксенофонтова (въ томъ-же домѣ, гдѣ Пряниковъ жилъ старшимъ дворникомъ) „подручные“ Пряникова заманили Скворцова и подпоили его. Когда тотъ охмѣлѣлъ, они его оставили одного и дали знать Ильѣ Пряникову.

Явился Пряниковъ. Онъ „поставилъ“ Скворцову нѣсколько бутылокъ пива. Тотъ съ пьяныхъ глазъ обрадовался „пріятной компаніи“, лѣзъ цѣловаться. Принялись бесѣдовать. Пряниковъ самъ разговоръ „наводилъ на жену“. Скворцовъ ее хвалилъ, а потомъ сказалъ „и сейчасъ пойду спать съ нею!“ Пряниковъ сказалъ ему: „иди!“ Но тутъ-же изо всѣхъ силъ ударилъ его въ грудь кулакомъ. Скворцовъ „отмахнулся“ и попалъ Пряникову въ глазъ.

Сѣли и опять стали пить пиво.

Снова разговоръ — по словамъ Пряникова — пошелъ „о женѣ“.

Скворцовъ сталъ бранить свою, а про Анну Васильевну выразился „и сейчасъ-бы поспалъ... Ты на Пасху въ деревню ѣздилъ, а я просилъ ее продолжать со мною любовь, она продолжала“...

Пряниковъ указалъ Скворцову на стаканъ пива и сказалъ: „допивай!“ Тотъ допилъ. Тогда Пряниковъ схватилъ Скворцова за волосы, изо всей силы „тряхнулъ“ его и повалилъ на каменный полъ. Потомъ онъ сталъ бить его „каблуками просто куда попало“.

По акту медицинскаго осмотра оказалось, что избиты голова, животъ и грудь съ переломомъ девятаго лѣваго ребра.

На шумъ прибѣжалъ Ксенофонтовъ и, испугавшись послѣдствій, „отнялъ“ Скворцова. Пряниковъ ушелъ, но вскорѣ прислалъ своихъ подручныхъ—дворниковъ, которые куда-то „увели“ едва живого Скворцова. На улицѣ Пряниковъ его „усадилъ“ съ подручнымъ своимъ Носовымъ на извощика. Носовъ довезъ Скворцова до Преображенскаго плаца и здѣсь гдѣ-то подъ заборомъ оставилъ.

Къ утру Скворцовъ скончался—по заключенію полицейскаго врача—„отъ остраго малокровія, вслѣдствіе истеченія крови въ грудную и брюшную полости, черезъ раны въ печени“.

Илья Пряниковъ и подручный его Носовъ судились С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ въ 1882 году. Первый по обвиненію въ умышленномъ нанесеніи смертельныхъ побоевъ Скворцову, второй въ укрывательствѣ этого преступленія. Выходило такъ, что Пряниковъ при помощи пріятелей „заманилъ“ въ погребъ Скворцова.

Пряниковъ не отрицалъ своей вины, но утверждалъ лишь, что самые побои наносилъ „самъ не помня себя“.

На судѣ онъ между прочимъ говорилъ: „Скворцовъ землякамъ объяснялъ любовь моей жены... Каждый женатый поймете какая скорбь, какое униженіе, неизлѣчимая сердечная рана на всю жизнь... Семейная вражда и развратъ, семейство должно черезъ это навсегда сдѣлаться несчастнымъ. Ограбь, укради, домъ сожги—все легче перенести. Эта до скончанія жизни язва не залечится. Любовь за милліонъ

не купишь! Ежели-же онъ это сдѣлалъ—зачѣмъ-же хвастаться чужой женой... Не меня, ее бы пожалѣлъ!“

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Пряниковъ еще добавилъ: „въ Питерѣ мнѣ не жить, ссылайте куда хотите, я жену съ ребенкомъ возьму“...

Послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія присяжные засѣдатели признали Пряникова виновнымъ и дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Носовъ былъ оправданъ.

Дѣла военнаго быта.

I.

Жена штабсъ-капитана Кудржинскаго получила анонимное письмо, наполненное оскорбительными для нея выраженіями. Мужъ ея, служащій въ 13-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, немедленно отправился сообщить объ этомъ своему начальнику полковнику Гинце.

Какъ видно, и мужъ и жена имѣли основаніе полагать, что авторомъ дерзкаго посланія былъ кто-либо изъ сослуживцевъ Кудржинскаго, также подчиненныхъ полковнику Гинце. Мало того, оскорбленный мужъ даже прямо „подозрѣвалъ“, что анонимнымъ обидчикомъ его супруги былъ никто иной, какъ поручикъ Гужва, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, его сослуживецъ, бывавшій у нихъ въ домѣ и „никогда не стѣснявшійся въ употребленіи въ дамскомъ обществѣ прозрачныхъ намековъ и двусмысленныхъ выраженій“.

До поручика Гужва, черезъ товарищей, тотчасъ-же дошли слухи, что штабсъ-капитанъ Кудржинскій высказываетъ подозрѣнія на его счетъ и въ этомъ же смыслѣ сдѣлалъ свои сообщенія полковнику Гинце.

Полковникъ, между тѣмъ, „какъ начальникъ части, обязанный наблюдать за нравственностью подчиненныхъ“, немедленно принялъ подъ защиту оскорбленную супругу своего подчиненнаго и пожелалъ разслѣдовать дѣло. Съ этою цѣлью онъ „пригласилъ“ всѣхъ офицеровъ стрѣлковаго баталіона, которымъ командовалъ, въ залу собранія, и здѣсь обратился къ нимъ съ длинною рѣчью, которую началъ съ объясненія цѣли и задачи настоящаго собранія.

— Господа,—сказалъ онъ,—я собралъ васъ по поводу полученнаго женою штабсъ-капитана Кудржинскаго анонимнаго письма, очень грязнаго содержанія, и хотя я не думаю, чтобы его написалъ кто-либо изъ нашихъ офицеровъ, но тѣмъ не менѣе, какъ старшій членъ нашего общества, хочу говорить съ вами.

Затѣмъ полковникъ сталъ обстоятельно „говорить съ младшими своими товарищами“. Высказавъ только-что убѣжденіе, что автора письма онъ не подозрѣваетъ ни въ комъ изъ гг. офицеровъ, онъ, какъ видно, тутъ же измѣнилъ свое мнѣніе. По крайней мѣрѣ, заканчивая свою рѣчь энергическими выраженіями: „это подло, низко, гадко!“— полковникъ прямо обратился съ настоятельною къ собравшимся офицерамъ просьбою: розыскать между ними „того нравственнаго урода, который позволилъ себѣ написать это письмо“.

Въ числѣ приглашенныхъ офицеровъ находился и поручикъ Гужва. Будучи заранѣе предупрежденъ товарищами, что именно онъ заподозрѣнъ, какъ авторъ анонимнаго письма, онъ невольно относилъ лично къ себѣ всѣ выраженія полковника Гинце, хотя и высказанныя послѣднимъ въ третьемъ лицѣ. Притомъ же поручику Гужва казалось, что полковникъ Гинце въ продолженіи всей „бесѣды“ намѣренно стоялъ прямо противъ него и, употребляя выраженія: „это подло, низко, гадко“ и проч., прямо какъ-бы указывалъ на него.

Все это показалось Гужва оскорбительнымъ, такъ какъ онъ сознавалъ, что его подозрѣваютъ совершенно неосновательно. Выслушавъ до конца рѣчь баталіоннаго командира, онъ не вытерпѣлъ и обратился къ умолкшему начальнику съ заявленіемъ.

— Я знаю, что штабсъ-капитанъ Кудржинскій взводитъ на меня подозрѣніе въ написаніи пасквиля, и потому я желалъ-бы, чтобы этотъ офицеръ объяснилъ, на чемъ онъ основываетъ это обвиненіе?

Курджинскій находился тутъ-же. На вызовъ Гужва онъ однако же не выступилъ обвинителемъ, напротивъ того, отрекся отъ первоначальныхъ подозрѣній и заявилъ, что онъ не обвиняетъ никого изъ присутствующихъ товарищей.

Тогда полковникъ Гинце обратился къ Гужва.

— Слышали?!.. Что-жъ вы сплетнями занимаетесь!..

Кудржинскій, словно желая оправдать заявленіе Гужва, на это сказалъ:

— Что-же, полковникъ, я могъ подозрѣвать поручика Гужва, на томъ основаніи, что онъ позволилъ себѣ говорить въ моемъ домѣ слова: „засунулъ и высунулъ“.

Тогда полковникъ Гинце съ крикомъ возразилъ Кудржинскому:

— И вы, Кудржинскій, такого артиста принимаете у себя въ домѣ, а не выгнали его вонъ и не предали суду офицеровъ!..

— Позвольте, полковникъ,—вступился за себя Гужва,— просить васъ не произносить приговора надъ моею личностью, основываясь лишь на голословномъ заявленіи Кудржинскаго!..

— Молчать!—отвѣтилъ на это полковникъ,—потрудитесь молчать, слушать меня и не возражать!! Вы забылись кто вы: вы офицеръ, или адвокатъ?..

На этомъ окончился „разговоръ“ начальника съ своимъ подчиненнымъ.

Поручикъ Гужва сознавалъ себя сильно оскорбленнымъ: ему не дали даже возможности оправдаться, а между тѣмъ клички „артистъ“, „пасквилянтъ“ были расточаемы ему публично.

Гужва порѣшилъ обратиться къ послѣднему средству, къ которому, по его мнѣнію, долженъ былъ прибѣгнуть всякій честный человѣкъ, поставленный въ его положеніе. Онъ задумалъ вызвать на дуэль полковника Гинце, „чтобы доказать, что каждый человѣкъ имѣетъ честь и самолюбіе“. Прибѣгать къ жалобамъ Гужва не считалъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ его глазахъ обида, нанесенная полковникомъ Гинце, была такого рода, что никакая жалоба не могла бы достойно наказать его.

Въ тотъ же вечеръ поручикъ Гужва послалъ свой вызовъ.

Въ письмѣ къ полковнику Гинце онъ писалъ: „Милостивый Государь Андрей Ивановичъ! Сего числа въ присутствіи господъ офицеровъ 13 стрѣлковаго баталіона, собравшихся по совершенно частному дѣлу, т. е. по поводу заяв-

ленія г. Кудржинскаго объ оскорбленіи его жены анонимнымъ письмомъ, вы, милостивый государь, позволили оскорбить меня, ссылаясь лишь на голословное обвиненіе г. Курджинскаго меня въ томъ, что я въ его домѣ позволилъ себѣ неприличныя выраженія. Вы нисколько не стѣснялись, забывъ то, что мы собрались не для рѣшенія судебнаго вопроса, позволили себѣ ни на чемъ не основываясь неоднократно оскорбить меня; подобное оскорбленіе по долгу чести считаю возможнымъ смыть лишь поединкомъ. На семъ основаніи приглашаю васъ, милостивый государь, на поединокъ и прошу васъ прислать своего секунданта. Вашъ покорный слуга М. Гужва". Затѣмъ въ постскриптумѣ письма Гужва выписывалъ слова полковника Гинце, которыя онъ считалъ для себя особенно оскорбительными.

Вызова на дуэль полковникъ Гинце конечно, не принялъ, а полученное письмо отъ Гужва, съ приложеніемъ надлежащаго донесенія, немедленно „представилъ по начальству". Поручикъ Гужва былъ преданъ суду за нарушеніе дисциплины вызывомъ своего начальника на дуэль.

Втеченіе продолжительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу подсудимый совершилъ еще и другое преступленіе, преслѣдуемое военнымъ закономъ: давая свои показанія у слѣдователя, онъ—„отозвался безъ всякаго уваженія о личности своего начальника". Излагая причины, побудившія его прибѣгнуть къ вызову на дуэль, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ личность полковника Гинце: „человѣкъ надменный," его обращеніе съ офицерами всегда было до крайности дерзко и грубо, онъ позволялъ себѣ бранить офицеровъ, называя ихъ: „мужикъ, баранъ, адвокатъ"!

За оба эти преступленія противъ правилъ военной дисциплины, поручикъ Гужва былъ судимъ 25 мая 1877 г. одесскимъ военно-окружнымъ судомъ, который призналъ его виновнымъ въ вызовѣ начальника на поединокъ по дѣлу, касавшемуся службы, и въ оказаніи неуваженія начальству, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ по первому изъ этихъ преступленій. По совокупности преступленій поручикъ Гужва былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на восемь мѣсяцевъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

II.

Другое дѣло, разсматривавшееся въ томъ-же году варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ, также имѣло своимъ предметомъ нарушеніе военной дисциплины.

Рядовой изъ дворянъ, лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, Рубцовъ, уволенный по болѣзни отъ всѣхъ ученій, какъ не фронтовой, стоялъ около обучавшихся солдатъ и глядѣлъ на ихъ упражненія. Въ это время пришелъ на ученіе ротмистръ Андреевъ. Увидѣвъ здѣсь праздно стоявшаго Рубцова, онъ окликнулъ его:

— Рядовой Рубцовъ!..

Рубцовъ, не разслышавшій этого зова, продолжалъ стоять по прежнему и глядѣлъ на ученіе.

— Рядовой Рубцовъ!— громче прежняго крикнулъ ротмистръ.

Рубцовъ, между тѣмъ, услыхавъ, что его зовутъ, мѣрнымъ шагомъ направился къ ротмистру и не доходя до него нѣсколько шаговъ, отдалъ ему установленную „честь“.

Но „ослушаніе“ уже было совершено. Ротмистръ Андреевъ съ крикомъ и ругательствами бросился на Рубцова, и въ присутствіи солдатъ сталъ наносить ему ударъ за ударомъ.

Что было дѣйствительною причиною такого озлобленія на Рубцова, на судѣ не выяснилось; извѣстно только, что ротмистръ Андреевъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ злости и не только наносилъ ему побои, но и истязалъ его.

Схвативъ за воротникъ Рубцова, онъ потащилъ его въ конюшню и здѣсь, поваливъ сталъ бить и топтать ногами.

Несчастный Рубцовъ совсѣмъ потерялъ голову подъ вліяніемъ такой неожиданной расправы; онъ пытался защищаться, онъ даже сказалъ:

— Оставьте, вы не можете меня бить, теперь не прежнія времена!..

Эти слова только подлили масла въ огонь; ротмистръ Андреевъ дошелъ до неистовства.

Онъ зажалъ голову Рубцова между ногами и продолжалъ наносить жестокіе побои; наконецъ онъ приказалъ солдатамъ

связать его и бросить въ станокъ и во время связыванія самъ не переставалъ бить его.

Тогда Рубцовъ взмолился опять.

— Ваше высокоблагородіе,—взывалъ онъ, барахтаясь въ стойлѣ голосомъ полнымъ рыданій, — вы не можете меня бить, я такой же дворянинъ, какъ и вы. Жена моя и ребенокъ подадутъ жалобу въ окружной судъ, найдутъ мои права!..

— Твои права?!..—уже съ совершеннымъ остервененіемъ разразился ротмистръ Андреевъ, и поднявъ у лошади хвостъ, закричалъ:—вотъ гдѣ твои права!

Этимъ не все кончилось.

Когда Рубцовъ, оставленный связаннымъ въ станкѣ развязался и пошелъ съ жалобой къ командиру полка, его вернули въ конюшню, гдѣ ротмистръ Андреевъ опять началъ его бить, какъ и прежде, а когда Рубцовъ сказалъ ему, что его зоветъ „его высочество“ (командиръ полка), то Андреевъ въ заключеніе отправилъ его подъ арестъ.

На судѣ Рубцовъ не отрицалъ тѣхъ словъ, которыя ему приписывались, но со слезами просилъ судъ принять во вниманіе то состояніе, въ которомъ онъ находился, претерпѣвая жестокіе побои отъ 9 до 11 часовъ утра.

Судъ призналъ Рубцова виновнымъ „въ неоказаніи должнаго уваженія“ начальнику и приговорилъ его къ трехдневному аресту, но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ постановилъ: „объ обнаруженномъ на судѣ противозаконномъ, жестокомъ и унизительномъ обращеніи ротмистра Андреева съ рядовымъ Рубцовымъ сообщить, чрезъ военнаго прокурора, подлежащему начальству для дальнѣйшаго распоряженія“.

III.

Петербургскій военно-окружной судъ разсматривалъ въ 1879 году дѣло портупей-юнкера Меньшикова, обвинявшагося въ покушеніи на убійство товарища своего по Михайловскому артиллерійскому училищу, юнкера Барача. Здѣсь опять-таки, какъ личность подсудимаго, такъ и условія среди которыхъ разыгралось преступленіе заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Меньшиковъ, окончивъ курсъ въ нижегородской военн гимназіи, поступилъ въ училище въ августѣ 1876 года. Съ первыхъ же дней поступленія своего въ училище онъ выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей, отличаясь, по отзыву своего начальства, безукоризненнымъ поведеніемъ, замѣчательно строгимъ и честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Эти качества Меньшикова постоянно обращали на него вниманіе, вслѣдствіе чего онъ былъ произведенъ въ портупей-юнкера, хотя были юнкера, стоявшіе выше его по балламъ. Кромѣ того, онъ пользовался еще и другими почетными преимуществами: онъ чаще другихъ былъ назначаемъ въ ординарцы къ Государю Императору; помимо старшихъ портупей-юнкеровъ, во время разводовъ шелъ за „фельдфебеля"; ему же было поручено вести очередь юнкерамъ, наряжаемымъ на ученья и другія строевыя занятія.

Такое привиллегированное положеніе Меньшикова многимъ изъ его товарищей не нравилось, оно возбуждало зависть, интриги и неудовольствія. Особенное расположеніе, которымъ Меньшиковъ пользовался у капитана Сухотина, командира полубатареи, вызывало даже открытыя насмѣшки товарищей и подозрѣнія въ „шпіонствѣ". Разъ возникшее неудовольствіе не только не уменьшилось, но съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе острый характеръ. Этому много способствовали частныя неудовольствія, возникшія въ отношеніяхъ Меньшикова къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ.

Особенною раздражительностью и непримиримостью отличались отношенія Меньшикова къ юнкеру Барачу, который и явился въ настоящемъ дѣлѣ жертвой преступленія.

По показанію юнкеровъ училища, товарищей Меньшикова и Барача, все дѣло разыгралось такимъ образомъ. Въ началѣ 1877 года, между Барачемъ и другимъ юнкеромъ Масловскимъ возникла самая тѣсная дружба. Масловскій принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастливцевъ-Макаровъ, которые водятся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, служа мишенью для всевозможныхъ шуточекъ, подтруниванья и остротъ. Нѣжная дружба Масловскаго съ Барачемъ сначала очень забавляла юнкеровъ. Но вскорѣ къ этому союзу пристало еще нѣсколько товарищей и, такимъ образомъ, составился тѣсный кружокъ закадычныхъ пріятелей. Въ свою очередь около Меньши-

кова группировался также небольшой кружокъ товарищей, вполнѣ преданныхъ ему. Яблокомъ раздора между этими двумя самостоятельными кружками послужилъ именно юнкеръ Масловскій, котораго въ училищѣ называли „барышней“, за его хорошенькое смазливое лицо.

Въ августѣ 1878 года, по возвращеніи юнкеровъ изъ лагеря, Масловскій началъ постепенно отставать отъ кружка Барача и сближаться съ Меньшиковымъ, который совѣтовалъ ему „не позволять глумиться надъ собою и держаться самостоятельнѣе“. Очень скоро дружба Меньшикова съ Масловскимъ стала предметомъ удивленія въ училищѣ, такъ какъ они оба почти постоянно были вмѣстѣ. Съ переходомъ Масловскаго въ кружокъ Меньшикова, кружокъ этотъ получилъ насмѣшливое названіе „дамскаго кружка“. Барачъ прямо сталъ высказывать подозрѣніе, что „сквозь нѣжную дружбу Меньшикова проглядываетъ въ сущности безобразное животное чувство“.

Такимъ образомъ, — по выраженію защитника Меньшикова,—Масловскій во всей этой исторіи разыгралъ роль настоящей „Елены Прекрасной“, послужившей поводомъ къ открытой войнѣ.

И дѣйствительно, члены этихъ двухъ кружковъ (Барача и Меньшикова) постоянно враждовали между собою особенно вражда эта усилилась по слѣдующему поводу. Меньшиковъ, поссорившись однажды съ пріятелемъ Барача, портупей-юнкеромъ Туровымъ, сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующую фразу: „начни я дѣйствовать, васъ бы всѣхъ трехъ (рѣчь шла о членахъ кружка Барача) давно-бы ужъ не было въ училищѣ!“ Вскорѣ послѣ этого разговора, два изъ названныхъ Меньшиковымъ юнкера были арестованы начальствомъ за то, что возвратились въ училище въ нетрезвомъ видѣ. Это обстоятельство, по словамъ самого Меньшикова, возбудило всѣхъ юнкеровъ противъ него; его стали открыто опасаться и сторониться, считая за доносчика. Особенно дѣятеленъ въ пропагандированіи такого убѣжденія былъ юнкеръ Барачъ; онъ приглашалъ товарищей „открыто бороться съ Меньшиковымъ“, заявляя, что съ подобною личностью всѣ средства должны считаться позволенными.

Съ этихъ поръ Меньшикова начинаетъ преслѣдовать общее недоброжелательство, глумленіе и насмѣшки. На классной

доскѣ однажды въ видѣ ребуса появилась начерченною фраза, сказанная Меньшиковымъ Турову. Затѣмъ Барачъ написалъ новый ребусъ, въ которомъ значилось, что сказавшій подобную фразу долженъ быть „почтенъ титуломъ дурака или подлеца“.

Меньшиковъ, молча затаивъ обиду, старался казаться спокойнымъ и дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вовсе вниманія на предпринятый противъ него походъ. Вскорѣ затѣмъ въ училище было прислано по городской почтѣ на имя одного изъ юнкеровъ анонимное письмо, въ которомъ говорилось объ одномъ портупей-юнкерѣ (всѣ догадались, что рѣчь идетъ о Меньшиковѣ), который будто-бы эксплуатируетъ знакомую ему проститутку, нѣкую Прасковью Иванову, не платитъ ей денегъ, заражаетъ ее секретною болѣзнью, воруетъ у нея гроши на лекарство и т. п. По предложенію Барача, письмо это въ присутствіи Меньшикова было громогласно прочитано въ старшемъ классѣ. Затѣмъ въ классѣ же было вывѣшено объявленіе о необходимости „смыть пятно“ съ чести училища, причемъ предлагалось всѣмъ, кому что-либо извѣстно „по дѣлу“, сообщить товарищамъ. Рядомъ съ этимъ появилось воззваніе Барача, въ которомъ говорилось о безплодности перваго объявленія о „смытіи пятна“, такъ какъ извѣстно, что „подлецовъ терпятъ вездѣ“. Въ защиту Меньшикова раздалось лишь нѣсколько голосовъ, уцѣлѣвшихъ друзей его, но ихъ никто на хотѣлъ слушать.

Вся эта исторія, повидимому, весьма сильно подѣйствовала на Меньшикова. По показанію юнкера Юренева, въ тотъ самый день, когда вывѣшивались всѣ эти объявленія, онъ засталъ Меньшикова въ столовой, гдѣ тотъ сидѣлъ молча въ кругу товарищей, грустный и въ глубокомъ раздумьи. Подойдя къ нему сзади, Юреневъ окликнулъ его по фамиліи, отчего Меньшиковъ „конвульсивно весь задрожалъ и горько зарыдалъ“. Присланное письмо относительно „портупей-юнкера“ оказалось пасквилемъ, сочиненнымъ все тѣмъ-же Барачемъ.

Послѣ обѣда, въ тотъ самый день Меньшиковъ ушелъ въ отпускъ къ брату, откуда возвратился въ училище лишь въ 12 часовъ ночи. У брата онъ почти все время просидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ какія-то письма. Затѣмъ, воспользовавшись минутой, предъ уходомъ онъ сунулъ себѣ въ карманъ револьверъ брата и баночку съ ядовитымъ веще-

ствомъ—кураре. На другой день, въ училищѣ, когда послѣ завтрака Барачъ вышелъ въ ватерклозетъ, Меньшиковъ послѣдовалъ за нимъ.

— Я пришелъ съ вами говорить,—обратился онъ къ Барачу, настигая его.

Тотъ, повернувъ къ нему голову, съ улыбкой отвѣтилъ: „что-жъ, извольте, я слушаю!“

По объясненію Меньшикова, эта улыбка и ироническій тонъ окончательно взбѣсили его. Онъ выхватилъ револьверъ и два раза выстрѣлилъ въ Барача. Тотъ, обливаясь кровью, упалъ на полъ, но не потерялъ сознанія.

Тогда Меньшиковъ взялъ дуло револьвера себѣ въ ротъ и спустилъ курокъ. Послѣдовала осѣчка; тогда онъ бросилъ револьверъ и принялъ бывшее при немъ кураре, полагая, что этотъ ядъ сильно дѣйствуетъ.

Между тѣмъ раненый приподнялся на рукахъ, взялъ револьверъ, брошенный Меньшиковымъ, и хотѣлъ выстрѣлить въ него, но въ револьверѣ патроновъ больше не оказалось. Затѣмъ у Барача еще хватило силы самому подняться встать на ноги и направиться въ лазаретъ. Меньшиковъ послѣдовалъ за нимъ и, обращаясь къ собравшимся товарищамъ, громко говорилъ: „Я принялъ ядъ, а въ Барачѣ сидятъ пули. Я оскорбленъ и умѣю за себя мстить!“

Отрава, принятая Меньшиковымъ, оказалась недѣйствительною; Барачъ-же, хотя и остался живъ, но лицо его изуродовано, такъ какъ одна пуля, попавъ въ щеку, не была извлечена.

По словамъ Барача, Меньшиковъ послѣ того какъ всадилъ въ него двѣ пули, глядя ему въ глаза, засмѣялся; это его такъ взорвало, что онъ взялъ револьверъ и хотѣлъ стрѣлять въ Меньшикова.

Судъ приговорилъ Меньшикова къ каторжнымъ работамъ на восемь лѣтъ, но при этомъ постановилъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ этого наказанія разжалованіемъ Меньшикова въ рядовые.

Безумные или преступные?

I.

Злая мачиха.

Молодая крестьянка Екатерина Корнилова, „злая мачиха“, выбросившая изъ окна четвертаго этажа свою шестилѣтнюю падчерицу, причемъ эта послѣдняя какимъ-то чудомъ осталась живою и невредимою, была признана присяжными виновною и приговорена судомъ къ двухлѣтнимъ каторжнымъ работамъ, съ поселеніемъ ее затѣмъ въ Сибири навсегда

На судъ Корнилова явилась въ послѣдней степени беременности, такъ что въ залъ засѣданія, на всякій случай, была приглашена и акушерка. Поведеніе Корниловой на судѣ, совершенная необычайность звѣрскаго ея поступка въ связи съ полнымъ и чистосердечнымъ ея сознаніемъ, наконецъ, соображенія о томъ, что въ моментъ совершенія преступленія она была уже въ четвертомъ мѣсяцѣ беременности—все это возбуждало въ болѣе внимательныхъ наблюдателяхъ суда надъ этимъ „извергомъ природы“ цѣлый рядъ вопросовъ относительно нормальности ея душевныхъ отправленій въ моментъ совершенія преступленія. Въ судебномъ засѣданіи, однако-же, вопросъ о какой-либо психической болѣзни беременной Корниловой никѣмъ возбужденъ не былъ. Ни прокуроръ, ни защитникъ, ни тѣмъ болѣе сама Корнилова не настаивали на медицинскомъ освидѣтельствованіи ея, на приглашеніи экспертовъ, и судъ ограничился постановкою присяжнымъ одного голаго вопроса о виновности, о зломъ умыслѣ подсудимой.

На судѣ только и было одно собственное признаніе Корниловой для характеристики ея преступныхъ побужденій и обстоятельствъ ея нерадостной жизни, приведшихъ ее къ такому ужасному и печальному концу.

Вышла замужъ Корнилова совсѣмъ молодою дѣвушкой за вдовца Жизнь ихъ съ первыхъ же дней пошла какъ-то неладно. Мужъ часто съ нею ссорился, не пускалъ ее въ гости къ роднымъ и родныхъ не хотѣлъ принимать къ себѣ. Но пуще всего досаждалъ онъ ей постоянными попреками, ставя ей въ образецъ свою первую жену, покойницу, которая, по его словамъ, и любила-то его больше, и хозяйкой была образцовой, такъ что хозяйство шло у него тогда не въ примѣръ лучше. Этими попреками, повторявшимися изо-дня въ день, по сознанію Корниловой, мужъ скоро довелъ ее до того, что она „вовсе перестала любить его“. Еще немного—и она кончила тѣмъ, что возненавидѣла его и всю свою злобную ненависть перенесла на ни въ чемъ неповиннаго ребенка, на шестилѣтнюю свою падчерицу, дочку той первой жены своего мужа, которою этотъ послѣдній не переставалъ попрекать ее.

Скоро злая, непобѣдимая вражда къ ненавистному ребенку стала настоящею страстью въ Корниловой. Мстительные, звѣрскіе инстинкты овладѣли ею всецѣло: она порѣшила „покончить съ дѣвочкой, извести ненавистную“...

Разъ вечеромъ она собралась уже совсѣмъ покончить съ своей жертвой, но присутствіе мужа помѣшало ей. Тогда она переждала ночь и на другой день, когда мужъ ушелъ на работу, она отворила окно, отставила на одну сторону подоконника горшки съ цвѣтами и велѣла дѣвочкѣ влѣзть на подоконникъ и посмотрѣть внизъ въ окошко. Какъ только дѣвочка влѣзла, стала на колѣни и, опершись ручонками, заглянула въ окно, Корнилова схватила ее сзади за ноги и вытолкнула внизъ, на мостовую. Поглядѣвъ въ окошко на грохнувшагося ребенка, Корнилова безъ малѣйшаго смущенія захлопнула окно, одѣлась, заперла комнату и отправилась въ участокъ заявить о случившемся.

На судѣ, какъ мы уже говорили, не было, въ качествѣ экспертовъ, спеціалистовъ-психіатровъ, которые бы могли дать свое заключеніе, основанное на данныхъ науки, о со-

стояніи психическаго здоровья подсудимой; былъ только полицейскій врачъ, свидѣтель, наблюдавшій Корнилову въ участкѣ, вскорѣ послѣ ея явки съ повинной. Этотъ врачъ находилъ, что Корнилова дѣйствовала „сознательно“, желая, вѣроятно, сказать этимъ, что она была въ нормальномъ психическомъ состояніи. Присяжные повѣрили ему на-слово и обвинили Корнилову, давъ ей, однако, снисхожденіе.

Верховный, кассаціонный судъ нашелъ, что при первомъ разбирательствѣ дѣла судомъ былъ допущенъ такой существенный процессуальный промахъ, какъ смѣшеніе въ одномъ и томъ же лицѣ, и притомъ въ лицѣ полицейскаго врача, не спеціалиста по вопросамъ психіатріи, двухъ обязанностей — обязанности свидѣтеля и эксперта. Поэтому приговоръ суда и вердиктъ присяжныхъ были отмѣнены сенатомъ и дѣло было препровождено въ другое отдѣленіе суда, съ тѣмъ чтобы оно было вторично, „за-ново“ разсмотрѣно.

Со дня перваго засѣданія, которое закончилось безусловнымъ осужденіемъ Корниловой, протекло всего нѣсколько мѣсяцевъ. Фактическая обстановка „преступнаго дѣянія подсудимой“, выражаясь языкомъ юристовъ, ясно констатированная и закрѣпленная протоколами слѣдственныхъ актовъ, собственнымъ сознаніемъ подсудимой и, наконецъ, буквальнымъ повтореніемъ свидѣтелями своихъ прежнихъ показаній, осталась, разумѣется все та же. А между тѣмъ, какая разница въ результатахъ! Та же „злая мачиха“ Корнилова, тотъ же „извергъ рода человѣческаго“, безпричинно и безжалостно покусившійся на жизнь несчастнаго ребенка въ глазахъ такихъ же присяжныхъ, такихъ же „судей по совѣсти“, можетъ быть даже нѣсколько менѣе „просвѣщенныхъ“, нежели первые, — утрачиваетъ всѣ свои злодѣйскіе атрибуты, не смотря на неутрачивающійся ужасъ, который продолжаетъ возбуждать самъ по себѣ ея поступокъ.

Въ залѣ суда заранѣе уже чувствуется безмолвная, но ясно всѣми сознаваемая „агитація“ противъ перваго „необдуманнаго и безжалостнаго“ приговора. Не успѣлъ еще совершенно закончить свое заключеніе извѣстный экспертъ-психіатръ, призванный на этотъ разъ въ судъ для того, чтобы высказаться о душевномъ состояніи Корниловой во время совер-

шенія ею преступленія, какъ уже вы заранѣе торжествуете „побѣду милосердія“ въ предстоящемъ вердиктѣ. По прояснившимся лицамъ присяжныхъ засѣдателей, по ихъ выпрямившейся, ободрившейся осанкѣ, вы уже навѣрняка угадываете, что приговоръ о каторгѣ, грозившей не только Корниловой, но и ея ни въ чемъ неповинному грудному младенцу, рожденному ею въ тюрьмѣ, былъ только злымъ кошмаромъ, который сейчасъ разсѣется, распадется отъ одного „заново“ произнесеннаго слова.

Въ ту минуту, когда присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія, въ насъ жила уже твердая увѣренность, что иного приговора, кромѣ оправдательнаго, послѣдовать не можетъ. Если бы не это, то и не страдая даже излишнею чувствительностью, трудно было бы равнодушно глядѣть на подсудимую... Въ ожиданіи рокового звонка и появленія присяжныхъ съ отвѣтомъ на вопросный листъ, она, и безъ того сдержанная и подавленная на судѣ, буквально окаменѣла на своей позорной скамьѣ... Глаза ея, поднятые вверхъ и словно застлавшіеся туманомъ, все время оставались устремленными на одну точку — на икону, висѣвшую противъ нея... Лицо ее оставалось спокойно — въ немъ вы не замѣчали искаженнаго выраженія борьбы страха и надежды; покорности въ этомъ лицѣ было много. Но чисто физическаго волненія организмъ молодой женщины убить въ себѣ не могъ. Подъ сѣрымъ клѣтчатымъ платкомъ, который скрывалъ ея арестантскую серпянку, то и дѣло пробѣгала зловѣщая дрожь, плечи ея судорожно сдвигались, ее било, какъ въ лихорадкѣ.

Это тягостное состояніе „правосудебной агоніи“ къ счастью протянулось недолго. На этотъ разъ присяжные словно заранѣе уговорились быть до конца великодушными. Они не совѣщались и пяти минутъ и вынесли безусловно оправдательный вердиктъ. Среди гробовой тишины, воцарившейся на это мгновенье въ публикѣ, наполнявшей залу суда, простыя, обычныя слова предсѣдательствующаго, обращенныя къ подсудимой: „Вы свободны!“ — произвели потрясающее впечатлѣніе. Казалось внятнымъ для каждаго уха, что это звякнули и упали на полъ тѣ цѣпи, въ которыя заковалъ несчастную женщину первый приговоръ...

Бездонная пропасть лежитъ между двумя этими приговорами—такая пропасть, чрезъ которую излишне было бы пытаться перекинуть какой-либо мостъ, ведущій къ компромиссамъ, къ исканію „золотой середины“. Въ дѣлѣ, подобномъ дѣлу Корниловой, не можетъ быть еще третьяго, серединнаго приговора. Но именно по этому и заслуживаютъ вниманія тѣ причины, тѣ особенности въ процессѣ, которыя могли породить такое различіе въ двухъ приговорахъ, одинаково неподкупныхъ, одинаково искреннихъ, по одному и тому же очень простому и несложному дѣлу.

При вторичномъ разбирательствѣ дѣла Корниловой все вниманіе суда и присяжныхъ было обращено исключительно на вопросъ о нормальности или ненормальности того психическаго состоянія, въ которомъ находилась Корнилова при совершеніи ею преступленія. Въ засѣданіе было приглашено четверо врачей-экспертовъ, изъ которыхъ было двое акушеровъ (Корнилова, если помнятъ читатели, находилась въ состояніи беременности, когда совершила свой поступокъ), одинъ полицейскій врачъ и одинъ извѣстный психіатръ (г. Дюковъ).

За исключеніемъ акушера Флоринскаго, въ практикѣ котораго „не было такихъ случаевъ“ и который по этому „не думалъ, чтобы Корнилова дѣйствовала безсознательно“, всѣ остальные эксперты высказались категорически въ томъ смыслѣ, что судъ имѣетъ дѣло не „съ извергомъ людской природы“, а просто съ душевно-больной, психическая дѣятельность которой была болѣзненно подавлена въ моментъ совершенія преступленія. Особенно вѣски и доказательны были доводы г. Дюкова, который, разобравъ всѣ обстоятельства жизни подсудимой, всѣ стороны ея нравственной природы, пришелъ къ заключенію, что во время своей беременности она находилась въ состояніи „меланхоліи“ и совершила свой поступокъ въ припадкѣ „мрачнаго умоизступленія“.

Итакъ люди науки, люди опыта, спеціалисты дѣла, какъ только для разрѣшенія вопроса понадобилось ихъ содѣйствіе, безъ всякаго колебанія высказали свое сужденіе, въ корень подрѣзавшее прежній приговоръ присяжныхъ.

Теперь спрашивается: какимъ образомъ такой существенный, краеугольный вопросъ, какъ вопросъ о сумашествіи

подсудимой, могъ затереться, могъ остаться не возбужденнымъ вплоть до кассаціонной инстанціи суда?

Новые судебные уставы, давая лицу обвиняемому „всѣ средства къ своему оправданію“, не могли, разумѣется, оставить безъ особеннаго заботливаго вниманія тѣ случаи, гдѣ есть основанія предполагать, что правосудіе имѣетъ дѣло не съ злой волей преступника, а просто съ душевно-больнымъ. Право „возбудить“ вопросъ о ненормальности умственныхъ способностей подсудимаго предоставлено уставами всѣмъ лицамъ и инстанціямъ, чрезъ которыя проходитъ дѣло раньше, чѣмъ оно попадаетъ на судъ присяжныхъ. Судебный слѣдователь, по собственному-ли усмотрѣнію или по чьему-либо указанію, можетъ еще во время предварительнаго слѣдствія потребовать тщательной экспертизы медиковъ-психіатровъ. Затѣмъ дѣло можетъ быть вовсе прекращено окружнымъ судомъ, съ утвержденія судебной палаты, если „состояніе невмѣняемости“ обвиняемаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей при такомъ направленіи дѣла могутъ восходить только случаи совершенно сомнительные, въ которыхъ обвинительная инстанція не признала наличности „состоянія невмѣняемости“. Ничего подобнаго въ дѣлѣ Корниловой не было. Даже защитникъ при первомъ разбирательствѣ не просилъ судъ о вызовѣ экспертовъ, не ставилъ категорически вопроса о болѣзненномъ аффектѣ подсудимой.

Честь возбужденія этого вопроса цѣликомъ принадлежитъ Ѳ. М. Достоевскому, который первый усумнился въ справедливости вердикта присяжныхъ и взялъ несчастную Корнилову подъ свою горячую защиту. И вотъ „сомнѣнье“, которое равнодушно не затаилъ въ себѣ талантливый писатель, а громко и открыто высказалъ для всѣхъ, превратилось въ увѣренность, что Корнилова не извергъ, какимъ мы ее себѣ воображали, а только больная.

Эта простая „догадка“, однако же, не пришла въ голову никому изъ тѣхъ, кому объ этомъ слѣдовало-бы во время „догадаться“.

Въ судѣ во время засѣданія насъ между прочимъ непріятно поразило отношеніе обвинителя къ этой „догадкѣ“, подтвердившейся безусловно заключеніемъ экспертовъ. То-

варищъ прокурора, обвинявшій во второй разъ Корнилову, пускалъ въ ходъ всѣ средства, чтобы „уговорить“ (онъ дѣйствительно уговаривалъ, а не убѣждалъ, такъ какъ не представилъ ни одного мало-мальски серьезнаго довода) присяжныхъ „не вѣрить психіатрамъ, которые уже по своей профессіи склонны видѣть вездѣ сумасшедшихъ“. Горячность, съ которою онъ умолялъ присяжныхъ, оставить безъ вниманія отрезвляющее слово науки и опыта,—къ счастью пришедшее на этотъ разъ не слишкомъ поздно,—признать подсудимую виновною „по крайней мѣрѣ въ покушеніи на убійство въ запальчивости и раздраженіи“, не убѣдила присяжныхъ. Да и мудрено было ею убѣдиться. Тѣ критическіе пріемы, которые пустилъ въ ходъ обвинитель въ своихъ нападеніяхъ на экспертизу, кромѣ того, что обличили полное его незнакомство съ разбираемымъ предметомъ, давали еще полную возможность упрекъ въ „профессіональной пристрастности“, брошенный имъ въ лицо экспертамъ, обратить цѣликомъ противъ него-же самаго.

Не мало удивило насъ также заключительное слово предсѣдателя. Это было цѣлое нападеніе,—и какъ-бы вы думали, на кого? Ѳ. М. Достоевскій, находившійся на этотъ разъ въ публикѣ и внимательно прислушивавшійся къ чтенью процесса, полагаемъ, былъ пораженъ не меньше нашего. Присяжные приглашались „воздерживаться отъ всякаго вліянія на нихъ доводовъ знаменитаго писателя“. По мнѣнью г. предсѣдательствующаго, мало-ли что можетъ такъ-себѣ, на вѣтеръ „взболтнуть знаменитый писатель“; другое дѣло „если-бы его посадили на скамью присяжныхъ, тогда онъ можетъ быть с к а з а л ъ - б ы с о в с ѣ м ъ д р у г о е!“

Это—многознаменательное сужденіе и многознаменательный взглядъ на нравственное достоинство нашей литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей!

Недоумѣваемъ только, къ чему такое приглашеніе могло понадобиться. Законъ, ограждая присяжныхъ отъ всякаго внѣшняго вліянія, очевидно имѣлъ въ виду—удалить ихъ отъ своекорыстныхъ, суетныхъ и праздныхъ мнѣній толпы, могущихъ имѣть пагубное въ интересахъ правосудія вліяніе на безпристрастіе приговора. Но по меньшей мѣрѣ смѣшно и странно было приглашать присяжныхъ „не вѣрить тому,

что можетъ писать знаменитый писатель", когда все, что онъ высказалъ въ печати, безусловно подтвердилось на судебномъ слѣдствіи, подтвердилось на столько, что пожалуй не подними своевременно этотъ „знаменитый писатель" вопроса объ умственномъ состояніи Корниловой, мы такъ бы и остались нѣмыми свидѣтелями „правоубійства".

II.

Страшный грабитель.

Другой случай—звѣрское убійство мальчика съ цѣлью ограбленія въ одной изъ табачныхъ лавочекъ Васильевскаго острова, — представляетъ не меньшую психологическую загадку, чѣмъ дѣло Корниловой. Здѣсь тоже личность тяжкаго преступника производитъ какое-то странное впечатлѣніе. Вы выходите изъ залы суда въ какомъ-то болѣзненномъ душевномъ состояніи, какъ будто только что очнулись отъ гнетущаго кошмара, который мрачною, свинцовою тучею налегъ на васъ во время сна и душилъ васъ...

Вотъ подробности дѣла.

На Васильевскомъ островѣ проживала вдова почетнаго гражданина, старушка Клеменсъ. Она безсемейная, дѣтей у нея нѣтъ, а былъ у нея только пріемышъ воспитанникъ, крестьянскій мальчикъ Муанъ, котораго она каждый день посылала въ школу. Однажды Клеменсъ замѣтила, что у нея изъ комода пропала пачка денегъ, въ которой было около 500 рублей. Дано было знать полиціи и прежде всего принялись розыскивать Муана, который ушелъ съ утра, но въ школу не заглядывалъ и неизвѣстно куда запропастился. Производя розыски мальчика. полиціи, между прочимъ, удалось узнать, что его видѣли въ послѣдній разъ въ табачной лавкѣ, содержимой отставнымъ губернскимъ секретаремъ Смирновымъ. На разспросы полиціи о пребываніи Муана въ его лавкѣ Смирновъ сначала давалъ разнорѣчивыя показанія. Когда же явившійся въ лавку для дознанія околоточный надзиратель взялъ лампу и пошелъ осматривать всѣ темные

закоулки квартиры, Смирновъ бросился въ сосѣднюю комнату и, схвативъ тамъ револьверъ, нанесъ себѣ выстрѣломъ тяжкую рану. Потомъ, обезсилѣвъ, онъ подозвалъ къ себѣ полицейскаго надзирателя, передалъ ему ключъ отъ дровяннаго сарайчика и заявилъ, что мальчикъ убитъ имъ, и что тѣло его спрятано тамъ.

Приступили къ осмотру сарайчика. Въ заднемъ углу на землѣ нашли деревянный ящикъ. Изъ подъ крышки ящика высовывалась наружу дѣтская нога, обутая въ резиновую калошу поверхъ кожаннаго сапога; нога эта оказалась отрубленною нѣсколько выше колѣна. Затѣмъ нашли тутъ же и другую ногу, точно также отрубленную. На днѣ ящика лежало дѣтское туловище, втиснутое съ трудомъ въ ящикъ такимъ образомъ, что голову пришлось согнуть. Поверхъ туловища были сложены разныя ученическія принадлежности Муана: школьный журналъ, жестяной пеналъ и линейка, а подъ тѣломъ убитаго лежалъ свернутый овчинный дѣтскій полушубокъ, мѣстами залитый кровью. При ближайшемъ осмотрѣ изуродованнаго трупа несчастнаго Муана на шеѣ у него оказался туго затянутый поясной ремень, которымъ онъ былъ задушенъ, и тутъ же въ сарайчикѣ былъ найденъ небольшой топорикъ, впрочемъ, безъ слѣдовъ крови, которымъ были отрублены конечности задушеннаго мальчика.

Въ квартирѣ Смирнова за выручкой найдены были 487 руб. ограбленные у Муана, завернутые въ бѣлый носовой платокъ г-жи Клеменсъ.

Не смотря на то, что рана, нанесенная себѣ Смирновымъ выстрѣломъ изъ револьвера, была довольно опасна, онъ однако же скоро оправился и 25 ноября 1881 года предсталъ на судъ присяжныхъ физически совершенно здоровымъ.

Свѣжему человѣку, только-что заглянувшему въ залу суда и незнающему о какомъ преступникѣ идетъ рѣчь, никогда бы не пришло въ голову, взглянувъ на почтительно вытянувшагося передъ присяжными засѣдателями Смирнова, что этотъ скромный, вѣжливый и приличный господинъ и есть тотъ страшный убійца, о звѣрскомъ подвигѣ котораго невозможно слушать безъ содроганія.

Одѣтый въ длинный черный сюртукъ и съ шеей, повязанной бѣлымъ платкомъ, какъ будто у него болитъ горло,

Смирновъ наружностью своею напоминаетъ больше всего какого-нибудь главнаго прикащика солиднаго торговаго дома, который судится „по подозрѣнію“ хозяина въ растратѣ, въ которой, впрочемъ, онъ не признаетъ себя виновнымъ.

Таково первое впечатлѣніе, которое производитъ подсудимый своей манерой держать себя на судѣ. Но это только какой-то странный, непостижимый для васъ самихъ обманъ зрѣнья... По мѣрѣ того, какъ вы начинаете вслушиваться въ мягкую, отчетливую, плавную дикцію подсудимаго, по мѣрѣ, того, какъ вы начинаете ловить смыслъ и содержаніе его рѣчей, васъ начинаетъ бить лихорадка, вами овладѣваетъ какой-то смертельный ужасъ..

Рѣчь идетъ о ногѣ, которую онъ отрѣзалъ, о шеѣ мальчика, которую онъ затянулъ ремнемъ, а голосъ исповѣдывающагося не перестаетъ звучать мягко, плавно, даже какъ-то слащаво... Тогда съ невольнымъ страхомъ и любопытствомъ вы проталкиваетесь ближе къ скамьѣ, на которой сидитъ этотъ непостижимый для васъ уродъ нравственной природы и тутъ-то при тщательномъ ближайшемъ наблюденіи выраженія лица подсудимаго, вы какъ-будто начинаете догадываться, съ кѣмъ имѣете дѣло...

Смирновъ плотный мужчина лѣтъ сорока; окладистая бородка и усы у него темнорусые, а густые, подстриженные волосы на головѣ почти совсѣмъ сѣдые. Лицо у него обрюзглое, полное, съ расплывающимися, грубыми чертами лица; но что всего въ немъ непріятнѣе, это—цвѣтъ лица и выраженіе глазъ. Кожа на его лицѣ какого-то землистаго, сѣраго цвѣта, а глаза—выраженіе ихъ вы не можете уловить, ихъ взгляда вы не можете поймать, хотя они вовсе и не бѣгаютъ изъ стороны въ сторону.

Исповѣдь подсудимаго пространна, обстоятельна, даже слишкомъ обстоятельна. Съ какою-то художественною объективностью, какъ будто бы онъ былъ только случайнымъ свидѣтелемъ звѣрскаго происшествія, разсказываетъ онъ о своемъ убійствѣ со всевозможными подробностями, оттѣняетъ всѣ детали.

— Я,—разсказывалъ о себѣ Смирновъ,—не имѣлъ страсти къ деньгамъ и велъ жизнь совершенно аскетическую, не пилъ вина, не курилъ табаку, не игралъ въ карты, избѣ-

галъ общества и ни съ кѣмъ не заводилъ знакомства. Лѣтъ пять назадъ я оставилъ свой домъ, имущество и деньги и поступилъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, думалъ—здѣсь лучше можно спасти свою душу. Здѣсь я велъ иноческую жизнь, безвозмездно ухаживалъ за больными, бѣдными странниками и затѣмъ былъ помощникомъ смотрителя больницы, а также завѣдывалъ больничною библіотекою. Я страдаю болѣзнью, которую доктора называютъ импотенціею, и питаюсь весьма скудною пищей...

— Почему вы разошлись съ женой?—предлагалъ ему дальнѣйшія вопросы предсѣдатель суда.

— А именно вслѣдствіе этой моей болѣзни; впрочемъ, я больше объ этомъ не желаю говорить ничего...

— А съ Вильгельминою Люнбернъ вы вѣдь жили?

— Я жилъ вмѣстѣ, но не какъ любовникъ съ любовницей, хотя мы спали въ одной комнатѣ и даже на одной кровати, но у нея былъ женихъ, и я не могъ...

Затѣмъ шелъ допросъ о самомъ убійствѣ, о мотивахъ его.

— Скажите, почему вы захотѣли завладѣть деньгами Муана, и почему прибѣгли къ такому средству?..—спрашиваетъ предсѣдатель Смирнова.

— Вотъ это и для меня вопросъ,—неудомѣвающе разводитъ подсудимый руками, и тономъ простого любопытства, спокойно добавляетъ—это-то я и желалъ бы разъяснить, такъ какъ самъ рѣшительно не понимаю. И вслѣдъ затѣмъ, на предложеніе разсказать обстоятельства дѣла, онъ ведетъ длинный разсказъ.

Муанъ вмѣстѣ съ другими мальчиками своего училища часто заходилъ къ нему въ лавку покупать разныя письменныя принадлежности. Разъ, это было еще 1 ноября прошлаго года, Муанъ прибѣжалъ къ нему въ лавку въ 9 часовъ утра и просилъ продать ему револьверъ, который онъ уже раньше видѣлъ въ лавкѣ подъ сукномъ. Револьверъ этотъ былъ заряженъ, и Смирновъ держалъ его для собственной безопасности. Онъ отвѣчалъ мальчику, что револьвера ему не продастъ и, чтобы отдѣлаться отъ него, сказалъ, что револьверъ Муану не по карману, что онъ стоитъ 50 рублей. У мальчика глаза разгорѣлись.

— Я могу купить, у меня денегъ куча, всѣ отдамъ!—и Муанъ дѣйствительно вытащилъ изъ кармана полушубка бѣлый платочекъ, въ которомъ была завернута цѣлая кучка кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ у меня разомъ явилась мысль,—разсказывалъ на на судѣ Смирновъ,—зачѣмъ мальчику столько денегъ? я и подумалъ: надо отнять ихъ!..

— Почему же, если вамъ пришла такая мысль въ голову, вы не воспользовались предложеніемъ Муана купить у васъ револьверъ и не выманили у него всѣхъ денегъ? Онъ, вѣроятно, охотно согласился бы,—спрашивалъ Смирнова предсѣдатель.

— О! навѣрно согласился бы. Про мальчика говорятъ, что онъ былъ бойкій; дѣйствительно, физически онъ былъ расторопный, бойкій, но онъ былъ туповатъ... Мнѣ было ничего не стоило взять за револьверъ всѣ деньги. Но этой мысли у меня не было въ головѣ, я только рѣшилъ про себя: надо отнять у него деньги, а какъ это сдѣлать еще, не зналъ...

Часа въ три въ тотъ же день на возвратномъ пути изъ школы мальчикъ опять забѣжалъ въ лавку къ Смирнову.

— Я тутъ сталъ его ласкать,—продолжалъ свой разсказъ Смирновъ,—и сталъ одѣваться, чтобы идти съ нимъ гулять, а про себя думалъ: „на дорогѣ гдѣ-нибудь вытащу“. Пошли мы съ Васильевскаго острова на Невскій: онъ въ своемъ худомъ полушубочкѣ, а я въ мѣховомъ пальто — идемъ, у магазиновъ останавливаемся, въ окна смотримъ. У меня все мысль въ головѣ: „отнять надо, а какъ отнять?..“ Зашли мы въ Пассажъ, походили внизу, потомъ поднялись и на верхнюю галлерею. Повелъ я моего мальчика въ музей Гаснера, здѣсь, думаю, за толпой какъ разъ удастся вытащить деньги.. Однако, я не вытащилъ; пошелъ въ „секретный кабинетъ“, куда малолѣтнихъ не пускаютъ, сталъ разсматривать фигуры разныя, да и позабылъ вовсе о мальчикѣ и объ деньгахъ. Выхожу оттуда, а онъ у дверей: „я васъ, говоритъ, дяденька, дожидаюсь!“ Оттуда мы пошли въ Гостинный дворъ, надо, думаю себѣ, удовольствіе мальчику сдѣлать, пистолетъ купить. Зашли, купили маленькій пистолетъ и безъ патроновъ... Потомъ сталъ я его водить по разнымъ

улицамъ и зашелъ куда-то въ кабакъ. Отродясь я и капли вина въ ротъ не бралъ, а тутъ выпилъ на 20 к.; и про себя думаю: „такъ надо, для смѣлости всегда выпить нужно!..“ Выпивши, у меня въ головѣ эта мысль какъ-то быстрѣе заходила: „что-жъ, деньги отнять-то, вѣдь, нужно?..“ Тутъ я мальчика съ собою въ санки посадилъ, извозчику приказываю: на Васильевскій островъ... Пріѣзжаемъ ко мнѣ на квартиру, дѣло уже къ вечеру идетъ... Мальчикъ запросился выдти, я его повелъ. А у меня на лѣстницѣ двѣ дверцы рядомъ: одна въ сортиръ, другая въ дровяной сарайчикъ... Я его вмѣсто сортира въ сарайчикъ завелъ... Тутъ какъ все случилось, ужъ не могу и разсказать... На предварительномъ слѣдствіи я показывалъ, будто одной рукой схватилъ его за спину, а другой зажалъ ротъ, чтобы онъ кричать не могъ... Это – неестественно: если обѣ руки были заняты, какъ же я могъ снять съ себя поясъ и на шею ему накинуть, а вѣдь я его задушилъ... Такъ я съ нимъ и покончилъ, и деньги взялъ...

Затѣмъ, на вопросы о томъ, когда онъ отрубилъ мальчику ноги и уложилъ его трупъ въ ящикъ, онъ продолжалъ.

— Это ужъ было нѣсколько спустя: зашелъ я въ сарайчикъ, луна ярко такъ свѣтитъ, мальчикъ мертвый лежитъ... Какъ я тутъ его замѣтилъ и не помню, одно помнилъ: „спрятать надо!..“

Затѣмъ Смирновъ также подробно разсказывалъ о своемъ душевномъ состояніи послѣ убійства.

— Послѣ этого всего на меня какая-то безчувственность напала: ни объ чемъ мысли нѣтъ въ головѣ... Только зудъ у меня пошелъ по всему тѣлу, такъ вотъ все и чешется... Я подумалъ: въ баню схожу, пройдетъ... Пошелъ въ баню, взялъ особенный номеръ, а что тамъ дѣлалъ, не помню, только вышелъ я изъ бани совсѣмъ съ сухой головой.

— На другое утро,—продолжалъ Смирновъ,—это было, въ воскресенье, захожу я въ сарайчикъ—нога мальчика торчитъ... Тутъ я не то что вспомнилъ, памяти у меня объ этомъ не было, а сообразилъ: „убитъ мальчикъ, значитъ я его убилъ!“ Чтобы жильцы не пришли въ сарай, я самъ имъ дровъ принесъ: „топите, говорю, у васъ все будто холодно“.

— Потомъ я въ церковь ходилъ, думалъ во всемъ свя-

щеннику открыться, покаяться въ грѣхѣ. Народу въ церкви было много, я стоялъ, клалъ земные поклоны, но духу во всѣмъ открыться у меня не хватало... И страхъ меня и стыдъ стали одолѣвать. Потомъ у меня явилось презрѣніе и ненависть къ себѣ: „за что я мальчика убилъ?“ Тутъ явилась полиція, я и выстрѣлилъ въ себя, думалъ на мѣстѣ уложить...

Затѣмъ изъ объясненій подсудимаго выяснилось еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Такъ, напримѣръ, на судѣ, когда рѣчь зашла о платкѣ, въ которомъ были завернуты деньги, подсудимый неожиданнымъ заявленіемъ потрясъ всю залу.

— Да вотъ у меня на шеѣ бѣлый платочекъ; это вѣдь тоже память мальчика, я у него должно быть съ шеи сорвалъ. При мнѣ этотъ платочекъ остался; я его сюда и надѣлъ вмѣсто галстуха...

Платокъ этотъ тутъ же былъ отобранъ судомъ и пріобщенъ къ числу „вещественныхъ доказательствъ“.

На вопросы предсѣдателя, страдалъ ли онъ раньше припадками умоизступленія или безпамятства, подсудимый отвѣчалъ:

— Нѣтъ, никогда, и если все это случилось отъ безпамятства, не понимаю отъ какой причины...

Затѣмъ на судѣ шла рѣчь о какомъ-то вареньи съ примѣсью дурмана, нѣсколько банокъ котораго было найдено въ квартирѣ Смирнова. Этимъ вареньемъ чуть не отравились городовые, арестовавшіе Смирнова. По словамъ подсудимаго, задолго до убійства Муана, въ квартирѣ Смирнова проживалъ студентъ-медикъ. Проживъ самое короткое время, этотъ студентъ ушелъ отъ него и послѣ него въ квартирѣ остались: книга „о спиритизмѣ“ и большая банка какого-то варенья; книгу эту подсудимый сжегъ, а варенье разложилъ въ двѣ банки и оставилъ у себя. Варенья этого онъ раньше не пробовалъ, а перваго ноября утромъ, передъ приходомъ Муана съѣлъ нѣсколько ложекъ съ чаемъ. На этомъ обстоятельствѣ подсудимый особенно не настаивалъ.

— Впрочемъ, можетъ быть, я ѣлъ это варенье и не въ самый тотъ день, и если ѣлъ, то самую малость... Что затмѣніе на меня нашло, это я понимаю отлично, но отъ какой причины это случилось, вотъ этого-то и я объяснить не могу.

Хотя почти всѣ свидѣтели были уже допрошены и судебное слѣдствіе подвигалось къ концу, судъ однако же не нашелъ возможнымъ обойтись на этотъ разъ безъ психіатровъ-экспертовъ, которые могли-бы дать болѣе или менѣе точное заключеніе о психическомъ состояніи Смирнова въ моментъ совершенія имъ звѣрскаго убійства.

Судъ прекратилъ свое засѣданіе и постановилъ: дополнить слѣдствіе нужными свидѣтелями и экспертами, а обвиняемаго отдать въ больницу для душевнобольныхъ *) на испытаніе.

III.

Мальчикъ-отцеубійца.

Въ одномъ изъ самыхъ тихихъ угловъ Петербурга, — въ той части его, которая почему-то называется Коломною, — жилъ крестьянинъ Николай Семеновъ. Человѣкъ онъ, по увѣренію всѣхъ знакомыхъ и жившихъ у него работниковъ, былъ хорошій. со всѣми обращался вѣжливо, добродушно и никогда почти не дрался — развѣ подъ пьяную руку. Впрочемъ и запивалъ онъ рѣдко, — разъ или два въ мѣсяцъ, — такъ что пьяницей, вообще говоря. не былъ. Хозяйство у него шло недурно: онъ занимался извознымъ дѣломъ, держалъ нѣсколько экипажей и девять лошадей; словомъ, Семеновъ былъ человѣкъ степенный, достаточный и не имѣлъ бы никакихъ причинъ жаловаться на судьбу, еслибъ не жена и дѣти, которые сильно его огорчали. Жена его, съ которою онъ повѣнчался, когда ей еще и шестнадцати лѣтъ не было, сначала вела себя „какъ слѣдуетъ“, а потомъ вдругъ „стала пить и гулять“; въ послѣднее же время дошла до того, что напивалась каждый день и по нѣскольку ночей кряду не ночевала дома, несмотря на то, что прожила съ мужемъ уже пятнадцать лѣтъ и имѣла отъ него трехъ сыновей, изъ которыхъ младшему было два или три года.

Не особенно радовалъ Семенова и старшій сынъ, тринад-

*) Надо полагать, что Смирновъ былъ признанъ дѣйствительно безумнымъ, такъ какъ дѣло о немъ было прекращено.

пятилѣтній Миша. Не то, чтобы онъ очень „баловался“, но очень ужъ сильно пристрастился къ чтенію и не любилъ, когда его отрывали отъ книжки. Между тѣмъ въ домѣ было много работы, которая лежала на Мишѣ: кухарки у нихъ не было, мать вѣчно гуляетъ, самъ хозяинъ занятъ своимъ дѣломъ; надо же было кому-нибудь и обѣдъ приготовить, и печку истопить, и комнату убрать. Все это лежало на обязанности Миши. Онъ все это и дѣлалъ, но не очень-то охотно и не такъ скоро, какъ это было желательно, и иногда запаздывалъ съ обѣдомъ или ужиномъ; если же отецъ пошлетъ его конюшню подмести или лошадь почистить, когда работника дома не случится, то онъ и совсѣмъ отказывался: эта работа казалась ему ужъ слишкомъ „грязной“. Мишѣ приходилось подвергаться побоямъ, но нельзя сказать, чтобы отецъ вообще былъ жестокъ съ нимъ или преслѣдовалъ его за любовь къ книжкамъ. Напротивъ, онъ самъ отдалъ Мишу „въ пансіонъ“, когда тому было семь лѣтъ, и взялъ его оттуда только черезъ четыре года, такъ какъ находилъ, что мальчикъ хотя и не кончилъ курса, но достаточно подучился; „не все же учиться,—нужно и отцу помогать“.

Такъ разсуждалъ отецъ, которому казалось, что онъ любитъ своихъ дѣтей и дѣлаетъ для нихъ все, что можетъ. Такъ разсуждали и всѣ родные и знакомые. Но не такъ разсуждалъ сынъ, у котораго уже въ тринадцать лѣтъ отъ роду сложились другія требованія къ жизни, другіе взгляды и на самого себя, и на окружающую среду. Оказалось, что отецъ и сынъ не понимали другъ друга. Они жили хотя и въ одной обстановкѣ, но въ разныхъ условіяхъ; по крайней мѣрѣ для Миши эти условія сложились такимъ образомъ, что онъ не могъ понимать своихъ родныхъ, если же и понималъ, то слишкомъ мало, а они его—еще меньше.

Прежде всего натура Миши была не изъ такихъ, чтобы довольствоваться той скромной обстановкой, въ которой ему приходилось вращаться. Преобладающею чертою его характера было громадное, до болѣзненности развитое самолюбіе. Знакомые отца называли Мишу „гордымъ“, такъ какъ при встрѣчѣ онъ „никогда шапки не сниметъ“. Но Миша дѣлалъ это „не изъ за дерзости“: онъ просто считалъ, что не всякій знакомый его отца долженъ быть непремѣнно и его знако-

мымъ, и потому онъ дѣйствительно не кланялся такимъ лицамъ, которыя хотя и приходили къ его отцу, но съ нимъ, Мишей, никогда и двухъ словъ не говорили. Если же встрѣчался съ тѣми, кого онъ самъ считалъ своими знакомыми, то всегда раскланивался и здоровался: онъ „знаетъ и понимаетъ вѣжливость“. Но самолюбіе его не останавливалось на этомъ мелочномъ желаніи самостоятельности относительно знакомыхъ. Оно, главнымъ образомъ, направлено было на другое: ему хотѣлось стать выше своей среды, выше того, что онъ видѣлъ въ отцѣ, матери, родныхъ и знакомыхъ; ему „хотѣлось быть образованнымъ человѣкомъ“. Это желаніе обратилось у него въ настоящую страсть. Онъ готовъ былъ сдѣлать что угодно, чтобы выбиться изъ своей обстановки. Оставаться тѣмъ, что онъ есть, быть современемъ „не больше какъ извощикомъ“ — ему казалось просто „страшнымъ“. Страстное желаніе выбиться на другую дорогу поддерживалось въ немъ чтеніемъ книгъ — преимущественно романовъ и повѣстей, а также „Петербургской Газеты“, въ которой онъ читалъ изъ номера въ номеръ рѣшительно все: и романы, и анекдоты, и разсужденія, и судебную хронику. Но все это его не удовлетворяло, а чувство неудовлетворенія развило въ немъ сильную мечтательность: онъ сталъ воображать себя какимъ-то угнетеннымъ, преслѣдуемымъ, чѣмъ-то вродѣ непризнаннаго генія, загубленной силой.

Онъ почувствовалъ себя несчастнымъ, сталъ отыскивать причины несчастія и „нашелъ ихъ прежде всего въ своихъ родныхъ“. Всякое ихъ слово, всякое ихъ дѣйствіе по отношенію къ себѣ онъ сталъ объяснять по-своему и приходилъ всегда къ одному выводу—что они „сознательно губятъ“ его, мѣшаютъ ему развить свои силы, не позволяютъ ему учиться и продолжать образованіе. Все это онъ „преимущественно видѣлъ въ отцѣ“. Мать—та постоянно пьяна, рѣдко бываетъ дома и въ сущности никому и ничему не мѣшаетъ; но отецъ не то, — „отецъ прямо притѣсняетъ“ его: ему нужно читать, нужно учиться, а тотъ заставляетъ его топить печку, варить кашу, и даже бьетъ его, когда застанетъ за книгой, а обѣдъ не готовъ. Нѣтъ, отъ этого нужно отдѣлаться во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило!

Такія или подобныя этимъ мысли часто приходили въ го-

лову Мишѣ. Съ особенною силою онѣ разыгрались въ ночь съ 6-го на 7-е іюля 1882 года. Это была очень тяжелая ночь. Мать за три дня передъ этимъ ушла изъ дома и не возвращалась. Отецъ „все злился“ и придирался къ сыну. Онъ нѣсколько разъ посылалъ его на поиски за матерью и ругался, за то, что тотъ не находилъ ея Часовъ въ десять сѣли наконецъ ужинать На столъ накрывалъ Миша Потомъ стали ложиться Постели стлалъ опять Миша. Всѣ улеглись и скоро заснули.

Но Мишѣ не спалось; онъ вертѣлся съ боку на бокъ и, все мучили его „мысли о своей судьбѣ“. Такъ прошло часа три. И вотъ, наэкзальтированный своими думами, а можетъ быть и какимъ-нибудь романомъ, онъ додумался до страшной мысли — до „необходимости убить отца“ и такимъ образомъ навсегда отъ него отдѣлаться. Соображалъ-ли онъ въ это время, что послѣ этого ему уже нечего будетъ и думать объ осуществленіи своихъ мечтаній, разсчитывалъ-ли скрыть преступленіе, надѣялся-ли на оправданіе или думалъ, что лучше каторга, чѣмъ такая жизнь, какую онъ велъ, — неизвѣстно. Объ этомъ онъ и самъ ничего не могъ сказать. Онъ знаетъ только, что часа два или три тому назадъ ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ когда нибудь „это“ сдѣлать; эта мысль ему пришла совершенно внезапно и онъ сразу рѣшился привести ее въ исполненіе.

Убѣдившись, что отецъ спитъ, онъ взялъ топоръ, подошелъ и „ударилъ отца по шеѣ“, и такъ сильно, что тотъ только и успѣлъ, что крикнуть караулъ, а затѣмъ сейчасъ же, какъ разсказывалъ шестилѣтній братъ Миши, Сережа, „окачурился на колѣни“ и умеръ. Въ три часа ночи Миша разбудилъ рабочаго Новикова и пошелъ съ нимъ искать мать, но не отыскалъ и черезъ часъ вернулся домой и опять легъ, раздумывая, что дѣлать. Онъ рѣшилъ, что на другой же день, какъ только явится полиція и преступленіе будетъ открыто, ему надо во всемъ сознаться: „будь что будетъ“. Но онъ не сдѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ.

Одно очень странное обстоятельство заставило его передумать: когда явился полицейскій врачъ, то выругалъ всѣхъ дураками и сказалъ, что никакого убійства здѣсь нѣтъ и его только даромъ безпокоили: смерть-де Николая Семенова естественная и произошла отъ разрыва сосудовъ (а человѣкъ

былъ убитъ топоромъ и на шеѣ видна была широкая рана). Услышавши это, Миша „рѣшилъ не сознаваться“, и когда частный приставъ началъ было подозрѣвать его, то онъ разгорячился, говорилъ, что противъ него „никакихъ доказательствъ нѣтъ“, что арестовать его не смѣютъ и что онъ будетъ жаловаться. Но когда онъ услышалъ разсказъ брата своего Сережи, который не спалъ и все видѣлъ, то сознался во всемъ.

Его судили. Масса публики съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за каждымъ его словомъ. Всѣхъ (кромѣ, кажется, защитника подсудимаго) интересовалъ вопросъ о мотивахъ преступленія. Словамъ Миши о стремленіи его къ образованію никто не вѣрилъ: всѣмъ хотѣлось услышать что-нибудь другое; публика ожидала услышать что-нибудь о „постороннемъ вліяніи“, но ничего подобнаго сказано не было. Самъ же мальчикъ твердилъ одно, что ему „не давали возможности продолжать образованіе“.

Говорилъ онъ бойко, довольно логично и связно, весьма ловко оспаривая нѣкоторыхъ свидѣтелей и даже товарища прокурора. Напримѣръ, когда послѣдній въ своей рѣчи выразился такъ: „я не знаю, зачѣмъ ему (Мишѣ) нужно было образованіе“? то Миша отвѣчалъ ему въ своемъ послѣднемъ словѣ: „странно такъ говорить: зачѣмъ образованіе? Неужели же всѣмъ оставаться необразованными? Зачѣмъ самъ прокуроръ образовывался?“

Стороны главнымъ образомъ спорили о томъ, съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія дѣйствовалъ подсудимый, причемъ товарищъ прокурора объяснялъ присяжнымъ, что если они не признаютъ разумѣнія, то это будетъ равносильно оправданію; защитникъ, проводя аналогію о несовершеннолѣтнихъ по гражданскимъ законамъ, доказывалъ, что разумѣнія не было.

Присяжные однако признали „разумѣніе“, и судъ приговорилъ Мишу къ ссылкѣ на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

IV.

Замѣчательный подсудимый.

— У меня было нѣсколько званій, хотя я происхожденія дворянскаго. Я получилъ домашнее образованіе, готовился для поступленія въ петербургскій университетъ, но поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ кончилъ курсъ и состоялъ въ клиникѣ два года. Оттуда за буйство я былъ уволенъ; затѣмъ, занимаясь медициною, былъ военнымъ врачемъ, но по Высочайшему повелѣнію былъ за какой-то проступокъ разжалованъ въ солдаты. Затѣмъ, нѣсколько разъ я былъ пожалованъ, разжалованъ и, наконецъ, сосланъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Служилъ я послѣ того фельдшеромъ, канцелярскимъ служителемъ и, наконецъ, былъ приписанъ къ крестьянскому сословію.

Такъ началъ свою исповѣдь на судѣ крестьянинъ Тобольской губерніи, Генрихъ Запольскій, судившійся 4 іюня 1883 года одесскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Запольскій обвинялся въ цѣломъ рядѣ преступленій, въ которомъ первое мѣсто занимали подлогъ и мошенничества.

До 1870 года Запольскій, приписанный къ крестьянскому сословію, проживалъ въ Сибири и только къ концу этого года онъ, получивъ разрѣшеніе удалиться изъ мѣста приписки, перекочевалъ въ Европейскую Россію.

Прежде всего онъ направился въ Одессу, гдѣ и прожилъ безвыѣздно около трехъ лѣтъ. Въ первый годъ своего пребыванія въ Одессѣ Запольскій жилъ честнымъ трудомъ, снискивая себѣ средства къ жизни письменными занятіями, сначала въ полицейскомъ участкѣ у мѣстнаго околоточнаго надзирателя а потомъ у судебнаго слѣдователя Кривцова. Этотъ послѣдній пригласилъ его къ себѣ для занятій послѣ слѣдующаго случая. бывшаго первымъ поводомъ знакомства между ними. Однажды судебный слѣдователь Кривцовъ командировалъ состоявшаго при немъ кандидата на судебныя должности Петрова, вмѣстѣ съ городовымъ Розеномъ, про-

извести разслѣдованіе какого-то происшествія, только что случившагося въ гавани. Возвратившись оттуда, Петровъ и Розенъ сообщили Кривцову, что въ гавани они открыли „замѣчательную личность“, нѣкоего Запольскаго, служащаго письмоводителемъ у околоточнаго надзирателя, который поразилъ ихъ тѣмъ, что попросилъ позволить ему составить судебно-медицинскій актъ, и составилъ этотъ актъ такъ, что дай Богъ всякому врачу такъ составлять судебно-медицинскіе акты.

Судебный слѣдователь Кривцовъ настолько заинтересовался загадочною личностью Запольскаго, что въ тотъ же день пригласилъ его къ себѣ, желая съ нимъ поближе познакомиться. Встрѣтивъ такой радушный пріемъ у слѣдователя, Запольскій безъ утайки разсказалъ ему грустную повѣсть своихъ скитаній и этимъ успѣлъ возбудить къ себѣ сочувствіе какъ самого Кривцова, такъ и его знакомыхъ. Судебный слѣдователь предоставилъ Запольскому писать въ своей камерѣ различныя копіи и бумаги для потерпѣвшихъ лицъ и затѣмъ пристроилъ его къ слѣдственному участку, гдѣ онъ получилъ постоянныя занятія письмоводствомъ.

Въ теченіе своей службы у слѣдователя Запольскому не разъ приходилось зарекомендовать себя отличнымъ врачемъ. Такъ, однажды, когда доктору Левензону пришлось произвести химико-микроскопическое изслѣдованіе прямой кишки, Запольскій помогалъ ему и просилъ его позволить ему самому это сдѣлать и сдѣлалъ такъ хорошо, что всѣ присутствующіе были въ восторгѣ. Какъ человѣкъ, нравственными качествами своего характера, Запольскій также производилъ на своихъ знакомыхъ самое благопріятное для себя впечатлѣніе. Но не долго продолжалось его мирное существованіе въ качествѣ вѣчнаго труженика-писца и случайнаго спеціалиста-врача.

Въ концѣ 1874 года Запольскій задумалъ выбиться изъ полунищенскаго, бездольнаго существованія переписчика полицейскихъ бумагъ и избралъ для этого единственный оставшійся ему путь—путь преступленія. Будучи лишенъ всѣхъ правъ, а слѣдовательно и званія врача, онъ не могъ практиковать, не могъ зарабатывать себѣ средства къ существованію медицинской профессіей. Съ цѣлью „возвратить себѣ

права доктора", онъ задумалъ прибѣгнуть къ подлогу. Онъ составилъ „подложную копію съ мнѣнія государственнаго совѣта" о возвращеніи ему, Запольскому, правъ лекаря, приложивъ къ ней печать „западнаго военнаго сибирскаго округа", сфабрикованную по его заказу какимъ-то неразысканнымъ крестьяниномъ Петромъ Ивановымъ, и затѣмъ прислалъ по почтѣ эту копію вмѣстѣ съ написаннымъ имъ же подложнымъ письмомъ къ одесскому градоначальнику отъ имени генералъ-адъютанта Хрущева. Пообождавъ нѣсколько дней (пакетъ онъ опустилъ въ почтовый ящикъ на одной изъ станцій одесской желѣзной дороги), онъ явился въ канцелярію градоначальника, гдѣ ему и выдали этотъ „документъ".

„Документъ" этотъ, который занимаетъ слишкомъ много мѣста, чтобы приводить его здѣсь цѣликомъ, представляется во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени любопытнымъ. Запольскій мало того, что обнаружилъ въ немъ полное знаніе канцелярскихъ тонкостей и общаго порядка дѣлопроизводства, съумѣлъ еще общимъ тономъ его и удачнымъ распредѣленіемъ своего біографическаго матеріала, частію дѣйствительнаго, частію измышленнаго, произвести этимъ документомъ впечатлѣніе полнѣйшей достовѣрности и дѣйствительности. Много военныхъ подвиговъ приписывалъ себѣ Запольскій на Кавказѣ, во время венгерской кампаніи и въ другихъ сраженіяхъ и рядомъ упомянулъ и о причинахъ разжалованія и лишенія правъ. По этому документу выходило, что Запольскій въ первый разъ былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго достоинства въ 1850 году, за то, что въ Валахіи онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ „убилъ въ дракѣ двухъ бояръ г. Бухареста" и кромѣ того „разбилъ кофейню и сопротивлялся турецкому обходу". Затѣмъ на Кавказѣ онъ будто-бы дослужился до фельдфебеля, но вскорѣ былъ опять разжалованъ за грубый отвѣтъ передъ баталіономъ командиру его, полковнику Бабушкину. Затѣмъ „для разрыва сообщества съ офицерами того баталіона и знакомства съ гражданами г. Житоміра, сочувствовавшими его положенію", онъ будто-бы былъ переведенъ въ 1856 году въ кіевскій гарнизонный баталіонъ. Здѣсь „за написаніе стиховъ съ употребленіемъ ругательствъ самыхъ не-

позволительныхъ о командирѣ житомірскаго баталіона и окружномъ генералѣ 7-ого округа внутренней стражи",—какъ гласитъ подложная копія съ мнѣнія государственнаго совѣта,—Запольскій былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе. Затѣмъ, въ видѣ противувѣса, въ документѣ слѣдовало исчисленіе всѣхъ „заслугъ Запольскаго" и опредѣленіе, что по ходатайству генералъ-губернатора Западной Сибири ему разрѣшено поступить въ гражданскую службу. „Вслѣдствіе этого,—значилось въ подложномъ документѣ,—Запольскій и обратился со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о возвратѣ ему диплома на врача и правъ медика, коихъ онъ лишенъ не за проступокъ по медицинѣ". Въ заключеніе слѣдовало—„мнѣніе государственнаго совѣта", Высочайше утвержденное 2 января 1872 года собственноручною надписью: „совершенно согласенъ;—по прибытіи врача Запольскаго въ Петербургъ представить ко Мнѣ".

Надо замѣтить, что, составляя подложный документъ о возстановленіи своихъ правъ состоянія, Запольскій вовсе не проявилъ чрезмѣрной притязательности. Въ документѣ значилось, что „по соображенію всего вышеизложеннаго, государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: Тобольскому городовому крестьянину Генриху Запольскому возвратить права военнаго врача 9-аго класса, но съ ограниченіями". Ограниченія эти заключались прежде всего въ томъ, что возвращеніе правъ слѣдовало считать „только въ медицинскомъ отношеніи", но и здѣсь возстановленіе правъ не должно было понимать „въ смыслѣ возвращенія чиновъ". Въ случаѣ неявки Запольскаго къ мѣсту служенія, документъ выговаривалъ ему „право считаться вольно-практикующимъ врачемъ".

Запасшись въ канцеляріи одесскаго градоначальника этою „копіею съ мнѣнія государственнаго совѣта" своего собственнаго издѣлія, Запольскій чуть-ли и самъ не увѣровалъ въ ея подлинность.

Не медля ни одной минуты, онъ прежде всѣхъ показалъ бумагу судебному слѣдователю Кривцову, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, разсказалъ, что его пригласилъ къ себѣ градоначальникъ, который вручилъ ему этотъ документъ и заявилъ, что онъ помилованъ, и ему возвращены всѣ права; что это помилованіе послѣдовало вслѣдствіе по-

кровительства, которымъ онъ пользуется у генералъ-губернатора Хрущева.

Кривцовъ искренно порадовался радости Запольскаго и поздравилъ его

Нѣсколько дней спустя, Запольскій сталъ расхаживать по Одессѣ въ формѣ военнаго врача. Къ этому же времени относятся его продѣлки съ нѣсколькими извѣстными въ Одессѣ лицами, у которыхъ обманомъ онъ сталъ выманивать деньги.

При этомъ онъ пустилъ въ ходъ тотъ-же маневръ, какой ему отлично удался передъ тѣмъ въ дѣлѣ подложнаго документа. Письма отъ имени генералъ-губернатора Хрущева онъ пересылалъ по почтѣ, а затѣмъ нѣсколько дней спустя являлся за ихъ полученіемъ. Въ этихъ письмахъ мнимый Хрущевъ называлъ Запольскаго сыномъ „незабвеннаго друга генерала Запольскаго“ и просилъ ссудить его деньгами для проѣзда въ Петербургъ. За полученіемъ денегъ Запольскій не замедливалъ являться въ формѣ военнаго медика, выдавая себя за protege генералъ-губернатора Хрущева. Такимъ способомъ Запольскому удалось получить отъ одесскаго городского головы г. Маразли 300 рублей и отъ директора русскаго общества пароходства и торговли, контръ-адмирала Чихачева — 150 рублей. Въ обоихъ случаяхъ онъ выдалъ росписки въ полученіи, на которыхъ подписался: „врачъ Запольскій“.

Въ Одессѣ случилось Запольскому заболѣть, и онъ долженъ былъ слечь въ больницу Здѣсь онъ близко сошелся съ ординаторомъ больницы Кондратовичемъ, который, узнавъ его біографію, принялъ въ немъ живое участіе, какъ въ товарищѣ по профессіи.

Когда Запольскій сталъ уже поправляться, докторъ Кондратовичъ получилъ отъ нѣкоего Александра Кондратовича, служащаго прокуроромъ въ Сибири, письмо, съ просьбою помочь Запольскому выѣхать въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого Кондратовичъ далъ Запольскому 60 руб. и просилъ изъ нихъ 25 руб. передать члену петербургскаго окружнаго суда Гречищеву.

По выходѣ изъ больницы, Запольскій рѣшился уѣхать изъ Одессы. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ судебному

слѣдователю Кривцову проститься и объявилъ, что онъ получилъ мѣсто врача въ отъѣздъ. Кривцовъ пожелалъ ему всего лучшаго, нисколько не сомнѣваясь въ справедливости его словъ.

Уѣхавъ изъ Одессы, Запольскій перебывалъ во многихъ городахъ Россіи. Тѣмъ-же способомъ ему удалось выманить деньги въ Смоленскѣ, Полтавѣ, Нѣжинѣ и, наконецъ, въ Кіевѣ, гдѣ онъ и былъ задержанъ.

На судѣ въ Одессѣ Запольскій, человѣкъ уже пожилой, почти старикъ, самъ велъ свою защиту, и притомъ съ искусствомъ опытнаго адвоката.

— Я вполнѣ соглашаюсь съ рѣчью г. прокурора, — началъ онъ свою защиту, — я не могу ей противорѣчить... Но я долженъ сказать, что, находясь три съ половиною года подъ стражей, я, кажется, достаточно искупилъ свою вину, которую такъ вѣрно изобразила въ своей рѣчи обвинительная власть. Я обращаю еще ваше вниманіе на то, какъ это дѣло производилось. Дѣйствительно, я совершилъ множество преступленій въ разныхъ городахъ, и я достоинъ былъ кары; мое дѣло могли давно уже кончить и судить меня въ одномъ судѣ, по совокупности совершенныхъ мною дѣяній, но меня возили изъ Кіева въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Одессу . Такимъ образомъ, Богъ знаетъ, сколько мнѣ придется сидѣть въ тюрьмѣ, пока всѣ дѣла, возбужденныя противъ меня, будутъ рѣшены нѣсколькими судами. Между тѣмъ, по здравому и буквальному смыслу закона, слѣдовало бы рѣшить всѣ эти дѣла въ одномъ судѣ.

Затѣмъ, исчисливъ подробно, сколько времени длится его дѣло, онъ закончилъ свою рѣчь такъ:

— Я не буду васъ утомлять, гг. присяжные, своею рѣчью, а выражу только увѣренность, что будущій лѣтописецъ, описывая исторію судопроизводства въ Россіи за послѣднюю четверть настоящаго столѣтія, достойно освѣтитъ производство моего дѣла.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей былъ поставленъ цѣлый рядъ вопросовъ о виновности подсудимаго. На всѣ эти вопросы они отвѣтили оправданіемъ Запольскаго.

— Очень жалѣю, — заявилъ громко оправданный, обращаясь къ присяжнымъ, — что не могу теперь-же воспользоваться дарованной мнѣ вами свободой: надо мной тяготѣютъ еще другія обвиненія!

Не смотря на всю видимую „логичность“ поведенія подсудимаго, не смотря даже на его несомнѣнную „талантливость“ и въ этомъ „замѣчательномъ подсудимомъ“ невольно чуется—„душевно-больной“.

Или мы ошибаемся?...

V.

Клептоманка.

Г-жа Лемпке—почтенная мать семейства и женщина далеко не бѣдная—задумала однажды воспользоваться чужою собственностью.

Она пригласила съ собою нѣкую дѣвицу Богданову, и отправилась съ нею на квартиру кассира цирка Гине, своего хорошаго знакомаго. Здѣсь, съ помощью подобраннаго ключа, она, буквально, опорожнила весь домъ, за исключеніемъ, конечно, громоздкихъ вещей. Все наворованное ею такимъ образомъ было вызезено ею въ узлахъ на извозчикахъ, при помощи Богдановой, не подозрѣвавшей, что она участвуетъ въ кражѣ. Привезя эти вещи домой, Лемпке поручила продажу ихъ, залогъ или сохраненіе разнымъ лицамъ, которыя затѣмъ вмѣстѣ съ нею и очутились на скамьѣ подсудимыхъ. Не смотря на откровенность съ которою дѣйствовала г-жа Лемпке, кража долгое время не могла быть открыта, такъ какъ никому не приходило въ голову, что ее совершила столь почтенная дама. Сама г-жа Лемпке при этомъ отлично маскировалась: она помогала деньгами обокраденному семейству и со слезами на глазахъ извергала проклятія ворамъ. Комедія была разыграна такъ искусно, что слѣдствіе было даже прекращено „за неотысканіемъ виновныхъ“.

Случай обнаружилъ истину.

Еще во время предварительнаго слѣдствія былъ возбуж-

день вопросъ объ умственныхъ способностяхъ г-жи Лемпке. Цѣлый годъ она находилась на испытаніи врачей, и спеціалисты пришли къ заключенію, что г-жа Лемпке помѣшана. На судѣ докторъ Чечетъ и другіе эксперты давали свои заключенія именно въ этомъ смыслѣ. Хитрость и ловкость, съ которыми она совершила кражу, по мнѣнію врачей, не только не идутъ въ разрѣзъ съ ихъ заключеніемъ, но еще служатъ ему подтвержденіемъ. Подобнаго рода больные,—полагаютъ психіатры,—сплошь и рядомъ совершаютъ такого рода хитро обставленныя преступленія, какое совершила и г-жа Лемпке. Они способны разсуждать повидимому здраво, играть въ шахматы, отлично обыгрывать своихъ партнеровъ и т. п. Отдѣльныя дѣйствія такихъ людей ровно ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствій здоровыхъ и умныхъ людей, и только когда прослѣдишь всю нить, весь генезисъ ихъ дѣйствій, когда подвергнешь ихъ тщательному наблюденію, убѣждаешься, что имѣешь дѣло съ душевно-больнымъ.

Не смотря на такой оборотъ дѣла, присяжные на предложенные имъ судомъ вопросы отвѣчали, что Лемпке совершила кражу сознательно въ полномъ умѣ; прочихъ же обвиняемыхъ признали невиновными.

Отчего могъ произойти подобный казусъ? Очевидно присяжные „не повѣрили“ экспертамъ, какъ „не повѣрилъ“ имъ и товарищъ прокурора въ дѣлѣ Корниловой. Въ такихъ дѣлахъ, къ сожалѣнію, все дѣло сводится къ этому. Психіатры говорятъ на своемъ языкѣ, очень часто вовсе непонятномъ для людей мало развитыхъ и мало подготовленныхъ. Какъ требовать отъ нихъ сознательно-критическаго отношенія къ заключенію экспертовъ, когда они большею частью не знакомы съ азбукою изслѣдываемаго вопроса?

Къ счастью, въ дѣлѣ Лемпке на помощь присяжнымъ во-время пришелъ судъ. Онъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ передавать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ въ случаѣ признанія, что ими „осужденъ невинный“. Этимъ правомъ наши окружные суды пользуются очень осторожно, и очень неохотно. Если на этотъ разъ петербургскій судъ прибѣгнулъ къ такому экстренному средству, то это означаетъ, что въ лицѣ подсудимой Лемпке онъ дѣй-

ствительно имѣлъ дѣло съ помѣшанной, не подлежащей уголовной карѣ.

Такимъ образомъ дѣло это и осталось „недорѣшеннымъ“ до новаго состава присяжныхъ.

Второй составъ присяжныхъ призналъ г-жу Лемпке психически больной. Она была освобождена отъ наказанія.

Романы дѣйствительной жизни.

I.

Загадочное самоубійство.

Въ Великихъ-Лукахъ, уѣздномъ городѣ псковской губерніи, въ ночь на 17-е января 1875 года совершилось кровавое дѣло. Около 12 часовъ, въ одномъ изъ номеровъ верхняго этажа гостинницы „Петербургъ“ послѣдовательно одинъ за другимъ раздались два выстрѣла.

Изъ номера, въ которомъ, повидимому, только-что случилась развязка какой-то таинственной драмы, вслѣдъ затѣмъ какъ раздался первый выстрѣлъ, выбѣжалъ въ коридоръ хозяинъ гостинницы, Мальтникъ, и громко сталъ звать къ себѣ коридорнаго Якова. Разбуженный этимъ крикомъ, прибѣжалъ на зовъ хозяина номерной Яковъ Тарасовъ. Войдя вслѣдъ за хозяиномъ въ номеръ, занимаемый постояннымъ квартирантомъ гостинницы, нотаріусомъ Гольдштейномъ, онъ увидѣлъ послѣдняго сидящимъ въ креслѣ съ отвалившеюся на бокъ головой. Хозяинъ, заботливо наклонясь къ нотаріусу, сказалъ входящему слугѣ: „неси скорѣе воды“. Тотъ бросился въ спальню, но воды тамъ не нашлось. Тогда онъ побѣжалъ въ корридоръ. Не успѣлъ здѣсь растерявшійся Яковъ схватить рукомойникъ, какъ раздался опять выстрѣлъ, и въ ту же минуту онъ увидѣлъ Мальтника, снова выскочившаго изъ дверей номера и побѣжавшаго внизъ по лѣстницѣ. Внизу помѣщалась билліардная комната, гдѣ въ это время находились посѣтители; имъ объявилъ сбѣжавшій сверху Мальтникъ, что нотаріусъ Гольдштейнъ только что застрѣлился

Всѣ бывшіе въ билліардной, вмѣстѣ съ извѣстившимъ ихъ хозяиномъ, пошли наверхъ, въ комнату нотаріуса. Покойный сидѣлъ въ креслѣ у стола, на которомъ горѣли двѣ свѣчи. Очки, бывшія на немъ, нѣсколько съѣхали внизъ, глаза были мутные и смотрѣли вверхъ. Тутъ одинъ изъ вошедшихъ спросилъ: „не послать ли за докторомъ“? Но Мальтникъ взялъ бездыханнаго нотаріуса за виски, покачалъ изъ стороны въ сторону и сказалъ: „зачѣмъ посылать, онъ уже готовъ!“

На другой день вѣсть о кровавомъ приключеніи въ гостинницѣ „Петербургъ“ разнеслась по всему городу; поднялись толки, пошли догадки, и стоустая молва скоро стала прямо указывать на хозяина гостинницы, Мальтника, какъ на убійцу Говорилось объ интимныхъ отношеніяхъ покойнаго къ женѣ Мальтника, которыя будто-бы ни для кого не составляли тайны, говорили о ревности обманутаго мужа и глухой враждѣ, которая роковымъ образомъ повлекла за собою печальную развязку. Слуги Мальтника громко передавали свои наблюденія о томъ, что хозяинъ былъ очень угрюмъ въ день катастрофы, и наканунѣ ссорился открыто съ Гольдштейномъ: было узнано за несомнѣнное, что, не задолго до происшествія, Мальтникомъ былъ купленъ пистолетъ и т. п.

Заподозрѣнный такимъ образомъ, въ убійствѣ, Мальтникъ былъ привлеченъ къ слѣдствію, заключенъ въ тюрьму, и наконецъ, ровно черезъ годъ послѣ смерти Гольдштейна, предсталъ на судъ присяжныхъ, въ качествѣ обвиняемаго въ убійствѣ, совершеннаго подъ вліяніемъ чувства ревности.

На судѣ вскрылся цѣлый романъ, который въ существенныхъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ.

Въ гостинницѣ, содержимой лифляндскимъ уроженцемъ Карломъ Мальтникомъ, въ числѣ другихъ постоянныхъ жильцовъ, долгое время проживалъ статскій совѣтникъ Корнилій Францовичъ Гольдштейнъ, занимавшій въ Великихъ-Лукахъ должность старшаго нотаріуса при окружномъ судѣ.

Съ самаго пріѣзда своего изъ Москвы, т. е. еще съ марта 1873 года, Гольдштейнъ поселился въ гостинницѣ и прожилъ здѣсь безвыѣздно около двухъ лѣтъ. Когда Гольдштейнъ пріѣхалъ, гостинница еще не была вполнѣ отдѣ-

лана; но Гольдштейнъ, не смотря на это, остался жить здѣсь, хотя долгое время ему приходилось перекочевывать изъ номера въ номеръ, а подчасъ случалось даже ютиться въ помѣщеніи самого хозяина.

Мальтникъ, разумѣется, весьма скоро сошелся съ такимъ любезнымъ и невзыскательнымъ жильцомъ и тѣмъ болѣе охотно подружился съ нимъ, что и въ качествѣ старшаго нотаріуса, человѣка знающаго хорошо законы, онъ бывалъ ему полезенъ совѣтами по юридическимъ дѣламъ. Гольдштейну также пришлись по сердцу радушные хозяева, и онъ не думалъ ихъ покидать, хотя только черезъ годъ ему удалось занять въ гостинницѣ вполнѣ удобное для себя помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ. Разъ установленныя, такимъ образомъ, пріятельскія и даже дружескія отношенія все крѣпли.

Вмѣстѣ съ Мальтникомъ жили его теща и жена, Надежда Аѳанасьевна. Это была женщина еще молодая, всего двадцати восьми лѣтъ. Она была не дурна собою, хотя и производила впечатлѣніе женщины уже порядочно пожившей: брюнетка, небольшаго роста, чрезвычайно живая и бойкая, она обладала весьма подвижными чертами лица, и черные блестящіе глаза ея отличались способностью быстро мѣнять свое выраженіе: они глядѣли то сурово, то мягко, то привлекательно...

Корнилію Францовичу Гольдштейну было уже около пятидесяти лѣтъ, когда онъ познакомился съ женою Мальтника, но онъ отличался крѣпкимъ сложеніемъ и былъ еще въ полной силѣ—чему, конечно, много способствовало то, что онъ до двадцатишестилѣтняго возраста, какъ значилось въ его собственномъ дневникѣ, „не зналъ женщинъ“.

Женившись въ этомъ возрастѣ, онъ со всею пылкостью цѣломудренной страсти „прильнулъ къ своей молодой женѣ“. Но, его семейному счастью не суждено было долго продолжаться. Хотя, живя въ Великихъ-Лукахъ, онъ переписывался съ женою, которая съ дѣтьми своими оставалась въ Москвѣ и, повидимому, находился съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ, но все-же онъ считалъ себя очень несчастнымъ въ супружеской жизни. Такъ, въ одномъ изъ своихъ къ г-жѣ Мальтникъ писемъ онъ прямо указываетъ на „свою барыню“,

т. е. на жену, какъ на женщину, впервые заставившую его „недовѣрчиво глядѣть на всю прекрасную половину рода человѣческаго“. Кромѣ такого общаго указанія, мы имѣемъ еще обстоятельно изложенный разсказъ Гольдштейна объ измѣнѣ ему жены въ 1864 году, т. е. лѣтъ за десять до переселенія его въ Великіе-Луки.

Документъ, въ которомъ содержится это грустное повѣствованіе, имѣетъ довольно своеобразный обликъ, это что-то въ родѣ загробнаго признанія человѣка, убившаго въ припадкѣ ревности свою жену и затѣмъ покончившаго и съ собою. Озаглавлена рукопись: „Нѣтъ худа безъ добра, или я погибаю, но многихъ спасаю“. Въ концѣ этой исповѣди, послѣ обстоятельнаго разсказа о случаѣ невѣрности жены, сообщается тономъ искреннѣйшаго увлеченія о кровавыхъ подвигахъ мстящаго мужа. „Съ яростью тигра,—картинно описываетъ Гольдштейнъ воображаемую сцену убійства,—схватилъ я бритву и, нанеся смертельный ударъ женѣ, сказалъ шопотомъ: „молчи-же ты!“ Въ заключеніе все должно покончиться самоубійствомъ, по крайней мѣрѣ исповѣдь заканчивается патетическомъ финальнымъ восклицаніемъ: „о люди, я самоубійца, убійца, дѣтоубійца!“

Не смотря однако-же на такую кровавую развязку, очевидно долго лелѣянную воображеніемъ обманутаго мужа, и самъ Корнилій Францовичъ, и жена его „милый другъ Лизуша“, какъ называетъ онъ ее въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ, оба остались здравы и невредимы, и никакого смертоубійства, соединеннаго съ самоубійствомъ, Гольдштейнъ тогда не совершилъ.

Изъ этой исповѣди и изъ письма Гольдштейна къ женѣ, а также изъ показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, мы знакомимся и съ служебною стороною жизни Гольдштейна. „Мой оберъ-секретарь И. И. В., большой руки взяточникъ“,— читаемъ мы въ „предсметной“ исповѣди Гольдштейна,—„по бывшимъ у меня дѣламъ дѣлалъ мерзости изъ корысти въ понаровку воришкамъ; встрѣчая-же камень преткновенія во мнѣ, всячески старался удалить меня отъ себя и, наконецъ, успѣлъ вооружить противъ меня своего одношкольника, отличнаго экзекутора, но и не послѣдняго осла, по занимаемой имъ должности оберъ-прокурора Н Н. Н.; но затѣмъ, всѣ вмѣстѣ взя-

тые,—и лихоимецъ, и дуракъ,—не могли столкнуть меня съ мѣста, ибо я чистъ совѣстью и у меня посаженный отецъ г. товарищъ министра юстиціи."

Такимъ образомъ, пока Гольдштейнъ служилъ въ Москвѣ, онъ держался прочно на мѣстѣ, хотя, какъ видимъ, съ сослуживцами своими очень не ладилъ. Въ Великіе-Луки, на должность старшаго нотаріуса, онъ пріѣхалъ уже статскимъ совѣтникомъ. Здѣсь по службѣ онъ стяжалъ себѣ не совсѣмъ лестную репутацію, хотя въ письмѣ къ своей женѣ, писанномъ наканунѣ смерти, высказывалъ о своихъ служебныхъ способностяхъ весьма высокое мнѣніе. Такъ, говоря о предположеніи занять въ скоромъ времени мѣсто члена окружнаго суда, онъ не безъ гордости заявляетъ, что „въ цѣломъ великолуцкомъ округѣ никто не знаетъ такъ законовъ", какъ онъ. „Отличное" знаніе законовъ и „чистота совѣсти" не мѣшали однако-же Гольдштейну брать взятки въ качествѣ нотаріуса, а еще раньше того, быть заподозрѣннымъ въ совершеніи подлога по службѣ. Такъ, на судѣ между прочимъ открылось, что на купленное имѣніе за семьдесятъ пять тысячъ рублей младшій нотаріусъ совершилъ купчую крѣпость въ двадцать пять тысячъ руб. Гольдштейнъ сначала не утверждалъ ея, но, получивъ взятку, утвердилъ. Кромѣ того, втихомолку, въ качествѣ „перваго законника въ округѣ", онъ занимался подпольною адвокатскою практикою: давалъ совѣты тѣмъ, кому нужны были тайныя лазейки, и училъ разнымъ юридическимъ подвигамъ и крючкотворству. Какъ частный человѣкъ, Гольдштейнъ вызвалъ также весьма неодобрительные отзывы на судѣ. Большинство его знакомыхъ отзывалось о немъ, какъ о человѣкѣ двуличномъ, не искреннемъ и т. п.

Однако-же, не взирая на свои непривлекательныя нравственныя качества и солидный возрастъ, Гольдштейну удалось завладѣть если не сердцемъ, то, по крайней мѣрѣ, интимнымъ вниманіемъ Надежды Аѳанасьевны Мальтникъ. Когда именно началось ихъ сближеніе, опредѣлить трудно; но первое его любовное письмо къ ней помѣчено еще 1874 годомъ.

Въ первое время послѣ своего пріѣзда въ Великіе-Луки онъ велъ жизнь весьма степенную и скромную, соотвѣтственно

своимъ лѣтамъ и своему служебному положенію; но, мало по малу, въ немъ стало преобладать какое-то тревожное, напряженное состояніе духа. Онъ не по лѣтамъ началъ заботиться о своемъ туалетѣ, безпрестанно мѣнялъ свой обликъ, то запуская бороду, то снова сбривая ее. Стало замѣтно въ немъ усиленное желаніе нравиться. Мало того, онъ сталъ покучивать и сорить деньгами, чего прежде за нимъ не замѣчали.

Какія душевныя тревоги имъ владѣли и какія затаенныя цѣли онъ въ это время преслѣдовалъ,—можно въ точности узнать изъ его писемъ къ „своему идолу Надичкѣ“, которыми онъ усердно снабжалъ г-жу Мальтникъ, не смотря на то, что жилъ съ нею все время подъ одною кровлею. Онъ буквально не давалъ ей проходу. Съ назойливостью маньяка онъ подстерегалъ ее всюду, гдѣ только могъ, и осыпалъ ее своими изліяніями, признаніями и ревнивыми упреками то въ письмахъ, то на словахъ. Онъ много разъ говорилъ ей, что лишитъ себя жизни, если она будетъ отвергать его ухаживанья...

Кромѣ писемъ и страстныхъ словесныхъ признаній, Гольдштейнъ часто прибѣгалъ и къ „другимъ мѣрамъ“, которыя, по его мнѣнію, могли подѣйствовать на „упрямое“ сердце Надежды Аѳанасьевны. Разъ онъ ушелъ изъ дому и цѣлые два дня не былъ дома. Г-жа Мальтникъ спросила его: гдѣ онъ былъ? „Ходилъ“ загадочно отвѣтилъ Гольдштейнъ. - Гдѣ же вы ночевали?—„На рѣчкѣ ходилъ—хотѣлъ утопиться“. И такія выходки стали повторяться у Гольдштейна очень часто. Разъ г-жа Мальтникъ отняла у него бритву, въ другой разъ онъ представился отравленнымъ и пролежалъ цѣлые сутки въ постелѣ, охая и стеня, наконецъ, „пробовалъ топиться въ колодцѣ, да вода показалась мутною“ и т. д.

Разжигая все болѣе и болѣе свою страсть къ „пожившей брюнеткѣ съ очаровательными глазами“, давая полную волю своему взволнованному воображенію, онъ подъ часъ терялъ всякое чувство мѣры и перспективы, и тогда провинціальная дама средней руки, эмансипированная въ извѣстномъ направленіи, выростала въ его глазахъ въ титаническій образъ лермонтовской Тамары, которая „какъ ангелъ прекрасна, какъ демонъ коварна и зла“.

Наконецъ Гольдштейнъ достигъ своей „цѣли“. Но это не принесло ему покоя.

Въ то время, какъ „побѣжденное упрямство“ г-жи Мальтникъ доставляло ей только лишній случай „играть цвѣтами супружеской невѣрности“, Корнилій Францовичъ стремился совсѣмъ „прильнуть“ къ очаровательной, но вѣтреной и ненадежной въ своихъ привязанностяхъ, Надеждѣ Аѳанасьевнѣ. Чтобы только улучить свободную минуту свиданія, несчастный любовникъ долженъ былъ вѣчно умолять, прислушиваться, ждать... „Сколько я здоровья потратилъ,—горестно восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ любовныхъ писемъ,—потратилъ безконечнымъ начинаніемъ... сопровождаемымъ при томъ страхомъ. Это ужасъ, и тѣмъ болѣе горестно, что такая безтолковая жизнь зловредно дѣйствуетъ на мозгъ и на весь организмъ!“

Даже служба перестала ему идти на умъ,—такъ занятъ онъ былъ вѣчно мыслью поудобнѣе устроиться относительно своихъ любовныхъ дѣлъ Къ этому примѣшивалась еще ревность. „Голубчикъ мой Наденька“—пишетъ онъ г-жѣ Мальтникъ,—ты спрашиваешь съ удивленіемъ, отчего я не пошелъ на службу? Такъ какъ между нами не должно быть тайны, то я скажу тебѣ слѣдующее: во-первыхъ,—не пойду на службу до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ нѣмецъ (жилецъ, къ которому Голдштейнъ больше всѣхъ ревновалъ ее, послѣ нѣкоего „ветеринарнаго врача, пріѣхавшаго изъ Петербурга“); во-вторыхъ, третьяго дня утромъ ты вбѣгала на минутку къ нѣмцу и что-то сказала ему шопотомъ, а это породило во мнѣ ревность и въ-третьихъ,—не ловко, подавъ рапортъ, на другой-же день явиться на службу; надо пробыть дома хотя дня три — четыре. Наконецъ, въ заключеніе скажу тебѣ, ангелъ мой, и то, что сегодня сильное имѣлъ желаніе быть съ тобою хоть полчаса вмѣстѣ и успокоиться какъ должно, если только ты, душечка, на то согласна. Часовъ 11 утра время самое лучшее. Вслѣдствіе чего послѣ обѣда можешь спать или гулять какъ найдешь лучшимъ. Цѣлую тебя крѣпко и несчетно разъ. Весь твой Корнилій“.

И такъ, „побыть полчаса вмѣстѣ и успокоиться, какъ должно“—вотъ въ сущности завѣтныя и вмѣстѣ скромныя желанія влюбленнаго Корнилія Францовича, и, только благодаря своенравной вѣтренности его возлюбленной, они становятся для него вопросомъ жизни и спокойствія. Неудовле-

творенная чувственность, разжигаемая упрямымъ непостоянствомъ Надежды Аѳанасьевны, бесѣдующей поминутно шопотомъ то съ „нѣмцемъ“, то съ „ветеринарнымъ врачемъ изъ Петербурга“, постоянно даетъ о себѣ знать, и злополучный влюбленный по три и четыре дня не встаетъ съ постели, притворяясь больнымъ, чтобы только на минутку заманить въ свой номеръ, вѣчно куда-то запропастившуюся, „душечку“.

Порою Гольдштейнъ, словно желая стряхнуть съ себя такое безпомощное состояніе, беретъ въ руки перо и—бичь сатиры и озлобленія безпощадно щелкаетъ надъ спиною „проклятаго идола Нади“. „И такъ, Надежда Аѳансьевна, гдѣ-же ваша совѣсть? Зачѣмъ вы растерзали мое невинное сердце? Зачѣмъ вы ругались даже надъ моимъ лицомъ, стараясь, чтобы я выставлялъ на показъ свою любовь къ вамъ, тогда какъ вамъ нуженъ только удовлетворяющій васъ мужчина. Зачѣмъ годъ цѣлый вы притворялись невинною, угнетенною мужемъ, когда эти слова были только приманкою на вашу удочку? О Боже мой, Боже мой,—за что я такъ жестоко наказанъ? О мечты мои, мечты мои, куда вы меня довели; какое бремя долженъ я поднимать, чтобы выбиться на свободу? Есть-ли въ мірѣ твореніе лютѣе васъ? О нѣтъ, о нѣтъ! Помните, что вы похитили священный огонь моего сердца“... и т. д...

Въ качествѣ несчастнаго, безумно-влюбленнаго, сердце котораго „невинно“ и въ которомъ притомъ таится „огонь священный“, Корнилія Францовича озаряетъ вдохновеніе и онъ пишетъ такіе стихи:

Полюбилъ я, и кого-же?
Злую лгунью, о, мой Боже!
Сердце хладно, какъ могила,
Я ждалъ жадно, чтобъ любила
Ты писала: вѣдь сознанье—
На насмѣшку, на терзанье
Такъ любуйся-жъ добрымъ дѣломъ—
Ты убила душу съ тѣломъ!

Ревнивые укоры и жалобы несчастнаго любовника не всегда, впрочемъ, отличаются деликатностью выраженій и изяществомъ формы. Подчасъ онъ топчетъ въ грязь „свою Надечку“ называя ее „развратною женщиною“, которую онъ напрасно силился „возбудить не корчемствовать собою“. Подъ

конецъ онъ доходитъ до того, что по счету прыщиковъ на ея лицѣ заключаетъ о ея невоздержаніи и невѣрности; подслушивая вѣчно у дверей, онъ не упускаетъ случая „поздравить ее съ законнымъ бракомъ“, когда ей случится остаться съ постороннимъ мужчиною наединѣ. Мало этого, онъ даже мужу дѣлаетъ постоянные намеки на ея невѣрность, выгораживая, разумѣется, при этомъ себя отъ всякихъ подозрѣній Подобная назойливость доходила до того, что подчасъ выводила изъ себя обыкновенно беззаботную и не терпящую „стѣсненія въ своихъ дѣйствіяхъ“ г-жу Мальтникъ, такъ что злосчастному Корнелію Францовичу, за подобныя выходки, приходилось плохо... Она безъ церемоніи, по собственному его живописному выраженію, иногда „тыкала ему дулю въ носъ“ и, какъ видно изъ письма Гольдштейна, не поцеремонилась даже пригрозить ему однажды еще большею „непріятностью“... „Можете ли вы божиться, что вы невиноваты, и имѣете-ли совѣсть говорить мнѣ: рыло разобью!“?—спрашиваетъ обезкураженный любовникъ. „Вы убили мою душу, рестерзали сердце, помрачили мой мозгъ—и все-таки вамъ мало: нужно еще и тѣлу сдѣлать вредъ!?“...

Однако,—по пословицѣ-ли: милые бранятся только тѣшатся, или по другимъ причинамъ — „тѣлесная неприкосновенность“ Гольдштейна серьезныхъ поврежденій не потерпѣла. Вообще подобнаго рода сцены ничуть не измѣняли силы и напряженія его „безумной страсти“. Съ прежнею, даже еще большею настойчивостью сталъ онъ умолять „свою мамочку Надю“—принадлежать ему одному, и для этого даже рѣшался переѣхать въ другой городъ и увезти ее съ собою. Но на такое предложеніе г-жа Мальтникъ не говорила ему ни да, ни нѣтъ, хотя Гольдштейнъ, на случай ея согласія, и сулилъ ей стать для нея и „козломъ и бараномъ“. Впрочемъ, она по прежнему благосклонно выслушивала его „пустяки“, ѣздила съ нимъ кататься за городъ и вообще урывала и для него свободную минутку...

Такъ продолжалось до первыхъ чиселъ декабря 1874 г., когда Гольдштейнъ собрался ѣхать въ Петербургъ. Вѣроятно, эта поѣздка была заранѣе условлена между нимъ и Надеждою Аѳанасьевною, которая была не прочь прокатиться и посмотрѣть столицу.

Мужъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился отпустить жену вмѣстѣ съ Гольдштейномъ, и 27 декабря, счастливый Корнелій Францовичъ отправился путешествовать съ желанной своей спутницей. Въ Петербургѣ они прожили недѣлю съ лишнимъ и, вѣроятно, прожили бы дольше, если бы 11 января, на имя Гольдштейна, не было получено письма отъ г. Мальтника. Черная печать, которая виднѣлась на конвертѣ, смутила г-жу Мальтникъ; она подумала, не умеръ-ли у нея сынъ, котораго она оставила больнымъ.

Мужъ имъ писалъ: „Друзья мои! Какъ вы знаете что, сынъ мой остался болѣнъ дома, и вы уѣхали. Домъ заложенъ Безобразову, я хочу его выкупить и уѣхать на свою сторону, а сынишку оставить здѣсь“. Не понявъ хорошенько содержанія письма, г-жа Мальтникъ собралась въ обратный путь; за нею, разумѣется, послѣдовалъ и Гольдштейнъ.

Во время ихъ отлучки въ Петербургѣ, Мальтникъ случайно нашелъ письмо Гольдштейна, писанное къ его женѣ; порывшись въ ея шкатулкѣ, онъ нашелъ и другія письма. Сомнѣнья не могло быть,—преступная связь была на лицо. Мальтникъ рѣшилъ, что Гольдштейнъ совсѣмъ увезъ отъ него жену.

Въ ожиданіи отвѣта на письмо, прозрѣвшій внезапно мужъ почувствовалъ, что „маска спала у него съ лица“. Онъ наводитъ справки; хочетъ знать подробности. Случайно заходитъ въ гостиницу еврей-коммисіонеръ, знающій весь городъ; онъ объявляетъ ему о своемъ положеніи и говоритъ, что „жена уѣхала съ нотаріусомъ въ Петербургъ“. Затѣмъ, вспомнивъ, что Гольдштейнъ покупалъ разныя вещи у этого еврея, онъ начинаетъ допытываться отъ него: „скажи, продавалъ ты ему золотыя вещи?“ Еврей отвѣчаетъ, что это не его дѣло, но Мальтникъ настаиваетъ. При помощи угрозы „убить въ самое сердце“, онъ узнаетъ отъ еврея, что Гольдштейнъ дѣйствательно купилъ у него браслетъ въ 50 руб. и дамскую цѣпочку... Мальтникъ записываетъ на клочкѣ бумаги таинственное сообщеніе и велитъ еврею подписать его. Еврей упирается, говоритъ: „я могу сказать, но зачѣмъ писать“. Разсвирѣпѣвшій мужъ снова грозится убить „презрѣннаго еврея“, если тотъ не подпишетъ своей фамиліи—и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось „азартное положеніе“ Мальтника, если

бы, на выручку совсѣмъ перетрусившаго еврея, не вошли случайно посторонніе люди.

Наконецъ, дня черезъ три, именно 14 января, возвращаются въ Великіе-Луки запоздавшіе путешественники. Мальтникъ старается встрѣтить ихъ „хладнокровно“.

Поставили самоваръ, пили чай, „но никакого особеннаго разговора тутъ не было“.

Только когда Гольдштейнъ ушелъ къ себѣ на верхъ, Мальтникъ сказалъ женѣ: „Что ты чернишь мою фамилію; ты жена Гольдштейна“! „Какъ такъ?“—спросила неудомѣвающе г-жа Мальтникъ. Тутъ мужъ „показалъ ей письма, назвалъ ее сквернымъ словомъ и сталъ гнать вонъ“.

На другой день послѣдовало объясненіе и съ Гольдштейномъ. Мальтникъ началъ съ отказа ему отъ квартиры, „не желая поднимать ссоры и не желая открывать ему причинъ отказа“. Гольдштейнъ прикинулся невинно заподозрѣннымъ и пожелалъ самъ „вести дѣло на чистоту“. Тогда Мальтникъ, отложивъ въ сторону всякую деликатность, высказалъ ему все, что у него было на душѣ. Онъ грозилъ ему судомъ, грозилъ написать его женѣ, что „мужъ ея у него жену укралъ“, наконецъ обѣщалъ разоблачить всѣ его дѣлишки по службѣ. Гольдштейнъ, повидимому, струсилъ, потому что сталъ предлагать ему „мириться“; но Мальтникъ отвѣчалъ: „мнѣ денегъ вашихъ не нужно“; тогда Гольдштейнъ сталъ умолять его возвратить ему уличающія письма. Оскорбленный мужъ и на это не соглашался. Онъ гналъ его съ квартиры и не переставалъ грозить: „вы и за казенныя дѣла пойдете подъ судъ и за мое... можетъ быть господа и не знаютъ, какой вы человѣкъ. Вы на бумагахъ подписываете: нотаріусъ Гольдштейнъ, а подлыя письма—статскій совѣтникъ!“

Гольдштейнъ совершенно растерялся, умолялъ то его, то жену отдать его письма...

Все это происходило 15 января, а на другой день—день самой катастрофы—Гольдштейнъ, по словамъ Мальтника, снова зашелъ просить письма и, получивъ отказъ, подошелъ къ г-жѣ Мальтникъ, которая лежала тутъ же на кровати, и сказалъ ей: „Надежда Аѳанасьевна, простите, я васъ сгубилъ“, на что та отвѣтила. „Мы оба виноваты!“.

Съ этой минуты, по словамъ Мальтника, онъ до самаго

вечера не видѣлся съ Гольдштейномъ. Вечеромъ Гольдштейнъ умеръ отъ огнестрѣльныхъ ранъ, таинственность происхожденія которыхъ и возбудила уголовное дѣло противъ г. Мальтника, по обвиненію его въ убійствѣ Гольдштейна.

Присяжные нашли, что Гольдштейнъ застрѣлился самъ. Они Мальтника оправдали.

II.

Бракоразводное дѣло.

Въ августѣ 1876 г. московскимъ окружнымъ судомъ было разсмотрѣно дѣло о клятвопреступленіи свидѣтелей, на ложныхъ показаніяхъ которыхъ московская духовная консисторія основала разводъ супруговъ Тупицыныхъ.

Дѣло это во многихъ отношеніяхъ представляется любопытнымъ. Съ одной стороны, на судебномъ слѣдствіи развернулась новая, нелишенная типическихъ чертъ, бытовая картина изъ жизни московскаго купечества; съ другой— здѣсь былъ затронутъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ нравственно-экономическихъ вопросовъ, вопросъ о супружескихъ отношеніяхъ; наконецъ этимъ процессомъ лишній разъ обнажены самыя больныя мѣста нашего дореформеннаго законодательства, именно формальность и исключительность постановленій объ условіяхъ расторженія брака и подсудность этого рода дѣлъ судамъ духовнымъ.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1865 году потомственный почетный гражданинъ Константинъ Ермолаевичъ Тупицынъ женился на молодой семнадцатилѣтней, дѣвушкѣ Варварѣ Вуколовнѣ Волженской, дочери коломенскаго помѣщика.

Женитьба на дѣвушкѣ изъ среды, чуждой Тупицыну, пришлась не по сердцу матери его, женщинѣ властной и себялюбивой. Съ первыхъ же дней брака старуха Тупицына стала относиться къ невѣсткѣ очень недружелюбно, а подъ конецъ, не найдя въ ней того послушанія и покорности, которыхъ она требовала отъ всѣхъ домашнихъ, она стала къ ней прямо во враждебныя отношенія.

Тупицынъ, не взирая на то, что былъ страстно влюбленъ въ свою молодую жену, былъ принужденъ однако жить вмѣстѣ съ матерью и, по привычкѣ, пріобрѣтенной съ дѣтства, ни въ чемъ не противорѣчить матери, находился подъ ея безусловнымъ вліяніемъ. Къ тому же и въ матеріальномъ отношеніи онъ вполнѣ зависѣлъ отъ матери. Хотя по завѣщанію дѣда своего, оставившаго полумилліонное состояніе, онъ и былъ назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ богатой торговой фирмы, но пожизненною владѣлицею, а слѣдовательно и распорядительницею всего состоянія была назначена мать. Женщина дѣятельная, энергичная и настойчивая, она была тираномъ въ домашней жизни сына и не терпѣла никакихъ ограниченій своей власти.

Насколько безхарактернымъ и легко поддающимся чужому вліянію былъ Тупицынъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ январѣ 1867 г. Тупицынъ, надъ которымъ въ это время, вѣроятно случайно, перевѣсило вліяніе жены, подалъ въ московскій окружной судъ прошеніе, въ которомъ жаловался на свою мать, обвиняя ее въ томъ, что она незаконно владѣетъ и распоряжается имуществомъ и капиталомъ дѣда, принадлежащимъ исключительно ему и нарушаетъ спокойствіе его семейной жизни, причемъ заявлялъ, что между ними происходитъ вражда оттого, что онъ не могъ исполнить желаніе матери бросить свою нѣжно любящую жену, неподававшую ему никакого повода обвинять ее въ чемъ-либо.

Не успѣвъ этимъ путемъ устранить вліяніе матери на свои дѣла, онъ окончательно затѣмъ теряетъ всякую охоту бороться съ нею и находитъ уже болѣе выгоднымъ для себя стать послушною игрушкою въ ея рукахъ. Не проходитъ и четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ круто поворачиваетъ назадъ. Въ маѣ того же года онъ уже является въ духовную консисторію съ жалобою на свою „нѣжно любящую“ жену, обвиняя ее въ супружеской невѣрности и проситъ о расторженіи брака.

Духовная консисторія потребовала, разумѣется, формальныхъ доказательствъ супружеской невѣрности, и на лицо предстало три услужливыхъ свидѣтеля.

Свидѣтелями явились слуги и прислужники Тупицыныхъ. Обвинять Тупицыну въ супружеской невѣрности прежде всѣхъ взялся нѣкій—„актеръ императорскихъ театровъ“—Эрлангеръ, бывшій хорошимъ пріятелемъ Тупицына, которому онъ задолжалъ по векселямъ довольно значительную сумму. Этотъ „кавалеръ“ долженъ былъ удостовѣрить, что именно съ нимъ Эрлангеромъ, плѣненная его красой, совершила грѣхопаденіе молодая супруга Тупицына.

Затѣмъ слуга Тупицыныхъ, мѣщанинъ Гусевъ утверждалъ въ консисторіи, что лѣтомъ 1866 года, т. е. въ первый же годъ замужества молодой Тупицыной, когда Тупицынъ жилъ на дачѣ въ селѣ Калистовѣ, къ ней часто пріѣзжалъ Густавъ Эрлангеръ. 16 или 17 іюля въ отсутствіи Тупицына онъ пріѣхалъ будто-бы къ ней и остался ночевать; постель ему была приготовлена въ кабинетѣ. На другой день утромъ, убирая комнаты, Гусевъ нечаянно уронилъ въ гостиной половую щетку, и изъ опасенія не разбудилъ ли онъ этимъ стукомъ госпожу свою, подошелъ къ дверямъ спальни, взглянулъ въ замочную скважину, изъ которой былъ вынутъ ключъ и увидѣлъ на постели вмѣстѣ съ Варварою Вуколовною Густава Эрлангера. Жена Гусева, служанка Тупицыныхъ, разсказала подробности другаго подобнаго же случая. Въ концѣ іюля того же года,—повѣствовала Гусева,—Варвара Вуколовна собралась съ Эрлангеромъ въ лѣсъ за грибами, ей же приказала взять коверъ, подушку и корзину и идти за ними. Въ лѣсу на указанномъ мѣстѣ разостлали коверъ; она по приказанію барыни оставила ихъ, но вмѣсто того, чтобы идти домой, пошла въ лѣсъ собирать грибы, затѣмъ, спустя около получаса, подходя къ мѣсту, на которомъ она оставила барыню, изъ-за куста, она увидѣла, что они сидя обнимаются и цѣлуются, а затѣмъ вскорѣ увидѣла ихъ лежащими на коврѣ и, не давъ имъ себя замѣтить, ушла.

На основаніи такихъ показаній свидѣтелей, заставшихъ будто бы молодую Тупицыну en flagrant delit, духовная консисторія постановила свое рѣшеніе, которымъ вмѣстѣ съ расторженіемъ брака, Волженская (бывшая жена Тупицына) приговаривалась къ вѣчному безбрачію и къ церковному покоянію. Это рѣшеніе консисторіи было затѣмъ въ установленномъ порядкѣ окончательно утверждено святѣйшимъ синодомъ.

Разведенная Волженская, недовольная такимъ рѣшеніемъ, возбудила дѣло о лживости свидѣтельскихъ показаній.

На судѣ дѣйствительно обнаружилось, что показанія, данныя свидѣтелями въ консисторіи, отъ перваго и до послѣдняго были ложны. При этомъ выяснилось, что самое бракоразводное дѣло было затѣяно матерью Тупицына и что она для этого подкупала свидѣтелей.

Присяжные засѣдатели признали всѣ показанія, данныя въ консисторіи, безусловно ложными, но весьма различно отнеслись къ отдѣльнымъ подсудимымъ при опредѣленіи степени ихъ виновности. Тупицына и одного изъ свидѣтелей они, напримѣръ, вовсе оправдали. Эрлангера признали виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ, но не вслѣдствіе подкупа. Всѣхъ строже отнеслись они къ виновницѣ всего дѣла, матери Тупицыной и къ свидѣтельницѣ Гусевой, служанкѣ Тупицыныхъ. Впрочемъ судъ и объ этихъ послѣднихъ подсудимыхъ постановилъ: ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о полномъ помилованіи.

Сопоставивъ этотъ приговоръ суда съ внѣшней обстановкой процесса, мы увидимъ слѣдующее: присяжные признаютъ фактъ лживости свидѣтельскихъ показаній, но не находятъ возможности нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ вмѣнить имъ дѣяніе въ вину; судъ постановляетъ ходатайствовать о совершенномъ помилованіи обвиненныхъ; а публика,— отъ напора которой ломятся двери суда,— энергично рукоплещетъ обвинительной рѣчи повѣреннаго опозоренной, обезчещенной женщины, рукоплещетъ такъ громко и съ такою настойчивостью, что только усиленными мѣрами полиціи удается очистить залу суда отъ публики.

Эта странность объясняется тѣми особыми условіями, въ какія поставлены у насъ бракоразводныя дѣла. Наши гражданскіе законы, какъ извѣстно, не допускаютъ расторженія брака по взаимному соглашенію супруговъ; мало того, они признаютъ ничтожными всякаго рода акты, клонящіеся къ установленію между ними раздѣльнаго другъ отъ друга жительства.

Не отрицая въ принципѣ развода, законодательство допускаетъ его лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ.

Къ такимъ условіямъ принадлежитъ прежде всего, доказанная свидѣтельскими показаніями, невѣрность одного изъ супруговъ, причемъ въ случаѣ развода виновная сторона обрекается на вѣчное безбрачіе. За неимѣніемъ другихъ лазеекъ, супруги, желающіе во что бы то ни стало расторженія супружескихъ узъ, поневолѣ прибѣгаютъ къ этому единственному доступному имъ средству. Волей-неволей одному изъ нихъ приходится „брать на себя вину“ и являться передъ духовнымъ судомъ въ некрасивой роли виновника супружеской измѣны, пойманнаго на мѣстѣ преступленія.

Формальность и чисто внѣшняя сложность дѣлопроизводства въ духовныхъ судахъ породила при нихъ цѣлую стаю повѣренныхъ, которые съ особенною любовью и заботливостью приняли подъ свое покровительство дѣла бракоразводныя.

Люди богатые, не жалѣющіе средствъ для того, чтобы добиться развода, все производство по такому дѣлу передаютъ обыкновенно на руки какого-нибудь болѣе или менѣе прославленнаго бракоразводныхъ дѣлъ мастера, и затѣмъ избавляются даже отъ щекотливой необходимости быть захваченными en flagrant delit. Главный повѣренный, берущій, такъ сказать, подрядъ на бракоразводное дѣло, самъ уже долженъ озаботиться о всемъ необходимомъ. Оставаясь самъ невидимымъ руководителемъ дѣла, онъ нанимаетъ повѣренныхъ-рукоприкладчиковъ для той и другой стороны и подкупаетъ нужныхъ свидѣтелей. Духовная консисторія, исполняя формальное предписаніе закона, допрашиваетъ такихъ свидѣтелей и, не входя въ оцѣнку достовѣрности ихъ показаній, по внутреннему убѣжденію, постановляетъ надлежащее рѣшеніе.

Съ введеніемъ у насъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. дѣла о ложности показаній по бракоразводнымъ дѣламъ стали (по иниціативѣ обиженной стороны) всплывать наружу. Нѣсколько дѣлъ, подобныхъ Тупицынскому, уже доходили до судебнаго разбирательства, присяжные относились болѣе или менѣе строго къ подставнымъ свидѣтелямъ (напримѣръ въ дѣлѣ князей Голицыныхъ); но и это мало помогло дѣлу. Послѣ каждаго обвинительнаго приговора по такому дѣлу, только дорожала на нѣсколько

тысячъ рублей цѣна бракоразводнаго дѣлопроизводства: остальное-же все оставалось по старому.

Разумѣется, если бы разводъ, добываемый такими средствами, возможенъ былъ только между супругами, взаимно на это согласившимися, то можно было бы только осуждать безнравственность и недоступность для бѣдныхъ людей этихъ средствъ. Но вѣдь при такомъ положеніи вещей, какъ это и было въ дѣлѣ Тупицыныхъ, вся тяжесть обвиненія въ супружеской невѣрности можетъ пасть на лицо ни въ чемъ неповинное, не имѣющее даже возможности желать развода, въ виду отсутствія всякихъ матерільныхъ средствъ къ существованію. А между тѣмъ въ рукахъ противной стороны вся сила —деньги, нужныя для подкупа свидѣтелей, показанія которыхъ, какъ-бы очевидно лживы они ни были, принимаются консисторіею.

Понятно всякому, что для желающихъ развода трудно обойтись безъ подкупа свидѣтелей даже въ томъ случаѣ, если эти свидѣтели дѣйствительно „застали“ (по заранѣе подстроенному распредѣленію ролей) одного изъ жаждущихъ развода супруговъ на мѣстѣ преступленія потому, что кто же кромѣ продажныхъ свидѣтелей, занимающихся этими дѣлами какъ ремесломъ, пойдетъ свидѣтельствовать въ консисторіи. Съ другой стороны также понятно, что безъ участія такихъ свидѣтелей сдѣлалась бы невозможна для пользованія и та узкая лазейка къ разводу, какая допускается закономъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что намѣреніе закона предоставить обманутому супругу право искать развода остается во всякомъ случаѣ мертвою буквою. Супружеская невѣрность, не подлежащая никакому сомнѣнію, но не удостовѣренная тремя свидѣтельскими показаніями, не смотря на всю убѣдительность другихъ доказательствъ, не можетъ повлечь за собою развода. И выходитъ такимъ образомъ, что несовершенство духовнаго суда, несовершенство закона повлекло за собой ту массу лжи и злоупотребленій, которыя неразрывно связаны съ каждымъ бракоразводнымъ дѣломъ. Всѣ это понимаютъ, всѣ объ этомъ знаютъ—и судъ и присяжные—и поневолѣ смотрятъ на подобное дѣло какъ на своего рода необходимое зло.

И въ дѣлѣ Тупицыныхъ негодованіе слышалось не

столько по поводу безнравственныхъ и противозаконныхъ средствъ развода, сколько по поводу тяжелыхъ его послѣдствій Сама Волженская была въ сущности рада возвращенной свободѣ; она добивалась отъ мужа только приличныхъ средствъ къ существованію. Такъ, на судѣ фигурировали два письма повѣренныхъ Волженской (князя Урусова и г Громницкаго), которые предлагали Тупицынымъ „прекратить“ все дѣло о ложномъ показаніи, если они заплатятъ ей 50,000.

Присяжные, признавъ фактъ преступленія, предоставили Волженской всѣ средства выйти изъ своего тяжелаго положенія; но имъ не было основанія набрасываться съ особенною строгостью на лицъ, воспользовавшихся хотя и противозаконными, но освященными обычаемъ и традиціею порядками нашихъ духовныхъ судовъ.

Противъ этихъ порядковъ можетъ бороться не приговоръ суда, а коренная законодательная реформа, какъ относительно подсудности бракоразводныхъ дѣлъ, такъ и относительно законныхъ условій самаго развода.

III.

Проститутка-убійца.

Въ корридорѣ окружнаго суда шумъ и давка; толпа любопытныхъ съ ранняго утра осаждаетъ залу уголовнаго засѣданія *). Женскій элементъ преобладаетъ. Молодыя изящно разодѣтыя дамы напираютъ на расторопнаго судебнаго пристава, который теряется передъ напоромъ града любезностей и громогласно отдаетъ приказанія сторожамъ:

— Мѣста внизу для дамъ!

Съ пискомъ, съ визгомъ, не щадя своихъ модныхъ туалетовъ, устремляются шумной ватагой всѣ эти искательницы сильныхъ ощущеній и на перебой другъ у друга спѣшатъ занять лучшія мѣста.

За ними приливаетъ другая волна, волна публики разно-

*) Дѣло, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, разбиралось въ С-Петербургскомъ окружномъ судѣ 2-го ноября 1876 г.

шерстой, которая довольствуется уже всякимъ мѣстомъ, готова занять самое неудобное положеніе, лишь-бы послушать хоть однимъ кончикомъ уха...

Наконецъ, всѣ мѣста заняты: на хорахъ, внизу, въ мѣстахъ, отведенныхъ для адвокатовъ и для лицъ судебнаго вѣдомства — всюду полно. Зала суда превратилась въ залу театра — ждутъ начала спектакля и въ ожиданіи поднятія занавѣса нетерпѣливо покашливаютъ, протираютъ бинокли и ждутъ.

Опять на сценѣ „романъ дѣйствительной жизни". — романъ, полный сенсаціонныхъ подробностей и интимныхъ разоблаченій съ кровавою, трагической развязкою въ концѣ.

Дѣло идетъ объ убійствѣ любовницей своего любовника. На скамьѣ подсудимыхъ появляется стройная высокая молодая женщина. Черты лица ея грубы и ординарны, ее красивою назвать нельзя, но отпечатокъ грусти и страданья лежитъ на ея блѣдномъ лицѣ и это дѣлаетъ его „интереснымъ", это окружаетъ его ореоломъ поэзіи. Она одѣта въ черномъ, но костюмъ ея не настолько простъ, чтобы не замѣтить, что и въ тюрьмѣ прежде чѣмъ явиться сюда на судъ она успѣла взглянуть на себя въ зеркало.. Съ особенной тщательностью убрана ея голова: густые темнорусые волосы заплетены въ двѣ массивныя косы, которыя подобраны на затылкѣ гребнемъ и покрыты чернымъ кружевомъ.

Введенная въ залу черезъ узкую боковую арестантскую дверь, она прежде всего оглянулась во всѣ стороны. Увидѣвъ всю эту массу любопытныхъ взоровъ, устремленныхъ на нее, она не смутилась; напротивъ, она словно приняла ихъ за дружескіе, ободряющіе взгляды.

Взойдя на возвышеніе, прежде чѣмъ опуститься на скамью, она плавно, медленно, словно совершая религіозный обрядъ, поклонилась сперва суду, потомъ присяжнымъ и, наконецъ, публикѣ... Когда священникъ взялъ крестъ и присяжные подошли къ присягѣ, ею овладѣло словно какое-то неожиданное безпокойство. Сначала она тревожно подняла было голову и устремила глаза на образъ, висящій въ залѣ суда, но скоро пошатнулась, голова ея опустилась на грудь и она заплакала.

Кронштадтская мѣщанка Анна Кирилова — это званіе и имя подсудимой. Кто она такая, чѣмъ она живетъ, какое мѣсто занимаетъ на ступеняхъ общественной лѣстницы?.

На судѣ предсѣдатель предложилъ ей разсказать подробно о своей жизни, но Кирилова отвѣчала коротко:

— Не желаю!

Раньше, на предварительномъ слѣдствіи и наединѣ съ защитникомъ своимъ она была откровеннѣе...

„Не длиненъ и не новъ разсказъ!“

— Откровенно разсказать всю жизнь, полную самыхъ тяжелыхъ невзгодъ и страданій, не всегда легко,—говорилъ за нее въ своей рѣчи защитникъ. — Вы знаете, что такое жизнь публичной женщины и вы не поставите ей въ упрекъ, что она не хотѣла снова передъ вами раскрыть рядъ этихъ ужасныхъ картинъ. Но для васъ очевидно, какая это была жизнь!

Съ двѣнадцатилѣтняго возраста Кирилова очутилась въ Петербургѣ одна; никакому ремеслу она не училась и къ работѣ не привыкла. Это была смазливая, по своему смѣтливая дѣвочка, и вотъ только что она подросла — забота о кускѣ хлѣба миновала: она стала жить на средства „одного господина“, которому она приглянулась. Съ этихъ поръ жизнь ея замкнулась въ опредѣленную, разъ навсегда сколоченную раму.

— Онъ женился, я осталась безъ капитала и стала путаться,—кратко оттѣняла Кирилова дальнѣйшія свои отношенія къ мужчинамъ. Защитникъ ея пояснялъ:

— Къ двадцатипяти годамъ Кирилова уже прошла снизу до верху всѣ ступени разврата.

И вотъ въ 1875 году случай сводитъ ее съ мужчиной, который какъ разъ искалъ такихъ женщинъ, мимолетныя сношенія съ которыми замѣняли ему всякую прочную привязанность къ честнымъ женщинамъ, обѣгаемымъ имъ „пуще огня“.

Инженеръ-технологъ Семенъ Францовичъ Малевскій (такъ звали новаго любовника Кириловой) встрѣтился съ нею въ Лѣтнемъ саду, угостилъ ее ужиномъ и затѣмъ провелъ съ нею ночь. Этимъ бы, казалось, и должны были покончиться

всѣ дальнѣйшія отношенія этихъ случайныхъ любовниковъ.

Пріятели и товарищи Малевскаго, характеризовавшіе его на судѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, какъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго, особенно настаивали на той чертѣ его характера, которая заставляла будтобы его оставаться чуждымъ всякимъ увлеченіямъ женщинами, на которыхъ онъ не смотрѣлъ иначе, какъ на орудіе физическаго удовлетворенія и наслажденія.

— Малевскій имѣлъ веселый, умный, симпатичный характеръ, — разсказывалъ о немъ ближайшій другъ его дѣтства и закадычный пріятель, — его пылкая впечатлительная натура способствовала его увлеченіямъ и отозвалась на его карьерѣ. Въ 1862 году Малевскій, принимавшій участіе въ движеніи университетской молодежи, несмотря на хорошіе успѣхи, вышелъ изъ николаевской военной инженерной академіи и поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1866 году. Затѣмъ онъ отправился на Кавказъ, служилъ въ качествѣ производителя работъ на Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ, а затѣмъ н Кіево-Брестской. Вездѣ онъ успѣвалъ, всякая работа кипѣла въ его рукахъ, все было исполнено отчетливо, аккуратно. По окончаніи этихъ работъ Малевскій пріѣхалъ въ Петербургъ и получилъ здѣсь мѣсто директора Сампсоньевскаго завода; энергія и способности Малевскаго поставили заводъ въ ряду лучшихъ заводовъ. Дѣятельность Малевскаго была изумительна: онъ не уходилъ съ завода съ 7 часовъ утра до 8 вечера. Ровный, хорошій характеръ снискалъ покойному расположеніе и уваженіе всѣхъ знавшихъ его, даже и рабочихъ; недоброжелателей у покойнаго не было.

Но самостоятельный и энергическій во всѣхъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ своихъ съ женщинами покойный отличался слабостью и нерѣшительностью. Онъ говорилъ, что противъ слезъ женщинъ онъ не можетъ устоять. Такая черта мягкости его характера не мѣшала однако же ему тяготиться всякой серьезной привязанностью къ женщинѣ. Малевскій любилъ быть въ обществѣ женщинъ „только легкаго поведенія“. Въ пирушкахъ съ ними онъ какъ-бы находилъ новыя силы для работы, съ большею энергіею на утро принимался

за нее, никогда не жалуясь на усталость. При такомъ образѣ жизни у покойнаго не было постоянной связи съ женщиной, онъ не искалъ сердечнаго чувства, не требовалъ привязанности и тяготился ея проявленіями; онъ часто говорилъ, что не желаетъ продолжать знакомства съ такой-то, такъ какъ она „начинаетъ любить его“.

Несмотря на такое упорство въ нежеланіи имѣть прочную связь съ женщинами, Малевскій сдѣлалъ, однако, нѣкоторое исключеніе для Кириловой. Ихъ знакомство не прекратилось тотчасъ послѣ первой ночи, проведенной вмѣстѣ. По выраженію Кириловой, она „сошлась“ съ нимъ, т. е. стала получать отъ него на содержаніе, сначала въ неопредѣленные сроки по 25, 30 и 40 рублей, а затѣмъ онъ давалъ ей по 100 рублей въ мѣсяцъ. Съ этихъ поръ они начали видѣться часто, почти каждый день. Кирилова приходила къ нему на квартиру во всякое время дня и ночи, прислуга Малевскаго стала ее называть „своей барыней“.

Это не мѣшало, впрочемъ, Малевскому относиться пренебрежительно къ Кириловой, третировать ее, какъ женщину, не заслуживающую даже внѣшнихъ знаковъ уваженія, въ присутствіи своихъ товарищей и знакомыхъ. Такъ, ближайшіе друзья Малевскаго, оставаясь наединѣ съ Кириловой, тотчасъ же обращались къ ней съ разными предложеніями, пытались разсматривать публично ея подвязки и т. п.

Впрочемъ,—по мнѣнію, напримѣръ, товарища прокурора,—Кирилова и не заслуживала лучшаго о себѣ мнѣнія. По словамъ обвинителя, стоило только „подробно процитировать актъ осмотра квартиры Кириловой“, чтобы получить надлежащее понятіе о томъ, какого это была сорта женщина.

— Актъ осмотра въ ея квартирѣ даетъ много фактовъ, характеризующихъ ея жизнь, — съ проницательностью плохаго романиста распространялся въ своей рѣчи г-нъ Плющикъ-Плющевскій. — Изъ этого акта мы видимъ, что Кирилова занимала три комнаты: одна предназначалась отдачѣ жильцамъ, а въ остальныхъ двухъ, съ неизбѣжнымъ въ подобныхъ квартирахъ корридоромъ сзади, жила она сама. Въ одной комнатѣ стояла обыкновенная репсовая мебель, а въ другой—ситцевая. Извѣстная обстановка, обыкновенная для женщины такого рода. Въ квартирѣ ея нашлись

кое-какія книжки, нѣсколько томовъ „Дѣла“ за 1871 годъ, одинъ томъ Гоголя, сказки Андерсена, „Лизокъ“ Поль-де-Кока, „Упрощенная ариѳметика“, „Нѣсколько словъ о городскихъ собакахъ“, „Руководство къ обращенію съ швейной машиной“, „Каталогъ музея Гасснера“ и т. д. Видно, что эти книги — продолжалъ обвинитель — попали въ квартиру Кириловой случайно и она относилась къ нимъ съ равнымъ вниманіемъ; видно было, что всѣ эти книги одинаково служили для развитія того лица, которое ихъ имѣло. Кромѣ книгъ нашли еще билетъ на полученіе журнала „Нива“ и конфектный билетикъ со стихами: „Вкусъ грубъ и дуренъ у тебя — ты любишь только лишь себя“, въ которыхъ выразился, можетъ быть, взглядъ Кириловой на кого-либо изъ мужчинъ, знакомыхъ ей, можетъ быть на характеръ самого Малевскаго.

Таковы догадки обвинителя относительно внѣшней и внутренней жизни Кириловой. Но сама подсудимая настаивала на томъ, что, вслѣдствіе знакомства съ Малевскимъ, она круто измѣнила свой прежній образъ жизни и „не хотѣла знаться“ болѣе ни съ однимъ мужчиной.

— Я привязалась къ нему, я готова была за этого человѣка идти на все, дороже его для меня никого не было на свѣтѣ, я не могу передать словами, какую любовь къ нему питала и что чувствовала!—такъ говорила Кирилова о своихъ чувствахъ къ Малевскому.

Пріятели же послѣдняго характеризовали его отношенія къ Кириловой такъ. Человѣкъ умный и развитой, какимъ они признаютъ Малевскаго, „онъ не могъ питать какого-нибудь серьезнаго чувства къ женщинѣ съ такимъ прошлымъ, какъ у Кириловой. Онъ терпѣлъ ее подлѣ себя, не болѣе“... Онъ часто жаловался пріятелямъ, что „она надоѣдаетъ ему своими приторностями и нѣжностями“. Не разъ онъ, ссылаясь на свои постоянныя занятія, просилъ ее заглядывать къ нему порѣже; она отвѣчала на это слезами и упреками... Вообще же друзья Малевскаго полагали, что Кирилова жила съ нимъ „только ради денегъ“ и видѣла въ немъ обезпеченный источникъ постояннаго дохода.

На это Кирилова съ энергіею, даже съ вызывающею грубостью возражала:

— Вы врете, мнѣ нужны были не деньги его—мнѣ нуженъ былъ онъ самъ! Если бы я жила съ нимъ ради денегъ, я ночью въ слякоть, въ холодъ не бѣгала бы къ нему каждую минуту, чтобы только узнать, не приметъ-ли онъ меня, не нужна-ли я ему?.. Если бы я хотѣла денегъ, я могла бы получить втрое болѣе тѣхъ ста рублей, которые онъ мнѣ давалъ.

Затѣмъ Кирилова старалась выяснить, что пріятелямъ Малевскаго и не могъ быть извѣстенъ истинный характеръ ихъ отношеній. По ея словамъ, самъ Малевскій ее „любилъ", былъ къ ней привязанъ. Онъ только тщательно скрывалъ это отъ своихъ товарищей, боясь насмѣшекъ и упрековъ съ ихъ стороны. Если она долго не приходила къ нему, онъ самъ приходилъ къ ней, ревновалъ, подозрѣвалъ въ измѣнѣ... Когда же онъ бывалъ въ кружкѣ товарищей и встрѣчался съ нею, напримѣръ, въ Лѣтнемъ саду, то убѣгалъ отъ нея съ другими женщинами въ темныя аллеи. Такое двоедушное поведеніе Малевскаго ее страшно возмущало и она не разъ говорила ему: „погоди, ты когда-нибудь добѣгаешься".

Товарищи Малевскаго утверждали, что будто бы однажды за обѣдомъ въ компаніи Кирилова, увидавъ у Малевскаго револьверъ, грозилась его убить тутъ-же и заявила, что ей „не страшно", если ее за это сошлютъ въ Сибирь на поселеніе. Но подсудимая дала на этотъ счетъ свои разъясненія: убить она никому не грозила, а увидавъ пистолетъ, просила своего Маньку (она такъ звала Малевскаго) научить ее стрѣлять, на что тотъ возразилъ ей коротко: „это дѣло не женское!"

Затѣмъ на судѣ шла рѣчь о томъ, что Малевскій старался пріучить Кирилову къ самостоятельной трудовой жизни и для этой цѣли купилъ ей швейную машину. Но изъ этого,—по собственному сознанію Кириловой,—ровно ничего не вышло, такъ какъ она была плохая мастерица и вообще къ работѣ не привыкла.

Для того, чтобы рельефнѣе очертить Кирилову, какъ женщину глубоко развратную, умѣвшую жить только праздною жизнью продажной женщины, обвинитель привелъ въ своей рѣчи письмо, писанное Кириловой еще тѣмъ господиномъ, съ которымъ она впервые находилась въ болѣе или

менѣе продолжительной связи. Вотъ это письмо: „Тебѣ я удивляюсь: не имѣть никакихъ занятій, кромѣ какъ ругаться съ окружающими, и если какое дѣло и занятіе представляются, то отталкивать его; все это происходитъ отъ излишняго самолюбія; что не рождена-де я для такого грязнаго дѣла, вотъ мнѣ королевой бы быть въ самый разъ. Поэтому вѣкъ чего-то ищешь, а что подъ носомъ—того не видишь. Это не упрекъ, а жалость говоритъ".

Чтеніе этого письма, неблагопріятныя показанія свидѣтелей, товарищей Малевскаго, все это видимо возбуждающимъ образомъ подѣйствовало на Кирилову. Сначала она держала себя на судѣ убитой, подавленной; но когда на нее полетѣлъ цѣлый градъ упрековъ не только какъ на преступницу, но и какъ на женщину, въ которой никто не хотѣлъ признать даже простого человѣческаго чувства, которую всѣ не стѣсняясь называли въ глаза публичной женщиной, отверженной, паріей, подсудимая съ такимъ циничнымъ равнодушіемъ стала выслушивать показанія свидѣтелей и такъ злобно, съ такою энергичною желчностью защищалась отъ огульныхъ нападокъ, что становилось жалко ее и вмѣстѣ жутко..

Многіе изъ публики, возмущаясь грубою рѣзкостью ея отвѣтовъ, заранѣе предсказывали, что противъ нея слагается у присяжныхъ самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Когда со стола вещественныхъ доказательствъ сняли окровавленную подушку, на которой покоилась спящая голова Малевскаго въ ту минуту, когда онъ былъ убитъ, и поднесли эту подушку къ подсудимой, она опять зашаталась, опять заплакала, и прежній убитый, унылый видъ не покидалъ ее уже болѣе до конца засѣданія...

Малевскій былъ убитъ въ восемь часовъ утра, когда онъ лежалъ еще въ постели и не успѣлъ проснуться. Убила его именно Кирилова, въ чемъ и созналась, и это случилось такъ.

Вечеромъ наканунѣ Кирилова вернулась отъ знакомыхъ къ себѣ довольно поздно, часовъ въ двѣнадцать. Ей показалось, что скучно оставаться одной въ квартирѣ и она отправилась на Выборгскую сторону къ Малевскому. Шла она пѣшкомъ и потому только къ часу успѣла добраться. Пройдя по обыкновенію чрезъ кухню и кабинетъ и не предупреж-

денная никѣмъ изъ прислуги, она подошла къ дверямъ спальни Малевскаго. Двери, противъ обыкновенія, оказались запертыми; тогда она постучалась. На стукъ ея и окликъ Малевскій подалъ голосъ:

— Ступай себѣ домой, я завтра зайду къ тебѣ объясниться...

Затѣмъ на распросы Кириловой онъ пояснилъ:

— Со мной здѣсь женщина, ступай себѣ!.. Она вылитый твой портретъ, и мнѣ рѣшительно все равно, что съ нею, что съ тобой!

Въ ту же минуту послышался за дверью женскій голосъ. Женщина хохотала и изъ-за двери стала дразнить Кирилову.

— А я бы такъ заплакала!..

Тогда Кирилова стала просить Малевскаго выйти къ ней на минуту. Тотъ вышелъ изъ спальни и очутился съ нею въ темной комнатѣ.

— Зажги свѣчу, я въ темнотѣ не могу разговаривать,— попросила Кирилова, на что Малевскій отвѣтилъ:

— Зачѣмъ?.. И такъ знаемъ другъ друга.

Кирилова опять ему сказала: „зажги свѣчу!“

Малевскій зажегъ, взглянулъ на Кирилову—и отшатнулся:

— Фуй, какая ты страшная, блѣдная, уходи!..

Тогда она спросила:

— Зачѣмъ ты утромъ сказалъ мнѣ: приходи, а теперь привезъ другую женщину?..

На это ей Малевскій отвѣчалъ смѣясь:

— Такъ, на тебя похожа, иначе не привезъ бы!

Затѣмъ онъ снова ушелъ въ спальню, а Кирилова осталась у дверей. Она стала просить его, чтобы онъ позволилъ ей остаться ночевать на креслахъ въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ ей на это отвѣчалъ смѣясь:

— Зачѣмъ на креслахъ, иди сюда, станемъ спать втроемъ, веселѣй будетъ!..

Тогда Кирилова пошла изъ комнаты и очутилась въ темномъ кабинетѣ. Здѣсь со стола она взяла револьверъ, сѣла на кушетку и стала имъ вертѣть въ рукахъ. Потомъ изъ револьвера она выстрѣлила и пуля полетѣла куда-то въ темное пространство. Въ спальной, Малевскій и бывшая съ нимъ женщина засуетились. Послѣдняя стала торопливо

одѣваться. Кирилова между тѣмъ подошла съ револьверомъ въ рукахъ къ дверямъ спальни и здѣсь еще разъ выстрѣлила.

— Если ты еще разъ это сдѣлаешь, я пошлю за полиціей!—крикнулъ ей Малевскій и захлопнулъ дверь.

Тогда Кирилова ворвалась насильно въ спальню и кинулась къ нему, отбросивъ револьверъ и цѣпляясь за него руками.

Женщина, бывшая съ нимъ, съ крикомъ выбѣжала изъ комнаты и, не помня себя отъ страха бросилась бѣжать. Кирилова, желая ее успокоить, крикнула ей въ слѣдъ:

— Дама, я васъ не трону!

„Дама“ между тѣмъ бѣжала уже по лѣстницѣ безъ оглядки, гдѣ ее нагнала кухарка, чтобы отдать ей зонтикъ, перчатки и высланныя бариномъ деньги.

Оставшись наединѣ съ Малевскимъ, Кирилова скоро пришла въ себя и успокоилась.

Малевскій послѣ этого долго не спалъ. Онъ пошелъ въ кабинетъ и сталъ разыскивать, куда попали пули. Потомъ онъ позвалъ и Кирилову.

— Какая же ты дурочка, нацѣлить не съумѣла!—сказалъ онъ ей уже шутливо.

Потомъ они пошли въ другую комнату совершенно, пустую, гдѣ только-что выкрашенъ былъ полъ. Здѣсь онъ легъ на полъ и сказалъ ей:

— Если любишь, лягъ и ты!...

Кирилова не легла, а подняла его самого и увела въ кабинетъ. Здѣсь онъ вздумалъ читать газету. Она звала его спать. Они перешли наконецъ въ спальню. Кирилова раздѣла своего „Маньку“, надѣла на него чистую рубашку, уложила въ кровать, загасила свѣчку, легла съ нимъ и— они „помирились“.

Утромъ въ 7 часовъ въ двери постучалась дѣвушка. Кирилова отвѣтила ей „слышимъ“ и разбудила Малевскаго.

— Ты вставай, я полежу еще!—сказалъ ей тотъ и повернулся на другой бокъ.

Кириловой спать больше не хотѣлось. Она пошла въ другую комнату, вычесала себѣ голову, одѣлась и возвратилась опять въ спальню. Малевскій все еще спалъ. Она подошла къ изголовью кровати, чтобъ разбудить его.

На ночномъ столикѣ лежалъ револьверъ...

Вдругъ у Кириловой—по ея словамъ—мелькнула мысль: „когда онъ откроетъ глаза, я увижу его уже въ послѣдній разъ, потому что должна уйти съ тѣмъ, чтобы больше никогда не возвращаться!“

Тогда съ ней сдѣлалось что-то „странное“, въ чемъ она не могла себѣ дать отчета.

Она взяла револьверъ и выстрѣлила въ спящаго Малевскаго. Тотъ захрипѣлъ, но даже не качнулся на мѣстѣ. Она увидѣла кровь, ей сдѣлалось страшно, ее охватилъ ужасъ...

Она выстрѣлила во второй разъ; „зачѣмъ?“—не помнитъ. Ей показалось, что перваго выстрѣла вовсе не было... Наконецъ, она „поняла, что случилось“ и сама позвала людей.

— Я убила Семена Францовича!

Тутъ и конецъ „роману“.

Прокуроръ и защитникъ сошлись въ одной задачѣ: каждый по своему истолковывалъ душевныя движенія подсудимой. Одинъ настаивалъ на побужденіяхъ злой воли, не вызванныхъ ничѣмъ, кромѣ нравственной грубости и распущенности подсудимой; другой—отыскивалъ мотивы, упраздняющія возможность если не психическаго, то нравственнаго вмѣненія.

Присяжные тонко и хорошо разсудили дѣло: они оправдали Кирилову.

IV.

Плодъ крѣпостной культуры.

Въ печати былъ переданъ слухъ, что богатый землевладѣлецъ Псковской губерніи Пантелѣевъ, умирая, завѣщалъ большую часть огромнаго своего состоянія въ пользу бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Этотъ слухъ, — хотя первоначально и опровергнутый,—вскорѣ оказался несомнѣннымъ; а благодаря одному уголовному дѣлу, мы имѣемъ возможность ознакомиться и съ самою личностью завѣщателя.

Дѣло это,—разбиравшееся въ 1878 г. въ петербургскомъ

окружномъ судѣ,—о супругахъ Колокольцовыхъ и зятѣ ихъ, князѣ Гаджемуковѣ, обвинявшихся въ подложномъ составленіи отъ имени покойнаго Пантелѣева векселей на сумму двѣсти двадцать восемь тысячъ рублей.

Съ юридической стороны подлогъ векселей Пантелѣева не представлялъ ничего необычнаго. Съ точки зрѣнія криминальной, дѣло это вполнѣ заурядное и даже нисколько не сложное по фактическимъ обстоятельствамъ. Но бытовая обстановка, породившая самого Пантелѣева, полна значенія.

Спустя пять мѣсяцевъ послѣ смерти Пантелѣева, повѣренный г-жи Колокольцовой, предъявилъ въ коммерческомъ судѣ искъ къ имуществу покойнаго по векселямъ, будто-бы выданнымъ послѣднимъ не задолго до своей кончины Колокольцовой, ея мужу, отставному моряку Колокольцову, и зятю ихъ, князю Гаджемукову. Двое послѣднихъ на своихъ векселяхъ поставили безоборотныя бланковыя надписи, и такимъ образомъ г-жа Колокольцова, въ лицѣ своего повѣреннаго, какого-то присяжнаго стряпчаго, явилась единственною взыскательницею всей суммы 228,000 руб. Наслѣдники Пантелѣева, черезъ своего опекуна, заявили споръ о подлогѣ, и супруги Колокольцовы вмѣстѣ съ своимъ зятемъ очутились на скамьѣ подсудимыхъ.

Ни одинъ изъ обвиняемыхъ не призналъ себя виновнымъ въ составленіи подложныхъ векселей. Всѣ они настаивали на томъ, что, состоя отчасти въ родственныхъ, отчасти въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пантелѣевымъ, они получили эти векселя законнымъ путемъ, такъ какъ покойный, помогая имъ при жизни, пожелалъ обезпечить ихъ и на случай своей смерти.

На судебномъ слѣдствіи выяснилась въ рѣзкихъ чертахъ картина отношеній Колокольцовыхъ и другихъ родственниковъ и приближенныхъ лицъ къ Пантелѣеву. Это были отношенія суетливой, алчной толпы всякаго рода претендентовъ, искателей милостей и выжидателей наслѣдства, съ затаеннымъ трепетомъ стерегшихъ послѣдній вздохъ своего „кормильца и благодѣтеля...“ Судя по тому, что выяснилось на судѣ, можно считать еще благополучнымъ, что смерть Пантелѣева ознаменовалась лишь единичнымъ уголовнымъ процессомъ.

Николай Николаевичъ Пантелѣевъ, нѣкогда блестящій,

свѣтскій и образованный гвардейскій офицеръ, умеръ 21 сентября 1877 года въ своемъ родовомъ помѣстьи Гремулинѣ настоящимъ отшельникомъ—помѣщикомъ, почти никогда не выѣзжавшимъ дальше межи своего собственнаго имѣнія. Докторъ, бывшій при немъ безотлучно во время послѣдней его болѣзни, въ такихъ выраженіяхъ характеризовалъ на судѣ общее положеніе его физическаго и нравственнаго состоянія не задолго передъ кончиной:

„Николай Николаевичъ въ послѣднее время былъ физически въ совершенно почти безпомощномъ положеніи. Ногами онъ былъ давно уже слабъ, онъ не поднималъ ихъ, а только передвигалъ, и потому не выѣзжалъ почти никуда изъ Гремулина, развѣ только въ Порховъ въ казначейство, да и тамъ былъ однажды случай, что онъ, вставъ со стула, упалъ. Руки у Николая Николаевича были также слабы; онъ не могъ скрестить ихъ, а въ послѣднее время даже ложки держать не могъ, хотя не хотѣлъ этого никому показывать“.

„Пантелѣевъ имѣлъ слабость съ утра уже выпивать и къ одиннадцати часамъ онъ былъ всегда на-веселѣ. Силы его отъ этого съ каждымъ днемъ слабѣли, хотя мысли и не терялись, и онъ сохранилъ сознаніе до самой кончины. Глаза отъ постояннаго пьянства были у него всегда на выкатѣ, какъ у рака; когда онъ пилъ меньше, глаза входили въ свои орбиты, но зато они становились слабыми и слезились...“

Въ послѣдній разъ Пантелѣевъ захворалъ мѣсяца за два до смерти раздраженіемъ печени, которое потомъ перешло въ возвратную горячку. Лечиться Пантелѣевъ не любилъ и не хотѣлъ, лекарствъ не принималъ, вѣрилъ въ гомеопатическія средства, самъ умѣлъ распознавать хорошо болѣзни и иногда предугадывать исходъ ихъ. Въ послѣднюю свою болѣзнь, не смотря на обнадеживающія завѣренія доктора, больной былъ какъ бы увѣренъ въ роковомъ ея исходѣ. За мѣсяцъ до смерти онъ почти вовсе пересталъ пить и упорствовалъ въ своемъ такомъ рѣшеніи, не взирая на совѣты доктора, который, опасаясь появленія горячки, приглашалъ его не бросать сразу употребленія спиртныхъ напитковъ, безъ которыхъ привычный организмъ почти вовсе переставалъ питаться и работать. Но Николай Николаевичъ упорствовалъ. Не покидая постели онъ оставался въ полномъ сознаніи,

чувствовалъ себя въ покойномъ состояніи духа и распѣвалъ предсмертные каноны...

Когда докторъ предлагалъ ему какое-нибудь лекарство или приступалъ съ новымъ совѣтомъ, больной безъ всякой тревоги отвѣчалъ ему коротко:

— Я вѣдь знаю, что скоро умру—умру!

А когда однажды докторъ, не отходившій отъ его постели, спросилъ больного, не желаетъ-ли онъ, чтобы въ деревню былъ приглашенъ Андрей Васильевичъ (его племянникъ, законный наслѣдникъ родоваго имѣнія) или кто другой изъ родныхъ, Пантелѣевъ дружески возразилъ ему:

— Подожди, не нужно ихъ,—уморятъ меня; я и такъ умру!

За нѣсколько минутъ до своей смерти, главной заботой умирающаго была сумка, висѣвшая у него постоянно черезъ плечо. Въ этой сумкѣ онъ носилъ деньги, которыя копилъ и по мѣрѣ накопленія значительныхъ суммъ отсылалъ въ государственный банкъ, гдѣ у него хранился значительный, „благопріобрѣтенный“ имъ въ теченіи долгой, уединенной жизни въ деревнѣ, капиталъ. Объ этой „сумкѣ“ наказывалъ Пантелѣевъ доктору, чтобы, послѣ смерти, ее никто не снималъ, кромѣ законнаго наслѣдника или предводителя дворянства, и потому, когда больной умеръ, докторъ распорядился принять мѣры для охраненія ея неприкосновенности.

Тѣло Николая Николаевича, лишь только онъ испустилъ послѣдній вздохъ, заперли на ключъ въ той же комнатѣ, гдѣ онъ умеръ, и не пускали туда никого изъ его близкихъ и даже священниковъ, „опасаясь за сумку“, которая и у мертваго у него неизмѣнно висѣла на груди...

Такъ одиноко, холодно и грустно покончилъ разсчетъ съ жизнью человѣкъ, который, повидимому, имѣлъ горячее сердце, способное на самые гуманные, высокіе порывы, что, онъ доказалъ своимъ предсмертнымъ завѣщаніемъ

Изъ того, что говорилось на судѣ о покойномъ Пантелѣевѣ, не трудно воспроизвести внѣшнюю его біографію, но гораздо труднѣе уловить на основаніи этихъ, во всякомъ случаѣ, отрывочныхъ и поверхностныхъ данныхъ, внутреннюю сущность этой своеобразной и, во всякомъ случаѣ, недюжинной личности. Для этого нужно было бы

заглянуть въ самую душу его. Тогда только, быть можетъ, весь хаосъ странностей и необъяснимыхъ противорѣчій его внутренняго міра сталъ бы для насъ вполнѣ понятенъ.

Въ настоящемъ очеркѣ приходится ограничиться лишь тою характеристикою Пантелѣева, данныя для которой дали въ своихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ тѣ немногія лица, которыя стояли въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ покойному.

Изъ такихъ лицъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія свидѣтель генералъ-маіоръ Бобровскій, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ личныя свои отношенія къ покойному

— Николая Николаевича я узналъ очень близко съ 1870 года, когда женился на его родной племянницѣ, и до самой его кончины находился съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, какія могутъ быть у близкаго родственника къ человѣку подозрительному, мнительному, обладающему большимъ капиталомъ, назначеніе котораго было заранѣе опредѣлено.

Впрочемъ, по словамъ генерала Бобровскаго, нѣкоторая холодность ихъ отношеній не мѣшала ему оцѣнивать покойнаго, какъ онъ того заслуживалъ.

— Изъ немногихъ бесѣдъ съ нимъ во время моего кратковременнаго пребыванія у него въ деревнѣ,—разсказывалъ г. Бобровскій,—я видѣлъ, что онъ изъ своего отшельническаго захолустья слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ. И дѣйствительно, это была голова свѣтлая, человѣкъ идеи, чувствовавшій и сознававшій свои немощи, но не могшій отъ нихъ освободиться. Тѣ немногіе дни, которые я провелъ съ нимъ, всегда останутся у меня въ памяти; я о нихъ вспоминаю съ особеннымъ чувствомъ...

Этотъ-же свидѣтель, такъ симпатично отзывающійся о нравственной личности покойнаго, даетъ намъ слѣдующія подробности домашней жизни Пантелѣева.

Николай Николаевичъ родился въ знатной и богатой семьѣ. Онъ получилъ блистательное домашнее воспитаніе и вступилъ на службу въ одинъ изъ лучшихъ полковъ, именно въ кавалергардскій, гдѣ товарищами у него были такіе люди, какъ извѣстный князь Барятинскій. Такому человѣку, повидимому, предстояла блестящая будущность, заманчивая карьера.

Но надежды всѣхъ, знавшихъ Пантелѣева молодымъ гвардейцемъ, должны были рушиться. Скоро на него стали смотрѣть, какъ на человѣка, „прошлое котораго потеряно“. Едва достигнувъ двадцатяти-лѣтняго возраста, Пантелѣевъ, тотчасъ же послѣ смерти своего отца, выходитъ въ отставку и навсегда уѣзжаетъ „похоронить себя“ въ родномъ своемъ имѣніи Гремулино. Онъ поселяется здѣсь вмѣстѣ съ своей старухой-матерью, къ которой онъ былъ страстно привязанъ, и которая до конца дней своихъ имѣла надъ нимъ какое-то фатальное и неотразимое вліяніе. Въ деревнѣ онъ живетъ почти безвыѣздно, лелѣетъ свою старуху-мать, женщину своенравную, съ узкими эгоистическими взглядами на жизнь, и за отсутствіемъ какихъ-либо живыхъ, насущныхъ интересовъ усиленно предается пьянству и разврату.

Замкнутая жизнь крѣпостника-помѣщика, праздно проживающаго въ своемъ родовомъ помѣстьи, крѣпко ущемляетъ молодого Пантелѣева своими желѣзными тисками, и онъ остается ей вѣренъ до конца, хотя впослѣдствіи онъ и утѣшалъ себя мыслью, что путемъ долгой борьбы и усилій надъ собой ему удалось-таки „скинуть съ себя дворянскую тогу и надѣть сермягу“.

Первымъ толчкомъ къ воспріятію такихъ „демократическихъ убѣжденій“ послужило для Пантелѣева, по всей вѣроятности, 19 февраля. Но, во всякомъ случаѣ, собственная его „эмансипація“ не могла начаться ранѣе кончины его матери, которая только съ послѣднимъ вздохомъ перестала питать своего покорнаго сына „священными традиціями“ крѣпостническаго барства.

При жизни матери мысль молодого Пантелѣева если и работала, то въ сферѣ чисто теоретическихъ умозрѣній и выводовъ; ни одно свѣтлое, живое движеніе души его не находило себѣ практическаго примѣненія къ окружавшей его дѣйствительности.

Его томитъ праздность и скука, но онъ не можетъ уйти въ интересы сельскаго хозяйства, которое одно у него подъ руками. Это дѣло „не дворянское“, а холопское. Хозяйство въ Гремулинѣ идетъ своимъ порядкомъ, оно поддерживается на широкую ногу, на началахъ барщиннаго крѣпостнаго труда. Жизнь же господская не должна имѣть съ нимъ ничего

общаго. Для нея проложена своя, особая, „барская тропа“— „отъ псарни до конюшни“. Отъ душевной пустоты, скуки и праздности при такой обстановкѣ одинъ надежный выходъ— пьянство, и молодой Пантелѣевъ отдается ему съ увлеченіемъ до излишества, до болѣзни, до запоя.

Кромѣ этой пагубной страсти, мать его почти сознательно поддерживала въ немъ стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ разврату. При жизни матери, еще до эмансипаціи крестьянъ, въ барскомъ домѣ Пантелѣева для этой цѣли содержался цѣлый „гаремъ“ изъ молодыхъ дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвушекъ. Все это дѣлалось старухою Пантелѣевою для того, чтобы „отвлечь“ нѣжно-любимаго сына „отъ мысли о женитьбѣ“. Боязнь потерять прежнее вліяніе надъ сыномъ, съ появленіемъ въ домѣ молодой невѣстки, заставляла „нѣжно любящую мать“ добровольно взять на себя роль старой дуэньи въ этомъ крѣпостномъ гаремѣ. Ея старческая чопорность, повидимому, не коробится такимъ зрѣлищемъ; напротивъ, она прилагаетъ все свое умѣніе, всѣ свои усилія, чтобы цвѣтникъ одалискъ, предназначенный для услажденія барскихъ затѣй ея, изнывающаго отъ праздности и внутренней пустоты, сына, цвѣлъ пышнѣе и заманчивѣе подъ ея бережнымъ, предупредительнымъ уходомъ...

Случилось Пантелѣеву на первыхъ же порахъ привязаться съ особенною силою къ молодой крестьянкѣ, Еленѣ Архиповой, съ которой послѣ смерти матери онъ болѣе не разлучался и съ которой онъ прижилъ нѣсколькихъ дѣтей. Этихъ малютокъ по настоянію матери „забрасывали“ какъ щенятъ, т. е. отсылали ихъ въ воспитательный домъ. Только въ 1858 году, когда уже послѣ кончины матери, у Пантелѣева родилась послѣдняя дочь, Елисавета, ее оставили дома. Николай Николаевичъ очень привязался къ ребенку.

Послѣ освобожденія крестьянъ, когда матери его уже не было въ живыхъ, обстановка домашней жизни Пантелѣева нѣсколько измѣнилась, да и лѣта, наконецъ, взяли свое.

Онъ, по прежнему, живетъ помѣщикомъ въ Гремулинѣ, помѣщикомъ старой формаціи, застигнутымъ врасплохъ нежданными реформами. Онъ начинаетъ усиленно читать газеты и журналы и старается слѣдить за всѣмъ, что творится новаго на свѣтѣ. Прогрессивное движеніе, начавшееся въ

русскомъ обществѣ въ шестидесятыхъ годахъ, идетъ мимо практической сферы его замкнутой, праздной жизни; но онъ не остается къ нему совершенно равнодушенъ. Голова его еще свѣжа, и сердце не лишено благихъ порывовъ. Онъ зачитывается Некрасовымъ и „плачетъ вмѣстѣ съ нимъ“ надъ судьбою угнетеннаго меньшаго брата...

Но „дворянскую тогу“ злосчастному Пантелѣеву все-же такъ и не удалось сбросить окончательно. Постоянная борьба съ самимъ собою, постоянное недовольство окружающими развили въ немъ только подозрительность и недовѣріе къ людямъ, которыя подъ конецъ жизни стали преобладающими чертами его характера.

Лучшимъ мѣриломъ того, насколько ему удалось привить къ себѣ тѣ „демократическія убѣжденія“, въ которыхъ онъ видѣлъ еще свое нравственное спасеніе, могутъ служить его отношенія къ Еленѣ Архиповой и къ дочери Лизѣ—единственнымъ его живымъ привязанностямъ, вносившимъ лучъ свѣта въ это замкнутое царство душевнаго очерствленія, не уступавшаго никакимъ усиліямъ нравственнаго самобичеванія.

Съ Еленой Архиповой онъ прожилъ безвыѣздно подъ одною кровлею въ теченіи двадцати пяти лѣтъ и, не смотря на это, между ними не устанавливается другихъ отношеній, кромѣ отношеній безусловно преданной, вѣрной рабыни къ своему господину—съ одной стороны, и снисходительной терпимости—съ другой. Отношенія Пантелѣева къ единственному своему дѣтищу, Лизѣ, точно также носятъ на себѣ тяжелый, двойственный, неискренній характеръ.

Не смотря на всю исключительную близость этихъ двухъ дѣйствительно дорогихъ ему существъ, онъ держитъ ихъ однако же всегда „на приличной дистанціи“ отъ себя, и не перестаетъ давать понять имъ все различіе въ ихъ общественныхъ положеніяхъ.

— До какой степени Пантелѣевъ былъ деликатенъ,—наивно повѣствуетъ объ этомъ генералъ Бобровскій,—это видно изъ того, что когда я пріѣхалъ къ нему въ первый разъ, то онъ даже не представилъ мнѣ Елену, а только когда я самъ попросилъ познакомить меня съ хозяйкой, только тогда онъ представилъ ее и показалъ мнѣ свою дочь, но все-таки не посадилъ ихъ вмѣстѣ съ собой даже за обѣденный столъ.

А между тѣмъ, безъ гостей, когда Пантелѣевъ оставался одинъ, онъ рѣшительно не могъ обходиться безъ ихъ общества. О томъ, что они всегда вмѣстѣ обѣдали, когда не бывало гостей, нечего уже и говорить.

— Елена Архипова,—разсказывалъ объ этомъ докторъ,— должна была все съ нимъ ѣсть и пить изъ одной посуды, и если она говорила, что ей не хочется, то Николай Николаевичъ упрашивалъ сдѣлать это „для него".

Кромѣ желанія быть постоянно въ ея обществѣ, имъ руководила въ этомъ случаѣ и постоянная боязнь, что его отравятъ. Особенно опасался онъ этого со стороны членовъ семейства своего родного брата, отца своего законнаго наслѣдника. Жену его онъ называлъ „женщиной-змѣей", боялся ея, тяготился ихъ пріѣздами и, когда тѣ уѣзжали, всегда говорилъ: „слава Богу, что уѣхали". Предубѣжденіе противъ семьи его брата, по его словамъ, сложилось у него потому, что покойный братъ его вѣчно жаловался Государю на неправильный раздѣлъ, обвинялъ его въ мотовствѣ и просилъ назначить надъ нимъ опеку. А когда эти ходатайства не удались, онъ не побрезгалъ попытать и другія средства. Такъ, однажды,—разсказывалъ Пантелѣевъ,—къ нему пришелъ камердинеръ Алексѣй, подалъ ему сто рублей и сказалъ, что эти деньги ему далъ Василій Николаевичъ съ тѣмъ, чтобы онъ отравилъ брата. Естественно, что послѣ этого онъ опасался покушеній на свою жизнь и со стороны всѣхъ другихъ своихъ родственниковъ.

Такимъ образомъ, преданная и любящая Елена Архипова въ теченіе своего двадцатипяти-лѣтняго сожительства съ Пантелѣевымъ, была ему не только вѣрною подругою, но и безсмѣннымъ стражемъ, оберегавшимъ его спокойствіе и даже самую жизнь. И вотъ даже въ награду за такую исключительную преданность матери своего единственнаго нѣжно-любимаго ребенка, онъ не съумѣлъ выдѣлить отношеній своихъ къ Архиповой изъ отношеній къ остальной прислугѣ. Даже умирая, онъ завѣщалъ ей копѣйка въ копѣйку только ту „сумму, которая составилась изъ жалованья, получаемаго ею по 25 рублей въ мѣсяцъ въ теченіе двадцатипяти лѣтъ". Что касается до его отношеній къ дочери, то онѣ были до такой степени тяжелы своей двойственностью,

что ихъ не вынесла чуткая и воспріимчивая натура молодой дѣвушки, подъ гнетомъ ихъ сошедшая въ преждевременную могилу.

Въ 1870 году свидѣтель Бобровскій видѣлъ ее двѣнадцатилѣтнею, здоровою, цвѣтущею дѣвочкою. На вопросъ его, обращенный къ Пантелѣеву, какое воспитаніе намѣренъ онъ дать своей дочери, Пантелѣевъ обстоятельно высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ. Онъ намѣренъ былъ дать такое воспитаніе, какое „подобаетъ ея званію". Мать ея крестьянка и потому она въ будущемъ „не должна стоять выше своей матери, чтобы не гнушаться ею".

— Я слишкомъ люблю и уважаю Елену,—сказалъ при этомъ Пантелѣевъ,—и я не хочу, чтобы она впослѣдствіи краснѣла передъ своею дочерью. Судьба ихъ обезпечена, я оставляю имъ столько, сколько нужно, чтобы онѣ не нуждались въ жизни.

По мѣрѣ того, какъ Лиза подростала и начинала понимать окружающее. она стала блѣднѣть и задумываться. Въ послѣдній разъ, когда ее видѣлъ Бобровскій, она уже была совсѣмъ больная и вскорѣ умерла, по его мнѣнію, „отъ ненормальной жизни". Эта ненормальная жизнь, по его словамъ, заключалась „въ недостаткѣ воздуха", потому, что Пантелѣевъ самъ никуда не выходилъ, и ее никуда не выпускалъ.

Еще болѣе точныя свѣдѣнія о судьбѣ этой несчастной дѣвушки передавала на судѣ г-жа Пороховникова, жена бывшаго сельскаго учителя въ Гремулинѣ. Она разсказывала, что когда въ 1870 году пріѣхала туда, то застала Лизу рѣзвою, веселою, здоровою дѣвочкой. Пантелѣевъ, на средства котораго содержалась школа, покровительствовалъ учителю и его женѣ, очень близко съ ними сошелся и въ теченіе полутора года почти все свободное время проводилъ въ ихъ обществѣ. Г-жа Пороховникова стала учить Лизу, которая оказалась дѣвочкой очень развитой и способной. Скоро онѣ подружились и стали жить, что называется, душа въ душу. Пантелѣевъ, видя ее подростающею, сталъ подумывать объ ея замужествѣ и даже одно время остановился въ своемъ выборѣ на сынѣ Колокольцовыхъ, которымъ, въ качествѣ дальнихъ родственниковъ и „добрыхъ людей", онъ помогалъ воспитывать молодого человѣка. Впрочемъ, при первомъ же

свиданіи съ молодымъ Колокольцовымъ, онъ нашелъ, что у него „зловѣщіе глаза“ и пересталъ думать о немъ, какъ о женихѣ для своей дочери.

Лиза, между тѣмъ, изъ рѣзвой, шаловливой дѣвочки, превратилась въ почти-взрослую дѣвушку, и тутъ съ ней приключилась какая-то странная, повидимому, совершенно безпричинная перемѣна. Она вдругъ загрустила, сдѣлалась задумчивою, равнодушною ко всему окружающему, а потомъ вскорѣ и захворала. Пріятельница ея, учительница, не разъ высказывала по этому поводу Пантелѣеву, что можетъ быть причина болѣзни его дочери лежитъ глубже, нежели въ простомъ, случайномъ физическомъ нездоровьи.

— Она понимаетъ свое фальшивое положеніе, понимаетъ, что не имѣетъ имени!—убѣждала она его.

Но Пантелѣевъ оставался глухъ къ этимъ доводамъ, онъ даже сердился и просилъ учителя и его жену бывать порѣже у него въ домѣ, ссылаясь на разныя кляузы, которыя будто бы распускаютъ по поводу его близости къ нимъ.

Когда молодая дѣвушка вскорѣ послѣ этого умерла, онъ все-таки не хотѣлъ сознать своей вины и постоянно укорялъ г-жу Пороховникову.

— Не я, а вы,—говаривалъ онъ часто, сердясь,—причина смерти дочери. Вы ей набили всякій вздоръ въ голову!

Потерявъ въ Лизѣ свою послѣднюю привязанность, Пантелѣевъ замкнулся еще больше и совсѣмъ ушелъ въ скорлупу своей природной подозрительности и недовѣрчиваго отношенія къ людямъ. Онъ и прежде не выѣзжалъ никуда изъ Гремулина, а тутъ совсѣмъ бросилъ хозяйство, которое и безъ того у него шло плохо, заперся въ одной комнатѣ, гдѣ была только кровать, кушетка, да обѣденный столъ, и почти вовсе не показывался въ другія комнаты. Газеты и журналы, хотя и выписывались имъ по прежнему, но они уже совсѣмъ не читались. Письменныхъ принадлежностей также въ его комнатѣ не было; онъ ничего не писалъ, а когда иной разъ ему приходилось подписывать свою фамилію, то это было цѣлое событіе: ему приносили перо и чернила изъ кухни или отъ приказчика.

Въ это время онъ и затѣялъ составить свое духовное завѣщаніе на случай смерти и, вручая его предводителю

дворянства, сообщилъ, что все родовое имѣніе свое оставляетъ „по долгу чести“ законнымъ наслѣдникамъ своимъ, а деньгами, которыя накопилъ и еще накопитъ самъ, хочетъ выкупить нѣкоторыя семейства временно-обязанныхъ крестьянъ.

Преслѣдуя уже нѣсколько времени эту послѣднюю мысль, онъ подъ конецъ своей жизни превращается въ настоящаго скупаго рыцаря, „въ исправнаго казначея“, хранителя чужихъ денегъ, какъ самъ онъ не разъ называлъ себя въ шутку. Желая накопить какъ можно больше, онъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ бережетъ свою завѣтную кожаную сумку, пересчитываетъ по нѣсколько разъ въ день засаленныя ассигнаціи и затѣмъ, болѣе или менѣе значительными, партіями отправляетъ ихъ въ государственный банкъ, для пріобщенія къ своему „благопріобрѣтенному“, или, какъ онъ самъ выражался, „накопленному“ въ теченіи долгой жизни капиталу.

Изъ этого капитала онъ, по духовному завѣщанію, кромѣ пяти тысячъ рублей на церковь въ селѣ Гремулинѣ, тысячи рублей на свое погребеніе, да десяти тысячъ своей незаконнорожденной дочери Елизаветѣ, а, на случай ея смерти, матери ея,—всю остальную сумму, достигшую въ моментъ его смерти свыше восьмисотъ тысячъ рублей, завѣщалъ на выкупъ временно-обязанныхъ крестьянъ Порховскаго уѣзда.

Какъ, однако же, ни тяготился Пантелѣевъ всякаго рода родственными посѣщеніями и заискиваніями, у него все-таки не хватило мужества порвать окончательно всякую связь съ этими чуждыми и до извѣстной степени даже ненавистными ему людьми. Такъ, до послѣднихъ дней своей жизни, онъ, вѣроятно также „по долгу чести“, поддерживалъ постоянныя сношенія съ будущимъ владѣльцемъ Гремулина и всего остальнаго родоваго его имѣнія, корнетомъ А. В. Пантелѣевымъ. Видя въ немъ своего законнаго наслѣдника, Пантелѣевъ и при жизни „старался поддержать его на должной высотѣ“ общественнаго положенія. Онъ помогъ ему поступить въ кавалергардскій полкъ и затѣмъ выдавалъ ему ежегодно двѣ-три тысячи на содержаніе. Племянникъ, съ своей стороны, не забывалъ отъ времени до времени выражать должные знаки почтенія своему дядюшкѣ, и по нѣсколько разъ въ годъ являлся къ нему на поклонъ въ деревню.

Въ такомъ же родѣ были отношенія Пантелѣева и къ другимъ его родственникамъ, которые, по собственному его выраженію, смотрѣли на него, какъ на „дойную корову“. Онъ помогалъ имъ, они находили въ немъ иногда своего „заступника и покровителя“, съ тою, впрочемъ, оговоркою, что онъ никогда не выражалъ намѣренія завѣщать имъ что-либо послѣ своей смерти.

Къ разряду такихъ лицъ, принадлежали и супруги Колокольцовы, которымъ онъ старался помогать, какъ людямъ бѣднымъ, и съ этой цѣлью предоставилъ имъ даже пользоваться безотчетно доходомъ съ его домовъ, находившихся въ Петербургѣ, имѣя въ виду, что эти деньги пойдутъ на воспитаніе ихъ довольно многочисленныхъ дѣтей.

Старика Колокольцова, отставного моряка, онъ даже очень любилъ за его добродушіе и безобидность, нисколько не тяготился его пріѣздами, шутилъ съ нимъ, подсмѣивался надъ адмиральскимъ часомъ и т. п. Что же касается до его жены, Анны Андреевны, то ея онъ недолюбливалъ, такъ какъ она его постоянно безпокоила своими сплетнями то о Пантелѣевыхъ, то о Яхонтовыхъ, то о Желтухинѣ, различныхъ родственникахъ Пантелѣева, которые, будто бы, ждутъ не дождутся его смерти и радуются въ ожиданіи наслѣдства. При жизни дочери Пантелѣева, Колокольцова замышляла выдать ее за своего сына, но, какъ извѣстно, это ей не удалось. Затѣмъ, выдавая замужъ свою дочь за офицера милиціи, князя Гаджимукова, который былъ магометанскаго вѣроисповѣданія, Колокольцова упросила Пантелѣева быть его крестнымъ отцомъ, разсчитывая получить по этому случаю большіе подарки. Но онъ далъ только двѣсти рублей въ день крестинъ и столько же въ день свадьбы, чѣмъ Колокольцова была очень недовольна.

Въ послѣднее время Пантелѣевъ очень тяготился постоянными происками Колокольцовой, которая, по его выраженію, была „безцеремонна какъ прачка или кухарка“, и въ добавокъ держала въ рукахъ всю семью, не исключая мужа и зятя, которыхъ она постоянно подсылала являться просителями передъ „кормильцемъ и благодѣтелемъ“.

По духовному завѣщанію своему Пантелѣевъ ничего не отказалъ Колокольцовымъ. Старикъ Колокольцовъ, поле-

тѣвшій было на похороны Пантелѣева въ Гремулино, узнавъ объ этомъ, былъ такъ разстроенъ, что даже не пошелъ поклониться праху „своего благодѣтеля“, находя, что онъ этого „не стоитъ“. Но когда онъ затѣмъ вернулся въ Петербургъ и переговорилъ объ этомъ съ своей женой, то сталъ увѣрять всѣхъ, что будто бы онъ видѣлъ въ деревнѣ другое какое-то добавочное завѣщаніе съ надписью „моему другу“, т. е. ему, которое, однако, неизвѣстно куда подѣвалось.

Вообще не безъинтересно указать здѣсь на стремленіе парализовать предсмертную волю покойнаго, выразившуюся въ его завѣщаніи, со стороны разныхъ лицъ.

Такъ, по собственному сознанію корнета Пантелѣева, нынѣшняго владѣльца всѣхъ родовыхъ имѣній дяди, онъ началъ съ того, что уничтожилъ вовсе школу, имѣвшуюся въ селѣ Гремулинѣ, и въ томъ флигелѣ, гдѣ она прежде помѣщалась, водворилъ на жительство, въ качествѣ почетной обывательницы, бывшую хозяйку дома, старуху преклонныхъ лѣтъ, Елену Архипову. Затѣмъ, изъ его же словъ оказывается, что онъ совѣтовался съ нѣкоторыми адвокатами, желая измѣнить духовную дяди въ томъ смыслѣ, чтобы обезпечить прежде участь своихъ собственныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

Кромѣ того, оспаривать духовное завѣщаніе Пантелѣева пытались еще Яхонтовы, родственники его по женской линіи, которые претендовали явиться сонаслѣдниками, такъ какъ въ завѣщаніи было сказано о законныхъ наслѣдникахъ во множественномъ числѣ. Иниціатива такого оспариванія духовнаго завѣщанія со стороны Яхонтовыхъ шла, очевидно, отъ Колокольцовой, которая тотчасъ послѣ смерти Пантелѣева подала имъ объ этомъ мысль и просила выдать ей довѣренность на веденіе дѣла съ тѣмъ, чтобы все полученное подѣлить пополамъ. Предложеніе это Яхонтовы не приняли и повели дѣло самостоятельно.

Наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, неизвѣстно откуда всплыли векселя Пантелѣева, которые были предъявлены Колокольцовой ко взысканію. На судѣ подсудимая старалась увѣрить присяжныхъ, что объ этихъ векселяхъ намѣренно не было рѣчи при жизни Пантелѣева, такъ какъ онъ „желалъ въ тайнѣ отъ другихъ родственниковъ облагодѣтельствовать“ ихъ на всю жизнь

Противъ этихъ аргументовъ представлялись весьма вѣскія соображенія о болѣзненной мнительности и подозрительности Пантелѣева, лишь только дѣло касалось какого-нибудь экономическаго или юридическаго вопроса. По словамъ мѣстнаго предводителя дворянства, Пантелѣевъ „скорѣе бы умеръ, нежели рѣшился выдать безъ постороннихъ свидѣтелей вексель“ даже на двадцать пять копѣекъ, а не только на двѣсти двадцать восемь тысячъ. Мнительность его и боязнь быть заподозрѣннымъ въ какихъ-либо преступныхъ побужденіяхъ доходила до того, что, послѣ извѣстнаго овсянниковскаго процесса, онъ вовсе „пересталъ страховать свои строенія изъ боязни быть обвиненнымъ въ поджогѣ“; являясь воспріемникомъ князя Гаджимукова, онъ не только не присутствовалъ при крещеніи, но не захотѣлъ даже вписать своего имени въ церковныя книги, боясь, „чтобы изъ этого чего не вышло“ и т. д.

Присяжные, однако, не признали никого изъ трехъ подсудимыхъ виновными, хотя и пришли къ заключенію о подложности векселей.

На основаніи такого вердикта, судъ постановилъ подсудимыхъ отъ суда освободить, а векселя уничтожить.

V.

Неудавшееся покушеніе.

Въ судѣ.

Никогда еще зало уголовнаго суда такъ не волновалось. не безпокоилось и не трепетало отъ нетерпѣнія въ ожиданіи подсудимой, какъ это было на дѣлѣ Вѣры Засуличъ.

Съ аккуратностью секундной стрѣлки, ровно въ одиннадцать часовъ засѣданіе открылось.

— Введите подсудимую!—раздался негромкій, мягкій голосъ предсѣдателя суда А. Ѳ. Кони и, за мгновенье передъ тѣмъ еще шумѣвшая зала смолкла, застыла въ гробовомъ молчаніи.

На возвышеніи скамьи подсудимыхъ, подъ охраною нѣсколькихъ жандармовъ, съ саблями на голо, появилась смуг-

ловатая, блѣдная, тщедушная дѣвушка. Одѣта она въ черное, люстриновое, поношеное платье, темные ея волосы гладко расчесаны на головѣ и заплетены въ двѣ небольшія косы.

Ея некрасивое, но симпатичное, нѣсколько удлиненное съ запавшими щеками и заострившимися отъ худобы носомъ и подбородкомъ, лицо останавливаетъ на себѣ всѣ взоры. Ничего отталкивающаго, ничего вызывающаго во всей ея маленькой фигуркѣ, ни одного жеста, ни одного движенія внѣшней рисовки...

— Да полно!—точно-ли это она, привлеченная на судъ; это-ли та эксцентричная „злодѣйка“, которая, не смущаясь присутствіемъ людей, среди бѣлаго дня подняла мстительную руку и не дрогнула спустить курокъ?..

Но это точно она.

— Меня зовутъ Вѣрой Засуличъ, я дочь капитана, мнѣ отъ роду 28 лѣтъ,—едва слышнымъ голосомъ и съ неунявшимся еще отъ первыхъ впечатлѣній волненіемъ отвѣчаетъ подсудимая на предварительные вопросы предсѣдателя. Затѣмъ она опускается на скамью и смирнехонько сидитъ, прислонившись спиною къ задней стѣнкѣ скамьи.

По мѣрѣ того, какъ вы начинаете пристальнѣе вглядываться въ это молодое, но уже поблекшее лицо и въ особенности въ эти добрые, безпритязательно, лишь съ какою-то страдальческою сосредоточенностью глядящіе на васъ, глаза—все легче и легче становится у васъ на душѣ. Вы проникаете всю глубину этого взгляда: передъ вами не злодѣйка, не убійца. Пусть въ прочитанномъ передъ вами обвинительномъ актѣ поступокъ ея названъ преднамѣреннымъ покушеніемъ на одно изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, пусть приставленный въ концѣ этого обвинительнаго акта кабалистическій знакъ, въ видѣ занумерованной статьи закона, грозитъ ей безпощадной каторгой. Но въ этомъ грустномъ взглядѣ вы угадываете истину. Эти нервно вздрагивающія сухощавыя плечи подняли и донесли до самой Голгоѳы такой тяжелый крестъ, такую непосильную ношу, что въ сердцѣ вашемъ вы не находите мѣста иному чувству, кромѣ чувства безпредѣльнаго участія къ этой молодой страдалицѣ.

— Я признаю, что стрѣляла въ генерала Трепова,—отвѣчаетъ подсудимая на вопросъ о виновности,—но рана-ли могла послѣдовать отъ этого, или смерть — для меня было безразлично.

Затѣмъ все судебное слѣдствіе, объясненіе подсудимой, и наконецъ, глубокая по своему содержанію и потрясающая по силѣ выраженія, рѣчь защитника прис. пов. П. А. Александрова послѣдовательно разоблачаютъ передъ вами всю подкладку драмы, изъ которой выросло преступленіе Засуличъ.

Рана, нанесенная генералу Трепову, оказалась тяжкою, но не смертельною, и ко времени судебнаго разбора жизнь генерала, по счастью, была уже внѣ опасности.

Теперь познакомимся поближе съ личностью подсудимой

Въ мартѣ 1869 г., когда она вышла изъ пансіона, въ которомъ воспитывалась и выдержала экзаменъ на домашнюю учительницу, Вѣрѣ Засуличъ было всего семнадцать лѣтъ. Это была дѣвушка бѣдная, и ей предстояло прежде всего позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Пришлось взяться за первую представившуюся работу. Засуличъ поступила писцомъ къ мировому судьѣ въ Серпуховѣ, гдѣ и оставалась болѣе года Осенью 1868 г. она переѣхала въ Петербургъ гдѣ поселилась съ матерью. Ходила она работать въ переплетную и кромѣ того посѣщала школу для учителей, желая обучиться въ то время очень модному и еще новому „звуковому способу преподаванія“. Въ этой школѣ случай ее столкнулъ съ извѣстнымъ революціоннымъ дѣятелемъ Нечаевымъ, въ то время еще не проявившимъ себя, впрочемъ, ничѣмъ особеннымъ. Знакомство это было кратковременно и проявилось лишь въ томъ, что, уѣхавши заграницу, Нечаевъ нѣсколько писемъ къ своимъ корреспондентамъ переслалъ по ея адресу. Впослѣдствіи когда разыгралась въ Москвѣ извѣстная нечаевская трагедія, Засуличъ пришлось дорого поплатиться за это случайное свое знакомство съ нимъ.

Въ апрѣлѣ 1869 года въ квартирѣ Засуличъ былъ сдѣланъ обыскъ. Ничего подозрительнаго не нашли. Въ это время и мать и дочь собирались переѣзжать на лѣто въ Москву. Имъ въ этомъ, повидимому, не дѣлали препятствія, только каждый день къ нимъ изъ участка приходилъ городовой справляться: „когда, молъ, выѣзжаете?“

Наконецъ, собрались и поѣхали.

Едва они добрались до Москвы, ихъ—тутъ-же на вокзалѣ—арестовали. Для ночевки ихъ отправили въ часть и затѣмъ на другой-же день въ сопровожденіи жандармовъ обратно повезли въ Петербургъ. Здѣсь мать послѣ нѣкоторыхъ допросовъ отпустили, а дочь отвезли въ Литовскій замокъ, гдѣ ее содержали какъ подслѣдственную арестантку по политическому дѣлу.

— Въ первую недѣлю моего ареста, — разсказывала объ этомъ обстоятельствѣ Засуличъ на судѣ — ко мнѣ заѣхалъ какой-то жандармскій офицеръ и спросилъ: не имѣю-ли я что показать, прибавивъ при этомъ, что отъ моихъ показаній будетъ зависѣть и мое освобожденіе. Я, удивившись, отвѣчала, что даже не знаю, за что арестована, и никакъ не могу „имѣть что нибудь показать".

Послѣ этого, „втеченіи цѣлаго года" Засуличъ „никуда не вызывали и ни о чемъ не спрашивали". Она серьезно начинала думать, что ее „забыли въ тюрьмѣ".

Но вотъ, наконецъ, въ одно майское утро 1870 года замокъ ея камеры щелкнулъ не въ обычное время. Радость надежды охватила душу молодой узницы: „Наконецъ-то свобода!" Но,—увы!—до свободы было еще очень далеко. Это было только „перемѣщеніе" изъ Литовскаго замка въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь ее водили къ допросу въ такъ-называемую „чемадуровскую комиссію",—но и здѣсь „показать" ей рѣшительно было нечего.

Въ крѣпости Засуличъ продержали еще годъ, до марта 1871 г. На пятой недѣлѣ поста, прокуроръ ей сказалъ, что ее „нашли совершенно невиновною" и что она можетъ идти, куда ей заблагоразсудится. Ее освободили къ Святой. Въ первую-же ночь Пасхи ее заново арестовали, и препроводили въ тюрьму пересыльныхъ арестантовъ. Это уже ей показалось ни съ чѣмъ несообразнымъ.

Въ тюрьму къ ней на свиданье приходила сестра, приносила ей провизію, лакомства, книги, но ни денегъ, ни одежды не принесла. „Высылка" имъ и въ голову не приходила. Все думали, что это недоразумѣніе, которое скоро разъяснится. Случилось однако-же иное.

На пятый день Пасхи ее взяли „въ чемъ была" и отправили

съ двумя жандармами на мѣсто ссылки, въ городъ Крестцы. Привезли ее прямо къ исправнику. Тотъ, оглядѣвъ ее, сказалъ, что она будетъ находиться подъ надзоромъ полиціи, и отпустилъ ее на всѣ четыре стороны.

Въ незнакомомъ городѣ, среди совершенно чужихъ людей, въ одномъ платьѣ на плечахъ и съ двумя рублями въ карманѣ Засуличъ очутилась въ самомъ безвыходномъ положеніи. На первыхъ порахъ ей пришлось буквально „нищенствовать“. Вскорѣ нашлись, однако, добрые люди, которые пріютили ее у себя, дали комнату и столъ.

Въ Крестцахъ прожила она недолго. Кормиться ей было нечѣмъ, работы нельзя было найти, и потому она въ іюнѣ подала, кому слѣдовало, прошеніе о „кормовыхъ“, но при этомъ приложила и заявленіе зятя своего (также находившагося въ административной ссылкѣ), что онъ можетъ ее содержать, если ее переведутъ къ нему въ Тверь. Послѣднее ходатайство было уважено.

Изъ Твери ее возили съ жандармами въ Москву свидѣтельницей по нечаевскому дѣлу, и затѣмъ отправили обратно.

Въ 1872 году, лѣтомъ, надъ нею стряслась новая бѣда. Зятя ея, по подозрѣнію „въ раздачѣ семинаристамъ запрещенныхъ книгъ“ перевели въ Солигаличъ, Костромской губ., а ее арестовали, возили для допроса о семинаристахъ въ Петербургъ, и затѣмъ сослали также въ Солигаличъ.

Въ 1873 году ее перевели въ Харьковъ, гдѣ она оставалась подъ надзоромъ полиціи и безъ права выѣзда изъ города втеченіи двухъ лѣтъ. Время у нея здѣсь не пропало даромъ: она обрадовалась, что могла серьезно заняться, и скоро выдержала акушерскій экзаменъ. Только въ концѣ 1875 года, т. е. почти спустя десять лѣтъ послѣ ея перваго ареста, ей разрѣшено было „свободно избрать себѣ мѣсто жительства“. Она тотчасъ-же поѣхала искать себѣ мѣсто и послѣднее время большею частью проживала въ Пензѣ.

Эти долгіе годы безпрерывныхъ арестовъ, обысковъ и допросовъ не могли, разумѣется, не отразиться на всемъ организмѣ, на всей нервной системѣ молодой дѣвушки. Вѣчно бродячая жизнь человѣка, находящагося подъ полицейскимъ надзоромъ, въ концѣ концовъ утомила ее, разбила нравственно и физически. Лучшіе, самые свѣтлые годы молодо-

сти погибли безвозвратно по тюрьмамъ и острогамъ. Все это привело къ тому, что, — говоря устами ея защитника,—„въ эти годы зарождающихся симпатій Засуличъ, дѣйствительно, создала и закрѣпила въ душѣ своей на вѣки одну симпатію—беззавѣтную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужденъ влачить несчастную жизнь подозрѣваемаго въ политическомъ преступленіи. Политическій арестантъ, кто бы онъ ни былъ, сталъ ей дорогимъ другомъ, товарищемъ юности, товарищемъ по воспитанію. Тюрьма была для нея alma mater, которая навсегда закрѣпила эту дружбу и товарищество".

Находясь въ подобномъ душевномъ состояніи, она узнала изъ газетъ, что въ Петербургѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія былъ наказанъ розгами политическій арестантъ,— за то, что не снялъ передъ кѣмъ-то изъ начальства шапки. Это извѣстіе показалось Засуличъ совершенно невѣроятнымъ. Ей не вѣрилось, чтобы въ наше время, когда тѣлесныя наказанія отмѣнены, когда проповѣдуется гуманное признаніе въ арестантѣ человѣческой личности, такой пустой предлогъ, какъ неснятіе шапки, могъ вызвать такую ужасную, и столь позорную расправу съ политическимъ арестантомъ, человѣкомъ, во всякомъ случаѣ, развитымъ, чувствующимъ весь позоръ подобнаго истязанія.

Въ сентябрѣ Засуличъ пріѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она уже могла провѣрить занимавшее всѣ ея мысли событіе по разсказамъ очевидцевъ. Къ ужасу своему она узнала здѣсь такія подробности, которыя еще болѣе „возмутили всѣ ея чувства".

Она узнала, что наказанный арестантъ былъ Боголюбовъ, незадолго передъ тѣмъ осужденный въ каторгу по дѣлу объ извѣстной уличной демонстраціи на Казанской площади. Приговоръ надъ нимъ еще не былъ приведенъ въ исполненіе, и онъ содержался вмѣстѣ съ другими подслѣдственными арестантами въ „домѣ предварительнаго заключенія".

Все происшествіе, имѣвшее мѣсто 13-го іюля 1877 года, при посѣщеніи генералъ-адъютантомъ Треповымъ „дома предварительнаго заключенія", выяснилось на судѣ, благодаря показаніямъ нѣсколькихъ содержащихся въ то время подъ арестомъ подсудимыхъ по послѣднему политическому процессу.

— 13-го іюля,—показывалъ объ этомъ обстоятельствѣ свидѣтель Петропавловскій,—около 10 часовъ утра, я съ Боголюбовымъ и Кадьяномъ гуляли по двору тюрьмы. Пріѣхалъ генералъ Треповъ. При встрѣчѣ съ нами градоначальникъ рѣзко спросилъ, отчего политическіе арестанты гуляютъ всѣ вмѣстѣ. Когда г. Курѣевъ, смотритель тюрьмы, растерявшись, замедлилъ отвѣтомъ, къ градоначальнику, приподнявши фуражку, подошелъ Боголюбовъ и сказалъ, что онъ содержится по другому дѣлу и уже осужденъ. Градоначальникъ раздраженно и рѣзко сказалъ: „не съ тобой говорятъ; взять его въ карцеръ!“ Но изъ служителей тутъ никого не случилось. Тогда мы съ Боголюбовымъ пошли дальше по двору и опять встрѣтили градоначальника. „Шапку долой!“—закричалъ градоначальникъ и бросился къ Боголюбову, замахнувшись на него кулакомъ. Боголюбовъ отмахнулся отъ этого движенія, фуражка у него свалилась набокъ; онъ подхватилъ ее и опять надѣлъ. Градоначальникъ снова подскочилъ къ Боголюбову, но ударилъ-ли его, или только сорвалъ фуражку, этого я не замѣтилъ Я самъ былъ такъ взволнованъ, такъ пораженъ... Въ этотъ же день Боголюбова наказали розгами.

Другіе свидѣтели дополнили этотъ разсказъ. Оказывается, что всѣ, бывшіе у оконъ своихъ камеръ, арестанты, возмущенные происшедшею на ихъ глазахъ сценою, отвѣтили общимъ крикомъ негодованія на оскорбленіе генераломъ Треповымъ Боголюбова. Въ отвѣтъ на эти крики начальникъ тюрьмы Курѣевъ пошелъ по камерамъ, приказывая служителямъ „перетаскать по одиночкѣ въ карцеръ“ всѣхъ шумѣвшихъ. Тутъ-же для общаго назиданія онъ объявлялъ, что Боголюбова высѣкутъ розгами. Затѣмъ произошло нѣчто еще болѣе грандіозное: толпы городовыхъ, предводимые дежурными тюремщиками, врывались въ камеры и били арестантовъ.

На женскомъ тюремномъ отдѣленіи вся эта исторія также отразилась. Изъ женскихъ камеръ слышали гулъ и шумъ въ мужскомъ отдѣленіи, и всѣ понимали, что тамъ творится нѣчто недоброе. Служители вязали передъ окнами женскаго отдѣленія пуки розогъ и съ хохотомъ хлестали ими, грозя арестанткамъ. Тогда среди арестованныхъ женщинъ поднялось такое волненіе, что розги перешли вязать въ сарай, и стали проносить ихъ мимо оконъ, уже скрывая подъ полой.

Въ 2 часа, въ тотъ же день, въ нижней галлереѣ высѣкли Боголюбова.

Чтобы понять, какое потрясающее впечатлѣніе разсказы обо всемъ этомъ произвели на Засуличъ, мы приведемъ соотвѣтствующее мѣсто изъ рѣчи ея защитника.

— Съ чувствомъ глубокаго, непримиримаго оскорбленія за нравственное достоинство человѣка,—говорилъ прис. пов. Александровъ,— отнеслась Засуличъ къ извѣстію о позорномъ наказаніи Боголюбова. Что былъ для нея Боголюбовъ? Онъ не былъ ея родственникомъ, другомъ; онъ не былъ ея знакомымъ; она никогда не видала и не знала его. Но развѣ для того, чтобы возмутиться видомъ нравственно раздавливаемаго человѣка, чтобы прійти въ негодованіе отъ позорнаго глумленія надъ беззащитнымъ, нужно быть сестрою, женою, любовницею? Для Засуличъ Боголюбовъ былъ политическій арестантъ, и въ этомъ словѣ было для нея все. Политическій арестантъ не былъ для Засуличъ отвлеченное представленіе, вычитанное изъ книгъ, знакомое по слухамъ по судебнымъ процессамъ, представленіе, возбуждающее въ каждой честной душѣ чувство сожалѣнія, состраданія, сердечной симпатіи. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ — она сама, ея горькое прошедшее, ея собственная исторія, исторія безвозвратно погубленныхъ лѣтъ, лѣтъ лучшихъ и дорогихъ въ жизни каждаго человѣка, котораго не постигаетъ тяжкая доля, перенесенная Засуличъ. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ горькое воспоминаніе ея собственныхъ страданій, ея тяжкаго нервнаго возбужденія, постоянной тревоги, томительной неизвѣстности, вѣчной думы надъ вопросами: „что я сдѣлала? что будетъ со мною? когда же наступитъ конецъ?“ Политическій арестантъ былъ ея собственное сердце, и всякое грубое прикосновеніе къ этому сердцу болѣзненно отзывалось на ея возбужденной натурѣ.

И затѣмъ далѣе въ своей рѣчи защитникъ продолжалъ:

— По отрывочнымъ разсказамъ, по догадкамъ, по намекамъ ей не трудно было вообразить и настоящую картину экзекуціи. Возставала эта блѣдная, испуганная фигура Боголюбова, невѣдающая, что онъ сдѣлалъ и что съ нимъ хотятъ творить. Возставалъ въ мысляхъ болѣзненный его

образъ. Вотъ онъ, приведенный на мѣсто экзекуціи и пораженный извѣстіемъ о томъ позорѣ, который ему готовится; вотъ онъ, полный негодованія и думающій, что эта сила негодованія дастъ ему и силы Самсона, чтобы устоять въ борьбѣ съ массою ликторовъ, исполнителей наказанія; вотъ онъ, падающій подъ массою пудовъ человѣческихъ тѣлъ, насѣвшихъ ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный, нѣсколькими парами рукъ, какъ желѣзомъ, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и надъ всею этою картиною — мѣрный свистъ березовыхъ прутьевъ, да еще мѣрное счисленіе ударовъ благороднымъ распорядителемъ экзекуціи. Все замерло въ трепетномъ ожиданіи стона; этотъ стонъ раздался.,. То не былъ стонъ физической боли,—не на него разсчитывали,— то былъ мучительный стонъ униженнаго, поруганнаго человѣческаго достоинства. Позорная жертва была принесена!..

Вотъ та картина, которая неотступно носилась въ воображеніи Засуличъ съ той поры, какъ она пріѣхала въ Петербургъ. Представленіе обо всемъ этомъ душило ее, какъ душитъ во снѣ кошмаръ. Ей казалось ужаснымъ, что и печать и общество „забыли“ о несчастномъ каторжникѣ, что расправа съ нимъ не вызвала ни суда, ни слѣдствія надъ виновникомъ всего этого происшествія... И у нея началъ слагаться планъ... Четыре недѣли она носила его въ мысляхъ своихъ; въ сердцѣ ея зрѣла рѣшимость, настойчивый голосъ шепталъ ей неустанно объ исполненіи того, что она „считала долгомъ своимъ“...

— Я рѣшилась доказать,— заявляла объ этомъ на судѣ Засуличъ, — хотя-бы цѣною своей гибели, что нельзя такъ безнаказанно ругаться надъ человѣческою личностью... Я не нашла, не могла найти другого способа обратить вниманіе на это происшествіе... Я не видѣла другого способа!

Она запаслась револьверомъ, который ей купилъ одинъ ея знакомый въ магазинѣ Лежена. 24-го января, утромъ, она уже стояла въ пріемной градоначальника. Она пришла рано утромъ и потому попала второю на очередь пріема. Одѣта она была въ широкую тальму; ей было нѣсколько душно въ ней; но только такимъ образомъ она могла скрыть, до поры до времени, свое страшное оружіе.

Градоначальникъ наконецъ вышелъ; его сопровождалъ, въ качествѣ чиновника полиціи, тотъ самый Курнѣевъ, который былъ прежде смотрителемъ дома предварительнаго заключенія. Засуличъ первая подала заранѣе приготовленную бумагу. Это было прошеніе отъ имени вымышленной Козловой, въ которомъ заключалась просьба выдать „свидѣтельство о поведеніи“. Прошеніе было взято изъ рукъ въ руки. Засуличъ предстояло уже удалиться, дежурный чиновникъ ей дѣлалъ уже знаки, чтобы она уходила. Градоначальникъ въ это время повернулся къ ней бокомъ, обратившись къ слѣдующей посѣтительницѣ. Наступила рѣшительная минута. Дрожащею рукою высвободила Засуличъ револьверъ изъ-подъ тальмы и нажала курокъ.. Выстрѣлъ раздался—кругомъ поднялась суматоха...

Тогда револьверъ выскользнулъ у нея изъ рукъ и упалъ на полъ. Нервная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, ею овладѣло тупое безсиліе изнемогающаго человѣка.. Что потомъ съ нею сталось, она едва помнитъ.

— Страшно поднять руку на человѣка,—характеризовала она на судѣ пережитый ею тогда моментъ,—но что же было дѣлать: я находила, что мнѣ должно такъ поступить!

Вотъ, въ какомъ видѣ предстало дѣло на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Три четверти часа совѣщались они, и вынесли свой приговоръ.

Приговоръ этотъ былъ оправдательный.

Избранная, интелигентная публика, наполнявшая въ этотъ день залу суда, какъ одинъ человѣкъ, встрѣтила его бурными рукоплесканіями и долго неумолкавшими криками одобренія. Такими-же привѣтствіями и криками разразилась другая, еще болѣе шумная толпа, стоявшая на улицѣ у зданія суда. Вѣру Засуличъ и ея защитника, при ихъ появленіи, подняли на руки и устроили имъ шумную овацію.

На улицѣ.

Къ сожалѣнію, проводы Засуличъ ознаменовались кровавой уличной катастрофой, омрачившей торжественность минуты.

Правительственное сообщеніе передавало объ этомъ слѣдующее:

„31 марта, въ исходѣ седьмого часа пополудни, окончилось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ засѣданіе по дѣлу о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Трепова. Толпа молодежи, собравшаяся на Шпалерной улицѣ, встрѣтила вышедшую оправданную Вѣру Засуличъ сочувственными криками и провожала ее. На Шпалерной улицѣ, близъ дома предварительнаго заключенія, Засуличъ помѣстилась вмѣстѣ съ какою-то женщиною и молодымъ человѣкомъ въ карету, приведенную околоточнымъ надзирателемъ. Толпа сопровождала экипажъ, направлявшійся по Воскресенскому проспекту. Достигнувъ угла Фурштадтской, карета повернула по этой улицѣ, но была остановлена полиціею, просившею толпу разойтись и предоставить Засуличъ уѣхать. Во время этихъ переговоровъ раздались послѣдовательно два выстрѣла, почти безъ промежутка, а черезъ минуту и третій. Оказалось, что одинъ выстрѣлъ пробилъ каску жандарма, стоявшаго около кареты; второй — ранилъ въ правую руку мѣщанку Рафаилову, стоявшую тамъ-же, а третій — убилъ на мѣстѣ дворянина Григорія Сидорацкаго, найденнаго на Воскресенскомъ проспектѣ, пройдя угловой домъ Шуленбурга, шагахъ въ 20 отъ угла Фурштадтской и Воскресенскаго проспекта. Въ виду сихъ обстоятельствъ, судебный слѣдователь 13-го участка города С.-Петербурга приступилъ къ производству предварительнаго слѣдствія, по 1458 ст. улож. Означеннымъ слѣдствіемъ установлены слѣдующія данныя: Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что два первыхъ выстрѣла послѣдовали съ угла Воскресенскаго проспекта и Фурштадтской улицы, отъ дома графа Шуленбурга, и направлены были въ лицъ, окружавшихъ карету. Такъ, по показанію Анны Устиновой Рафаиловой, слушательницы женскихъ курсовъ при Маріинскомъ родовспомогательномъ институтѣ, она была ранена близъ самаго экипажа. Рядовой жандармскаго дивизіона Ѳедоръ Ивановъ Микулинъ, каска котораго оказалась пробитою, стоялъ тоже около кареты, т. е. въ пространствѣ между домомъ Шуленбурга и экипажемъ. Остальные жандармы находились на противоположной сторонѣ Фурштадтской улицы, около дома бывшаго Овсянни-

кова (нынѣ Елисѣева). Дворянинъ Григорій Сидорацкій застрѣлился на Воскресенскомъ проспектѣ, шагахъ въ двадцати отъ угла Фурштадтской, пройдя домъ Шуленберга, на глазахъ у свидѣтелей: рабочаго патроннаго завода Сергѣя Владимірова и городового Петрова. Около него найденъ револьверъ системы „Смитъ и Вессонъ“, средняго калибра. Изъ боковаго кармана покойнаго слѣдователь вынулъ кабуру отъ этого пистолета, а изъ кармана пальто десять патроновъ къ этому же револьверу. Въ барабанѣ револьвера оказалось только два заряженныхъ патрона и три пустыхъ гильзы. Докторъ медицины Чудновскій представилъ слѣдователю пулю, вынутую профессоромъ Богдановскимъ изъ правой руки раненой Рафаиловой. Къ дѣлу-же пріобщена слѣдователемъ каска рядоваго Микулина, имѣющая значительную вдавлину въ гербѣ, разбитомъ съ лѣвой стороны на полвершка, причемъ весь передній мѣдный щитъ герба съ лѣвой стороны вогнутъ внутрь и разбитъ съ края; самая пуля засѣла между колпакомъ каски и мѣдною лапкою арматуры. Врачъ Литейной части, производившій, по требованію судебнаго слѣдователя 13 участка, въ присутствіи дежурнаго ординатора Маріинской больницы Сыренскаго, судебно-медицинское вскрытіе тѣла покойнаго Сидорацкаго, представилъ пулю, вынутую изъ черепа умершаго, высказавъ при этомъ, по даннымъ, обнаруженнымъ вскрытіемъ, слѣдующее мнѣніе: 1) Смерть Григорія Сидорацкаго послѣдовала отъ огнестрѣльной раны въ полость черепа и поврежденія головного мозга. 2) По свойству кожи (обуглена) въ окружности раны можно предположить, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ, или на очень близкомъ разстояніи. 3) Направленіе выстрѣла было не горизонтальное, а снизу вверхъ. Пули, представленныя: а) докторомъ Чудновскимъ, б) врачемъ Горскимъ и в) засѣвшая въ каскѣ жандарма, оказались тожественными какъ между собою, такъ равно съ двумя оставшимися въ барабанѣ револьвера и съ десятью пулями патроновъ, вынутыхъ изъ кармана пальто Сидорацкаго. Карета, въ которой сидѣла Засуличъ, уѣхала по Фурштадтской тотчасъ послѣ перваго выстрѣла. Свидѣтели происшествія удостовѣрили, что послѣдовало только три выстрѣла. Конные жандармы прибыли послѣ окончанія происшествія и были отпущены немедленно полиціею“.

Относительно прибытія конныхъ жандармовъ г-жа Ив—я, очевидица и потерпѣвшая отъ этого прибытія, сообщала слѣдующія подробности въ газетахъ: „Проходя по Фурштадтской улицѣ, я увидѣла толпу молодыхъ людей и дамъ. Желая узнать, въ чемъ дѣло—я подошла къ нимъ Не прошло и минуты, какъ я увидѣла отрядъ конныхъ жандармовъ, мчавшихся на толпу. Они влетѣли на тротуаръ, опрокидывая проходящихъ и толкая подъ лошадей даже тѣхъ, которые прислонились къ стѣнѣ. Въ это время я услышала отчаянный крикъ женщины, бросилась на него и увидѣла испуганную, беременную женщину, которая кричала: „Здѣсь бьются, меня убьютъ, меня убьютъ!“ Я начала ее успокоивать, но сама получила отъ какого-то полицейскаго ударъ по головѣ, отъ котораго упала на мостовую. Мимо меня скакали жандармы,—не знаю какъ я попала подъ ноги лошадей. Я вскочила, но меня снова кто-то ударилъ по шеѣ, и со словами „сволочь“! втолкнулъ во дворъ ближайшаго дома, причемъ я опять упала. Полицейскій, узнавъ отъ дворника, что дворъ не проходной, втолкнулъ въ него еще нѣсколько человѣкъ. Вскорѣ явилась полиція и стала арестовывать моихъ случайныхъ компаньоновъ“.

Чѣмъ-же была вызвана вся эта исторія? Насколько можно судить по заявленіямъ очевидцевъ, толпа, провожавшая г-жу Засуличъ отъ зданія суда до ея квартиры—кромѣ выраженія сочувствія къ оправданной—была собрана главнымъ образомъ распространившимися слухами, что г-жу Засуличъ хотятъ арестовать и выслать административнымъ порядкомъ. По крайней мѣрѣ г. П. С, втиснутый толпою въ карету г-жи Засуличъ и, такимъ образомъ, сдѣлавшійся ея невольнымъ проводникомъ, сообщалъ въ „Бирж. Вѣд.“, что еще около зданія суда изъ толпы со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „Не трогайте полиціи, слѣдуетъ мирно объясниться съ ней“. Затѣмъ, когда г-жа Засуличъ спокойно проѣхала большую половину дороги и никто не пытался ее „отнимать“,—изъ публики, окружавшей карету раздались крики: „Проводить до угла и разойтись!“ „Мы сейчасъ разойдемся. Господа! разойдитесь къ чему же этотъ безцѣльный шумъ? Она устала“.

Но чѣмъ же были вызваны выстрѣлы и все прочее? Начавшееся слѣдствіе, повидимому, не выяснило истинныхъ

причинъ кроваваго столкновенія. А что въ публикѣ дѣйствительно существовали опасенія новаго ареста г-жи Засуличъ—тому доказательствомъ служитъ появившееся затѣмъ въ печати письмо самой г-жи Засуличъ слѣдующаго содержанія (хотя разумѣется и нельзя ручаться, что это подлинное ея письмо):

„Въ нѣкоторыхъ газетахъ заявлено, что я скрываюсь отъ полиціи. Это извѣстіе, вѣроятно, волнуетъ моихъ родныхъ и знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось бы объяснить, что заставляетъ меня такъ поступать, и съ этой цѣлью я прошу васъ напечатать мое письмо. Еще въ ту минуту, когда жандармы остановили карету, въ которой я ѣхала, съ намѣреніемъ пересадить меня въ другую, мнѣ—и, какъ мнѣ кажется, окружавшей публикѣ,—пришло на мысль, что, несмотря на оправдательный приговоръ, меня хотятъ арестовать. Публика, съ сознательнымъ-ли намѣреніемъ помѣшать аресту, или просто по инстинктивному нежеланію допустить его, со всѣхъ сторонъ тѣснилась къ каретѣ; жандармы-же расталкивали ее и отрывали отъ дверецъ кареты державшіяся за нихъ руки. Затѣмъ раздались выстрѣлы, поднялась невыразимая суматоха, и карета, въ которой я была, уѣхала. При жандармахъ извощику кареты громко кричали адресъ той знакомой, къ которой я намѣревалась ѣхать. Въ 2 часа ночи, по этому адресу явился полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи дворника и трехъ неизвѣстныхъ лицъ; они осмотрѣли всѣ углы квартиры и внимательно вглядывались въ лица всѣхъ бывшихъ тамъ женщинъ. Все это заставляетъ меня вѣрить доходящимъ до меня слухамъ о розыскахъ и о томъ, что имѣется приказъ преслѣдовать меня административнымъ порядкомъ. Я готова была безпрекословно подчиниться приговору суда, но не рѣшаюсь снова подвергнуться безконечнымъ и неопредѣленнымъ административнымъ преслѣдованіямъ и вынуждена скрываться, пока не увѣрюсь, что ошиблась, и что мнѣ не угрожаетъ опасность ареста“.

VI.

Дама высшаго общества.

Въ началѣ декабря 1877 года, въ Петербургѣ хоронили милліонера, потомственнаго почетнаго гражданина Николая Александревича Пастухова.

Онъ умеръ бездѣтнымъ холостякомъ, недостигшимъ еще и сорокалѣтняго возраста, умеръ отъ какой-то странной болѣзни мозга, которой предшествовали общій упадокъ силъ и какое-то тяжелое нравственно-напряженное состояніе духа.

Въ пышной похоронной процессіи, устроенной ему двумя братьями, Иваномъ и Дмитріемъ, которымъ онъ оставлялъ капиталъ свыше милліона рублей, обращала на себя подозрительное вниманіе родныхъ и знакомыхъ покойнаго нѣкая таинственная „дама изъ общества“, вся въ черномъ, хранившая на своемъ, хотя уже пожившемъ, но все еще привлекательномъ, лицѣ печать неподдѣльной грусти и сожалѣнія о покойномъ. Она появлялась нѣсколько разъ на панихидахъ, и теперь провожала покойнаго Пастухова до самой могилы.

Эту госпожу видѣли раньше оба брата Пастухова; они знали, что знакомство съ нею сведено было покойнымъ чрезъ закадычнаго пріятеля своего г. Полевого; наконецъ доходили до нихъ слухи и о томъ, что сближеніе съ этой женщиной оказало самое пагубное вліяніе на душевное состояніе покойнаго.

Незадолго до своей кончины Николай Пастуховъ, будучи уже очень боленъ, совершенно избѣгалъ встрѣчи съ этой женщиной, но она не оставляла его въ покоѣ. Она — то добивалась свиданія съ нимъ, то старалась сойтись съ кѣмъ-либо изъ его родныхъ, чтобы черезъ нихъ справляться о его здоровьѣ и не потерять его изъ виду. Задолго еще до его смерти, она не разъ говорила, что у нея есть долговая претензія къ Николаю Александровичу Пастухову на сумму свыше пятидесяти тысячъ; но когда эти слухи доходили до самаго Пастухова черезъ знакомыхъ, то онъ категорически отрицалъ это, говоря: „никогда никакого повода не было у меня занимать эти деньги!“

Такъ или иначе, но не прошло и мѣсяца послѣ похоронъ Николая Пастухова, какъ на сцену появились три векселя покойнаго, выданные на разные сроки еще въ 1876 году, всего на сумму въ пятьдесятъ восемь тысячъ руб., на имя вдовы титулярнаго совѣтника Людмилы Михайловны Гулакъ-Артемовской.

Эта послѣдняя и была та таинственная дама въ черномъ, та „дама изъ общества“ которая принимала участіе въ похоронной процессіи, сочтя нужнымъ и съ своей стороны отдать „послѣдній долгъ“ покойному.

Произвести взысканіе по векселямъ съ наслѣдниковъ Пастухова было поручено присяжному повѣренному князю Кейкуатову. Не предвидя никакого спора противъ взысканія, этотъ послѣдній прямо обратился къ одному изъ наслѣдниковъ, именно къ Дмитрію Пастухову, съ предложеніемъ произвести уплату. Но г. Пастуховъ, по обозрѣніи только одного векселя, порѣшилъ поступить иначе. Не давъ никакого положительнаго отвѣта адвокату г-жи Гулакъ - Артемовской, онъ, тѣмъ временемъ, отправился къ прокурору съ заявленіемъ о подложности подписи на векселѣ. Это повело къ производству слѣдствія, а затѣмъ кончилось и судомъ съ присяжными.

Аристократическая и фешенебельная героиня уголовнаго романа, г-жа Гулакъ-Артемовская, предстала на судъ въ сообществѣ довольно безцвѣтной личности, нѣкоего тридцатипятилѣтняго „купеческаго сына“ Богданова, который писалъ самый текстъ векселей и вообще во всемъ дѣлѣ игралъ довольно пассивную роль. Какъ выяснило слѣдствіе, Богдановъ этотъ, хотя имѣлъ очень богатую мать, у которой въ Новгородѣ большое имѣнье и торговля, проживая въ Петербургѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, часто нуждался въ деньгахъ и, благодаря давнишнему своему знакомству съ г-жею Гулакъ-Артемовскою, просто на просто, состоялъ у нея „на посылкахъ“.

Что касается до самой г-жи Гулакъ-Артемовской, то личность ея выяснилась на судѣ въ довольно опредѣленныхъ и законченныхъ чертахъ.

По своему происхожденію это женщина, такъ-называемаго „высшаго общества“. Она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и получила хотя и поверхностное, но довольно блестящее образованіе. Ея счастливая наружность, внѣшній

лоскъ и шикъ, живость въ разговорѣ и нѣкоторые другіе таланты, какъ, напримѣръ, отличная игра на фортепьяно, дѣлали ее всегда замѣтною въ обществѣ, и привлекали къ ней много ухаживателей и поклонниковъ. Въ одномъ ей не посчастливилось — она была безъ средствъ; но и это скоро явилось. Еще въ ранней молодости, по выходѣ замужъ, ее стала преслѣдовать мысль объ аферахъ и богатствѣ. Она успѣла побывать въ Сибири, гдѣ занялась покупкой и продажей золотыхъ пріисковъ, и дѣлала различные крупные обороты.

Нашъ разсказъ застаетъ ее уже женщиною вполнѣ сложившейся, въ тотъ роковой для всякой женщины возрастъ, когда—„розы.—увы!—отцвѣтать начинаютъ“.

Г-жа Гулакъ-Артемовская въ это время жила въ Петербургѣ одна, и вела своеобразно открытую жизнь. Квартира и вся обстановка была у нея на барскую ногу, въ средствахъ она, повидимому, нисколько не нуждалась. Съ дамами своего круга она не водилась. У ней проживала лишь въ домѣ въ качествѣ dame de compagnie нѣкая г-жа Зыбина, которая была вмѣстѣ и наперстницею ея, и дуэньею, и которая фигурировала въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтельницы.

Зато, домъ ея былъ полонъ обществомъ самыхъ разнообразныхъ мужчинъ. Тутъ были въ качествѣ habitués лица высокопоставленныя, съ болѣе или менѣе громкими именами, каковы: баронъ Торнау, князь Суворовъ, тайный совѣтникъ Митковъ, генералъ-лейтенантъ Анненковъ и друг. Рядомъ съ ними въ качествѣ „друзей дома“ фигурировали какіе-то, никому невѣдомые, сибирскіе золотопромышленники, братья Хаймовичи, какіе-то темные ходатаи по дѣламъ и юркій жидокъ, исчезавшій всегда во-время, пока не успѣвали справиться о его фамиліи.

Никакого родового состоянія у г-жи Гулакъ-Артемовской не было; тѣмъ не менѣе, она тратила много; на текущихъ счетахъ въ банкахъ у нея бывали отъ времени до времени значительныя суммы денегъ. Въ домѣ г-жи Гулакъ-Артемовской велась почти безпрерывная карточная игра. Но, по ея словамъ, это былъ всегда невинный „вистъ“ или еще болѣе невинные „дурачки“, въ которые она любила поиграть „отъ скуки съ добрыми пріятелями“.

По признанью самой г-жи Артемовской средства къ жизни

ей давало ея „негласное ходатайство“ по разнаго рода административнымъ и торгово-промышленнымъ дѣламъ; ходатайство, которое, благодаря ея обширнымъ связямъ и знакомству, большею частью оканчивалось вполнѣ успѣшно. Это удачное „проведеніе дѣлъ“ дѣйствительно вознаграждалось хорошо; такъ, за утвержденіе устава какой-то мануфактуры она разомъ получила тысячъ до сорока. И такой случай былъ не единичный.

По мѣткой характеристикѣ обвинителя, великосвѣтскій салонъ г-жи Артемовской, устроенный на широкую ногу, „такъ сказать, самъ себя окупалъ съ большимъ барышемъ для хозяйки: здѣсь именами высокопоставленныхъ утреннихъ гостей эксплоатировали по вечерамъ наивныхъ провинціаловъ“ *).

Надо однако же замѣтить, что „высокопоставленные“ посѣтители салона г-жи Гулакъ-Артемовской были о ней весьма высокаго мнѣнія. Въ своихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ по настоящему дѣлу всѣ они дали крайне лестные отзывы о личности подсудимой. Они единогласно утверждали, что по общественному положенію Артемовской, ея уму, характеру они считаютъ ее положительно неспособной на подлогъ. Баронъ Н. Е. Торнау, у котораго Гулакъ-Артемовская во время производства слѣдствія находилась на порукахъ, въ данномъ имъ на судѣ показаніи, даже самое обвиненіе г-жи Гулакъ-Артемовской объяснялъ себѣ не иначе, какъ „желаніемъ вызвать скандалъ, привлекая къ суду лицъ высшаго круга, хотя-бы только какъ простыхъ свидѣтелей“.

Таково было общественное и матеріальное положеніе г-жи Гулакъ-Артемовской въ то время, когда она познакомилась и завязала свои отношенія съ покойнымъ Пастуховымъ.

Объ этихъ отношеніяхъ на судѣ повѣдалъ весьма обстоятельно и многорѣчиво г. Полевой, который вообще во всемъ этомъ дѣлѣ, состоя въ роли свидѣтеля, игралъ хотя и эпизодическую, но весьма замѣтную и подъчасъ проникнутую истиннымъ комизмомъ роль.

Это тотъ самый г. Полевой, бывшій профессоръ одесскаго

---

*) Обвинителемъ по этому дѣлу въ качествѣ „товарища прокурора“ былъ извѣстный А. И. Урусовъ.

и варшавскаго университетовъ, который занимался издательствомъ разныхъ хрестоматій и тому подобной литературной дребедени, выпускаемой имъ въ тисненныхъ золотомъ переплетахъ по дорогой цѣнѣ. Г. Полевой именно по поводу своей издательской дѣятельности весьма близко сошелся и подружился съ Пастуховымъ. Этотъ послѣдній, въ качествѣ новѣйшаго мецената, поощрялъ труды г. Полевого и ссужалъ его деньгами, которыя тотъ при жизни Пастухова такъ и „не успѣлъ“ возвратить ему. По поводу этихъ издательскихъ аферъ за счетъ Пастухова не безъ ехидства зло острилъ, во время, допроса свидѣтеля, защитникъ г-жи Артемовской, присяжный повѣренный В. И. Жуковскій.

— Вы издавали книги на счетъ Пастухова, какъ же вы дѣлили барыши?—спрашивалъ, напримѣръ, Жуковскій г. Полевого

На это получался отвѣтъ:

— Мы издавали не ради барышей. Покойный былъ не такой человѣкъ... и я занимался изъ любви къ дѣлу.

Затѣмъ оказывалось что изъ „любви къ дѣлу“ г. Полевой издалъ „Книгу о вистѣ“ и дѣтскую книжку „Серебряный конекъ“.

— А дорого стоитъ этотъ вашъ „золотой“ конекъ въ продажѣ?—язвительно допрашивалъ защитникъ.

Г. Полевой сердится: „Зачѣмъ вы перемѣняете названіе!?..“ Требуется вмѣшательство предсѣдателя, и затѣмъ г. Полевой рѣшается наконецъ отвѣчать на вопросъ, и отвѣчаетъ, что книжка эта стоитъ „дешево“ — три рубля.

— Вы находите, что три рубля за дѣтскую книжку дешево?—не отстаетъ г. Жуковскій.

— Да, въ переплетѣ, для двѣнадцати — четырнадцатилѣтняго возраста. Если вы не понимаете толка въ этомъ, то не можете судить!—наконецъ выходитъ изъ себя г. Полевой и начинаетъ „грубить“ неотвязчивому допрощику.

Вотъ этотъ-то г. Полевой и былъ посредникомъ въ знакомствѣ г-жи Гулакъ-Артемовской съ покойнымъ Пастуховымъ. Самъ онъ познакомился съ Пастуховымъ съ лѣта 1869 года и былъ друженъ съ нимъ до самой смерти. Эта „дружба“ была самая тѣсная; они сошлись „какъ родственники“ и видѣлись раза три или четыре въ недѣлю. Съ Арте-

мовской г. Полевой познакомился лишь зимою 1874 года. Сама Артемовская искала этого знакомства и добилась его черезъ посредство своей подруги по институту, бывшей въ то время гувернанткой при дѣтяхъ г. Полевого. Изъ словъ г. Полевого можно было заключить что онъ былъ сначала очень радъ этому знакомству, такъ какъ понялъ, что г-жа Артемовская,—„богатая и свѣтская женщина“,—заинтересована лично имъ. Въ сущности же, она хотѣла лишь добиться чрезъ г. Полевого знакомства съ Пастуховымъ, что ей вполнѣ и удалось.

О дальнѣйшихъ подробностяхъ этого знакомства разскажемъ словами самого г. Полевого.

— Она часто присылала мнѣ записки съ приглашеніемъ поговорить о важномъ дѣлѣ,—повѣствовалъ свидѣтель.—Бывало придешь и застаешь картежную игру, посидишь долго и уходишь ни съ чѣмъ. Я даже разъ посмѣялся, что вотъ вы меня держали до двухъ часовъ ночи и выпускаете голоднымъ. Въ другой за этимъ разъ меня накормили ужиномъ, и когда мы остались вдвоемъ, то я увидѣлъ сильное желаніе воспользоваться моею любовью къ вину. Хозяйка стала усердно подливать мнѣ вино, я ей дѣлалъ то-же. Этотъ разъ мы такъ просидѣли до шести часовъ утра.

Подпоивъ такимъ образомъ своего гостя, почтеннаго экспрофессора, г-жа Артемовская „приступила къ дѣлу“. Она стала разспрашивать: богатые-ли люди Пастуховы, можетъ-ли Н. А. Пастуховъ вступить въ супружество, женился-ли бы онъ на ней?

— На это,—заявилъ на судѣ г. Полевой,—я сказалъ ей прямо, что Н. Пастуховъ для нея слишкомъ глупъ и что ей нужно не такого мужа!

Говорилъ-ли это тогда г. Полевой подъ вліяніемъ личнаго увлеченія г-жею Артемовской, или же просто въ интересахъ друга и ради его собственной безопасности отъ сѣтей коварной женщины честилъ его „круглымъ дуракомъ“,—такъ и осталось невыясненнымъ при разспросахъ. Впрочемъ, нѣсколько ниже въ своемъ показаніи, свидѣтель охарактеризовалъ покойнаго Пастухова, какъ „большого идеалиста, въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова“. Изъ такого сопоставленія какъ-бы неожиданно вытекало, что въ глазахъ г. Полевого „боль-

шой идеалистъ, въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова", ничѣмъ, собственно, не разнится отъ „большого дурака".

Какъ обращикъ крайняго „идеализма" покойнаго Пастухова, свидѣтель привелъ слѣдующій случай изъ его студенческой жизни

— Онъ былъ страннаго рода идеалистъ, — разсказывалъ г. Полевой, — онъ былъ способенъ увлекаться женщинами такими, о которыхъ нельзя говорить въ порядочномъ обществѣ. Будучи студентомъ, онъ влюбился въ публичную женщину, выкупилъ ее изъ заведенія и не осмѣливался цаловать у нея руки, чтобы возвысить ее въ собственныхъ глазахъ.

Лично для г. Полевого знакомство съ г-жею Гулакъ-Артемовскою покончилось весьма скоро и притомъ, по его собственному выраженію, „кончилось ни чѣмъ". Правда, почтеннаго екс-профессора, оставшагося не вполнѣ равнодушнымъ къ женской красотѣ, заставили продѣлать на прощанье нѣсколько весьма потѣшныхъ штукъ. Такъ, отпуская однажды его отъ себя весьма поздно, г-жа Гулакъ-Артемовская уже на лѣстницѣ позволила ему вкусить нѣкоторыя сладкія муки какъ-бы раздѣленной любви, а именно она приказала ему „спуститься внизъ тайкомъ, тихо, чтобы не разбудить швейцара, во избѣжаніе всякихъ толковъ". Эту таинственную эволюцію г. Полевой выполнилъ весьма старательно, и даже на другой день объ этомъ „писалъ" г-жѣ Гулакъ-Артемовской съ большими предосторожностями: „на англійскомъ языкѣ и безъ подписи". За это, ему-же еще досталось. въ порядочномъ обществѣ не принято писать анонимныхъ записокъ. И г. Полевой, сознавшись въ своей винѣ, извинялся въ слѣдующихъ трогательныхъ выраженіяхъ:

„Многоуважаемая Людмила Михайловна, я не могу объяснить себѣ, какъ случилось, что при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, при полномъ отсутствіи задней мысли, я навлекъ на себя серьезные укоры, которые сегодня отъ васъ услышалъ. Мнѣ бы хотѣлось снять малѣйшую тѣнь подозрѣнія, которое вкралось вамъ въ душу. Если бы я зналъ, что застану васъ завтра вечеромъ отъ 9 до 10 часовъ и мое присутствіе не будетъ вамъ непріятно" и т. д.

На судѣ г. Полевой объяснялся далеко уже не столь деликатно и изысканно. Онъ отзывался о подсудимой въ са-

мыхъ рѣзкихъ и грубыхъ выраженіяхъ, такъ что предсѣдатель долженъ былъ напоминать ему, что онъ говоритъ „все-таки о женщинѣ“, и, притомъ, въ ея присутствіи.

Показанія этого свидѣтеля вызвали чуть не истерику у г-жи Гулакъ-Артемовской, и она потребовала, чтобы ее удалили изъ залы засѣданія на время его допроса. Само собою разумѣется, что все озлобленіе г. Полевого противъ себя подсудимая объясняла исключительно его досадою за нѣкогда весьма усиленное, но совершенно безплодное ухаживаніе за нею.

Что касается отношеній покойнаго Пастухова къ г-жѣ Гулакъ-Артемовской, то о нихъ, кромѣ г. Полевого, сообщили еще кое-что оба брата покойнаго. При этомъ всѣ свидѣтели сознались, что при замкнутости и скрытности характера, отъ него лично имъ приходилось слышать очень мало; онъ не любилъ посвящать въ свои интимныя дѣла. Несомнѣнно, однако что г-жа Гулакъ-Артемовская ему очень нравилась: онъ цѣнилъ въ ней хорошую музыкантшу и съ удовольствіемъ проводилъ время въ ея обществѣ. Нѣсколько позднѣе ихъ отношенія стали еще болѣе близкими. Они дѣлали другъ другу цѣнные подарки и видѣлись почти каждый день. Родные и знакомые Пастухова, видя, какъ въ немъ развивается страсть къ этой женщинѣ, даже не разъ уговаривали его „лучше жениться на ней“.

Но именно въ это-то время покойный началъ впадать въ какое-то странное и тягостное состояніе духа. Иногда изъ его словъ можно было лишь догадываться, что причиной всего этого и были именно его отношенія къ г-жѣ Артемовской. Увлеченный ею, онъ не могъ однако же не сознавать многихъ темныхъ сторонъ въ характерѣ этой личности. Сначала, считая ее женщиною съ независимыми и обезпеченными средствами, онъ радовался, что эта женщина чужда всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ и искренно къ нему расположена. Скоро очень многое должно было его навести на мысли противоположнаго свойства.

По словамъ Ивана Пастухова, былъ такой случай. Однажды, еще въ началѣ 1876 года, Артемовская была вечеромъ въ гостяхъ у покойнаго. Она пожелала „посмотрѣть кассу“ и увидѣла въ ней, между прочимъ, мѣшочекъ съ золотомъ на

сумму около пятисотъ рублей. Какъ будто въ шутку, попросила она этотъ „мѣшочекъ“ у Пастухова, и, затѣмъ, не возвратила его. Но этого мало. Близкіе къ Николаю Александровичу Пастухову люди стали вообще замѣчать въ немъ какую-то необыкновенную задумчивость и даже озабоченность въ денежныхъ разсчетахъ Это послѣднее обстоятельство должно было показаться всѣмъ знавшимъ Пастухова тѣмъ болѣе страннымъ, что, не смотря на все свое громадное состояніе онъ, былъ очень скроменъ въ своихъ привычкахъ и проживалъ лишь весьма незначителиную часть своихъ доходовъ. При этомъ онъ былъ вообще въ высшей степени аккуратенъ въ денежныхъ дѣлахъ, всегда былъ исправенъ въ платежахъ и никогда не бралъ денегъ въ займы у постороннихъ людей. Правда, въ 1869 году ему случилось нѣсколько „прогорѣть“ съ игрой на биржѣ, но это обстоятельство не имѣло никакого серьезнаго вліянія на общее состояніе его денежныхъ дѣлъ.

Весною 1876 г. покойный Пастуховъ находился въ особенно мрачномъ настроеніи. Онъ, не смотря на всю свою скрытность, признался брату Ивану и своему пріятелю Полевому, что его „очень тяготитъ знакомство съ г-жею Артемовскою“ и сообщилъ при томъ, что въ короткое время онъ „проигралъ ей въ карты въ дурачки 170,000 рублей“. Тутъ-же онъ пояснилъ, что сто тысячъ онъ уже уплатилъ ей и высказалъ, что по уплатѣ остальныхъ семьдесятъ тысячъ рублей, радъ будетъ порвать съ нею всякое знакомство. Не смотря на то, что Артемовская просила его дать ей на эту сумму векселя или росписки, онъ ей не только не выдалъ этихъ долговыхъ обязательствъ, но даже чека ей не давалъ, боясь себя „компрометировать,“ а уплачивалъ ей долгъ исключительно наличными деньгами.

Къ зимѣ того-же года Николай Пастуховъ уже говорилъ всѣмъ близкимъ, что онъ окончательно разсчитался съ Гулакъ-Артемовской, но что она не перестаетъ преслѣдовать его постоянными просьбами навѣщать ее.

Затѣмъ угнетенное душевное состояніе Николая Александровича перешло въ настоящую психическую болѣзнь. Его лечили извѣстные психіатры, но безуспѣшно.

Вскорѣ онъ умеръ.

Съ своей стороны г-жа Гулакъ-Артемовская объясняла происхожденіе векселей довольно естественно и просто. По ея словамъ, бывали времена, что Пастуховъ, предававшійся вообще „нетрезвой жизни и по преимуществу въ домѣ г. Полевого“, нуждался въ деньгахъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ и „занялъ“ у нея сумму, значащуюся по векселямъ. Текстъ векселей писалъ, по его порученію, Богдановъ, а подписалъ онъ ихъ у себя дома.

Въ виду-же категорическаго заключенія экспертовъ, что подписи на векселяхъ не имѣютъ „никакого“ сходства съ несомнѣнною подписью г. Пастухова, подсудимая привела то соображеніе, что покойный, будучи уже психически разстроенъ, быть можетъ, нарочно выдалъ ей эти подложные векселя за свои.

На вопросъ предсѣдателя суда, чѣмъ-же она можетъ объяснить себѣ подобный поступокъ со стороны Пастухова, котораго всѣ свидѣтели признаютъ человѣкомъ безусловно честнымъ, и который въ то время, по свидѣтельству докторовъ, былъ еще въ полномъ разумѣ, г-жа Артемовская возразила приблизительно слѣдующее:

— Я совершенно согласна съ этими мнѣніями о Пастуховѣ и никогда-бы не заявила, что онъ далъ мнѣ фальшивые векселя, если-бы слѣдователь не поставилъ вопроса такъ, что это могли только сдѣлать или я или Пастуховъ. Я не могу себѣ объяснить поступка Пастухова; полагать, что онъ хотѣлъ мстить женщинѣ за то, что она не вышла замужъ—нельзя. Онъ мнѣ дѣйствительно дѣлалъ нѣсколько разъ предложеніе, говорилъ, что употребитъ всѣ средства, чтобы заставить меня забыть первый мой, несовсѣмъ удавшійся бракъ. На это,—я обѣщала подумать. Потомъ я уѣхала за границу, и когда вернулась, онъ уже серьезно заболѣлъ. Взялъ онъ у меня денегъ всего до семидесяти тысячъ; можетъ быть, онъ этимъ хотѣлъ оказать мнѣ услугу, такъ какъ постоянно отсовѣтывалъ отдавать деньги въ частныя руки или вести биржевую игру.

Присяжные засѣдатели однако-же не приняли въ уваженіе этихъ доводовъ подсудимой. Они признали обоихъ подсудимыхъ и г-жу Гулакъ-Артемовскую и Богданова, виновными въ подлогѣ.

Г-жа Артемовская, все время весьма ажитировавшаяся на судѣ, противъ всякаго ожиданія, выслушала вердиктъ довольно спокойно. Она только обернулась въ ту сторону, гдѣ сидѣли братья Пастуховы и г. Полевой, свидѣтельствовавшіе противъ нея, и укоризненно съ саркастической улыбкой спросила ихъ:

— Довольны?

По поводу двухъ кассацій.

Въ извѣстной части общества упорно коренится убѣжденіе, что судъ присяжныхъ—не болѣе какъ лотерея.

Аннѣ Кириловой, — злополучной проституткѣ, которая убила своего любовника во время сна, выстрѣливъ ему въ голову изъ револьвера,—въ этой лотереѣ попался счастливый номеръ. Благодаря капризной прихоти слѣпого случая,—по мнѣнію однихъ; сознательному и гуманному отношенію къ дѣлу присяжныхъ—по взгляду другихъ,—она вышла изъ суда оправданною. свободной.

Ей предстоитъ опять фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ. Опять повлекутъ ее къ суду, опять сначала предъявятъ ей обвинительные пункты, опять заставятъ парировать удары обвиненія. Оправдательный вердиктъ о ней отмѣненъ сенатомъ, точно также какъ незадолго передъ тѣмъ былъ отмѣненъ обвинительный вердиктъ по дѣлу „мачихи“ Корниловой, обвиненной присяжными.

Названными двумя кассаціонными рѣшеніями какъ-то особенно заинтересовалось общество. Да и нельзя было на нихъ не обратить вниманія. Казуистично-формальная ихъ сторона отодвигается на задній планъ и изъ-за холодныхъ, безстрастныхъ, строго-юридическихъ выводовъ встаютъ двѣ живыя фигуры, два живыхъ существа „во плоти и крови“.

Одна, осужденная первымъ приговоромъ на четырехлѣтнюю каторгу и вѣчную ссылку, подъ замкомъ, въ острогѣ ждетъ втораго приговора, можетъ быть,—гораздо болѣе мягкаго, можетъ быть,—вполнѣ оправдательнаго.

Надо послушать Достоевскаго, чтобы уловить настоящую суть всего этого дѣла. Съ самаго перваго момента осужде-

нія Корниловой, въ своемъ „Дневникѣ писателя“, Достоевскій взялъ ее подъ свою горячую защиту; онъ навѣщалъ осужденную преступницу въ тюрьмѣ, и теперь, когда обвинительный приговоръ о ней отмѣненъ, когда она вновь стала только подсудимой, для него блеснула новая надежда, что она будетъ еще оправдана. Вотъ что разсказываетъ Достоевскій о первомъ своемъ посѣщеніи Корниловой:

„Она была тогда на время родовъ въ особомъ помѣщеніи и сидѣла одна; въ углу рядомъ на кровати лежала новорожденная, которую наканунѣ лишь окрестили. Ребенокъ, какъ я взошелъ, слабо вскрикнулъ, съ тѣмъ особымъ маленькимъ трескомъ въ голосѣ, какой бываетъ у всѣхъ новорожденныхъ“.

„Съ Корниловой я пробылъ всего минутъ двадцать: это миловидная, очень молодая женщина, съ взглядомъ интелигентнымъ, но очень даже простодушная. Она вполнѣ сознавалась, что она преступница во всемъ, въ чемъ ее обвиняли. Сразу поразило меня то, что про своего мужа (въ злобѣ на котораго и выбросила въ окно дѣвочку), она не только не сказала мнѣ ничего злобнаго, хоть капельку обвинительнаго, но даже совсѣмъ напротивъ. Да какъ же все это сдѣлалось?—и она прямо разсказала какъ сдѣлалось: „Пожелала злое, только совсѣмъ ужъ тутъ не моя какъ бы воля была, а чья-то чужая“.

И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ Достоевскій даетъ новую яркую черту для характеристики этой преступницы:

„Когда я тутъ же заговорилъ объ ея новорожденной дѣвочкѣ, она тотчасъ же стала улыбаться: „вчера дескать окрестили“. Какъ же зовутъ? „А какъ меня—Катериной“.

Эта улыбка, приговоренной въ каторгу, матери, передъ ребенкомъ, родившимся въ острогѣ, разумѣется произвела на Достоевскаго странное и тяжелое впечатлѣніе. И въ виду возможности новаго осужденія Корниловой и при вторичномъ разбирательствѣ дѣла онъ говоритъ:

„Вотъ что: еще разъ вновь осудятъ ее въ каторгу, вновь ее, столь уже пораженную и столь вынесшую, поразятъ и раздавятъ вторымъ приговоромъ и, двадцатилѣтнюю, еще почти не начавшую жить, съ грудным младенцемъ на рукахъ ринутъ въ каторгу; и что же выйдетъ? Не ожесточится ли душа? не развратится ли душа, не озлобится ли

навѣки? Кого когда исправляла каторга? И главное—все это при совершенно неразъясненномъ и не опровергнутомъ сомнѣніи о болѣзненномъ эфектѣ тогдашняго беременнаго ея состоянія. Опять повторяю, какъ и два мѣсяца назадъ: „лучше ужъ ошибиться въ милосердіи, чѣмъ въ казни“.

Итакъ, отмѣна приговора по дѣлу Корниловой и возможность перерѣшенія ея дѣла являются какъ нельзя болѣе желательными. Вѣдь существо-то дѣла именно въ правильной экспертизѣ того душевнаго аффекта беременной преступницы, который вовсе не былъ изслѣдованъ на судѣ. Потому сенатъ и отмѣнилъ вердиктъ присяжныхъ, что два полицейскихъ врача, наблюдавшихъ Корнилову въ тюрьмѣ, явились вмѣстѣ и свидѣтелями, и экспертами.

Теперь о другомъ дѣлѣ: о кассированномъ оправдательномъ вердиктѣ относительно убійцы Малевскаго, Анны Кириловой.

Совпаденіе двухъ кассацій съ выражавшимся ранѣе того порицаніемъ обоихъ вердиктовъ невольно наводитъ на мысль, что и тутъ рѣчь должна идти о „перерѣшеніи“ дѣла. Мы этимъ хотимъ сказать, что если въ одномъ случаѣ перерѣшеніе должно состояться въ смыслѣ измѣненія обвинительнаго приговора на оправдательный, то во второмъ случаѣ ожидается совершенно обратная метаморфоза.

Да, если для Екатерины Корниловой съ ея новорожденной крошкой мелькнулъ изъ-за желѣзныхъ полосъ тюремной рѣшетки новый, неожиданный лучъ счастья и надежды, то какъ разъ обратное случилось съ Кириловой. Пока она еще свободна, еще нѣсколько недѣль, можетъ быть, дней—она можетъ на „волѣ“ разгуливать по Петербургу. Но разъ дѣло поступитъ обратно въ окружной судъ, никто не помѣшаетъ прокурору, выражаясь юридическимъ терминомъ, „принять противъ подсудимой прежнюю мѣру пресѣченія“, дабы она не могла уклоняться отъ суда и слѣдствія, т. е. засадить ее обратно въ тюрьму.

Легко представить себѣ ощущеніе человѣка, котораго разъ хотѣли повѣсить, да веревка оборвалась и его отпустили съ миромъ... Въ простомъ народѣ упорно коренится убѣжденіе, что въ подобныхъ случаяхъ работа палачей кончена. Но вотъ приносятъ другую веревку, болѣе прочную и крѣпкую,

опять накладываютъ повязку на глаза приговореннаго, опять затягиваютъ веревку мертвой петлей вокругъ обнаженной шеи. . Два раза пережить такую минуту—ужасно!

Но вопросъ еще не въ этомъ.

Конечно, похолодѣетъ въ сердцѣ даже у тѣхъ, кто не сочувствовалъ первому оправдательному вердикту присяжныхъ, когда Кирилова вновь появится на скамьѣ подсудимыхъ и съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностью, станетъ переживать заново мучительно длящуюся минуту ожиданія. Оправданная разъ, отпущенная на свободу съ этой же самой скамьи, какъ приметъ она второй, можетъ быть обвинительный приговоръ такихъ же присяжныхъ, такихъ же „судей совѣсти", какими были и первые? Истерическими рыданіями разрѣшилась она, когда для нея родились вѣщія слова „невиновна", а теперь, во второй разъ, при иномъ приговорѣ осудимъ ли мы ее, если она разразится дикимъ хохотомъ вмѣсто слезъ умиленія?

Вѣдь слышала же она о томъ, что судъ присяжныхъ есть для нея верховный судъ, что совѣсть ихъ не подлежитъ никакому контролю, и что невиновной и осужденной въ одно и то же время невозможно быть. Но ей конечно разъяснятъ (и можетъ быть уже разъяснили) значеніе кассаціи и того кассаціоннаго повода, который повлекъ за собою перерѣшеніе всего дѣла. Вотъ тутъ-то мы и врѣзываемся, подобно тому какъ и въ дѣлѣ Корниловой, въ самую суть вопроса. Хотя въ кассаціонныхъ стадіяхъ производства дѣла вся рѣчь идетъ о формальныхъ условіяхъ процесса, но по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ, тутъ-то по поводу кассаціонной отмѣны вердикта, какъ разъ у мѣста поговорить о самомъ существѣ дѣла.

Анна Кирилова, заурядная молодая проститутка, какими кишатъ извѣстные кварталы нашей столицы, была въ связи съ инженеромъ Малевскимъ, человѣкомъ развитымъ и образованнымъ, и убила его, сама не зная хорошенько за что, не то подъ вліяніемъ чувства ревности, не то изъ досады и боязни потерять то ежемѣсячное содержаніе, которое онъ ей выдавалъ. Впрочемъ, послѣднее соображеніе, хотя оно и высказывалось на судѣ, совсѣмъ ужъ неосновательно, такъ какъ, убивъ Малевскаго, она лишилась и своего содержанія.

Помнится, тогда со стороны обвиненія вопросъ о мотивахъ преступленія, во всякомъ случаѣ, ставился въ довольно опредѣленныя рамки. Присяжные приглашались, во-первыхъ, принять во вниманіе всю прошлую жизнь подсудимой, которая была однимъ сплошнымъ нравственнымъ „паденіемъ“ дѣвушки, чуть-ли не съ пятнадцати лѣтъ вступившей на путь разврата и порока... Затѣмъ, во-вторыхъ, было обращено вниманіе и на природную неразвитость и грубые инстинкты натуры, живущей исключительно животною жизнью. И, наконецъ, личности подсудимой противоставлялась личность убитаго Малевскаго, на самую выгодную и яркую характеристику котораго не пожалѣли красокъ ни свидѣтели, пріятели покойнаго, ни товарищъ прокурора. Его характеризовали, какъ развитаго, умнаго, безусловно честнаго и во всѣхъ отношеніяхъ „порядочнаго“ человѣка.

Если строго взвѣшивать свои слова и не щедро раздавать эпитеты, то надо признать, что это только шаблонная рамка для нравственной характеристики иногда весьма непохожихъ другъ на друга людей. Изъ того, что мы знаемъ о Малевскомъ,—надо-же говорить правду,—далеко не все запечатлѣно умомъ, развитостью и, главное, порядочностью.

Его отношенія къ женщинамъ, за которыя онъ и понесъ такую тяжкую расплату, не только не свидѣтельствуютъ о природной мягкости сердца, на которой такъ настаивали свидѣтели, но не рекомендуютъ его и со стороны развитія, на которой въ своей обвинительной рѣчи въ особенности настаивалъ прокуроръ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ было не смѣшно, и обидно за всѣхъ дѣйствительно развитыхъ и умныхъ людей, слышать, какъ неряшливая, половая распущенность весьма дюжиннаго отрицателя честныхъ отношеній къ честнымъ женщинамъ возводилась на степень признака какой-то особенной развитости и умственной состоятельности „серьезнаго и занятаго человѣка“.

„Черпать новыя силы въ развратѣ“ и „какъ огня избѣгать серьезныхъ и глубокихъ привязанностей“—вотъ та формула, съ которой столкнулась грубая, неразвитая проститутка Кирилова въ лицѣ своего возлюбленнаго Малевскаго, этого „всѣми уважаемаго, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго, „честнаго“ человѣка.

Онъ—всю жизнь свою прожилъ въ кругу людей интеллигентныхъ, среди условій, возвышающихъ нравственную природу человѣка, среди матеріальнаго довольства и обезпеченности; она—парія, стоящая на самой низкой ступени общественной лѣстницы. Выражаясь терминомъ Прудона, она—только „жертва общественнаго темперамента“. И что-же мы видимъ? Откуда на этотъ разъ идетъ свѣтъ? Кто изъ нихъ вноситъ въ свои любовныя отношенія больше тепла, истиннаго чувства и нравственной чистоты?

Что Кирилова любила Малевскаго, что она питала къ нему самую глубокую, самую искреннюю привязанность—этого не станетъ отрицать никто, кому извѣстна фактическая обстановка дѣла. Для насъ, по крайней мѣрѣ, это представляется несомнѣннымъ.

Къ какому-же результату приводитъ это, можетъ быть единственное во всей ея жизни, свѣтлое движеніе души продажной женщины?

Вспомнимъ событія той ночи, послѣ которой случилась кровавая катастрофа. Вообразимъ себѣ глубоко любящую женщину у дверей спальни Малевскаго, который, лежа на постели съ другою случайно имъ гдѣ-то подхваченною гетерою, глумится надъ самымъ дорогимъ чувствомъ этой любящей женщины и кричитъ ей: „пошла вонъ, ты мнѣ въ эту ночь не нужна: у меня здѣсь другая, похожая на тебя, а если ужъ непремѣнно желаешь быть со мной, то приходи, втроемъ будетъ веселѣй!“

Защитникъ Кириловой (прис. пов. В. Н. Герардъ), анализируя то душевное состояніе, въ которомъ должна была находиться въ эту минуту отверженная любовница грубаго и беззастѣнчиваго циника, высказалъ одно соображеніе, которое всѣмъ показалось чистѣйшимъ парадоксомъ. Онъ настаивалъ на томъ, что женщина продажная, женщина, прошедшая сверху до низу всѣ ступени разврата, разъ она искренно отдается любимому человѣку, становится вдвое чувствительнѣе къ подобнаго рода оскорбленіямъ. А между тѣмъ это совершенно вѣрно и вполнѣ понятно.

Для честной женщины любовь можетъ быть раемъ, для женщины съ такимъ прошлымъ, какъ у Кириловой, это всегда только чистилище. Она можетъ страстно желать своей

доли равноправности въ трапезѣ любви, но ей не забыть ни на минуту, что тѣ ласки, которыя она расточаетъ, та беззавѣтная любовь, которую она сулитъ, всегда могутъ быть заподозрѣны, всегда могутъ быть заклеймены укоризненнымъ воспоминаніемъ о ея прошлой жизни. Это—вѣчно больное для нея мѣсто, вѣчный источникъ мученій для ея души. И всего сильнѣе она это сознаетъ и чувствуетъ именно въ тѣ минуты, когда душа ея всѣми силами рвется жить другою, лучшею жизнью, когда она, неожиданно для самой себя, вся тянется къ свѣтлому чувству любви.

Никто такъ часто не кончаетъ жизнь свою самоубійствомъ, какъ проститутка. Кромѣ различныхъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условій, съ которыми ей часто приходится бороться, вся ея душевная жизнь, если она только чуть-чуть развита, терпитъ постоянныя болѣзненныя пораженія. Это—нравственный калѣка, котораго такъ легко выбить изъ круга при малѣйшемъ его столкновеніи съ здоровымъ, сильнымъ, уравновѣшеннымъ душевнымъ состояніемъ...

Въ этомъ отношеніи защитникъ Кириловой былъ правъ: никогда женщина честная, женщина съ безупречнымъ прошлымъ не можетъ быть такъ болѣзненно чутка ко всевозможнымъ оскорбленіямъ любимаго человѣка. Для честной женщины ея поруганная, отвергнутая любовь—только измѣна любимаго человѣка; для женщины, подобной Кириловой, это гораздо больше, это—вѣроломство, это новый толчекъ въ ту глубокую пропасть, откуда и въ первый-то разъ такъ не легко было выбраться.

Мы живо представляемъ себѣ безразсвѣтный хаосъ мыслей и ощущеній, который носился въ головѣ несчастной убійцы въ ту минуту, когда она еще только прицѣливалась, поднося револьверъ къ головѣ спящаго Малевскаго. На судѣ она утверждала, что злобы, ревности противъ Малевскаго въ эту минуту у нея не было: вѣдь наканунѣ же еще ночью они „помирились“. Но тутъ, въ этотъ мигъ, передъ тѣмъ какъ спустить курокъ, въ мысляхъ ея съ зловѣщей быстротой разящей молніи, навѣрное, пронеслась вся ея жизнь. Тутъ было все: и любовь, и злоба, и ревность, и чувство жгучаго невыносимаго оскорбленія. Не даромъ же она даже перваго выстрѣла не разслышала, крови не замѣтила... Ея

голова должна была работать страшно и сердце колотиться неистово.

Защитникъ Кириловой отказывался „разъяснить мотивы и цѣль убійства“. Онъ просилъ оправдать преступницу, отказываясь указать категорически основанія для невмѣненія ей ея вины. Онъ отзывался тѣмъ, что не понимаетъ, не можетъ понять всей психологической комбинаціи, породившей всю эту кровавую катастрофу... А присяжные, намъ кажется, чутьемъ поняли дилему, предстоявшую имъ. „Падшей“ женщинѣ они простили ея „паденіе“ именно потому, что въ эту минуту она выросла въ истинную „женщину“—чистую и любящую. А „женщину“ они оправдали потому, что и чистота ея и любовь были тяжко и грубо оскорблены поведеніемъ „порядочнаго“ человѣка.

Этотъ оправдательный вердиктъ отмѣненъ. Дѣло должно быть перерѣшено. Что скажутъ вторые присяжные — неизвѣстно. Они могутъ гораздо поверхностнѣе, гораздо шаблоннѣе отнестись къ дѣлу.

Но нѣтъ сомнѣнія въ одномъ: если они съумѣютъ также глубоко воспринять и безпристрастно анализировать то явленіе нравственнаго міра, о которомъ призваны сказать свое рѣшающее слово, они точно также оправдаютъ Кирилову *).

---

*) Такъ и случилось. Кирилова была вторично, и на этотъ разъ уже безповоротно, оправдана.

Полицейскіе дома въ Петербургѣ.

Полицейскіе, или—какъ ихъ прежде называли—„съѣзжіе“ дома, съ своими обсерваціонными каланчами на верху, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ столицы.

Всѣхъ ихъ счетомъ двѣнадцать по числу полицейскихъ частей Петербурга. При каждомъ изъ такихъ полицейскихъ домовъ имѣются спеціальныя мѣста заточенія для разнаго рода заключенныхъ, такъ или иначе заарестованныхъ полиціею.

Сюда стекаются самые разнообразные элементы.

Оборванная, грязная ватага ночныхъ безпаспортныхъ бродягъ, застигнутыхъ полицейскою ночною облавою; безобразно пьяная публичная женщина, за пять минутъ передъ тѣмъ шумѣвшая и собиравшая толпу на проспектѣ; только-что пойманный воръ, съ поличнымъ въ рукахъ; извозчикъ, раскроившій оглоблей черепъ прохожему и, наконецъ, еще весь дрожащій, блѣдный убійца, съ несмытою кровью на рукахъ,—всѣ эти жертвы случая или печальныхъ столкновеній, вплоть до полупомѣшаннаго сѣдого старикашки, съ импровизированною офицерскою кокардою на картузѣ, заблудившагося посреди бѣла дня и не знающаго, гдѣ его домъ,—всѣ эти „подозрительныя“ въ какомъ-бы то ни было отношеніи личности влекутся рукой полицейскаго стража за одну общую рѣшетку.

Второпяхъ все это сваливается въ одну общую кучу, для того чтобы потомъ сортироваться, препровождаться, караться, высылаться и т. п.

Намъ довольно близко довелось наблюдать внутреннюю жизнь двухъ—трехъ такихъ полицейскихъ домовъ столицы

и думается, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій, несмотря на то, что они относятся ко времени, когда полицейскіе дома служили еще пріютомъ и для подслѣдственныхъ арестантовъ и для лицъ, отбывавшихъ наказанія по приговорамъ мировыхъ судей *) не лишены и теперь нѣкотораго значенія.

Мѣста заточенія во всѣхъ полицейскихъ домахъ устроены приблизительно одинаково, по одному типу. Длинный общій корридоръ тянется вдоль капитальной наружной стѣны, въ которой продѣланы большія рѣшетчатыя окна, нерѣдко выходящія на улицу, и другою, внутренней стѣной, составленной изъ ряда непосредственно примыкающихъ другъ къ другу клѣтокъ—арестантскихъ камеръ. Надъ дверьми каждой изъ такихъ камеръ, различающихся между собою лишь по объему, прибита жестяная дощечка съ надписью, изображающею принадлежность заключенныхъ къ той или другой группѣ или категоріи.

Всѣ такъ называемые „общія“ камеры устроены приблизительно одинаково: широкія нары идущія нѣсколько наклонно съ двухъ противуположныхъ сторонъ, загромождаютъ обыкновенно все помѣщеніе и оставляютъ затѣмъ небольшой свободный проходъ, гдѣ изъ двадцати заключенныхъ могутъ ходить или—вѣрнѣе—топтаться на мѣстѣ трое—четверо, остальные-же 16—17 человѣкъ обречены на вседневное и всенощное лежаніе въ растяжку или сидѣнье „по-турецки“ на своихъ койкахъ.

„Общихъ“ каморъ въ каждомъ полицейскомъ домѣ бываетъ обыкновенно три, не считая женскихъ, которыя безусловно отдѣлены отъ мужскихъ и существуютъ только при нѣкоторыхъ полицейскихъ домахъ.

За исключеніемъ камеры для „благородныхъ“, которая также имѣется не вездѣ, остальныя три общія камеры составляютъ въ сущности одно цѣлое, такъ какъ онѣ отдѣлены другъ отъ друга лишь досчатыми перегородками, и одною сплошною рѣшетчатою шпалерой выходятъ въ общій кор-

---

*) Въ то время знаменитый „Домъ предварительнаго заключенія“ предназначенный для содержанія всѣхъ подслѣдственныхъ арестантовъ, еще только возводился; а объ особомъ „арестномъ домѣ“, возведенномъ впослѣдствіи на Казачьемъ плацу,—не было еще и помину.

ридоръ, гдѣ даже негромкій говоръ слышенъ изъ одного конца корридора въ другой

Эти de facto нераздѣльныя каморы предназначались, тѣмъ не менѣе, для заключенныхъ трехъ совершенно различныхъ категорій, какъ свидѣтельствовали объ этомъ жестяные патенты, гласившіе послѣдовательно: „камора слѣдственная“, „камора мировая“ и „бродяжная“ или—болѣе гуманно называемая собственно—„общая“.

Такимъ образомъ все это „замкнутое“ (въ буквальномъ смыслѣ слова), общество, какъ и всякое людское общество, дѣлилось на ранги, сообразно патенту, вывѣшенному на видномъ мѣстѣ.

„Господа слѣдственные“,—какъ величали ихъ цивилизованные сторожа, а иногда и сами смотрителя,—пользовались нѣкоторымъ почетомъ и преимуществомъ, напримѣръ, предъ „господами за мировыми“, которые, представляя изъ себя нѣчто вродѣ tiers état, въ свой чередъ относились съ пренебреженіемъ къ своимъ сосѣдямъ, уже не „господамъ“, а просто—„бродяжнымъ“.

Такая градація, выработанная мѣстными нравами, казалась тѣмъ болѣе забавною, что между послѣдними, т. е. „бродяжными“, подлежащими частью высылкѣ на родину, частью удостовѣренію въ личности, попадалось болѣе всего честныхъ людей, повинныхъ лишь въ относительно пустой неисправности по части нашей пресловутой паспортной системы.

„Бродяжные“ (большею частью, горемычные бобыли) отличались отъ другихъ и своимъ костюмомъ. Рѣдкій изъ „слѣдственныхъ“ или „мировыхъ“, для сбереженія собственнаго платья, наряжался въ казенный холстинный халатъ (такіе халаты выдавались отъ попечительнаго комитета о тюрьмахъ); между тѣмъ какъ „бродяжные“ въ большинствѣ случаевъ всѣ сплошь были наряжены или въ полосатые халаты, придающіе имъ больничный видъ, или въ обще-арестантскія сермяги, которыя дѣлали ихъ тогда похожими на колодниковъ.

Результаты такихъ „сословныхъ“ градацій всею своею тяжестью падали на „бродяжныхъ“, выражаясь въ томъ, что ихъ посылали по утрамъ пилить дрова, мыть лѣстницы и

ретирады, между тѣмъ какъ „господа слѣдственные“ и „за мировыми“ подлежали лишь болѣе легкимъ домашнимъ работамъ, какъ-то: выметанію половъ, стиранію пыли и т. д.

Здѣсь кстати замѣтить, что внѣшняя чистота и порядокъ въ полицейскихъ домахъ всюду замѣчательны. Камеры и особливо корридоры имѣютъ обыкновенно блестяще-лакированный видъ. „Бродяжные“ въ потѣ лица своего трудятся надъ этимъ, и чуть-ли не каждые полчаса раздается голосъ смотрителя или его помощника: „ребята, пройдись швабрами!“

Иные изъ смотрителей, наиболѣе усердные по службѣ, заводятъ даже на собственный счетъ щетки и воскъ для натиранія половъ; и тутъ-то стоитъ, посмотрѣть какъ выплясываютъ „бродяжные“ въ своихъ полосатыхъ, развѣвающихся халатахъ, стремясь придать заново выкрашенному полу видъ самаго безукоризненнаго паркета.

Для избавленія мѣстныхъ обитателей отъ еще болѣе мѣстныхъ паразитовъ, еженедѣльно производилась посыпка наръ и тощихъ тюфяковъ какимъ-то спеціальнымъ снадобьемъ. Но и этотъ усовершенствованный способъ истребленія человѣческихъ паразитовъ обыкновенно мало достигалъ цѣли, и оставлялъ еще широкое поле для практикованія болѣе первобытныхъ, но зато неукоснительно вѣрныхъ, способовъ ихъ истребленія.

Каждыя двѣ недѣли заключенныхъ всѣхъ полицейскихъ домовъ водили въ баню Литовскаго замка. Путешествія эти совершались обыкновенно раннимъ утромъ, когда столица едва начинаетъ пробуждаться. Для устраненія побѣговъ, легко возможныхъ при такомъ многолюдномъ шествіи, препровождаемыхъ въ баню арестантовъ обязательно наряжали въ сѣрые колпаки безъ козырковъ. Мытье въ банѣ собственнаго грѣшнаго тѣла, а вмѣстѣ и бѣлья, которое тутъ-же сушилось и часто снова одѣвалось, доставляло засидѣвшимся на мѣстѣ арестантамъ немало удовольствія.

„Благородные“, согласно установившемуся обычаю, вовсе освобождались отъ обязательнаго хожденія въ баню. Они предпочитали отдать себя въ жертву неопрятности необходимости пропутешествовать по улицамъ столицы въ столь разношерстной компаніи.

Внутренняя жизнь въ арестантскихъ камерахъ всѣхъ полицейскихъ домовъ весьма однообразна.

Въ камерахъ и корридорахъ на самомъ видномъ мѣстѣ вывѣшены печатныя правила „Инструкціи“, весьма подробно регулирующей жизнь заключенныхъ. Ея постановленія весьма предусмотрительны; онѣ не только опредѣляютъ внѣшній порядокъ будничной жизни заключенныхъ, но имѣютъ въ виду, по возможности, подчинить себѣ и нравственную ихъ личность.

Что касается до внѣшняго распредѣленія времени, по занятіямъ, то занятія эти исчерпывались удовлетвореніемъ общимъ потребностямъ арестантовъ. Въ шесть часовъ утра (зимою часомъ позже) при понуканіяхъ дежурныхъ сторожей: „вставать! всѣ вставать!“—арестанты пробуждались отъ сна, наскоро убирали койки и приводили себя въ порядокъ. Затѣмъ раздавалось громогласное: „смирно!“—являлся смотритель или его помощникъ съ журналомъ въ рукахъ, для того чтобы сдѣлать общую, именную перекличку. Послѣ переклички арестанты всѣхъ камеръ (кромѣ секретныхъ, о которыхъ рѣчь впереди) собирались въ общій корридоръ „на молитву“, причемъ какой-нибудь доморощенный тенорокъ запѣвалъ „Отче нашъ“, а остальные арестанты подтягивали ему общимъ хоромъ.

Вслѣдъ за молитвой всѣ снова расходились по камерамъ, и—наступалъ самый оживленный моментъ въ жизни заключенныхъ—полицейскіе служителя разносили по камерамъ оловянные чайники громадныхъ размѣровъ съ „казеннымъ“ кипяткомъ для завариванія чая. Чаепитіе продолжалось обыкновенно добрыхъ полчаса. Присѣвъ на корточки на своихъ нарахъ, арестанты, не торопясь, прищелкивали сахаромъ и съ разстановкой глотали горячій напитокъ изъ массивныхъ оловянныхъ кружекъ.

Послѣ чая производилась всегда основательная, такъ сказать, генеральная чистка и уборка лѣстницъ, корридоровъ, ретирадовъ и т. д. „Бродяжныхъ“ въ эту-же пору высылали, подъ конвоемъ одного стражника, на дворъ рубить или пилить дрова и таскать воду.

Часовъ въ десять, когда все уже бывало приведено въ порядокъ дружными усиліями обитателей трехъ сосѣднихъ камеръ, снова являлся смотритель, съ особымъ спискомъ въ рукахъ, по которому вызывалъ всѣхъ вытребованныхъ на сего-

дняшній день къ слѣдователю, мировому судьѣ, или въ другое какое-либо присутственное мѣсто. Предстоявшія прогулки очень нравились засидѣвшимся арестантамъ, и каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ своей очереди.

Прогулки, эти кромѣ удовольствія, иногда являлись въ пору и съ экономической точки зрѣнія. Какія водятся у арестанта деньжонки весьма скоро уплываютъ на разныя неотложныя нужды, а у кого ихъ достаточно, тотъ обязывался сдавать ихъ въ контору смотрителю на храненіе, откуда онъ не могъ получить болѣе тридцати копѣекъ за одинъ разъ. Правда, бывалые умудрялись иногда проносить съ собою и всѣ имѣвшіяся при нихъ деньги, но въ большинствѣ арестантскаго населенія все же царила непокрытая бѣдность. А подъ замкомъ жизнь только и красна невинными удовольствіями: чай да табакъ — единственная роскошь арестанта. Но и для этого всегда нужна копѣйка.

Арестантъ, отправлявшійся къ слѣдователю или по вызову мирового судьи, или для отбыванія приговора, сдавался на руки полицейскому служителю, который обязанъ былъ конвоировать его до мѣста назначенія и тамъ сдать подъ особую росписку въ книгѣ, имѣвшейся при немъ. Къ мѣсту назначенія слѣдуютъ обыкновенно пѣшкомъ, причемъ приходится нерѣдко пересѣкать самыя людныя улицы столицы. Во время этихъ-то переходовъ нуждающійся арестантъ ловко успѣваетъ спустить что-нибудь лишнее изъ своего гардероба: жилетку, пальто и т. п., и, такимъ образомъ, пріобрѣсти немножко деньжонокъ. Правда, конвоирующему стражнику строго-на-строго воспрещалось останавливаться на улицѣ, особливо же—заходить куда-либо въ магазины, трактиры и т. п., но ловкій арестантъ, и не спрашивая позволенія, успѣвалъ иногда обдѣлать дѣло, такъ что зазѣвавшемуся провожатому оставалось только сплюнуть съ досады и для вида „дать по шеѣ“ провинившемуся арестанту.

При подобномъ „препровожденіи“ арестантовъ происходили нерѣдко побѣги. Иногда даже при помощи самихъ конвоировъ. Къ чести послѣднихъ нужно, однако-же, замѣтить, что въ подобныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ всего менѣе играютъ роль корыстолюбивые разсчеты. Если это и случалось, то по мотивамъ довольно тонкимъ.

Примѣромъ можетъ служить случай, имѣвшій мѣсто на нашихъ глазахъ съ однимъ изъ служителей полицейскаго дома.

Служитель этотъ, состоящій при женскихъ камерахъ, много лѣтъ пользовался безупречною репутаціею. Замѣчательно трезвый, исполнительный, хотя и нѣсколько суровый съ арестантами, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ товарищей, начальства и самихъ заключенныхъ.

Въ числѣ другихъ арестантокъ содержалась въ части нѣкая „солдатская дочь“ по имени Акулина, жившая тайнымъ развратомъ и обвинявшаяся въ ограбленіи пьянаго, богатаго купца, ночевавшаго у нея. Бойкая, словоохотливая, дерзкая съ тюремнымъ начальствомъ и замѣчательно видная и красивая, эта Акулина сразу завоевала себѣ выдающееся положеніе среди своихъ товарокъ. Доставая водки, чрезъ посредство дежурныхъ служителей, она напивалась съ утра, буянила, орала благимъ матомъ, задирала всѣхъ, за что и просиживала ночи на пролетъ, съ обнаженными плечами, въ холодной коморкѣ арестантскаго карцера.

Только въ дни дежурства непоколебимаго въ своей суровости стража она, по неволѣ, должна была вести себя прилично потому, что тотъ, не поддаваясь ея соблазнамъ, не допускалъ возможности добыть ей водки какимъ бы то ни было способомъ. Естественно, что болѣе надежнаго проводника трудно было подыскать смотрителю для такой безпокойной и даже „дерзкой“ арестантки. А между тѣмъ къ допросу слѣдователь ее требовалъ чуть-ли не ежедневно. Хотя обыкновенно избѣгали посылать часто арестанта съ однимъ и тѣмъ же проводникомъ, во избѣжаніе стачки, но здѣсь по неволѣ пришлось довѣриться ему одному, предпочтительно предъ всѣми другими служителями, которые, даже на глазахъ смотрителя, не могли противостоять чарамъ „Акулины“ и оказывали ей видимое послабленіе.

Раза три или четыре эти путешествія совершились со всевозможнымъ благополучіемъ. Провожатый доставлялъ неугомонную Акулину обратно въ часть совершенно трезвую и даже, какъ будто, совсѣмъ угомонившуюся. На четвертый или пятый разъ они снова пошли,—но въ часть уже изъ нихъ не вернулся ни тотъ, ни другая.

Послѣ долгихъ розысковъ удалось напасть на ихъ слѣдъ. Въ номерѣ какой-то гостинницы средней руки отыскалась полицейская книга, бывшая при провожатомъ. По показанію номернаго, „они“, т. е. Акулина и ея стражъ, заходили сюда не въ первый разъ, а въ послѣдній забыли эту книгу. Когда перелистали книгу, нашли и записку, въ которой виновный прощался „съ честными людьми“ и писалъ безъ всякихъ обиняковъ—„погибнулъ черезъ любовь“.

Разсказывали (среди заключенныхъ полицейскаго дома это „любовное приключеніе“ произвело, разумѣется, огромное впечатлѣніе), что честный стражъ, послѣ перваго же своего опыта конвоированія неугомонной Акулины, будто-бы со слезами на глазахъ умолялъ смотрителя освободить его на будущее время отъ этой непосильной обязанности и просилъ въ слѣдующій разъ послать съ Акулиной кого-нибудь другого. Но смотритель будто-бы только пригрозилъ ему арестомъ. Бравый стражъ повиновался, и съ тѣхъ поръ сталъ уже безсмѣнно препровождать Акулину къ судебному слѣдователю, пока, наконецъ, не „погибнулъ черезъ любовь“. Каждый Самсонъ найдетъ свою Далилу!

„Слѣдованія“ арестанта къ мѣсту назначенія производились обыкновенно пѣшкомъ; но арестанту, желающему ѣхать, не возбранялось нанимать и экипажъ на свой счетъ Само собою разумѣется, что такою привиллегіею пользовались весьма немногіе счастливцы. Арестанты, чувствовавшіе чрезмѣрную слабость и вообще „больные“, имѣли право быть перевозимыми безплатно на извозчичьихъ линейкахъ. Но такъ какъ извозчики обязывались везти даромъ, то при этомъ соблюдалось правило, въ силу котораго при далекихъ разстояніяхъ первый попавшійся извозчикъ обязанъ былъ провезти только извѣстное, незначительное пространство; затѣмъ арестантъ пересаживался на вторую, третью извозчичью линейку и т. д., смотря по разстоянію. Такой способъ передвиженія весьма печально отзывался на трудно-больныхъ, которые, если сами бывали неспособны двигаться, переваливались съ линейки на линейку дюжими руками полицейскаго служителя и извозчика, для которыхъ каждый арестантъ былъ не болѣе, какъ „кладь“, почему они съ нимъ и обращались какъ съ настоящею кладью.

Намъ довелось слышать полицейскаго служителя, который съ неподдѣльнымъ, но производившимъ тягостное впечатлѣніе, юморомъ рапортовалъ начальству о томъ, какъ онъ „доставилъ“ въ тюремную больницу, вмѣсто живой, мертвую старуху-арестантку. Ее такъ усердно „переваливали“ съ извозчика на извозчика, что на четвертомъ она „ёкнула и Богу душу отдала“.

За всякую попытку къ побѣгу и вообще за „упорное“ неповиновеніе мѣстному начальству провинившійся арестантъ немедленно переводился изъ полицейскаго дома въ тюремный замокъ. Больные также препровождались въ тюремный замокъ для помѣщенія въ мѣстный лазаретъ, гдѣ и оставались впредь до выздоровленія. Это обстоятельство заставляло заболѣвшихъ арестантовъ перемогаться, т. е. скрывать свою болѣзнь, до послѣдней возможности. Для непривычнаго слуха названіе „тюрьма“ сохраняло свое особенное значеніе, независимо отъ того, что по существу заключеніе въ тюрьмѣ, конечно, весьма немногимъ отличается отъ заключенія въ полицейскомъ домѣ.

Обѣдали арестанты ровно въ одиннадцать часовъ.

Двое—трое изъ „бродяжныхъ“ отправлялись подъ конвоемъ въ арестантскую кухню, находившуюся въ непосредственномъ завѣдываніи „вольнонаемной кухарки“. Отсюда они возвращались въ каморы съ дымящимися мисками и порціонными ломтями ржаного хлѣба на всю братью. Иногда порцій не хватало на всѣхъ, такъ какъ продовольствіе отпускалось обязательно лишь по числу заключенныхъ предыдущаго дня.

Обѣдъ продолжался недолго. Содержимое объемистыхъ мисокъ уничтожалось въ нѣсколько минутъ, и опорожненная посуда относилась обратно въ кухню „бродяжными“ тѣмъ-же порядкомъ. На ѣду арестанты особенно не жаловались „Брюхо—не зеркало“!—основательно разсуждали они.

Послѣ обѣда, „на точномъ основаніи правилъ Инструкціи“, разрѣшается часъ отдыха. Однако, за неимѣніемъ какого-либо для арестантовъ дѣла, этотъ часъ отдохновенія продолжался обыкновенно вплоть до вечера, когда арестантамъ снова „дозволяется пить чай“. На этотъ разъ „казеннаго“ кипятку уже не полагалось, и арестанты въ складчину при-

обрѣтали таковой изъ сосѣдняго трактира. Ужинали арестанты остатками отъ обѣда часовъ въ семь вечера.

Часовъ около девяти вечера вновь появлялся смотритель или его помощникъ, арестантовъ вновь выводили въ общій корридоръ „на молитву“, имъ дѣлалась именная перекличка, и арестантскій день считался законченнымъ. Въ „общія“ камеры вносились,—очевидно, „незамѣнимыя“ ничѣмъ—параши, рѣшетчатыя двери каморъ замыкались на ключъ, огонь въ корридорахъ убавлялся, и всюду воцарялась полутьма.

Жуткая тишина прерывалась лишь монотонными шагами дежурнаго стражника, да побрякиваніемъ его ключей.

Кое-гдѣ по камерамъ слышался еще порой возгласъ, подавленный смѣхъ или, надолго затянувшійся, повѣствовательный шопотъ; но черезъ часъ—другой всѣ уже спали сномъ праведниковъ. Только въ дверяхъ „благородной“ виднѣлась обыкновенно яркая полоска свѣта, и слышался несмолкаемый говоръ продолжавшійся часовъ до двухъ, до трехъ ночи.

Такъ проходилъ день—сплошь, въ сущности „при открытыхъ дверяхъ“—для обитателей всѣхъ „общихъ“ камеръ, въ томъ числѣ, и „благородной“.

Но кромѣ этихъ „общихъ“ при полицейскихъ домахъ имѣются еще, такъ называемыя, „секретныя“ камеры—узкія, непріютныя, какъ только можно себѣ представить, полутемныя конуры съ крошечнымъ рѣшетчатымъ оконцемъ подъ самымъ потолкомъ.

Онѣ предназначены для одиночнаго, безусловно келейнаго, заключенія. Двери ихъ выходятъ обыкновенно въ боковой корридорчикъ, совершенно удаленный отъ главнаго корридора.

Внутренній видъ этихъ келій очень мраченъ. Здѣсь, кромѣ правилъ помянутой уже выше „Инструкціи“, на самомъ видномъ мѣстѣ вывѣшены, еще такъ называемыя, „вѣрныя прибѣжища“. Это—тексты изъ священнаго писанія, отпечатанныя большими буквами на полулистахъ картона. Своимъ содержаніемъ онѣ обыкновенно производятъ весьма сильное впечатлѣніе на только-что приведеннаго арестанта. „Пріидите ко Мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и азъ упокою васъ!“

или: „Много золъ праведнику, но Господь отъ всѣхъ избавляетъ его!“ Такъ гласятъ эти „вѣрныя прибѣжища“, которыми тюрьмы и полицейскіе дома обязательно снабжаются отъ „попечительнаго комитета о тюрьмахъ“.

Особый „карцеръ“—также считается необходимѣйшею принадлежностью каждаго „полицейскаго дома“.

Это уже совершенно темная, крошечная каморка, гдѣ невозможно вытянуться во весь, хотя-бы средній, ростъ; каморка, съ холоднымъ, каменнымъ поломъ, безъ всякой койки или подстилки. Сюда сажали провинившихся „противъ дисциплины арестантовъ“, причемъ съ подвергающагося карцерному заключенію,—трудно понять, для какой цѣли,—снимали все верхнее платье. Если принять во вниманіе, что карцеръ вовсе не отоплялся, и что, на основаніи правилъ „Инструкціи“, смотрителю предоставлялось право продержать въ карцерѣ любого арестанта до семи сутокъ, съ лишеніемъ горячей пищи, т. е. на хлѣбѣ и водѣ, въ продолженіе всего времени заключенія, то будетъ понятно, почему арестанты такъ недружелюбно косились на узкую глухую дверь мрачной каморки съ четкою надписью—„Карцеръ“.

Арестуемые при „полицейскихъ домахъ“ ни коимъ образомъ не могли, да едва ли и теперь могутъ считаться „случайными“ и—еще менѣе—„кратковременными“ арестантами.

Не говоря уже о „подслѣдственныхъ“ арестантахъ *), содержавшихся здѣсь мѣсяцы и годы, и все остальное огромное большинство арестуемыхъ „для слѣдованія“ и „препровожденія“ точно также отсиживаютъ здѣсь немалые сроки. Каждое арестуемое лицо обязательно вызываетъ о себѣ „переписку“ въ видѣ справокъ на мѣстѣ родины и т. п., и одно это уже обезпечиваетъ ему болѣе или менѣе продолжительное „лежаніе на брюхѣ“ въ одной изъ общихъ камеръ, если только, по счастью, доставленную „личность“ не сопровождаетъ „осо-

---

*) Въ настоящее время лица, подлежащія „передачѣ въ распоряженіе судебной власти“, остаются „по предварительному задержанію“ въ полицейскомъ домѣ втеченіи 2—3 сутокъ, и долѣе, пока о нихъ производится первоначальное полицейское дознаніе.

бое отношеніе", приводящее обязательно прямо въ „секретную".

Мы уже упоминали, что раздѣленіе арестуемыхъ „по категоріямъ" въ полицейскихъ домахъ, благодаря самому устройству мѣстъ заключенія, представлялось часто фиктивнымъ.

Какъ бы ни былъ нравственно потрясенъ любой, только-что задержанный „новичекъ", какъ бы ни былъ онъ искренно способенъ къ раскаянію, часто вызываемому въ человѣческой душѣ, какъ необходимая реакція впервые совершенному преступленію,—стоитъ только ему переступить порогъ „полицейскаго дома",—всякія тяжелыя раздумья и угрызенія совѣсти какъ рукой сняло. Привѣтливо и радушно улыбающіяся лица новыхъ товарищей немедленно успокоительно дѣйствуютъ на душу самаго незакаленнаго грѣшника; ему достаточно сутки подышать здѣшней атмосферой, прислушаться къ окружающимъ его толкамъ, чтобы окончательно примириться съ постигнувшею его участью, взглянуть на себя, какъ на достойнаго члена, хотя и не безукоризненнаго, но зато никогда не унывающаго общества, гдѣ всѣ ребята теплые, другъ друга не выдаютъ, надъ всякимъ хитроумнымъ полицейскимъ стражемъ посмѣиваются и, при случаѣ, въ грязь лицомъ не ударятъ.

Гдѣ тутъ размышлять и терзаться надъ собственнымъ паденіемъ или несчастіемъ,—другіе интересы разомъ выдвигаются услужливыми товарищами на первый планъ. Начинается отупѣлое гуртовое лежаніе на брюхѣ изо дня въ день, приправляемое заправскими анекдотами о взаимныхъ похожденіяхъ, обсуждаются и дебатируются разныя юридическія тонкости и ухищренія; злобой дня становится забота о пустыхъ казенныхъ щахъ и крутой кашѣ, потокъ свѣжихъ впечатлѣній ограничивается сообщеніемъ другъ другу „придворныхъ" извѣстій: о сожитіи смотрительской кухарки съ пожарнымъ унтеромъ и т. п. Словомъ, какъ бы ни были серьезны мысли и глубоки чувства, неминуемо возбуждаемыя въ душѣ каждаго человѣка первымъ невозвратнымъ шагомъ на пути нравственнаго паденія или свалившимся на него нежданно несчастьемъ, какъ бы непримиримо по отношенію къ собственному проступку ни были натянуты лучшія

струны въ душѣ человѣка, впервые сознавшаго себя отверженнымъ отъ людей, здѣсь на помощь являются услужливыя руки, которыя до тѣхъ поръ станутъ наигрывать на этихъ душевныхъ струнахъ, пока, наконецъ, ко всеобщему удовольствію, онѣ не попадутъ въ общій аккордъ и не станутъ затѣмъ навсегда издавать желаннаго безформеннаго гула

Съ этой минуты начинается настоящее паденіе преступника, настоящее приниженіе обездоленнаго.

Можно положительно утверждать, что при такихъ условіяхъ огульное содержаніе разнаго рода арестованныхъ даетъ, во всякомъ случаѣ, болѣе рецидивистовъ, нежели полная безнаказанность и даже удачное сокрытіе преступленія.

Да и какъ возможно иначе? Что общаго, напримѣръ, между этимъ подслѣповатымъ малымъ, попавшимся уже въ третій разъ, и на этотъ разъ — за кражу изъ богатой квартиры, съ помощью подобраннаго ключа, кражу, которую онъ, пользуясь пребываніемъ хозяевъ квартиры на дачѣ, совершилъ съ замѣчательной дерзостью и ловкостью, среди бѣла дня, въ продолженіи нѣсколькихъ дней подъ-рядъ, вынося постепенно все наиболѣе цѣнное, и попавшійся только благодаря случайному возвращенію хозяина,—что общаго между нимъ, дерзко выдавшимъ себя дворнику за присланнаго самимъ хозяиномъ (что подтверждалъ и ключъ, бывшій при немъ), пытавшимся въ рѣшительную минуту улизнуть изъ третьяго этажа по водосточной трубѣ, а теперь упорно отрицающимъ свою виновность, не смотря на массу обличающихъ уликъ,—что общаго между этою „красою и гордостью“ цѣлой воровской шайки и другимъ, лежащимъ рядомъ съ нимъ на койкѣ, юношею лѣтъ восемнадцати, который обвиняется въ покушеніи на убійство своего вотчима, терзавшаго его, какъ плантаторъ негра? Этотъ мальчикъ до сихъ поръ безъ ужаса и слезъ не можетъ вспомнить о страшной минутѣ, когда онъ, въ отмщеніе за новый клокъ выдранныхъ волосъ, на удачу пустилъ ножемъ, бывшимъ у него подъ рукой. А между тѣмъ, двадцать четыре часа въ сутки они лежатъ рядомъ, и не думаю, чтобъ безъ вліянія другъ на друга.

Но это — еще не примѣръ.

Здѣсь, по самой сущности различія характеровъ, врядъ ли возможна какая-нибудь нравственная ассимиляція.

Другое дѣло — эти глуповатые разинутые рты „бродяжнихъ“, обступившихъ знаменитаго „ходока“ Лукшу, судящагося чуть ли не въ пятый разъ. Они налету ловятъ каждое слово, которымъ ихъ удостоиваетъ этотъ будущій князь Гакчайскій.

„Отставной музыкантъ“ Лукша, совершившій на своемъ вѣку много ловкихъ мошенничествъ и кражъ, извѣстный полиціи подъ разными именами, заарестованный на этотъ разъ врасплохъ, „какъ бродяга“, только благодаря чуткому нюху ловкаго сыщика, который, зная его въ лицо, самъ чуть не принялъ его за важнаго барина, какимъ тотъ себя выдавалъ; этотъ Лукша, нѣкоторымъ образомъ,—оракулъ цѣлой каморы. Молокососы же,—пуще другихъ упивающіеся его сладкогласіемъ,—трое безбородыхъ учениковъ-мастеровыхъ, повинные лишь въ томъ, что, отбивъ отъ пристани чужую лодку, отправились на ней самовольно кататься „ко взморью“ и были задержаны затѣмъ „въ безобразно пьяномъ видѣ“.

Когда до подслѣдственныхъ арестантовъ добрался слухъ о новой тюрьмѣ, предназначенной спеціально для нихъ, они очень загрустили. Имъ не хотѣлось разставаться съ относительно свободною жизнью въ полицейскихъ домахъ, чтобы промѣнять ее, какъ разсказывали всесвѣдущіе предрекатели, на келейное, безусловно одиночное заключеніе въ камерахъ новой слѣдственной тюрьмы, гдѣ и свѣта Божьяго больше не увидишь, гдѣ и въ судъ поведутъ подземельемъ и изъ суда выведутъ такимъ же путемъ, гдѣ и сторожа все будутъ припасены нѣмые, чтобы и съ тѣми разговоровъ никакихъ не имѣть.

Но были и скептики, которые и слушать не хотѣли о новыхъ порядкахъ. По ихъ мнѣнію, это былъ одинъ „слухъ пущенъ“.... Безъ табаку да безъ разговоровъ,—по ихъ мнѣнію,—„въ острогѣ совсѣмъ пропасть надо!“

Съ выдѣленіемъ изъ числа арестантовъ при полицейскихъ домахъ „подслѣдственныхъ“ и „арестныхъ“ отбывающихъ наказаніе по приговорамъ мировыхъ судей все же получается достаточная пестрота и разнокалиберность, такъ какъ тутъ оставлены всѣ, о коихъ производится дознаніе и арестуемые по предварительному распоряженію мировыхъ судей.

Въ описываемое нами время камера, въ которой содержа-

лись всѣ вообще числившіеся „за мировыми“, представляла особенно яркую пестроту и разнохарактерность.

Съ одной стороны—мелкіе жулики и воришки, по предварительному задержанію; съ другой—приговоренные къ аресту за разные полицейскіе проступки, болѣе всего извозчики и кучера за быструю ѣзду, и вообще нарушители тишины и порядка. Наконецъ, не малый процентъ „господъ за мировыми“ давали разные „оскорбители“ словомъ и дѣйствіемъ.

Изъ числа подобнаго рода „оскорбителей“ въ полицейскихъ домахъ попадались законченные типы.

Приходитъ на память, напр., одинъ, слывшій въ N-ской части за „маіора“, хотя онъ отродясь маіоромъ не былъ, а носилъ отставной военный мундиръ съ краснымъ воротникомъ съ чужаго плеча. Этотъ „маіоръ“ избралъ себѣ оригинальную профессію: или быть оскорбленнымъ и получить зато „безчестіе“, или, когда такимъ способомъ дѣло не выгорало, а жить было нечѣмъ, самому оскорбить и, слѣдовательно, попасть въ часть, на даровую квартиру и пищу. Вся его жизнь проходила такимъ образомъ въ исканіи своеобразнаго „счастья“ по трактирнымъ и другимъ — какъ онъ выражался — „спиритуалистическимъ“ заведеніямъ. Иногда онъ попадалъ подъ арестъ съ подбитымъ глазомъ, исковерканной физіономіей и, вообще въ сильномъ „упадкѣ духа“. Оказывалось, что „вышли неудачи“: онъ же избитъ и онъ же попадалъ на высидку за нарушеніе тишины и спокойствія. Поотлежавжись немного, натура брала, обыкновенно, свое и, выпущенный вновь на свободу, онъ опять устремлялся на ловитву „своего счастья“. Зимой, особенно во время сильныхъ морозовъ, когда безъ постоянной квартиры приходилось „не втерпежъ“, онъ почти не выходилъ изъ-подъ ареста. Бывало, только-что отсидитъ свой срокъ, глядь,—денька черезъ два, три,—снова появился „маіоръ“ и баситъ себѣ громче всѣхъ на вечерней молитвѣ: „восписуемъ-ти бо-о-городицѣ!“

Въ этомъ разношерстомъ обществѣ попадались и дѣти „по предварительному задержанію“. Разные безпріютные горемыки, такъ или иначе подобранные на улицѣ или, что еще хуже, въ кабакахъ и трактирахъ, содержимые подъ арестомъ до водворенія къ родителямъ, пересылки на родину и т. п.

Камера для „благородныхъ“, кромѣ внутреннихъ преимуществъ, въ смыслѣ нѣкоторыхъ послабленій для заключенныхъ, отличается и внѣшнею представительностью. Это— не клѣтка для звѣрей, а обыкновенная, свѣтлая, часто просторная комната съ длиннымъ рядомъ желѣзныхъ кроватей по стѣнамъ. Кровати на видъ невзрачныя, покрыты толстыми одѣялами изъ сѣраго солдатскаго сукна съ небольшими жесткими подушками, набитыми соломой. Но въ такомъ видѣ казенная кровать остается только до своего очереднаго жильца. Съ появленіемъ новаго состоятельнаго жильца „изъ благородныхъ“, появляются тотчасъ и перины и расшитыя подушки и стеганныя одѣяла.

Между окнами прилаженъ деревянный крашеный столъ, окруженный низкими табуретами, по числу кроватей. Вокругъ этого стола „господа благородные“ совершали свои ежедневныя трапезы, предавались вечернему чаепитію и услаждали свои досуги неторопливой бесѣдой.

Сюда рѣже заглядываетъ смотритель и его помощникъ; сторожа входятъ, снимая свои „кострюли“, а остальные арестанты взираютъ на заколдованныя двери, съ рѣшетчатыми прорѣхами, съ нѣкоторой завистью и почтеніемъ. Здѣсь далеко за полночь допускались разговоры и полное освѣщеніе, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ каморахъ давно уже царитъ мертвая тишина и обязательная полутьма.

Здѣсь встрѣчались и изъ разряда „слѣдственныхъ“ и изъ приговоренныхъ къ аресту мировыми судьями и изъ „разнаго рода“ людей, имѣющихъ между собою одну общую черту — принадлежность къ привиллегированному классу.

Вотъ, купецъ — первой гильдіи, изъ евреевъ, черный, какъ смоль, похожій больше на армянина, чѣмъ на еврея. Онъ вѣчно негодуетъ на слѣдователя, клянется въ его подкупности и дико при этомъ вращаетъ бѣлками. Въ тѣ минуты, когда онъ говоритъ о несправедливости должностныхъ лицъ, онъ входитъ въ неописуемый азартъ. Лицо его наливается кровью, и можно подумать, что это только-что пойманный врасплохъ чеченецъ или вообще—азіатъ. Но стоитъ только издали показаться смотрителю или вообще кому-нибудь изъ начальства, и грозный чеченецъ немедленно пре-

вращается въ трусливаго жидка, который смиренно, со слезами на глазахъ, толкуетъ о томъ, что онъ—„честный купецъ у въ первій гильдій“, который „честно тургувалъ туваромъ“, и неизвѣстно за что очутился подъ стражей. Изъ постановленія слѣдователя о заарестованіи купца оказывается, что онъ по фамиліи Рудольфъ Аронъ Блиндманъ и обвиняется въ поджогѣ собственнаго, застрахованнаго въ очень большой суммѣ, товара.

А вотъ, другой—„дворянинъ, лишенный правъ“; по традиціи, однако, все еще—„привеллигированный“.

На видъ онъ еще мальчикъ, хотя ему уже двадцать шесть лѣтъ. Онъ только-что вышелъ изъ тюрьмы, куда былъ приговоренъ за кражу, а теперь обитаетъ при части въ „благородной“, въ ожиданіи высылки изъ столицы. Приписаться къ какому-либо податному сословію онъ не желаетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помнитъ себя „честнымъ дворяниномъ“, да и притомъ-же онъ не имѣетъ „приличныхъ“ средствъ къ дальнѣйшему существованію „близъ столицы, напримѣръ, въ Кронштадтѣ“.

Несмотря на полное сознаніе своего, хотя и утраченнаго по волѣ людей, но прирожденнаго ему дворянскаго достоинства, онъ очень обязателенъ и услужливъ. Пользуясь довѣріемъ смотрителя, онъ играетъ между арестантами роль старосты, а „благороднымъ“ своимъ ближайшимъ товарищамъ по заключенію, оказываетъ разныя мелочныя услуги, напримѣръ, чиститъ платье, убираетъ постели, за что и получаетъ соотвѣтствующія подачки. Иногда онъ бывалъ сантименталенъ и элегически сообщителенъ. Тогда онъ любилъ вспоминать о „купеческой дочкѣ“, которая любила его такъ сильно, что „можетъ, даже отъ этого самаго и померла“ и которая ужъ конечно, не допустила-бы его до такого „несчастья“. Но... послѣ ея смерти онъ съ тоски запилъ. Этимъ романическимъ обстоятельствомъ, собственно, и объяснялась вся его дальнѣйшая „непріятная исторія“. Впрочемъ, онъ не терялъ вѣры въ будущее. Вдали отъ шумныхъ развлеченій столицы, въ „новомъ и невѣдомомъ краю“ онъ надѣялся устроиться „по новому“. Тюремная жизнь его не особенно тяготила, но изъ прелестей свободной жизни онъ живѣе всего ощущалъ лишеніе билліардной игры, страстнымъ адептомъ

каковой былъ еще въ ту пору, когда водилъ знакомство съ „купеческой дочкой“.

Явясь подъ арестъ въ лохмотьяхъ, онъ во время пребыванія въ части, успѣлъ, не только обзавестись приличнымъ костюмомъ, доставшимся ему въ видѣ награды отъ разныхъ „благородныхъ“, долго-ли, коротко-ли бывшихъ ему товарищами по заключенію, но успѣлъ сколотить себѣ и кое-какой капиталецъ, „на дорогу“. Въ этомъ впрочемъ, не могло быть ничего удивительнаго. Кромѣ доброхотныхъ дателей, онъ не упускалъ изъ виду и своихъ прямыхъ данниковъ—„простыхъ“ арестантовъ, которымъ онъ поставлялъ въ краткосрочный кредитъ табакъ, сахаръ, чай и всякій другой, ходкій товаръ. При нуждѣ, а иногда и просто изъ любви къ искусству, онъ наушничалъ смотрителю, чѣмъ и поддерживалъ между арестантами свой „авторитетъ“. Его презирали, но побаивались. Ему, только этого и было нужно.

Содержался между „благородными“ и молчаливый, очень задумчивый студентъ-технологъ, ждавшій терпѣливо и кротко своей административной высылки на родину.

Приводили иной разъ своеобразныхъ веселыхъ „шутниковъ“ дня на два, на три „по приговору мировыхъ судей“ за разныя болѣе или менѣе „невинныя“ шалости въ Эльдорадо и Орфеумѣ. Эти, несмотря на веселую беззаботность нрава, всегда ужасно обижались (и совершенно основательно, прибавимъ мы отъ себя) на то, что ихъ „засадили вмѣстѣ со всякими убійцами и подобными разными“.

Басилъ здѣсь недѣль шесть высокій и статный „митрополитскій пѣвчій“, попавшій сюда „за мировымъ“ по присвоенію какого-то „чужого имущества на сумму двѣнадцать рублей“. Оказалось, что онъ „занялъ“ у какого-то знакомаго „на свадьбу“ сюртучную пару, а послѣ свадьбы, вмѣсто того чтобы возвратить, заложилъ ее въ гласной ссудной кассѣ. На головѣ у него была густая грива, вѣчно взъерошенная, какъ копна сѣна, и неизмѣнно заспанное лицо. По желанію смотрителя онъ училъ арестантовъ пѣть „божественныя молитвы“ и исполнялъ должность регента во время утреннихъ и вечернихъ общихъ молитвъ. Онъ былъ добродушенъ. Если онъ не спалъ, то непремѣнно что-нибудь жевалъ и особенно залихватски выводилъ: „радуйся, невѣста неневѣстная!“

Содержался между прочими „благородными“ и „гвардіи капитанъ въ отставкѣ“. Этотъ цѣлый день пилъ содовую воду или лимонадъ-газесъ. Остальное время онъ лежалъ безъ сюртука на животѣ въ постели и похлопывалъ въ воздухѣ каблуками, насвистывая мотивы изъ оперетокъ. Обвинялся онъ въ поддѣлкѣ бланковой надписи на векселѣ. Ходили также слухи, что въ своей квартирѣ онъ держалъ притонъ для азартныхъ игръ. Унывать было не въ правилахъ „господина капитана“, тѣмъ болѣе, что ему грозила „только ссылка въ не столь отдаленныя“, а, по его мнѣнію, это были такіе пустяки, о которыхъ, собственно, и разговаривать не стоило. Къ тому же его не оставляла надежда и на оправданіе. По его мнѣнію, присяжные могли оправдать его по двумъ мотивамъ: „во-первыхъ,—легкомысліе; ну а, во-вторыхъ, — вообще смягчающія обстоятельства“.

Попалъ однажды, въ „благородную“ чуть-ли не прямо съ парохода, доставившаго его изъ Нью-Іорка, нѣкій, скрывшійся года два назадъ и разыскиваемый полиціею, несостоятельный должникъ, бывшій модный портной Петербурга, молодой малый, лѣтъ двадцати-пяти, живо пустившій въ трубу, нѣкогда знаменитый, магазинъ отца. Этотъ,—тоже не унывалъ. Добродушное, моськообразное лицо его, покрытое веснушками, вѣчно улыбалось. Онъ и подъ замокъ явился въ первый разъ чуть-ли не съ пѣсенкой изъ „La fille Angot“, тогда еще новой буффонады, которую онъ разъ шесть успѣлъ прослушать передъ своимъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка:

— „Quand on conspire, quand on conspire il faut avoir!“

— Откуда?—весело встрѣтили его новые товарищи, какъ только щелкнулъ замокъ за его спиной.

— А — изъ Америки! — эффектно отрекомендовался онъ, и снова тутъ же запѣлъ: „perruque bloo-onde, perruque blo-o-nde et collet noir!“

Много смѣялись надъ нимъ, когда узнали, что онъ вернулся на родину (онъ былъ петербургскій нѣмецъ) по тѣмъ соображеніямъ, что деньги, захваченныя, имъ съ собою, въ два года, все равно бы, всѣ ухнули, притомъ же, онъ соскучился, и что на родинѣ ему предстоитъ... возсѣсть на скамью подсудимыхъ въ качествѣ злостнаго банкрота.

— А, плевать!.. Меня выручатъ! Вы знаете, какъ отозва-

лись обо мнѣ мои парижскіе кредиторы? А вѣдь они главные!.. Они отозвались телеграммой на запросъ слѣдователя обо мнѣ: „bon garçon, actif, mais dangereux!“ И онъ уже совсѣмъ весело: запѣлъ „de la fille Angot je suis la mère!“

Съ этихъ поръ онъ такъ и прослылъ „bon garçon, actif, mais... dangereux!

Привели „на благородную“ въ одинъ дождливый и пасмурный вечеръ молодого человѣка, съ еще болѣе сумрачнымъ и пасмурнымъ видомъ; онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и дрожалъ, какъ листъ. По страдальческому выраженію его, какъ бы окаменѣвшихъ въ одномъ напряженномъ выраженіи глазъ, можно было догадаться, что онъ пережилъ только-что страшную, минуту. Оказалось, что онъ только-что стрѣлялъ въ свою любовницу.

Несмотря на то, что самыя разнообразныя причины приводятъ сюда „господъ благородныхъ“, между ними, несмотря на все индивидуальное различіе характеровъ и „несчастій“, въ концѣ концовъ все-таки устанавливается извѣстная солидарность, и симпатія въ сознаніи общей неволи.

Человѣкъ—вездѣ человѣкъ!

Иногда общую тоску и апатію какъ рукой снимало; устраивалась чехарда, игра въ жмурки, въ циркъ, бросаніе другъ въ друга тощими подушками и т. п. Слышался смѣхъ и веселые выкрики, словно у расходившихся школьниковъ. Пускался въ присядку и старъ, и младъ, и „американскій скиталецъ“ — модный портной, въ качествѣ цирковаго берейтора, ѣхалъ, къ общему удовольствію, верхомъ на „митрополичьемъ пѣвчемъ“, который старательно изображалъ „выводнаго жеребца русской породы“, обученнаго высшей школѣ цирковой ѣзды.

Такое общее оживленіе наступало обыкновенно лишь позднимъ вечеромъ, во время вечерняго чаепитія, когда разгорались керосиновыя лампы, и въ камерѣ отъ принесеннаго самовара становилось тепло и уютно. Оживленію предшествовало обыкновенно совершенно противуположное настроеніе, которое совпадало обыкновенно съ наступленіемъ сумерекъ и длилось часъ — другой. Въ каморѣ царило тогда безсильное молчаніе. Заключенные по-одиночкѣ или по-двое расходились по разнымъ угламъ или, оставаясь лежать на сво-

ихъ постеляхъ. упрямо поворачивали другъ другу спины, скрывая почему-то лица. Слышались подавленные вздохи и заглушенные стоны. Никто не хотѣлъ „показать вида“, но всѣ отлично понимали, что каждый погруженъ теперь въ свое собственное, личное, несчастье, въ свою собственную, личную заботу, и никому не приходило тогда въ голову заговорить громко, изъ опасенія спугнуть зловѣщую сосредоточенность душевныхъ „сумерекъ“ каждаго въ отдѣльности.

Такое состояніе „сумеречной апатіи“ и упадка душевныхъ силъ заключенныхъ прерывало обыкновенно (но далеко не сразу) появленіе сторожа съ предложеніемъ сходить въ лавку за провизіею для вечерняго чая. Такъ какъ вечернее чаепитіе происходило сообща, то каждый долженъ былъ внести свою лепту въ общую трапезу. Одинъ „записывалъ“ полфунта икры, другой колбасы, третій сыру, масла и т. д. Въ концѣ концовъ при восьми — десяти заключенныхъ „благородной камеры“ (она была разсчитана всего на двѣнадцать человѣкъ), даже при наличности одного—двухъ бѣдняковъ, не вносившихъ ничего (напримѣръ,—„митрополичьяго пѣвчаго“ и, „дворянина, лишеннаго правъ“), получалась все-же весьма роскошная сервировка вечерняго чая, удовлетворявшая даже прихотливымъ вкусамъ такихъ заправскихъ гастрономовъ, какъ „отставной гвардіи капитанъ“ или „американскій скиталецъ“.

По четвергамъ и воскресеньямъ въ „общихъ“ камерахъ и особливо въ „благородной“ замѣчалось съ утра особое оживленіе. Это были дни „свиданій“, и каждый болѣе или менѣе нетерпѣливо ждалъ, чтобы сторожъ выкликнулъ, наконецъ, его фамилію. Контора смотрителя въ эти дни превращалась въ пріемную, переполненную посѣтителями. Всего болѣе являлось женщинъ, нерѣдко съ заплаканными глазами, грустными физіономіями и узелками въ рукахъ... Это были матери, жены, сестры, возлюбленныя заключенныхъ. По сторонамъ бросались нетерпѣливые взгляды, слышались вздохи; а порой и рыданья.

„Простые“ арестанты пользовались свиданіемъ „черезъ рѣшетку,“ которою примыкалъ корридоръ къ самой „конторѣ“; „благородные“ допускались въ самую смотрительскую кон

тору, гдѣ свиданія происходили подъ общимъ наблюденіемъ смотрителя. Времени для свиданія давалось немного, а потому всѣ говорили разомъ, спѣша и волнуясь, стараясь все высказать, и передать нужное.

Сцены при свиданіяхъ, бывали самаго разнообразнаго характера, отъ трогательныхъ до комичныхъ, въ высокой степени

Блиндманъ, — „купецъ первой гильдіи изъ евреевъ“ съ своею „азіатской“ наружностью, какъ манны небесной, ждалъ всегда появленія своей жены, которая должна была принести ему самыя подробныя свѣдѣнія о результатахъ своихъ хожденій, прошеній и вообще—„клопотъ“. Бѣдная женщина,— на нее было жалко смотрѣть: всю недѣлю она бѣгала, какъ шальная, отъ одной двери къ другой, къ разнымъ сіятельнымъ и превосходительнымъ лицамъ, куда ее гналъ мужъ, въ надеждѣ выхлопотать, наконецъ, себѣ свободу. Всѣ „хожденія“ оставались безплодны, и Блиндманъ выходилъ изъ себя, бранилъ жену, укорялъ ее въ равнодушіи къ его несчастью, и затѣмъ снова и снова молилъ ее идти—туда и туда, и къ графу тому, и къ генералу этому.

— Ходи, все ходи!—энергично заканчивалъ онъ обыкновенно свои наставленія.

Иногда жена отваживалась робко представлять ему доводы о безплодности всѣхъ такихъ хожденій, такъ какъ „сама Судебная Палата“ отказала въ освобожденіи. Блиндманъ терялся, но все-же со слезами на глазахъ умолялъ ее: „мой мили жена, я прошю тебѣ—ходи, ну ходи! Скажи: такъ-и-такъ, господинъ графъ, господинъ генералъ, мой бѣдни мужъ завсѣмъ не винуватъ, его послали у турму понапрасну... Ну, и плачь, плачь! Онъ будетъ тебѣ жалѣть, будетъ за меня просить, я знаю, будетъ,—это вѣрно!“...

Блиндманъ, которому въ свое время, какъ говорили, сошло немало плутней съ рукъ, и теперь, несмотря на то, что попался въ руки „новаго суда“, никакъ не хотѣлъ потерять вѣры во всемогущество графа такого-то и генерала такого-то.

Параллельно съ колебаніемъ его отношеній къ женѣ, сообразно получаемымъ имъ извнѣ извѣстіямъ и заново всегда возгоравшимся въ его собственной душѣ надеждамъ, шли и

его отношенія къ—самому Господу—Богу. Это были весьма характерныя для вѣрующаго еврея,—въ высокой мѣрѣ интимно-субъективныя и личныя, — отношенія къ самому Іеговѣ, который непремѣнно долженъ былъ самолично приложить руку къ тому, чтобы его, Блиндмана, выпутать изъ судебно-тюремной западни.

Начиналось обыкновенно съ того, что съ середины недѣли Блиндманъ становился необыкновенно сосредоточенъ, задумчивъ и молчаливъ. Съ четверга онъ принимался поститься, не принимая ничего въ пищу, кромѣ одной селедки за цѣлый день. При этомъ онъ усиленно молился по нѣсколько разъ въ день, удаляясь для этого въ дальній уголъ боковаго корридора, облачаясь въ полосатое покрывало и крѣпко-на-крѣпко затягивая ремнемъ свою обнаженную руку. Онъ молился съ страстью, со слезами, съ заклинаньями и разными обѣщаніями и обѣтами передъ Богомъ. Такъ продолжалось вплоть до субботы, которую онъ переживалъ въ какомъ-то особо торжественномъ ожиданіи, полномъ счастливыхъ предзнаменованій. Иногда онъ даже проговаривался товарищамъ: „у понедѣльникъ я поставлю угощенье, во вторникъ или въ среду меня освободятъ,—увидите“!

Но наступалъ слѣдующій день—воскресенье, день обычнаго свиданія съ женой, и Блиндманъ возвращался въ камеру мрачнѣе тучи, неистовый и яростный. Онъ поднималъ кулаки, грозилъ ими самому небу, изрыгалъ хулы и ругательства. Если бы онъ былъ язычникомъ, онъ несомнѣнно тутъ же нещадно высѣкъ своего бога.

Въ тотъ день онъ становился прожорливъ, досадовалъ, если нельзя было достать вина, такъ какъ не прочь былъ и выпить. Къ вечернему чаепитію онъ заказывалъ все самое дорогое и лучшее. На всемъ онъ былъ готовъ поставить крестъ, все ему было нипочемъ, такъ какъ въ такія минуты онъ утверждалъ, что „Бога, все равно, нѣтъ, нѣтъ и не будетъ“. Втеченіе вечерней общей игры Блиндманъ, отличавшійся обыкновенно сдержанностью, старался превзойти всѣхъ своею шумливою веселостью. Онъ ни за что не желалъ уступить пальму первенства даже „митрополичьему пѣвчему“, Попову, изображавшему „выводнаго жеребца русской породы“, на которомъ ѣздилъ „американскій скиталецъ“, и, въ свою

очередь, просилъ „скитальца“ ввести еще новый номеръ въ программу вечерняго увеселенія. Въ качествѣ „дрессированнаго на свободѣ жеребца арабской породы“—Блиндманъ съ азартомъ и увлеченіемъ прыгалъ черезъ барьеръ, бралъ препятствія и вообще велъ себя, какъ школьникъ.

Его возбужденно-богохульное и вмѣстѣ жизнерадостное, или,—какъ онъ самъ любилъ его характеризовать,—„отчаянное“ настроеніе продолжалось обыкновенно отъ злополучнаго воскресенья еще день—другой. Онъ много при этомъ ѣлъ, если удавалось добыть водку или вино, пилъ и то, и другое, по вечерамъ, неистово прыгалъ и бѣсновался, стараясь разомъ израсходовать всю свою жизненную энергію; но наступала среда, онъ снова садился на одну селедку, усердно постился, называлъ Бога самыми нѣжными и ласкательными именами, простаивалъ цѣлые часы на молитвѣ, колотилъ себя нещадно въ грудь и опять устремлялъ взоры свои къ небу...

Такъ тянулось до слѣдующаго воскресенья, приносившаго новое разочарованіе. Въ воскресенье аккуратно являлась его вѣрная подруга жизни, еще исхудавшая, еще осунувшаяся отъ безцѣльныхъ хлопотъ и хожденій, и трагедія начиналась сызнова.

Блиндманъ страстно желалъ свободы и, несмотря на всю любовь свою къ женѣ, терзалъ ее безпощадно.

— Ты ходи, все ходи!... И плачь, плачь, тебя будутъ жалѣть, будутъ!..

Несчастная женщина, повидимому, буквально исполняла наказъ мужа, по крайней мѣрѣ съ каждой протекшей недѣлей она принимала все болѣе и болѣе жалкій видъ загнанной, всѣмъ надоѣвшей, повсюду уже безцеремонно выпроваживаемой просительницы.

А онъ ей твердилъ свое: „ходи, все ходи!“

Русскій „купеческій сынъ“, содержавшійся также довольно продолжительный срокъ въ „благородной“—„по случаю подозрѣнья въ мошенничествѣ“, — сытый и холеный, тоже страстно жаждалъ свободы, но поступалъ нѣсколько иначе. Онъ порѣшилъ, что все дѣло „въ адвокатѣ“ и потому черезъ посѣщавшую его еженедѣльно „невѣсту“ (даму весьма развязную и всегда разодѣтую), заранѣе спѣлся съ какимъ-то „защитникомъ“. Въ дни свиданій она вручала ему какія-то

таинственныя записочки, содержавшія ссылки на статьи закона, и лаконически объясняла: эта стоитъ, столько-то, а эта столько. На это „купеческій сынъ“ ей неизмѣнно заявлялъ:

— Денегъ, пойми ты, нисколько не жалко... Невинному страдать неохота,—и разсовывалъ записочки по карманамъ.

„Митрополичьяго пѣвчаго“ посѣщала аккуратно старушка-мать. Она каждый разъ безнадежно припадала къ сыну на плечо, и по ея доброму, морщинистому лицу беззвучно катились обильныя слезы. А сынъ, между тѣмъ, апатично поглядывалъ по сторонамъ и только изрѣдка пускалъ въ ходъ свой хриповатый басъ: „довольно, маменька, ей-Богу будетъ, довольно“!

„Капитанъ гвардіи въ отставкѣ“, поддѣлавшій бланковую надпись на векселѣ, удостоивался посѣщеній весьма многихъ лицъ. Къ нему наѣзжала иногда цѣлая компанія офицеровъ, товарищей по полку, не желавшихъ рвать съ нимъ отношеній; они привозили съ собою обыкновенно роскошный завтракъ и располагались въ задней комнатѣ конторы такъ же удобно, какъ у Бореля или Дюссо, съ тою лишь разницею, что здѣсь имъ прислуживалъ не расторопный, стриженый татаринъ, а нѣсколько мѣшковатый полицейскій служитель. Капитана навѣщала также очень красивая рыжеголовая француженка. Она мило картавила, разливаясь на всю контору, и вносила съ собою въ казенную тюремную атмосферу раздражающій запахъ отличныхъ духовъ.

Модный портной Петербурга — „американскій скиталецъ“ — разыскалъ сестру, которая теперь уже была замужемъ за какимъ-то богатымъ негоціантомъ, жила на Васильевскомъ и аккуратно „на собственныхъ“ пріѣзжала къ нему на свиданія. Напрасно склонялъ онъ ее внести за себя залогъ или взять на поруки, она наотрѣзъ ему въ этомъ отказывала, но зато каждое воскресенье привозила ему въ изящно упакованной корзинкѣ пастеты и разные дорогіе фрукты отъ Елисѣева

Блѣднаго молодаго человѣка, стрѣлявшаго въ свою любовницу, повадилась навѣщать какая-то экзальтированная, полусумасшедшая „тетушка“, дама изъ общества. Онъ очень конфузился ея „выходокъ“, но она, не стѣсняясь ничьимъ

присутствіемъ, аккуратно продѣлывала цѣлыя представленія. Она становилась передъ нимъ на колѣни, увѣряла, что всѣ женщины должны на него молиться, что онъ — герой, богъ и т. д. Къ этому она добавляла, что всѣ лучшіе адвокаты на перебой рвутся его защищать, и что самъ прокуроръ ей сказалъ, что онъ непремѣнно откажется отъ обвиненья.

У „простыхъ“ арестантовъ свиданія длились обыкновенно всего минуты по двѣ, по три на каждаго. Они наскоро перекидывались привѣтствіями, наказывали самонужнѣйшее и, забравъ принесенные гостинцы, отправлялись восвояси.

Въ общемъ итогѣ,—какъ это съ перваго взгляда ни странно,—дни свиданій бывали по преимуществу днями плача и унынія. У того заболѣла жена и не пришла на свиданіе, другому принесли нерадостныя вѣсти о ходѣ его дѣла, третій былъ вообще разстроенъ свиданіемъ, четвертый объѣлся на радостяхъ принесеннымъ ему пирогомъ, а пятый спалъ на койкѣ весь день, мрачно уткнувши голову въ подушку, — у него никого не было близкихъ, онъ никого не ждалъ, и каждый новый выкликъ сторожа только рѣзалъ ему уши.

Содержавшіеся въ „благородной“, имѣли еще то преимущество, что окна ихъ каморы выходили на улицу. Глядѣть упорно на мимоидущихъ и ѣдущихъ „вольныхъ“ людей — постоянное и любимое занятіе заключенныхъ. „Господа, идетъ!“ — кликнетъ сидящій на окнѣ. — „Кто идетъ?“—„Она!“ — и всѣ съ шумомъ устремляются къ окну, чтобы прослѣдить глазами за удаляющеюся, никому невѣдомою „дамочкой“ или „швейкой“.

Дѣла никакого. Читать дозволялось лишь, такъ называемыя, „серьезныя“ книги. Въ большинствѣ случаевъ съ доставкою книгъ встрѣчалось необычайно много затрудненій. Цензоромъ доставляемыхъ книгъ являлся, конечно, смотритель, причемъ случались иногда любопытные курьезы.

Опредѣленіе серьезности книги покоилось на довольно первобытныхъ пріемахъ. Такъ, напримѣръ, „Комедія всемірной исторіи“ Шерра была абсолютно забракована, какъ комедія, а „Людовикъ XI въ своемъ замкѣ“, нелѣпый пере-

водный романъ, какъ книга историческая, имѣла свободный доступъ. Въ конторѣ смотрителя имѣлась также „казенная библіотека“—цѣлый шкапъ съ новымъ и ветхимъ завѣтомъ и другими, по преимуществу духовнаго содержанія, книгами,—но многіе изъ смотрителей, считая эти книги болѣе украшеніемъ конторы, нежели пищей для ума, и опасаясь за „аглицкій переплетъ“, на руки ихъ арестантамъ не выдавали.

„Благородная“ камора мелась чистилась половыми щетками и вообще приводилась въ надлежащій „лакированный видъ“ кѣмъ-либо изъ „простыхъ“ арестантовъ, изъ „бродяжныхъ“, по преимуществу, которые съ охотою несли эту работу, потому что отъ господъ „благородныхъ“ имъ за это довольно щедро „перепадало“.

Пищей „благородные“ не пользались изъ общаго арестантскаго котла. Имъ полагалось „на руки, сообразно чину“, извѣстное количество копѣекъ на пропитаніе. Минимальная цифра — гривенникъ въ сутки, который каждое утро выдавался „благородному“ арастанту подъ его личную росписку въ особой „шнуровой“ книгѣ. Тому, кто не имѣлъ собственныхъ денегъ, приходилось очень плохо, плоше, нежели простому арестанту.

Арестантамъ денежнымъ дозволялось имѣть на свой счетъ все, что угодно, съѣдобное и всякое питіе, за исключеніемъ, разумѣется, спиртныхъ напитковъ. Курить также, въ большинствѣ случаевъ, „благороднымъ“ негласно разрѣшалось; да и странно было бы иначе: строгости не помогаютъ, а необходимость прятаться только увеличиваетъ собою возможность пожара.

Кромѣ „общихъ“ арестантовъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, есть въ полицейскихъ домахъ и, такъ называемые, „секретные“, содержащіеся въ отдѣльныхъ, спеціально приноровленныхъ для того, каморкахъ, въ безусловно одиночномъ заключеніи.

Сюда попадаютъ арестанты по весьма различнымъ основаніямъ. Большею частью—по спеціальному, и нерѣдко весьма таинственному, предписанію административной власти. Но еще чаще сюда попадали городовые, полицейскіе служители

и солдаты пожарной команды, весьма строго преслѣдуемые за пьянство и другіе мелкіе проступки по службѣ.

Въ средѣ „общихъ“ арестантовъ, считающихъ себя относительно свободными, „секретные“ всегда пользовались особымъ соболѣзнованіемъ и сочувствіемъ: ихъ называли—„сиротами“. Въ силу безусловной замкнутости жизнь ихъ туго поддавалась постороннему наблюденію.

Можно было только замѣтить, что одиночное заключеніе дѣйствуетъ на разнообразныя натуры вообще въ двухъ противуположно-типичныхъ направленіяхъ. Одни—вѣчно спятъ или, по крайней мѣрѣ, дремлютъ цѣлый день на кровати, съ закрытыми глазами и совершенно пассивно относятся къ окружающему; другими, наоборотъ, овладѣваетъ какое-то неугомонно-нервное безпокойство: они вѣчно ходятъ изъ угла въ уголъ, бормочатъ, жестикулируютъ и ни минуты не остаются на мѣстѣ. Случались и попытки къ самоубійству.

Въ полицейскомъ домѣ, изъ жизни котораго мы беремъ большинство примѣровъ, былъ одинъ секретный арестантъ, возбуждавшій общее удивленіе и сочувствіе. Несмотря на его крайнюю молодость, волосы на его головѣ были наполовину сѣдые; прошлое его было очень печально, будущее—не лучше. Получая на правахъ „благороднаго“ гривенникъ въ день, онъ ѣлъ только одинъ черный хлѣбъ, да и тотъ часто убирался отъ него нетронутымъ. Случалось, что кто нибудь изъ „благородныхъ“ арестантовъ, движимый состраданіемъ, тайкомъ подавалъ ему сквозь оконце, продѣланное въ двери, что-нибудь съѣстное или пачку папиросъ, убѣдительно прося не отказаться.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же?... Я не имѣю права... это не мое!..

И затѣмъ на всѣ доводы онъ отрицательно качалъ головой заканчивая бесѣду всегда одной и той же неизмѣнной фразой.

— Оставьте!.. все это—меланхолія, знаете. Вотъ если бы лимончику кусочекъ, лимончикъ, знаете ли спасаетъ...

Ему старались давать „лимончикъ“, который онъ тутъ-же жадно принимался сосать.

Недѣли черезъ двѣ онъ окончательно сошелъ съ ума и былъ препровожденъ въ домъ умалишенныхъ.

„Бродяжная камера“ или общая, въ собственномъ смыслѣ, будучи вмѣстительнѣе „благородной“, слѣдственной и мировой, вмѣстѣ взятыхъ, имѣетъ ту отличительную черту, что ея обитатели никогда доподлинно не знаютъ, за что именно они арестованы. Въ самомъ дѣлѣ, стоило спросить любого изъ „бродяжныхъ“ о причинѣ его заарестованія, и получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ.

— А кто его знаетъ, посадили, и все тутъ!

При ближайшемъ изслѣдованіи оказывалось, что одинъ—два года уже какъ, просрочилъ паспортъ и проживалъ безъ прописки по разнымъ темнымъ питерскимъ закоулкамъ; другой—писалъ, писалъ въ волость: „пришлите, дескать, паспортъ!“ — а отвѣта все нѣту; третій „потерялъ“ четвертый—„отдалъ дядѣ Пахому, а дядя Пахомъ, лѣшій его знаетъ, куда самъ подѣвался“; пятаго—служивый какой-то обокралъ и билетъ унесъ; шестой—просто просрочилъ, потому что за новый платить надо, а денегъ „не случилось“—и такъ далѣе, все въ томъ-же родѣ.

Аккуратно каждую ночь „бродяжная“ камера подновлялась новою партіею „безпаспортныхъ бродягъ“, арестуемыхъ полиціею то въ ночлежныхъ домахъ, то по трактирамъ Сѣнной площади, то, наконецъ, на улицахъ—просто гдѣ-нибудь подъ заборомъ или на ступеняхъ церковной паперти,—гдѣ, несмотря на осеннюю слякоть, спитъ себѣ бездомный бобыль, свернувшись клубомъ.

Попадались нерѣдко и бездомныя дѣти, ученики ремесленниковъ, бѣжавшихъ отъ хозяевъ и, за неимѣніемъ пристанища, явившихся въ часть. Эти ждутъ, пока вытребуютъ отъ хозяевъ ихъ паспорта, или поджидаютъ издалека какого-нибудь родственника, который могъ бы ихъ взять на поруки. Имѣлись здѣсь и вовсе „именующіеся“, т. е. такіе безпаспортные, личность которыхъ никѣмъ въ столицѣ не могла быть удостовѣрена. Эти ждали своей высылки на родину по этапу.

Но можно было встрѣтить здѣсь и „личностей“ съ болѣе длинною и часто поучительною исторіею въ прошломъ.

Всеобщій смѣхъ „бродяжной“ возбуждалъ, напримѣръ, простоватый малороссъ, который „изъ підъ Полтавы“ явился въ Петербургъ, чтобы подать какое-то прошеніе. Но бѣдный хохолъ чего-то не сообразилъ насчетъ столичныхъ поряд-

ковъ и прямо изъ „Коммиссіи прошеній“ очутился въ части подъ арестомъ. Тутъ онъ очень забавно жаловался на свою участь и, потерявъ всякую охоту подавать прошенія, просилъ только объ одномъ—чтобы его поскорѣе „къ жінци“ отпустили. Но, въ качествѣ именующагося, (онъ не захватилъ съ собою паспорта) ему предстояло быть препровожденнымъ на мѣсто жительства не иначе, какъ по этапу.

— Оце! я й самъ бы скорышенько доіхавъ!—удивленно протестовалъ честный малый и при этомъ безнадежно приговаривалъ—теперечки вже треба хлібъ сбирать, а вони меня держуть... а въ насъ у цімъ ріку страсть якъ хліба вродило!

Съ мѣсяцъ онъ „посидѣлъ“, прежде чѣмъ окончилась о немъ переписка, и онъ дождался отправки на родину.

Содержался дня два въ „бродяжной“ и смуглолицый, съ черными, крошечными глазами, турокъ, въ своемъ національномъ костюмѣ. Какъ и за что попалъ онъ подъ арестъ, невозможно было отъ него добиться, такъ какъ онъ ни слова не говорилъ по-русски. Онъ только испуганно глядѣлъ по сторонамъ, да безнадежно указывалъ на языкъ. Надо было видѣть, какъ его лихорадило отъ страха, когда его заперли за рѣшеткой вмѣстѣ съ новыми товарищами. Онъ, вѣроятно, вообразилъ себя въ Стамбулѣ и вспоминалъ его суровые обычаи. Многіе утверждали даже, что ему мерещится длинный мѣшокъ, въ который ему затягиваютъ голову, и слышится грозный всплескъ и ропотъ Босфора... Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, трудно было дознаться; только напуганъ онъ былъ очень. Осторожно поджавши подъ себя ноги, онъ былъ такъ трогательно печаленъ, черные глаза его такъ часто застилались слезами, что кругомъ поминутно затихали обычныя шуточки, и воцарялось молчаніе, полное безмолвнаго не то любопытства, не то участія. Онъ посидѣлъ не долго. Дня черезъ два его освободили, такъ какъ турецкое посольство согласилось выдать ему денегъ на обратный проѣздъ на родину.

Кромѣ этихъ двухъ, сидѣлъ на „бродяжной“ еще одинъ „именующійся“ уже съ совершенно сказочной исторіей.

Начать съ того, что внѣшній видъ его невольно обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый,

арестантскій балахонъ, съ жесткими котами на ногахъ, и при этомъ носилъ очки въ золотой оправѣ, что приводило въ неописанное удивленіе всѣхъ его товарищей. Изъ его собственнаго разсказа можно было съ достаточною ясностью понять лишь слѣдующее. Служилъ онъ чиновникомъ въ Петербургѣ, но, получивъ болѣе выгодное частное мѣсто въ провинціи, вышелъ въ отставку и направился чрезъ Москву къ мѣсту назначенія. Изъ Москвы ему пришлось ѣхать въ сторону сотни двѣ верстъ на почтовыхъ. Не доѣзжая верстъ двадцати до какого-то уѣзднаго городка, съ нимъ случилось то, что нерѣдко случается съ русскими отважными путешественниками: ночью, проѣздомъ черезъ лѣсъ, на него напала шайка грабителей, которые, избивъ его до безпамятства и обшаривъ до послѣдней нитки, скрылись вмѣстѣ съ ямщикомъ, который былъ съ ними въ заговорѣ, и оставили его лежать на большой дорогѣ. Кѣмъ онъ былъ подобранъ, онъ не помнилъ; онъ очнулся только на койкѣ земской больницы.

Исправникъ, снимавшій съ него первый допросъ, и слушать не хотѣлъ о его „хитросплетенной исторіи“. По выздоровленіи, онъ, какъ бродяга, былъ доставленъ въ Московскую пересыльную тюрьму. Изъ пересыльной тюрьмы онъ мѣсяца черезъ два былъ „препровожденъ“ по этапу въ Петербургъ, такъ какъ указалъ на своихъ прежнихъ товарищей по службѣ, которые могли засвидѣтельствовать его личность.

Дѣйствительно, „именующійся“ былъ скоро признанъ и аттестованъ тѣмъ самымъ лицомъ, за которое онъ себя выдавалъ. Изъ „бродяжной“ каморы его перевели въ „благородную“, сообщивъ, что отнынѣ онъ свободенъ, можетъ оставить казенное платье и идти, куда ему угодно. Но тутъ-то и встрѣтилось главное затрудненіе: ему рѣшительно не во что было переодѣться. Изъ собственныхъ вещей у него только и были, что очки, да и тѣми ссудилъ его, въ виду его абсолютной близорукости, молодой докторъ земской больницы, болѣе довѣрчивый, нежели мѣстный исправникъ, къ его многострадальной исторіи. За неимѣніемъ собственнаго платья, онъ промаялся, въ части еще съ недѣлю, не зная, что предпринять. Наконецъ, общими усиліями его товарищей

по заключенію, „господъ благородныхъ“, былъ совершенъ дѣйствительно благородный поступокъ; несчастнаго кое-какъ экипировали съ чужаго плеча. Въ панталонахъ, едва хватавшихъ ему до щиколокъ, и въ пиджакѣ, едва прикрывавшемъ поясницу (на бѣду онъ былъ замѣчательно худъ и необычно высокаго роста), вышелъ онъ на свободу, растроганный и умиленный добротою и участіемъ своихъ случайныхъ товарищей по заключенію.

Примѣры, приведенные мною,—исключенія изъ общей типически-неизмѣнной ассоціаціи элементовъ, составляющихъ обычный контингентъ населенія „бродяжной“.

Несравненно большую близость къ типу завсегдатая „бродяжной“ представлялъ собою крѣпкій, краснощекій субъектъ, бывшій дворовый человѣкъ, приведенный по этапу въ Петербургъ „изъ-подъ самаго Таганрога“, гдѣ онъ служилъ то кочегаромъ на пароходѣ, то пріемщикомъ угля на желѣзной дорогѣ. Цѣлыхъ три года прожилъ онъ въ тѣхъ мѣстахъ безъ паспорта, честно зарабатывая свой хлѣбъ. А ушелъ онъ туда совсѣмъ еще мальчикомъ, году по шестнадцатому. Отецъ его, съ братомъ, бывшіе дворовые, занимались на селѣ сапожнымъ ремесломъ, снабжая своимъ товаромъ рабочихъ сосѣдней фабрики, а его отпустили на заработки. Сначала мальчику приходилось плохо, — „нужда, всего хватилъ“, однако—„обтерпѣлся“ и зажилъ „даже очень хорошо“. Выдавались мѣсяцы, что онъ зарабатывалъ, при пріемѣ угля, рублей по восьмидесяти въ мѣсяцъ; тутъ ужъ объ отцѣ съ братомъ онъ совсѣмъ забылъ и думать; отецъ въ письмахъ сперва только журилъ его, требовалъ или денегъ, или чтобы онъ самъ вернулся домой. Наконецъ, паспорта отецъ ему не выслалъ, затѣявъ „силой вернуть“. Жилъ онъ три года безъ паспорта; однако, „трудно показалось“, такъ какъ безъ билета не вездѣ принимали. Въ виду такихъ обстоятельствъ собралъ онъ сотенную, послалъ домой и адресъ свой объявилъ, чтобы паспортъ „безпремѣнно выслали.“ Но старикъ-отецъ разсудилъ иначе: денежки онъ припряталъ, а сына сталъ требовать по этапу. Малый простить себѣ не могъ, что самъ же и „далъ накрыть себя“—указалъ свое жительство. — „И зачѣмъ было объявляться? — сокрушался онъ,—нешто выйдетъ теперь изъ меня помощникъ въ сапож-

номъ ремеслѣ, да я почитай, и шило-то держать уже въ пальцахъ разучился!"

Такихъ безпаспортныхъ скитальцевъ, по волѣ родителей или сельскаго общества, цѣлыми партіями, по требованію волостныхъ правленій, водворяютъ, въ силу различныхъ бытовыхъ и экономическихъ соображеній, на мѣсто родины. Одному оказали почетъ,—выбрали въ старосты; онъ проклиналъ свое избраніе, и по этапу препровождался къ исполненію своей должности.

Относительно „бродягъ" собственно „столичныхъ" приходится сказать нѣчто иное. Это отнюдь не мощные „богатыри свободы", пускающіеся, вопреки всему, на чужедальную сторону искать счастья, это просто мелкіе жулики, воришки, обитатели подвальныхъ трущобъ, описанныхъ и не описанныхъ нашими романистами. Между другими „бродягами" этаго сейчасъ узнаешь и по внѣшнему виду: тощій, сгорбленный, испитой, съ зеленымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; его слышно издали по глухому кашлю, выходящему словно изъ надтреснутой груди... На него и жалко, и гадливо глядѣть. Съ нимъ нѣтъ никакой охоты заговорить.

Начнетъ-ли онъ разсказывать „свою исторію", на первомъ же словѣ совретъ; заслушаетесь-ли вы его случайно, онъ—обчиститъ ваши карманы... Это—паразитъ столичной жизни; но это прежде всего—петербуржецъ pur sang. Тяжелымъ бременемъ легла на него мощная рука „цивилизаціи" и безъ малѣйшаго труда раздавила между своими пальцами. Это — не откровеный, стихійный „протестантъ" и не „вольная казацкая сила". Но, онъ пожалуй, сильнѣе и того, и другаго. Это—„ржа" цивилизаціи. А ржа точитъ и желѣзо.

Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ и о, такъ называемой, „пьяной" камерѣ.

Она вполнѣ заслужила свое названіе. Къ ней невозможно безъ отвращенія близко подойти свѣжему человѣку. Отъ нея разитъ горѣлымъ запахомъ сивухи, какъ отъ стоустаго пьяницы въ періодѣ запоя.

Обитатели въ ней никогда не переводятся. Во дворъ

каждаго полицейскаго дома то и дѣло въѣзжаетъ извозчикъ за извозчикомъ, съ дворникомъ во главѣ и какою-то безформенною перекинутою поперекъ линейки, кладью, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается почти живымъ существомъ — человѣкомъ „въ безобразно пьяномъ видѣ“.

Изъ головы одного кровь льется, какъ изъ зарѣзаннаго барана; другой—еле прикрытъ разодранной пополамъ рубахой; третій утираетъ окровавленный носъ мокрыми пальцами и ими же размазываетъ себѣ щеки; четвертый... но я щажу брезгливость читателя. Стоитъ только часа два-три понаблюдать особый входъ, ведущій въ эту „пьяную камеру“ (особливо въ праздничный день), чтобы и не особенно впечатлительному человѣку весь Божій міръ показался одной сплошной клоакой.

Такихъ „пьяныхъ камеръ“ въ каждомъ полицейскомъ домѣ обыкновенно двѣ: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, которыя въ пьяномъ видѣ еще болѣе отвратительны чѣмъ мужчины. Помѣщаются эти камеры всегда въ нижнемъ или даже подвальномъ тажѣ. Всѣхъ пьяныхъ, по мѣрѣ подвоза, сваливаютъ въ одну общую кучу до тѣхъ поръ, пока и для „городничаго больше мѣста не окажется“, тогда направляютъ свѣжій подвозъ въ другой, ближайшій полицейскій домъ.

Каждаго заарестованнаго пьянаго, прежде чѣмъ запереть въ общую камеру, тщательно обыскиваютъ и отбираютъ отъ него не только все цѣнное, но даже снимаютъ и верхнее платье. Эта предосторожность необходима въ виду самаго настойчиваго поползновенія на обворовываніе другъ друга. Попадаются такіе, что нарочно притворяются безчувственно пьяными, чтобы въ качествѣ волка попасть въ овчарню. Опустошенія тогда „въ пьяной камерѣ“ бываютъ весьма значительныя.

Нетрудно представить себѣ внутренній видъ этой „пьяной“ камеры когда она переполнена. Нерѣдко здѣсь затѣваются отчаянныя схватки, и тогда горе тѣмъ изъ „безчувственныхъ“, кто въ общей свалкѣ очутился не подъ нарами: ихъ немилосердно затопчутъ. Подобные примѣры бывали. Помочь горю въ этомъ случаѣ оказывалось почти невозможнымъ—ни одинъ полицейскій служитель не рискнетъ

войти въ „звѣринецъ“ въ минуту общей травли. Да и всей служительской команды полицейскаго дома оказалось бы недостаточно для водворенія порядка въ этой сплошь пьяной компаніи.

Женское „пьяное“ отдѣленіе не уступаетъ ни въ какомъ отношеніи мужскому. Только невообразимый „бабій“ визгъ, писк и истерическія завыванія служатъ ей еще специфическимъ дополненіемъ.

Кромѣ „безобразно-пьяныхъ“ въ собственномъ смыслѣ, исправно подбираемыхъ на улицахъ городовыми и дворниками, въ „пьяныхъ“ камерахъ пребываютъ и болѣе или менѣе постоянные обыватели и, особенно, обывательницы.

Каждый вечеръ въ воротахъ полицейской части появляется; вереница безобразныхъ, избитыхъ, растерзанныхъ „пьянчужекъ изъ женскаго сословія“, какъ называютъ ихъ сторожа, онѣ пошатываясь и прихрамывая, сами направляются къ знакомымъ дверямъ своего ночнаго пріюта. Въ „пьяной“ камерѣ—онѣ у себя дома, начальство знаетъ ихъ наперечетъ и имъ „не препятствуетъ“. На утро, въ знакъ признательности къ своему родному пепелищу, онѣ выполняютъ въ камерѣ всѣ нужныя домашнія работы—выметаютъ и замываютъ слѣды вчерашней оргіи и затѣмъ исчезаютъ до вечера, устремляясь по стогнамъ столицы искать себѣ дневнаго пропитанія.

Пьяные, привозимые сюда, остаются въ камерахъ „до вытрезвленія“; но обычаемъ установлено выдерживать ихъ цѣлыя сутки, такъ что въ каждый данный моментъ „пьяная“ камера вмѣщаетъ въ себѣ живые образцы разныхъ степеней опьяненія, которые можно выразить приблизительно въ слѣдующей, убывающей гаммѣ: „безчувственный“, „растерзанный и дикій“, буйно-пьяный“, „просто-пьяный“, „веселый“, „почти-трезвый“ и, наконецъ,—горемычно ожидающій свободы—„жаждущій опохмѣлиться“.

„Пьяной“ камерой заканчивается серія отдѣльныхъ помѣщеній для арестуемыхъ при полиціи. Но, понимая болѣе широко слово „арестъ“ къ категоріи помѣщеній для заключенныхъ слѣдуетъ, безъ существенной натяжки, отнести и такъ называемый „пріемный покой“, имѣющійся обязательно при каждомъ „полицейскомъ домѣ“.

„Пріемный покой“, какъ можно догадаться по самому названію, есть нѣчто вродѣ лазарета, устроеннаго на скорую руку.

Раздѣленный на двѣ половины, мужскую и женскую, онъ помѣщается обыкновенно, въ двухъ, трехъ небольшихъ комнатахъ, въ каждой изъ которыхъ есть достаточно мѣста для трехъ, четырехъ кроватей. Эти кровати предназначены, главнымъ образомъ, для случайно заболѣвшихъ лицъ, подобранныхъ на улицѣ и не могущихъ разсчитывать на болѣе удобный пріютъ. Здѣсь имѣется въ виду не леченіе больнаго,— ему подаютъ только первоначальную помощь, если помощь еще возможна, или констатируютъ фактъ смерти.

Масса „несчастныхъ случаевъ“, о которыхъ ежедневно даютъ намъ знать газеты, всѣ эти криминальныя драмы, которыми кишитъ суетливая лихорадочная жизнь столицы, заканчиваются обыкновенно здѣсь—на одной изъ жесткихъ коекъ полицейскаго покоя. Рабочій упавшій съ лѣсовъ и размозжившій себѣ черепъ; дѣвушка, бросившаяся въ отчаяніи съ высоты пятаго этажа; подгулявшій мастеровой, только что снятый съ петли, на которой онъ хотѣлъ удавиться; отставной чиновникъ, вытащенный изъ воды, и пьяный фабричный распоровшій себѣ ножомъ животъ,—всѣ эти горемыки, стремглавъ летѣвшіе въ объятія смерти подхватываются налету „пріемнымъ покоемъ“ полицейскаго дома и здѣсь или навсегда закрываютъ свои отяжелѣвшія вѣки, или, возвращенные къ жизни, съ отрадой ловятъ заново лучъ свѣта, блеснувшій имъ сквозь рѣшетчатыя окна пріемнаго покоя.

Сюда-же привозятъ всѣхъ помѣшавшихся, разстроенныхъ умственно, если родные или близкіе люди не сумѣли или не захотѣли сами о нихъ позаботится. Ихъ держатъ здѣсь на испытаніи въ продолженіе семи дней, усмиряя, при нуждѣ, горячечными рубахами, жесткими ремнями и безпощадными, классическими рукавицами. Если послѣ этого срока ихъ состояніе не улучшается, ихъ отправляютъ въ „Больницу всѣхъ скорбящихъ“, на одиннадцатую версту, или въ другой какой либо „сумасшедшій домъ“.

Во главѣ администраціи пріемнаго покоя стоитъ полицейскій врачъ, который ежедневно посѣщаетъ больныхъ; бли-

жайшимъ-же образомъ бразды правленія держитъ въ своихъ рукахъ мѣстный фельдшеръ, который и живетъ тутъ-же со всѣмъ своимъ семействомъ въ одной изъ комнатъ пріемнаго покоя.

Здѣсь, въ противуположность всѣмъ другимъ больницамъ, пріемъ больныхъ не ограниченъ числомъ свободныхъ кроватей. Каждый нуждающійся въ ближайшей медицинской помощи, долженъ быть принятъ, хотя-бы его пришлось положить на полъ... Это, впрочемъ, и понятно. Иначе полицейскіе „пріемные покои“ совершенно не удовлетворяли-бы своему назначенію.

Но слѣдовало бы подумать о значительномъ ихъ расширеніи.

Во главѣ управленія каждымъ „полицейскимъ домомъ“ стоитъ „смотритель“—главное отвѣтственное лицо за хозяйственное и административное благополучіе ввѣреннаго ему учрежденія. При немъ имѣются — помощникъ и нѣсколько писцовъ, образующихъ „контору“, въ которой сосредоточено все „дѣлопроизводство“. Всевозможныхъ текущихъ „дѣлъ“ и всяческой „переписки“ у этихъ лицъ бездна, такъ что служба ихъ и хлопотлива, и отвѣтственна.

Въ огромномъ большинствѣ, должности смотрителей заполнены отставными военными. Попадаются даже гвардейцы. Помощники предпочтительно избирались изъ „стрикулистовъ“, наклонныхъ къ письменности. Въ „конторѣ“ можно было встрѣтить „типы“ рѣшительно всѣхъ „вѣдомствъ“. Гдѣ кому не посчастливилось, тотъ и идетъ служить въ „полицейскую контору“. Служба сама по себѣ не заманчива.

Для того, чтобы ладить съ разновиднымъ составомъ арестованныхъ, не прибѣгая при этомъ къ суровымъ мѣрамъ, смотрителю нужно обладать тактомъ и достаточно ровнымъ характеромъ. Главная его забота въ томъ, чтобы съ внѣшней стороны все обстояло благополучно и по возможности не было „кляузъ“ и „всякихъ доносовъ“. Для достиженія такого благополучія смотрителю приходилось не столько „руководствоваться справедливостью“, сколько вѣчно и во всемъ политиканствовать, лишь бы только „не вынести сора изъ избы“.

Въ то время, къ которому относятся наши наблюденія, во

главѣ столичной полиціи стояло лицо столь-же энергичное, сколько мало вдумчивое и стремительное въ расправѣ съ подчиненными. Его боялись, какъ огня, и въ домашнемъ обиходѣ, между собой, полицейскіе чины иначе его не величали какъ—„бѣшенный“.

Иногда по простымъ анонимнымъ доносамъ поднималась цѣлая буря, смотрителя и ихъ помощники, безъ всякаго разслѣдованія, летали съ мѣстъ, а иногда даже и вовсе увольнялись со службы „по третьему пункту“.

Нелюбимый арестантами, смотритель долженъ былъ быть всегда на-чеку. Если онъ пытался „подтягивать“ арестантовъ, на него тотчасъ, „какъ бы со стороны“ сыпались, какъ изъ рога изобилія, жалобы и доносы. На общую радость и ликованіе заключенныхъ случалось, что такой смотритель очень скоро самъ попадалъ на нѣсколько дней подъ арестъ на гауптвахту. „Бѣшенный“ не выносилъ „безпорядковъ“, а подъ безпорядкомъ разумѣлъ всякое, причиненное ему, безпокойство.

Когда послѣ подобной „отлучки“ смотритель вновь вступалъ въ отправленіе своей должности, оффиціально считалось, что онъ „возвратился изъ отпуска“, но всѣ арестанты прекрасно знали, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ—„отпускомъ“. Нѣсколько дней смотритель обыкновенно обнаруживалъ значительное стѣсненіе въ обращеніи съ арестантами.

Такъ какъ съ „благородными“ у смотрителя устанавливались обыкновенно отношенія особыя (обыкновенно за хорошую плату „благородные“ столовались у него, т. е. имъ готовился завтракъ и обѣдъ на его кухнѣ), то нерѣдко онъ дѣлился съ ними и своими огорченіями.

— А меня-то „бѣшенный“ опять упряталъ на три дня... чуть не согналъ съ мѣста! Ну, ничего... увидите, дня черезъ два самъ вызоветъ, извиняться станетъ...

Слѣдовали-ли затѣмъ вызовъ и извиненіе, оставалось навсегда тайною огорченнаго смотрителя.

Иногда „бѣшенный“ внезапно, даже ночью, вдругъ, посѣщалъ полицейскій домъ. Трепетъ шелъ тогда невообразимый. Бывало большимъ чудомъ, если вслѣдъ за этимъ смотритель или его помощникъ не попадали подъ арестъ.

Привилегированнымъ арестантамъ дозволялось буквально

все, что только можно было дозволить, лишь бы „дозволеніе“ не было слишкомъ гласно и не слишкомъ нарушало внѣшнее благочиніе.

Безусловно запрещалась игра въ карты, такъ какъ это вызывало споры и острые конфликты, но игра въ орлянку, крестики и т. п. азартныя игры поневолѣ, за невозможностью услѣдить, толерировались.

Одно время по иниціативѣ „капитана гвардіи“ въ благородной камерѣ завелись было карты. Однажды возвращаясь изъ театра (смотрительская квартира выходила на тотъ-же дворъ, какъ и камеры арестованныхъ), смотритель замѣтилъ, что окна „благородной“ до половины заложены подушками. Предосторожность эту предложилъ, всегда полный иниціативы, „американскій скиталецъ“—„bon garçon, actif, mais dangereux“.

Трагедія получилась изрядная.

Несчастный смотритель буквально заболѣлъ отъ ужаса и злости, констатируя всю степень провинности „господъ благородныхъ“ и возстановляя порядокъ, путемъ отобранія колодъ и водворенія подушекъ на свои мѣста.

— Вы поймите, господа, поймите, чему-бы я подвергся если бы „бѣшенный“ налетѣлъ на этакую штуку... Сибирь, просто Сибирь!... Господинъ капитанъ, вы — зачинщикъ! Я могъ бы васъ безъ дальнихъ разговоровъ отправить въ карцеръ на семь дней. Но вы поймите, господа, я человѣкъ благородный... слышите-ли-съ, да... благородный!.. И смотритель чуть не рыдалъ, съ силою ударяя себя въ грудь.

Всѣ, и вполнѣ чистосердечно, дали ему слово, что „ничего подобнаго не повторится болѣе“.

Приходитъ на память и второй случай, гдѣ тотъ-же смотритель пережилъ еще горшія минуты страха и отчаянія за свою судьбу.

Виновникомъ этого явился, знакомый уже читателю, „первой гильдіи купецъ Блиндманъ“.

Въ числѣ поблажекъ, допускавшихся иногда смотрителемъ для кое-кого „изъ благородныхъ“, была одна—весьма щекотливаго свойства.

Подъ предлогомъ отлучки въ частную баню, подъ охраною особо надежнаго конвоира и, главнымъ образомъ, „подъ честное слово“ самого арестованнаго смотрителемъ дозволялось

иногда,—женатымъ имѣть свиданія съ законными своими женами „на сторонѣ“.

Свиданія могли длиться часъ, другой. Смотритель—„самъ былъ женатъ“—и понималъ, что этимъ поощряются не столько дурныя страсти, сколько охраняется святость семейнаго союза.

Блиндманъ, не стѣснявшійся въ матеріальныхъ средствахъ и не хотѣвшій вообще „ничего упускать“, давно выговорилъ себѣ право и на такія матримоніальныя свиданія. Несчастная жена его, безмолвная и всегда покорная, исправно отправлялась и на эти экстраординарныя „rendes-vous“, протекавшія подъ бдительнымъ надзоромъ вооруженнаго стражника.

Нѣсколько разъ Блиндманъ съ такихъ свиданій возвращался вполнѣ благополучно. „Американскій скиталецъ“ никогда не упускалъ случая спросить его при этомъ: ну, что „слѣпой человѣкъ“ (blind—слѣпой), помылся чисто?

— Какъ надо!—съ философскимъ спокойствіемъ кивалъ головой Блиндманъ.

Однажды Блиндманъ до поздней ночи не вернулся съ подобнаго „свиданія“. Смотритель дѣлился своимъ „ужасомъ“ съ благородными и поминутно въ тревогѣ вбѣгалъ въ камеру.

Наконецъ, „бѣглеца доставили“. „Бѣглеца“ въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ Блиндманъ дѣйствительно пытался бѣжать и успѣлъ уже было въ этомъ, но находчивый конвоиръ поднялъ на ноги всю полицію, и его задержали притаившимся въ подворотнѣ въ какомъ-то глухомъ переулкѣ, куда выходилъ подвальный этажъ его собственнаго торговаго заведенія.

Привели его въ камеру возбужденнаго, краснаго, съ взъерошенными волосами и глазами, налитыми кровью. Видно было, что онъ пережилъ „отчаянныя“ минуты. Доставилъ его цѣлый полицейскій конвой.

Смотритель налетѣлъ на него, какъ коршунъ. Тутъ было уже не до „нѣжныхъ“ словъ, сплошь сыпались однѣ ругательства.

— Я тебя въ бараній рогъ, въ бараній рогъ... Сгною въ карцерѣ!

На утро, немного успокоившись, смотритель сообразилъ, что нужно прежде всего замять эту исторію. Стоило это ему немалаго труда, такъ какъ для того, чтобы спастись

отъ „бѣшеннаго“, приходилось входить въ соглашеніе съ приставомъ того полицейскаго участка, гдѣ былъ задержанъ бѣжавшій арестантъ.

Блиндмана, противъ ожиданія, смотритель не посадилъ даже въ карцеръ, и, вообще, „ничего съ нимъ не сдѣлалъ“. Но не прошло и недѣли, какъ по требованію слѣдователя Блиндмана, къ крайнему его отчаянію, перевели въ Литовскій замокъ. Всѣ поняли, что это было „дѣломъ смотрителя“, но всѣ сознавали, что Блиндманъ это вполнѣ заслужилъ. Нарушеніе „честнаго слова“ считается тяжкимъ грѣхомъ среди арестантовъ всѣхъ видовъ и наименованій.

Отправленіе Блиндмана въ „замокъ“ сопровождалось нѣкоторою зловѣщею торжественностью. Его препроводили въ каретѣ подъ усиленнымъ конвоемъ. Въ глубинѣ двора „полицейскаго дома“, во время отправленія, стояла его несчастная жена и горько плакала. Самъ Блиндманъ очень взволнованный, безсильно вращалъ бѣлками, какъ затравленный звѣрь.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что каждый полицейскій домъ находится подъ непосредственнымъ надзоромъ одного изъ товарищей прокурора столицы. Прокуроры—гроза для тюремнаго начальства,—со стороны заключенныхъ пользовались полнымъ довѣріемъ, и еженедѣльныя ихъ посѣщенія встрѣчались самымъ радушнымъ образомъ.

Кромѣ того, полицейскіе дома инспектировались мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ. Но эти инспекціи имѣли чисто внѣшній характеръ. Все вниманіе обращалось на чистоту корридоровъ и исправность аммуниціи у полицейскихъ служителей.

Пловучая тюрьма.

Въ Севастополѣ, въ глубинѣ южной бухты, ближе къ берегу, окаймляющему, такъ называемую, корабельную сторону, одиноко чернѣетъ военное судно, неизмѣнно стоящее на мертвомъ якорѣ.

Внѣшній видъ его являетъ нѣчто странное, не похожее на оживленный видъ множества другихъ военныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ. На немъ нѣтъ развѣвающагося на мачтѣ флага, не слышно спѣшной судовой работы, бравой и проворной команды. Изъ двухъ мачтъ признаки вооруженія носитъ только одна носовая, другая безполезно чернѣетъ, точно засохшее дерево, которое забыли срубить. Несмотря на значительные размѣры судна,—типа нормальнаго военнаго корвета,—на немъ нѣтъ ни трубы, ни другихъ какихъ-либо признаковъ пароваго двигателя, очевидно, — оно обрѣчено на вѣчную неподвижность, оно приковано къ мѣсту.

Нѣкогда военный учебный корветъ славнаго имени „Память Меркурія“, теперь — это „Пловучая тюрьма“, гдѣ отбываютъ исправительныя наказанія матросы черноморскаго флота, присужденные къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію.

Учрежденіе этой своеобразной морской тюрьмы послѣдовало въ 1883 году. Система тюремнаго содержанія состоитъ въ одиночномъ заключеніи, за исключеніемъ времени, проводимаго арестантами на практическихъ судовыхъ маневрахъ и общихъ работахъ. Но и въ то время, не смотря на гуртовую, такъ сказать, общую работу, они не вправѣ ни подбодрить другъ друга восклицаніемъ, ни перекинуться словомъ; для нихъ обязательно полное и безусловное молчаніе.

Упражненіе въ практическихъ судовыхъ работахъ производится ежедневно по утрамъ, въ какую-бы то ни было погоду. Такъ какъ, по отбытіи тюремнаго заключенія, наказанные возвращаются снова на службу въ команды морскаго вѣдомства, то задача исправительнаго наказанія преслѣдуетъ не только нравственное ихъ исправленіе и поддержаніе строгой воинской дисциплины, но еще и усовершенствованіе въ пріемахъ морской службы. Для этой цѣли на суднѣ имѣется одна мачта въ полномъ вооруженіи, достаточное число орудій и гребныхъ судовъ. Смотря по состоянію погоды и времени года, производится то парусное, то артиллерійское, то гребное ученіе.

Завѣдываніе пловучею тюрьмою и главное распоряженіе работами арестантовъ возложено на морскаго штабъ-офицера, который пользуется всѣми правами командира судна. Въ помощь ему назначается также морской офицеръ, занимающій положеніе старшаго судоваго офицера. Этими двумя лицами исчерпывается составъ ближайшаго начальства тюрьмы и руководителей арестантовъ. Затѣмъ, подъ начальствомъ старшаго боцмана состоитъ небольшая команда старыхъ, опытныхъ матросовъ, главнымъ образомъ, для обученія арестантовъ морскому дѣлу.

Кромѣ упражненій въ пріемахъ морской службы и содержанія судна въ чистотѣ, арестанты занимаются нѣкоторыми „дозволенными“ ремеслами. Въ средней палубѣ тюремнаго судна устроено для этой цѣли особое помѣщеніе съ необходимыми приспособленіями. Большинство арестантовъ заняты плетеніемъ матовъ, но есть между ними столяры, сапожники и даже портные. Плата, поступающая за эти работы, въ размѣрѣ одной половины принадлежитъ арестанту и выдается ему на руки при выходѣ изъ тюрьмы, другая поступаетъ казнѣ. Въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, начальникъ тюрьмы можетъ уменьшить слѣдуемую арестанту плату до половины, а въ крайнихъ случаяхъ, (на срокъ, впрочемъ, не болѣе одного мѣсяца), на одну треть и даже вовсе лишить заключеннаго всякой платы за работу.

По отзыву тюремнаго начальства, такихъ случаевъ (кромѣ одного, о которомъ рѣчь впереди), со времени учрежденія тюрьмы вовсе не бывало. Заключенные, обреченные на пол-

ное молчаніе во время работъ, тяготятся праздностью и проявляютъ много добровольнаго рвенія къ работѣ, какъ-бы стремясь однообразнымъ механическимъ трудомъ отогнать свои невеселыя думы.

По роду преступленій, большинство заключенныхъ не Богъ вѣсть, какіе преступники. Мелкое воровство, пьянство, промотаніе казеннаго обмундированія, большею частью, приводятъ въ исправительную пловучую тюрьму на шесть, семь, восемь мѣсяцевъ, иногда и на годъ съ мѣсяцами.

Самый пріемъ въ тюрьму свѣже-прибывшаго арестанта обставленъ нѣкоторою внушительною, дисциплинарною обрядностью, разсчитанною, очевидно, на то, чтобы усилить первое впечатлѣніе, произвести должный эффектъ, сразу дать почувствовать, куда и зачѣмъ заключенный, попалъ. Вновь поступившій арестантъ съ мѣста, такъ сказать, ошеломляется. Его запираютъ въ карцеръ на сорокъ восемь часовъ и держатъ эти двое сутокъ на карцерномъ положеніи, т.-е. не даютъ ему другой пищи, кромѣ хлѣба и воды.

Послѣ этого пробнаго двухдневнаго поста заключеннаго выводятъ изъ карцера преображеннымъ. Внѣшность его приведена въ общеарестантскій видъ: онъ тщательно вымытъ, переодѣтъ въ арестантскую куртку, голова острижена подъ корень волосъ, борода и усы (обязательно) тщательно выбриты. Бритье усовъ и бороды производится черезъ день; разрѣшеніе затѣмъ запустить усы и бороду есть мѣра поощренія, своего рода награда, которою вправѣ награждать командиръ, лишь въ случаяхъ выдающихся и притомъ арестанта, пробывшаго въ тюрьмѣ уже значительную часть своего срока. Этимъ отличіемъ страшно гордятся выслужившіе себѣ бороду арестанты. Даже тѣ, кто на свободѣ не носилъ, обыкновенно, бороды, запускаютъ ее здѣсь, лишь только получатъ разрѣшеніе. Среди нѣсколькихъ десятковъ арестантовъ, видѣнныхъ нами въ общей камерѣ за работой, мы замѣтили только двухъ съ почетною растительностью на подбородкѣ. Они держали себя и не такъ приниженно, какъ всѣ другіе арестанты, и не работали сами, а надзирали лишь за работою другихъ.

Кромѣ указанной, слѣдуетъ отмѣтить двѣ другія, гораздо

болѣе цѣлесообразныя, мѣры поощренія арестантовъ, находящіяся въ распоряженіи тюремнаго начальства.

Во время пребыванія своего въ тюрьмѣ каждый заключенный, который и работаетъ исправно, и ведетъ себя хорошо, можетъ получить изъ заработанной имъ суммы незначительную часть (не болѣе 12 копѣекъ разомъ) на-руки—для покупки себѣ чая, сахара и т. п., но только—не табаку. Куреніе безусловно воспрещено. Запрещеніе это, благодаря немногочисленности заключенныхъ и доступности надзора, выполняется весьма строго и по отзыву лица, долго служившаго командиромъ пловучей тюрьмы, лишеніе это едва-ли не считается въ средѣ большинства, привыкшихъ къ куренію, арестантовъ наиболѣе тягостнымъ.

Вполнѣ цѣлесообразною мѣрою поощренія, въ видахъ исправленія арестантовъ, является сокращеніе срока заключенія на одну шестую часть. Такое сокращеніе сроковъ не предоставлено, однако, дискреціонной власти командира тюрьмы; оно можетъ послѣдовать, по его представленію, не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго командира черноморскаго флота.

Параллельно съ мѣрами поощренія, но только далеко превосходя ихъ по своей интенсивности, идутъ мѣры взысканія съ провинившихся арестантовъ.

Дискреціонной власти начальника тюрьмы, и даже отчасти единоличному усмотрѣнію его помощника, предоставлены слѣдующія мѣры взысканія: а) лишеніе права на отдыхъ до четырехъ дней (отдыхъ и прогулки по $^1/_2$ часа полагаются между работою и послѣ обѣда), причемъ на время отдыха и прогулки провинившихся отводятъ въ карцеръ; б) одиночное заключеніе въ свѣтломъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ на время до двухъ недѣль и в) одиночное заключеніе въ темномъ карцерѣ также на хлѣбѣ и водѣ—до восьми дней.

Свѣтлый карцеръ—это крошечная каморка, съ жесткою деревянною койкою и кускомъ солдатскаго сукна вмѣсто подстилки. Въ ней ходить нельзя, но повернуться можно; при томъ-же изъ круглаго судоваго оконца видѣнъ свѣтъ божій. Зато, такъ называемый, „темный“ карцеръ производитъ безусловно удручающее впечатлѣніе... Онъ расположенъ въ самой удаленной, носовой подводной части судна

Мы едва добрались туда черезъ темные переходы между складочными люками, при помощи фонаря, бывшаго у провожатаго. Это даже не каморка, а какой-то ящикъ, куда ввести человѣка нельзя, а можно лишь втолкнуть его и то предварительно пригнувъ ему голову. Здѣсь абсолютный мракъ и днемъ, и ночью. Спать полагается прямо на палубѣ. Въ углу этого карцера мы замѣтили цѣпи. Изъ распросовъ мы узнали, что это кандалы, которые, по распоряженію начальника тюрьмы, могутъ отягчать заключеніе въ карцерѣ на время до семи дней.

Наконецъ, въ распоряженіи начальника тюрьмы, рядомъ съ хитроумными изобрѣтеніями новѣйшей пенитенціарной системы, находится и доморощенная мѣра: право наказанія розгами до пятидесяти ударовъ.

По увѣреніямъ лицъ, начальствующихъ въ тюрьмѣ, изъ числа всѣхъ перечисленныхъ дисциплинарныхъ взысканій къ мѣрамъ квалифицированнымъ почти прибѣгать не приходится; всякія недоразумѣнія улаживаются двумя, тремя днями простого карцера. Мы этому охотно вѣримъ, такъ какъ личность начальника тюрьмы произвела на насъ впечатлѣніе вполнѣ гуманнаго и развитаго человѣка... Но мы описываемъ систему, а не личность.

По замѣчанію компетентныхъ лицъ, вся пенитенціарная система морской пловучей тюрьмы, разсчитанная на строгость дисциплины и возмездія, съ внѣшней стороны, весьма легко и быстро достигаетъ своего назначенія. Буйный, нерадивый, привыкшій къ вольностямъ и пьянству матросъ сразу попадая въ ежевыя рукавицы прославленной пенитенціарной системы, съ ея обязательнымъ молчаніемъ, автоматическимъ послушаніемъ и однообразіемъ судоваго режима, чувствуетъ себя пойманнымъ звѣремъ и ему не остается ничего другого, какъ смириться, подавить свое „я“; смолкнуть, затихнуть, замереть... Все разсчитано на обезличеніе человѣка, на механическое, такъ сказать, усмиреніе, обузданіе его волевыхъ импульсовъ. На время заключенія онъ дѣйствительно отказывается отъ всякихъ волевыхъ побужденій, сбрасываетъ ихъ съ себя, какъ ненужную одежду, и живетъ или, по крайней мѣрѣ, старается жить исключительно растительною жизнью. За отсутствіемъ живыхъ,

разнообразныхъ ощущеній, сознаніе, и безъ того слабо развитое, перестаетъ почти вовсе работать.

Періодъ одиночнаго, молчаливаго заключенія,—для большинства мало развитыхъ арестантовъ,—отнюдь не есть „школа“ нравственнаго перерожденія или духовнаго самоуглубленія; напротивъ, это абсолютная духовная спячка, временная летаргія, освобождающая ихъ совершенно отъ необходимости думать и разсуждать. Вотъ почему,—по отзыву хотя-бы тѣхъ-же служащихъ на пловучей тюрьмѣ,— получаются, повидимому, столь странные и неожиданные (для поклонниковъ подобной пенитенціарной системы) результаты. Образцовый арестантъ, съ необыкновенною покорностью отдающійся всѣмъ пенитенціарнымъ воздѣйствіямъ, покорный, послушный, повидимому, совершенно „исправившійся“ подъ вліяніемъ тюремнаго режима, разъ выпущенный (иногда даже до срока за свое примѣрное благонравіе) на свободу, очень быстро становится рецидивистомъ и, затѣмъ къ изумленію тюремнаго начальства, снова не оставляетъ желать ничего лучшаго въ качествѣ арестанта.

Наоборотъ, замѣчено, что наиболѣе строптивые арестанты, на которыхъ никакія мѣры исправленія не дѣйствовали, съ которыми была настоящая мука въ тюрьмѣ, на свободѣ служили исправно и болѣе въ тюрьму не попадали.

Такимъ образомъ, получается нѣчто весьма поучительное: кого не успѣвала „исправить“ т. е. окончательно поборотъ, придавить тюрьма, тѣ умѣли справляться съ новыми, болѣе сложными требованіями свободной жизни; выпущенные-же изъ тюрьмы, съ одобрительнымъ аттестатомъ „вполнѣ исправившихся“, дѣлались неисправимыми рецидивистами, годными только для тюремной жизни.

Подобный результатъ не является, само собой разумѣется, исключительною принадлежностью описываемой нами военно-морской тюрьмы. Вся современная пенитенціарная система заключенія грѣшитъ однимъ и тѣмъ-же. Мы отмѣчаемъ здѣсь это явленіе лишь потому, что намъ дорого свидѣтельство лицъ, которыя, сами будучи весьма далеки отъ мысли критиковать существующую систему, тѣмъ не менѣе, на основаніи многихъ лѣтъ практики, съ удивленіемъ останавливались на подобномъ выводѣ.

Арестантскія помѣщенія на пловучей тюрьмѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Порядокъ и чистота образцовыя, какъ это заведено на всѣхъ военно-морскихъ судахъ. Каждый арестантъ имѣетъ свою каютъ-камеру, которую самъ убираетъ и въ которой проводитъ взаперти ночное время и время дневнаго отдыха. День проводится на работахъ на палубѣ, или въ мастерской, или же, наконецъ, въ классной комнатѣ, гдѣ арестантовъ учатъ грамотѣ подъ руководствомъ старшаго офицера. Постоянно живущаго на суднѣ священника не полагается, но въ канунъ праздниковъ и въ самые праздники, въ особо для этой цѣли приспособленной молельнѣ, рядомъ съ классной комнатой, происходитъ богослуженіе. Для этого командируется одинъ изъ портовыхъ, севастопольскихъ священниковъ, который, согласно существующей на этотъ предметъ инструкціи, сверхъ исполненія обычныхъ духовныхъ требъ и отправленія богослуженія, обязанъ обращаться съ „поученіемъ“ къ заключеннымъ.

Продовольствіе и пища арестантовъ ничѣмъ не отличаются отъ общепринятаго довольствія нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства, и, потому, безусловно хороша. У арестантовъ здоровый и сытый видъ. Ихъ кормятъ три раза въ день, давая завтракъ, обѣдъ и ужинъ. На случай заболѣванія арестантовъ, на пловучей тюрьмѣ имѣется небольшой тюремный лазаретъ. Отдѣльныя каюты арестантовъ настолько удовлетворительны по своему объему, что, по соглашенію начальника тюрьмы съ врачемъ, больному можетъ быть разрѣшено лечиться и не оставляя своей камеры. Отправленіе больнаго въ береговой лазаретъ практикуется лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: при заразительности болѣзни, недостаткѣ помѣщенія, помѣшательствѣ и т. п. При тюрьмѣ состоитъ военно-морской врачъ, который производитъ освидѣтельствованіе заключенныхъ обязательно разъ въ недѣлю.

Достойно быть отмѣченнымъ правило, въ силу котораго все время, проведенное больнымъ въ лазаретѣ, вовсе не засчитывается ему въ срокъ заключенія. Такой зачетъ возможенъ лишь съ разрѣшенія главнаго командира черноморскаго флота и то, въ строго опредѣленныхъ закономъ, случаяхъ. Если этою мѣрою имѣлось въ виду парализовать

случаи притворнаго заболѣванія, то, казалось-бы, другимъ существующимъ на ряду съ этимъ правиломъ подобное опасеніе достаточно уже устранено. Въ случаѣ притворной болѣзни заключеннаго или умышленнаго нанесенія имъ себѣ вреда (это обстоятельство должно быть удостовѣрено врачемъ) начальникъ тюрьмы подвергаетъ виновнаго строгому дисциплинарному наказанію и, сверхъ того, ему можетъ быть продленъ срокъ содержанія. Такимъ образомъ, предыдущее правило имѣетъ въ виду дѣйствительно-больныхъ въ тюрьмѣ, которымъ удлиняется срокъ заключенія только потому, что они имѣли несчастіе заболѣть. Это, конечно, несправедливо.

Внѣшняя охрана судна и арестантовъ лежитъ не на судовой командѣ, которая весьма незначительна по своей численности, а на особомъ „караулѣ", наряжаемомъ подъ командою флотскаго оберъ-офицера изъ морскихъ береговыхъ командъ и смѣняемомъ черезъ каждыя сутки. Начальствующіе въ тюрьмѣ находятъ присутствіе этого пришлаго, ежедневно измѣняющагося, состава „караула" неудобнымъ въ цѣляхъ пенитенціарныхъ. Не говоря уже о томъ, что такой пришлый элементъ не проникается задачами и цѣлями, преслѣдуемыми лицами, постоянно завѣдующими тюрьмою, бываютъ случаи, яко-бы, и небрежнаго отношенія къ дѣлу. Приходящіе на караулъ, по большей части, молодые матросики, не смотря на всѣ запреты и предупрежденія, вносятъ жизнь и живые интересы въ это мертвое царство скорби и молчанія... И погуторить они не прочь съ своимъ братомъ заключеннымъ, и подѣлиться съ нимъ табачкомъ, чуть отвернулъ въ сторону свои важные, щетинистые усы безпощадный ригористъ, старшій боцманъ.

— Никакого сладу съ ними нѣтъ!— жаловался намъ этотъ почтенный поборникъ тюремной дисциплины,—ты ему вѣрно объясняешь: нельзя, молъ, разговаривать, запрещено!.. а ёнъ тебѣ: „я потихоньку!.." Безъ всякаго понятія народъ.

Вооруженная стража размѣщается не только на палубѣ, по борту судна, но и внутри, въ арестантскихъ мастерскихъ и вкругъ камеръ заключенныхъ. Бѣгство казалось-бы невозможнымъ и безполезнымъ. Мало выбраться изъ тюрьмы, надо еще плыть до берега весьма значительное разстояніе. Тѣмъ

не менѣе, за время существованія тюрьмы былъ, все таки, одинъ такой случай и объ этомъ ловкомъ и смѣломъ побѣгѣ ведется подробное сказаніе въ лѣтописяхъ тюрьмы.

Бѣжалъ молодой арестантъ, которому и оставалось-то изъ семи мѣсяцевъ всего еще мѣсяцъ отсидѣть въ тюрьмѣ. Однако, онъ не выдержалъ и, не смотря на всѣ препятствія, не смотря на грозящія послѣдствія, бѣжалъ такъ смѣло и ловко, что тюремное начальство только ахнуло, когда его не оказалось на вечерней перекличкѣ. Подъ вечеръ въ небольшой партіи арестантовъ онъ мылъ швабры на нижней площадкѣ судоваго трапа. Партія охранялась часовыми, которые съ ружьями въ рукахъ не спускали глазъ съ работавшихъ арестантовъ. Тѣмъ не менѣе, случай ему помогъ: въ суматохѣ, когда арестанты столпились, чтобы взбираться по трапу, на судно онъ осторожно, какъ-бы оступившись, юркнулъ въ воду, нырнулъ подъ судно (онъ былъ отличный пловецъ) и былъ таковъ. Арестанты знали о предстоящемъ „отвалѣ“ товарища и, конечно, молчали; стража-же ничего не замѣтила. Его поймали только спустя много дней, уже въ Бахчисараѣ, гдѣ онъ плясалъ въ кабакѣ, переодѣвшись татариномъ. Оказалось, что доплывъ до глубины южной бухты (постепенно раздѣвшись въ водѣ до нага), онъ вышелъ на берегъ только ночью. Его пріютилъ какой-то сердобольный татаринъ, повѣрившій его разсказу о томъ, что его платье унесли въ то время, пока онъ купался.

Несчастный бѣглецъ дорого поплатился за свою отважную попытку. По распоряженію совѣта тюрьмы *), утвержденному управленіемъ морскаго министерства, онъ былъ на шесть мѣсяцевъ заключенъ одиночно на карцерномъ положеніи.

Лѣтопись пловучей тюрьмы, не смотря на кратковременность свою, знаетъ также одинъ случай дерзкаго буйства. Одинъ арестантъ, отличавшійся крайнею безотвѣтностью и покорностью, однажды, вдругъ и, повидимому, ни съ того, ни съ сего, хватилъ кулакомъ по головѣ младшаго боцмана, нагнувшагося зачѣмъ-то къ полу, съ такою силою, что тотъ лишился чувствъ...

*) Тюремный совѣтъ состоитъ изъ начальника тюрьмы, его помощника, врача, священника и завѣдующаго хозяйствомъ. Его рѣшенія касаются случаевъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти начальника тюрьмы и подлежатъ утвержденію высшаго начальства.

Этого судили и осудили по всей строгости военныхъ законовъ о дисциплинѣ Въ тюрьму онъ больше не вернулся. Разсказывая намъ подробности этихъ выдающихся случаевъ, служащіе въ тюрьмѣ приписывали эти два явленія простой случайности—„въ семьѣ не безъ урода“; въ общемъ же они отзывались съ большою похвалою о поведеніи и нравственности заключенныхъ. Случаи упорнаго нерадѣнія или непослушанія такъ рѣдки, что о нихъ не стоитъ говорить... кромѣ одного, впрочемъ, разсказъ о которомъ сохранился въ нашей памяти.

Заключенный, отличавшійся въ общемъ безукоризненнымъ поведеніемъ, и усердіемъ къ морской службѣ, съ замѣчательнымъ, несвойственнымъ его характеру, упорствомъ отлынивалъ отъ всякихъ ручныхъ работъ въ мастерскихъ. Особенно онъ ненавидѣлъ плетеніе матовъ. Его наказывали лишали заработной платы, сажали въ карцеръ — ничто не помогало... Наконецъ, его посадили въ темный карцеръ. Онъ стоналъ, плакалъ, жаловался на свою судьбу, на людскую несправедливость... Начальникъ тюрьмы лично отправился въ карцеръ, чтобы объясниться съ нимъ на единѣ, подѣйствовать на него внушеніемъ.

Наказанный, сопровождая свою исповѣдь горькими рыданіями, сталъ увѣрять, что не лѣнь не позволяетъ ему работать, но что во время работы съ нимъ дѣлается что-то странное: онъ перестаетъ какъ будто вовсе осязать лѣвою рукой, все валится у него изъ пальцевъ... То, что дается другимъ безъ особаго труда, ему кажется непреодолимо тягостнымъ.

Его освободили изъ карцера, и учредили за нимъ правильный врачебный надзоръ. Оказалось, что у него — нарождающійся параличъ лѣвой руки. Онъ не рѣшался заявить о своей болѣзни ранѣе, изъ боязни попасть въ лазаретъ и этимъ добровольно продлить срокъ своего заключенія...

Впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ часового пребыванія на пловучей тюрьмѣ *), и заключились этимъ поучительнымъ разсказомъ.

---

*) Осмотръ тюрьмы разрѣшается не иначе, какъ съ согласія командира севастопольскаго порта.

Не смотря на безупречный порядокъ и лощеный видъ этой новой, оригинальной тюрьмы, не смотря на радушный и предупредительный пріемъ, встрѣченный нами, мы не безъ чувства удовольствія поспѣшили въ ожидавшую насъ „вольную“ шлюпку, которая легко и быстро понесла насъ къ Графской пристани по зеркальной поверхности рейда, залитаго яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, оглашеннаго тысячами голосовъ кипящей вокругъ дѣятельный жизни. Въ эту минуту съ „пловучей тюрьмы“ раздалось стройное, но глухое и монотонное пѣніе предъ обѣденной молитвы заключенныхъ...

Лодочникъ мой, почтенный севастополецъ-ветеранъ, до той минуты упорно хранившій сосредоточенное молчаніе неожиданно обратился ко мнѣ:

— Осмотрѣли все?.. — и на мой утвердительный отвѣтъ съ философскимъ добродушіемъ замѣтилъ: — А по моему, гдѣ ни держи человѣка подъ замкомъ, на водѣ или на сухопутьи,—все одна мука... все тюрьма!

Я съ нимъ согласился.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія III
Какъ я сталъ адвокатомъ . . . . . V—LXX
Современная французская адвокатура и новая школа судебнаго краснорѣчія 1
Французскій адвокатъ XVIII столѣтія 42
А. Я. Пассоверъ 87
Н. І. Холева 95
В. И. Жуковскій 98
П. А. Александровъ 102
Итоги Струсбергскаго процесса 109
Въ круглой залѣ московскаго суда 151
Дѣло о «большой аваріи» 161
Колдуны и чародѣи 218
Дѣла съ религіозной подкладкой 236
I. Новые апостолы скопчества 236
II. Еще скопцы 250
III. Еретики спасова согласія 255
IV. Сектантская пропаганда 257
V. Отписка отъ православной церкви 263
VI. «Еврейское жертвоприношеніе» 266
Драмы семейно-крестьянской жизни 281
Дѣла военнаго быта. 295

Страницы.

Безумные или преступные?
I. Злая мачиха 305
II. Страшный грабитель 312
III. Мальчикъ-отцеубійца 319
IV. Замѣчательный подсудимый 324
V. Клептоманка 330
Романы дѣйствительной жизни.
I. Загадочное самоубійство 333
II. Бракоразводное дѣло 344
III. Проститутка-убійца 350
IV. Плодъ крѣпостной культуры 360
V. Неудавшееся покушеніе 374
VI. Дама высшаго свѣта 388
По поводу двухъ кассацій 399
Полицейскіе дома въ Петербургѣ 407
Плавучая тюрьма 448

